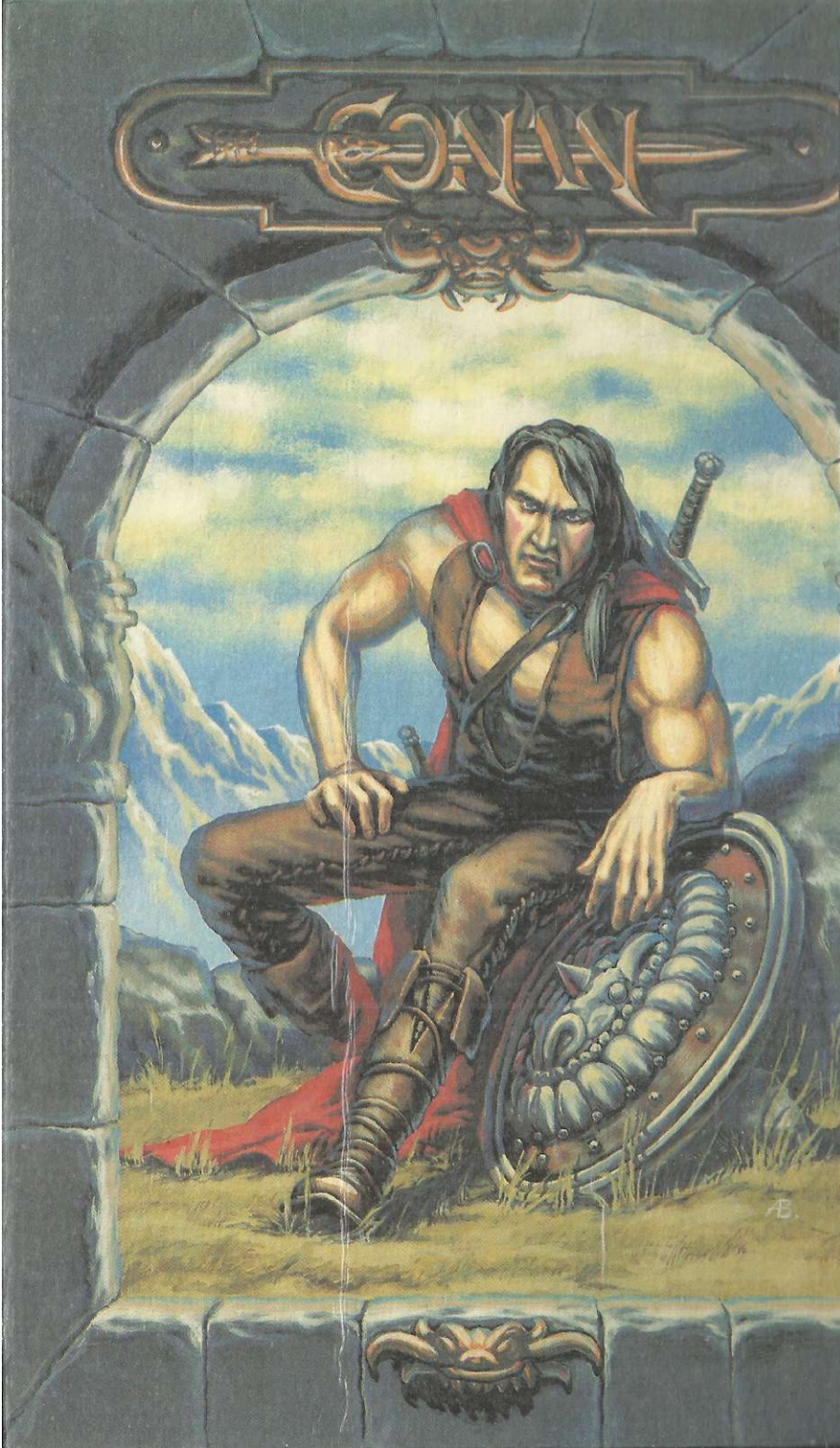

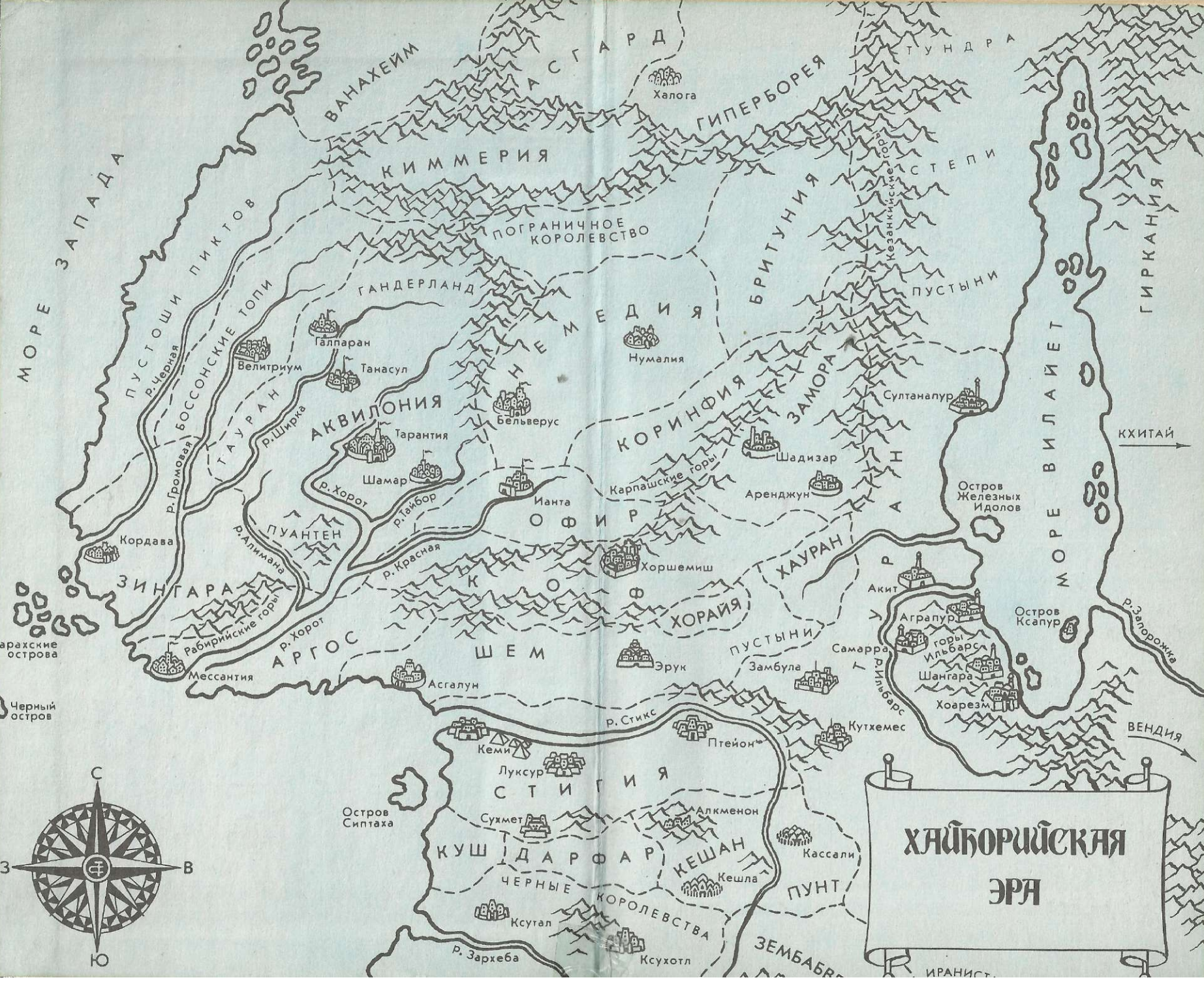
fantasy

6

КОНАН

Северо-Запад®

ЭНМ
КОНАН
И
ПЕСНЯ СНЕГОВ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

Конан и Песня Снегов: Романы, повести / Пер. с
К 64 англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 491 с.
ISBN 5-8352-0169-9

«Песня Снегов» — шестая книга из саги о Конане-киммерийце. В ней повествуется о юности Конана. После одной из своих первых битв будущий великий герой Хайборийской эры тяжело раненным попадает в плен к асирам. Мужество, несгибаемая воля и прекрасные физические данные приводят молодого киммерийца на гладиаторскую арену. Конан — гладиатор... Что может быть более захватывающе и интересно?..

В настоящее издание также вошли блестящий роман «Волшебные Камни Курага», повести «Диадема Богини» и «Кинжалы Дездемы».

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-8352-0169-9

© Е. Хаецкая, А. Циммерман, А. Чех, перевод, 1993.

© Издательство «Северо-Запад», оформление, подготовка текста, 1993.

® СЕРВЕРО-ЗАПАД, Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

Дуглас Брайан
ПЕСНЯ СНЕГОВ

Пролог

Низко висела полная луна, озаряя поле битвы призрачным светом. Сражение закончилось час или два назад, и победители жгли костры на заснеженных холмах Гипербореи, перевязывая раны, подбирая убитых, подкрепляясь мясом и вином из походных запасов. Они слишком устали для того, чтобы радоваться сейчас поражению противника, хотя враг их, безусловно, заслуживал уважения — то была дикая орда киммерийцев, молодых, горячих голов, что, подобно стае волков, рыскала по землям асиров и ваниров, грабя и заливая кровью крепости и поселения.

— Эти киммерийцы дерутся, как дьяволы, — сказал сидевший возле костра высокий воин с вислыми, пшеничного цвета усами. Красный рубец наискось пересекал его суровое лицо.

— Вот уж точно, — отозвался другой, отняв ото рта кожаную флягу с вином. Красная капля — не то вина, не то крови из рассеченного в схватке уха — потекла по его белой бороде, но асир даже не заметил этого. — А где твой брат, Синфьотли, Сигмунд?

— Я видел, как он упал, — ответил Синфьотли. Он помолчал немного, потрогал пальцами рубец и с трудом поднялся на ноги.

— Ты куда? Искать его? Думаешь, он еще жив?

— Не знаю. Если убит — заберу его тело. Холодно ему в снегу, среди чужих, — сказал Синфьотли негромко.

Его собеседник покачал головой, однако говорить ни-

чего не стал. Огромная в свете костра тень Синфьотли упала на снег. Северянин был рослым, широкоплечим человеком. Длинные белокурые волосы выбивались из-под кожаного шлема, обшитого полосками меди. Медная пластина прикрывала переносицу, придавая профилю Синфьотли идеальные очертания. Но когда он снял шлем и отбросил с разгоряченного лица волосы, умываясь пригоршней снега, обнаружился крючковатый, похожий на клюв хищной птицы нос.

Тяжело ступая по снегу, Синфьотли побрел по белой равнине, среди темных пятен крови и светлых пятен разбитых круглых щитов. То и дело он наклонялся, вглядываясь в лица убитых асиров, своих соплеменников. Их нетрудно было отличить от темноволосых киммерийцев даже в неверном лунном свете.

Взобравшись по склону пологого холма в полумиле от лагеря победителей, Синфьотли остановился. Человек восемь или десять беловолосых рослых воинов лежали в снегу так, словно штурмовали какую-то несокрушимую твердыню, накатываясь на нее волна за волной, да так и не сумели покорить. Разбитые шлемы, пропитанный кровью снег, обломки оружия валялись под ногами.

Склонившись над убитыми, Синфьотли осторожно перевернул одного из мертвецов лицом вверх. Луна озарила помутневшие светлые глаза, острые скулы, крючковатый нос мертвого асира — казалось, Синфьотли смотрит в зеркальную гладь тихого озера на свое отражение. Застонав, он закрыл глаза руками и опустил в снег рядом с убитым братом.

— В один час родила нас одна мать, — глухо проговорил Синфьотли, обращаясь к убитому, и кровавая луна молчаливо внимала его жалобе, возносясь все выше и выше на черное небо. — О Сигмунд, как две руки были мы с тобой, как два зорких глаза. Как жить мне теперь, когда половина моя осталась в этих снегах мертвой? Как сражаться мне, если отрублена моя правая рука? Сигмунд, что я скажу нашей матери?

Он замолчал. Несколько мгновений над безмолвным полем брани царила полная тишина. И вдруг ее пререзал чей-то хриплый, каркающий голос. Кто-то, невидимый в темноте, не то лаял, не то кашлял, не то пытался засмеяться. Нельзя было даже определить, человеку принадлежал этот голос или дикому зверю, пришедшему сюда на

кровавое пиршество. Синфьотли вздрогнул от неожиданности.

Затем, выговаривая слова с жестким акцентом и порой с неправильным ударением, тот же голос произнес:

— Послушайте только, как он поет, этот грязный асир с желтой паклей вместо волос.

Груда трупов зашевелилась, и над простертыми телами, шатаясь, поднялся израненный киммерийский воин. На нем была куртка из волчьих и собачьих шкур; мех клочками был вырван и кое-где слипся от засохшей крови. Длинные нечесанные волосы, черные как вороново крыло, висели сосульками. Правая половина лица почернела, залитая кровью, вытекавшей из раны на голове; один глаз заплыл. Но здоровый глаз киммерийца сверкал звериной злобой.

Синфьотли видел, что тот едва стоит на ногах и вот-вот рухнет, и потому не стал даже прикасаться к своему оружию. Он ждал. Неверным шагом раненый киммериец приблизился к асиру, сжимая иззубренный меч обеими руками. Он остановился прямо перед Синфьотли и широко расставил ноги, чтобы вернее сохранить равновесие.

— Ну, что же ты, асир? — хрипло сказал он. — Разве ты не хочешь отправиться за своим братом? Он ждет тебя!

Синфьотли молча смотрел на него. Киммериец с усилием поднял меч и выкрикнул, как боевой клич, имя своего бога:

— Кром!

В тот же миг асир одним прыжком оказался на ногах. Сильный удар кулака заставил киммерийца пошатнуться и с непроизвольным стоном выронить меч. Второй удар, нацеленный в грудь, сбил киммерийца с ног. Крепкая рука Синфьотли ухватила его за волосы, жесткое колено уперлось в спину. Киммериец захрипел. Кровавая пена показалась в углу рта. Синфьотли ударил его по затылку рукоятью кинжала, после чего взвалил себе на плечо и потащил к кострам, сгибаясь под тяжестью своей ноши.

Утро застало асиров спящими. Костры погасли. За ночь от тяжелых ран умерло еще несколько человек. Раненых, завернутых в меховые плащи, уложили на волокуши, чтобы женщины могли исцелить их. Тех, кто явно не перенесет тягот перехода по снегам до Халоба, по распоряжению Синфьотли быстро и умело добили и похоронили

на холме, в отогревшейся под кострами земле. Тело брата Синфьотли забрал с собой, и никто не посмел ему возражать, таким мрачным выглядел он в это утро. О трупах побежденных пусть позаботятся голодные волки — их оставили непогребенными.

Пленник Синфьотли, привязанный к дереву возле одного из костров, очнулся от тяжелого забытья. Грубые руки трясли его и безжалостно терли снегом его израненное лицо. Он шевельнул головой, дернулся и зарычал, скаля зубы, как дикий зверь. Синфьотли зло засмеялся и отдернул руку, которую тот попытался укусить. Он вновь схватил киммерийца за волосы, бесцеремонно обращая его лицо к яркому солнечному свету. Комок снега растаял и сполз по щеке пленника, точно слеза.

— Клянусь Иггом! Да ты совсем еще ребенок! — воскликнул асир удивленно.

Ярко-синие глаза киммерийца вспыхнули. Он снова лязгнул зубами, норовя дотянуться до своего мучителя. На этот раз Синфьотли резко ударил его по губам. По подбородку киммерийца потекла кровь.

— Ах ты, звереныш, — проговорил Синфьотли с удовлетворением.

Несколько асиров наблюдали за этой сценой. В толпе послышались смехи и советы.

— Научи его покорности, Синфьотли! — крикнул один из них, рыжий толстяк с бородой, заплетенной в пышную косу. — Сверни его в бараний рог! Нечего этому щенку класать зубами!

— Напрасно ты смеешься, Торир, — нарочито громко сказал другой, тощий, с уродливым шрамом на щеке. — Видишь, Синфьотли поймал жениха для своей маленькой дочери. Конечно, тут всякий будет лязгать зубами. Сейчас он накинёт на беднягу аркан и потащит женить.

Взрыв хохота, следовавший за этой ядовитой репликой, заставил Синфьотли побелеть от гнева.

— Потихе, Сверчок Арнульф, — проговорил он с угрозой в голосе. — Иначе я выпущу на снег твои кишки и скажу, что так и было.

— Ха! Что тебя рассердило, Синфьотли? Всем известно, что твоя дочь никогда не выйдет замуж, ведь она глухая, как бревно. Разве это новость?

Синфьотли заскрежетал зубами. Никто не успел остановить его, так мгновенно выхватил он из-за пояса кин-

жал и метнул в насмешника. От злости и волнения асир промахнулся, и клинок, глухо стукнув, вонзился в волокуши за спиной Арнульфа.

Наступила тишина. Асиры расступились, и Синфьотли, все еще дрожащий от гнева, увидел рукоять своего кинжала, украшенную красным камнем, торчащей из мехового плаща, в который было завернуто тело Сигмунда.

— Дурной знак, — в общем молчании произнес рыжий Торир. — Ты второй раз убил своего брата, Синфьотли.

Киммериец следил за происходящим неподвижным взглядом, и в его ледяных глазах застыла терпеливая, звериная ненависть.

Глава первая

Мальчика-киммерийца звали Конан. Несмотря на свой юный возраст, он успел уже побывать во многих сражениях, принял участие не в одном разбойничьем набеге и постепенно превратился в довольно опасного противника. Он был высок и хорошо сложен. Ему было известно, что мать родила его на поле битвы. И теперь, пятнадцать лет спустя, юноша был готов без колебаний расстаться с подаренной ему богами жизнью на таком же кровавом поле брани. Но судьба зло подшутила над ним, распорядившись иначе. Тот, кого Конан избрал своим последним противником, не стал убивать уставшего и ослабевшего от ран воина — легкую добычу, — а вместо этого взял его в плен и обратил в раба.

Со связанными руками и веревкой на шее Конан брел по снегу следом за волокушами, на которых асиры везли своих раненых и тело Сигмунда. Еще двое пленников упрямо ступали рядом. Один из них был Конану хорошо знаком — Тилен, старше Конана всего на два года, давний его товарищ. Конан презирал их за то, что они позволили асирам захватить себя. Но куда пуще жег его стыд. Почему желтоусый не убил его? Конан не хотел жить побежденным. Он выбрал смерть и теперь всем своим существом протестовал против той жалкой участи, которую ему пытались навязать. Кусая губы в кровь, он снова и снова вызывал в своей памяти то мгновение, когда чужие пальцы ухватили его за волосы, а он, Конан, бессильно про-

стертый лицом вниз на снегу, ничего не мог сделать против ненавистного асира, навалившегося, как медведь.

На привале Синфьотли осмотрел раны своего пленника, смазал их вонючим бараньим жиром и перевязал куском серого полотна. Ни благодарности, ни простой признательности за заботу асир от Конана не увидел. Ему пришлось связать руки юноши за спиной, стянув узел на локтях, и засунуть ему в рот рукавицу, чтобы тот не кусался. Только после этого Синфьотли удалось спокойно заняться ранами киммерийца, из которых одна, едва не задевшая легкое, была довольно серьезной. Полный нескрываемой ненависти взгляд неотступно следовал за асиром, пока тот оставался в поле зрения Конана. Синфьотли это не слишком беспокоило.

Наоборот. Чем более яростным казался мальчишка сейчас, тем лучше будет он выглядеть на гладиаторских боях в Халоба, а его победы на арене (Синфьотли не сомневался в том, что они будут блистательными и кровавыми) принесут хозяину юноши немало золота.

Золото. Приданое для дочери, для Соль, у которой такие прекрасные золотые волосы. Девочка родилась глухонемой, а мать ее умерла в родах. Оба брата, и Сигмунд, и Синфьотли, так и не смогли избавиться от нежности к этому хрупкому существу. Они понимали, что нужно бы жениться на крепкой молодой женщине, которая нарожала бы им здоровых сыновей. Оба они могли, не дрогнув, зарезать беспомощного пленника; им случалось добивать раненых, убивать стариков, насиловать женщин, но маленькая Соль вызывала у них странное, трепетное чувство. Сейчас ей шел четырнадцатый год.

Резким движением Синфьотли выдернул рукавицу из рта киммерийца и сунул ему кусок вяленой рыбы. Тот выплюнул еду на снег. Синфьотли подобрал рыбу, подошел к киммерийцу вплотную и, глядя в пылающие синие глаза пленника, негромко проговорил:

— Ешь.

Конан сипло засмеялся прямо асиру в лицо. Когда Синфьотли отвернулся, юноша наклонил голову и начал зубами срывать повязку с раны. Увидев это, асир выругался и снова всунул пленнику клеп.

— Тебе не укротить его, Синфьотли,— сказал подошедший Торир.

— Я и не собираюсь этого делать,— огрызнулся Син-

фьотли.— Эти киммерийцы упрямый народ. И к тому же дикий.

Торир усмехнулся и пригладил роскошную бороду. Его маленькие глазки окинули цепким взглядом мускулистую фигуру Конана, крепкие широкие плечи, длинные ноги.

— Хочешь выгнать его на гладиаторскую арену, а?

— Угадал.

Торир опять хмыкнул. Приблизившись к Конану — как приблизился бы к привязанному на веревку волку или молодому медведю,— асир отвел с лица юноши спутанные черные волосы и взгляделся в его черты.

— Да ты, никак, стал сражаться с малыми детьми, Синфьотли? — сказал Торир, отворачиваясь от Конана.— Он же совсем еще мальчик.

— В темноте было не разглядеть,— отозвался Синфьотли.— А бился он как взрослый, можешь мне поверить, да и по сложению он уже как зрелый мужчина.

Торир по-хозяйски ощупал стальные мышцы Конана, перекатывающиеся под рваной меховой курткой, и неожиданно предложил:

— Продай его мне. Я отдам тебе часть добычи. Он принесет тебе несчастье, вот увидишь.

— Он принесет мне золото.

— Надеешься все же приручить этого звереныша?

Синфьотли покачал головой.

— Нет. Даже если он станет есть из моих рук, с ним всегда нужно будет держать наготове нож. Он из тех, кто начнет лакать кровь из ран врага, если в горячке боя его одолеет жажда. Посмотри в его глаза. Сомневаюсь, чтобы он умел что-либо, кроме как убивать. Гляди-ка.

С этим словом Синфьотли сильно ударил Конана кулаком по разбитой скуле. В ответ послышалось лишь глухое яростное рычание.

— Сомневаюсь, чтобы он чувствовал боль,— сказал Синфьотли.— Таким-то он мне и нужен.

— Тебе видней,— разочарованно сказал Торир и ушел.

Ослабев от ран и голода, Конан шел по снегу, и жесткая петля на шее жгла его так, словно ее пропитали змеиным ядом. Это была жгучая отравка позора. Он хотел умереть. А Синфьотли каждый вечер менял повязку на ране, которая, к великой злобе Конана, начала затяги-

ваться. Молодость брала свое, несмотря на упорное сопротивление киммерийца.

Каждый вечер, перед тем как заснуть, Синфьотли надежно привязывал своего пленника, так, чтобы тот не мог ни дотянуться до повязки и сорвать ее (дважды ему это все-таки удавалось, и Синфьотли останавливал кровь, а пленник усмехался окровавленным ртом ему в лицо), ни выкатиться с теплого лапника в снег и замерзнуть насмерть. Ощущая прикосновение жестких уверенных рук асира, киммериец вздрагивал. Синфьотли лечил его, как vyhаживал бы нужное ему животное — пса или ловчего сокола. Никто никогда не обращался с Конаном подобным образом.

На третий день похода все повторилось сначала. Дрожа от гнева, киммериец уставился холодными синими глазами на горло Синфьотли. А тот, поймав взгляд своего пленника, вдруг усмехнулся и провел рукой по его растрепанным черным волосам.

— Ну что, малыш, мечтаешь перегрызть мне глотку? — спросил он почти ласково.

Давясь кляпом, Конан захрипел. Синфьотли снова засмеялся и снова погладил его по волосам.

— Умница, Медвежонок. Ты принесешь мне удачу, — продолжал Синфьотли вполголоса, как будто вел с ним старый душевный разговор. Асир как будто не замечал неукротимой ярости молодого киммерийца. Связанный, с торчащей из распыленного рта меховой рукавицей, он упорно продолжал сражаться за свою смерть. Конан не желал принимать помощи от врага.

Синфьотли в последний раз осмотрел повязку и выпрямился.

— Скоро все будет в порядке. На тебе все заживает быстро, как на собаке.

Ноздри пленника дрогнули и раздулись — больше ничем он не мог выразить свою злобу. В синих глазах полыхнул огонь. Синфьотли прищурился с откровенной насмешкой.

— Я ведь все равно получу от тебя свое, малыш, — сказал он. — Не воображай, что я добиваюсь твоего доверия. Мне вовсе не нужно, чтобы ты меня любил. Мне нужно только одно: чтобы ты был здоров и хотел убивать. Не хочешь ли перекусить?

Асир лорылся в своем мешке и вытащил краюху

серого хлеба. Он разломил хлеб пополам и поднес к носу Конана.

— Это последний хлеб, мальчик. Ты недурно сэкономил мои припасы, добровольно отказываясь от еды, но, по моему, пора уже остановиться. Через день или два мы будем уже в Халоба. Поешь. Если ты действительно хочешь убить меня, тебе понадобятся силы.

Конан скосил глаза на хлеб. Запах проникал в его сознание и сводил с ума. Вся молодая, здоровая натура пятнадцатилетнего юноши бунтовала против его упрямого стремления уморить себя голодом.

Синфьотли вынул кляп из рта пленника.

— Так ты будешь есть? — повторил он свой вопрос.

— Будь ты проклят, — сипло, с трудом выговорил Конан, еле ворочая распухшим языком. Он жадно схватил зубами хлеб и начал заглатывать кусок целиком, содрагаясь всем телом и давясь, как изголодавшийся пес. Асир, усмехаясь в усы, поднес к его рту флягу с вином. Конан сделал большой глоток и захлебнулся. Часть вина пролилась, запятнав покоробившуюся от засохшей крови куртку варвара. Конан кашлял и задыхался, чувствуя, что его вот-вот тошнит.

Щуря свои светлые, почти бесцветные глаза, асир наблюдал за юношей с насмешливым сочувствием. Конан бесился под этим взглядом. Слюна потекла у киммерийца по подбородку, но он даже не заметил этого.

— Еще хлеба? — предложил асир и опять поднес ко рту Конана краюху. Тот потянулся и клацнул в воздухе зубами. Синфьотли засмеялся.

Асиры, готовившиеся к ночлегу и разводившие костры, на минуту оторвались от повседневной работы, чтобы поглазеть на неожиданную потеху. Громче других заливался толстый Торир.

— Эй, Синфьотли, тебе достался щенок от славной суки! — кричал он. — Корми его получше, только и всего! Ишь как лязгает! Того и гляди, руку откусит!

Конан метался, насколько позволяли путы. Из его горла вырывалось глухое рычание. Запах хлеба все сильнее дразнил его. И, как еще вчера он страстно мечтал о смерти, так в это мгновение он иступленно хотел жить. Жить, чтобы набраться сил и в один дивный, желанный миг своими руками разорвать желтоволосого асира. Ему нужно быть сытым. Он будет жить и убивать.

Конан снова дернулся, стараясь ухватить кусок хлеба. На этот раз Синфьотли оказался менее проворным, и острые зубы киммерийца вонзились и в хлеб, и в державшую хлеб руку. Синфьотли закричал и разжал пальцы. Из укуса потекла кровь. Под общий смех Конан проглотил отвоеванный кусок.

Вытирая кровь о штаны, Синфьотли левой рукой выломал сук с дерева, к которому был привязан его пленник.

— Ах ты, Медвежонок, — выговорил он сквозь зубы. — Из тебя получится добрый медведь. Мне нравится твоя строптивость, но это вовсе не значит, что ты не будешь за нее наказан.

Асир размахнулся и огрел Конана палкой по здоровому боку. В ответ молодой варвар вскинул голову и, глядя прямо в бешенные глаза Синфьотли, громко и звонко расхохотался, блестя белыми крепкими зубами.

Глава вторая

Стены Халоба были уже видны в свете луны с холма — грубо сложенные необработанным булыжником стены, за которыми притаились приземистые дома с крошечными окошками, либо вовсе без окон, — когда в лагере асиров послышался голос:

— Синфьотли! Тело твоего брата! Оно исчезло!

Пленивший Конана асир вскочил как подброшенный, хотя перед этим он лежал, развалившись на теплом лапнике, и грыз хвою.

Арнульф Сверчок — тот самый тощий парень с изуродованным лицом, что потешался над глухонемой девушкой, — стоял возле волокуш, к которым были привязаны тяжелораненые, и растерянно смотрел на валявшийся в снегу плащ убитого Сигмунда.

— Куда он мог деться, Синфьотли? — снова заговорил Арнульф. — Ведь тело было крепко привязано. Не могли же мы потерять его.

Синфьотли побелел как полотно.

— Уже несколько дней миновало, как Сигмунд мертв, — прошептал он. — Боги, не мог же он подняться и уйти...

Арнульф сморщил нос.

— Вот уж точно. Много я перевидал в жизни мертвецов, и ни один из них не имел привычки разгуливать.

Синфьотли упал на колени возле волокуш и начал отчаянно разрывать снег руками, однако поиски ничего не дали. Он осматривался по сторонам, но никаких следов хищного зверя, который мог бы украсть тело, видно не было. Наконец Синфьотли рухнул лицом вниз, словно хотел вцепиться в мать-землю зубами, и глухо простонал:

— Сигмунд!..

— Кого это ты зовешь? — с любопытством поинтересовался другой асир, немолодой приземистый человек по имени Ордегаст.

— Тсс! — отозвался вместо Синфьотли насмешник Арнульф. — Он призывает своего сбежавшего брата. Просит перестать дурить и вернуться обратно, на волокуши.

— Сбежавшего? Что ты мелешь, Арнульф! Ведь Сигмунд умер... Что-то случилось?

— Думаю, Синфьотли просто помешался от горя. Веревки, должно быть, ослабли от тряски, вот тело Сигмунда и потерялось где-то в дороге. Жаль, что он не будет похоронен как положено. Уж кого-кого, а Сигмунда стоило бы погresti по всем правилам...

— Точно, — кивнул его собеседник.

Арнульф потянул немолодого асира за рукав, многозначительно скосив глаза на Синфьотли.

— Отойдем подальше, Ордегаст. Не годится нам мешать своей болтовней безутешному горю.

Ордегаст, которому было хорошо известно, что Сверчок ничего не делает просто так, пожал плечами и подчинился. Они отступили шагов на двадцать и оказались неподалеку от связанного Конана. На пленника оба асира не обращали никакого внимания — он был для них не более чем вещью. А между тем ни одно слово из их приглушенного разговора не ускользнуло от чуткого слуха варвара.

— Ну, и зачем ты отвел меня в сторону? — сердито спросил Ордегаст. — Вечно у тебя какие-то секреты, Арнульф. Точно у женщины-сплетницы.

— Я думал, ты понимаешь, — удивился Сверчок. — Ведь ты сам сказал, что уж кого-кого, а Сигмунда необходимо было похоронить по всем правилам — с кровавыми игрищами, тризной и высоким курганом.

— Ну так и что с того? Любой смелый воин заслуживает этого, а Сигмунд был не только отважен и свиреп, как подобает асиру, он еще и знатного рода. Что же странного в том, что Синфьотли хотел почитать его погребальным обрядом?

— Не в том дело, — досадливо отмахнулся Сверчок. — Много лет минуло с того дня, как ты появился на белом свете, Ордегаст, покинув лоно своей матери, но ума, как я погляжу, так и не набрался. Подумай сам. Высокородная Сунильд родила их в один час — Сигмунда и Синфьотли?

— Это известно в Халоба всем и каждому, — фыркнул Ордегаст. — Говори прямо, к чему ты клонишь, Сверчок?

— А к тому я клоню, дружище Ордегаст, что двойня никогда не появляется на свет просто так. Как от одного отца могут быть зачаты одновременно два сына?

— Эй, эй, Арнульф, осторожнее. Высокородная Сунильд — одна из самых строгих и чистых женщин в городе. И хоть она мне не родня, я готов вступить за ее честь. — С этими словами коренастый воин тронул рукоять своего меча. Лицо его приняло свирепое выражение.

— Да нет же, ты не так понял, — Арнульф заговорил торопливо, видимо испугавшись угрожающего тона своего собеседника. — У меня и в мыслях не было бросить тень на чистое имя Сунильд. Она и прекрасна, и добродетельна. Но ведь именно таких женщин и избирают себе в подруги Младшие Боги...

Тут испугался уже Ордегаст. Младшие Боги, беспутные сыновья старого Игга, не достигшие еще зрелости и не носящие взрослых имен, любили вмешиваться в людские дела, и даже упоминать о них было небезопасно. Повисло молчание, в котором слышалось только, как оба асира переводят дыхание. Наконец Ордегаст снова заговорил, стараясь, чтобы голос его звучал приглушенно:

— Так ты думаешь, что один из двух братьев был зачат от Младшего Бога?

Арнульф кивнул.

— Я знаю, тебе мои слова кажутся кошунством. Но сам подумай, Ордегаст. Помнишь, как погиб муж высокородной Сунильд? В лесу на охоте его заперол клыками огромный вепрь, который скрылся из глаз охотников, точно провалился в преисподнюю...

— Да, — прошептал Ордегаст. — Я был на той охоте.

Зверь выскочил из чащи совершенно неожиданно. Мы все растерялись. Не то что я — я был тогда почти мальчиком, но даже опытные, бывалые воины не ожидали его появления. Ведь даже кусты не трещали, хотя он продирался сквозь чащобу... После я часто думал: уж не из ада ли он выскочил?..

— Вот видишь, — подхватил Арнульф. — А через девять месяцев родились два брата, схожие между собой, как человек со своим отражением. Нет, неспроста все это. Один из них — дитя, зачатое мужчиной, но второй — плод от семени божества. Я в этом не сомневаюсь ни мгновения.

— Да, но кто? Кто из двоих? — жадно спросил Ордегаст.

Арнульф посмотрел на него с выражением снисходительного превосходства. Наконец-то проняло неповоротливого, туповатого вояку! Не зря он, Сверчок, вынюхивает, высматривает, отслеживает — копит чужие тайны. А как иначе заставить соплеменников слушать себя? Природа обделила Арнульфа силой, не дали ему боги и мудрости, и только один дар достался ему от судьбы — хитрость: видно, богиня выронила его в спешке, а Арнульф не погнушался нагнуться и подобрать. Торговать секретами и новостями, обменивая их на интерес асиров, смешанный с легкой безразличностью и страхом, — вот что было излюбленным занятием Арнульфа.

— Ты хочешь знать, кто из двоих? — переспросил Сверчок, нарочно оттягивая ответ, и пожал плечами. — Откуда мне знать, Ордегаст. При жизни братья не слишком различались — ни в привычках, ни во внешности, да и пристрастия были у них одинаковы. В сражении оба неистовы, на пьяном пиру среди братьев оба не знали удержу, а что до женщин...

— Жена была только у одного Синфьотли, — вспомнил Ордегаст. — Он взял Изулт совсем девочкой, да и сам был тогда почти ребенком...

— А через год Изулт умерла, — многозначительно произнес Арнульф. — И Синфьотли больше не помышлял о женитьбе. А Сигмунд так и не выбрал себе невесты.

Снова воцарилось молчание. Ордегаст соображал туго, мысли текли в его голове под шлемом медленно. В конце концов он сдался:

— Говори ты толком, Сверчок, иначе я, клянусь Иггом, размажу твои кишки по этому дубу. — Он с силой

ударил кулаком по толстому дереву, к которому был привязан Конан.

Боясь привлечь к себе внимание и не услышать продолжения столь захватывающей беседы, Конан даже не пошевелился.

— Вот я и говорю, — снисходительно сказал Арнульф. — Рыжеволосая Изулт считалась женой Синфьотли, но кто поручится за то, что она различала братьев между собой? И от кого она понесла дочь — от Синфьотли или, может быть, от Сигмунда? Почему девочка родилась глухой? Не покарал ли грозный Игг ребенка в напоминание о грехах ее родителей?

— Ну вот что, хватит! — рассердился наконец Ордегаст. — Ты заходишь слишком далеко, Сверчок. Сначала ты поливаешь грязью Сунильд, чуть ли не потаскухой называешь высокогородную даму...

— Вовсе нет! — вставил Сверчок. — Дети Игга, Младшие Боги, сладострастны и очень изобретательны в том, чтобы удовлетворить свою похоть, и коли глянулась им женщина, ей не устоять.

— ...А после замарал гнусной сплетней память бедной Изулт, которая вот уже тринадцать лет, как покоится в могиле, оплаканная не только всей своей родней, но и чужими людьми... — упрямо продолжал Ордегаст и заключил с угрозой: — Гнусная ты все же тварь, Сверчок.

— Если я такая гнусная тварь, как ты говоришь, тогда почему же ты потратил столько времени на разговоры со мной? — крикнул Арнульф в спину удаляющемуся Ордегасту, но возмущенный асир не желал больше слушать.

Сверчок исподтишка стал наблюдать, как тот подходит к Синфьотли, смотрит на сына Сунильд долгим, испытующим взглядом. Арнульф усмехнулся: как бы то ни было, а ростки подозрения, которые он, Сверчок, заронил в душе Ордегаста, сразу же дали о себе знать. Сверчок был уверен в том, что теперь Ордегаст места себе не найдет, все будет гадать: кто из братьев сын Младшего Бога? На ком проклятье греха и божественности? Не превратится ли Синфьотли, старый товарищ, в дикого вепря, не распорет ли кому-нибудь живот, как это сделал его божественный отец с отцом брата-близнеца? Ох, долго предстоит маяться Ордегасту, теряясь в догадках. А за ответом он все равно придет к Арнульфу.

Не скоро уснул в эту ночь Синфьотли. Его мучила неотвязная тоска по брату, и он метался в своем меховом плаще по настеленному поверх кострища лапнику и в тяжелом полусне все звал и звал его по имени. Конан, привязанный поблизости, все время просыпался, как от толчка, и сильно вздрагивал. Будили его вовсе не приглушенные стоны Синфьотли. При других обстоятельствах молодой киммериец спал бы сном невинности даже в камере пыток, под крики истязуемых. Нет, нечто иное заставляло его встряхиваться и пристально вглядываться в синевато-серебристые снежные равнины, залитые лунным сиянием. Точно у дикого зверя, волосы на загривке варвара вставали дыбом: он ощущал близость какой-то невидимой, сверхъестественной силы. И он почти догадывался, что это такое, — подслушанный разговор многое объяснил ему. Если в рассказе Сверчка хотя бы половина правды, то лучше не терять осмотрительности. Как все дикари, Конан испытывал инстинктивный, почти непреодолимый ужас перед сверхъестественным.

И наконец, когда луна поднялась высоко над горизонтом и стала белой и далекой, окруженная дрожащим серебристым ореолом, Конан увидел тех, чье присутствие уже давно не давало ему покоя.

Неслышно ступая по снегу босыми ногами, к спящему лагерю асиров шла девушка. Распущенные золотые волосы ниспадали почти до колен мягкой блестящей волной. Широко раскрытые глаза казались темными на бледном лице и тонули в тени ресниц, и только зрачки, узкие, кошачьи, поблескивали странными красноватыми огоньками. Длинное белое платье намочило от снега и липло к ногам, обрисовывая колени и бедра девушки, но это ее не заботило.

Она была очень юной, почти ребенком. В неверном свете ночи Конан различал ее тонкие черты. Рыжеватые ресницы, пушистые и длинные, слегка подрагивали, и только это выдавало в девушке, похожей на изваяние, живое существо.

Рядом с ней, так же бесшумно, ступал большой белый волк. Лунный свет, казалось, стекал по его впалым бокам. Крупные лапы животного оставляли в рыхлом снегу четкие следы, но никаких звуков до чуткого слуха варвара не доносилось. Волк жался к ногам девушки, точно в испуге.

Она остановилась, легонько коснулась кончиками пальцев его светлой шерсти на загривке, как будто желая успокоить. Волк повернул к ней морду, сверкнув на мгновение такими же красными, горящими зрачками, а потом вытянулся, поставил торчком острые уши и стал принимать.

Девушка жестом велела ему сесть, а сама тихо пошла прямо к спящему Синфьотли. Тот вновь заметался, застонал во сне. Тонкие белые руки девушки простерлись над асиром, и он замер. До Конана донеслось его ровное дыхание. Поразмыслив над этим мгновение, варвар тоже старательно засопел, прикидываясь крепко спящим. Больше всего на свете ему бы хотелось не быть сейчас связанным и беспомощным. Если ведьма заметит, что он бодрствует, то неизвестно еще, чем все это закончится. Ведь Конан лишен возможности защищаться. Не то чтобы он боялся смерти — скорее наоборот; но существуют вещи и пострашнее. Превратиться в вампира, в зомби, в безмозглого раба юной колдуньи, имеющей обыкновение разгуливать ночами по снегу, да еще в почти голом виде, — нет, такая судьба не для киммерийца!

Между тем девушка, встав на колени, торопливо рылась в вещах Синфьотли. Наконец она нашла то, что искала: большой кинжал с красным, грубо обработанным камнем на рукояти. Она высоко подняла его, точно вонзая в черноту небесного свода.

Лунный свет заливал ее стройную фигурку, окутанную тонким облаком золотых волос. Красный камень лучился светом, и алые искры блестели в распущенных волосах девушки, словно сотни рубинов.

Приоткрыв глаза, Конан метнул на колдунью торопливый взгляд. Он сразу же узнал кинжал — это был именно тот клинок, который Синфьотли в порыве гнева метнул в Сверчка Арнульфа и, промахнувшись, вонзил вместо этого в тело уже умершего брата.

Завидев кинжал, волк встал. На мгновение Конану показалось, что сейчас девушка перережет горло Синфьотли. Однако этого не произошло. Опустив руку с кинжалом, она медленно повернулась и пошла прочь. Волк затрусил за ней следом.

Почти в тот же миг луна скрылась за тучами и повалил снег, скрывая все следы. В сплошной пелене снегопада исчезли и зверь, и девушка, а вместе с ними

отдалилось и ощущение опасности и близости магических сил, которые так тревожили молодого киммерийца. И Кона наконец сморил сон.

Глава третья

Скрестив руки на поясе, высокородная Сунильд стояла на пороге своего дома. Высокая, статная, в длинном льняном платье, подчеркивающем ее гордую осанку, она казалась олицетворением властности. Уже немолодое, но все еще красивое лицо было гордым и открытым. В свете факелов поблескивали большие золотые пряжки, скалывающие на плечах длинное платье Сунильд. Рядом с ней, в таком же строгом белом одеянии, стояла молодая девушка — дочь Синфьотли. Две толстые косы золотыми потоками ниспадали на ее плечи. Тонкий золотой обруч, украшенный надо лбом тремя крошечными рубинами, расположенными треугольником, охватывал юную головку, оттеняя белизну лба; у висков покачивались крупные подвески в виде капель и сосуллек. Большие ясные глаза девушки смотрели так внимательно, точно пытались заглянуть на обратную сторону вещей.

Обменявшись с матерью словами приветствия и улыбувшись Соль, Синфьотли начал ритуал торжественного одаривания женщин. Он снимал со спины лошади и складывал у ног пожилой женщины шелка, сыпал монеты, цветные бусы, бережно выложил два прекрасных меча, несомненно зингарской или кофийской работы.

Соль смотрела на этот «золотой дождь» полураскрыв рот и то и дело бросала на бабку вопросительные взгляды — девочке очень хотелось поближе рассмотреть все эти сокровища, однако явно просить о разрешении порыться в отцовской добыче она не решалась.

Синфьотли ласково поглядывал на нее. Неужели Солнышко-Соль думает, что отец не припас для нее особенного подарка? Избегая встречаться глазами со своей матерью, Синфьотли вынул из-за пазухи узорчатый платок.

Соль затаила дыхание и слегка приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть, как он разворачивает маленький сверток. Она совсем дитя, подумал Синфьотли, и его, как это часто случалось в присутствии дочери, охва-

тило неудержимое желание защищать ее от всего света. Хрупкая и беззащитная, она вызывала у него такую нежность, что порой это чувство становилось для Синфьотли болезненным.

В платке оказались две застёжки из серебра, сделанные в форме двух ползущих навстречу друг другу черепашек. Изумрудные глазки животных поблескивали хитрым огоньком, как будто серебряные черепашки знали что-то такое, о чем никому и никогда не расскажут. Соль прикусила губу и залилась краской удовольствия, когда отец вручил ей подарок. Сжав в кулаке застёжки, она крепко обняла Синфьотли и на миг прижалась к нему, а потом, словно испугавшись, отступила на два шага.

Однако бабка не позволила им долго наслаждаться радостью и задала наконец тот вопрос, которого Синфьотли ждал и боялся:

— Где твой брат?

— Мой брат Сигмунд убит, — спокойным тоном произнес Синфьотли. — Он погиб в самой последней битве с киммерийской ордой, мать.

— Я хочу видеть его тело.

Синфьотли стал белее снега.

— Я... я потерял его, мать.

Стало тихо. По лицам говорящих Соль поняла, что произошло нечто ужасное, и еще крепче стиснула в кулачке отцовский подарок. Серебряные лапки черепашек впились в ее ладонь. Взгляд глухой девушки заметался между Сунильд и Синфьотли.

— Потерял? — выговорила Сунильд и шагнула к сыну, наступив по пути на развернутый у ее ног зеленый шелк. — Ты не сумел найти тело моего сына среди прочих убитых? Быть может, ты просто не искал его, Синфьотли?

— Не оскорбляй меня, мать, — тяжело произнес Синфьотли. — После того как мы втоптали в снег этих киммерийских разбойников, я обошел поле брани и отыскал среди павших своего брата. И он был мертв, клянусь тебе. Нет, я не мог оставить его среди чужих, вдали от родной земли.

Он замолчал.

— Говори, — велела Сунильд, и он вновь побледнел, возвращаясь к тяжелому для него воспоминанию.

— Я завернул его тело в плащ и привязал к волокушам, чтобы ты и Соль могли увидеть его в последний раз и

оплакать как полагается. Лучше бы мне погибнуть вместе с ним, чем пережить позор. На последнем переходе я увидел, что тело пропало.

— Почему? Ты плохо привязал его? Ты не следил за ним?

— Мне нечего добавить к этому, мать. Ты знаешь все.

— Пусть будет с ним милость Игга и Младших Богов, — сказала Сунильд, словно решившись поставить на этом точку всему разговору. Помолчав, она указала пальцем на пленника, привязанного к седлу лошади. — Это кто?

Асир обернулся. Быстрым движением отвязал конец веревки, которой Конан был привязан к луке, схватил киммерийца за волосы и подтащил к обеим женщинам. Ударив Конана по ногам, Синфьотли заставил его упасть на колени.

— Я взял его в плен, — сказал Синфьотли. — Он будет сражаться и умрет во славу Сигмунда, чтобы на погребальном пиршестве потешить душу твоего сына, мать.

Дрожа от ярости, Конан сделал попытку встать на ноги, вскинул голову, бросил на женщин дерзкий взгляд — и вдруг оцепенел от ужаса. Напротив него, всего в двух шагах, стояла та самая ночная колдунья, что подбиралась к спящему Синфьотли в сопровождении огромного белого волка. Только тогда она была почти раздета, а сейчас на ней было строгое и богатое платье, волосы убраны в девические косы. Ничто не выдавало в дочери Синфьотли сверхъестественного существа. Желая проверить свою догадку, Конан с огромным трудом заставил себя заглянуть в ее глаза. Однако ни кошачьего зрачка, ни зловещего красного отсвета он не заметил. Сейчас перед варваром была просто юная девушка, создание из плоти и крови, такое же хрупкое и уязвимое, как любой другой человек. Однако Конан ни на мгновение не усомнился в своем рассудке: он видел то, что видел. Она ходила босая по снегу, она усыпила Синфьотли одним движением руки, и белый волк жался к ее коленям, как собачонка. Галлюцинации не посещали киммерийца никогда, даже во время чудовищных пьяных оргий, в которых он охотно принимал участие. Что бы она из себя ни строила, эта Соль, какой бы невинностью ни притворялась, Конан не позволит себя обмануть.

— Убери отсюда этого грязного варвара, — велела Сунильд. — Отправь его к Гунастру. Пусть обломает ему когти. Душа Сигмунда еще засмеется при виде его крови.

Конан наконец поднялся на ноги и попятился назад, насколько позволяла веревка — Синфьотли позаботился о том, чтобы пленник не в состоянии был бежать. Он мог делать только небольшие шаги — а что до того, что трудно проделать таким образом большой путь, то это Синфьотли не заботило.

Отступая, Конан не сводил взгляда с Соль. Ему казалось — вот еще миг, и ведьма выдаст себя, и в глубине ее зрачков, странно расширенных, заплещет красноватый свет, отблеск далекого зарева.

— Если ты будешь тарашиться на мою дочь, вонючее животное, — проговорил у него над ухом тихий, угрожающий голос Синфьотли, и Конан ощутил его тяжелое дыхание, — я изуродую твою смазливую физиономию, вырву тебе ноздри, чтобы ни одна потаскуха к тебе и близко не подошла, даже за деньги.

— В мужчине женщины ценят совсем другое, — нагло ухмыльнулся Конан.

На самом деле юноша имел весьма смутные представления о том, что именно ценят женщины. Пока что ему не приходилось иметь с ними дела. Однако хвастливые рассказы сверстников давали множество пищи для размышлений, и Конан давно уже искал случая убедиться во всем этом на личном опыте.

Вместо ответа Синфьотли ударил его кулаком в лицо и сбил на землю, после чего несколько раз пнул лежащего на боку пленника сапогом. Сунильд брезгливо смотрела на эту сцену.

Из дома уже выглядывали слуги. Дюжий детина с кнутом в руке, повязанный кожаным фартуком, вышел из дома с черного хода, приблизился к Синфьотли и, поцеловав его руку, справился, что делать с новым рабом.

— Отведи на конюшни и там привяжи, — распорядился Синфьотли. — Смотри только, чтоб не укусил тебя. Будет брыкаться — угости кнутом, да по сильнее. Привязывай намертво, так, чтобы и пошевелиться не мог.

Слуга с сомнением посмотрел на Конана, с трудом глотающего воздух, — Синфьотли ошутимо ударил его в грудь.

— От такого обращения не откинул бы он копыта, господин.

— Тебе бы самому не откинуть копыта, если будешь

ловить ворон. Я лучше потеряю пленника, чем такого верного слугу, как ты.

Детина в кожаном фартуке еле заметно покраснел от удовольствия, передернул плечами, словно желая сказать что-то вроде «мы завсегда пожалуйста», и, нагнувшись, одним могучим рывком поставил Конана на ноги.

— Тяжеловат для своих лет, а? — заметил он.

Синфьотли рассеянно кивнул. Удерживая киммерийца левой рукой за длинные растрепанные волосы, а правой — за связанные за спиной локти, слуга напоследок спросил:

— А как насчет еды? Я в том смысле, что кормить его или как?

— Дай ему мяса, — распорядился Синфьотли. — Завтра его заберет Гунастр. Старик сообразит, как его кормить, этого звереныша.

Синфьотли уже поворачивался к слуге спиной, когда тот снова заговорил:

— Простите, господин. А ежели он захочет по нужде?..

— Ни под каким предлогом не отвязывай. Помни: этот варвар человек только с виду, — сказал Синфьотли. — На самом деле он хитер, злобен и изворотлив, как молодой хищник. Он животное, помни.

Еще неизвестно, кто в этой сумасшедшей семье настоящее животное, подумал Конан угрюмо. Он боялся, что нынче же ночью ему предстоит узнать это.

— Да помогут нам Игг и Младшие Боги, — пробормотал слуга и потащил киммерийца в конюшню.

Связанный на совесть, ощущая в желудке каменную тяжесть мяса, проглоченного не жуя, с онемевшими руками, Конан коротал ночь в душной конюшне, греясь теплом стоящих поблизости лошадей. Он был рад, что рядом эти добрые, преданные человеку существа: близость ведьмы не давала ему покоя. Поняла ли Соль, что Конан узнал ее, что варвару известно, кто она такая? Не захочет ли девушка избавиться от лишнего свидетеля? Знает ли обо всем этом высокомерная старая женщина — мать Синфьотли? Если бы Конан хотя бы не был связан!.. Проклиная свое бессилие, киммериец ждал рассвета с таким же нетерпением, с каким когда-то торопил утро своей первой битвы.

Далеко за городом Халоба над заснеженной равниной летал зимний ветер, наметая огромные сугробы. Синеватая поземка вилась под порывистым ледяным дыханием зимних великанов. Точно Лыдый Гигант прилег на эту землю, и все дул и дул на нее, и никак не мог остановиться.

Но вот к завыванию ветра прибавился новый звук — долгая, тоскливая нота. У черного пня — это было все, что осталось от древнего дуба, за столетия полностью сгнившего изнутри, — появился огромный белый волк. Словно оживший сугроб был чудовищный зверь, с острой мордой, роскошным мехом, красноватыми, печальными и жадными глазами. Взобравшись передними лапами на пенек, он задрал морду вверх, к убывающей луне, и протяжно завыл. Ветер подхватил его зов, понес дальше над равниной, к городу.

Прошло время, и волк перестал выть. Он прислушался, поставив уши торчком. Та, которую он призывал, услышала — не слухом, но внутренним чутьем. Медленно шла она по снегу, босая, в одной только длинной рубашке, и золотые волосы покрывалом окутывали ее. В опущенной руке она держала кинжал.

Пять красных огоньков засветились в синеватой безлине ночи: в зрачках девушки, в глазах волка и в камне, укрывающем рукоять кинжала. И чем ближе подходила девушка к белому зверю, тем ярче горели огоньки.

Волк ждал, приоткрыв пасть и дрожа от нетерпения. С его языка капнула слюна. Когда девушка была уже совсем близко, он вдруг по-собачьи заскулил и торопливо лизнул раз-другой ее босые ноги. Упав на колени, она обхватила руками его огромную голову, прижалась лицом к взъерошенной шерсти зверя и зарыдала. Повизгивая, волк лизал ее щеки и руки.

Наконец она отерла слезы и поднялась на ноги. Вскочив на пенек, девушка воздела к луне руки с зажатым в правой кинжалом и заговорила:

— Мать-Луна, проливающая бледный свет свой на темные души наши! Все тайны нашего рода открыты тебе. Призови отца нашего, Младшего Бога, из тех, кому не дал еще мужского имени наш предок, Игг! Отзовись на мой голос, отец, божественный юноша, вепрь чашобы, совратитель земной нашей матери! Вот кинжал с каплей твоей крови. Если слышишь, как зовет тебя Соль, дай знать...

Странно звучал голос девушки, которая сама не могла его услышать. Ломкий, гортанный, он с мучительным трудом срывался с ее губ. Сидя у ног Соль, волк напряженно следил за ней.

И камень на рукояти кинжала вспыхнул ослепительной алой искрой, разбрызгивая свет по сугробам, как будто в руке у Соль вдруг загорелся факел.

Зверь поднялся, напрягся, приготовился к прыжку.

— Благодарю тебя, отец, — вновь заговорила девушка. — Воистину, твоя кровь течет в наших жилах, и да будет жизнь ее божественным даром!

Она поднесла кинжал к своей левой руке и надрезала себе запястье. Показалась кровь — черная в неверном свете. Несколько капель упали на красный камень, и драгоценность впитала влагу жизни, как губка впитывает воду. И, словно бы ожив, камень засверкал, заиграл, и от него потек жар.

Девушка спрыгнула с пня и, размахнувшись, с силой воткнула кинжал в старую древесину. Он погрузился почти до самой рукояти.

Соль отступила на несколько шагов в сторону, освобождая дорогу белому волку.

И волк прыгнул.

Он пролетел над пнем и кинжалом и на лету перекувырнулся через голову. Уже в полете началась метаморфоза; спустя мгновение он рухнул в снег, приземлившись — уже человеком — на колени и локти. Сигмунд действительно был очень похож на Синфьотли: рыжевато-золотистые волосы, острый нос, тонкогубый рот. Порой братьев путала даже родная мать. И юная Изулт не смогла однажды определить разницы...

И только для Соль никогда не существовало сомнений. В жилах ее настоящего отца, как и в ее собственных, текла кровь Младшего Бога. И эта кровь узнавала себя. Она умела звать без слов и не допускала ошибок.

Когда-то, познав Сунильд, Младший Бог оставил у нее свой кинжал, поместив на рукояти частицу самого себя. Сигмунд не знал, почему он с самого раннего детства не расстается с этим оружием. Назначение камня на рукояти открылось ему лишь после смерти. Но, сжимая в руке отцовский кинжал, мальчик Сигмунд чувствовал себя не брошенным в этом огромном мире, где люди — всего лишь жалкие игрушки в руках богов и всемогущей судьбы.

Тайный голос не давал Сигмунду обмануться. Когда на свет появилась маленькая Соль, Сигмунд сразу же узнал в ней свое дитя. Они были одним целым. Они скрывали это от всех. Они любили друг друга. И это причиняло им страдания.

— Соль, — произнес Сигмунд и спрятал голову у нее на коленях. — О Соль... ты сделала это. Солнышко-Соль, за что я мучаю тебя?

Глухая девушка, склонившись, ласково гладила волосы плачущего мужчины, и над ними кружила пурга, и завывал в ледяных равнинах северный ветер.

Глава четвертая

В доме было темно и выстуженно. Кое-где трещали в масляных лампах фитили, едва рассеивая мрак. В большом зале за длинным столом сидели хозяйка дома и ее сын.

Были годы, когда этот стол ломился от яств; стены чернели от копоти сотен факелов; воздух дрожал от гула множества голосов. Но нынче лишь две лампы на противоположных концах стола едва разгоняли тьму. Сотрапезников разделяло пустынное, гулкое пространство зала.

— Рассказывай же, как погиб мой сын, — произнесла наконец мать. Синфьотли отложил в сторону баранью ногу и вытер жир с усов.

— Я ведь тоже твой сын, Сунильд, — с упреком сказал он.

Снова наступило молчание. Прошло не менее двух минут, прежде чем Сунильд собралась с духом и ответила:

— Ты прав, Синфьотли. Прости мне эту несправедливость. Вместо того чтобы благословлять богов, сберегших для меня одного сына, я проклинаю их за то, что погубили другого. Но тот, кто утрачен навсегда, кажется дороже... Так хитрые боги лишают нас даже малого утешения.

— И ты прости меня, мать, — сказал Синфьотли. — Мы с братом всегда бились рука об руку. В горячке того боя мы потеряли друг друга. Я как обломок теперь. Я как рукоять без клинка, как ладья, у которой весла по одному борту обломаны в шторм о скалы...

— Я как птица с одним крылом, — подхватила Сунильд. — Два берега было у реки, но вот размыло один берег, и вода залила поселок...

Пьянея от ячменного хмельного напитка, Синфьотли погрузился в воспоминания о сече и утонул в них. Он говорил и говорил, он плел слова, и вскоре ни он, ни мать уже не видели комнаты — пустое пространство между ними заполнило поле боя, и тени, лежащие на столе, казалось, скрывали тела павших, и пролитое вино у локтя Синфьотли было как свежая кровь.

В маленьком потолочном оконце, затянутом бычьим пузырем, медленно разгорался рассвет.

Конан обнаружил, что солнце уже поднялось над горизонтом, а ведьма так и не показалась и всякая нечисть на охоту не вышла.

Дверь скрипнула, и в конюшню, шурясь, заглянул вчерашний детина в кожаном фартуке. В руке он держал еще дымящийся кусок баранины, насаженный на столовый нож с широким лезвием.

— Эй ты, — окликнул он пленника. — Веди себя тихо, и я накормлю тебя, понял?

Конан отмолчался. Детина опасливо приблизился к нему. Конан шевельнулся и открыл глаза. При виде мяса варвар восторженно вскрикнул, а запах съестного заставил ноздри киммерийца дрогнуть. Верхняя губа поднялась, и он вытянул шею, пытаясь дотянуться до еды.

— И впрямь животное, — пробормотал слуга, глядя, как варвар заглатывает кусок целиком. Пока пленник жевал с набитым ртом, конюх осторожно отвязал его и, не дав даже закончить трапезу, потащил к выходу.

Там их ждал коренастый человек с непропорционально широкими плечами и копной совершенно белых волос. Ему можно было дать и сорок, и шестьдесят лет. Он был облачен в кольчугу поверх плотной кожаной куртки, прикрывающей колени. Широкий серебряный пояс перетягивал плотную талию. Рукоять тяжелого меча виднелась на бедре. Расставив ноги в коротких сапогах и подбоченясь, Гунастр — это был он — стоял рядом с рослым Синфьотли и внимательно наблюдал за происходящим. Казалось, от его цепкого взора не ускользает ничто.

Двери конюшни раскрылись, и показались слуга, багро-

вый от усилий, и с ним тот, за кем, собственно, и явился содержатель гладиаторской казармы. Гунастр прищурился и прямо-таки впился в Конана взглядом. Профессиональный наемник, сам в прошлом гладиатор, Гунастр сразу отметил хорошее сложение и развитую мускулатуру юноши. Будучи неплохим знатоком человеческой природы, Гунастр увидел на юном лице киммерийского пленника не только гнев и звериную злобу, но и растерянность, усталость и еще непонятный страх. Если парень и мечтает о мести, то, во всяком случае, явно еще не знает, с какого конца братья за это богоугодное дело.

Конюх остановился в двух шагах перед старым рубашкой. Быстрым движением Гунастр вытянул вперед свою длинную руку и ощущал стальные мышцы молодого варвара. Яростные синие глаза сверлили старика так, словно хотели проделать в нем пару дырок. Гунастра это ни в малейшей степени не смущало.

— Хорош, — одобрил он и повернулся к Синфьотли. — Ты и впрямь наделен силой вепря, Синфьотли, коли удалось изловить такого медвежонка.

— Не стану хвастать тем, чего не совершал, — ответил асир. — Когда этот парнишка схватился со мной, сил у него уже не оставалось. Он устал после боя, и многочисленные раны его кровоточили.

Гунастр провел пальцами по повязке на груди Конана и кивнул.

— Вижу. А ты все таков же, Синфьотли, каким был и десять, и пятнадцать лет назад, когда вы с Сигмундом учились у меня искусству боя. — Старик лукаво покосился на асира, отметив румянец, заливший его щеки. — Сигмунд всегда старался одержать верх в любом поединке и порой нарочно выбирал себе противников послабее, лишь бы оказаться победителем. А ты чаще бывал побежден, ибо стремился к схватке с сильнейшим. — Он положил руку на плечо Синфьотли и добавил: — Мне очень жаль, дружище, что так вышло с твоим братом. Он был настоящий воин, мне ли этого не знать. Клянусь, я сделаю все, что в моих силах. Его душа будет громко смеяться, когда этот мальчик прольет на арене кровь в его честь.

Интересно, мрачно подумал Конан, что она запоет, душа этого чертова Сигмунда, когда я отправлю к ней на блины душу Синфьотли? Негоже братьям быть порознь.

Но долго разлука не продлится. И уж Конан-варвар позаботится о том, чтобы они вскоре вновь соединились.

Гладиаторские казармы размещались в том квартале Халоба, где содержали свои заведения владельцы публичных домов, игорных притонов и питейных вкупе с распивочными, трактирами, харчевнями и забегаловками. В этом отношении асиры ничем не отличались от более утонченных и цивилизованных народов, основавших королевства много южнее, — офитов, коринфийцев, немедийцев и в особенности заморанцев, известных своей репутацией воров, сводников и предателей.

Ничего этого не знал юноша из дикой северной Киммерии, для которого бесстрашное лазанье по отвесным заледеневшим склонам заменяло до поры все иные развлечения, пока все игры полудетского возраста не вытеснила в сердце молодого горца одна-единственная кровавая забава — война. Пойманный и посаженный на цепь, он бесился, тосковал, пытался уморить себя голодом. И так продолжалось до того мгновения, пока он не укусил Синфьотли за руку и не ощутил на губах вкус его крови. Теперь он хотел другого — жить и убивать.

Конана провели через крепкие дубовые ворота и тут же заложили засов. Киммериец остановился посреди внутреннего двора казармы, озираясь. С четырех сторон его окружали высокие гладкие стены, тщательно оштукатуренные. Любая, даже самая ловкая, попытка забраться по ним наверх не останется незамеченной: гладиаторы, как, впрочем, и все прочие обитатели этого квартала, не злоупотребляли ваннами, и их грязные ноги неизменно оставили бы на белых стенах четкие следы.

По всему периметру в два этажа шли двери, забранные решетками, — они же заменяли окна. Почти у каждой кто-нибудь сидел, выглядывая во двор, — прибытие новичка было, несомненно, одним из развлечений здешнего люда. Светлоростые и черноростые, белокожие и смуглые, с тоскливыми глазами и с глазами, ко всему привычными и равнодушными, жующие, пьющие, занятые выдавливанием вшей — удивительно разные и в то же время неуловимо схожие между собой, гладиаторы окружали Конана со всех сторон. Он стоял посреди двора, как на подмостках, и повсюду были зрители, готовые освистывать или рукоплескать.

Загорелое лицо варвара оставалось бесстрастным, как у статуи, пока Гунастр снимал с него веревки, а два прислужника, раздев нового бойца догола, натирали распухшие запястья и шиколотки Конана маслом. Третий прислужник стоял поблизости, держа наготове новую одежду — штаны из дубленой кожи, льняную рубашку и куртку, сшитую мехом внутрь. За поясом слуги болталась пара почти новых сапог, отороченных собачьим мехом. Обнаженное, лоснящееся от масла тело молодого киммерийца отчетливо выделялось на белом снегу, среди белоснежных стен. Неподвижный, нарочито не замечающий суетящихся вокруг него людей, варвар с его великолепной мускулатурой казался изваянием юного божества войны. Из окон, где разместились наблюдатели, стали доноситься смешки и реплики — представление забавляло почтеннейшую публику.

— Погляди только, Ходо, — громко сказал широкоплечий парень — он так зарос белой бородой, что только желтые глаза выглядывали из копны нечесаных волос, — вот этот мальчик из диких гор еще задаст нам всем добрую потеху.

— Клянусь яйцами Младшего Бога! Я с удовольствием как-нибудь пощекотал бы его ребра! — гулко разнесся по всей казарме голос Ходо, огромного, с виду неуклюжего толстяка. Он просунул сквозь решетки руку и приветливо пошевелил пальцами, на которых курчавились огненно-рыжие волосы. — Здорово, малыш! — гаркнул он, обращаясь к Конану. — Когда ты разделаешься со всеми этими хвастунами, приходи ко мне. Померимся силой, идет?

Конан и бровью не повел. Все эти люди, запертые в тесных каморках, точно дикие звери в зверинце какого-нибудь вельможи (Конан слышал о подобных диковинах), выглядели так, словно подобная участь вовсе не была им в тягость. Свободолюбивая душа горца содрогалась при одной только мысли о том, что сейчас и его втолкнут в маленькую каморку, где пахнет мочой и старой соломой, и закроют дверь. Однако он не позволил себе выдавать свои чувства: ни ужаса, ни отвращения на его лице не отразилось. Он продолжал стоять, голый, неподвижный, как будто бросал вызов этим каменным стенам и железным решеткам. «Вот я как-то, — говорила, казалось, каждая мышца его могучего тела. — Попробуйте теперь удержать меня, и поглядим, кто первым сломается, живая плоть или

бездушные камни». И при виде юного великана невольно начинало чудиться, что он победит.

Гунастр ходил вокруг нового бойца кругами, как ба-рышник вокруг лошади, осматривая и ощупывая его мускулатуру.

— Много лазил по горам, а? — определил он.

Конан не ответил.

— Левая рука слабовата. Любил биться без щита, не так ли?

Киммериец упорно молчал.

— А реакция должна быть быстрой. Иначе этот удар не скользнул бы по ребрам, а уложил тебя на месте. Я знаю руку Синфьотли.

Ни один мускул не дрогнул на лице Конана, когда он неожиданно оросил сапоги Гунастра струей мочи. Отскочив, Гунастр ошеломленно устоял на своих ногах. Варвар закончил мочиться. Его глаза все так же бесстрастно и угрюмо сверлили белые оштукатуренные стены, словно киммериец не заметил случившегося.

Громовой хохот наполнил казарму. Этому звуку было тесно в небольшом дворике, закрытом со всех сторон, и эхо металось от стены к стене и становилось все оглушительнее.

— Ты видел, Хуннар? — в восторге заревел толстый Ходо. — Вот это противник! Бьет наповал! Какая меткость! Какая сила!

Конан невозмутимо возвышался посреди казармы, и только еле заметный огонек в его синих глазах выдавал тайное наслаждение, которое приносили ему вопли зрителей, доносившиеся со всех сторон.

Каморка, где заперли Конана, оказалась действительно тесной и довольно вонючей. Когда варвар остался там один, надежно запертый, им овладела паника. Обнюхивая и ощупывая каждую шелку, каждый уголок, он заметался по клетушке. Полусгнившая солома, наваленная в углу — видимо, заменяя собой постель, — источала зловоние. Запахи преследовали киммерийца со всех сторон. Ему чудилось, что вот сейчас его легкие не выдержат и разорвутся, если он немедленно не выберется отсюда.

Он набросился на дверь и принялся выламывать прутья решетки. Но прочные железные прутья не поддавались.

Варвар уперся ногами в пол и начал с силой гнуть их в попытке просунуть между ними плечо. Это привело лишь к тому, что он в кровь исцарапал плечи и колени. Замерев, варвар несколько секунд провел в полной неподвижности, как дикий зверь перед последним броском, а затем с удвоенной силой возобновил атаку.

— Ты погляди только, чем он занят! — слышался голос Гунастра.

Содержатель казармы стоял перед камерой Конана, опираясь на прочный шест, на конце обитый железом. Видимо, Гунастр использовал это оружие для боя. Рядом со старым воином стоял другой человек с таким же шестом в руке. С ним-то и разговаривал Гунастр, обращаясь к нему как к равному.

— Вот ведь звереныш! — сказал хозяин казармы. — Отойди от решетки. Не калечься, дурень.

В ответ Конан лишь яростно забился о решетку. Гунастр поднял свой шест и ловко ткнул железным наконечником Конана в грудь:

— Отойди, я сказал!

Конан ухватился за шест могучими руками и дернул на себя в надежде, что Гунастр грянет всем телом о прутья и переживет несколько неприятных минут. Но киммериец не учел того, что имеет дело с человеком опытным и готовым дать отпор любому покушению. Гунастр лишь пошире расставил ноги и следующим тычком, вроде бы не стоящим ему ни малейших усилий, легко сбил киммерийца с ног. Конан распростерся на каменном полу своей камеры.

— И не вздумай заняться членовредительством! — предупредил Гунастр.

Стоящий рядом с Гунастром человек оперся на шест. Конан чувствовал на себе его внимательный взгляд, но ярость, овладевшая молодым варваром, была слишком велика для того, чтобы он мог обращать внимание еще на кого-то. Поднимаясь с пола, с соломой в черных волосах, Конан прорывал несколько бессвязных ругательств. Спутник Гунастра рассмеялся вполголоса. Оба они переглянулись и пошли прочь, оставив варвара беситься в одиночестве.

Конан уже понял, что с решеткой ему не справиться, и забился в темный угол как можно дальше от входа. Так прошел час, потом другой. Солнце поднималось все выше. Конан не шевелился. Глубочайшее отчаяние наполняло его.

Неожиданно чья-то тень упала на пол камеры. Конан заметил это и поднял голову. Перед решеткой стоял слуга с глиняным кувшином в одной руке и деревянной плоской в другой. Встретившись взглядом с ледяными глазами варвара, слуга невольно вздрогнул.

— Эй, послушай, — заговорил он нерешительно. — Я принес тебе фасоль с мясом и красного вина для подкрепления сил. Гунастр велел кормить тебя получше. Он говорит, если тебя привести в божеский вид, то пол-Халоба будет от тебя без ума после первого же боя. Это его слова, а уж Гунастр в таких вещах разбирается.

Слуга говорил торопливо и немного заискивающе. «Бойт-ся», — определил Конан с известной долей удовлетворения и позволил себе улыбнуться. Улыбка получилась злобная, как оскал. Слуга попятился.

— Так не пойдет, — сказал он почти жалобно. — Эй, киммериец, я всего лишь хочу накормить тебя. Мне так велели, понятно? Скажи, что не набросишься на меня и не перегрызешь мне горло. Обещай мне это, и я дам тебе поесть.

Конан продолжал хранить молчание, не сводя со слуги холодного взора. Слуга сделал шаг к решетке. Конан не шевелился. И лишь когда тот тронул засов, варвар молниеносным движением подскочил к нему и, вытянув вперед руки, ухватил за горло. Ключ выпал из пальцев слуги и отлетел далеко в сторону. Слуга захрипел и забился, стиснутый железной хваткой. Кувшин разбился, и вино залило плиты дворика. Красная пелена ярости застилала глаза Конана. Он даже не почувствовал, как шест ударил его в середину лба. Он лишь понял с внезапным удивлением, что руки его разжались сами собой, а беленые стены камеры резко нагнулись на него, желая раздавить. Варвар закричал, ударился затылком об пол, и чернота забытия поглотила его.

Голоса.

Лежа неподвижно и ничем не выдавая, что очнулся и слышит, Конан напряг слух.

— Откуда кровь?

Это говорит Гунастр, определил Конан. Наверное, спрашивает про лужу возле решетки.

— Это вино.

Незнакомый голос. Видимо, принадлежит тому человеку с шестом, что сопровождал Гунастра утром.

— Боги, так он убил Инго...

Конан мысленно засмеялся. Придавил холуя — и это только начало. Жаль, что не удалось отнять у него ключ. Но рано или поздно такая же участь постигнет и хозяина, а там придет черед Синфютли и его отродья — маленькой ведьмы...

Чистое детское лицо Соль вдруг встало перед ним, как будто умоляя о сострадании, и Конан рассердился. Ведьма, упрямо подумал он, она — враг, она нечиста, в нее вселился темный демон... Но в глубине души киммериец уже знал, что не сможет убить женщину, что не поднимет руки на девочку. И это выводило его из себя.

— Он сломал Инго шею, — спокойно проговорил незнакомый голос. — Синфютли прав, настоящий медвежонок.

— Бедный Инго, — пробормотал Гунастр. Он наклонился над телом слуги, провел рукой по еще теплomu лицу. — И ведь я сам послал его на смерть, в когти зверю. Он боялся, как будто чувствовал...

— купишь другого, — равнодушно сказал человек с шестом. — Денег хватит, а рабы все одинаковы. Стоит ли расстраиваться?

— Это гладиаторы существуют лишь для того, чтобы умирать, — возразил содержатель казармы. — Другие рабы предназначены вовсе не для этого. Инго никак не заслужил такой участи.

— Не понимаю тебя, Гунастр. У меня на родине рабов для того и держат, чтобы свободным юношам было кого убивать, если захочется.

— К счастью, мы не в твоём диком Ванахейме, — напомнил своему собеседнику Гунастр.

Совершенно другим тоном тот согласился:

— Да, господин.

— Иначе я давно уже убил бы тебя — просто ради того, чтобы посмотреть, как ты корчишься.

— Разумеется, господин. Как тебе угодно.

Конан приоткрыл глаза, желая все-таки увидеть того, кто ударил его по голове, чтобы запомнить и сквитаться, как только подвернется случай. Он разглядел силуэт высокого, стройного человека, казавшегося хрупким рядом с широкоплечим, коренастым хозяином.

Гунастр рассмеялся и хлопнул собеседника по спине.

— Ваниры все такие, как ты, Арванд?

— Нет, я исключение. — По голосу слышно было, что Арванд улыбается. — Не столь свиреп, сколь хитер — вот в чем моя сила.

— Не слишком-то помогла тебе твоя хитрость, не говоря уж о силе, когда тебя скрутили на боссонских болах. Так что не хвались попусту.

— Ты, как всегда, прав, господин.

— И убери с лица эту ядовитую ухмылочку, иначе я разрежу тебе рот до самых ушей.

Оба засмеялись и ушли. Конан продолжал лежать неподвижно, обдумывая услышанное.

Легкий порыв ветра донес до него запах съестного. Неожиданно Конан ощутил прилив голода. Он пошевелился на полу, опутал голову и, обнаружив на лбу колоссальную шишку, выругался и сел. Переждав, пока прекратится головокружение, варвар поднялся и приблизился к решетке. Миска с фасолью все еще оставалась там, где выронил ее задуренный слуга. Ключ от камеры уже унесли. Запах дразнил варвара. Он протянул руку сквозь решетку, но достать миску не смог. Скрежеща зубами, Конан сел на корточки и уставился на свой обед. Еда была совсем рядом, но, увы, — недостижима. И Конан тупо смотрел и смотрел на нее остановившимся взором, пока в голове у него не забродило смутное подозрение: не совершил ли он ошибку, поддавшись необузданной ненависти?

Глава пятая

Офирский купец вез в далекий северный город Халогга — твердыню гипербореев — редкостный товар, закупленный загодя у торговцев Коринфии, Кофа и Заморы. В больших тюках были защиты украшения для женщин и девиц — пряжки, застёжки-фибулы, бусы, браслеты, серьги, золотые нити для кос: благовония, дающие при сжигании изысканные ароматы и разноцветный дым, серебряная и медная посуда, светильники — и простые, и узорные, в форме диковинных зверей и птиц; шелковые ткани, платки, которые продаются в тоненькое колечко... Хорошей будет выручка, размышлял он, окидывая взглядом свое добро, погруженное на телегу. Северяне эти хоть и

дики, и воинственны, но должны быть в то же время падки на роскошь, как всякие дикари. Платить же за товар они станут шкурками чудесных пушных зверей, медом и хмельными напитками, вкус которых еще был неизвестен в южных королевствах. За все это можно будет потом получить изрядную кучу золота в Гиркании — там холодны степные ночи, и меховая одежда придется очень кстати.

Не желая ни с кем делиться прибылью, а уж тем более — показывать дорогу и сводить конкурентов с торговыми людьми Гипербореи и Астарда, офирский купец взял с собой лишь трех рабов-кушитов, да и тех рассчитывал выгодно продать: авось гиперборейцы захотят ради экзотики иметь в доме слуг с черной кожей.

Офирский купец спешил. Продукты, взятые в дорогу, были на исходе. Пока что ему удавалось счастливо избегать встреч с разбойничьими бандами. Почти всю дорогу от Офира он проделал вместе с караванами, пристраиваясь то к одному, то к другому, но никому не выдавая цели своего путешествия. Теперь остался самый последний участок пути, и купец намеревался проделать его в одиночку. Тропа на Халоба не тореная, караванов здесь нет, разве что редкий торговец забредет, — стало быть, и разбойники обходят этот край стороной. Предвкушая долгожданный миг, купец улыбался. Несмотря на уговоры владельца постоялого двора, офит не стал задерживаться на ночь, благо ночи зимой в этих краях длинные. Перекусив на скорую руку и дав небольшой отдых лошадям и рабам, уже через четыре часа купец снова тронулся в путь. Луна светит ярко, ночь не такая уж холодная, к тому же путешественники успели обзавестись шубами, совершив выгодный обмен в приграничных поселениях, — так стоило ли терять драгоценное время, отсиживаясь в харчевне? Небо ясное, пурги не предвидится...

— Э, здесь север, господин хороший, — сказал на прощание трактирщик. — Лучше б вам послушать, что добрые люди советуют.

— А чем север отличается от юга? — беззаботно отмахнулся купец. — Люди — они везде люди.

Трактирщик покачал головой.

— Да хранит вас Митра, — пробормотал он, и купец подивился: даже в этой дикой земле знают и почитают защитника людей, великого Митру. — Люди-то они везде люди, но все же север...

Он не договорил, махнул рукой и скрылся в доме.

Вспоминая этот напутственный разговор, купец усмехался. Что с того, что здесь снег и холодно? Он сменил телегу на большие сани, лошадей на оленей, нанял проводника из местных, который, похоже, только с оленями и разговаривает, — а во всем остальном никакой разницы. Глупец он все-таки, этот трактирщик с его непонятными страхами.

Вдруг погонщик резко вскрикнул и остановил упряжку. Купец, задремавший было, чуть не упал с саней.

— В чем дело? — недовольно спросил он.

Дрожащим кнутом погонщик указал куда-то вперед. Купец вытянул шею, взгляделся в пустые снежные равнины, но ничего не заметил.

— Где? Куда ты показываешь?

Погонщик бросил кнут, выбрался из саней и, увязая в снегу, побежал сломя голову прочь. Шуба мешала ему, и он сбросил ее. Он мчался гигантскими прыжками так, словно за ним гнались духи ада.

Ничего не понимая, торговец растерянно озирался по сторонам. Затем вдруг затрясся и посерел от ужаса один из рабов-кушитов, за ним второй, третий — охваченные суеверным страхом, они сбились в кучу и принялись звать плаксивыми голосами к своим чудовищным божествам-шакалам.

Подобрав оброненный погонщиком кнут, офирский купец начал охаживать им рабов, но те даже не замечали боли. Потом какое-то странное чувство заставило офита обернуться... и он замер с полураскрытым ртом.

Прямо на него шел огромный белый волк. В лунном свете серебрился роскошный мех царственного зверя; каждая ворсинка словно излучала сияние. Глаза на хищной морде горели алым огнем. Он ступал неторопливо, широким шагом, гордясь собой и своей прекрасной ношей. Ибо на спине хищника восседала юная девушка с распущенными волосами. Одной рукой она обхватила зверя за шею. Она улыбалась. Это было последнее, что успел увидеть в своей жизни офирский купец, — улыбку на нежном, почти детском лице.

Гладиаторская казарма гудела, как гудел в это утро весь город. Хоть бойцы во славу Игга — так именовали

их в поэтических творениях рифмоплеты Халоба — и были заперты в своих клетушках (лишь немногим разрешалось выходить в город), все же они не были полностью отрезаны от внешнего мира, и крылатое божество по имени Свежая Сплетня баловало своим вниманием этих мужественных людей не реже, чем хозяек, любивших посудачить возле колодца.

— Слыхал, Хуннар, — громыхал на весь двор рыжий Ходо, у которого веснушки проступали даже сквозь густую медную бороду, — волк задрал кофийского купца.

— Не кофийского, а офирского, — поправил Хуннар.

— Тебе с твоего насеста видней, — добродушно огрызнулся Ходо. Его каморка размещалась на нижнем этаже, а комнатка Хуннара — наискось от него на верхнем.

— Не волки, а стая волков.

— Там видели следы одного волка. И такого крупного! А рядом следы босых ног. И кровищи, кровищи!..

— Не иначе, завелся оборотень, — заявил сосед Ходо.

— Оборотень? Во всяком случае, это не я, — поспешно сказал Ходо. — Я ночью спал.

— Мы слышали, — язвительным тоном заметил Хуннар.

Все рассмеялись. Жаль, что не я — этот зверь, подумал Конан. Улететь бы из клетки мухой и вернуться бы в Халоба огромным волком, вцепиться в глотки Гунастру и этому подлому ваниру по имени Арванд... а потом убежать в горы, где воздух чист и на много миль кругом ни одного человека.

— Не знаю, как насчет оборотня, а вот черные демоны там побывали. Хвала Иггу, заморозившему супостатов своим ледяным дыханием.

— Какие еще черные демоны? — удивился Ходо.

— Да были там... — сказал всезнайка Хуннар. — Их-то волк не тронул. Побрезговал. Вот как их нашли: лежат в снегу возле саней трое, их окликают, а они не отзываются. Прикоснулись к ним — они холодные, заledenели, как сосульки. А как перевернули их на спину — великие боги! — так и испугались: кожа у них черная, волос вьется пружиной. На людей похожи, да ведь не бывает таких людей.

— А может, они от болезни почернели? — предположил худой, жилистый гладиатор с неприятным лицом. Левая щека у него нервно подергивалась.

— Вечно скажешь невпопад, Каро, — отмахнулся Хун-

нар. — Какая еще болезнь? Лучше уж сражаться с демонами, чем с неведомой хворью. Ну да ладно, как бы там ни было, а этих чернокожих положили на сани, да так, вместе с санями, и сожгли.

— Правильно сделали, — вставил Ходо.

Хуннар, недовольный тем, что его перебили, метнул на толстяка сердитый взгляд, на который тот ответил широкой, обаятельной улыбкой.

— Продолжай, Хуннар, — попросил другой сосед Ходо. — Не слушай этого болтливого, жирного кролика.

— Я — кролик? — возмутился Ходо. — Ну, ты ответишь мне за это, ходячее жаркое.

— Только не сейчас, — насмешливо сказал гладиатор, но на всякий случай отступил подальше в темный угол своей каморки.

— И вот, когда сани загорелись, — продолжал Хуннар «страшным» голосом, подражая профессиональным сказителям, — повалил разноцветный дым и по всей равнине распространился странный, удушливый запах...

— Да, — мрачно сказал Каро. — Неспроста все это. А что волк?

— Волк? Он перегрыз купцу горло, напился крови, сколько мог, но тело не изуродовал — сытый был, видно, убил для развлечения, не из голода.

— Или ради ритуала, — заметил Каро.

— Какие еще у волков могут быть ритуалы? — возмутился Ходо. — Дурака слушать — постареешь раньше времени. Что ты вечно глупости болтаешь?

— У волков — никаких, — согласился Каро. — А вот у оборотней, у черных заклинателей, у ведьмаков... Ты ведь говорил, там были следы человеческих ног.

— Да. Босых.

Каро выразительно пожал плечами, как бы желая сказать: «Вот видишь!»

Разговор был прерван появлением во дворе Гунастра. Владелец гладиаторской казармы остановился, обвел пронзительным взглядом уставившиеся на него из-за решеток лица, хмыкнул.

— Ну что, черти, вам уже все, конечно, известно? — спросил он.

Ему ответил веселый, наглый голос:

— А как же! Ворона летела, новость обронила!..

— А что говорят по этому поводу старейшины, вам тоже ворона накаркала?

— Откуда нам знать такое, Гунастр! Свет мудрости старейшин не озаряет наши темные души, — с притворным сокрушением отозвался все тот же голос.

— Сейчас я, пожалуй, зажгу на твоей роже большой фонарь, Аминта, и у тебя разом наступит просветление, — пригрозил Гунастр.

— Смилуйся, — простонал Аминта, молодой, темноглазый парень, да так жалобно, что все, даже Гунастр, рассмеялись.

— Ладно, слушайте, остолопы, — сказал наконец хозяин. — Так говорит совет старейшин: с далекого юга, где живут колдуны, и старые боги не спят в своих гробницах, и бродят по земле демоны, пища которых — человеческие души, ехал к нам повелитель черных демонов, скрываясь под обликом простого торговца. С собой он вез свой магический скарб. Но венценосный Игг не допустил, чтобы погибли мы, его дети, и наслал своего волка, а вослед ему отправил свое ледяное дыхание. Так погибли те, кто нес зло в землю гипербореев.

Стало тихо. Гунастр еще раз обвел глазами своих подопечных и добавил значительно:

— Могуч и непобедим Игг, а вы — бойцы во славу его. Обхватив голову руками, Конан ерзал в своей клетушке. Игг наслал волка, как же! Глупцы! Богам вообще нет дела до людей. Киммериец был уверен, что знает правду. Ему не было никакого дела до офирского купца — съели его волки, и черт с ним, — но если появилась возможность отомстить Синфьотли, используя для этого его любимого брата Сигмунда, то упускать такой случай было бы крайне глупо.

Глава шестая

Прошло уже больше суток с тех пор, как киммериец сломал шею слуге, пытаясь добраться до ключа и освободиться из клетки. Никто не приближался к конуре, в которой он был заперт. Еще трижды казарма наполнялась запахами съестного. Те, в ком Гунастр был уверен — а таких было большинство, — выходили из камер, шли по галереям верхнего этажа и по портику нижнего, собирались в большой кирпичной пристройке в дальнем

углу двора. Из раскрытой двери этого сооружения постоянно валил дым — там находилась печь и готовилась пища, сытный обед для более чем двухсот сильных, здоровых мужчин. Вторая дверь вела, видимо, в столовую. Оттуда после трапезы выходили гладиаторы, обтирая жирные губы, ковыряясь в зубах и звучно рыгая.

Остальным, скорее всего наказанным за какие-то провинности, пищу разносили слуги. Можно было предположить, что эти порции были куда менее обильными и сытными. И только к решетке, за которой притаился Конан, никто не приближался.

Желудок у него свело, язык распух от жажды. Он лежал плашмя на соломе и тупо смотрел, как две ленивые мухи ползают по потолку. Ему и прежде случалось голодать и страдать от жажды, но всегда он знал, что будет бороться за свою жизнь и в конце концов вырвет у немилосердной природы своей глоток воды и кусок мяса. Теперь же от него ничего не зависело. Он целиком и полностью находился во власти других людей, и именно это и делало его страдания невыносимыми.

Он услышал, как кто-то стучит по решетке его каморки, и приподнял голову. Действительно, перед конурой вырисовывался чей-то темный силуэт. Конан глухо заворчал, как потревоженный цепной пес. У решетки тихонько рассмеялись. Конан уловил при этом слабый плеск жидкости — видно, посетитель держал в руке флягу с водой или вином.

— Эй ты, — произнес в сумерках знакомый уже голос Арванда, — если не будешь валять дурака, то напьешься воды.

Одним прыжком Конан оказался у решетки и просунул наружу руку, растопырив пальцы. Молниеносно отскочив назад, Арванд избежал хватки варвара и, стоя уже вне пределов досягаемости пленника, но все же достаточно близко, поднял флягу на уровень Конановых глаз.

— Потише, Медвежонок. Я — не безмозглый прислужник, и со мной тебе так легко не справиться.

Внутренне Конан заметался. Ему хотелось убить дерзкого ванира, который стоял в развязной позе и насмехался над ним довольно беззастенчиво, но ведь этот Арванд принес воду, а жажда терзала киммерийца все сильнее и сильнее. Он не хотел умирать. Еще не время. Слишком многих нужно еще убить.

— Дай мне воды, — хрипло сказал Конан.

Арванд наклонил флягу, и тонкая струйка воды потекла на плиты двора с еле слышным журчанием.

— Кап-кап-кап,— сказал Арванд.— А сейчас пошел дождик.

— Дай пить,— повторил Конан, не сводя глаз с фляги и гадая, осталось ли там что-нибудь после шуточки Арванда. Ему казалось, что это последняя вода на свете.

Арванд встряхнул флягу, и там булькнуло.

— Ладно,— сказал он и подошел к решетке. Одной рукой Конан ухватился за флягу, второй вцепился в локоть Арванда. Тот спокойно смотрел, как варвар, давясь от жадности, заглатывает воду.

— Учти, малыш, я тебя не боюсь,— заметил Арванд, когда Конан отбросил пустую флягу и обратил на ванира свой пылающий взор.

— Холуй,— прошипел Конан.— Тебя подослал Гунастр? Зачем?

— Фи,— сказал Арванд.— Во-первых, меня никто не подсылал. Я пришел по своей охоте полюбоваться, как ты бесишься.

Конан заскрежетал зубами.

— А во-вторых,— продолжал ванир, разжимая один за другим пальцы варвара, сомкнувшиеся на его локте,— я вовсе не холуй, как ты изволил выразиться. Мое имя Арванд из Ванахейма, и я раздуваю мехи в этой кузнице Гунастра, где старик во славу Игта бьет своим молотком по душам молодых воинов.

Конан ничего не понял, но говорить ничего не стал.

— Люди быстро меняются,— продолжал Арванд.— Вчера пили вино из одного кувшина, а сегодня на арене перерезали друг другу глотки.

Конан внимательно следил за лицом говорящего. Его почти не интересовало, что говорит этот Арванд, но странная горечь, прозвучавшая в тоне ванира, удивила киммерийца.

Арванд был высок и худощав. На вид ему можно было дать лет сорок. Темные волосы и карие глаза этого человека удивили киммерийца — он не встречал людей с такой внешностью в Ванахейме. Впрочем, ванирам тоже случалось совершать набеги на южные земли, и они никогда не отказывались от сыновей, которых рожали им захваченные в плен женщины.

— Я назвал тебя холуем потому, что ты называешь

Гунастра «господином»,— пояснил Конан.— А поесть ты принес?

— «Холуй» — некрасивое слово, мой мальчик, и не стоит обращать его к тому, у кого ты просишь хлеба,— назидательно проговорил Арванд.— Я называл Гунастра «господином», потому что несколько лет назад он заплатил за меня серебром на рынке в Похьеле. Но тебе я все же посоветовал бы звать меня по имени.

— Дай хлеба,— еще раз сказал Конан.

Арванд засмеялся и вынул из-под куртки большой кусок черного хлеба. Варвар жадно затолкал в рот почти весь кусок.

— Где это — Похьела? — спросил он неожиданно для Арванда.

— К югу от Халлога. Небольшой городок. Оживает только во время осенней ярмарки.

— Как же ты оказался там? Ведь ты из Ванахейма.

— Ха! А как ты сам оказался в Халлога? Ведь ты из Киммерии.

Конан зашипел, как разозленный кот. Вот о том, как его взяли в плен, напоминать, пожалуй, не стоило.

— Меня взяли в плен,— спокойно продолжал Арванд.— Когда я хотел бежать, поймали и переломали ноги. Гунастр потом выхаживал меня, как родная мать.

— Почему же ты не сбежал от Гунастра, как только смог снова ходить? Он, кажется, не очень-то за тобой следит.

Арванд достал из-за пазухи еще один кусок хлеба.

— Лень,— объяснил он.— Да ты ешь, ешь. У Гунастра я всегда сыт и одет. Но есть и другая причина, важнее. В Халлога я узнал, что такое слава. На арене я убивал, и все видели, что я сильнее других. В меня влюблялись женщины, не только потаскушки, но и знатные дамы. Здесь, в Халлога, нет, наверное, ни одной сколько-нибудь смазливой барышни, которую я бы в свое время не пощупал.

Конан слушал и недоумевал. Иметь возможность вырваться на свободу и все-таки оставаться в неволе?

— Зачем ты говоришь мне все это? — спросил варвар.

— Хочу помочь тебе избежать лишних неприятностей,— пояснил Арванд.— Слушай, Медвежонок, я дело советую. Веди себя спокойно. Через несколько дней начнутся кровавые игрища, и тебе так или иначе придется сра-

жаться. Лучше быть сытым и немного поразмяться перед боем, не то убьют раньше времени.

Конан оскалил зубы.

— Ты что, ванир, вообразил, что я смирюсь с этой собачьей участью? Я — не ты.

— Можешь не смиряться, на здоровье. — Арванд пожал плечами. — Но тебе в любом случае неплохо бы остаться в живых.

Конан чуть-чуть подумал.

— Или ты считаешь, что я приживусь в этой конуре?

Ответ Арванда удивил молодого киммерийца.

— Да, — тут же отозвался Арванд. — Я уверен, что в конце концов эта жизнь придется тебе по душе.

— Почему? — гневно спросил Конан. — Почему ты так решил?

— Потому что ты с легкостью убил ни в чем не повинного человека, — пояснил Арванд. — У тебя сердце дикого зверя.

Конан хлопнул ресницами, не зная, считать ли последнее замечание Арванда комплиментом.

Арванд был правой рукой Гунастра, его ближайшим помощником, учителем фехтования для новобранцев и молодых аристократов Халоба. Из дня в день он тренировался сам и обучал молодых воинов владеть длинным мечом и коротким кинжалом, занимался боем на шестах, на копьях, кулаках. Со временем и вся гладиаторская казарма перейдет от старого Гунастра к ваниру — у Гунастра не было других наследников.

Заглянув утром в каморку, где крепко спал Конан, Гунастр заметил крошки хлеба, прилипшие к губам пленника Синфютли, и нахмурился. Значит, несмотря на все запреты, этот подлец Акун, повар, все-таки накормил мальчишку? Хорошо же... Отвернувшись от решетки, Гунастр рывкнул, перекрывая своим низким голосом расстояние от каморки до кухни:

— Акун!

Перепуганный повар — юркий, тщедушный человечек — выскочил из дверей кухни, обтирая на ходу руки о штаны. Следом за ним повалил дым и донесся запах подгоревшего мяса. Некогда белый, а ныне чудовищно грязный фартук свисал на бедра повара, прикрывая низ живота,

точно пояс стыдливости у какого-нибудь дикаря из южных стран.

— Подойди ко мне, дрянь, — сказал Гунастр. И когда Акун боязливо приблизился и заморгал, хозяин наотмашь ударил его по лицу рукой в латной перчатке. Из носа повара хлынула кровь.

— За что? — плаксиво крикнул он, хватаясь руками за щеки.

Второй удар повалил его на землю.

Конан проснулся и сел на соломе. Гунастр избивал повара прямо перед каморкой нового гладиатора.

— За что? — приговаривал при этом владелец казармы. — За то, что я запретил тебе кормить киммерийца и давать ему воду!

— Я не кормил его! — рыдал повар, но старый вояка не слушал.

— За то, что ты ослушник! За то, что допрыгаешься со своей жалостью к голодным, и тебе тоже сломают шею!

— Я не ослушник! — вопил повар.

— Так лучше я тебя проучу, чем придется потом собирать твои кости по всему двору, — заключил Гунастр, сопровождая это отеческое замечание немилосердным пинком под ребра несчастного Акуна.

Конан смотрел на эту сцену и безмолвствовал. Он мог бы сейчас вступить за повара, выдать Арванда и насладиться гневом, который Гунастр обрушит на строптивого ванира. Но почему-то киммериец не стал этого делать.

После полудня во дворе начались тренировки. Приникнув к решетке своей камеры, Конан жадно следил за ходом событий. Он старался не упустить ничего, ни одной, самой незначительной, детали. Ведь с одним из этих людей ему предстоит сразиться на игрищах в память Сигмунда. И потому от цепкого взора киммерийца не ускользала ни одна особенность. Он запоминал: у рыжего Ходо медвежья сила и быстрая реакция; чернявый Каро — левша и тем опасен; Хуннар — тот самый, кому непостижимым образом мгновенно становятся известны все городские сплетни, — любит один и тот же трюк, сперва направляя меч в глаза противника, а потом внезапно нанося удар в живот.

Киммерийцу было бы любопытно поглядеть, каков же в поединке Арванд. Но ванир лишь наблюдал, усмехаясь, изредка вставляя замечание или награждая побежденного изрядным тычком своего неизменного шеста, обитого металлом. Несколько раз темные глаза Арванда встречались с синими глазами молодого киммерийца. Получалось, что они переглядываются, как заговорщики. Можно подумать, что их связывает некая тайна. Конан сердито тряхнул головой. Нет и не может быть никаких тайн у вольнолюбивого киммерийца с этим купленным на рынке холопом, который очень доволен своей презренной участью. И Конан хмурился, отворачиваясь.

Но его тянуло смотреть. Простую душу варвара буквально разрывали на части два взаимоисключающих стремления: он хотел не иметь ничего общего с этими подневольными бойцами, умиравшими и убивавшими друг друга во славу чужих богов... и ему смертельно хотелось принять участие в поединках, пусть даже просто ради тренировок.

Он так глубоко погрузился в свои думы, что не заметил, как рядом оказался Гунастр.

— Ну что, Медвежонок, — добродушно заговорил с ним старый воин, — хочешь подраться?

Конан вздрогнул и отпрянул от решетки.

— Да, — выпалил он вдруг чуть ли не помимо своей воли.

Гунастр от души рассмеялся.

— Ладно, — сказал он. — Заодно и поглядим, на что ты годеи.

Он снял с пояса ключ и открыл замок. Варвар сделал шаг к выходу, потом другой — и одним прыжком выскочил из каморки во двор. Движения его были гибкими и стремительными, как у молодой пантеры.

Конан развел в стороны руки и с удивлением отметил, что уже не чувствует рапы на груди. Северяне вылечили-таки его своими вонючими мазями, приготовленными на бараньем жире. Конан присел на корточки, встал. Ноги не болели. Слегка подводило от голода живот, но это было чувство, привычное юноше сызмальства. Киммерийцы вообще частенько держали детей впроголодь — чтобы наесться до отвала, мальчику приходилось изрядно побегать по горам, загоняя оленя.

Гунастр с любопытством смотрел на него.

— Меч или копье — что ты предпочитаешь?

— Меч, — сказал Конан и облизал губы.

Ему подали оружие — длинный меч с закругленным острием и совершенно тупой.

Варвар подержал его в руке, потом разжал пальцы, и медь зазвенела о каменные плиты.

— Я просил дать мне меч, а не палку, — повторил юноша и обвел лица собравшихся мрачным взглядом исподлобья. Однако никто и не думал насмеяться над ним.

— Полагаю, мальчик, тебе лучше наклониться и поднять то, что ты бросил, — мягко заметил Гунастр. — Неужели ты думаешь, что тебе кто-нибудь даст в руки настоящее оружие? Острый клинок ты увидишь только на выступлении.

Конан снова, к своей великой досаде, встретился глазами с Арвандом. Тот еле заметно улыбнулся и слегка кивнул, прикрыв веки. Это окончательно вывело Конана из себя. Он взревел и бросился на стоящего рядом Гунастра, норовя вцепиться ему в горло своими лапищами. Выставив шест, Гунастр ловко отбил атаку киммерийца, а следующим ударом пригвоздил варвара к каменным плитам.

Лежа на спине и яростно извиваясь, киммериец хрипло ругался. В углах его рта выступила пена.

— Не делай глупостей, сынок, — повторил Гунастр. — Бери то, что тебе дали, и покажи нам, годишься ли ты хоть для чего-нибудь.

— Убери шест, — выдал Конан.

Гунастр освободил его. Кашляя, киммериец поднялся на ноги и подобрал то, что лишь в насмешку могло считаться оружием.

Против него выступил Хуннар. Конан прищурился. Отлично, подумал он, посмотрим, пройдет ли излюбленный прием гладиатора-сплетника с бойцом из Киммерии. Конан хмуро кивнул ему и поднял «меч».

Хуннар атаковал первым, почти не дав своему противнику времени собраться. Но Конан, быстрый, как змея, увернулся и в свою очередь нанес удар, нацелив его на плечо Хуннара. Медь зазвенела о медь. Следующая атака принесла Хуннару удачу — он задел ногу Конана, и Гунастр, внимательно следивший за ходом поединка, гулко хлопнул в ладоши.

— Киммериец серьезно ранен, — объявил он.

Конан оскалился. Хуннар, видимо решив покончить с «раненым» одним ударом, вновь прибег к привычной тактике. Меч сверкнул у самых глаз Конана, но киммериец, привыкший к сиянию льдов на горных вершинах, ни на миг не зажмурился, и меч его был готов парировать удар, направленный, как заранее знал Конан, на самом деле не в голову, а в живот. Следующий выпад Конана был для его ошеломленного противника «смертельным» — Хуннар был «убит» ударом прямо в сердце.

Хуннар попытался было сжульничать и продолжить бой, но Гунастр ловко ударил его шестом по правому плечу и отогнал от киммерийца.

— Бой закончен, и ты убит, Хуннар, — объявил он. — Нечего пыжиться. Если бы у него был в руке настоящий меч, то сегодня мы бы тебя уже похоронили.

— У него какой-то варварский стиль, — сердито сказал Хуннар. — Ни школы, ни надлежащей выправки. Бьет куда попало.

— Не куда попало, а прямо в сердце, — заметил Гунастр. — Важно не выправку иметь, а достигать своей цели. — Он хлопнул Хуннара по спине. — Дуйся, сколько хочешь, но мальчишка тебя обставил.

Хуннар, ворча, отошел в сторону.

Конан стоял со смехотворным тупым мечом в руке и смотрел, как побежденный им противник, чуть не плача, уходит в свою конурку. А вокруг галдели гладиаторы, и киммериец слышал, как они, посмеиваясь, хвалят его. Он гордо вскинул голову... и вновь увидел лицо Арванда. «Я познал славу», — так говорил ему ванир. И Конан резко тряхнул волосами, отгоняя воспоминание о том неприятном разговоре.

— Кто-нибудь еще? — спросил он громко, надеясь, что Арванд примет вызов.

Но Гунастр отобрал у него тренировочное оружие.

— Оставь сегодня эти игрушки, — сказал он. — Думаю, тебе надо как следует поесть. Для арены сгодишься, это мы уже поняли. Вечером покажешь нам, под силу ли тебе справиться с нашим великаном Ходо.

Конан кивнул. Направляясь в столовую, он поймал себя на том, что улыбается.

Харчевня называлась «Бурый Бык». Ее местонахождение — неподалеку от гладиаторских казарм, в том квартале Халоба, где селились большей частью наемники, профессиональные солдаты, всегда готовые предложить свои мечи любому честолобивому вождю, — определило и круг завсегдатаев этого почтенного заведения. Общество собиралось не столько изысканное, сколько душевное: искатели приключений, бродяги, воины, потаскушки; иногда забредали сюда крестьяне из близлежащих сел, ремесленники, а то и торговцы из небогатых — послушать, как хвастаются своими подвигами бывалые вояки, повздыхать, потискать ядреную девушку.

Здесь безраздельно царили хозяйки «Бурого Быка» — Амалазунта и Амалафрида. Сестрам уже давно минуло тридцать, но еще много оставалось до сорока; пышнотелые, с толстыми белокурыми косами, они казались такими же сдобными, как те булочки, которыми славилась их харчевня.

Погонщик, угрюмый парень с всклокоченной бородой, сидел в темном углу «Быка», поглощая пиво кружку за кружкой. Зимой темнеет рано. Тонкий серп ущербной луны уже высоко поднялся в небо. Выюга завывала над городом. Не хотелось покидать душное, теплое помещение, где под потолком трещат чадные факелы, где распаренные человеческие тела источают жизнеутверждающие запахи, а из котлов валит пар, суля самые изысканные радости самому изголодавшемуся обжоре, какой только сыщется во всей Халоба.

Но у погонщика были и другие причины оставаться в харчевне и не спешить покидать ее. Однако даже вспоминать об этом он боялся.

Амалафрида, старшая из сестер, под села за стол поближе к одинокому парню.

— Что-то ты невесел, сокол сизокрылый, — вкрадчиво проговорила хозяйка трактира.

Погонщик удостоил ее мрачным взглядом. Амалафрида поежилась, кутая свои тяжелые округлые плечи в белый платок.

— Не гляди так, дырку прожжешь, — сказала она. — Что тебя гнетет, друг? Поссорился с девушкой?

— Я с собой в ссоре и со всем светом, — в сердцах сказал погонщик. — Не терзай мне душу, Фрида.

Женщина прищурилась, взглядываясь в широкое, скуластое лицо погонщика.

— А, так ты меня знаешь, — протянула она. — То-то и я гляжу: личность твоя мне знакома. Мы с тобой уже?..

Погонщик кивнул. Он уже как-то раз имел с ней дело. Ему было лень ублажать Амалафриду — для того чтобы эта дама осталась довольной и утром вознаградила усилия кавалера бесплатным завтраком, с вином и жареной бараниной, нужно было очень и очень постараться. Но выхода не было: или сейчас же расплатиться за ужин, встать и уйти в ледяную ночь, где бродит... (он содрогнулся и качнул головой, отгоняя жуткое воспоминание). Либо час-полтора напряженного труда — и безопасный ночлег рядом с жаркой, как печка, и мягкой, как перина, женщиной. Последнее улыбалось ему куда больше.

— С собой поссорился, говоришь? — задумчиво переспросила Амалафрида. — Да, плохо дело.

Погонщик знал, что в душах сестер жив и всегда готов пробудиться нерастроченный материнский инстинкт. Любой из завсегдатаев «Бурого Быка» мог найти здесь поддержку и понимание — насколько Амалазунта и Амалафрида в состоянии были что-либо понимать. Он опустил голову, прижался лбом к мягкой руке Амалафриды.

— Это был страх, — прошептал он. — Страх. Он шел впереди, как глашатай. Он точно трубил мне прямо в уши: «Они идут... они идут!» И я потерял голову и помчался куда глаза глядят... чуть не замерз...

— Выпей еще пива, — предложила женщина. — Горе влагу любит.

Не слушая ее, он продолжал как в бреду:

— А потом того купца нашли полурастерзанным, а его рабов насмерть замерзшими... Значит, не приснилось мне, значит, все было на самом деле...

— Погоди-ка, — перебила Амалафрида. — Это ты о ком? Это ты о том торговце из Офира, которого сопровождали черные демоны?

— Я его вез до Халоба.

— Так разве ты не слышал, что сказали старейшины? Игг наслал зверя, дабы оборонить нас от сил Зла.

— Игг! Ты можешь верить болтовне этих растерявшихся стариков, Фрида, но я-то знаю правду! — Погонщик поднял голову и посмотрел женщине в глаза долгим тяжелым взглядом.

— Какую правду? — прошептала Амалафрида. — Ты сомневаешься в мудрости старейшин?

— Сомневаюсь ли я? Да я не сомневаюсь в том, что они ни бельмеса не знают, вот так-то!

Он налил себе еще одну кружку и залпом осушил ее.

— Фрида, — прошептал он, — мне страшно. Он найдет меня по запаху и сожрет мои внутренности... Он вырвет мне сердце...

— Да кто — «он»? О ком ты говоришь?

— Огромный белый волк...

— Ты видел его? Ты видел Иггова Зверя? — жадно попыталась Амалафрида.

— Да... — еще тише отозвался погонщик. — Фрида, это были вовсе не черные демоны, те чернокожие. Простые люди, только темные. На юге есть королевства, где все такие чернокожие, даже короли. О, эти бедняги замерзли в наших снегах. А офит был всего лишь купцом, немного более жадным и чуток более храбрым, чем другие. Никаким не колдуном.

— А Иггов Зверь — какой он?

— Он появился бесшумно. Он... У него человеческие глаза. И это еще не все. На спине у него сидела девушка...

В голосе погонщика прозвучало столько ужаса, что по спине Амалафриды пробежала дрожь.

— Да хранят нас светлые силы, — сказала она. — Хвала богам, мы-то здесь в безопасности. Уж Амалазунта об этом позаботилась: на крыше громовой знак, у притоки ветка омелы, под порогом просыпано зерно, окна обведены крестами — ни молнии, ни злему духу не залететь к нам сюда.

— Это был вервольф, — сказал погонщик. — И страх бежал впереди него.

— Ну ладно, хватит тебе об этом, — решительно произнесла Амалафрида. — А то мне самой уж стало не по себе. Ты ведь переночуешь у нас в доме, не так ли?

Она провела языком по губам. Погонщик приподнялся, схватил ее за шею, привлек к себе и крепко поцеловал в жадный рот.

Огромное ложе Амалафриды шуршало свежей соломой. Нежась среди пушистых одеял, сшитых из звериных шкур,

погонщик и трактирщица негромко переговаривались. Уставшие после бурных ласк, они обменивались краткими ленивыми замечаниями. Оба сходились на том, что зима нынче ранняя, но снега было пока немного, а это плохо для урожая — выстудит землю.

Вдруг погонщик прервал себя на полуслове и затаил дыхание. Женщина почувствовала, как он напрягся, как будто ужас пронзил его, пригвоздил к постели.

— Что с тобой? — спросила она, обхватив его руками.

— Слышишь? — выдохнул он еле слышно. — Где-то воет волк.

Амалафрида прислушалась, но не уловила ни звука за плотно закрытыми ставнями.

— Тебе что-то чудится, золотце, — сказала она.

Но он разомкнул ее руки, высвободился из ее объятий и сел. Глаза его широко раскрылись.

— Волк, — повторил он. — Огромный белый волк с человеческими глазами...

Зверь стоял, широко расставив лапы, и глухо ворчал. Шерсть на его загривке поднялась дыбом. Тело молодого охотника, застигнутого вне городских стен ночным мраком, лежало на снегу, и темное пятно уже расплывалось под ним. Зверь поднял окровавленную морду и снова завыл. Потом лег, пристроив голову на ноги мертвеца, обутое в меховые унты, — к левой все еще была привязана лыжа — и стал ждать.

Она приближалась. Легкая, как птица, неслась она по снегу. Белое платье Соль развевалось, и казалось, будто девушка не бежит, а летит, не касаясь земли. Скорее к отцу, он зовет, он снова зовет — ничего другого она не знала, кроме этого настойчивого зова. Ни бабка Сунильд, ни Синфьотли, считавший Соль своей дочерью, ни кто-либо из слуг еще не заметил таинственных ночных отлучек девушки. Но даже если они и заподозрят неладное и выследят ее — ничто не сможет ее остановить.

Она не вполне понимала, что с ней происходило в такие дни. В самом начале ночи ее будил неясный голос, который она воспринимала не как звук, а как неожиданный и сильный толчок крови. Не обуваясь, в одной рубашке выходила она из дома, делала навстречу этому зову шаг, потом другой... и куда-то проваливалась, точно падала в

бездонный колодец. И вот она уже бежит, летит, гонимая нетерпением, — к нему, к отцу, к единственному родному по крови существу, — и ни холода, ни страха не ощущает юная, незащищенная, почти нагая девушка, ночью, одна, на заснеженной равнине.

Увидев в снегу перед волком труп, она с размаху остановилась, как будто споткнулась о невидимую преграду. Великие боги, второй загрызенный оборотнем за несколько дней! Люди так просто этого не оставят. Они мстительны, эти смертные. Скоро они начнут охотиться на Сигмунда и рано или поздно затравят его.

Закрыв лицо руками, Соль бурно зарыдала. Ей до смерти жаль было молодого охотника. За поясом у него висела связка соболиных шкурок. В заплочном мешке еще оставались хлеб, фляга с вином, веревки. Он торопился домой с богатой добычей, но не успел, и волк-Сигмунд настиг его. Волк на брюхе подполз к девушке и уткнулся мордой в ее колени. Не замечая, что белое полотно рубашки пачкает чужая кровь, Соль обняла волка, прижалась лицом к его взъерошенному меху, остро пахнущему диким зверем.

«Отец, — подумала она, — отец мой, как я люблю тебя, дикий мой зверь, таящийся в ночи!»

Соль и прежде обращала свои мысли к другим, без всякой надежды на то, что ее когда-нибудь поймут. Она научилась говорить, произносить слова вслух, но редко прибегала к этому умению — оно было почти бесполезно (если не считать молитв), поскольку девушка все равно не могла бы услышать ответа.

Что-то изменилось в ней после ночных полетов сквозь колодец — как сама она определяла свои таинственные вылазки, — потому что эта новая Соль умела слышать мысли.

И отец ответил ей:

«И я люблю тебя, моя Соль. Ты вернула меня к жизни, моя храбрая девочка».

Ничему не удивляясь, Соль мысленно сказала:

«Разве это жизнь для мужчины из нашего рода? В шкуре хищного зверя, лишь изредка — человеком...»

«Жизнь прекрасна и в волчьем облики, дочка».

«Зачем ты убиваешь их, отец?»

«Ты спрашиваешь, почему я убиваю людей, Солнышко-Соль?»

«Да,— страстно откликнулась она.— Они не простят нам. Они уничтожат тебя, и ты умрешь истинной смертью».

«Пусть сперва поймают, а затем одолеют».

«Люди умны, хитры. Ты попадешься в их ловушки. Отец, отец, я не переживу этого».

«Я — волк по имени Сигмунд. Я живу так, как мне нравится. Никто из племени людей не страшен мне».

«Ты не настоящий волк,— возразила она.— Ты оборотень. Не надо охотиться на людей, отец. Разве тебе мало телят и коз из здешних стад?»

«Мало! — Теперь от Сигмунда исходили жадность и рвущийся из глубины души восторг.— Знала бы ты, какое наслаждение, какое острое блаженство выследить это хитрое, осторожное, злобное существо — человека, перехитрить его, пересилить... увидеть страх в его дерзких глазах, услышать мольбу из его дерзких уст... и убить его».

Соль отчаянно затрясла головой.

«Попробуй сама,— предложил Сигмунд.— У них сладкая плоть».

Соль в ужасе посмотрела на волка, потом на кинжал Младшего Бога, который стискивала в руке. Встала. Волк отошел в сторону и сел, полураскрыв пасть. Девушка утопала плотнее снег босой ножкой, вонзила в землю кинжал, взмахнула руками, как будто собиралась взлететь,— и прыгнула.

Отчаянные рыдания Соль разбудили Сунильд. Старая женщина давно уже подозревала, что с внучкой творится неладное, но объясняла это для себя тем, что девочка входит в возраст и настала пора подобрать ей хорошего жениха.

Спускаясь в трапезную, она услышала, как конюх говорил кухарке Хильде:

— На рассвете лошади ровно сбесились. И ржут, и бьются, чуть стойла не разнесли. Я уж подумал, не волк ли шастает...

Глупости, сердито подумала Сунильд, какие еще волки в городе?

Соль лежала на полу возле очага и глухо стонала, кусая губы. Слезы текли из ее глаз. Распушенные волосы полны золы, белая рубаха мокра до колен, выпачкана кровью. Босые ноги покраснели и распухли.

— Боги милосердные! — Сунильд побледнела и заломила руки.— Что с тобой, Соль? Что с тобой сделали? Кто они? Где ты была, дитя?

Она бросилась на колени возле девушки, схватила ее за плечи, несколько раз сильно встряхнула.

— Где ты была? Где?

Соль смотрела на нее бессмысленными глазами. Она догадывалась, о чем спрашивает Сунильд, но все равно не могла ответить. Глухота обернулась для нее неожиданным союзником.

Сунильд обняла внучку, прижала к себе, принялась гладить по спине, содрогающейся от рыданий.

...Как долго был полет над рукоятью кинжала! Она взмыла в воздух, и снег остался далеко внизу. Она почувствовала еще в прыжке, как вытягивается ее тело, и, еще ничего не успев осознать, упала уже на четыре лапы.

Сразу же тысячи незнакомых запахов ударили ей в ноздри. Раскинувшийся вокруг мир оказался куда богаче, чем представлялось убогой девочке, в чьем немошном теле обитала душа Соль. Волчица ощутила презрительную жалость к себе самой в человеческом облики. Она потянулась, с удовольствием ощущая свое новое тело — сильное и гибкое.

Белый волк, сидевший поодаль, вскочил и бросился к ней. Ласково повизгивая, он слегка прихватил ее зубами за загривок. Она увернулась, ударила его лапой. Незнакомая радость заполнила сердце Соль. Бремя забот, страшная тайна происхождения, смерть и посмертная жизнь Сигмунда — все это куда-то исчезло. Свободная от человеческих дум и страхов, Соль-волчица могла позаботиться о себе куда лучше, чем девочка Соль, наследница высокородной Сунильд.

Только вот эта ущербная луна в небе и странная тоска...

«Соль! Ты понимаешь? Теперь ты меня понимаешь?»

«Да! Да! Да!»

Подпрыгивая, молодая волчица кружилась по снегу в погоне за собственным хвостом, исполняя самую обыкновенную щенячью пляску радости.

Она была крупной, хотя и не такой внушительной, как волк-Сигмунд. И у нее был чудесный золотистый мех, какого вообще не бывает у волков.

Волки понеслись по равнине. Они довольно долго го-

нялись друг за другом. Потом Соль остановилась. Пасть волчицы была распахнута, язык вывален. Желтоватые зубы поблескивали в лунном свете.

«Я голодна, Сигмунд».

«Хо! Я уделю тебе от своей добычи, прекрасная волчица с золотистым мехом».

Она вскочила. Внезапно тревога охватила ее. Волк подбежал к ней, ткнулся мордой в ее впалый бок.

«Что случилось?»

«Не знаю... Не помню... Я почему-то не должна угощаться от твоей добычи, Сигмунд».

«Почему? Кто сказал тебе это?»

«Никто. Я просто это откуда-то знаю... Мы не волки, Сигмунд! Мы люди!»

«Мы — дети Младшего Бога, Соль. Человечье племя — еда для нас».

Они побежали назад, к телу молодого охотника. Волчица трусила, опустив голову. Сотни, тысячи незнакомых запахов сводили ее с ума. Но вот она уловила острый запах крови, и шерсть на загривке поднялась у нее дыбом. Верхняя губа задралась, нос сморщился. Этот запах дразнил, вызывал непреодолимое желание грызть, рвать на части.

Жадно ворча, волки накинулись на свою жертву. И никогда еще трапеза не доставляла Соль такого наслаждения — даже во время пиршества в доме высокородной Сунильд, когда подавались самые изысканные яства. Ни одно блюдо, приготовленное искуснейшим поваром, не может сравниться со свежим сырым мясом, думала волчица, облизываясь.

Волк подбежал к ней, обнюхал ее морду. Глаза его искрились.

«А знаешь, почему убывает луна, Соль?»

Ее зрачки загорелись красным огнем, и она подобралась, готовая вновь играть — кусать, бить лапой, отскакивать, пускаться в бегство.

«Нет! Нет! Не знаю!»

«Потому что мы, волки, каждый вечер откусываем от нее по кусочку!»

Тревога задела волчицу темным крылом. Она снова вспомнила.

«Но мы не волки, Сигмунд!»

«Нет, Соль, мы волки. Забудь об ином».

«Я не хочу забывать. Смотри!»

Волчица разбежалась и пролетела над кинжалом Младшего Бога. И упала у лап Сигмунда худенькой девушкой в длинной рубаше. Мокрый волчий нос ткнулся в ее лицо. Она поцеловала окровавленную морду, вынула из снега кинжал, встала.

Девушка сделала шаг назад и споткнулась о труп молодого охотника, изуродованный и наполовину съеденный волками.

В ужасе она уставилась на него, вспоминая, с какой жадностью только что сама рвала его зубами. Тошнота подступила к горлу Соль, и она прижала ко рту ладони. Смутно чувствуя свою вину, волк сел рядом с ней и навалился тяжелым боком на ее ноги.

Соль оттолкнула его и побежала...

Она не знала, сколько времени неслась по равнине, не помнила, как оказалась в городе, как миновала стражу у ворот. Она вновь словно провалилась в небытие. Кони бесились, собаки лаяли, когда она пробиралась по ночному городу. Что-то от дикого зверя еще оставалось в девочке Соль, и ей было страшно.

Глава восьмая

Арванд взял из рук Амалафриды кувшин густого темного эля, глиняную кружку и кусок солонины и отправился к своему любимому столу, в самом дальнем углу харчевни, откуда открывался превосходный вид, во-первых, на голову бурого быка, главное украшение харчевни (подарок Огла Чучельника, чудака, влюбленного некогда в Амалафриду, когда та была еще ребенком), а во-вторых и в-главных, на входную дверь. Пробираясь мимо хозяйки, ванир не преминул ущипнуть ее за круглый бок. Женщина хихикнула.

— Я нашла себе кое-кого получше, чем ты, старый убийца.

— Как ты хочешь, Фрида. Я ведь не настаиваю.

Арванд уселся, налил себе в кружку эль и принялся тянуть, поглядывая на собравшихся. Здесь, в «Буром Быке», он отдыхал. Хотя Гунастр давно уже относился к нему как к своему другу и наследнику, Арванд все еще считался его рабом. В последнее время ванира это стало угнетать.

Сегодня ему недолго пришлось оставаться в одиночестве. Вскоре к нему подседа младшая из сестер, Амалазунта. На локтях у нее были ямочки, на щеках ямочки, над верхней губой слева большая бархатистая родинка. Первый любовник достойной трактирщицы, гладиатор родом из Турана, которого она не могла забыть до сих пор, называл меньшую сестру из-за этой родинки Изюмчик.

Она навалилась на стол грудью и весело сказала Арванду:

— Привет, Протыкатель Дырок.

— Привет, Черничное Пятнышко. — Гладиатор ласково погладил ее по локтю.

— Ты мне нужен, знаешь.

— Зачем? — спросил Арванд и потрепал ее по щеке. Она была такая пухленькая, что ему все время хотелось ее укусить. — Насколько я знаю, твою дырку давно уже проткнули.

— Фи, грубиян. — Амалазунта надула губы. — Я не в том смысле. Просто мне нужен надежный, храбрый, разумный мужчина...

При каждом новом эпитете Арванд кивал.

— В самую точку, Изюмчик. Считаю, что уже нашла такого. Я сразу же узнал свой портрет.

— ...да, и непременно мужчину...

— Гм. Разумеется.

— ...в качестве ДРУГА...

— Это еще и лучше, Черника, ведь ДРУГОМ быть куда проще, чем протыкателем дырок...

— ...чтобы посплетничать, — заключила Амалазунта.

Арванд поперхнулся и долго кашлял, пока слезы не выступили у него на глазах. Амалазунта заботливо постучала его по спине.

— Уф! — выдохнул он. — С тобой свихнешься, Черника. Зачем же тебе для сплетен понадобился МУЖЧИНА? Не проще ли почесать язык с городскими женщинами у колодца? Вот где ты найдешь полное понимание.

— Не прикидывайся глупее, чем ты есть, — заметила трактирщица. — Разве среди женщин я сыщу умного советчика, который к тому же меня успокоит и никому ничего не разболтает?

— Да, ты права, — признал Арванд. — Ладно, выкладывай, что случилось. У вас с сестрой беда?

— И да, и нет. Если беда, то не только у нас. Слушай,

ванир. Вчера вечером Фрида подцепила одного парня. Он просто трясся от ужаса и готов был на все, лишь бы не выходить на улицу. Он ей такого понарасказывал...

Слушая историю погонщика, которую Амалазунта пересказывала по всем правилам: с драматическими паузами, придыханием, «большими глазами» и так далее, Арванд мрачнел все сильнее. История слишком проста, чтобы быть ложью. Арванд никогда и не верил тому, что волка послал Игг, а бродячий торговец был колдуном в союзе с демонами. Кто слышал в Халого о черных демонах? Никто. А вот вервольфы и другие оборотни — вепри, лисы — явление в Гиперборее, Асгарде, Ванахейме хоть и не частое, но все же не такое уж небывалое.

— Ну, что ты на все это скажешь? — спросила Амалазунта.

Ты правильно поступила, Черника, что рассказала мне, а не женщинам. Новость жгла тебе язык, но ты дождалась собеседника, который умеет молчать, моя умница.

— А что, об этом и впрямь лучше молчать?

Арванд кивнул.

— Погонщик, может быть, со страху и преувеличивает, но я думаю, что он действительно видел волка-оборотня. Значит, что, посоветуй-ка Фриде гнать этого парня подальше. Не ровен час, наведет сюда чудовище.

Амалазунта вдруг хихикнула.

— Он так боялся, что его выставят за дверь, что старался из последних сил, желая угодить сестре. Фрида вышла поутру с таким сытым лицом, какое бывает только у кота, обожравшегося сметаны. Даже глаза заплыли от удовольствия.

Арванд засмеялся и положил обе руки на плечи трактирщицы.

— Не завидуй Фриде, Черничное Пятнышко. Знаешь, я доставлю тебе нечто совсем особенное.

Амалазунта придвинулась к ваниру вплотную и тихонько прихватила зубами за ухо.

— И что же это такое будет, ты, старый детоубийца?

— Дитя.

— Ты что, хочешь, чтобы я родила тебе ребеночка? — Амалазунта отодвинулась и испытующе заглянула Арванду в глаза.

— Избави боги нас с тобой от такой напасти. Нет, я хочу как-нибудь привести к тебе одного из наших нович-

ков. Он еще совсем мальчик. Думаю, ты будешь его первой женщиной, Изюмчик.

Она сморщила нос.

— Мальчишка? Я что, по-твоему, Лесная Старуха, которая крадет детей?

— Он сложен, как бог, силен, как бык, наивен, как дитя, — и совершенно дикий.

Амалазунта недоверчиво улыбнулась.

— А ты не шутишь надо мной, Арванд?

— Нет. Клянусь, моя умница, это чистая правда. У нас его прозвали Медвежонком. Как его настоящее имя, никто не знает. Он киммериец.

— Очень интересно.

— Твоя Фрида лопнет от зависти, вот увидишь. Пусть не чванится своим погонщиком. Даже мне сегодня похвасталась. Проучим ее, а, Черника?

Амалазунта опустила подбородок на ладонь и мечтательно прикрыла глаза.

— Когда же ты его приведешь?

Арванд рассмеялся.

— Придется тебе немного подождать, детка. Говорю же, он еще очень дикий. На днях пытался отобрать у слуги ключ и сломал бедняге шею.

— Какой ужас!

— Не ужаснее того, что ты рассказала.

— Ты думаешь, это серьезно? Я имею в виду вервольфа.

— На всякий случай постарайся никуда не ходить по ночам. И сестре скажи. Когда я был мальчишкой, у нас в поселке шастала такая лисица. Она таскала детей, перегрызала им горло... Ее удалось выследить и затравить только через полгода. Долго мы охотились за ней, выкуривали из норы. Наконец мы погнали ее по холмам. И как же она неслась! Мне до сих пор иногда снится этот ромашковый луг и огненно-рыжий зверь, летящий стрелой...

— И что? — жадно спросила Амалазунта.

— У моего отца был добрый скакун, и он настиг ее. А ведь известно: кто убьет оборотня, тому не долго жить. Так и вышло. Отец вонзил в нее остро отточенный деревянный кол, и она прокричала ему проклятье человеческим голосом... Оказалось, мельничиха, которая жила у Быстро-го Ручья...

— А что твой отец? — тихонько напомнила женщина.

Арванд с трудом очнулся от давнего воспоминания.

— Отец? — переспросил он. — Да, мой отец в том же месяце насмерть разбился, упав с коня, — ни с того ни с сего Серый вдруг понес, точно сбесился. Поэтому я и говорю: если впрямь появился волк-оборотень, то бродячий торговец не последняя жертва.

Ничего не ведая о планах, которые строил относительно его персоны Арванд, молодой киммериец с увлечением пробовал свои силы в поединке с Ходо. Несмотря на чрезмерный вес и внушительное брюхо, Ходо был ловок и передвигался с необычайной быстротой.

Хуннар, побежденный Конаном накануне, с нескрываемым злорадством наблюдал за тем, как варвар теснит могучего толстяка.

— Тебе не устоять против него, Ходо! — подзуживал Хуннар.

— Молчи, пиявка! — пыхтел Ходо. — Ты еще увидишь, как я разделюсь с этим молокососом... Я сделаю из него, это... как сказать по-гиперборейски? Мясная отбивная! Эй!

Последний возглас относился уже к Конану, который, вместо того чтобы позволить превратить себя в вышеозначенное питательное блюдо, перешел в яростную атаку и нанес Ходо рубящий удар в плечо. Будь юноша вооружен сейчас настоящим мечом, его противник был бы уже разрублен наискось до самого пупа.

Ходо, ты мертв! — завопил Хуннар. — Бросай оружие и ложись пузом вверх!

— Проклятье, это нечестно! — возмутился Ходо. — Ты нарочно отвлекал меня своими дурацкими разговорами, Хуннар! Хотел, чтобы я нахлебался того же позора, что и ты!

— Ты сам позволил себя отвлечь, — сказал Хуннар.

Гунастр, внимательно следивший за поединком, глухо хлопнул в ладоши.

— Молодец, Медвежонок. Иди на кухню. Ты убедительно доказал свое право на тарелку фасоли с мясом и капустой. Только смотри, не убивай больше моих слуг. Если бы ты принадлежал не Синфьотли, а мне, я заставил бы тебя чистить котлы вместо Инго.

Конан удостоил его злобным взглядом и отправился в указанном направлении. Там ему выдали двойную порцию. С удовлетворением отметив страх на лице раба, протяги-

вающего ему миску, Конан сгорбился над своей трапезой и принялся заталкивать еду в рот обеими руками, время от времени обтирая жирные губы тыльной стороной ладони. Хрящи и мелкие кости громко трещали на зубах варвара. Ишь, какое прозвище для него придумали в казарме — Медвежонок. Пусть, подумал он. В том не было ничего обидного.

Поев, Конан сыто рыгнул, поковырялся в зубах грязным ногтем и наконец, к великому облегчению перепуганного слуги, вышел во двор. Он находился в благодушно-сонном настроении и уже примерялся отправиться в свою каморку и там завалиться спать на соломенном ложе, как вдруг всякое благодушие точно рукой сняло.

Во дворе казармы стоял Синфьотли и беседовал с Гунастром. Асир имел усталый вид. Если бы Конан знал, что бледность и круги под глазами вызваны тревогой Синфьотли за любимую дочь, злобной радости варвара не было бы предела.

Синфьотли обсуждал с владельцем казармы завтрашние игрища в память Сигмунда. Он, как уловил из их громкого разговора Конан, намеревался дать гладиаторские бои и хотел знать, готов ли выступить киммерийский пленник.

— Вполне готов, — заверил асира Гунастр. — Мальчишка хоть куда, Синфьотли. Сегодня разделался с самыми сильными ребятами в казарме. Ему бы немного попрактиковаться — и равных ему не будет.

Как ни были противны киммерийцу Синфьотли и его собеседник, он все же ощутил радость при последних словах Гунастра. Что ни говори, а Гунастр — профессионал.

Конан осторожно опустился на плиты двора и сел, скрестив ноги, чтобы удобнее было подслушивать. Поглощенные беседой, Синфьотли и владелец казармы пока не замечали его.

— Слышал про вервольфа? — сказал Гунастр. — На рассвете люди нашли молодого охотника, наполовину съеденного волком, а вокруг следы волчьих лап и человеческих ног.

— Женщины говорили что-то возле колодца, но мне кажется, что вервольфы тут ни при чем. Просто парня загрызли звери. Мне очень жаль его, Гунастр, однако ничего сверхъестественного в этой смерти я не вижу.

— А человеческие следы?

— Их мог оставить кто угодно. Это ничего не доказывает, — возразил Синфьотли.

Гунастр помолчал, качая головой, а потом с расстановкой сказал:

— Следы босых ног — и довольно маленьких ног. Как будто их оставил ребенок или женщина.

— Босых?.. — переспросил Синфьотли. — Боги милосердные!

Вот-вот. — Гунастр вздохнул. — Не нравится мне все это, Синфьотли. Волка, по рассказам, видели огромного, а следы почему-то детские. Путаница какая-то.

Следы ведьмины, несомненно, подумал Конан. Злодейка опять вышла на охоту со своим монстром. А Синфьотли то ли не догадывается ни о чем, то ли слишком хорошо умеет притворяться.

И снова, как и в первый раз, когда Конан подумал о том, что ведьму нужно как можно скорее уничтожить, ему вспомнилось невинное личико Соль: она сжимает в кулачке отцовский подарок, брошки-черепашки, и смотрит на Синфьотли обожающими глазами...

Словно мысли варвара о Соль передались Синфьотли, потому что он заговорил о девочке:

Уж не ворует ли волчара детей? — сказал асир мрачно. — У нас под утро кони в стойлах бесновались, как будто к ним забрался дикий зверь. И Соль выглядит так, словно насмерть перепугана чем-то.

— Может, зверь и вправду был на рассвете возле вашего дома, а Соль его увидела и испугалась? — предположил Гунастр. — Спросить бы ее, да как ее спросишь...

Синфьотли махнул рукой и отвернулся. И наткнулся взглядом на неподвижную фигуру варвара, сидящего в позе созерцателя.

— Это еще что такое? — удивился асир.

Конан остался невозмутим. Ни один мускул не дрогнул на его загорелом лице.

Гунастр тоже обернулся и, подбоченясь, захохотал.

— Он подслушивал! — сказал владелец казармы, вытирая слезы, выступившие от смеха. — И ведь как тихо подобрался! Не мальчик, а настоящий клад.

Конан в эту минуту как раз прикидывал, как бы ловчее вцепиться Синфьотли в горло и придушить его. Однако

Гунастр уже успел изучить повадки своего молодого подопечного и приставил к его шее свой меч.

— Хорошенького понемножку, — сказал хозяин казармы. — Новостей наслушался, фасоли накушался, теперь отправляйся в свою клетку.

Оскалившись в уже неприкрытой злобе, Конан встал и медленно, шаг за шагом, начал отступать, не сводя с Синфьотли пылающих глаз.

Глава девятая

Толпа гудела. Конан оглядывался по сторонам. Зрители, собравшиеся посмотреть на бой, возбужденно переговаривались. Тут же заключались пари. Знайки обсуждали достоинства уже известных им бойцов, гадали, как покажут себя новички.

Стоя рядом с Гунастром на возвышении посреди круглой площадки для выступлений, Арванд громко выкрикивал имена тех, кому предстояло сегодня сражаться. Каждое новое имя встречалось новым накатом волны возбужденных голосов.

Конан не слушал. Варварский инстинкт, воспитание, привычки, выработанные им за короткую, но полную опасностей жизнь, — все протестовало против положения, в котором он оказался: безоружный, посреди открытого пространства, у всех на виду. Он чувствовал себя попавшим в ловушку диким животным. Ноздри его вздрагивали — множество резких запахов окружало его со всех сторон. Ему хотелось спрятаться, и он даже нашел вполне подходящее укрытие — сперва за подиумом, на котором стояли Гунастр со своим прихлебалой, потом вдоль скамей... Взгляд варвара медленно скользил по рядам зрителей. Среди них были и женщины. И если Конану удастся вырваться и броситься в бегство, то нужно запомнить заранее, где больше женщин и, следовательно, где легче будет проложить себе путь к спасению.

Конан видел множество лиц, румяных с мороза, разгоряченных предстоящим кровопролитием. Здесь были рослые гиперборейцы в роскошных меховых куртках; светло-волосые асиры, одетые в дубленую кожу, украшенную бисерными вышивками и кусочками меха; более темно-

волосые ваниры с широкими браслетами на запястьях и ожерельями из медвежьих когтей и клыков.

И вдруг взгляд Конана остановился.

Синфьотли.

Копна соломенных волос, очень светлые, почти бесцветные глаза, надменный рот. Асир стоял среди зрителей, одетых более бедно, слева от трибуны — видимо, там было менее почетное место. Конан немного удивился этому: Синфьотли — один из уважаемых в Халоба людей; он прославленный воин; дом его матери известен своим богатством, а род их принадлежит к древним и знатым. И одет недруг киммерийца был очень просто, даже скромно, что выглядело довольно странным, особенно в сочетании с его гордой осанкой.

— В память моего брата Сигмунда, — громко произнес голос откуда-то справа, и Конан, вздрогнув, перевел взгляд на говорящего, — во славу имени того, кто погиб как воин с оружием в руках, израненный, зарубленный в последней схватке с ордой киммерийских разбойников...

Сперва Конану почудилось, что у него двоится в глазах. Справа стоял Синфьотли. Только на этом Синфьотли были богатые одежды — длинная, почти до колен, кольчуга, перехваченная наборным поясом, красный плащ с горюстаями, длинный меч на бедре, широкая золотая цепь на груди. Волосы в знак печали по брату не прибраны, плем снят. Шрам на щеке покраснел.

Глаза Конана метнулись к двойнику говорящего. У того нет шрама. И он... безоружен. Острый взгляд киммерийца отыскивал все больше и больше отличий. И цвет волос другой, более светлый, и лицо худее...

— Я хочу, чтобы в память моего брата пролилась киммерийская кровь. Одного киммерийца я специально выкупил ради этого у своего товарища, который пленил его силой своего оружия. Вот он!

На середину площадки вытолкнули кого-то, встреченного ревом толпы. Конан не обратил на него внимания. В этот момент он был поглощен одним: он сравнивал Синфьотли с его двойником.

— Второго я сам взял в плен. Не думайте, однако, что он сдался мне добровольно. Смотрите, друзья, каков он — Медвежонок из Киммерии, попавший в плен из-за обильных ран, но не по недостатку доблести!

Конана схватили сзади за шею специально предназна-

ченной для этого рогатиной и выволокли на самую середину. Рев толпы оглушил его.

Киммериец был обнажен до пояса, и только плащ, наброшенный на плечи, защищал его от мороза. Его тело, натертое перед схваткой маслом, лоснилось. С него сорвали меховой плащ, чтобы зрители могли по достоинству оценить его сложение.

В последний раз Конан обернулся на двойника Синфьотли. И когда глаза их на мгновение встретились, Конан заметил в зрачках асира красноватое свечение. Сомнений больше не оставалось. Сигмунд! Убитый и оплаканный, он вернулся из запредельных миров, не желая отказывать себе в удовольствии попристутствовать на тризне в свою память.

Дрожь пронизала варвара, и он не стал стыдиться своего страха. Человек не должен бояться другого человека, но сверхъестественные силы — это совершенно иное дело.

Сигмунд пристально смотрел на юношу-киммерийца. На какое-то мимолетное мгновение между ними установилось полное взаимопонимание. Если бы они провели в откровенной беседе несколько часов — и то они не узнали бы друг о друге больше.

Потом служитель еще раз ткнул варвара рогатиной, и тот, споткнувшись, выскочил на площадку, подготовленную для поединка. Снег там был тщательно утрамбован и посыпан песком. Лицом к лицу Конан столкнулся с Тиленом, давним своим приятелем.

— Вот твой враг, — сказал ему Арванд, желая подбодрить Конана. — Убей его, и ты победишь.

— Он заслуживает презрения за то, что сдался в плен, — сказал Конан. — Но почему я должен карать его за это смертью? Он сам покарал себя. А я не хочу марать рук о труса. Дайте мне равного противника.

— Убей его, — повторил Арванд. — Сначала тебе нужно доказать свое право сражаться с другими.

Ванир вынул из-за пояса два меча и, высоко подняв их в воздух, показал зрителям, что они одинаковы.

— Желает ли кто-нибудь проверить, достаточно ли остро оружие? — крикнул Гунастр.

— Э, Гунастр, кто же не знает, как ты точишь клинки? — ответил голос из толпы. — Оружие твоих ребят всегда наготове, и жалоб не бывает.

Две-три женщины из зрительниц густо покраснели.

Арванд развел руки в стороны, и противники, которым предстояло схватиться в единоборстве, взяли мечи.

— Пощады не будет, — предупредил Арванд. — Один из вас должен быть убит.

Он едва успел отскочить. Ощувив в ладони тяжесть оружия, Конан испустил дикий боевой клич и ринулся в атаку. Тилен еле-еле сумел отразить его натиск. Несколько минут они обменивались ударами. Их учили одни и те же фехтовальщики. Не раз им случалось биться рука об руку. Но сейчас Конан знал одно: чтобы отомстить потом за себя и остальных, он должен убить.

— Конан! — крикнул Тилен. — Ты обезумел!

Вместо ответа варвар нанес еще один удар. Больше Тилен ничего не говорил. Он был старше Конана на два года, но его противник был шире в плечах, выше ростом и тяжелее. Пригнувшись, Конан избежал удара, который другому, менее проворному человеку, снес бы голову. Следующая атака Конана была ложной. Сделав выпад, он вынудил соперника раскрыться. Слишком поздно Тилен понял маневр Конана. Меч, полученный из рук Арванда, разрубил ребра и вонзился в бок Тилену. Тяжело дыша, Конан выпрямился. Соперник остался лежать у его ног, крича и корчась от боли.

Зрители взревели. Они вздымали вверх кулаки, бушевали, ликуя, вопили. Внешне невозмутимый, Конан смотрел на них своими ледяными глазами, и сладкий яд славы, проникая в его кровь, согревал дикое сердце варвара, точно подогретый мед.

Арванд пробирался сквозь толпу к женщине в темно-синей шали, туго завязанной на голове. Золотая бахрома шали падала на белый лоб Амалазунты. Полуоткрыв рот, молодая женщина восхищенно смотрела на варвара.

Арванд тронул ее за плечо, и она нехотя обернулась.

— Привет, Амалазунта, — сказал Арванд.

— А, — рассеянно отозвалась она. — Ты, ванир.

— Раньше ты была со мной поласковой, — укоризненным тоном произнес он. — Кем ты так увлеченно любишься? Этим молодым киммерийцем, не так ли?

— Да уж, не тобой, — огрызнулась женщина.

— Ох, Амалазунта, как ты сегодня сурова. — Арванд засмеялся. — Ведь это тот самый парень, которого я тебе обещал.

Она резко повернулась к Арванду и уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Правда? Ты говорил о нем? Да ведь это даже лучше, чем я могла себе представить! Боги милосердные! Скажи, Арванд, и как это получается, что какой-то слабой женщине удастся выносить в себе и родить на свет мужчину, да еще такого?..

Арванд улыбался ее восхищению. Он, конечно, знал, что Амалазунта вовсе не так проста и наивна — иначе она не смогла бы содержать трактир и преуспевать, — но порой у нее прорывались по-детски искренние чувства, а перед Арвандом, который был ее близким другом (насколько понятие «дружбы» вообще применимо к таким людям, как гладиатор и хозяйка питейного заведения), она их не скрывала.

— Киммериец будет твоим, детка, — сказал Арванд. — Эти сильные руки будут ласкать тебя, и его жесткие звериные губы поцелуют твой нежный ротик... ну, и все остальное тоже воспоследует, как ты понимаешь.

Амалазунта покраснела.

— Только надо подождать, понимаешь, Черника? — продолжал он. — Этот мальчик уже познал сладость победы на арене, но пройдет некоторое время, прежде чем он окончательно привыкнет к своему положению и перестанет душить и рвать зубами на части все, что движется.

— Он такой юный, — прошептала Амалазунта. — Такой красивый! Фрида сдохнет от зависти! Хотела бы я видеть ее лицо, когда она узнает!.. Еще вчера она хвасталась своим погонщиком, вот ведьма, а еще сестра. Как мне благодарить тебя, Арванд?

— Благодарить еще не за что, — засмеялся ванир. — Какая же ты красивая, Черничное Пятнышко. Особенно когда жадничаешь.

Она жарко поцеловала его в губы и снова уставилась на молодого киммерийца.

Конан слышал крики: «Добей его, Медвежонок!», «Начал битву — закончи ее!», «Смерть!» Но юноша по-прежнему не двигался. Он пил эти вопли, как доброе вино, смакуя каждый глоток. Он на виду. Им восхищаются. Ему рукоплещут. Глаза мужчин и женщин сверкают, глядя на него.

Неудержимая сила тянула его взглянуть в ту сторону, где он заметил Сигмунда. Варвар страшился вновь увидеть эти красные зрачки и в то же время не мог противиться искушению — и взглянул. Сигмунд был на прежнем месте. Он стоял среди кричащих, ликующих зрителей и смотрел на Конана неподвижным взглядом. Когда их глаза второй раз встретились, бледные губы Сигмунда дрогнули, и он слегка улыбнулся и кивнул Конану. Киммериец не мог слышать его голоса, но он понял, какое слово беззвучно прошептал Сигмунд: «Убей».

И Конан подчинился. Он склонился над стонущим Тиленом, увидев на миг его искаженное мукой лицо — знакомое с детства.

— Конан... — хрипло простонал Тилен. — Не мучай же меня...

Словно издали смотрел на него варвар. Потом быстрым, умелым движением перерезал побежденному горло.

Выпрямившись, Конан снова поискал в толпе Сигмунда, но оборотень уже исчез. И странное напряжение отпустило киммерийца. Он широко улыбнулся и победно закричал, взмахнув над головой мечом, красным от крови поверженного противника.

Глава десятая

Волчица бежала с холма на холм, вытянув хвост и опустив морду к земле. Следы безошибочно вели ее к цели. И вот она увидела его. Он вышел ей навстречу — рослый, стройный, сумрачный человек, безоружный, с непокрытой головой. Морозный ветер отбрасывал с его бледного лба соломенного цвета волосы. Он протянул к ней руки, и волчица замерла на миг, а после бросилась к нему огромными прыжками. Еще секунда — и вот она уже лижет его лицо, встав лапами ему на плечи.

«Милая, милая, родная моя, — бормотал он, лаская ее золотистый мех на загривке и теребя острые уши. — Маленькая, отважная девочка».

«Я не могу жить без тебя, отец, — услышал он мысленный призыв Соль. — Эти люди вокруг... Они такие чужие, такие пустые, жалкие... Все, даже Синфьотли, даже Сунильд. Они так не похожи на нас...»

«Я знаю, дочка, я все знаю», — говорил Сигмунд.

«Синфьотли сводит меня с ума», — продолжала она. — Я ненавижу его. Он так похож на тебя... и совершенно другой. Я готова разорвать его за это. Никогда я не была так одинока, отец».

«Малышка, — сказал ей Сигмунд. — Ты не должна больше превращаться в волчицу. Я сделал большую ошибку, показав тебе эту сторону нашей жизни».

«Но почему, отец? Мне так легко в этом теле, мне так свободно! Я больше не слабенькая девочка, я — вольный зверь! Пусть они боятся меня!»

Она завертелась волчком, лязгая зубами, потом бросилась на спину и вывалилась в снег. Встряхнувшись, она уставилась на него сияющими глазами.

«И столько запахов вокруг, отец! И от меня самой так чудесно пахнет!»

«Знаю. Знаю...»

Волчица села, подняла голову, ластясь к человеку, и толкнула его под руку крутым лбом. Озаренный последним лучом заходящего солнца, Сигмунд казался ей очень красивым и очень печальным. Глаза его тонули в глубокой тени.

«Будь осторожна, Солнышко».

«Чего мне бояться, отец? Правда, поначалу я действительно испугалась, когда увидела, что мы сделали с убитым человеком... Но теперь я понимаю, что это было правильно. Иначе и быть не может. Они — еда для нас. Мы — дети Младшего Бога».

«И в этом наше проклятье, девочка».

«В этом наше счастье и благословение».

«Соль, ты не знаешь, о чем говоришь. Волчья природа берет в тебе верх, лишает ясного разума».

Волчица вскочила и помчалась, пыля снегом, выплывая петли вокруг человека-оборотня.

«А если мне скучно, скучно, скучно быть просто женщиной! А если я не хочу выходить замуж и быть женой обыкновенного человека! А если я хочу рожать детей волку, волку, волку!»

«Опомнись, Соль!»

«Нет, нет, нет!»

«Соль!» — В его призыве появился оттенок властности, волчица-Соль уловила это. Перед ее мысленным взором встал смутный образ, который она определяла как «Тот-

Кто-Сильнее». Опустив голову, волчица приблизилась к оборотню и села у его ног.

«Соль, — повторил он мягче. Тот-Кто-Сильнее перестал хмуриться. Волчица тихонько взвизгнула. — Рано или поздно, Соль, люди выследят нас. Я уже мертв, девочка, я мертв, но ты жива, и тебе нужно постараться забыть обо всем. Стать просто человеком. Просто женщиной. Я хотел бы видеть тебя счастливой».

«Я так счастлива с тобой, отец».

«Меня скоро убьют, — спокойно продолжал Сигмунд. — Я не смогу жить, не терзая человеческую плоть. Зверь во мне так и рвется на волю».

«Тебя не убьют».

«Запомни, Соль. У нас с тобой есть две жизни: человеческая и звериная. Когда умирает человек, оживает зверь. Во мне жива только одна душа — волчья».

«И во мне! И во мне!»

Он опустил руку, провел пальцами по нижней челюсти волчицы. Она ласково прихватила его руку зубами.

«Соль, я хочу, чтобы ты поняла. Скоро, очень скоро они нападут на мой след. Я чувствую близость врага. Кто-то умный, хитрый знает обо мне слишком много... Когда он найдет меня, ты не должна быть рядом».

«Почему ты так уверен в этом?»

«Потому что один человек знает, кто я. Не догадывается, а ЗНАЕТ. И, возможно, у него есть союзники».

«Откуда жалкий сын жалкого племени может что-либо знать о тебе? Никому, даже бабушке, не известно, кто ты такой, кто я такая. Никто на всем белом свете — ни одна живая душа — нет — нет — нет...»

Сигмунд сердито топнул ногой.

«Говорю тебе, он знает. Я прочел это в его глазах. У него нет ни малейших сомнений».

«Как это может быть, отец?»

«Он и сам наполовину дикий зверь. Юноша-варвар, пленник Синфьотли. Тот, что отнял мою первую жизнь, убив Сигмунда-человека в последней битве с киммерийцами. Сегодня он видел меня на гладиаторских играх. Другой бы обманулся, но только не он».

Волчица вскочила. Глаза ее загорелись красным дьявольским огнем.

«Я разорву его на части, отец! Я перегрызу ему глотку и прикачу к твоим ногам его окровавленную голову!»

Сигмунд безмолвно смотрел на охваченного охотничьим азартом зверя, опасного, кровожадного. И это — его дочь, нежное дитя, рожденное кроткой Изулт, которая была такой покорной, такой ласковой. Ему стало страшно, но превыше страха, превыше отвращения к своей хищной натуре осталась смертная, властная тоска.

Чем чаще он и его дочь совершали превращения, тем меньше была нужда в кинжале Младшего Бога, и они сами не заметили, когда научились обходиться без него.

Над горизонтом показалась луна. Огромный шар, вновь набирающий полноту, повис на самом краю темного небосклона. И Сигмунд не вынес этого. Отчаянно вскрикнув, он переметнулся через голову и обернулся большим зверем. И сразу же мир для него стал другим. Исчезли мучительные сомнения, не стало тоски, бесследно пропала жалость к людям, осмотрительность, тревога за Соль. Жажда жизни — деятельной, полной простых забот о еде, питье, ночлеге — охватила его. Он подбежал к золотистой волчице, лизнул ее в нос.

«Моя Соль! — ликовал он. — Моя дочь! Нас с тобой двое, только двое, и людям никогда не выследить нас!»

Волки помчались, вздымая снег, и только луна на зимнем, ветрами умытом небе следила их одинокий путь.

На рассвете Сунильд проснулась, словно от толчка. Ее разбудило непонятное беспокойство. Она лежала под шерстяными одеялами в своей тесной и темной спальне огромного дома и слушала. Старый дом спал. За долгие годы Сунильд успела изучить каждый шорох, скрип каждой половицы. Мышь не пробегала в подполе без того, чтоб ее не уловило чуткое ухо хозяйки.

Сунильд прислушивалась, лежа без сна. Все как обычно: за закрытыми ставнями гуляет холодный ветер, в стойлах фыркают кони, в закутке возле кухни звучно храпит конюх Кай и в его объятиях прикорнула маленькая Хильда — служанка, недавно купленная вместо умершей в прошлую зиму старой стряпухи, вынынчившей еще саму Сунильд.

Хильда была родом откуда-то из Пограничных Королевств. Синфьотли нашел ее в Похьеле, куда они с Сигмундом ездили на ярмарку — покупать лошадей. Девушка была на смерть запугана. Ее украли из родительского дома раз-

бойники-пикты. За два года она сменила пять хозяев. Тощенькая, с тонкими темными косичками, Хильда поначалу вызывала у Сунильд безразличную жалость, но постепенно, видя, как старается новая стряпуха, хозяйка начала ее привечать. Как-то само собой вышло, что в комнатку Хильды перебрался конюх — это случилось недели через три после появления девушки в доме. Старая хозяйка застала их утром на кухне, снисходительно усмехнувшись, и тем самым дело о замужестве Хильды было решено.

От Хильды мысли Сунильд сами собой перескочили к Соль — внучке, единственной наследнице. В последнее время с ней явно творилось что-то подозрительное. Девочка стала очень странной. И та ее отлучка — уж не на тайное ли свидание она ходила? И к кому? Сунильд снова подумала о пятнах крови на рубаше Соль. Может ли так стать, что Соль заманили в ловушку и обесчестили? Она покачала головой. Что-то здесь было не так. Не такая девушка Соль, чтобы поддаться на хитрость. Она хорошо знает себе цену. Гордая, умная, сдержанная — дочь своего отца, внучка своей бабки.

Незаметно для себя Сунильд снова задремала. Ее разбудил тихий стук в дверь. Кто-то царапался у входа в спальню. Старая женщина села, перебрала на грудь заплетенные в косу седые волосы.

— Госпожа Сунильд! — пропищал голосок Хильды.

— Входи, дурочка, — разрешила хозяйка.

Хильда влетела так, словно за ней гнались дьяволы, споткнулась о порог и едва не расплескала молоко, которое несла в большом глиняном горшке.

— Ну, что еще случилось? — спросила Сунильд. — Почему ты бледная и дрожишь?

— Ох, — простонала Хильда, — ноги не держат.

Сунильд выхватила у нее из рук горшок, потому что Хильда рухнула на хозяйскую кровать и усталилась на входную дверь вытаращенными глазами. Несколько секунд она беззвучно шевелила губами, потом перевела полный ужаса взгляд на хозяйку.

Сунильд осуждающе покачала головой.

— Детка, если ты не перестанешь трястись от страха и делать глупости только потому, что тебе опять что-то приснилось, я велю тебя выпороть.

— Ох, госпожа Сунильд, если бы мне это приснилось! Лучше б так. Попробуйте молоко, попробуйте.

— При чем тут молоко? Хильда, почему ты врываешься ко мне с этим дурацким горшком? — рассердилась Сунильд, но все же наклонилась и понюхала молоко. — Кислое, — сказала она, все еще недоумевая. — Ну и что с того? Слушай, детка, я ценю твое усердие. Ты действительно хорошая кухарка, и все мы рады, что ты живешь в нашем доме. Но все-таки не стоит будить меня сообщением, что молоко скисло. Не такая это страшная вещь, и я полагаю, ты сама придумаешь, что из него приготовить.

Хильда вцепилась в горшок мертвой хваткой.

— Это утреннее молоко, госпожа! — запричитала она. — Утреннее! На рассвете его надоили, а спустя полчаса оно было уже кислое.

— Грязный горшок, — предположила Сунильд.

Хильда залилась слезами.

— Если бы грязный, госпожа Сунильд, только я все начисто отмыла еще с вечера...

— К чему ты клонишь?

— А кони? Кони такие, будто на них всю ночь носились, не разбирая дороги! В мыле, на губах пена, дрожат, храпят... а ведь мой Кай вчера почистил их, напоил, засыпал свежего сена. И собаки под утро скулили, таякали, словно бы от страха. В доме какая-то нечисть, госпожа, вот что все это значит! Да спасут нас всемогущие боги...

Она плакала от страха. Большой рот Хильды распух, остренький носик покраснел. Залитые слезами глаза в немой мольбе уставились на Сунильд.

Старая хозяйка, услышав это, точно окаменела. Признаки, перечисленные девушкой, были бесспорны и очевидны. Сунильд и сама чувствовала, что какая-то темная, мрачная тень нависла над их домом. И как ни боялась Сунильд признаться в этом самой себе, но видела она и другое: крыло этой черной тени задело Соль.

Хильда тихо шмыгала носом у плеча хозяйки. Сунильд вернула ей горшок с молоком, погладила по волосам.

— Никому об этом не говори, детка, — велела она. — И своему Каю скажи, пусть помалкивает. Не хватало еще, чтобы о нашем доме пошла дурная слава.

— Мне страшно... — прошептала Хильда. — На рассвете ОНО как будто посмотрело на меня...

— Кто — «оно»? Опять твои сны, Хильда.

— Нет, не сны... И у НЕГО красные глаза...

— Деточка, ступай на кухню и займись завтраком. Я сама во всем разберусь. И ничего не бойся.

Сунильд отстранила цеплявшуюся за нее служанку и встала с кровати. Не спеша оделась, убрала волосы под платок. Насмерть перепуганная девушка все сидела на кровати, прижимая к себе горшок со скисшим молоком, и следила за хозяйкой большими, полными слез глазами.

Стараясь не выдать своего беспокойства, Сунильд направилась прямо в спальню внучки.

Соль была дома, и старая женщина мысленно вознесла хвалу богам. Девушка спала по одеялом из собачьих шкур и во сне вздыхала и тихо постанывала. Когда Сунильд наклонилась над ней, она не проснулась, только мотнула головой и сильно вздрогнула. Сунильд уловила незнакомый, тяжелый запах — как будто в комнате побывала большая мокрая собака — и подумала, что давно уже не проветривала собачьи шкуры, которыми в холодные зимние ночи укрывалась Соль. Надо будет распорядиться, подумала она, пусть Хильда хорошенько вытряхнет их и почистит снегом.

Соль снова застонала. Сунильд прислушалась, и ей даже показалось, что девушка не стонет, а повизгивает и поскуливает, как охотничья собака, которой снится охота. Когда Соль зашевелилась в беспокойном сне, одеяло сползло, и Сунильд увидела ее босые ступни. Соль поджимала и расслабляла пальцы ног. В этом рефлексивном движении было что-то настолько нечеловеческое, что Сунильд ощутила холод в груди, и сердце старой женщины сжали ледяные пальцы.

Во сне полудетское личико Соль казалось взрослым и прекрасным. Сунильд никогда еще не видела ее такой. И этот очень красный, жадный рот... В складках губ Соль старая женщина увидела тайную боль и тайный порок. И она стала намного старше, маленькая Соль. В свои тринадцать лет она выглядела теперь на семнадцать, а то и на двадцать. Она становится взрослой, вот в чем дело, сказала себе Сунильд и направилась к выходу. Ничего страшного не происходит, упрямо твердила она себе, спускаясь по лестнице на кухню, чтобы отдать необходимые приказания Хильде. Просто нужно проветрить одеяла и поскорее выдать Соль замуж.

Конан сгрыз мясо, потом высосал из кости мозг, запил трапезу чудовищным количеством пива и только после этого перевел дух. Нельзя сказать, что варвар смирился со своей участью, — однако он начинал уже находить в гладиаторской жизни хорошие стороны. У него появились — нет, не друзья, но люди, с которыми он предпочитал иметь дело. На тренировках Конан выбирал себе противников посильнее и потяжелее, инстинктивно избегая хитрецов и лукавцев — Каро, Аминту, еще нескольких. Гунастр, конечно, видел это, но пока что не вмешивался.

Иногда в гладиаторскую казарму приходили воины — гиперборейцы и асиры, порой из знатных семей, — посмотреть на нового гладиатора, который запомнился им на играх в память Сигмунда, поразмяться, взять у Гунастра один-два урока. Некоторые выражали желание помериться силой с Конаном, но Гунастр чаще всего под каким-нибудь предлогом отказывал — боялся за жизнь почтенных господ, надо полагать. И это тоже вызывало у Конана приятное чувство. Ему льстило, что его считают опасным.

— Привет, коммериец, — услышал он знакомый голос и нехотя поднял глаза. К нему подсел Арванд. Конан молча смотрел на него и откровенно ждал, пока ванир уйдет. Но Арванд не уходил.

— Слушай, мальчик... — начал он.

Конан зашипел от злости и не выдержал:

— Я тебе не мальчик. Мне уже пятнадцать, и мужчины моего возраста не позволят, чтобы...

Арванд прикусил губу, чтобы не расхохотаться, с видимым усилием подавил приступ неуместной веселости и испытал прилив острой благодарности к повару Акуну, который очень кстати подскочил и спросил, не угодно ли ему пива.

— Кувшин не помешает, — сказал Арванд. Акун поклонился. Он знал, что Арванду предстоит когда-нибудь стать его хозяином, и заранее мостил дорожку к сердцу будущего владыки. Арванд видел это, усмехался, принимал как должное — и помалкивал. Жизнь приучила его не отказываться ни от чего — что бы она ему не предлагала.

Налив себе полную кружку, он предложил пива и Конану. Тот ответил хмурым взглядом.

— Господское, — пояснил Арванд.

Конан взял кувшин, раскрыл рот пошире и влил в себя остатки пива (добрую половину кувшина), после чего обтер губы и сердито уставился на Арванда.

— Ну? — спросил он наконец с неприкрытой злобой. Арванд засмеялся. Конан побагровел.

— Ну-ну, — сказал Арванд. — Как тебя все-таки зовут, киммериец?

— Конан, — ответил юноша. — Что тебе нужно от меня?

— Что тебе известно о Синфьотли?

Этот вопрос заставил Конана подскочить.

— То, что я убью его, — сказал Конан.

— Я говорю вполне серьезно, Конан.

— И я серьезно, — обскалится варвар. — Он унизил меня, он вообразил, будто может держать меня в плену и заставлять драться себе на потеху...

— Но ведь ты дерешься?

— Только потому, что мне это нравится, — отрезал Конан.

— Если ты не будешь побеждать, ты никогда не вырвешься на свободу и не отомстишь, — напомнил ему Арванд. — А пока не настало время, постарайся устроиться здесь как можно лучше.

Конан набылчился, не понимая, к чему клонит собеседник.

— Ты слишком хитроумен для меня, ванир.

— Не ломай позвоночник слугам, не кидайся на решетки, не старайся в тренировочном поединке отделать противника до крови, — сказал ванир. — Это совет.

— Я не нуждаюсь в твоих советах.

— Конан, — настойчиво проговорил Арванд, — скажи мне, что ты знаешь о Сигмунде и Синфьотли? Это очень важно.

— Почему?

— Если ты что-то о них знаешь, то понимаешь почему.

— Какое мне дело до ведьмы и вервольфа? — брякнул Конан. Мгновением позже он сообразил, что выпитое пиво лишило его обычной осмотрительности, но слово, как известно, не воробей. — Тьфу! — в сердцах плюнул киммериец. — Отстань, Арванд. Ничего я тебе не буду рассказывать.

— Ведьма? — переспросил Арванд, начиная пони-

мать. — Детские следы на снегу возле отпечатков волчьих лап... Значит, их и вправду двое...

Конан склонился над столом и схватил Арванда за плечи.

— Забудь, что я сказал, понятно? До них мне нет никакого дела, и тебе тоже. Пусть сожрут хоть полгорода, нам-то что? Эти гиперборейцы держат нас в плену, заставляют проливать кровь себе в угоду, а нам без всякой пользы...

— Я не прошу тебя рисковать собой, — холодно ответил Арванд, высвобождаясь из его железной хватки. Он знал, что этими словами наносит киммерийцу тяжчайшее оскорбление. — Я ненавижу оборотней. Любая вермагия вызывает у меня жгучее желание избавиться мир от еще одной нечисти, и за это я жизнь готов отдать. Но ты, конечно, другое дело. Я прошу тебя только об одном: если ты что-то знаешь о Сигмунде, расскажи мне. Все-таки это я принес тебе воду, когда ты страдал от жажды.

— А я не выдал тебя, когда Гунастр поколотил за это ни в чем не повинного повара, — возразил Конан. — Так что мы, считай, квиты.

— Конан, пожалуйста.

Конан покусал губы и вдруг махнул рукой.

— Мне и самому противно. Как подумаешь об этих волках...

— Сигмунд действительно мертв? — перебил Арванд.

— Нет, — прямо сказал Конан. — Я видел его на игрищах.

— Волком?

— Нет. Человеком. Я сразу узнал его: он как две капли воды похож на Синфьотли, только без шрама на щеке.

— Как ты думаешь, он ведьмак?

— Нет, — сказал Конан. — Он сын Младшего Бога.

— Та-ак, — протянул Арванд, мрачней. — А девушка? Ведь это Соль, глухая, так?

— Да, — подтвердил Конан. — Соль. Так ее зовут.

— Ее можно как-нибудь освободить от заклятия?

— От какого заклятия? — не понял Конан.

— Так ведь Сигмунд связал ее чарами, иначе почему бы ей помогать волку-оборотню...

— Чарами связал, как же... — Конан усмехнулся. —

Тебе, конечно, хотелось бы видеть в этой бедняжке невинную жертву, но не получится. Она ничем не отличается от Сигмунда.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что она — его плоть и кровь. И коль скоро ты так ненавидишь оборотней, тебе придется взяться за них обоих.

— Плоть и кровь? — переспросил Арванд, становясь как туча.

— Разумеется. Соль — его дочь.

— Не может быть...

— Еще как может, — сказал Конан. — Впрочем, мое дело сторона. Если эти гиперборейцы перегрызут друг другу глотки, будет легче дышать в этом мире, только и всего.

Арванд обеими руками вцепился в волосы, все еще густые, хотя и с проседью. Конан с удивлением заметил, что ванир по-настоящему расстроен, и толкнул его локтем.

— Эй, ты что? Что с тобой?

Арванд поднял голову и посмотрел Конану в глаза.

— Сделай мне одно одолжение, киммериец, — попросил он тихо. Конан небрежно передернул плечами. — Не рассказывай никому... о ней.

— Может быть, будет лучше, если Синфьотли узнает правду? — предположил Конан. В его мыслях сразу же пронеслось сладостное видение: безграничное отчаяние асира, которому сообщают, что его жена родила дочь от другого и что дочь эта по ночам шляется в компании с вервольфом-людоедом...

Но Арванд покачал головой.

— Синфьотли не поверит. И только испортит дело.

Конан еще раз пожал плечами.

— Мне плевать на все это, Арванд, и я вовсе не горю желанием пошутиться с Синфьотли о его семейных тайнах.

Арванд поднялся из-за стола и, не простившись с киммерийцем, вышел.

— Теперь твоя очередь, киммериец, — сказал Гунастр.

Конан отбросил с лица копну нечесанных черных волос и вышел вперед. Посреди двора служители укрепили высокий шест с полосками, сделанными красной краской. Шест был весь испещрен зарубками — на нем тренировались, отрабатывая быстроту реакции. Гунастр указывал отметку, а гладиатор должен был мгновенно поразить

ее мечом. Конану, наблюдавшему за этим со стороны, тренировка казалась детской забавой. Однако на деле все оказалось намного сложнее. Гунастр с легкой усмешкой смотрел, как лицо молодого гладиатора становится все более серьезным и сосредоточенным. Когда Конан попросил дать ему передышку, чтобы снять меховую куртку, Гунастр прищурился, больше ничем не выдав своего удовольствия. Промучив так Конана с час, Гунастр наконец отпустил его выпить кружку пива, после чего погнал сражаться на копьях с вертлявым Аминтой.

Отставив кружку, Конан хмуро поглядел на старого воина, но воли своему раздражению не дал. В глубине души киммериец понимал, что Гунастр прав, и знал, что и сам он, оказавшись Конан в роли содержателя подобной казармы, поступал бы точно так же. Поэтому он только блеснул глазами, принимая из рук Акуна копье — длинное, тяжелое, с деревянным утолщением вместо железного наконечника. Интересно, где сейчас бродит Арванд, мелькнуло в мыслях киммерийца, почему его нет в казарме? Уж не хочет ли ванир сегодня ночью устроить засаду на вервольфа? Конан сердито мотнул головой. Вот еще не хватало — забивать себе мысли всякой ерундой. Этот сумасшедший охотник на вервольфов из Ванахейма может хоть шею себе свернуть, выслеживая оборотня и ведьму, — Конану-то что за печаль?

Аминта, приплясывая, кружил вокруг киммерийца, опустив копье на уровень груди. Подбираясь, Конан ждал атаки, готовый мгновенно отразить нападение. Он уже знал, что насмешник Аминта ловок и увертлив, но не всегда внимателен и позволяет себе отвлекаться. Киммериец надеялся воспользоваться этой слабостью своего противника. Наконец Аминта сделал быстрый выпад. Тупой наконечник копья едва не ударил Конана в грудь, — будь оружие настоящим, враг Аминты неминуемо был бы пронзен насквозь, — однако в последнее мгновение Конан отпрянул назад, одновременно выбросив вперед руки с копьем. Вот когда ему стало окончательно ясно, что даром он потратил столько часов на бессмысленные битвы с деревянной палкой! Удар был лаконичен и точен. Он пришелся в солнечное сплетение Аминты, и молодого гладиатора, рухнувшего на плиты, утащили в его каморку — отлеживаться.

Конан расставил ноги пошире, оперся о свое копье и громко расхохотался.

— На это я никогда не соглашусь, Арванд, — в пятый или шестой раз повторил Гунастр.

Содержатель казармы и его ближайший помощник сидели за столом в доме Гунастра — небольшом деревянном строении, расположенном в двух кварталах от казармы. В этом сказывалась предусмотрительность умудренного кровавым опытом Гунастра: в случае бунта в казарме (а такое, хоть и не часто, а случалось) мятежники не смогут мгновенно расправиться с хозяином. Дом был старый, добротный: тяжелые деревянные двери, маленькие оконца, больше похожие на бойницы. Это жилище досталось Гунастру от деда, а тому — от его деда, и простояло оно без малого три столетия. Арванд знал, что, скорее всего, именно ему предстоит унаследовать дом от старого вояки, ибо Гунастр так и не удосужился обзавестись семьей, а вся его родня еще много лет назад была вырезана ордой диких пиктов, наводивших ужас на Пограничные Королевства.

— Я знаю, что советую, — настойчиво сказал Арванд. — Этому мальчишку следует не только укротить, но и приручить.

— Мне странно слышать от тебя такие глупости. — Гунастр налил вина себе и своему собеседнику. — Я не предполагал, что ты так наивен. Ведь ты со мной уже не первый год и должен был научиться видеть, кому можно доверять, а кому нельзя.

— Ты полагаешь, я этого не вижу?

Гунастр фыркнул и поперхнулся вином. Кашляя, он выговорил:

— Под лед тебя, к богам ада! Как же ты можешь что-то понимать в моих гладиаторах, нерадивый ты раб, если советуешь мне отпустить погулять в город строптивного киммерийца? Да он в ту же ночь передушит пол-Халоба и ударит в свои горы.

— Ничего подобного.

— Давай прекратим этот бессмысленный разговор. Оттого, что мы переливаем из пустого в порожнее, все равно не будет толку. Лучше потолкуем о бабах.

Арванд обхватил свою кружку обеими ладонями и наклонился вперед.

— Будет куда полезнее, если этот дикарь станет видеть в тебе своего друга, — сказал он, не обращая внимания на то, что Гунастр шумно вздохнул и выразительно

закатил глаза. — В конце концов, ведь ты ему не хозяин. Он принадлежит Синфьотли, значит, и главный его недруг — Синфьотли, а ты — всего лишь надзиратель и возможный союзник. Отпусти его со мной в город. Обещаю не сводить с него глаз.

— Ну да, до того момента, пока он не воткнет тебе в шею ржавый гвоздь, ты будешь исправно следить за ним. Но после твоей смерти, Арванд, следить за ним будет уже некому...

— Знаю: и он перережет пол-Халоба.

— Напрасно тратишь время. И прекрати ухмыляться, чертов ванир. Меня тошнит от твоих улыбочек.

— Я не ухмыляюсь.

Гунастр вдруг понял, что очень устал от бессмысленного спора и что сейчас уступит своему помощнику, лишь бы тот отстал.

— Скажи мне откровенно, полоумный гладиатор, что ты задумал?

— Я хочу навестить вместе с ним одну очень добрую женщину...

— Женщину? Дьяволы преисподней, только этого не хватало...

— Ты старый извращенец и не понимаешь, как прекрасны эти не похожие на нас создания.

Гунастр поднял брови и в изумлении покачал головой.

— Удивительно, что я до сих пор терплю твою наглость.

Арванд рассмеялся.

— Благодарность киммерийца обезопасит тебя от его нападений, ведь варвары умеют быть признательными. Куда в большей степени, чем цивилизованные люди.

— Ты прав, — сдался наконец Гунастр. — Но учти: если что-нибудь случится, я выдам тебя родственникам погибших, а уж что они с тобой сделают — это меня не касается.

— Идет, — сказал Арванд.

Киммериец смерил Арванда недоверчивым взглядом, когда тот отпер замок и сделал приглашающий жест.

— Выходи же, — повторил тот. — Сегодняшний вечер наш. Я выпросил для тебя разрешение прогуляться в город.

Конан выскочил из своей каморки, все еще опасаясь

подвоха. Видя его настороженность, Арванд улыбнулся.

— Мы идем в гости, — сказал он.

— Зачем это? — проворчал варвар. — Мне и здесь неплохо.

— Есть одно дело.

— Нужно кого-нибудь убить? — с надеждой спросил Конан, которого только что озарила эта догадка.

Арванд поперхнулся.

— Ты неисправим, киммериец. Нет, пока что никого убивать не надо. Идем же, клянусь, тебе понравится.

Гладиаторы вышли за ворота, и стражники тут же заложили за ними засов с внешней стороны казармы. Конан и Арванд двинулись по заснеженным улицам Халоба.

Конан оглядывался по сторонам, запоминая расположение домов, переулков, подворотен и лазеек. Делал он это весьма откровенно, отчасти вследствие отсутствия навыка в таком деле, как скрытность, отчасти из желания продемонстрировать свое презрение этому ваниру. Арванд безмолвно усмехался. Он слишком хорошо понимал, что творится в душе молодого киммерийца.

Возле харчевни с вывеской, изображающей огромного бурого быка, на каждый рог которого было насажено по человеку, Арванд остановился.

— Здесь, — сказал он и толкнул низкую дверь с деревянной ручкой, потемневшей и отполированной тысячами прикосновений.

Вслед за ваниром Конан вошел в задымленное помещение, где было полно народу. Люди сидели на скамьях вдоль стен за длинными столами — ели, пили, галдели, стучали кулаками. Несколько дородных девиц, полураздетых и распаренных от духоты, суетились, разнося ужин и выпивку и уворачиваясь от щипков и неуклюжих попыток ухватить их за грудь. Конан проводил взглядом одну из них, потом другую. Перевел глаза на жующих и пьющих. С удивлением поймал себя на мысли о том, что потискать девушку ему, пожалуй, хочется больше, нежели расквасить физиономию кому-нибудь из этих противных гиперборейцев.

Арванд засмеялся и положил руку ему на плечо. Конан слегка вздрогнул, и ванир, почувствовав это, тут же убрал руку.

— Идем же, я познакомлю тебя с хозяйкой этого за-

ведения. Ее имя Амалазунта, но мужчины называют ее Изюмчик. Клянусь, она и впрямь настоящий изюм — сладкая и липучая.

— А что такое «изюм»? — спросил Конан.

— Такое лакомство в Туране.

Конан шевельнул бровями, но ничего не сказал. Предупрежденная заранее, Амалазунта ждала в своей комнате наверху. Арванд сразу заметил, что она нервничает.

— Привет, Черника, — сказал Арванд. — Ты еще не отмыла ротик? Так и ходишь с пятнышком под носом?

— Привет, — ответила она сердито.

— Гостей принимаешь?

— Только по одному, — ответила Амалазунта и бросила на Конана оценивающий взгляд. — И боюсь, ванир, что сегодня тебе здесь просто нечего будет делать.

— Тем лучше, — хмыкнул Арванд. — Я предамся неумеренному пьянству.

Конан стоял посреди тесной спальни, чувствуя себя громоздким и неуместным предметом, и потому медленно сатанел.

— Желаю удачи, — сказал Арванд, поцеловал Амалазунту в губы и вышел, захлопнув за собой дверь.

Амалазунта почувствовала, что краснеет. Она вдруг растерялась. Варвар продолжал молчать, хмуро глядя на нее холодными глазами, и не двигался с места. Он еще не решил, как ему относиться к ситуации: то ли переломать здесь всю мебель, связать женщину и удрать (но куда? и без провизии? безоружным?), то ли раздеть ее и выяснить наконец, стоит ли так переживать из-за женщин, как это делают некоторые знакомцы Конана.

— Как тебя зовут, красивый юноша? — спросила Амалазунта хриплым от волнения голосом.

— Конан, — буркнул он. — А тебя звать Амалазунта.

— Иди сюда, Конан, — позвала она еще более сипло.

Он отбросил последние сомнения и развязно плюхнулся рядом с женщиной. Кровать угрожающе затрещала под его внушительным весом.

— А у тебя всегда такой голос? — вдруг спросил он. Женщина засмеялась и закашлялась.

— Нет, — сказала она.

— А, — отозвался Конан.

— Хочешь вина? — предложила трактирщица. — Мы

с сестрой покупаем. Ты какое любишь — красное или белое?

— Неразбавленное, — сказал Конан.

Амалазунта рассмеялась, разливая вино по кружкам. Конан мрачно косился на нее, желая выяснить, уж не над ним ли она потешается. Но она выглядела такой славной и доброй, что в эту минуту он почти понял людей, мечтающих только о теплом доме, заботливой хозяйке и выводке детишек. Он глотнул действительно неплохого вина, поглядывая при этом на пухлую губку и бархатистую родинку Амалазунты, прикидывая к своей кружке. Она заметила его взгляд и прошептала: «Что?..» Конан с грохотом поставил кружку на пол и схватил Амалазунту за плечо. Она с готовностью подсела к нему на колени. Губами, сладкими от вина, она поцеловала его в губы, одновременно с этим распуская завязки на груди. Припомнив откровения сверстников, Конан запустил ей за шиворот свою широкую мозолистую руку и нащупал роскошный бюст трактирщицы.

— Вот здорово, — сказал он. — Какие они у тебя мягкие... Они у всех такие?

— Что значит «у всех»? — обиделась Амалазунта, гордившаяся своей грудью, которая была признана одной из наиболее соблазнительных в Халого.

— Просто я думал, грудь у женщин твердая, как камень. Вроде мускула... — Для наглядности он потыкал в свой железный бицепс.

«Какой дикий, — думала Амалазунта, чуть не обливаясь, — какой неиспорченный...»

Тем временем Конан неумело, но с энтузиазмом заголил ее до пояса и уложил на кровать, пристроившись рядом. Грубые мозоли на ладонях юноши царапали нежную кожу Амалазунты. Неловко повернувшись, он задел ее бедро угловатым коленом, но даже не заметил этого. И когда его лапы сжали ее в объятиях так, что ребра женщины хрустнули, она только и подумала: «Наделает он мне синяков, медведь киммерийский».

Дальнейшее развитие событий от нее уже не зависело. Самозабвенно отдаваясь бурным, хотя и несколько беспорядочным ласкам варвара, Амалазунта, как в тумане, подумала о том, что последним аккордом этой симфонии наслаждения будет утренний рассказ о приключении старшей сестре.

Хильда спала плохо. К ней опять вернулись ночные кошмары, время от времени терзавшие молоденькую служанку Сунильд до того, как она появилась в этом зажиточном и почтенном доме. Она вновь видела, как дикая орда врывается в ее родную деревню, как падают под ударами копий и мечей близкие... копыто мохноногой лошади бьет по кувшину, и ослепительно белое молоко разливается по земле, брызги попадают Хильде на лицо, она слизывает их и понимает, что молоко скисло... Вся в слезах, она проснулась и обнаружила, что на кухне темно, в оконце висит молодой месяц, а то место в кровати, где обычно спит конюх Кай, пусто. Хильда пошарила в темноте, позвала приглушенным голосом: «Кай!» — но его нигде не было. Она вспомнила их вечерний разговор. Перед тем как отойти ко сну, Кай говорил, что его беспокоит поведение лошадей и что он подумывает провести ночь в конюшне и выяснить, что там происходит. Напрасно девушка отговаривала его. Кай только посмеялся над ее опасениями.

— Злые силы, говоришь? — усмехнулся он и погладил по волосам перепуганную Хильду. — Бедняжка Хильда, ты шарахаешься от каждой тени.

— Кай, умоляю тебя. — Она заплакала. — Кай, не ходи. Если ты мне не веришь...

— Нет, почему же, я тебе верю. Что-то там происходит, ведь лошади не будут беситься ни с того ни с сего. Но вряд ли это «что-то» уйдет от доброго копыта.

Но Хильда плакала так жалобно, умоляла так настойчиво, что он нехотя согласился остаться на ночь в кухне. И вот теперь она поняла, что согласие было притворным, только чтобы она перестала плакать и причитать. Стоило ей заснуть, как он тут же выскользнул за дверь и был таков. Мужчины всегда все делают по-своему, горестно подумала девушка, снова укладываясь в кровать.

Тревога не оставила ее, наоборот, стала еще сильнее. Ей казалось, что какая-то темная тень подходит к ложу, выступая из темноты ступком сплошного мрака; потом открываются горящие красные глаза и Хильду обдает чье-то смрадное дыхание. Она хотела было закричать и проснуться — и подавилась криком. А тень все стояла и смотрела, и Хильда не могла пошевелиться. Минула,

казалось, вечность, прежде чем страшные глаза закрылись и ужас отпустил служанку.

Она проснулась, вытерла с лица холодный пот. Сон был таким ярким, что Хильда даже подумала: уж не наяву ли все происходило?

Кая все еще не было. Заснул небось, сидя в засаде. Дрожа от холода, Хильда набросила на плечи теплую шаль — подарок Сунильд — и обулась. Вновь ее охватила тревога. Хильда выбежала из кухни и стремглав помчалась в сторону конюшни. Небо уже посветлело. Снег скрипел под кожаными башмаками. За ночь у северной стены дома намело сугробы, и с жутким предчувствием Хильда принялась осматривать свежий снег. Она была почти уверена, что сейчас увидит следы огромного волка. Замирая от страха, девушка наклонилась ниже, вглядываясь в рыхлый снег... и увидела. Следы были четкими и совсем недавними. Их еще не успело припорошить. Однако эти отпечатки оставили не волчьи лапы. Следы были человеческие. Всего час или два назад здесь пробежали маленькие босые ножки. Дыхание Хильды пресеклось. От ужаса она застыла на месте, полуоткрыв рот.

— Боги, ЧТО это? — беспомощно пролепетала она онемевшими губами. Присев на корточки, девушка прикоснулась к следам дрожащими пальцами. Она не понимала, почему ее испугало именно то, что следы такие маленькие, точно детские. Может быть, потому, что она ожидала найти свидетельства присутствия кого-то огромного, устрашающего.

— Кай! — сдавленным голосом вскрикнула она и вскочила на ноги. Она бросилась в конюшню, не замечая, что башмак с левой ноги свалился и увяз в сугробе. — Кай!

В конюшне было темно и резко пахло лошадиным потом. Девушка вытянула вперед руки и наткнулась на лошадиную морду. Ноздри животного трепетали. Хильда провела ладонью по его шее — животное было покрыто потом. Лошади в темноте беспокойно фыркали. Когда глаза Хильды свыклись с мраком, она различила сломанную перегородку. Белая кобыла лежала на окровавленной соломе с распоротым брюхом. Чувствуя подступающую к горлу тошноту, Хильда увидела зародыш жеребенка, вываленный из живота несчастной лошади вместе с внутренностями. Рядом с этими бесформенными остан-

ками бессильно лежала человеческая рука. Хильда захрипела, сиюсь крикнуть, позвать на помощь. Спазмы сдавили ее горло, и ее стошнило прямо на солому. Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем ей удалось прийти в себя и пошевелиться. Хильда сделала шаг вперед и прислушалась. Ничего. Еще шаг. Еще.

— Кай! — закричала она во весь голос.

Ей ответило тихое лошадиное ржание.

Превозмогая себя, Хильда подошла к белой лошади и обеими руками обхватила тушу в попытке сдвинуть ее. Наконец ей удалось вытащить из-под трупа Кая. Конюх был мертв. Левый глаз, неподвижный и белый, смотрел прямо на Хильду. Правая глазница была пуста и окровавлена. На шее остались следы чудовищных клыков, вся грудь исполосована когтями. Тупо глядя на обезображенный труп, Хильда замерла. Потом склонилась над ним и, не замечая выкаченного глаза и мертвого оскала, делавших Кая страшилищем, поцеловала его в лоб и в обе щеки.

Возле переднего копыта лошади что-то блеснуло. Хильда машинально протянула руку и подняла маленький блестящий предмет. Ей показалось, что это брошка или амулет. В темноте было не разобрать. Хильда завязала находку в угол шали и тут же забыла о ней.

Она встала. Голова убитого, покоившаяся у Хильды на коленях, с глухим стуком упала на пол. Пошатываясь, девушка вышла во двор, набрала в горсть снега и стала вытирать лицо, запачканное кровью.

За спиной Хильды послышались чьи-то шаги. Тяжелые, мужские шаги. Хильда отчаянно закричала: «Нет!» — и упала на колени, закрывая лицо руками. Ее схватили и поставили на ноги. В розоватом свете раннего утра девушка узнала наконец своего хозяина — Синфьотли.

Белея, Хильда стала оседать в его руках. Асир сильно ударил ее по щеке и встряхнул.

— Очнись, девочка, — сказал он. — Приди в себя.

— Господин Синфьотли, — пролепетала Хильда, — это вы...

Слезы потекли по ее щекам, и она прижалась лицом к рукам Синфьотли. Он отстранил ее от себя.

— Что ты делаешь здесь в такой час, Хильда?

— Кай...

— Что с ним?

— Господин, он мертв. И белая кобыла, и нерожденный жеребенок...

— Как мертв? Почему?

— Волк разорвал их на части.

— Все-таки это был волк.... Но почему же Кай оказался ночью в конюшне?

— Он караулил, хотел подстеречь ночного разбойника... Я говорила, я знала, что добром не кончится, но разве мужчины слушают совета?

— Перестань причитать, детка, слезами горю не поможешь. Кай хотел изловить волка и погиб?

Она кивнула. Губы ее тряслись. И без того большой рот Хильды распух от плача.

— А ты почувствовала беду и пошла его искать, так?

— Да...

— Ты видела следы волка?

Вместо ответа Хильда задрожала и прикусила губу.

— Хильда! — Он снова встряхнул ее... и вдруг пальцы его разжались. Он увидел след босой детской ноги. — Боги! — прошептал он. — Оборотень... Значит, это правда — то, что болтают люди, и в Халоба действительно бродит вервольф... Но почему такой маленький след?

Девушка затрясла головой. Она хотела сказать, что именно это и перепугало ее больше всего, но не успела. Синфьотли уставился на служанку изучающим взглядом. Он только сейчас обратил внимание на странный облик Хильды. Она была почти раздета — если не считать рубашки (шаль с завязанной в уголке находкой она обронила в конюшне, даже не заметив этого) — и боса на одну ногу. Рубашка и руки Хильды были запятнаны кровью; кровавое пятно осталось на скуле после того, как она поцеловала погибшего.

Синфьотли так сильно сжал ее запястья, что она вскрикнула.

— А волчьих следов, значит, нет?... — сказал он. Лицо хозяина, пересеченное красноватым шрамом, приняло угрожающее выражение и показалось и без того запуганной девушке дьявольским. Она задержалась, пытаясь освободиться, и наконец завизжала:

— Пустите!

— Ты! — глухо проговорил Синфьотли. — Ясень Игга, как же мне раньше в голову не пришло! В моем доме!

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — В ужасе она забилась, как пойманный зверек.

— Все ты понимаешь.

— Клянусь вам, господин, нет!

— Поймешь, значит, когда в тебя вгонят осиновый кол.

Она широко раскрыла глаза и застыла. До нее не сразу дошел смысл этих страшных слов. А когда она поняла, то испустила громкий вопль, похожий больше на крик подраненного животного, и изогнулась дугой в тщетной попытке вырваться из железных клещей Синфьотли.

— Лисица, — с отвращением сказал он. В этот момент девушка и впрямь была безобразна, как настоящая ведьма. Ключицы выступили, жилы на тоненькой шее напряглись, рот растянулся едва ли не до ушей. Жалкие волосы Хильды слиплись от пота. Синфьотли ударил ее по лицу так, что в глазах у нее почернело, скрутил ее, ловко связал своим поясом и как есть, раздетую и наполовину босую, потащил к дому, где собирался обычно Совет Старейшин.

Когда Арванд ближе к вечеру появился в «Буром Быке», Амалафрида встретила его кислой улыбкой.

— Дай мне мяса и побольше вина, прекрасная Амалафрида, — обратился к ней Арванд, от которого уже несло пивом. — Воистину, твои руки — весла котлов, твои ноги — столпы очага, твои глаза — факелы спальни, твои...

— Забирай свое вино и отойди от меня, — оборвала его излишняя женщина, с силой отпуская на прилавок большой синий кувшин с отбитым носиком. Кувшин изображал дятла.

Арванд взял его в руки и покачал головой в преувеличенном сожалении.

— Видно, и эта птичка, подобно мне, пыталась достучаться до твоего каменного сердца, о лань в лоне Бурого Быка, в надежде поживиться червячком твоей благосклонности. Но, увы, твое сердце как камень, и она разбила о него свой клювик...

— Сейчас будет тебе червячок, — рявкнула Амалафрида. — Проваливай, кому говорят!

— Ладно, ухожу. А где Черничное Пятнышко? Может, она будет со мной поласковее.

— Амалазунте ты теперь и даром не нужен. У нее там, наверху, сидит — а еще вернее, лежит — гора стальных мышц, снабженная бездонным желудком и напроочь лишенная мозгов. Идеальный мужчина, как раз под стать моей сестрице.

Арванд хихикнул. Фрида еще больше рассвирепела.

— С тех пор как он повадился таскаться к ней, он обожрал нас хуже целого полка ландскнехтов! Разорение! А она и слышать не хочет о том, чтобы умерить расходы. Говорит, что он трудится за четверых, а кушает только за троих, — экономию выискала, дрянь эдакая!

Арванд был уже багровым от смеха. Наконец Амалафрида нашла, что тот слишком уж развеселился для того, чтобы быть просто сторонним наблюдателем этой истории, и подозрительно спросила:

— Уж не ты ли его сюда и привел, старый сводник?

— А что? — Арванд не смог удержаться от ухмылки. Фрида исходила пеной от злости и зависти.

— Так вы все заодно! — закричала она.

Арванд попятился.

— Только не бей меня, прекрасная, — сказал он, но Фрида продолжала бушевать:

— Это заговор!

— Но ведь у тебя есть такой замечательный погонщик... — напомнил ей Арванд.

Последнее замечание переполнило чашу терпения старшей сестры. В голову Арванда полетела увесистая глиняная кружка. Гладиатор ловко увернулся, и метательный снаряд угодил в ни в чем не повинного охотника, промышляющего пушниной. Тот немного покачнувшись, поднялся из-за стола и стоя поглядел на Амалафриду. При виде его широких плеч разбушевавшаяся трактирщица вдруг разом успокоилась и устремилась к пострадавшему.

— Вы не пострадали? — осведомилась она. — Мы могли бы подняться в мою комнату и перевязать ваши раны. Я умею врачевать тела...

Арванд откровенно захохотал и с кувшином в руке начал подниматься по лестнице.

Бозле двери, которую он очень хорошо знал, Арванд остановился и позвал:

— Конан! Ты здесь?

Он услышал возню, вздохи, потом ясный мальчишеский голос отозвался:

— Арванд? Входи.

Конан сидел на разоренной кровати и спокойно жевал мясо, срывая его зубами с бараньей ляжки. Амалазунта уже успела кое-как одеться и с недовольным видом заплетала волосы.

— Привет, Черника, — сказал Арванд. — Там, внизу, твоя сестра просто рвет и мечет. Чуть голову мне не снесла.

Амалазунта расцвела.

— А ты действительно сделал мне царский подарок, ванир.

Арванд уселся рядом с Конаном и налил вина в его кружку, после чего принялся пить из носика кувшина.

— Я слишком пьян, — сказал он спустя несколько минут, — слишком пьян, чтобы вспомнить...

Амалазунта перебросила косу за спину и похлопала его по щекам ладонями.

— Приди в себя, старый греховодник. Тебя привело сюда какое-то дело?.. Что-нибудь новое об оборотне?

— Оборотень, — сказал Арванд, помрачнев как туча. — Спасибо, что напомнила, Черника. Да, оборотень.

Он оставил кувшин и потряс головой. Конан с интересом наблюдал за ваниром. Сделав несколько глубоких вздохов, Арванд заговорил более трезвым голосом:

— Вот что я хотел вам сказать, друзья мои: сегодня утром вервольф задрал конюха в доме Синфьотли.

При имени ненавистного асира Конан выронил мосол. Кость больно стукнула варвара по босой ноге.

Арванд продолжал:

— Бедный парень караулил в конюшне. Видно, думал подстеречь и убить ночного вора, но волк задрал белую кобылу, а конюху перегрыз горло — и был таков.

— Вот и хорошо, — заметил Конан не без удовлетворения. — Жаль только, что не я тот волк.

Отмахнувшись от варвара, Арванд добавил:

— Их стряпуха по имени Хильда, жена этого конюха, среди ночи проснулась и не нашла мужа рядом. Видно, у них уже велись разговоры о волке, потому что она побежала в конюшню, забыв даже одеться как следует, да еще башмак утопила в сугробе...

Конан вдруг заинтересовался.

— Ну и?.. — спросил он, заблестев глазами.

— Синфьотли схватил ее, когда она выходила из дверей

конюшни, — босую, полуголую, в пятнах крови... А наш оборотень, как известно, оставляет на снегу, кроме волчьих, еще и человеческие следы. Детские или, что вернее, женские...

— Боги... — прошептала Амалазунта. — Значит, мы ошибались, и оборотень — это Хильда?

Арванд медленно покачал головой.

— Нет. Синфьотли увидел, что рот у нее окровавлен, и впал в ярость. А когда он впадает в ярость, он плохо соображает. Его тоже можно понять — вервольф позорит его дом, бросает тень на его семью. Да и Хильда появилась у них совсем недавно, а буквально через несколько месяцев по Халога начал шастать волк, под утро явно скрываясь у них в доме или где-то по соседству.

— Но кровь на губах?..

— Несчастная девочка, наверное, поцеловала погибшего. Все это совпадение, я уверен.

Конан кивнул.

— Да, — сказал он. — Служанка тут ни при чем. Это Соль, глухая, — вот кто озорует ночами. Я видел ее собственными глазами. Да и тот парень, что путался с Фридой, говорит, будто ведьма — писаная красавица и с золотыми волосами.

— Ну а Хильда — настоящий крысенок, — заключила Амалазунта. — Косички у нее тоже темные, два мышинных хвостика. Кстати, где она теперь? В тюрьме?

— Они приковали ее к столбу пыток на площади перед домом Совета Старейшин, — сказал Арванд. — Завтра утром ее побьют камнями, тело пронзят деревянными кольями и сбросят под лед в проточную воду ручья за городом.

Конан широко зевнул.

— Представляю, каково будет на душе у Синфьотли, когда он узнает, что оборотень — его родная дочь, а он по ошибке отдал на расправу эту Хильду и тем самым замарал себя убийством женщины, да еще невольницы!

Арванд поднялся.

— Ты уходишь? — с надеждой спросила Амалазунта.

— Да, — ответил Арванд. — Конан, я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Ну вот еще, — проворчал варвар.

— Для тебя есть важное дело, — пояснил Арванд. — Мне одному не справиться. Нужен такой богатырь, как ты.

— А, — протянул Конан, явно польщенный. — Тогда ладно. До завтра, Иземчик.

— Изюмчик, — обиженно поправила трактирщица.

Конан сочно чмокнул ее в губы, взял с кровати свой меховой плащ, потом обулся и встал.

— Я готов, — объявил он.

Они вышли, притворив за собой дверь. Расстроенная Амалазунта рассеянно обглодала баранью ногу, брошенную Конаном, допила вино, оставленное Арвандом, и с приятной тяжестью в желудке погрузилась в глубокий сон.

Глава тринадцатая

Луна, похожая на разломанную пополам краюху хлеба, ярко освещала заснеженные улицы спящего города. Конан и Арванд тихо крались вдоль домов, пока наконец перед ними не расступились здания и они не увидели круглую площадь, мощенную булыжником. Посреди площади возвышался большой деревянный столб. Рядом маячил часовой в меховой шапке. Он разложил два костра, потягивал пиво и с сомнением поглядывал на оставленное ему оружие — длинный деревянный кол, довольно прочный и остро заточенный.

Старейшины рассудили, что именно таким орудием легче всего будет покончить с оборотнем, если что-нибудь вдруг случится.

«Если она примется за свои колдовские штучки, бей прямо в сердце», — отечески посоветовал солдату один из мудрых старцев, бросил на прикованную к столбу Хильду трусливый взгляд и поспешно удалился. Часовой с тоской посмотрел ему вслед, сплюнул на снег и стал готовиться к утомительному ночному дежурству.

Время от времени он с подозрением поглядывал на пленницу, но та и не думала приниматься за «колдовские штучки».

Самой сильной магией, на которую оказалась способна маленькая Хильда, были безмолвные слезы и постукивание зубов. Она замерзла. Костры, возле которых грелся часовой, уделяли толику тепла и пленнице, но этого было явно недостаточно.

Хильда не пыталась сопротивляться, протестовать и вообще хоть как-то бороться за свою жизнь. Короткий жизненный опыт убедил девушку в том, что от нее самой вообще ничего не зависит. Она ли из кожи вон не лезла, пытаясь угодить Сунильд и ее сыновьям — первым из хозяев, кто обращался с ней сносно, — но малейшее подозрение в колдовстве было для Синфьотли достаточным основанием отдать ее в руки палачей. Он даже не выслушал ее объяснений. Он даже не позволил ей одеться. Она так и стояла у столба в одном башмаке.

На небо высыпали звезды. Поднялась луна. Шло время, но Хильда и не думала превращаться ни в лисицу, ни в волка. Она неподвижно смотрела в огонь бессмысленными глазами и дрожала с головы до ног. Цепи, сковывающие ее, все время позвякивали.

Часовой глотнул из фляги пива и покачал головой. Какая уродина эта молоденькая ведьма! А он-то думал, что молодые ведьмы все как на подбор красавицы, а уродливыми становятся к старости, когда не могут уже очаровывать людей красотой и прибегают к иному оружию — страху и отвращению. Но эта была тощенькая, как сушеная рыба. Рубаха не скрывала ни торчащих ключиц, ни ребер, ни жалкой, плоской, почти детской груди. Остренький носик Хильды покраснел, темные, похожие на мышиные хвостики косички разлохматились.

Часовой ощутил, как в нем шевельнулось нечто вроде сочувствия, и угрожающе помахал перед лицом Хильды острым колом.

— Эй ты, — сказал он, — без колдовства, ясно?

— Ясно, — сипло отозвалась Хильда, которая не поняла, почему он сердится на нее.

— То-то. — Он опустил кол. — Да ты, девка, вся го-ришь, как я погляжу. Болееешь. Еще бы, такой мороз, а ты, считай, голая. Так ведь завтра тебя побьют камнями, так что это даже к лучшему. Ничего не почувствуешь. А может, за ночь замерзнешь, отмучаешься.

Он вздохнул и допил из фляги свое пиво.

Чьи-то жесткие пальцы сдавили ему горло. Часовой захрипел и выронил флягу. Несколько капель пива вытекло из его раскрывшегося рта. Он хотел было крикнуть, но уже не смог. Отточенный кол выпал из его пальцев. Часовой дернулся в последний раз и затих.

Хмыкнув, Конан опустил тело на снег. Когда варвар,

до самых глаз закутанный в меховой плащ, выпрямлялся, Хильда увидела его в красноватом прыгающем свете костра. Он показался девушке огромным лохматым зверем, бесшумно выступившим из ночного мрака. Пленница в ужасе смотрела, как этот зверь поднимается над убитым солдатом, становясь все выше и выше, как он на глазах превращается в человека — страшного свирепого человека, все еще разгоряченного недавним убийством. Хильда беззвучно закричала, как кричат в кошмарном сне, и задержалась, стараясь освободить хотя бы руки. Чудовище приближалось к ней, разглядывая ее холодными равнодушными глазами.

— Подожди, Конан, — слышался чей-то голос, и из мрака вышел второй — худощавый, стройный. Он отстранил чудовище, которое замерло, недовольно ворча, и подошел к девушке вплотную. Она увидела совсем близко его лицо, уже немолодое, с темными глазами и острыми скулами. Тяжело дыша, она уставилась на него, не зная, какого еще ужаса ей ждать.

— Детка, — негромко проговорил он, — не бойся. Я — человек, и вот этот дикарь в мохнатом плаще — тоже человек, не оборотень.

Она зашевелила губами, потом с трудом прошептала:

— Убейте меня.

— Глупости, — произнес темноглазый, — я попрошу тебя кое о чем, Хильда. Пожалуйста, не бойся и молчи. Если ты будешь меня слушаться, все будет хорошо.

Конан подобрался к столбу и подергал цепи.

— Порвать? Не порвать? — пробормотал он себе под нос, а потом плюнул на ладони, ухватился покрепче за столб, уперся ногами в землю, вскрикнул утробным голосом и выворотил столб вместе с прикованной к нему пленницей. Держа ее на вытянутых руках, варвар осведомился:

— Эй ты... жертва... я тебе ничего не повредил?

— Нет, — прошептала Хильда.

Конан завернул ее вместе с орудием пытки в свой плащ и взвалил на плечо.

— Не проще ли было вырвать цепи? — спросил Арванд.

— А, некогда, — бросил Конан. — Идем.

И они быстро зашагали по ночному городу.

Конан и Арванд вернулись в казарму под утро, безобраз-

но пьяные и довольные жизнью. Когда они появились в столовой, где уже гремели миски, их встретил дружный свист.

— Эй, Ходо! — крикнул Хуннар, который специально сажился за длинный стол подальше от своего приятеля: во-первых, чтобы был предлог орать и производить побольше шума, а во-вторых, из соображений безопасности. — Оторвись от каши, болван ты жирный, и погляди только, кто к нам пожаловал!

— М-м, — промычал Ходо. — Два подгулявших ублюдка. А мне-то что за дело?

— И тебе нет дела до того, в каком изысканном обществе напивается теперь его благородие Арванд?

Конан плюхнулся на скамью, обеими руками притянул к себе миску с кашей, из которой только что ел Хуннар, и принялся уплетать за обе щеки.

Ходо заржал так, что каша брызнула у него из рта и запачкала его огненно-рыжую бороду. Ругаясь на чем свет стоит, толстяк обтер пот.

Хуннар смотрел, как варвар ест, и понимал все отчетливее, что вступить в потасовку с этим дикарем все-таки придется, иначе в казарме ему, Хуннару, житья не дадут. Драка же с Конаном неминуемо завершится победой последнего и возможным членовредительством.

Хуннар издал боевой клич и вцепился в свою миску. Конан заворчал совсем по-медвежьи и стукнул его по руке.

— Отдай! — крикнул Хуннар.

Вокруг стонали от смеха. Конан неторопливо доел кашу и встал. Широко зевнул, потянулся, хрустнув суставами. Он наслаждался.

— Ну что ж, — вздохнул Хуннар. — Ничего не поделаешь.

Поскольку Конан демонстративно не обращал на него внимания, обиженный сплетник беспрепятственно обошел варвара со спины и схватил оставленный у входа шест с зарубками, который использовали для тренировок. Варвар был слишком упоен собой в этот момент, чтобы сразу сообразить, что происходит у него за спиной. Шест просвистел в воздухе и с треском обрушился на голову Конана.

Ходо поднялся из-за стола, посмотрел на упавшего варвара, потом перевел взгляд на своего приятеля.

— Только не воображай, что сумел победить его,— предупредил он Хуннара.

Несмотря на то что неумеренное пьянство за счет Амалазунты (ибо после налета на пыточный столб Арванд потащил Конана обратно в трактир) и удар по голове, нанесенный предателем Хуннаром, не остались для киммерийца без последствий, ванир, и сам мучимый воспоминаниями о бурной ночи, выгнал Конана на тренировку и беспощадно гонял его до самого вечера. И только когда Конан, обессилив, рухнул на соломенный тюфяк в своей клетушке, Арванд решил, что и ему самому пора перестать.

А потому он отправился в «Быка» навестить сестер. Гунастр неодобрительно хмыкнул и поинтересовался, не слишком ли часто Арванд стал наведываться в питейное заведение в ущерб работе. Арванд заявил, что не видит здесь особенной регулярности, и ушел, игнорируя угрозу хозяина запереть строптивого помощника в клетушке.

В «Быке» сидел Синфьотли, и Арванд, не раздумывая, подсел к нему за стол. Где-нибудь в другом месте ванир не позволил бы себе подобной фамильярности по отношению к такому высокородному господину, каким был Синфьотли, но в «Быке» Арванд был почти как у себя дома. «Под Быком все равны», — как любила говаривать Амалафрида, обожавшая подобные двусмысленности.

Синфьотли уже прикалывал второй кувшин.

— Уйду я из Халоба, — сказал он Арванду. — Беда ходит за мной по пятам, дышит в спину. Уйду.

— Тебе видней, что делать, Синфьотли, — ответил Арванд и отпил большой глоток вина. Могла бы и не разводить его водой, подумал он, адресуя мысленный упрек Фриде. Трактирщица пыталась хоть как-то уменьшить расходы, компенсируя расточительность влюбленной сестры, скормившей Конану за один день недельный запас продуктов.

— Уйду, — повторил Синфьотли. — Наберу солдат и наймусь в какую-нибудь армию подальше отсюда. Где-нибудь в Туране. Там всегда идет какая-нибудь война, солдаты нужны.

— Конечно, — поддакнул Арванд.

— И тебя с собой возьму. Хочешь командовать моими ребятами?

Арванд неопределенно пожал плечами.

— Гунастр не отпустит, — сказал он наконец.

— Глупости. Что значит «не отпустит»? Я тебя у него выкуплю. Ты мне нужен. — Синфьотли подумал немного. — И подскажи, кого еще из гладиаторов выкупить. Всех! Вско казарму! И на Туран!

Он хватил кулаком по столу, и наполовину пустой кувшин подпрыгнул.

— На Туран!

— Успокойся, Синфьотли. — Арванд тронул его за локоть. — Ты напился.

— На Туран! Я в здравом уме! Я пьян, но все понимаю! Отстань, раб! Я иду на Туран!

— Разумеется, — сказал Арванд и осушил свою кружку. — Я вот сейчас допью и тоже с тобой пойду.

Синфьотли слезливо умилился и обхватил Арванда за плечи.

— Да здравствует... Ванахейм! — крикнул он заплетаясь языком.

— Да здравствует Асгард! — ответил Арванд вежливо (он терпеть не мог асиров) и выпил залпом вторую кружку.

Между тем Синфьотли впал в беспросветную тоску и начал шарить глазами по пьяным физиономиям собравшихся в «Быке» завсегдатаев.

— Сигмунд, — выдавил он, — о Сигмунд...

Из его глаз потекли мутные слезы. Арванд задумчиво смотрел на него. Если в жилах Сигмунда действительно течет кровь Младших Богов, то его власть над братом может стать безграничной. Может быть, имеет смысл убрать Синфьотли прежде, чем тот наделает беды?

— Сигмунд! — встрепенулся вдруг Синфьотли и уставился на кого-то, кто на миг появился в дверях трактира. Арванд стремительно повернулся, но успел заметить лишь мелькнувшую тень. Кем бы ни был этот кто-то, он ушел прежде, чем его разглядели. Синфьотли вскочил. Арванд схватил его за руку.

— Стой! Ты куда?

— Там мой брат! Я звал его, и он вернулся!

— Ты пьян, Синфьотли.

— Нет... То есть я пьян, но там мой брат. Он такой бледный... и глаза красные. Он зовет меня. Да отпусти же меня, раб! Вот привязался!

— Синфьотли, побудь со мной, — попросил Арванд

спокойно.— Давай поговорим. Я слышал, у вас дома беда.

— Да,— горестно согласился Синфьотли, припадая к кувшину.— Весь город болтает теперь о моем доме.— Он отжал вино с уса, ненароком попавшего в кувшин.— Эта гнусная тварь загрызла конюха... Ты только подумай, ванир, мы относились к ней как к дочери, а она... Новая мысль возникла в затуманенном мозгу Синфьотли и повергла его в ужас и ярость: — И ведь она могла убить мою дочь!

— Почему же ты не расправился с ней прямо на месте преступления? — осторожно поинтересовался Арванд.

Синфьотли скривился, и рот у него дернулся.

— Марать руки о рабыню,— пробормотал он.— Я и так уже достаточно опозорен.

— Так я и думал,— вздохнул Арванд. Синфьотли нравился ему все больше и больше.

Асир схватил его за ворот и прошипел прямо ему в лицо:

— А она вырвалась, эта гадина! Заела часового и сбегала! Сколько же в ней силы? Как мне победить ее? Если бы со мной был мой брат... Он умный, он сильный. Он не позволил бы всякой нечисти позорить меня, мой дом, мою дочь.

Синфьотли уронил голову на стол. Откинувшись к стене, Арванд в задумчивости уставился на входную дверь. Он не сомневался, что Сигмунд действительно показался своему брату, явно заманивая его.

Арванд закрыл глаза. И снова перед его внутренним взором возникла картина, которую он — в этом ванир был уверен — не забудет до конца своей жизни, даже если ему суждено прожить сотню лет: рыжий зверь несется по ромашковому лугу, и отец на горячем скакуне настигает лисицу и поднимает остро заточенный кол...

Сверчок Арнульф, пошатываясь, возвращался домой — в комнатку, кишашую клопами, которую снимал у бывшей проститутки, ныне удалившейся на покой. Настроение у Сверчка было скверное: девка, подцепившая его на улице и сулившая чуть ли не райское блаженство, оказалась тупой и скучной, вино у нее было разбавленное, харчи и того хуже...

Впереди него по улице шел человек. Странно знакомый человек, даже со спины, даже в ночной темноте, слабо рассеиваемой фонарями, горевшими у входа в некоторые дома. Рядом с этим знакомо-незнакомым бежала крупная светлая собака с острыми ушами.

Сверчок ощутил прилив любопытства. Дурное настроение как рукой сняло. Он ускорил шаги. Шедший впереди человек услышал, что кто-то догоняет его, и остановился. Луна вышла из-за туч и осветила его лицо. Сверчок разглядел копну светлых волос и хищный нос, которые могли принадлежать в Халоба только одному человеку — Синфьотли. Для сплетника это была настоящая удача — встретить того, о ком сегодня судачит весь город, и хорошенько расспросить его. Даже в том случае, если Синфьотли откажется разговаривать и не ответит ни на один вопрос, кое-какие выводы можно будет сделать при любых обстоятельствах, по реакции собеседника, по выражению его лица.

— А, это ты, Арнульф,— сказал он.

— Я. Добрый вечер, Синфьотли,— вежливо заговорил Сверчок и рыгнул.— Прости, я выпил сегодня, и, похоже, мне подсунули какую-то дрянь.

— А когда тебе попадалось что-нибудь хорошее, собиратель падали? — прозвучало из темноты.

Арнульф невольно отступил на пару шагов.

— Ты напрасно так грубо со мной разговариваешь,— произнес он укоризненно.— Я, конечно, понимаю, что ты очень расстроен. Еще бы, такой скандал на весь город, да еще как подумаешь, что опасность грозила всем твоим близким...

Луна снова скрылась за облаками, но большая светлая тень — собака — была все же хорошо видна. Она уселась возле ноги своего спутника и прижалась к нему боком. Он ласково потрепал ее по загривку.

— Да,— продолжал Сверчок.— Верно говорят, беда не ходит одна. Сперва погиб твой брат, потом ты потерял его тело, а теперь еще эта чертова кухарка... И ведь какая силища: вырвала столб из земли и удрала вместе с цепями... А на вид казалась такой хлипкой!

Сверчок замолчал, внезапно сообразив, что уже довольно долго разливается соловьем, а его собеседник, которого он, Арнульф, пытается спровоцировать на какую-нибудь резкую выходку, чтобы было потом о чем рассказать, молчит себе

и молчит, да еще, кажется, и усмехается в придачу. Вдруг необъяснимый страх охватил сплетника.

— Ну, я пошел,— пробормотал он, но не сдвинулся с места.

Голос в темноте тихонько засмеялся. Тучи на миг разошлись, и Арнульф увидел, что на него смотрят две пары горящих красных глаз, одинаковых у человека и собаки... большой собаки с золотистым мехом, похожей на волка.

— Синфьотли? — прошептал Арнульф.

Высокий стройный человек тряхнул светлыми волосами, и его красные глаза заискрились неподдельной радостью. Собака встала.

— Похоже, ты слишком много всего разнюхал, Арнульф,— сказал человек.— По силам ли тебе бремя твоего знания?

— Не надо! — сипло выкрикнул Арнульф. От страха у него задрожали колени. Арнульф никогда не был трусом, если дело касалось сражения; но здесь он столкнулся с чем-то куда более жутким, чем самая жестокая битва, и не мог совладать с собой.

— Какие они жалкие, эти люди,— высокомерно произнес человек, обращаясь к своей собаке.

Он сделал шаг вперед. Арнульф вздрогнул и упал на колени.

— Не убивай меня, Сигмунд,— простонал он.— Я должен был узнать тебя сразу, сын Младшего Бога. Клянусь, я никому не...

Сигмунд уперся кулаками в бедра, откинул голову назад и громко расхохотался.

Глава четырнадцатая

Хильда открыла глаза. Она лежала в кровати, закутанная в теплые шерстяные одеяла. Под голову ей подложили свернутый плащ. Возле кровати стояла кружка с водой — видимо, ее оставили специально на тот случай, если девушка захочет пить.

Хильда потянулась к кружке, но от слабости едва смогла поднять руку. Она шевельнула пересохшими губами, желая позвать на помощь, но тут же испуганно затихла.

Она вспомнила: ее хотели казнить сегодня утром (а может быть, неделю назад?). И еще вспомнила, как стояла на площади, прикованная к столбу, а часовой жег костер и бранил ее за то, что она плачет... А что же случилось после? Почему она здесь? И где это — «здесь»?

Откуда-то — она не поняла откуда — появился человек, которого она смутно могла вспомнить. С ним не было связано ничего страшного. Он тоже был каким-то образом связан с казнью, площадью, но она его не боялась.

Он наклонился над ней, поправил одеяло, дал воды.

— Хильда,— сказал он.

Да, это ее имя. Он знает ее. Кто он такой?

— Сейчас ты находишься в комнате свиданий в кабаке под названием «Бурый Бык»,— сказал он.— Ты ведь об этом хотела меня спросить?

Она прикрыла глаза, дав ему понять, что он не ошибся.

— Лежи тихо, как мышка,— продолжал Арванд.— Если жар усилится и ты начнешь бредить, тебе завяжут рот. Но ничего не бойся. Тебя хотели убить сегодня утром.

— Да,— отозвалась Хильда одним выдохом.

— Ты помнишь, за что тебя хотели убить?

— Я ведь не оборотень, господин,— шепнула Хильда.

— Я знаю,— ответил Арванд. Он осторожно погладил ее по волосам. От него пахло вином и дымом от коптящих факелов.

Эта девочка, похожая на сестренку Арванда, на его Дису, которую загрызла лисица, свалилась на голову ванира так неожиданно, что он до сих пор не оправился. Чтобы избавиться себя от новой напасти хотя бы на время, Арванд изрядно напился.

В тот вечер он принес ее в дом сестер, чем вызвал неудовольствие обеих. Но не мог же он притащить пленницу прямо в гладиаторскую казарму! Амалафрида хотела было решительно воспротивиться и даже грозилась выдать заговорщиков, но Конан, пребывавший в благодушном настроении, обещал разделить свое внимание пополам между обеими сестрами, и Фрида сменила гнев на милость.

Однако даже если настоящего оборотня схватят, Хильда не может оставаться в трактире вечно. Начиная с того, что Синфьотли мог потребовать свою собственность обратно, и заканчивая тем, что «Бык» — не вполне подходящее место для девушки. А Синфьотли не простит Хильде своей ошибки и в самом лучшем случае постарается по-

скорее сплавить ее куда-нибудь подальше, чтобы не мозолила ему глаза. Ладно, об этом Арванд подумает в другой раз. Есть более неотложные дела. И главное, чтобы беглянку не нашли до того, как Сигмунд и его дочь будут уничтожены.

Дочь Сигмунда, Соль. Еще одна тема, которую Арванд старательно обходил стороной. Да и Конана начинало трясти, как только разговор заходил об этом.

Впрочем, варвар-то как раз от души забавлялся. Стоило только поглядеть, как он прошеествовал следом за Арвандом через пивной зал, минуя многочисленных завсегдатаев «Бурого Быка» и горделиво не отвечая на их любопытствующие взгляды. На могучих плечах киммерийца лежал продолговатый предмет, завернутый в плащ. По поводу этой ноши высказывались различные догадки. Самые недалековидные утверждали, что Арванд приобрел ковер для того, чтобы украсить гладиаторскую казарму. Предполагали также, что гладиаторам кто-то хорошо заплатил за убийство и они прихватили с собой вещественное доказательство того, что поручение выполнено. Из опасения, как бы ценный труп не пропал, бедняги не решаются расстаться с ним, даже отправляясь в комнату свиданий. Наиболее романтические души предпочитали видеть в таинственной поклаже Конана похищенную красотку, которую этот висельник, вероятно, рассчитывает выгодно продать. Надо заметить, что, как это часто бывает, романтики ближе прочих подошлись к этой капризной особе — Истине.

Так или иначе, но когда ванир и киммериец начали подниматься по скрипучей лесенке на второй этаж, их провожала не одна пара любопытствующих глаз. Конан наслаждался всеобщим интересом, который возбуждал у окружающих, однако Арванда это не на шутку встревожило. Мысленно он уже проклинал судьбу, которая подсунула ему в помощники великолепного варвара. Да, в тех делах, где требуется применение грубой физической силы, киммериец незаменим, но... больно уж замечен.

Амалазунта не ждала их — она мирно спала в своей огромной кровати. Конан постоял немного, с интересом разглядывая эту крупную белотелую женщину, богатырски разметавшуюся во сне. Потом осторожно снял с плеч свою ношу и развернул плащ. Почти в то же мгновение он встретился взглядом с насмерть перепуганной Хильдой. Девушка не понимала, что с ней происходит и почему,

и давно уже отчаялась что-либо понять. Она просто покорялась неизбежному, заранее готовая принять любую муку и несправедливость, какую только уготовила ей судьба. Желая немного приободрить жалкое существо, безвольно повисшее у него в руках, Конан приветливо ухмыльнулся. Варвар был довольно симпатичным молодым парнем, но его холодные глаза пугали Хильду, а ухмылка показалась девушке злобной.

Арванд подсел к Амалазунте на постель и провел ладонью по ее щеке.

— Эй, Черничное Пятнышко... Детка, проснись.

Амалазунта гулко вздохнула и пошевелилась.

— Конан... ты вернулся, — пролепетала она.

— Это я, Арванд.

Трактирщица распахнула глаза.

— Когда я избавлюсь от тебя, подручный бандитов? Ты мне совсем не нужен. Верни мне моего варвара.

— Я здесь, — пробурчал Конан, который как раз освобождал пленницу от цепей, используя в качестве отмычки большой столовый нож.

Увидев в руках киммерийца девушку, Амалазунта подскочила.

— Немедленно вышвырни отсюда эту нахалку!

— Ну вот еще, — отозвался Конан, ковыряя тем же ножом в зубах. — Не для того я столько таскал ее на себе, чтобы выбросить за здорово живешь.

— Арванд, скажи ему! — Амалазунта едва не расплакалась. — Ты же у них там начальник!..

— Изюмчик, нужна твоя помощь, — мягко сказал Арванд. — Видишь ли... гм... эта девочка — Хильда, та самая служанка из дома Синфьотли...

— Я знаю Хильду, — оборвала его Амалазунта и, пристав, заглянула девушке в лицо. — Да, это она. Боги милосердные, зачем же вы приволокли ее сюда?

— Мы украли ее, — сообщил Конан с плохо скрытой гордостью за содеянное. — Вместе со столбом пыток. Ведь она ни в чем не виновата, верно?

— И все это, разумеется, затея Арванда? — спросила Амалазунта.

— Да, — сказал Арванд. — Моя. И ты приютишь ее у себя, Черника, пока она не поправится.

— За кого вы меня принимаете? — возмутилась Амалазунта. — Зачем мне в постели женщина, да еще хворающая?

Вы украли чужую рабыню, осужденную на смерть за колдовство, а теперь хотите, чтобы я вам в этом помогала?

— Тебе не придется сожалеть об этом.

— Ну да, когда нас обеих побьют камнями: ее за колдовство, а меня за укрывательство.

— Обещаю, что до этого дело не дойдет, — сказал Арванд. — А если тебя прикуют к большой скале, Конан украдет тебя вместе со скалой. Верно я говорю, киммериец?

Конан широко улыбнулся и хмыкнул.

— Это мне ничего не стоит.

— Так что, детка, можешь не беспокоиться, — заключил Арванд и снова повернулся к киммерийцу. — Конан, будь так добр, уничтожь улики.

— Кого уничтожить? — оживился варвар.

— Те предметы, которые могли бы как-то нас выдать.

— А, — протянул Конан, сгреб цепи, снятые с Хильды, в горсть, сунул под мышку позорный столб и через запасную дверь вышел к черному ходу во двор.

Хильда, оставленная Конаном на полу, лежала неподвижно. Арванд поднял ее, уложил на кровать и принялся раздевать умело и бережно, выказывая при том изрядную сноровку. Амалазунта смотрела на движения его рук и вспоминала, как однажды Арванд точно так же снимал одежды с нее самой, пьяной и беспомощной. При этом воспоминании она мечтательно улыбнулась. Уловив ее взгляд, ванир поднял глаза и улыбнулся в ответ.

— Что скажешь, маленькая Амалазунта?

— Какая она... жалкая, — тихо сказала трактирщица, кивнув на притихшую Хильду. — Как зверек. Как голодный зверек в ловушке. — Она пристальнее всмотрелась в остренькое личико Хильды и заявила: — А знаешь, ванир, если ее откормить как следует, то, может быть, из нее еще и получится женщина.

— Лучше приготовь горячего молока, — сердито сказал Арванд, кутая Хильду в одеяло. — У нас с Конаном есть еще одно важное дело. Мы должны как следует напиться в эту ночь, чтобы твоим гостям, там, внизу, запомнилось, что два гладиатора нынче неплохо повеселились. Так, на всякий случай.

Амалазунта кивнула.

— Ладно, выхожу я тебе этого заморыша. Но денег на ней ты не заработаешь.

— Знаю. — Арванд потрогал лоб Хильды и покачал головой.

В комнате снова появился Конан и устался на Арванда вопросительно. Ему хотелось остаться с Амалазунтой наедине (поскольку впадшая в забытие Хильда вряд ли могла помешать ему). Но ванир только спросил:

— Куда ты дел столб?

— Порубил на дрова.

— А цепи?

— Выбросил в отхожее место. Если сюда и нагрянут ищейки, вряд ли они станут копаться в дерьме.

— Молодец, — одобрил Арванд. — Идем, предстоит еще напиться до состояния полутрупов. Это стратегически важный момент.

Конан сморщил нос, недовольный, но Арванд продолжал настаивать:

— К тому же твоей даме будет сейчас не до тебя, киммериец. Она сейчас пойдет согреть молоко и будет поить бедную девочку, чтобы та хоть немного подкрепилась.

Последние слова он произнес с ударением. Амалазунта, поняв несложный намек, принялась одеваться. Конан жадно смотрел на ее колыхавшуюся грудь, а потом вдруг откинул одеяло, укрывавшее Хильду. Широкой ладонью он осторожно прикоснулся к маленьким грудям служанки. Она вздрогнула. Но Конан только хмыкнул и снова закутал ее в одеяло.

От возмущения Амалазунта запыхтела, в то время как Арванд давился хохотом.

— Зачем ты сделал это? — наконец спросила трактирщица. — Для чего это тебе было лапать этого бледного лягушонка? Тебе что, меня уже мало?

Она угрожающе надвинулась на Конана, но варвар только улыбнулся, сразу обезоружив ее.

— Да нет, что ты, Амалазунта. Просто хотел проверить, действительно ли у всех женщин такая мягкая грудь, вот и все.

Арванд рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— У тебя впереди целая жизнь, киммериец. Ты еще успеешь это выяснить.

Ведьма ушла от возмездия. Ведьма может вернуться в дом, где ее разоблачили, чтобы сквитаться со своими недругами. Она бродит где-то поблизости и уже почти не таится. Утром возле дома высокородной Сунильд снова

видели следы крупного волка. Мысль об этом жгла Синфьотли, не давала ему покоя. Почти каждую ночь ему снился один и тот же сон: будто он бредет по снегу, сквозь пургу, и почти ничего не видит вокруг, кроме тени, которая словно притягивает его к себе. Шаг за шагом он с трудом пробивается навстречу этой тени. И вот уже он различает в метели улыбающееся лицо своего погибшего брата. Сигмунд. Это Сигмунд. Он зовет его, манит, простирает к нему руки, и Синфьотли, захлебываясь, спешит к нему, но мучительно медленным оказывается в этом сне любое движение. И Синфьотли хочет окликнуть брата, но горло сжимает судорога. И тогда встает, оживая, огромный белый сугроб, превращаясь в крупную молодую волчицу, а Сигмунд исчезает за снежной пеленой.

Проснувшись от собственного крика, Синфьотли провел рукой по лицу и сел в кровати. Сон казался ему настолько ярким и реальным, что он почти поверил, будто приснившееся случилось с ним наяву.

Синфьотли потрянул головой, отгоняя наваждение, и сразу же нахмурился: сон, конечно, был всего лишь сном, но ведьма действительно жива и на свободе, а куда это так, ему не знать покоя.

Синфьотли обулся, накинул на плечи меховую куртку и встал, собираясь поискать, не появились ли возле дома свежие следы, которые, быть может, помогут ему выследить злодейку. Он уже приметил, что волчьи лапы частенько оставляли отпечатки неподалеку от конюшни. Ночью снегопада не было, и он надеялся отыскать побольше нового.

Уже почти рассвело. На горизонте засветилась лиловая полоса зимнего северного рассвета. Синфьотли прошелся по скрипучему снегу и остановился у двери в конюшню. Она была заперта на засов, как он и оставил ее накануне, и ничего подозрительного возле нее Синфьотли тоже не обнаружил. Однако же он снял засов и раскрыл настежь обе створки двери. Подождя, пока глаза осwoятся с темнотой, он принялся оглядываться по сторонам. Нет, ничего нового. Хотя... У стены, возле самого входа, Синфьотли заметил какой-то темный предмет. Он нагнулся и подобрал находку. Это была женская шаль, темная, простенькая, без бахромы. Рассеянно он принялся теребить ее углы, пока вдруг не нащупал завязанный в одном из уголков небольшой твердый предмет. Шаль настолько заинтересо-

вала Синфьотли, что он почти тут же отправился показать ее своей матери, желая обсудить увиденное. Он был уверен, что Сунильд уже поднялась с постели.

Синфьотли застал хозяйку дома на кухне, где она выпекала хлеб вместо Хильды.

— Мать, — окликнул ее Синфьотли.

Она выпрямилась, встретилась с ним глазами. На Сунильд было ее обычное светлое платье, отороченное мехами, и, несмотря на то что она работала у печи, ни одного пятнышка не было заметно на чистом полотне. Только руки, белые от муки, выдавали, чем была занята в то утро госпожа Сунильд. Без улыбки смотрела она на сына и молчала.

— Хорошо прошла ночь, мать? — спросил Синфьотли.

— Нет, — ответила она.

— Страшные сны, не так ли?

В ее глазах появился холодный гнев.

— Не страшные. Приятные. Мне снился мой сын. Другой сын. Тот, которого ты не уберег, Синфьотли.

С безмолвным проклятьем Синфьотли стиснул кулаки.

— Когда ты говоришь так, мать, я начинаю жалеть о том, что не погиб вместе с ним. Это избавило бы меня от твоих упреков.

— Да, — в упор произнесла Сунильд.

Они помолчали немного, а потом Синфьотли неожиданно спросил:

— Я никогда прежде об этом не думал, но скажи мне, мать, кто из нас первым появился на свет, Сигмунд или я?

— Сейчас это уже не имеет значения, — ответила Сунильд. — Но я могу тебе ответить. Ты появился раньше. Ты старший, Синфьотли.

Он вздохнул. Сейчас это действительно уже не имело значения, поскольку он был единственным. Сунильд смотрела на него долгим, отстраненным взором, будто издалека. Наконец она вновь заговорила:

— Ты что-то хотел от меня, Синфьотли, не так ли?

— Да. — Он поднял руку, в которой держал шаль, найденную в конюшне. — Тебе случайно не знаком этот платок?

— Конечно. Это та шаль, которую я подарила Хильде. Синфьотли вздрогнул.

— Ты хочешь сказать, что эта вещь принадлежала Хильде?

Губы его искривились, выговаривая ненавистное имя. Сунильд кивнула и добавила:

— Я не могу поверить в то, что говорят об этой девочке.

— Напрасно,— мрачно заявил Синфьотли.— Ты бы слышала, мать, как она верещала, видела бы, как изгибалась дугой, извивалась ужом, когда я схватил ее, как скалила свои острые зубки!

— Хильда сама до смерти боялась черных сил. Не могу поверить, что она им служит,— повторила Сунильд.— И ведь именно она прибежала ко мне с кувшином скисшего молока и уверяла, будто в доме неладно.

Синфьотли заскрежетал зубами.

— И коварная к тому же!.. И хитрая!.. Ей бы не волчицей, ей бы лаской шмыгать...

Он снова принялся теревить шаль и снова нащупал узелок, о котором было позабыл. Пальцы сами собой потянулись распутывать его... и вдруг замерли.

— Что это? — прошептал Синфьотли, поднося к глазам костяную черепашку, брошь, его собственный подарок дочери.— Ведь это... эта вещь принадлежит Соль...

Сунильд побелела как полотно. Она ни мгновения не верила в виновность Хильды, потому что в старой женщине жило страшное подозрение, которое она гнала из мыслей как могла. Брошка принадлежала Соль. Хильда нашла эту игрушку в конюшне в ту ночь, когда волки загрызли конюха Каю. И тяжелый звериный дух в комнате внучки, ее беспричинные рыдания, ночная прогулка, из которой Соль вернулась в окровавленной рубашке... Боги, что за страшные силы овладели этим невинным созданием?

Но Синфьотли истолковал смысл находки по-своему.

— Эта тварь выслеживала мою девочку,— процедил он сквозь зубы.— Она нарочно украла черепашку, чтобы волк мог запомнить ее запах...

Не договорив, он бросился в комнату дочери. Если волчица выслеживает именно ее, маленькую Соль, то Синфьотли больше ни на шаг не отойдет от девушки. Пусть Хильда бережется, думал он, избегая по лестнице, в следующий раз, когда он схватит ее, он больше не станет остерегаться мараť руки.

Соль сидела у окна. Розовый утренний свет струился в комнату, наполняя ее покоем. Синфьотли ворвался так неожиданно, что девушка не успела спрятать кинжал Сигмунда, который держала в руке, задумчиво водя пальца-

ми по красочному камню в рукояти. Только сейчас Синфьотли вдруг вспомнил, что кинжал этот пропал вместе с телом погибшего брата, и уставился на него в изумлении. И как это оружие оказалось в комнате Соль?

Девушка подняла голову и улыбнулась. В ее глазах вспыхнули красные огни зрачков. Она разжала пальцы, и кинжал со стуком упал на деревянный пол. Синфьотли попятился. Его вдруг охватил безотчетный страх, и он не сразу сумел совладать с собой.

— Дочка,— прошептал он,— девочка...

Она смотрела на него в упор своими ужасными пылающими глазами и улыбалась.

«Отец,— взывала Соль, сидя у окна и глядя невидящим взором в черное ночное небо,— отец мой волк, одиноко бродящий среди равнин, ты слышишь меня?»

Большой дом уже спал. Пусто стало в этом доме, где некогда бурлила жизнь, вымерли его просторные комнаты, и ночь заполнила пустоту тенями и шорохами.

Откуда-то издалека, с белых холмов, донесся ответ Сигмунда:

«Я слышу тебя, Соль».

«Отец, они знают всё».

«Кто? — тревожно спросил Сигмунд, затерянный вдали от Халога и все-таки очень близкий.— Кто знает? Кому ты открылась, неразумное дитя?»

«Сунильд и Синфьотли. Они догадались. Бабушка, видно, следила за мной, а Синфьотли просто все понял. Он взглянул на меня и вдруг испугался... Я без труда услышала его мысли, они были полны бесформенного ужаса...»

«Они еще живы?» — уловила она вопрос Сигмунда и тут же ответила:

«Да. Я не смогла пролить свою кровь. Ведь Синфьотли твой брат, о господин мой, а Сунильд родила на свет вас обоих...»

«Ты хорошо поступила, не тронув их, Соль. Пусть они живут. Я приду. Они не повредят нам».

Девушка всхлипнула, губы ее задрожали.

«Отец, отец, мне одиноко без тебя. Приходи в этот дом, живи со мной, повелевай людьми. Пусть здесь все будет, как было прежде».

Сигмунд долго молчал, а потом Соль вновь услышала его твердый голос, и, как и прежде, перед ней появился образ Того-Кто-Сильнее. Девушка тихонько взвизгнула, совсем по-собачьи.

«Соль,— обратился к ней отец,— неужели ты не поняла до сих пор, бедная моя дочь, что никогда уже не будет так, как было прежде?»

«Но почему же? Разве не было всегда нашей с тобой тайны? С того часа, как я появилась на свет и ты признал во мне свое дитя, а я увидела в тебе того, кто дал мне жизнь,— всегда мы были вдвоем против всех».

«Теперь я мертв,— ответил Сигмунд,— а ты больше чем наполовину превратилась в дикого зверя. И... я люблю тебя, прекрасная волчица с золотистым мехом».

Она вскочила, завертелась возле окна. Ей неудержимо хотелось выскочить в ночь, помчаться навстречу этому, сильному зову, увидеть, как выходит из снегов белый волк с внимательными человеческими глазами. Но она знала, что ей нельзя теперь надолго покидать дом. Сунильд и Синфьотли должны испытывать постоянный ужас перед ее могуществом, иначе они придут в себя и соберутся с силами, чтобы начать настоящую охоту на оборотней.

Она навалилась на окно всем телом и послала в ночь отчаянный призыв.

«О Сигмунд, приходи в этот дом. Я подготовлю все для того, чтобы встретить тебя. Ты ни в чем не будешь знать отказа...»

«Круг сужается,— сказал Сигмунд.— Я приду в город к людям, потому что здесь нужно убить».

«Я убью для тебя, скажи только — кого».

«Того мальчишку-киммерийца. Мы одолеем его вместе».

«Чем этот жалкий человек навлек на себя твою ненависть?»

«Он знает, кто мы такие, и не боится нас».

«Что с того? Синфьотли теперь тоже знает».

«Синфьотли — мой брат, и он испуган. Киммерийца ты не сможешь держать в постоянном страхе. Он не боится тебя. Он не боится меня. Он сам дикарь и чудовище, Соль. И я должен хорошо подумать над тем, как мне уничтожить его».

«Клянусь, отец, я буду рядом и помогу тебе. Только возвращайся в свой дом, Сигмунд. Скорей возвращайся ко мне».

Глава пятнадцатая

Всю ночь два волка бродили возле гладиаторской казармы, выискивая, нет ли в ограде щели, не обвалилась ли где-нибудь стена так, чтобы по ней можно было взобраться. Тяжелый запах человеческого жилья дразнил их, щекотал чуткие ноздри, заставлял задираť верхнюю губу, обнажая желтоватые клыки в беззвучном оскале. Лишь на рассвете ушли они восвояси, и Гунастр, заметив их следы у ворот казармы, встревожился не на шутку.

Первый, кого он увидел в это утро, был мальчишка-киммериец, Конан. Нехотя Гунастр вынужден был признать, что Арванд оказался прав: несколько блестящих побед над товарищами по казарме, путь даже в тренировочных поединках, посещение одного из веселых заведений с доступными женщинами — и киммериец перестал диким зверем биться о прутья решетки. Наоборот, он начал тренироваться с удвоенным рвением, стараясь наверстать упущенное за те дни, когда он метался по своей камере в бессильной ярости. Он еще принесет Гунастру немалую прибыль.

Заметив Гунастра, Конан и не подумал прекратить тренировку. Он нарочно удвоил усилия, демонстрируя силу и ловкость ударов новому зрителю, и под конец лихо «снес голову» своему противнику, увертливому Каро.

— Молодцы,— сказал Гунастр,— деритесь так же на арене, и тогда я скажу вам, что не зря терял с вами время.

— Спасибо,— кисло улыбнулся «обезглавленный» Каро.— Мне еще повезло, что меч у него сегодня был не медный, а деревянный.

— Где Арванд? — спросил старый наемник.

— Здесь я,— донесся откуда-то сверху голос Арванда, и спустя несколько минут вездесущий ванир уже стоял во дворе.

Гунастр смерил его взглядом и поджал губы.

— В последнее время ты не слишком много времени уделял своей работе, а?

Арванд улыбнулся.

— Напротив, господин. Мне кажется, в деле приручения киммерийского дикаря я добился совсем не плохих результатов. Ты еще заработаешь на нем кучу золота.

— Он принадлежит Синфьотли, если ты не забыл о

такой мелочи. Так что все его победы, если они, конечно, будут, принесут выгоду не столько нам, сколько его хозяину.

Гунастр прекрасно знал, что несправедлив: в подобных случаях владельцу казармы всегда доставалась неплохая доля, но его выводило из себя слишком уж наглое и независимое поведение Арванда. Ванир всегда был себе на уме, и, хотя Гунастр вполне доверял ему, в его отношении к помощнику продолжала оставаться известная доля настороженности. Вот и сейчас Арванд смотрел на него, словно отгородившись стеной, и улыбался так, точно знал нечто, о чем и Гунастру неплохо бы припомнить. Старик захотелось ударить его по лицу, втоптать в грязь и бить до тех пор, пока наглец не перестанет ухмыляться. Вместо этого Гунастр только перевел дыхание и сердито проговорил:

— Следи получше за тем, чтобы ворота были заперты как следует, особенно на ночь. Часовых вооружить получше и не оставлять с наружной стороны, даже если начнется бунт. Может быть, разумнее всего было бы поставить на стену лучников...

— Что-нибудь случилось? — Теперь улыбка исчезла с лица Арванда, и он выглядел не на шутку озабоченным.

— Ничего особенного пока не случилось. Идем со мной, я тебе кое-что покажу.

Арванд кивнул и жестом подозвал к себе Хуннара, передавая ему свой обитый железом шест.

— Последи пока за тренировками. Если киммериец слишком увлечется и начнет кого-нибудь калечить, бей в солнечное сплетение. Он парень крепкий...

Принимая шест, Хуннар криво улыбнулся.

— Благодарю за сомнительную честь. Значит, в случае чего мне надлежит остановить киммерийца? Проще оторвать медведя от его нареченной во время случки, чем этого дикаря от человека, которого он взялся убивать.

— Еще одна не в меру болтливая свинья, — сказал Гунастр и бросил на Хуннара угрожающий взгляд.

Хуннар попятился, но хозяин уже отвернулся от него.

Конан стоял в ожидании нового противника, но краем глаза постоянно следил за Гунастром. Старый рубака выглядел раздраженным и встревоженным. Интересно, что могло случиться? Уж не связано ли это каким-то образом с ночным похищением осужденной? Если старик что-то

пронюхал... Вспомнив, как славно он потешился той ночью, увлакивая пленницу вместе со столбом пыток, киммериец ухмыльнулся.

Гунастр вышел за ворота. Следом за ним покинул двор и его помощник. Волчьи следы на снегу вокруг стен казармы все еще отчетливо были видны, и Гунастр подвел к ним Арванда. Ванир наклонился, тронул след рукой, и ему показалось, будто он чувствует, как прикасается к чьей-то холодной и жестокой воле. Арванд понимал, конечно, что это всего лишь плод его воображения, но избавиться от навязчивого ощущения не мог.

— Их двое, — сказал Гунастр, внимательно рассматривавший следы. — Двое. Великий Митра, только этого нам и не хватало.

— А ты больше не думаешь, что этого зверя послал Игг нам во благо? — спросил его Арванд.

— Даже старики больше так не думают, — ответил Гунастр. — Ну, одного-то из этих зверюг мы знаем в лицо. Вернее, одну. Ей теперь не уйти, всякий опознает.

Арванд выпрямился, серьезно посмотрел на мрачное, суровое лицо хозяина.

— Это не Хильда, — сказал ванир.

Гунастр подскочил от удивления.

— Что значит «не Хильда»? Ее поймали прямо на месте преступления, разве ты не слышал? Весь рот у нее был в крови, сама босая на снегу... А разве не говорили, что человеческие следы, которые находили возле волчьих, были маленькими, как у женщины?

— Второй оборотень действительно женщина, — согласился Арванд, — но только несчастная кухарка тут ни при чем.

— Ни при чем? Но если она действительно невиновна, то почему же оборотень пришел ей на помощь? Зачем он спас ее от расправы?

— Ее спас не оборотень, — после короткой паузы сказал Арванд.

Нехорошее предчувствие закралось в душу Гунастра, и старик слегка отодвинулся.

— Тебе что-то известно об этом?

Арванд кивнул и улыбнулся, заранее зная, что старика это выведет из себя. И он не ошибся: широкое лицо Гунастра залилось багровой краской, он в раздражении топнул ногой и рывкнул:

— Слушай, ты, животное! Не смей нагло ухмыляться! Сколько раз я говорил тебе это?

— Много,— согласился Арванд, улыбаясь еще шире.

— Если хочешь что-то сказать, говори, только прекрати скалить зубы. Кто же, по-твоему, освободил ведьму, если не оборотень?

— Я,— заявил Арванд вполне серьезно.

Гунастр поперхнулся.

— Что ты сказал?

— Это я освободил Хильду той ночью, чтобы ее не пбили камнями вместо настоящей виновницы.

Отдышавшись, Гунастр испытующе посмотрел на своего собеседника, однако Арванд и не думал шутить.

— Бедная Хильда никогда не зналась ни с какой магией,— спокойно продолжал Арванд.— Все, что с ней случилось,— это цепь недоразумений, вызванных подозрительностью и всеобщим страхом перед вервольфом.

— Как ты посмел! — вымолвил наконец Гунастр.— Ведь Совет Старейшин приговорил ее.

— Совет Старейшин ошибается не в первый раз. И я уверен в том, что Хильда — обыкновенный человек, никакая не ведьма. К тому же она больна.

— Пусть даже и так,— пробурчал Гунастр, который чувствовал, что ванир отдает себе полный отчет в своих поступках.— Все равно ты не имел никакого права подвергать опасности себя, нашу казарму, мою репутацию... Из-за какой-то рабыни...

— А сам я кто? — напомнил Арванд.

— Мой друг и помощник,— отрезал содержатель казармы.— Не смей больше говорить об этом.

— Хорошо, господин.

С минуту Гунастр испепеляющим взглядом смотрел на ванира, но тот сохранял полную невозмутимость, и старик снова сдался.

— Сколько тебя помню, ты всегда был упрям как осел. Ладно, предположим, ты прав и эта Хильда — действительно всего лишь хворое дитя. Но чтобы утверждать такое, нужно знать наверняка, КТО же тогда настоящая ведьма? А уж это-то тебе как раз и не известно.

Арванд немного помолчал.

— Нет,— сказал он минуту спустя.— Я в самом деле знаю, кто в нашем городе принимает волчье обличие и убивает людей.— Он еще раз потрогал следы, а потом раз-

ровнял снег сапогом.— Вот поэтому-то они на меня и охотятся.

В окне стояла ночь. Синфьотли сидел один в огромном пустом зале своего дома. Тусклый свет одинокого факела еле-еле рассеивал тьму. Город затаился, утонул в глубоких сугробах. В эту глухую ночь никто не откроет дверь на стук заплутавшего путника. В эту ночь домашние побоятся впустить в дом мужчину, припозднившегося с охоты, и дети не откроют матери, если та возвращается в темноте,— вдруг это не близкий человек, вдруг это не странник, а оборотень-людоед с сидящей у него на спине ведьмой?

Весь город прислушивался в страхе, зная, что Зло бесшумно крадется по заснеженным пустынным улицам. Запах зла сочился сквозь плотно закрытые ставни, пробирался в щели, и ужасом пахло в Халого.

Сунильд заперлась у себя. Синфьотли потягивал вино в одиночестве. Быть может, он один во всем городе не испытывал сейчас чувства страха. Его снедала досада. Он досадовал на стражника, который позволил себя убить и похитить колдунью,— ворон на посту ловил, не иначе! Но самую жгучую ненависть испытывал Синфьотли к самому себе: держать эту маленькую лицемерную дрянь в руках и не сломать ей шею! И все потому, что он из каких-то идиотских соображений благородства не захотел этого делать, предпочитая предоставить казнь палачу. Нет, в следующий раз он забудет о чести, забудет обо всем, кроме одного: ведьма должна быть уничтожена. Больше никаких колебаний не будет.

Синфьотли сжал кулак и с силой ударил по столу.

— Брат,— с тоской проговорил он в гулкую пустоту зала,— о Сигмунд, как мне недостает тебя!

Ему показалось, что кто-то смотрит на него в окно. Синфьотли обернулся, но ничего не заметил.

— Я слишком много выпил сегодня,— пробормотал он.— Интересно, еще осталось?

Он поболтал в воздухе кувшином и услышал плеск жидкости. Тогда, раскрыв рот пошире, Синфьотли влил в себя остатки вина и, крикнув, обер подбородок.

И снова он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. На этот раз в окне мелькнули две красные светящиеся точки. Синфьотли ощутил, как ужас охватывает его,

леденит душу. Ничего подобного этот бесстрашный воин до сих пор не испытывал. Он попробовал встать и понял, что ноги его не держат.

Тихо скрипнула дверь, и Синфьотли снова замер. Больше никаких звуков до него не доносилось, но теперь Синфьотли каждой клеточкой своего напрягшегося тела ощущал в доме чье-то постороннее присутствие. ОНО было здесь. ОНО стояло, притаившись в темноте, и с холодным и пристальным вниманием изучало человека, освещенного неверным светом коптящего факела.

Так прошло несколько бесконечно долгих минут. Наконец Синфьотли усилием воли сбросил с себя оцепенение, протянул руку, схватил факел и метнул его по направлению к двери. На секунду пламя осветило черный силуэт очень стройного человека, стоящего у порога в спокойной позе, а потом, зашипев, погасло. Зал погрузился в полную темноту. И из этого абсолютного мрака донесся смех. Затем в воздухе просвистел кинжал и впился в притолоку над головой Синфьотли. Алый камень, украшающий рукоять кинжала, вспыхнул ярче десятка факелов, заливая огромный, пиришественный зал беспокойным багровым светом.

Синфьотли ощутил дыхание ледяного холода, словно на него повеяло ветром с заснеженных горных вершин. Черный силуэт в дверях пошевелился, сделал шаг вперед. Синфьотли сжался, как пружина, и коснулся рукой кинжала, пылающего в притолоке. Пусть колдовское, пусть чужое, но все-таки это было оружие. Асир не позволит черной ночной тени растерзать его, точно беззащитного ягненка. Но едва пальцы человека притронулись к рукоятке, как их обожгло нестерпимым холодом, и Синфьотли с проклятием отдернул руку. И снова прозвучал легкий смехок таинственного гостя. Синфьотли вздрогнул. С огромным трудом овладев собой, человек спросил:

— Кто ты? Как ты вошел сюда?

— Ты звал меня, вот я и пришел, — был ответ.

— Я не звал тебя, демон, — хрипло прошептал Синфьотли, цепenea под взглядом красных пылающих глаз на все еще не различимом в темноте лице.

— Ты ошибаешься, и я вовсе не демон, — хмыкнул пришелец. Что-то смутно знакомое и оттого еще более ужасное прозвучало в этом смешке. Незнакомец сделал еще несколько шагов к Синфьотли, и с каждым его новым

шагом алый камень на рукояти кинжала пылал все ярче и ярче.

Синфьотли встал. Ему начинало казаться, что он сходит с ума, что на него надвигается чудовищное зеркало, в котором он видит свое искаженное отражение. Нарушены были все цвета: волосы не соломенного цвета, а белые, глаза не светло-серые, а красные... и это кошмарное черное лицо, тонущее в тени...

И вдруг страх в одно мгновение отпустил Синфьотли, когда он неожиданно понял, кто перед ним.

— Сигмунд, — произнес Синфьотли, разом ослабев от только что пережитого ужаса.

Пришелец улыбнулся. Теперь сомнений уже не оставалось: такая улыбка — озорная и вместе с тем чуть выскомерная — была только у Сигмунда.

— Ты звал меня, брат, — повторил он, и красный свет в его глазах медленно угас, затаившись лишь на самом дне зрачков. — Ведь ты звал меня. Ты окликнул меня по имени, когда я, неприкаянный, бродил вокруг дома, где мы с тобой родились.

— Да, — шепнул Синфьотли.

— Но еще раньше меня позвала сюда моя Соль...

Синфьотли никогда прежде не замечал за Сигмундом особенной привязанности к девушке, которая считалась его племянницей. Но его не насторожила интонация, с которой явившийся из запредельных миров брат произнес эти слова: «моя Соль». Слишком взволнован был, чтобы заметить еще одну странность.

Теперь братья стояли друг против друга, один — смущенный, растерянный, другой — уверенный в себе, с легкой улыбкой на мертвенно-бледном лице. Внешнее сходство только подчеркивало это различие между ними.

По деревянному полу прозвучали чьи-то шаги. Близнецы обернулись одновременно и увидели, что на пороге комнаты, шатаясь и хватаясь руками за горло, стоит их мать. На Сунильд была только холщовая рубаха с развязанными у ворота тесемками и сползшая на плечи шаль. В багровом свете, струящемся из красного камня, глаза старой женщины, казалось, были залиты не слезами а кровью.

— Что это?.. — прошептала Сунильд. — Зачем ты дразнишь меня, сын?.. Откуда у тебя это зеркало?..

Синфьотли перевел взгляд на Сигмунда. Живой мертвец побелел, и даже красные сполохи не могли скрыть этой

бледности, залившей его хищное лицо. Губы Сигмунда задрожали, и он бросился к Сунильд.

— Мать! — вскрикнул он, увидев, что старая женщина, теряя сознание, медленно оседает на колени. Пылающими в красном зареве руками он подхватил ее и тут же выпустил, страшно закричав.

Сигмунд стоял над упавшей женщиной, откинув назад светловолосую голову и широко раскрыв рот, и кричал, кричал, и от его звериного вопля у Синфьотли стыла в жилах кровь. Наконец крик стал слабее. Сигмунд простонал несколько раз и затих. Потом его глаза встретились с глазами брата, и Сигмунд попытался улыбнуться. Синфьотли поразила нечеловеческая боль, которая глядела на него из красноватых зрачков оборотня.

— Я обжегся, — совсем тихо сказал Сигмунд. — Но это не ожог, это больнее... Это хуже всего, что я когда-либо испытывал.

Он склонился над матерью и с тоской посмотрел на нее, не смея больше к ней притронуться.

— Ты был ее любимым сыном, — сказал Синфьотли, не зная, чем еще утешить брата.

Но оборотень уже пришел в себя и выпрямился. На его лице появилось то самое надменное выражение, которое было так хорошо знакомо Синфьотли.

— Это больше не имеет значения, — сказал Сигмунд. — Я вернулся в свой дом и буду жить здесь. Слуги еще остались?

Синфьотли покачал головой. Сигмунд уселся в кресло и развалился поудобнее.

— Тогда Ты будешь прислуживать мне, — сказал он и наставил на брата указательный палец. — Поддай-ка мне вина.

Синфьотли молча налил ему из своего кувшина. В голове у него тупо стучал какой-то молот. Он плохо видел в этом болезненном багровом свете и плохо понимал происходящее.

Сигмунд отпил вина и похвалил вкус и букет. Синфьотли стоял рядом, готовый налить еще. Ему хотелось подойти к матери, но он не смел пошевелиться без позволения этого странного гостя, который был его братом. Вдруг Сигмунд рассмеялся.

— А ведь ты потерял тело своего брата, Синфьотли? Асир вздрогнул и кивнул.

— Нет, ты не потерял его. Не убивайся из-за этого,

мой заботливый, преданный брат. Я сам ушел. А ты ведь хотел меня похоронить. Ты ведь сжечь меня хотел...

— Ты был мертв, Сигмунд, — с трудом вымолвил Синфьотли.

— Мертв? Отчасти да. Но не совсем, как видишь. Я и жив, я и умер... но больше жив, чем умер. Спроси хоть Арнульфа Сверчка, который все про всех знает.

— Арнульфа заели волки, — машинально сказал Синфьотли. — Его нашли прямо на улице, неподалеку от харчевни «Бурый Бык». Снег на несколько футов вокруг был забрызган его кровью...

— Отжужжал, значит, наш Сверчок, — с равнодушным видом протянул Сигмунд, но улыбка помимо воли тронула его узкие губы. — Откуда же в городе волки, а?

Синфьотли задрожал. Какая-то неведомая сила стиснула на миг его сердце необъяснимым страхом. Как будто разговор зашел о чем-то очень опасном. Перемогая себя, он ответил:

— Это оборотень, Сигмунд. Служанка по имени Хильда, наша кухарка, которую я сам и купил в дом... Она оставляла на снегу следы, волчьи и человеческие. Помогите мне, брат! Я не знаю, кем ты стал и какая сила вернула тебя на землю, но, если ты все еще любишь меня, помогите одолеть колдовство...

Синфьотли замолчал. Страшный красный огонь пылал в глазах Сигмунда, и Синфьотли не в силах был отвести взгляда от этих неподвижных глаз. Наконец Сигмунд опустил голову и усмехнулся.

— Женщина, говоришь? Наша Хильда?

— Да, — сказал Синфьотли. — Я уверен в этом.

— Хорошо, — твердо произнес Сигмунд. — Я помогу тебе. Но ты будешь делать то, что я прикажу. Слушай, брат. Завтра ты отправишься в гладиаторские казармы и поговоришь с Гунастром. Пусть старик к вечеру отправит сюда под надежной охраной того, кто убил меня. Киммерийца.

— При чем тут киммериец? Я взял его ради того, чтобы он тешил твою душу кровавыми подвигами.

Сигмунд улыбнулся, обнажив очень белые зубы.

— Я знаю. Ты очень заботливый родственник. Но мне нужен этот человек. И ты приведешь его ко мне. — Он наклонился вперед и повторил тихим голосом, от которого у Синфьотли мороз пошел по коже: — Ты приведешь ко мне киммерийца, брат.

— Если твои черные камешки попали в эту часть круга, то ты проиграл,— толковывал Конану Ходо. Они сидели на корточках возле круга, начерченного осколком кирпича на каменных плитах. Ходо обучал молодого варвара одной из бесчисленных азартных игр, до которых рыжий толстяк был большой охотник.

Конан недовольно морщил нос, вороша черные и белые камешки на своей широкой ладони.

— Больно сложные они, все эти правила,— сказал он наконец,— нет ли чего попроще, Ходо?

— Куда уж проще! — произнес Ходо убедительно.— У вас в Киммерии небось всего и игр — кто кому скорее кости переломает?

Киммериец хмыкнул, довольный. Ходо смотрел на него задумчиво, задрав бороду. С одной стороны, играть с Хуннаром толстяку надоело, тот все время норовит сжульничать. С другой стороны, Конан, несмотря на свою дикарскую честность, противник небезопасный, и в раздражение его лучше не вводить.

Вдруг варвар вытянул шею, вглядываясь, и его лицо приняло злобное выражение. В казарме появился Синфьотли. Но проклятый асир снова был не один: он стоял возле Гунастра, а из глубины двора к ним приближался Арванд. Скрипнув зубами, Конан отвернулся. Ходо, все это время внимательно следивший за молодым киммерийцем, ткнул его в бок кулаком и заметил:

— А ты просто кровавый пес, киммериец. Не беспокойся, рано или поздно Синфьотли будет твой и ты разрежешь его на кусочки. Такие, как ты, добиваются своего. А сейчас слушай лучше меня: если твои белые камешки попадают на мое поле...

Синфьотли сразу произвел на Гунастра какое-то странное впечатление. Старик знал асира с детства и потому очень быстро заметил, что того будто подменили. Синфьотли, обычно такой спокойный и выдержанный, все время вздрагивал и озибался. Когда Гунастр коснулся рукой его плеча и повторил свой вопрос, Синфьотли подскочил и уставился на содержателя казармы широко раскрытыми глазами.

— Синфьотли, ты не болен?

— Я здоров,— быстро сказал асир.— И дома тоже все в порядке. И высокородная Сунильд, моя мать, она...

Подошедший в этот момент Арванд кивнул ему в знак

приветствия. Глядя на ванира сумасшедшим взглядом почти белых глаз, Синфьотли еще раз пробормотал:

— И высокородная Сунильд не лежит без сознания на пороге пиршественного зала. И не обжигают до костей прикосновения материнских рук...— Он тряхнул головой, отгоняя страшные воспоминания, которые отчасти принадлежали не ему.— Словом, Гунастр,— сказал он прояснившимся голосом,— я хочу, чтобы сегодня вечером этот киммериец... тот, кто убил меня... МОЙ киммериец был у меня дома. Я забираю его, понятно? Сегодня вечером приведи его.— Синфьотли сморщился, вспоминая, все ли он сказал.— Да,— добавил он после некоторого раздумья,— вспомнил. Под надежной охраной. Приведи сегодня вечером ко мне того киммерийца, которого я взял в плен, и под надежной охраной. Так нужно. Я не знаю, зачем и при чем тут киммериец, но нужно именно так.

Арванд смотрел на асира мрачнее тучи. Было что-то очень тревожащее в поведении Синфьотли. Асир производил впечатление не то больного, не то пьяного. Было видно, что он несет бред и находится на грани безумия. Но еще вероятнее было другое предположение, и оно-то пришло Арванду на ум в первую очередь: оборотень все же настит своего брата и наложил на него печать своего духа. Теперь гордый Синфьотли — просто безмозглое орудие в руках живого мертвеца. Лучше всего было бы убить Синфьотли и тем самым освободить его душу от проклятия, а Халоба — от опасности, которую несет сын Младшего Бога. Но как это сделать сейчас, у всех на глазах? И что ожидает в таком случае Арванда, если он поднимет руку на знатного человека? Можно, конечно, заняться подстрекательством и натравить на Синфьотли Конана... Вон как сверкают глаза у мстительного киммерийца! Но Арванду почему-то не хотелось увидеть, как мальчишку-варвара разорвут на части взбешенные кони.

И потому ванир неподвижно стоял в полушаге от Гунастра, рядом с хозяином и все-таки чуть отступив, и безмолвно слушал сбивчивые распоряжения Синфьотли.

Асир провел рукой по лбу и бросил на Гунастра растерянный взгляд.

— Значит, ты понял, что нужно сделать?

Гунастр ободряюще похлопал его по плечу.

— Пожалуйста, не беспокойся, Синфьотли. Мальчишка принадлежит тебе, и сегодня вечером я сам его доставлю.

Синфьотли кивнул и, не прибавив больше ни слова, повернулся и вышел из ворот. Охранники сразу же заложили засов.

Гунастр проводил его взглядом, потом передернул плечами и повернулся к Арванду.

— Что это с ним? Болеет, что ли? Или в городе опять появились наркотики?

Арванд молчал. Оборотень потребовал доставить ему Конана — человека, которому известно, кто такая Соль и кто ее отец. Скоро, очень скоро вервольф доберется и до второго, кому известны все его тайны. И тогда настанет черед Арванда. Нет уж, лучше нанести удар первому. Надо поговорить с киммерийцем, и чем скорее, тем лучше.

— Эй, — сказал Гунастр, — я, по-моему, задал тебе вопрос! Или твоя непочтительность дошла уже до того, что ты вообще перестал со мной разговаривать?

— Извини, — сказал Арванд. — Я и вправду невежлив.

Гунастр раздраженно хмыкнул.

— Для меня это не новость. Так что ты думаешь о Синфьотли?

Мгновение Арванд испытующе смотрел на своего хозяина, а потом вдруг решил:

— Я думаю, тут вмешались злые чары. Он стал опасен. Он очень опасен.

Гунастр махнул рукой, раздражаясь еще больше.

— Глупости. Я знаю его с детских лет.

— Собака, которую вырастил, взяв щенком, тоже не опасна, пока не подцепит бешенство.

— Вечно ты говоришь загадками. По-твоему, мне нечего больше делать, как только ломать над ними голову? Опасен Синфьотли или нет, сегодня вечером я препровожу к нему парня.

— Сам? — Арванд едва сдержался, чтобы не выкрикнуть это слово.

— Синфьотли сказал «под охраной», ты же слышал. Конечно, я сам доставлю киммерийца. Меня-то ему не обставить, если вздумает бежать.

Арванд чуть ли не до крови прикусил губу. Он знал, что, когда у Гунастра появляется на лице это непреклонное выражение, спорить со стариком не только бесполезно, но и небезопасно. Ванир ощутил острое желание напиться до беспамятного состояния и забыть обо всем. Хотя бы на время.

После ужина, когда Конан уже готовился к приятному свиданию со своим соломенным матрасом (после боя в память Сигмунда киммерийцу поменяли постель и принесли свежей соломы), его окликнул повар Акун.

— Тебя зовет хозяин, киммериец. Иди к нему.

Ругаясь себе под нос, Конан лениво поплелся во двор казармы. Старик в своей длинной кольчуге ждал его, заложив руки за пояс. Конан остановился в десяти шагах от содержателя казармы и с интересом уставился на него. Гунастр был вооружен до зубов. Длинные седые волосы придерживал на лбу обруч. Кольчужный капюшон был откинут на спину, шею защищал небольшой металлический воротник. Киммериец, конечно, не мог знать, что необъяснимый страх Арванда каким-то образом передался и его хозяину. Хотя старик и высмеял своего помощника, хоть он и отказался слушать его предостережения, тем не менее счел за лучшее принять кое-какие меры предосторожности.

— Я получил сегодня распоряжение доставить тебя в дом Синфьотли, малыш, — заявил старик, глядя на рослого киммерийца снизу вверх. — Так что бери теплый плащ и отправляйся. Смотри, чтобы мне не пришлось тебя долго ждать!

Конан почти бегом бросился в свою каморку за меховым плащом. Сердце варвара пело и ликовало: в дом Синфьотли! Он отправляется в логово своего врага! Пусть хоть десяток вервольфов встанут между киммерийцем и человеком, которого он ненавидит, — Конан знал, что в конце концов увидит, как Синфьотли бьется в предсмертных судорогах.

Гунастр невольно усмехнулся, глядя в широкую спину юноши. Он хорошо понимал, что происходит сейчас в этой дикой и бесхитростной душе. Что ж, дело Гунастра — выполнить поручение, а уж о своей безопасности Синфьотли пусть позаботится сам.

— Я готов, — сказал Конан, бесшумно подкравшись к старику со спины. К великому разочарованию молодого киммерийца, Гунастр даже не вздрогнул. Он вообще сделал вид, что маневр Конана не произвел на него никакого впечатления (со стороны старого рубаки это было чистой воды лицемерием).

— Пошли, раз готов, — сказал Гунастр и неторопливо зашагал к двери. Он подумал еще раз о том, что стоило, наверное, заковать киммерийца в цепи. Но Арванд чуть ли не на коленях умолял содержателя казармы не делать

этого. Вероятно, чертов ванир опять прав. Конану уже приходилось выходить в город, и ничего страшного не случилось. Проклятый холоп, этот Арванд, слишком часто он оказывается прав. Однако совету вооружить киммерийца Гунастр следовать отказался, причем наотрез: это было бы совсем уж глупо.

За спинами киммерийца и старого гиперборейца заложили засов. Лязгнули мечи стражников, занявших свой пост, и все стихло. Крутом были сугробы, синие в призрачном лунном свете, и тонущие в снегу дома. Желтые полосы света пробивались из-за плотно закрытых ставен.

Оказавшись вдвоем на ночной улице, Конан и Гунастр вдруг обратили внимание на то, каким пустым и тихим стал город. Как будто с наступлением темноты Халоба вымер. На улицах и площадях не было видно ни одного человека, и желтый свет в притаившихся домах казался таинственным и призрачным, словно за этими ставнями бесшумно сновали привидения.

Гунастр тряхнул головой, отгоняя неуместные мысли. Что за глупости! Город как город — Халоба ничуть не изменился за этот месяц. А что до отсутствия людей на улицах — кому охота бродить морозной ночью?

Конан чутко прислушивался, стараясь уловить малейший звук. Ноздри варвара слегка раздувались. Сейчас он был похож на крупного молодого хищника, который вышел на охоту и желает удостовериться в том, что поблизости нет еще более кровожадного свирепого зверя и что сам он не превратится по нелепой неосторожности из охотника в жертву. Похоже, осмотр вполне удовлетворил киммерийца. Он бросил на Гунастра вопросительный взгляд. Старик кивнул, и оба они двинулись вперед. Снег хрустел под их мягкими сапогами.

Так они миновали несколько непривычно тихих питейных заведений, приунывший дом терпимости, откуда не доносилось ни смеха, ни визга, ни пьяных воплей; свернули на обезлюдевшую площадь, откуда еще вчера ушел отряд бродячих наемников, который стоял там лагерем, жег костры и весьма назойливо предлагал свои услуги. Никого не встретили они и в более respectable части города. Город был пустынным в полном смысле этого слова. Безлюдные улицы производили угнетающее впечатление. Но, с другой стороны, если путникам не попадались навстречу друзья, то и враги тоже не нападали на них.

На улицах Халоба в этот час воистину не было НИКОГО.

— Гунастр!..

Звук этого голоса, доносившийся откуда-то из соседнего переулка, заставил старика и его молодого спутника вздрогнуть. Оба мгновенно замерли посреди дороги. Голос, окликнувший содержателя казармы по имени, был женский. Но было в нем также нечто неестественное, нечеловеческое, как будто той, что обратилась к ним, непривычно было выговаривать слова человеческой речи. Глухой и ломкий, этот девичий голос был полностью лишен какой-либо интонации.

— Гунастр, ты привел того, кого мы ждем? — снова заговорил голос.

Теперь Конан, страхнувшийся с себя оцепенение страха, понял, кому он принадлежит. Так разговаривать могла только она, Соль, глухая. Девушка не слышит сама себя, не может контролировать интонации, и потому так странно звучит ее речь.

Гунастр вскинул голову. Несмотря на то что лицо его залила мертвенная бледность, старик решительно не поддавался попыткам запугать его.

— Кто здесь? — громко сказал он в ответ. — Кто говорит со мной?

Ответа не последовало. Конан инстинктивно потянулся рукой к поясу и, вспомнив о том, что безоружен, досадливо плюнул.

— Отвечай! — снова возвысил голос Гунастр. — Кто ты? Почему прячешься? Выйди на свет!

— Она не ответит, — сказал ему киммериец.

— А ты почему знаешь?

Конан хмыкнул.

— Она не слышит тебя. И говорит с тобой наугад.

— Что значит — «не слышит»? Тебе знакома эта женщина? Кто она? Да говори же!

— Конан! — снова зазвучал глухой женский голос. — Ведь ты здесь, Конан! Ты здесь, безоружный и беспомощный, жертва, обреченная на заклятие! Когда наши зубы вонзятся в твоё тело и наши когти станут терзать твою плоть, ты даже не сможешь защитить себя!

Забыв о том, что ведьма не может его услышать, киммериец яростно зарывал:

— Что же ты прячешься от меня, потаскушка, согрешившая с волком? Выходи на яркий свет! Веди сюда

своего любовника, который покрывает тебя каждую ночь, и посмотрим, чьи зубы острее!

Из темного переулка донеслось глухое рычание, и из-за угла медленно выступил огромный белый волк с пылающими угольями красных глаз. Скаля зубы и прижимая к голове острые уши, он остановился в двадцати шагах от Конана и старика. На спине зверя, подобрав ноги, удобно устроилась юная девушка, всю одежду которой составляли густые золотые волосы, окутывающие ее гибкое тело почти до середины бедер. Она была ослепительно хороша — пугающей, дьявольской красотой. Огромные глаза, зеленые, как изумруды, неестественно яркие, сверкали в обрамлении густых ресниц. В зелени радужной оболочки тонул красный зрачок. Очень красные, пухлые, почти непристойно вывернутые губы оттеняли молочную белизну зубов. И если бы незабвенный туранец, наградивший Ама-лазунту экзотическим прозвищем Изюмчик, увидел эту узкую талию и расцветшую грудь, он закатил бы свои черные маслянистые глазки и процитировал строку восточного поэта: «На тоненькой ветке — два спелых плода».

Девушка легко и грациозно соскочила со спины зверя и встала босиком на снег. Волк снова зарычал и шагнул вперед.

Конан и Гунастр, оба — несмотря на значительную разницу в возрасте — имели изрядный опыт в битвах. И потому при виде угрозы не раздумывая встали плечом к плечу.

— Дай мне оружие, — сквозь зубы процедил киммериец.

Гунастр сунул ему в руки кинжал. На мгновение Конан сжал пальцы старика.

— Спасибо, — сказал варвар просто, и Гунастр внезапно всем сердцем ощутил правоту Арванда: этот дикий юноша из диких гор — самый опасный враг, если вызвать его ненависть, но и самый отважный и верный союзник для того, кто завоеует его доверие.

Волк приготовился к прыжку. Нагая девушка, приплясывая от нетерпения, следила за людьми и беззвучно смеялась.

В следующее мгновение все смешалось. Волк прыгнул. Страшные челюсти лязгнули совсем близко, промахнувшись лишь на волосок. Конан успел увернуться, спасая свое горло. В тот же миг Гунастр выбросил вперед руку с коротким мечом и распорол зверю бок. Однако из страшной раны не хлынула кровь, как можно было ожидать.

Гунастру показалось, что металл входит не в живую плоть. Ощущение было такое, будто он пронзает тюфяк, плотно набитый соломой. Светлый мех тут же затянул рану.

— Его нельзя убить, — задыхаясь, крикнул Гунастру Конан. — Это оборотень! — Что-то подтолкнуло киммерийца, и он, почти против своей воли, добавил громко и торжествующе: — Это Сигмунд!

Ответом ему был яростный вой. Из разверстой пасти зверя повалил зловонный дым. Спустя несколько секунд на снегу лежал, скорчившись, человек, очень похожий на Синфьотли. Но молодой киммериец теперь уже никогда не перепутал бы близнецов.

Девушка страшно закричала, широко раскрывая рот и простирая руки, словно пытаясь защитить упавшего. Сигмунд пошевелился, встал на четвереньки и оскалился совершенно по-волчьи. В его руке неожиданно блеснул кинжал.

— Мне нужен был киммериец, — сказал он. Гунастр зачарованно смотрел, как шевелятся красные губы на белом, как маска, лице оборотня. — Но теперь ты тоже знаешь тайну. Вы умрете оба. И когда вы умрете, мы вас съедем.

— Боги... — прошептал Гунастр.

Конан ударил его по скуле.

— Не смотри так долго на него! Не смотри ему в глаза! Он заколдует тебя, старик!

Сигмунд засмеялся и сделал знак своей дочери подойти поближе.

— Гляди, девочка, — сказал он, — как я расправлюсь с этими жалкими тварями!

Конан плюнул.

— Она же тебя не слышит, — презрительно сказал киммериец. — Не пытайся запугать нас, Сигмунд. Там, на холмах, я убил тебя в честном бою, и убью еще раз, если понадобится.

— Только не сегодня! — крикнул Сигмунд и неожиданно набросился на своих противников.

Гунастр ловко отразил первую атаку, подставив под удар заколдованного кинжала кольчужный рукав. Острие скользнуло по металлу знаменитой кольчуги Гунастра, доставшейся ему от деда или прадеда, не причинив старику никакого вреда. Ответный выпад старого воина поразили Сигмунда в грудь и пробил бы ему легкое, будь противник еще жив. С разверстой раной на обнаженной

груди, откуда не вытекло ни капли крови, Сигмунд продолжал биться. Его рана напоминала темную зияющую дыру. Конан заметил, что оборотень совершенно не беспокоится о своей безопасности. Все свои силы человек-зверь направил только на нападение. Его действительно нельзя убить обыкновенным оружием. Как только у Сигмунда появится передышка, он залечит все нанесенные ему увечья.

Плечом к плечу Конан и Гунастр сражались против Сигмунда. Сын Младшего Бога был страшен. Его молниеносные движения невозможно было предугадать. И если Сигмунд атаковал их раз за разом, не обращая внимания на необходимость защищаться, то двое его противников не помышляли о том, чтобы перейти в нападение, поскольку это было не только опасно, но и бесполезно, и лишь отбивали его удары.

— Нам не вырваться, — прохрипел Гунастр. — Как только он вымотает нас, эта чертова девка вцепится со спины.

Сигмунд услышал это и рассмеялся. Он несколько раз лягнул зубами и повторил свою угрозу:

— Мы сожрем вас живыми, два куска мяса.

В ответ Конан зарычал, как разозленный зверь. Сигмунд ожидал, что выведенный из себя варвар раскроется, сделав отчаянную попытку убить своего врага, но Конан редко терял голову. Он успел заметить, что сзади к ним подкрадывается крупная волчица с золотистым мехом.

— Гунастр! Сзади! — крикнул он.

Челюсти хищницы захлопнулись, когда она схватила зубами воздух. Взыв от разочарования, волчица прижала уши и опустила пушистый хвост, вытянув его палкой. Гунастр развернулся, чтобы отразить очередную атаку Сигмунда, но опоздал. Кинжал нашел прореху в знаменитой кольчуге (старик все недосуг было сходить с этим к кузнецу; как истинный северянин, Гунастр куда больше внимания уделял наступательному оружию, чем доспехам, щитам и шлемам). Из раны в левом боку старика на снег хлынула кровь. Гунастр пошатнулся и прижался к стене.

Волчица оскалила зубы, почуяв запах крови. Между тем Конан воспользовался заминкой для того, чтобы по почти отвесной стене высокого дома (это было старое каменное строение, сложенное темным булыжником) забраться до карниза. Прилепившись к стене, точно муха, варвар ловко скользнул на карниз и, нагнувшись, крикнул Гунастру:

— Подними руки!

Слабее, старик с трудом последовал приказу. Варвар схватил его и рывком втянул на окно, не обращая внимания на отчаянный крик боли, вырвавшийся при этом у хозяина гладиаторской казармы.

В спину его что-то подтолкнуло. Конан почувствовал, как деревянный ставень дергают изнутри, пытаясь раскрыть. Глухо заворчав, варвар навалился на него всей своей немалой тяжестью. Он услышал, как в доме за его спиной испуганно визжит женщина и бранится мужчина.

— Ну, я им сейчас покажу! — пригрозил мужчина. Отчетливо лязгнуло оружие. Конан ждал, держа за плечи обвисшего Гунастра и примеряясь перебраться с ним вверх по стене, на крышу. Внизу бесновалась волчица, жадно хватая зубами окровавленный снег. Сигмунд зажал во рту кинжал и начал ловко взбираться на стену. Конан отбивался от него мечом, не давая ухватиться пальцами за карниз.

Внизу загремел засов, и дверь приоткрылась. Волчица замерла, повернувшись на звук. С ее приоткрытой пасти капал растаявший розовый снег. Из дома высунулся пожилой мужчина. Он мгновенно увидел окровавленную морду зверя и горящие красные глаза. Испустив отчаянный вопль, он захлопнул дверь. Слышно было, как он лихорадочно гремит засовом.

Конан яростно размахивал мечом. Гунастр, которого киммериец придерживал одной рукой, становился все тяжелее. Наконец Конану удалось отшвырнуть Сигмунда на землю. Гибко приземлившись, человек-волк присел на корточки и запрокинул вверх белое лицо. Казалось, еще мгновение — и он стремглав взвоется вверх, взлетит и вопьется Конану в глотку.

Воспользовавшись короткой передышкой, киммериец принялся связывать руки Гунастра, чтобы тащить его дальше наверх, положив себе на спину, точно тюфяк. Он быстро сорвал с себя пояс и перехватил старика поудобнее, когда вдруг заметил, что его спутник не дышит. Конан тронул вену на шее, но пульса не было.

Конан не поверил своим глазам. Но когда он перевернул тело старика, он увидел, что вся левая сторона кольчуги стала темной и скользкой от крови. Пальцы варвара нащупали и злополучную прореху. Чтобы увидеть и понять все это, Конану потребовалось несколько секунд.

Почти сразу же у него созрело решение. Он знал, конечно, что намерение его скверно, с какой стороны ни посмотри. Но ему нужно остаться в живых, чтобы отомстить. И он уже знал, что уйдет от оборотней — уйдет любой ценой.

Сигмунд снова полез на стену. Он карабкался по булыжной кладке почти так же быстро и ловко, как киммериец, детство которого прошло в горах, среди голых отвесных скал.

Держа тело Гунастра в руках, Конан ждал. Когда голова Сигмунда снова показалась у карниза, киммериец широко размахнулся и швырнул труп в вервольфа. Сбитый с ног и наполовину оглушенный, человек-зверь покатился по снегу. Волчица гигантским прыжком подскочила к телу Гунастра, который упал посреди улицы и остался лежать в неловком положении, вывернув одну ногу и раскинув руки. Пока она обнюхивала то, что бросил ей человек, и пока Сигмунд со стоном выбирался из сугроба, Конан уже залез на крышу, а оттуда по дымовой трубе спустился в дом.

На счастье варвара, отверстие оказалось достаточно широко, и он застрял только два раза, да и то сумел выбраться. Весь исцарапанный, в копоты, с кинжалом в руке (меч Гунастра он бросил вдогонку падающему Сигмунду), варвар вывалился прямо в горящий камин, подняв тучу искр. Отчаянно взвизв, киммериец выкатился из каминной на каменный пол, опрокинув при этом резной деревянный экран и попортив на нем резьбу. Плавающий меховой клубок в черных лохмотьях, из которых то и дело высовывались человеческие руки и ноги, — таким показался незванный гость обитателям дома.

Рыча от боли, Конан катался по полу, чтобы сбить пламя. Наконец ему удалось потушить последнюю искру. Тяжело дыша, он остался сидеть на полу — с кинжалом в опущенной руке, грязный, покрытый сажей, с розовыми ссадинами на закопченном лице. Нечесанные волосы падали ему на лоб. Холодные синие глаза варвара оглядывали насмерть перепуганных людей, словно сквозь гриву.

Он увидел пожилого человека — видимо, того самого, что пытался открыть ставень и отогнать непрошенных визитеров; старую женщину, посеревшую от страха, и ребенка, мальчика лет двенадцати, который смотрел на незнакомца настороженно и в то же время с отважным любопытством. Все они сбились в кучу в углу.

Конан вздохнул и пошевелился. Вроде бы кости целы. Поймав взгляд мальчика, киммериец кивнул ему и хрипло сказал на гиперборейском, выговаривая слова с жестким акцентом:

— Подойди ко мне, малыш.

— Нет! — закричал старый человек и бросился вперед, закрывая собой мальчика. — Пожалуйста, не трогайте его!

Ледяной взгляд синих глаз пригвоздил его к полу. Тяжело дыша, с дрожащими в глазах слезами, старик замер. Губы его зашевелились, словно он повторял свою мольбу беззвучно, не смея кричать.

Конан инстинктивно понимал, что завоевать доверие ребенка будет проще. Ему не хотелось убивать этих людей. А позволить им выгнать себя на улицу, на растерзание разъяренным вервольфам, он тоже не мог. Запугать же хозяев дома означало обречь себя на риск получить от них удар в спину. Старик был еще крепкий и вполне мог на такое решиться. Да и, кроме этих троих, в доме могли быть еще люди.

Мальчик осторожно приблизился к киммерийцу и остановился в нескольких шагах от него.

— Ты думаешь, что я оборотень, — сказал Конан.

— По правде сказать, да, — искренне ответил мальчик. Помолчав, Конан спросил:

— Тогда почему же ты не боишься?

— Потому что я вообще никого не боюсь, — просто сказал мальчик. — Но ты страшный, — добавил он, кивая, словно хотел утешить «оборотня».

Киммериец разразился хриплым хохотом. Белые зубы заблестели на его почерневшем лице.

— Ну хорошо, — сказал наконец Конан. — Подойди к окну и открой ставень. Немножко открой, так, чтобы выглянуть в щелочку.

Мальчик повиновался. Скрестив ноги, Конан ждал. Наконец мальчик тихо притворил ставень и обернулся к киммерийцу. Конан увидел, что лицо ребенка побледнело и он крепко сжал губы.

— Что ты видел? — спросил Конан.

— Два волка на снегу перед нашим домом рвут на части труп человека, — тихо ответил мальчик. — Боги, что происходит? Кто вы?

— Они гнались за мной и моим спутником. Он, как ты видел, мертв. Я бы не отдал его оборотням живым, можешь мне верить.

Мальчик присел на корточки и заглянул Конану в глаза своими ясными детскими глазами.

— Я вам верю, — прошептал он.

Они разговаривали так, словно стариков вовсе не было в этой комнате. Вдруг мальчик вспомнил о них, повернулся и небрежно распорядился:

— Ну, что вы стоите? Принесите горячей воды, полотна для перевязки, вина, хлеба! Шевелитесь!

Старики засуетились, женщина куда-то убежала. В глазах Конана мелькнуло любопытство. Значит, хозяин дома — этот мальчик, а остальные — просто слуги?

— Утром оборотни уйдут, — продолжал Конан. — И я тоже покину ваш дом. Но мне обязательно нужно задержаться здесь до рассвета. Я должен остаться в живых, чтобы отомстить. Если кто-нибудь из вас попытается выгнать меня, я буду вынужден убивать.

— Вы останетесь сколько захотите, — спокойно сказал мальчик. — Убивать никого не нужно. Здесь достаточно моего слова.

Конан увидел, как пожилая женщина вносит ушат с горячей водой и бросает в сторону пришельца опасливые взгляды.

— Умой его, — приказал мальчик служанке.

Женщина сделала несколько шагов, выронила тяжелый ушат, едва не расплескав кипятка на ноги, и в голос расплакалась.

— Я боюсь, господин граф, не заставляйте меня!

— Отпусти слуг, — сказал мальчику Конан. — Я ведь не калека, могу и сам умыться.

Крякнув, киммериец поднялся на ноги. Слуг как ветром сдуло. Конан, по правде говоря, никогда толком не понимал, на что нужна прислуга. Только путается под ногами и причитает, когда не просят. По простодушному мнению варвара, если человек не в состоянии сам одеваться и умываться, то его следует просто добить из милосердия, дабы не обременять других и не отягощать своей души напрасными терзаниями.

Когда Конан, кое-как смыв с себя кровь и копоть, жадно пил вино из широкогорлого кувшина, мальчик снова выглянул в окно. Волки исчезли, оставив после себя изрытый следами снег и изуродованное тело Гунастра.

— Они ушли, — сказал мальчик, оставив ставень открытым. — Почему же они гнались за вами?

— Потому что я знаю, кто они, — ответил варвар. — А тебе этого лучше не знать. Незачем лишний раз произносить имя того, с кем совсем не хочешь встречаться. — Киммериец поднялся, оставил пустой кувшин и положил тяжелую руку на плечо мальчика. — Ты храбрый малыш, и из тебя вырастет хороший воин. Я так думаю. Если ты и вправду хозяин в этом доме, постарайся сделать так, чтобы слуги не очень болтали о том, что было нынешней ночью. И сам помалкивай, хорошо?

Мальчик кивнул.

— Не сомневайтесь. Да хранит вас удача. Хотел бы я быть постарше, чтобы называть вас другом.

Киммериец засмеялся.

— Будь ты постарше, я бы просто перерезал тебе горло.

— Почему? — поинтересовался ребенок, не выказывая ни малейшего страха.

— Потому что терпеть не могу гиперборейцев, будь они неладны, — был искренний ответ. — Прощай, малыш, и будь здоров.

Растрепав светлые волосы гостеприимного хозяина, Конан легко сбежал по винтовой лестнице и приоткрыл дверь на улицу. Навстречу ему хлынул поток света. Вставало солнце.

Глава шестнадцатая

«Гладиаторскую казарму с имеющимся в ней оружием, как тренировочным, так и боевым, а также дом, расположенный на улице Медников, оставляю единственному человеку во всей Халоба, о котором точно знаю, что он не угробит мое дело и с пользой употребит нажитое мною за долгие годы добро», — читал скучным голосом глашатай Совета Старейшин завещание Гунастры.

Глашатай был единственным человеком в Совете, который умел читать. Поэтому слушали его с величайшим вниманием.

Тело Гунастры, изуродованное чудовищными клыками, нашли на рассвете и доставили в казарму, где слуги, причитая, кое-как попытались придать ему благопристой-

ный вид. Арванд, бледный как смерть, издали наблюдал за их работой. Он никогда не думал о том, что Гунастра может умереть. О разлуке с суровым стариком ванир подумывал уже давно, но всегда в его мыслях это выглядело отъездом, прощанием. Арванд вдруг понял то, чего не осознавал прежде: он был очень привязан к Гунастре.

Мучила его и еще одна мысль. Упрямый и вредный, содержатель казармы так и не освободил своего помощника. Участь рабов, оставшихся без хозяина и не переданных по наследству, была известна: их прибирали к рукам городские власти. А уж что прилипло к ладоням членов Совета, то никогда уже не отлипало. Когда с Арвандом заговорил об этом один из халобайских аристократов, некогда бравших у него уроки фехтования, ванир с деланным безразличием зевнул.

— Значит, устрою побег, вот и все.

Молодой аристократ поглядел на него с неожиданным любопытством.

— Так ведь тебя схватят и казнят, Арванд.

Ванир пожал плечами.

— А может так статься, что я перегрызу им глотки и вырвусь, — еще более равнодушным тоном предположил он.

На самом деле Арванду было далеко не все равно, в чьи руки он попадет. В том, что придется организовать такую рискованную и неинтересную вещь, как побег, ванир почти не сомневался. И заранее уже набирался решимости, подыскивал союзников, мысленно перебирая гладиаторские лица, прикидывал, какой маршрут предпочесть. Эти думы почти вытеснили печаль по Гунастре.

Но теперь, слушая, как глашатай зачитывает завещание, Арванд до конца осознал тот факт, что старик мертв.

— «...и с пользой. Все это имущество пусть будет передано моему наследнику, Арванду из Ванахейма, которого я усыновил...»

— Что?! — невольно вскрикнул Арванд.

Глашатай бросил на него недовольный взгляд и продолжал читать.

— «...усыновил по всем установленным правилам перед идолом Игга в Похьеле, совершив при том жертвоприношение молодого козленка». — Глашатай оторвался от свитка и добавил: — Документы об этом имеются здесь же.

— Простите мое любопытство,— заговорил Арванд осипшим голосом и вдруг понял, что от волнения весь дрожит, да так, что зубы постукивают.— Но мне, как человеку заинтересованному, да будет позволено узнать: когда были составлены эти документы?

Теперь уже не только глашатай, но и старейшины смотрели на него с явным неодобрением. Глашатай переглянулся с одним из распорядителей церемонии, и тот кивнул.

— Документы составлены два года назад в Похьеле,— сказал глашатай.— И прошу больше не прерывать.

Арванд не удостоил его даже кивка. Он вообще больше ничего не слышал. Мысли завертелись в голове как бешеные. Старый лис еще два года назад освободил его, а потом и усыновил — и ни словом не обмолвился. Продолжал обращаться с ним как ни в чем не бывало, тиранил и бранил, иногда довольно грубо. Арванд сносил все придирки старика со стоическим терпением именно потому, что надеялся заручиться его благосклонностью. Он невольно покачал головой, думая об этом. Хитрец нарочно держал его в неведении. Разве стал бы упрямый ванир таким безотказным и верным слугой Гунастру, если бы был уверен в своем будущем! Гунастр никогда ничего ему не обещал. Но слухи о том, что он хочет сделать своим наследником Арванда, ходили упорно, и старый рубака не опровергал их.

И вот он умер, погиб, растерзанный волками. При мысли об этом Арванд ощутил бешеную ярость. Младшие Боги с их кровожадными детьми отняли у него когда-то сестру и отца. Судьба дала ему второго отца — и мрачная магия оборотней погубила и его.

Арванд выпрямился. Он будет мстить. И где, черт побери, только носит этого негодного киммерийца?

Когда Арванд вошел в харчевню, обе сестры, позабыв и клиентов, и взаимные распри, дружно бросились к нему.

— Тебя можно поздравить? — сказала Амалафрида.— Ты у нас, оказывается, давно уже стал важным господином, а мы и не знали.

— Никто не знал,— ответил Арванд,— и меньше всех я сам. Но сейчас, честно говоря, я предпочел бы оставаться в неведении, лишь бы Гунастр был жив.

— Да, это ужасно,— подхватила Амалазунта,— такая чудовищная смерть. Просто не укладывается в голове.

Арванд выглядел усталым и опечаленным. Казалось, его ничуть не радует известие о том, что он не только свободен, но и довольно богат (при умелом ведении дел содержание гладиаторской казармы приносило изрядный доход).

Сестры обменялись недоуменными взглядами. Они знали ванира уже не первый год и никак не ожидали от него такой чувствительности. Не замечая ничего этого, он тяжело опустился на скамью. Амалафрида тут же под села к нему и сладчайшим голосом обратилась к сестре:

— Принеси кувшинчик вина. Видишь, как расстроен господин Арванд?

С кувшином в одной руке и кружкой в другой младшая сестра уселась по другую сторону от Арванда. Он машинально выпил, посидел немного в неподвижности, положив на стол руки и уставившись на них невидящими глазами. Он просто никак не мог осознать того, что с ним случилось.

Наконец он поднялся.

— Черника, проводи меня, если можешь, в свою комнату. Я заберу сегодня у тебя эту девушку.

— Давно пора,— неприятно сказала Фрида.

— Как она? — спросил Арванд младшую сестру, пока они вдвоем поднимались по лестнице.

Амалазунта пожала плечами и поправила сползшую при этом движении шаль.

— Целыми днями спит, а если не спит, то ни с кем не разговаривает и всего боится.

Хильда сидела, забившись в угол комнаты, и, когда они вошли, вздрогнула и бросила на них испуганный взгляд. Похоже, сестры не очень-то ее привечали. Потом лицо девушки прояснилось: она узнала Арванда. Хильда по-прежнему была очень некрасива, но для Арванда, которому изрядно надоели пышнотелые, пылкие гиперборейские дамы, было что-то необычайно притягательное в ее детской угловатости.

Заметив, что ванир смотрит на девушку в задумчивости, точно оценивая ее, Амалазунта ревниво сказала:

— Я выходила тебе твоего лягушонка. Она вполне здорова, хотя по-прежнему придурочная. Иногда кашляет по утрам, но это скоро пройдет.

— Спасибо, Черничное Пятнышко, — пробормотал Арванд и, заметив, что женщина не на шутку обижена его небрежностью, улыбнулся и поцеловал ее в губы.

— Так-то лучше, — усмехнулась Амалазунта. — Ты хочешь забрать ее в тот дом, который тебе достался от старика?

Арванд кивнул.

— Она все же краденое имущество, — добавил он. — Ты и так очень много сделала для меня, Черничка, спрятай ее у себя. Ты мой верный друг, и я этого не забуду. Теперь весь риск пусть будет только мой. Пожалуйста, принеси какой-нибудь плащ с капюшоном. Я потом заплачу тебе за него.

— Какие счета между старыми друзьями? — махнула рукой трактирщица, но Арванд хорошо знал, что мысленно она уже подсчитала все убытки.

Хильда встала и, путаясь в слишком просторном для нее платье с плеча одной из сестер-богатырш, подошла поближе. Арванд сам одел на нее шерстяной коричневый плащ и опустил капюшон, полностью скрывающий лицо. Тоненькая холодная ручка скользнула в его мозолистую ладонь. Прикосновение было таким доверчивым, что у ванира на миг потеплело на душе.

Они вышли из харчевни через заднюю дверь во двор и выбрались на улицу через дыру в заборе. Уже темно. Арванд нарочно пришел за Хильдой в сумерки, чтобы поменьше обращать на себя внимания. Если их сейчас кто-нибудь и приметит, то увидит всего лишь, как рослый мужчина ведет к себе в дом закутанную в плащ женщину, — и никаких вопросов не возникнет. Однако он немного не рассчитал время. Еще несколько минут — и окончательно стемнеет. В этот час вервольфы наверняка уже выходят на охоту. Нужно торопиться.

Они быстро пошли по улицам. Хильда часто спотыкалась. Она была еще довольно слаба, и Арванд взял ее на руки, подивившись тому, какая она легкая. Он часто оборачивался и оглядывал переулок, прежде чем свернуть в него. Он очень боялся увидеть две пары горящих красных глаз. Но пока что все было тихо.

И вдруг какое-то странное ощущение чужого присутствия заставило его замереть и прижаться к стене углового дома. В соседнем переулке, возле самого дома Гунастра, их уже ждали. Он не сомневался в этом ни

секунды. Ожидание было таким явственным, будто некто испускал резкий запах. Возможно, кстати, именно запах и заставил Арванда бессознательно насторожиться, хотя он не отдавал себе в этом ясного отчета. Запах звериной шерсти был еле заметным.

— Хильда, — сказал Арванд девушке, — сейчас нам предстоит пробиваться с боем.

— Они здесь, — тихо отозвалась Хильда. Он удивился тому, что она как будто не испытывает страха. Но следующая фраза девушки объяснила ему многое. — Ты победишь их, — сказала она с такой убежденностью, что ему стало не по себе.

— Обхвати меня руками за плечи, ногами цепляйся за пояс, — сказал он, подсаживая ее себе за спину. — Учти, я не смогу тебя держать. Твоя задача — не упасть на землю. Хильда, я привязал бы тебя к себе, но если меня убьют, ты тогда не сможешь даже бежать.

Она прильнула к нему. Арванд ощутил ее дыхание возле своего уха, улыбнулся и тут же перестал о ней думать. Он вытащил из ножен меч и обмотал вокруг руки плащ, заранее зная, что все это ему не поможет. Сегодня ему не убить тех, кто, притаившись в темноте, поджидает его у порога. Все, что ему нужно, — это пробиться в дом. За порог никакая нечисть не ступит, если ее не призвать.

Одним прыжком Арванд выскочил на середину переулка. Вот и дом Гунастра — приземистое, крепкое строение, почерневшее от времени и непогоды. Старый кряжистый дуб раскинул ветви над порогом. Все так, как было вчера, и год, и десятки лет назад. Только старого Гунастра больше нет, теперь дом перешел в руки чужеземца, пригревшегося на земле гипербореев.

Арванд сделал несколько осторожных шагов к дому и наконец увидел то, чего ждал: горящие в темноте глаза. Бесшумно выступили вперед два волка, скаля зубы и прижимая острые уши. Двигаясь боком и стараясь держаться спиной к стене дома, Арванд прошел еще несколько шагов. Он хотел выиграть расстояние. Еще шаг. Еще.

Волчица, более молодая и нетерпеливая, чем ее спутник, прыгнула. Арванд успел уклониться, и страшные челюсти сомкнулись не на горле человека, а на плаще, который он вместо щита намотал на левую руку. Ванир изо всех сил ударил волчицу по голове рукоятью меча.

Полуоглушенная, волчица выпустила его и осела на снег, взвизгнув.

Арванд пробежал еще несколько шагов. Крыльцо было уже совсем рядом. В отчаянии глядя на эту близкую и такую недостижимую цель, Арванд приготовился к схватке с волком-Сигмундом. Огромный белый зверь напал с громким рычанием. Арванд ударил его мечом по шее в надежде отсечь оборотню голову, но промахнулся. Клинок вспорол зверю брюхо, но сын Младшего Бога даже не почувствовал боли. Он снова зарычал. Арванду мешала Хильда. Хоть девушка и сидела на его спине не шевелясь и была почти невесомой, все же она сковывала его движения и он не мог маневрировать так ловко, как делал это в недавнее время на арене, когда еще выступал в гладиаторских боях.

Он знал, что следующая атака Сигмунда будет, вероятно, последней и для Арванды, и для его ночи. Он мог бы, конечно, бросить волкам Хильду и спастись — ведь девочка в любом случае обречена на страшную смерть. Но что-то мешало ему это сделать.

В этот миг откуда-то сверху прогремел душераздирающий боевой клич, от которого Арванд и Сигмунд подскочили, оба одинаково испуганные. С длинной ветки дуба, завывая и (как через несколько секунд сообразил Арванд) веселясь от всей своей варварской души, на волка обрушился киммериец Конан. Как на чудо смотрела Хильда на эту сцену. То, что в темноте казалось комом снега среди других комьев, вдруг раскрылось. Белый меховой плащ, изодранный в клочья и запачканный сажей, взвился за широкими плечами киммерийца, посыпался снег — и вот уже, как гигантская птица из яйца, вывалился из своего укрытия дикий воин с развевающимися черными волосами. Грозным духом отмщения упал он прямо на спину волка и схватил его за горло своими могучими лапищами.

— Беги в дом, Арванд! — крикнул он.

Не раздумывая, ванир подчинился. Одним ударом кулака отбросил засов, ворвался в темную выстуженную комнату и сбросил с себя Хильду. Затем схватил полено из кучи дров, приготовленных у печки, и выскочил на крыльцо.

Оглашая притихший город воинственными криками, киммериец бил кулаком по голове огромного зверя, кото-

рый тщетно пытался стряхнуть его с себя. Арванд успел как раз вовремя: волчица пришла в себя и уже подкрадывалась сзади. Метко запустив в нее поленом, Арванд крикнул:

— Конан! Сюда!

Киммериец ловко соскочил со спины волка и бросился бежать. Огромными прыжками зверь догонял его. Но, к счастью, дом был совсем близко. Захлопнув дверь, оба мужчины заложили засов. Страшные когти скребли и царапали дерево, потом в окне показалась оскаленная морда, и красные глаза жадно уставились на людей. Конан преспокойно захлопнул ставни, норовя ударить зверя по носу. Злобный вой был ответом на этот жест, но на киммерийца это не произвело ни малейшего впечатления. Он обернулся к Арванду и Хильде и весело засмеялся.

— Ну, вот, — сказал он, — мы живы и в безопасности. А эти кровопийцы там, в морозной ночи, пусть себе бьются.

Арванд от души обнял его.

— Если бы не ты, они разорвали бы нас в клочья.

— Пустяки, — проворчал варвар. — Для меня одолеть пару-другую оборотней — это раз плюнуть. А замарашка, как я погляжу, приклеилась к тебе, точно горб к горбату. — Он подмигнул Хильде, глядевшей на него с опаской. — Молодец, кроха. Когда не можешь помочь, главное — не мешать.

Арванд зажег две масляные лампы и принялся разводить в печке огонь. Конан развязно плюхнулся в самое лучшее кресло и принялся ковырять пальцем в ухе.

— Как тебе пришло в голову прийти именно сюда? — спросил Арванд.

— А что, ты был не рад меня видеть? — хмыкнул варвар. — Эти зверюги пытались прошлой ночью вцепиться мне в глотку. Гунастра они убили, но я ушел. Я забрался по стене белого каменного дома... Там, в этом доме, все, конечно, перепугались до смерти, кроме одного очень славного мальчугана. Даром что гипербореец — хороший мальчик. Жаль, что не мой брат.

— Погоди-ка, — перебил его Арванд. — Не тот ли это дом, что стоит недалеко от площади, а на фасаде герб с двумя грифонами на зеленом поле?

— По-твоему, у меня было время рассматривать какие-то гербы? — огрызнулся варвар. — Говорю тебе, мальчик славный.

— Это граф Амальрик Бесстрашный,— сказал Арванд.— Я знаю его семью. У них в роду все такие — прямые, гордые и великодушные.

Конан выразительно поднял левую бровь, намекая на то, что к гиперборейцам вообще неприменимы подобные характеристики, однако говорить на эту тему ничего не стал.

— Словом, там я и отсиделся до рассвета, а потом пошел сюда. Я так рассудил, что уж в доме старика меня никто искать не будет. Ближе к вечеру забрался на дерево. Так, на всякий случай. Я был уверен, что ты явишься сюда после погребения Гунастра. Кстати, правда то, что болтают?

— О чем еще болтают? — устало спросил Арванд.

— Будто хитрый дед усыновил тебя еще два года назад и оставил тебе все имущество?

Арванд кивнул, но как-то безрадостно. Конан внимательно посмотрел на него.

— Печаль по другу вытеснила из твоей души радость богатства,— заметил он, словно подводя итог.

— Так и есть,— вздохнул Арванд.— Хотел бы я, чтобы Гунастр был здесь. Лучше бы он бранил меня, как прежде.

Конан пожал плечами.

— Что ушло, того не воротишь. Теперь ты сам хозяин. Самое время обзавестись помощником...

— Тобой, например,— вполне серьезно предложил Арванд.

— Ну уж нет,— сказал Конан.— Я прихлопну этих волчар — и ни часа лишнего здесь не останусь.

— Почему бы тогда тебе сразу не уйти?

— Думаешь, волки дадут мне спокойно отправиться восвояси? Будут устраивать засады, гнаться по следу... Нет уж, я сперва их прикончу. Там, где мне это удобно. И в то время, которое выберу я. А потом уж в путь. Подальше отсюда.

Арванд повернулся к печке, чтобы подбросить дров, и увидел, что Хильда спит у огня, прямо на полу. Арванд поднял ее на руки и перенес на широкую кровать, где обычно отдыхал старик. Гунастр любил, чтобы было попросторнее, и потому соорудил себе такое огромное лежбище, будто занимался здесь любовью с пятью дамами одновременно.

Спустя несколько минут на этом ложе уже спали, со-

греваясь теплом друг друга, все трое спасшихся от волчьих клыков. А два разъяренных зверя выли и скреблись под дверью до самого утра.

Глава семнадцатая

С унильд разливала по светильникам масло. Сидя в деревянном кресле с прямой спинкой, Синфьотли молча смотрел, как движется среди неровных теней ее высокая, стройная фигура. Мать, несмотря на возраст, была все еще очень красива и величава, и он невольно залюбовался ею. В этот вечер ему хотелось забыть все ссоры.

— Мать,— негромко окликнул Синфьотли.

Женщина обернулась, и сына поразило выражение глубокой усталости, лежащее на ее надменном лице. Казалось, груз невыносимой тяжести лег на эти прямые плечи и согнул их. В потухших глазах Синфьотли разлился все те же огоньки ненависти, припорошенные золой, но так и не угасшие окончательно.

— Ты все еще ненавидишь меня? — поразился он. Синфьотли не ожидал, что Сунильд ответит, но спустя несколько секунд услышал ее глухой голос:

— Больше, чем прежде.

— За что? — спросил он.— Теперь, когда Сигмунд вернулся...

При имени любимого сына лицо матери исказилось и рот задрожал.

— Молчи! — прошептала она.— Молчи, слепец.

В ее тихом голосе было столько ужаса, что он действительно замолчал. Она зажгла еще одну лампу и, не выпуская лучины из рук, подошла к нему поближе. Даже в неверном свете лучины он видел, как побледнели ее губы. Отражения огонька плясали в ее расширенных зрачках.

— Разве ты не видишь, КАКИМ он вернулся, Синфьотли? — сказала она еще тише.— Одним богам ведомо, кем стал мой сын. Лучше бы ты закопал его на равнинах, чем потерял его тело на подходах к Халого. Лучше бы ты... — Она замолчала.

— Что?

— Лучше бы ты оставил его на пищу степным волкам,— сказала мать, вздрагивая.

— Что ты говоришь? — закричал Синфьотли, разом утратив самообладание. — Разве не братом был он мне, разве он не твой любимый сын, чтобы я бросил его в степях, точно ненужную поклажу? Я вез его домой, чтобы ты могла в последний раз увидеть своего сына, а после оплакать его на погребении, достойном воина.

— Темные силы призвали его, и он ушел. Сейчас он вернулся и...

— И я счастлив видеть своего брата. Что с тобой, мать? Что тебя так пугает?

— Не знаю,— медленно проговорила Сунильд.— Я не могу выразить этого словом. Но когда мой сын подошел ко мне, чтобы обнять, меня обожгло ледяным холодом. Мне показалось, что повеяло дыханием ада. Лед... и страх, мертвящий холодный ужас. И когда он коснулся, это было хуже ожога, холоднее стали на морозе. В его прикосновении было что-то нечистое, страшное. Нечеловеческое. Как будто руки, тронувшие меня, испачканы чем-то, что невозможно отмыть.

— Ты больна, высокородная Сунильд. Твоими устами говорит сейчас усталость.

Она медленно покачала головой.

— Нет, Синфьотли. И будь ты проклят за то, что не уберег своего брата мертвым. Сейчас он воскрес, и одни боги знают, за какие преступления его выпустили на землю из преисподней.

Синфьотли упрямо покачал головой.

— Нашему дому угрожала опасность. Ты ведь помнишь, как погибали наши слуги. И эти волчьи следы возле ворот и во дворе... Я призвал своего брата, чтобы он помог мне.

Сунильд смотрела на него расширенными глазами, точно не верила услышанному.

— Ты призвал его? — проговорила она еле слышно.— Ясень Игга, что ты наделал, Синфьотли! Он не переступил бы порог нашего дома, если бы ты не накликал этой беды.

— Какая же это беда? — Синфьотли наконец вышел из себя, рассерженный упрямством этой женщины, которую он не понимал. Ее страх раздражал его, казался бессмысленным и глупым.— Разве он не был твоим люби-

мым сыном? Разве ты не говорила мне не раз, что предпочла бы видеть мертвым меня, а не его?

Лучина в руке Сунильд затрещала и погасла. Женщина бросила ее в медный таз с водой, поставленный на полу под светильником.

— Ты тоже боишься,— сказала она, и ее большая тень на стене заколебалась и вздрогнула.— Ты избегаешь называть его по имени.

Синфьотли прикусил язык. А ведь мать права. Он действительно не смеет выговорить вслух: «Сигмунд». Как будто знает, что за этим последует. А что, собственно, такого последует? Явится Сигмунд, странный, полужнакомый, полужужой, но ведь он брат. Он не может желать зла своему кровнику. Он придет на помощь.

— Вздор! — в сердцах сказал наконец Синфьотли.— Ты просто слишком устала. Все эти тревоги, беспокойство за Соль...

Он замолчал. Раскаленной иглой вошел в него страх за любимую дочь. Пока оборотень бродит поблизости, его девочка в опасности. Ради нее он в тоске и отчаянии призывал на помощь брата, не догадываясь о том, что живой мертвец бродит поблизости, только и дожидаясь этого зова, чтобы переступить порог. Простая душа Синфьотли упрямо противилась всяким разговорам о каком-то там колдовстве.

Все было ясно. Был оборотень, эта чертовка Хильда, которую он по глупости пожалел и привел в дом. Была дочь, невинное юное существо, одолеваемое демонами. Соль с ее увечьем казалась Синфьотли такой беззащитной, что у этого черствого человека порой щемило сердце. Он знал, что разорвет голыми руками всякого, кто посмеет причинить ей зло.

Погруженный в свои мысли, он даже не заметил, как мать ушла. Сунильд ступала бесшумно, как призрак. И вместе с ней ушли ночные шорохи и смутные тревоги.

Когда Синфьотли открыл глаза, в окне уже показалась тонкая фиолетовая полоска близкого рассвета. Он зябко поежился. Что-то во вчерашнем разговоре с матерью оставило в его памяти неприятный след. Она боялась. Кого? Теперь, когда Сигмунд вернулся, когда он взял их под свою защиту, им некого бояться. Они самые сильные во всем

городе, ибо их охраняет рука Младшего Бога. Великое счастье — служить детям Младшего Бога.

Синфьотли улыбнулся и тут же нахмурился. Ему вдруг показалось, что эти мысли кто-то ему внушил. Разве мог он, гордый Синфьотли, произнести эти слова: «счастье служить»? Он никогда никому не служил. Он склонял голову только перед своим учителем и своей матерью.

Синфьотли тряхнул головой, отбрасывая со лба светлые волосы. Стоит ли забивать себе голову такими глупыми мыслями, если не решено главное: опасность, угрожающая его дочери, все еще бродит по Халога.

И стоило ему подумать об этом, как в темноте за окном промелькнула светлая тень. Предрассветные сумерки не могли скрыть от Синфьотли очертаний крупного хищника.

Синфьотли гибким движением поднялся на ноги. Он передвигался бесшумно, точно и сам в мгновение ока превратился в дикого зверя. В давние годы, когда Синфьотли был еще мальчиком, Гунастр, растерзанный чудовищем, которое сумело уйти от людской кары, заставлял его часами наблюдать за кошкой, охотящейся на птиц. И Синфьотли, более терпеливый, чем его брат, научился подражать повадкам этого зверя. Впоследствии этот урок не раз пригодился ему.

Он вытащил из ножен кинжал, взял заготовку для факела, оставленную Сунильд в связке возле очага, и быстрым движением заточил острие, превращая факел в кол. Как ни презирал Синфьотли всякого рода магию, но, истинный северянин, все же знал в ней кое-какой толк. Трудно было вырасти среди легенд и живых преданий, среди краснобаев и очевидцев (подчас трудно было отличить одних от других) — и не иметь представления о том, как отобрать у горного народца клад, как отвести беду, если вздумает морочить голову лешак, что нужно делать, если вдруг обозлится на домашних невидимый Хозяин и начнет по ночам душить людей в их постелях, пугать скотину и рассыпать в кухне зерно. И о том, что нужно делать с оборотнями, Синфьотли имел представление не хуже любого другого своего земляка.

Осторожно приоткрыв дверь, он выглянул во двор. Из дома повалили клубы пара — перед рассветом стало еще холоднее. Опасаясь, что пар и резкие домашние запахи могут его выдать, Синфьотли поспешно притворил за собой

дверь. Он стоял на пороге, пригнувшись, держа в правой руке острозаточенный кол, а в левой обнаженный меч. Он знал, что действовать ему придется быстро, времени для раздумий не будет, и потому знакомое оружие взял в левую руку.

Во дворе никого не было. Но Синфьотли явственно ощущал злую волю притаившегося поблизости чужого существа. В холодной расчетливой злобе было что-то нечеловеческое, и в то же время Синфьотли улавливал и нечто прямо противоположное: хитрый, вполне человеческий ум, не лишенный даже своеобразного юмора. Больше он не сомневался — Хильда была здесь. Вернулась, чтобы завершить начатое дело.

Синфьотли тихо прошел по дорожке в сторону конюшни. Здесь тоже никого не было. Он обошел весь двор, попеременно заглядывая во все укромные закутки. Ему казалось, что невидимый взор горящих красных глаз с насмешкой провожает его. То и дело он внезапно оборачивался, но никого за спиной не было. И все же он был уверен в том, что она здесь и следит за ним, усмехаясь. Мысль об этой усмешке сводила его с ума.

Снег во дворе, словно в насмешку, был весь изрыт волчьими следами. Резкий звериный запах точно повис в воздухе. Синфьотли весь дрожал от возбуждения и охотничьего азарта. Каждое мгновение он ждал, что вот сейчас заглянет за угол поленицы — и среди дров и баков для воды увидит притаившегося зверя. Но раз за разом его ждало разочарование. Он понимал, что эту игру в прятки ведьма затеяла лишь для того, чтобы вывести его из себя, и потому сдерживал свой гнев, опасаясь потерять голову и наделать досадных промахов, которые будут стоять жизни не только ему, Синфьотли, но и его дочери. Поэтому он терпеливо, шаг за шагом, осматривал двор и старался не допускать ярости в свое сердце.

Никого. Пустота — и этот постоянный насмешливый взгляд в спину. Синфьотли скрипнул зубами. Ему невыносимо было думать о том, что над ним потешаются.

Наконец он снова вернулся к конюшне и заглянул внутрь. И мгновенно отпрянул: прямо у входа из темноты на него смотрели две красных горящих точки. Синфьотли стиснул рукоять меча, чувствуя, как страх подступает к горлу. Он не думал прежде, что будет кого-то так бояться. Но ему понадобилось несколько секунд, чтобы преодолеть

ужас и заставить себя сделать шаг назад. Красные точки отступили в глубь конюшни, погруженной в глубокую влажную темноту. словно далекий гром, послышалось приглушенное рычание, заклокотавшее в горле зверя.

Синфьотли сделал еще несколько шагов. Он понимал, что чудовище нарочно заманивает его подальше в темноту, где человек потеряет все преимущества перед зверем (если они и были). Но больше поддаваться страху он не мог и не хотел.

— Я не боюсь тебя,— пробормотал он. Но он боялся. Страх опутал темное помещение так, словно там была натянута клейкая паутина. Куда ни ступишь — обязательно наткнешься на липнущую к телу нить.

Волчица отступила еще дальше и приготовилась к прыжку. Сейчас для нее ничто не имело значения: ни ее детская привязанность к человеку, которого она считала своим отцом до тех пор, покада голос крови не стал ей вятен; ни ранимость юной глухой девушки, в теле которой обитал дикий дух Младшего Бога. Она видела только одно: ее законная добыча, человек, привычно пахнувший страхом, взбунтовался и пытается вступить в единоборство. Она подумала о том, как зубы вонзаются в живую плоть, и затрепетала, предвкушая наслаждение. Добыча цеплялась за бесполезную холодную сталь, точно утопающий за протянутое ему с лодки весло, и хищница весело оскалилась: сталь не поможет человеку против оборотня. Ни на мгновение волчица не задумывалась над тем, кто стоит сейчас перед ней в темноте конюшни. Ей не было дела до имени этой трепещущей плоти. Она хотела одного: уничтожить, раздавить жалкий человеческий дух, а потом восторжествовать над сладким человеческим мясом.

И вдруг человек громко вскрикнул и бросился в атаку. Только одно имя могло заставить Синфьотли преодолеть почти сверхъестественный ужас, сковавший его точно цепями. Это было имя его дочери, и он выкрикнул его в лицо оборотню, точно боевой клич.

И столько силы было в этом выкрике, столько боли, страха и нежности вложил в это короткое слово Синфьотли, что волчица услышала его — не слухом, ибо и в волчьем теле Соль была глуха, — но тем внутренним «ухом», которое позволяло ей слышать призывы Сигмунда. Никогда прежде она не слышала Синфьотли. И поскольку братья действительно были очень похожи между собой, ей на мгно-

вание показалось, что ее окликает Тот-Кто-Сильнее, ее повелитель, ее отец.

Она отпрянула и застыла в растерянности. А человек бросился вперед и еще раз повторил, с отчаянием и решимостью, как будто черпал в этом коротком слове поддержку:

— Соль!

Она сжалась. И в этот миг в воздухе просвистел меч. Синфьотли метнул его, как кинжал, заранее зная, насколько это опасно в том случае, если он промахнется. Но он не промахнулся. Волчица, все еще пребывавшая в нерешительности, замешкалась, вглядываясь в приближающегося к ней человека, и меч пригвоздил ее к доскам пола.

Она пронзительно завизжала. У Синфьотли заложило в ушах от этого нестерпимого звука. Извиваясь, хищница стала дергаться, пытаясь вырваться на волю. Недоумение, ужас, боль предательства бились в ней, точно плененные птицы. Как же так? Ведь это он, ее отец, ведь это тот, кто влил в ее жилы отравленную кровь богов. За что он казнит ее? Не он ли научил ее сладости убийства? Не он ли сам показал ей, сколь жалки люди и сколь сильны на земле дети Младших Богов, отвергнутые людьми и не принятые Старшими Богами?

Не помня себя, Синфьотли занес над поверженным зверем остро отточенный кол и с силой вонзил его в задрывшийся к нему беззащитный белый живот. В отличие от несчастного Гунастра, распоровшего брюхо волку-Сигмунду, у Синфьотли не было ощущения, будто оружие входит в солому. Затрещали ткани живой плоти, и в лицо Синфьотли брызнула горячая кровь. Волчица пронзительно закричала срывающимся женским голосом. На ее пасти запузырилась кровавая пена. Она стала биться об пол своим сильным гибким телом. Синфьотли отшатнулся, стирая кровь с лица. Лапы с острыми когтями скребли пол, оставляя в нем глубокие борозды. Крики умирающей становились все тише. Станный глухой голос произнес в темноте конюшни:

— Господин...

Синфьотли затрясся. С этим словом к нему могла обратиться только она, проклятая ведьма. Хильда всегда считала своим господином Синфьотли, потому что именно он привел ее в дом и отдал в услужение своей матери. Будь

сейчас у Синфьотли в руках второй кол, он бы и его вонзил ей в сердце в ответ на это обращение.

Тряхнув головой, он провел ладонью по глазам и моргнул несколько раз. В полумраке на полу конюшни лежала, раскинув руки и подогнув под себя ноги, женщина. Ее длинные светлые волосы разметались по грязному полу. Густая прядь плавала в луже темной крови; через секунду волосы намокли, отяжелели и опустились. Из ее живота торчал деревянный кол, загнанный в тело безжалостно и грубо. Увидев это, Синфьотли невольно содрогнулся.

Превозмогая отвращение, он резким движением выдернул кол. Тело обмякло. Женщина вздохнула в последний раз, выплеснув из зияющей раны слабенький фонтанчик крови, и затихла. Синфьотли схватил ее за ноги и поволок вон из конюшни. Ногой оттолкнул притворившуюся было дверь и швырнул тело убитой на снег.

Она упала, глухо стукнувшись головой о порог. Красная прядь легла на ее лицо, залепив широко раскрытый рот. Синфьотли смотрел на нее не отрываясь.

— Я убил тебя, — сказал он наконец. — Больше ты не будешь тревожить покой моей дочери.

Ему казалось, что сознание у него мутится. Но это длилось лишь миг. Затем он снова выпрямился, чувствуя себя сильным, отважным воином, который знает, чего он хочет.

И все же что-то было не так. Как будто он нарушил чью-то волю или ослушался, и теперь последует наказание.

Глупости! Синфьотли сердито передернул плечами. Ему нет дела до чьей-то воли, чья бы она ни была. И о каком «наказании» может идти речь? Разве ему нужно перед кем-то отчитываться?

Склонившись, он хозяйским движением убрал волосы с лица колдуньи. Он ожидал увидеть мелкие черты Хильды и не сразу понял, кого убил, настолько был ошеломлен тем, что перед ним НЕ Хильда. Осознать это было еще труднее, чем понять самое страшное: на снегу с распоротым животом лежала Соль. Нагое тело, оскверненное страшной раной, было синеватым от кровопотери. Пышная грудь торчала так вызывающе, точно колола глаза. Соски посинели и сморщились. В углах искусанного распухшего рта запеклась черная пена. Подернутые белесой пеленой глаза закатились. Даже волосы, золотые волосы Соль, казались мертвыми на пушистом свежем снегу.

— Нет, — тихо сказал Синфьотли. — Нет.

Он выпрямился, вытер лицо снегом, не замечая, что кровь волчицы-Соль запачкала его с головы до ног. Потом повернулся и пошел прочь. Когда он шел по улицам Халлога, шатаясь и натываясь на прохожих, многие принимали его за пьяного, а всезнайка Хуннар через несколько часов уже рассказывал в казарме о том, что нынче на рассвете Синфьотли убил вервольфа и сошел с ума.

Глава восемнадцатая

Синфьотли остановился, точно от удара. Он не сразу понял, что наткнулся на какое-то препятствие, а поняв, бессвязно выругался и схватился за кинжал. Первым его порывом было желание распороть лосящийся черный бок лошади, преградившей ему путь. Чьи-то ноги качнулись в меховых стремях и сжали лошадиные бока, не позволяя животному отпрянуть.

— Кто ты такой? — зарычал Синфьотли. — По какому праву останавливаешь меня?

— Мое имя Амальрик, — отозвался чистый, детский голос. — Я останавливаю тебя по праву сильного, Синфьотли.

Синфьотли поднял голову. Он увидел, что перед ним мальчик лет двенадцати, в белом меховом плаще с красной шелковой подкладкой. Он был вооружен. Лыняные прямые волосы перетянуты простой кожаной лентой. Осанка у этого ребенка была прямо-таки королевской, и неспроста: за спиной у него стоял небольшой, но хорошо снаряженный отряд человек в пятнадцать. Этого было довольно, чтобы Синфьотли подчинился.

— Что тебе нужно, молодой граф? — спросил он.

— Ты убил вервольфа, — ответил мальчик.

— Откуда тебе известно, черт побери?

Амальрик пожал плечами. Его мальчишеское лицо, усыпанное бледными веснушками, осталось серьезным, когда он ответил:

— Добрая слава об этом бежит впереди тебя верным псом, но страшная кара за сделанное крадется за тобой по пятам, как медведь-людоед. Зачем ждать, пока он встанет на дыбы за твоей спиной?

Синфьотли побелел и схватился за грудь. Но не страх был тому причиной; смертная тоска по Соль вдруг овладела им, да так, что он запрокинул голову и глухо простонал, невидящими глазами глядя в белесое снежное небо. В этот миг он не был больше собой. Он словно вселился в тело своего брата. Синфьотли не просто знал, что делает сейчас Сигмунд. Он **БЫЛ** Сигмундом.

Он стоял посреди двора дома высокородной Сунильд над окровавленным телом своей дочери и, не веря своим глазам, вглядывался в ее мертвые черты. Нос уже заострился, скулы выступили, щеки ввалились. Снег как будто исхлестан красной плеткой — это следы от окровавленных прядей волос. Длинных золотых волос красавицы Соль.

Сигмунд закричал, падая в снег возле трупa девушки. Он обхватил руками ее раскинутые ноги и прильнул ртом к коленям. Смертельный холод встретили его губы там, где прежде встречали жар. Стройный белокурый человек зарычал, скаля зубы. Из угла его рта потекла слюна. Изнемогая от тоски, тихо повизгивая, как пес, потерявший хозяина, Сигмунд скорчился рядом с мертвой Соль. Судорогой свело его руки, жадно схватившие убитую за плечи. Затем он приподнялся, вгляделся в ее прекрасное лицо и несколько раз приложился к раскрытому рту, точно надеясь вдохнуть в нее жизнь. Соль оставалась неподвижной.

— Кто убил тебя? — спросил он.

Она не ответила. Он знал, что она уже не ответит ему. И тогда он сдался. Когда Сунильд вышла на крыльцо, она увидела, что Сигмунд, потеряв голову, визжит и лижет зияющую рану на животе ее мертвой внучки.

— Что с ним, господин граф? — спросил один из дружинников, когда Синфьотли безвольно опустился на снег возле ног лошади Амальрика.

Мальчик дернул поводья, и лошадь отступила на несколько шагов.

— Возьмите его в седло, — распорядился он. — Это обморок. Боюсь, что рано или поздно вервольф придет за ним.

— Вервольф убит, — возразил кто-то.

Не оборачиваясь, Амальрик сказал:

— Их было двое. Я сам видел. Второй придет отомстить. Возьмите его в седло, я сказал, и отвезите ко мне домой.

— Это неразумно... — начал тот же голос, но мальчик уже разворачивал свою лошадь.

— Позвольте мне самому решать, — коротко бросил он на ходу.

Низко висела над равнинами ущербная луна. С кинжалом в руке Сигмунд стоял на том самом месте, куда впервые вызвал к себе Соль. Точно так же торчал перед ним пенёк, оставшийся от старого дерева, и ему показалось, что еще немного — и появится вдали легкая тень бегущей девушки.

Он опустил веки, а когда снова поднял их, в глазах уже горел дьявольский красный огонь. Не задумываясь больше, он поднял кинжал и вскрыл себе вены. Кровь хлынула на камень, украшающий рукоять, и впиталась в него, как в губку. Потoki алого света залили снега далеко вокруг Сигмунда. Не обращая внимания на то, что кровь стекает по рукаву, он воздел руки к луне и начал звать:

— Отец мой, Младший Бог, не имеющий еще мужского имени! Вот льется твоя кровь, и клянусь, вся она уйдет в эти снега и растает под весенним солнцем, если ты не откроешь мне того, что я хочу знать. Я уже мертв, и мне недолго осталось, но перед тем как уйти навсегда, я должен отомстить, и ты мне поможешь...

Он замолчал. Горло у него перехватило. Ветром несло по равнине поземку, и ему опять почудилась легкая, быстрая фигурка девушки, спешащей на его зов. Тишина опустилась на равнину. Казалось, даже ветер смолк. И вдруг под небом прокатился глухой, низкий голос, который проникал прямо в душу, минуя слух. Мощные вибрации этого тяжелого голоса отдавались во всем теле, и у Сигмунда было впечатление, будто даже кости загудели.

— Кто ты, посмевающий угрожать мне?

— Я твой сын! — крикнул Сигмунд и снова прислушался.

Там, наверху, наступила пауза, как будто некий невидимый вглядывался в маленькую человеческую фигурку, застывшую в неподвижности. Затем голос вздохнул.

— Да, я узнал твою кровь. Твоя мать была холодна, как лед, и я не захотел больше посещать ее. Ты Сигмунд, сын похоти и безразличия.

— Да, это я, отец.

— Густа наша кровь, и негоже ей пропадать. Остнови ее.

— Как мне сделать это, отец? Я вскрыл себе вену.

Младший Бог, казалось, задумался. Потом проговорил:

— Ты должен захотеть.

Сигмунд опустил голову.

— Я хочу,— тихо сказал он, обращаясь к черным каплям, бежавшим с его запястья на снег.— Остановитесь. Я хочу сохранить вас в своих жилах.

Но капли продолжали падать одна за другой.

Сигмунд бросил кинжал и упал на колени, припадая губами к запястью.

— Остановись! — отчаянно крикнул он своей крови.— Отец, помоги мне!

— Нет,— пророкотал голос, разливаясь под небом.— Эта кровь старше меня. Если она не слушается тебя, то и до моих приказов ей не будет никакого дела.

— Отец,— прошептал Сигмунд.— Иди ко мне. Хоть раз в жизни я хотел бы увидеть тебя...

Он замолчал, стиснув зубы, чтобы они не стучали. Прошло еще несколько минут. Все вокруг молчало, но Сигмунд чувствовал на себе нечеловеческий взгляд, от которого некуда было скрыться. Словно все небо, раскинувшееся над ним, наблюдало за Сигмундом тысячами глаз.

Потом направление взгляда сместилось. Только что тот, кто следил за ним, был наверху, и Сигмунд улавливал его присутствие макушкой, и вот уже невидимые глаза смотрят ему в спину...

Вдали показалась человеческая фигура. Кто-то медленно шел по равнине, и снег вился вокруг ног человека, точно он был закутан в необъятную мантию и путался в просторном подоле. Чем ближе он подходил, тем более внушительным и страшным казался. Сигмунд, стоящий на коленях, смотрел, как перед ним вырастает черный силуэт широкоплечего человека. Он был очень юн и ослепительно красив. На тонком лице едва пробилась первая борода. Сощуренные светлые глаза смотрели холодно и безучастно. И было что-то в его лице такое, что заставляло вспомнить о Соль.

— Отец,— повторил Сигмунд.

Юный Бог казался намного младше своего смертного сына.

Он опустился рядом с Сигмундом на колени и взял его за руку. Долго всматривался он в беспрестанно бе-

гущие тяжелые капли крови, улыбаясь, как будто встретил после разлуки старого друга. Создавалось впечатление, что до самого Сигмунда ему нет никакого дела.

— Спаси меня, отец,— прошептал Сигмунд.— Я должен отомстить.

— Говори,— велел Младший Бог и посмотрел ему в глаза. Мертвенный холод пронзил Сигмунда, когда он встретил этот взгляд. Но он заговорил, чувствуя, что слабеет с каждой минутой.

— У меня была дочь. Я зачал ее обманом, подобно тому, как много лет назад зачал меня ты. Моя девочка, Соль с золотыми волосами.

— Да,— отозвался Младший Бог,— я помню ее. Слабое, несчастное создание, обреченное на смерть.

— Она мертва. Они убили ее. Они вонзили деревянный кол прямо ей в живот. У нее был гладкий красивый живот, как чаша цветка, только что расцветшего посреди реки... Я нашел ее на рассвете мертвую, и она уже не ответила мне, кто сделал это.

— Я могу дать тебе ответ,— медленно проговорил Младший Бог.— Но зачем? Какой прок тебе в том, чтобы узнать это?

— Я отомщу,— сквозь зубы процедил Сигмунд.— Клянусь, я отомщу.

— Ты уже не успеешь,— сказал Младший Бог и взял своего сына за руку.— Ты умираешь, Сигмунд.

— Имя,— настойчиво повторил раненый, но божество, погруженное в свои размышления, даже не расслышало его просьбы.

— Слишком много в тебе от человека,— задумчиво произнес Младший Бог.— Странное, непонятное племя. Даже когда ты был волком, ты оставался человеком. Ты не мог забыть этого ни на миг. Скажи мне, хорошо быть человеком?

— Не знаю,— с трудом сказал Сигмунд.— Не понимаю.

— Что чувствуют люди? — продолжал допытываться юноша.— Я никогда не понимал этого. Что ты чувствуешь, Сигмунд? Ответь мне — и я скажу тебе, кто убил твою дочь.

Сигмунд слегка пошевелился и приложил ладонь ко рту, отирая слюну.

— Боль,— сказал он.— Я чувствую боль. Теперь твоя очередь отвечать. Кто вонзил деревянный кол в живот моей дочери?

— Твой брат Синфьотли — вот кто сделал это.

Сигмунд вдруг разом ослабел и опустился всем телом на снег, уже не ощущая холода. Младший Бог уложил его голову себе на колени.

— Да, ты похож на меня, — сказала юное божество, склоняясь над своим умирающим сыном и рассматривая его лицо с холодным любопытством. — Жаль, что я плохо знал тебя раньше.

Он приложил к губам раненое запястье и отпил немного крови.

Сигмунд забился, как пойманный зверь.

— Что ты делаешь, отец?

— Хочу узнать тебя поближе. — Прекрасное молодое лицо улыбнулось ему ртом, который стал больше и утратил очертания, запачкавшись кровью.

Сигмунд вдруг заплакал. Слезы сами полились из его глаз, никогда прежде не знакомых с их тягостной горечью, и удивительно было этому суровому человеку плакать. Младший Бог отер его щеку и лизнул свою ладонь.

— Что это? — спросил он удивленно. — Мои дети никогда прежде не источали такой жидкости.

— Наверное, слезы, — ответил Сигмунд. — Отец, помоги мне.

— Не могу. Говорю тебе, не все в мире мне подвластно. Скажи, твоя дочь была красива?

— Она была похожа на тебя.

— Я никогда не видел ее. Только слышал. Тихий, слабый призыв. Иногда я откликался. В последнее время призыв стал громче.

— Она пролила свою кровь на твой камень.

— А! Значит, я слышал истинный голос. Я хочу увидеть ее лицо, Сигмунд.

— Отомсти за нас, — шепнул Сигмунд.

Младший Бог, не отвечая, встал на ноги. Голова умирающего бессильно упала в снег. Юноша встал и повернулся к умирающему спиной. Новая мысль целиком овладела им, и он успел забыть о своем сыне. Быстрым шагом он двинулся прочь, направляясь в сторону города. Он шел легко, и казалось, что его обутое в меховые сапоги ноги ступают не по снегу, а касаются легкой поземки, не снисходя до соприкосновения с землей.

Лежа на боку и глядя на свою вытянутую вперед раненую руку, Сигмунд смотрел и смотрел, как по капле

уходит из его тела жизнь. Потом сладостная легкость завладела им, он закрыл глаза, и тишина снизошла на его беспокойную душу.

Дом высокородной Сунильд был полон света. В каждой комнате горела лампа. Трещали факелы в пиршественном зале. Смрадно чадило масло в лампах в узких переходах. Тонкий дым поднимался от сосновых лучинок, когда они прогорали.

Соль, одетая в подвенечное платье, лежала на столе. Четыре золотые чаши стояли по четырем углам тяжелого пиршественного стола, в них искрилось красное вино — лучшее вино из погребов этого богатого дома. Украшения — драгоценные камни, золотые броши, браслеты, перстни, наборные пояса — лежали, наваленные кучей, в ногах мертвой девушки. Свет факелов играл на гранях камней, отбрасывая разноцветные отблески на светлый подол ее платья. Волосы девушки Сунильд своими руками спрятала под головной убор, украшенный камнями. Когда собралась вдевать тяжелые серьги, вспомнила, что у Соль не проколоты уши. Осторожно, словно опасаясь причинить покойнице боль, проткнула мочки ушей длинной иглой и украсила ее серьгами, подарком покойного мужа.

Эта одежда и водопад драгоценностей немного смягчили выражение смертной муки, застывшей на лице Соль. Сунильд не спешила. Завтра на рассвете она запалит свой дом и предаст огню все, на чем лежало проклятие богов. В том числе и себя самое. Но нынешняя ночь у нее еще осталась, и есть время подумать, перебрать ушедшие годы, точно крупные жемчужины на нитке.

Она села за стол, задумалась. В доме царила мертвенная тишина, и треск факелов лишь подчеркивал ее, не нарушая. Неожиданно старая женщина поняла, что кто-то смотрит на нее из темноты, и, не оборачиваясь, резко приказала:

— Входи.

Почти мгновенно послышались тяжелые шаги. Кто-то массивный перешагнул порог, постоял секунду-другую и двинулся к ней. Сунильд сидела не шевелясь и смотрела, как на стене перед ней растет тень.

— Ты не мой сын, — сказала она наконец.

— Нет,— отозвался тяжелый голос, и старая женщина задрожала.— Встань, Сунильд, и обернись ко мне. Я хочу увидеть, какой ты стала. Говорят, люди живут недолго и очень быстро стареют.

— Это правда,— сказала Сунильд, которую почему-то ничуть ни удивили слова незнакомца. Она чувствовала их глубокую внутреннюю правду: тот, кто говорил это, действительно был удивлен.

Сунильд поднялась и обернулась. В свете факелов она увидела лицо юноши, почти мальчика, с широко расставленными глазами, светлыми и наглыми. Было в нем что-то нечеловеческое. Может быть, это впечатление вызывала пугающая правильность его черт. А может быть, то, что он был немного крупнее любого человека. Самую малость, чуть-чуть, но именно это неуловимое «чуть-чуть» и заставило ее содрогнуться.

— Подними голову, чтобы я мог получше рассмотреть тебя,— сказал он, и она повиновалась. Он протянул руку и коснулся ее виска ледяным пальцем. Сунильд показалось, что холод проник до мозга ее костей. Она стиснула зубы, чтобы не закричать.

— Что это? — удивленно спросил юноша.— Здесь, возле глаз, какие-то складочки.

— Это морщины,— сказала Сунильд.— Кто ты?

— Однажды ночью я пришел к тебе, и ты была моей,— сказал он просто, и опять она почувствовала, что он не лжет ей и не хочет оскорбить. Он просто констатирует.

— Я принадлежала только своему мужу.

— Я приходил к тебе после того, как твоего мужа задрал вепрь,— возразил юноша.— Ты была очень красива, Сунильд. Видишь, я даже вспомнил твое имя. Сунильд-Ледышка. Удивляюсь, как мое семя не превратилось в сосульку, оказавшись в твоём лоне. Какая ты была холодная, женщина! Больше я никогда не приходил к тебе.

— Как твое имя? Кто ты? — повторила она, слабея.

— У меня нет имени,— ответил юноша,— я всего лишь Младший Бог. Много веков пройдет, прежде чем отрастет моя борода. А почему ты дрожишь? Ты уже старая, ты скоро умрешь — я не трону тебя.

— Я не боюсь тебя,— ответила Сунильд.— Мне уже все равно. Скажи, мальчик, это от тебя я понесла Сигмунда?

— Да,— ответил он.— Из него получился хороший воин. Я доволен им.

— О да,— сказала Сунильд.— Он был моим любимым сыном. Но он погиб в сражении с киммерийцами. А потом вернулся. И я возненавидела его.

Младший Бог смотрел на нее с интересом.

— За что? — спросил он и добавил совсем по-детски: — Я никогда не понимал людей. Твой сын вернулся сильнее, чем ушел. Он стал великим. Он преклонялся перед тобой. С его помощью ты могла бы стать владычицей этого города.

— В нем было что-то нечистое,— сказала старая женщина.— И я отвергла его. Он замарал мою внучку, несчастное, невинное дитя.

— Замарал? — Младший Бог выглядел растерянным.— Что ты хочешь этим сказать?

— Я думаю, что он обесчестил ее, после чего она предалась ему душой и телом и вместе с ним стала творить злодеяния.

Младший Бог покачал головой.

— Я не знаю, какие у них были отношения,— сказал он.— Когда они оба были волками, они могли позабыть о том, что они родня. Но ему не нужно было овладевать ею, чтобы вовлечь ее в круг своей жизни.

— Почему? — спросила Сунильд, заранее зная, каким будет ответ.

— Он ее отец,— сказал юноша.— Он БЫЛ ее отцом.

Оба помолчали. Потом Сунильд вымученно улыбнулась.

— Прости меня, Младший Бог. Я совершенно растерялась. По людскому обычаю, я должна была сразу пригласить тебя за стол. Садись, я приготовила вина.

Они сели за стол. Мертвая девушка в подвенечном наряде лежала между ними, как главное блюдо свадебного пиршества. Драгоценные камни, насыпанные вокруг тела, казались фруктами на этом странном пиру. Сунильд взяла чашу с вином. Младший Бог, который старался быть вежливым и потому во всем подражал хозяйке дома, последовал ее примеру. Он отхлебнул вина и улыбнулся.

— Некоторые людские обычаи мне очень нравятся.

С этими словами он взял горсть перстней и отправил их в рот. Золото и рубины захрустели у него на зубах. Прожевав их и спокойно запив глотком вина, он все с той же благосклонной улыбкой поднял глаза.

— Вот мы сидим с тобой, высокородная Сунильд, как муж и жена, за пиршественным столом. Клянусь, это что-то новое для меня. Ты мне нравишься, Ледышка. С годами ты стала лучше. Сильнее. Жаль, что некрасива. А эта девочка на столе — для еды?

— Да спасут нас великие боги, что ты говоришь, мой божественный супруг! — Сунильд с трудом подавила дрожь.

— Я спросил потому, что раньше видел, как за столом едят. Прости мое невежество, хозяйка дома. Я всего лишь не хочу быть неучтивым.

— Мертвая девочка — Соль, дочь твоего сына.

— А! — Он приподнялся и с интересом всмотрелся в ее лицо. — Хорошо, что у вас не едят мертвых. Это, наверное, правильно. Их сила принадлежит земле, пусть уйдет в землю.

— Все когда-нибудь уйдет в землю, — сказала Сунильд.

Не слушая, Младший Бог взял мертвую за шею и повернул ее к свету факелов. Тяжелые серьги качнулись, по столу пробежали золотые блики. Одна мочка оборвалась — Сунильд слишком низко проколола ухо. Младший Бог не обратил на это никакого внимания.

— Да, она похожа на него, — сказал он наконец. Резким движением он приподнял Соль и прижался щекой к ее мертвой щеке. — Посмотри, Сунильд, разве ты не замечаешь сходства?

Старая женщина не отвечала. Эти два лица, бледные, с одинаковыми чертами, пугали ее. Слишком резким казался контраст между крупным, полным лихорадочной жизни ликом Младшего Бога и тонким, хрупким, безжизненным личиком Соль.

Юноша опустил тело девушки обратно на стол, не заметив, что одна рука у нее неловко подвернулась, и задрал ее платье. Обнажился живот и страшная, уже почерневшая рана, по которой он провел рукой.

— Оставь ее в покое! — не выдержала Сунильд. — Не тревожь мертвую.

— Хорошо. — Младший Бог одернул юбку и уложил Соль обратно на стол, не удосужившись поправить ее руку. — Почему тебя это так беспокоит?

— Не знаю. Она дитя, и она мертва. Зачем ты трогаешь ее?

Младший Бог пожал плечами.

— Хотел посмотреть, вот и все. Разве это оскорбительно?

— Да, — тяжело переводя дыхание, ответила Сунильд. — Это оскорбительно.

— Ее живот был как чаша цветка, — проговорил он. — Так рассказывал мне твой сын, прежде чем умереть.

Сунильд застыла. Это юное, ко всему равнодушное, любопытствующее существо наполняло ее безотчетным ужасом.

Легкость, с которой он произнес последнюю фразу, раскрыла перед ней его бесчеловечность — вернее сказать, НЕ-человечность — куда ярче, чем его необычная внешность или даже его бессмертие.

— Какой сын? — еле слышно спросила она.

— Наш сын, — спокойным тоном ответил он и снова глотнул вина, на сей раз из другого бокала. — А у этого какой-то другой вкус. Ты наливала из разных бочек, я правильно угадал?

— Сигмунд?

Он кивнул, не отрываясь от бокала. Сунильд схватила его за руку.

— Скажи, он умер окончательно? Он не вернется больше?

— Нет. Почему ты так взволнована, женщина? Я опять сделал что-то оскорбительное?

— Мне больно, — еле слышно выговорила она. — Если бы ты знал, мальчик, как мне больно...

— Да, он тоже так говорил, — с важностью кивнул Младший Бог. Казалось, он был рад продемонстрировать свою осведомленность хоть в чем-то, касающемся человеческой жизни. — Умирая, наш сын говорил те же самые слова. Пока человек живет, он чувствует боль.

— Это правда, — сказала Сунильд. Она поднялась. Ее лицо окаменело. — А теперь уходи, Младший Бог. Уходи отсюда. Я не хочу тебя больше видеть.

Хильда поставила на стол миску с репной кашей. Коанн посмотрел на кашу с откровенным отвращением.

— Неужели ты не нашла ничего получше, женщина? Ты бы мне еще сена насыпала. Я все-таки не конь, — недовольно пробурчал он.

Хильда испуганно моргнула.

— В доме больше ничего не было, господин. Я сварила то, что нашла.

— И я тебе не господин! — разозлился варвар.

— Простите... — Хильда чуть не плакала, в то время как Конан раздраженно ковырял кашу пальцем, не решаясь приступить к трапезе.

Конан поднял голову и окончательно уничтожил ее пронзительным взглядом.

— Вот когда станешь хозяйкой в этом доме, тогда и будешь скупердяйничать. А сейчас могла бы и расщедриться, за чужой-то счет.

— Как я могу стать хозяйкой? — пролепетала Хильда, смешавшись.

Конан выразительно повел своими плечевыми плечами.

— Очень просто. Как ваша сестра пролезает в сердце мужчины? Тебе виднее, девочка. Тут глазами поморгала, там рожицу плаксивую скривила — вот уже дурак-мужчина и растаял и начал делать разнообразные глупости...

Она заплакала. Конан плюнул с досады.

— Думаешь, этим ты меня разжалобишь?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — тихо сказала Хильда.

— Арванд, старый дурак, совсем голову из-за тебя потерял. Вот о чем я говорю. Как тебе это удалось — понятия не имею. До Амалазунты тебе далеко, я сам смотрел. А я даже из-за такой женщины, как Амалазунта, головы не теряю. Так что ты, скорее всего, действительно ведьма...

Он сердито махнул рукой и принялся есть кашу. Арванд с утра пропадал в казарме — разбирался с наследством, надо полагать. А эта хилая девчонка уныло слонялась по дому и вздрагивала от каждого шороха. Теперь вот, желая угодить своему единственному имеющемуся под рукой защитнику, осыпала его репной кашей. Стоит рядом, переживает — боится навлечь немилость.

Под окном послышался шум. Топот копыт — видно, подъехал отряд конных. Загадливые мужские голоса. Конан отодвинул кашу, встал, потянулся за мечом. Хильда, безмолвно раскрыв рот, бросилась к нему и прижалась всем телом к могучему боку варвара. Конан отшвырнул ее от себя, жестом показав на кровать. Девушка покорно спряталась среди одеял и разоренных перин. Она настолько была

мала, что, скорее всего, ей удастся остаться незаметной.

Киммериец приготовился сражаться. У него не было ни малейшего сомнения в том, что за ним явилась городская стража, чтобы препроводить в тюрьму, а после казнить за все совершенные им в Халоба преступления. Он собирался подороже продать свою жизнь. Вмешивать в это чисто мужское дело всяких шуплых девчонок в его намерения никак не входило.

В дверь загремели рукоятью меча.

— Открывайте! — крикнул мужской голос.

— Кто вам нужен? — отозвался варвар. — Назовитесь, кто вы такие!

— Нам нужен киммериец по имени Конан. Мы знаем, что он здесь.

— Если он вам так нужен, то входите и заберите, — заорал в ответ Конан. Он был сыт по горло ожиданием и недомолвками и потому, желая внести в дело ясность, присовокупил к приглашению длинное, смачное и очень грязное ругательство.

Громовой хохот загремел под дверью в ответ на это. Затем заговорил другой голос, детский:

— Конан, это вы? Я — граф Амальрик, вы провели однажды ночь в моем доме.

— Было дело, — мрачно отозвался варвар. — Какого дьявола тебе нужно, постреленок? Помнится, я еще тогда предупреждал, что когда-нибудь перережу тебе горло.

— Прошу вас, идемте со мной, — сказал мальчик. — Даю вам слово, что в моем доме с вами ничего не случится.

— А за порогом твоего дома, малыш? Прости, я не могу поверить клятве гиперборейца.

— И за порогом моего дома вы будете в такой же безопасности, — твердо сказал мальчик.

Конан свистнул и помотал головой, как будто собеседник мог его увидеть. Но мальчик, судя по всему, догадался о реакции киммерийца, потому что ясный детский голос звонко и отчетливо произнес такое ругательство, от которого Хильда покраснела — да так густо, что сквозь одеяла было видно.

Конан расхохотался. Ему показалось, будто в душу ему плеснули чем-то простым и светлым, и одним ударом сапога он распахнул дверь, едва не сбив с ног графа Амальрика.

— Здравствуй, малыш,— сказал он.— Ты все-таки подобрал ключик к этой двери.

— Здесь, в доме, больше никого нет? — спросил юный граф.

Конан сердито отвернулся.

— Если и есть, то это нас с тобой никак не касается,— отрезал он.

Киммерийцу подвели лошадь, и он уселся в седло. Трудно было сказать, кто из двоих испытывал больше недоверия: конь к седоку или седок к коню. Во всяком случае, глазами косили оба одинаково.

Войдя в дом, Конан остановился как вкопанный. Первое, что он увидел, было ненавистное и знакомое до мелочей лицо Синфьотли. Асир сидел в кресле с высокой спинкой. На нем была забрызганная кровью одежда. Светлые волосы слиплись и повисли, кое-где коричневые от запекшейся крови. Справа и слева от него стояли слуги Амальрика, удерживая Синфьотли за руки, чтобы он не упал.

Мгновение Конан смотрел на это, потом повернулся и молча набросился на мальчика. Миг — и страшные лапы варвара уже держат его за горло, грозя удавить. Слуги бросились было к нему, но Конан взревел:

— Стоять на месте! Еще шаг — и я успею сломать ему шею.

Слуги замерли. Дружина за спиной киммерийца застыла в напряжении. Конан спиной ощущал на себе выжидающие взгляды. Он знал, что они готовы напасть в любую секунду.

Не испугался только мальчик. Жестом он показал Конану, что хочет что-то сказать. Варвар чуть-чуть ослабил хватку.

— Ну,— повелительно сказал он,— говори. Только не лги мне, малыш. Я ведь не погляжу на то, что ты граф, придавлю, как щенка.

— Отпусти меня,— сказал мальчик.— Я не сделал тебе ничего плохого.

— Только привел меня в лапы моего врага,— заметил Конан.

— Отпусти! — рассердился царственный ребенок.

Удивляясь сам себе, варвар выпустил его и отступил

на шаг. Дружинники шагнули было к нему, но Амальрик остановил их движением руки.

— Конан,— сказал он,— посмотри на него внимательно.

— Чего на него смотреть,— проворчал Конан.— Лучше бы мне его никогда не видеть. Скоро во сне его рожа начнет сниться.

— Кто это — Сигмунд или Синфьотли?

— Синфьотли,— не раздумывая ответил Конан.

— Ты уверен?

— Мальчик,— с досадой проговорил Конан и, пошарив глазами, двинулся к мягкому креслу, чтобы сесть поудобнее.— Мальчик мой, мне ли его не знать. Он захватил меня в плен, когда я был уже вымотан боем. Я уложил человека десять из его отряда, а под конец прикончил его брата, этого оборотня Сигмунда. И вот тогда он явился на все готовенькое. Раз-два — и нет киммерийца. Связал меня, как барана, и поволок на бойню.

— Значит, ты уверен.

Конан хмыкнул.

— Да, это БЫЛ Синфьотли.

— Почему «был»? — насторожился мальчик.

Конан мгновенным движением очутился на ногах и схватился за меч.

— Потому что я сейчас его убью.

В ту же секунду мальчик метнул кинжал, пригвоздив рукав варвара к стене. Клинок прошел в нескольких миллиметрах от руки, не задев ее. Конан выдрался, оставив на кинжале клочок ткани.

Только тут он обратил внимание на то, что Синфьотли сидит совершенно неподвижно и как будто не замечает того, что происходит вокруг.

Амальрик как ни в чем не бывало продолжал:

— Когда мы встретили этого человека, мы тоже подумали, что это Синфьотли. Посмотри, у него шрам на лице. У Сигмунда не было шрама.

— Я знаю,— машинально пробормотал Конан, вспоминая, как сравнивал братьев на гладиаторских играх.

— Но потом возникли серьезные опасения. Он не помнит себя. Твердит имя Соль и все время призывает Младшего Бога, называя его своим отцом...

Конан тяжело опустился в кресло, положив меч себе на колени.

— Подожди, малыш. Откуда тебе известно, что Сигмунд был сыном Младшего Бога?

Мальчик улыбнулся.

— Я следил за твоим поединком с вервольфами из окна и велел слугам помочь тебе.

— Ты знал все с самого начала? — поразился Конан.

— Конечно.

Конан пошевелил бровями, что можно было расценить и как одобрение, и как некоторую растерянность.

— В конце концов, неважно, откуда ты это знаешь. Важно, что ты знаешь это, вот так-то. — Он посмотрел в неподвижное лицо Синфьотли и покачал головой. — Все-таки это Синфьотли. Знаешь, малыш, я думаю, что брат заставил его стать чем-то вроде своего «второго я». Мне он показался придурочным еще в тот день, когда явился за мной в казарму. А где теперь Сигмунд?

— Исчез.

Конан почесал в ухе, потом сказал:

— На твоём месте, если ты так уж печешься об этом полоумном, я пригласил бы хорошего жреца, который умеет изгонять злых духов. А когда он поправится... Обещай мне, что сделаешь то, о чем я попрошу.

— Обещаю.

— Пусть подарит Арванду девчонку по имени Хильда. Скажи ему, что никакая она не ведьма. Хотя я бы побил ее камнями за одну только ее стряпню.

С этими словами варвар поднялся и принялся шарить по столу, который слуги накрыли к обеду. Он по-хозяйски снял со стены колчан, сунул туда пару гусиных ляжек, добавил полбуханки хлеба, поломав его на части, и все это повесил себе на плечо. Мальчик, забавляясь, смотрел на него и молчал.

Конан завернулся поплотнее в свой плащ и подошел к Синфьотли. Тот по-прежнему вглядывался куда-то вдаль невидящими глазами.

— Синфьотли, — сказал Конан. Он поднял руку, чтобы ударить своего бывшего хозяина по щеке, — и опустил. — Если боги вернут тебе рассудок, молись им как следует. Молись, чтобы я не встретил тебя в чистом поле.

С этими словами он повернулся и вышел. Никто не шевельнулся, чтобы остановить его, и киммериец беспрятственно выбрался за городские ворота.

Всю ночь и утро, до полудня, Конан бежал, отмахивая мило за милей по бескрайним равнинам.

Сильные ноги в сапогах утопали в снегу, плащ хлопал за спиной. Он бежал не потому, что боялся погони или стремился поскорее уйти от стен города. Хотя, по правде говоря, эта земля не казалась ему приветливой — слишком уж гладкой она была, слишком ровной. Варвару не улыбалось ощущать себя мишенью посреди этого блинообразного пейзажа, где даже укрытия приличного не подобрать.

Его гнала вперед неистребимая жажда жизни. Каждая миля сулила ему встречу с новыми землями, и где-то там, впереди, лежал тот край, который только и ждет, пока явится киммериец Конан со старым мечом в руке и завоюет себе царство. В пыльных сандалиях взойдет он на трон, где после него будут сидеть его бесчисленные потомки.

К полудню разыгралась буря, и Конан вынужден был остановиться и искать от нее укрытия. Он спустился в ложбину, оказавшуюся руслом замерзшей реки, — это он определил по сухой осоке, торчавшей из-под льда. Над ним со свистом пролетал ветер. Конан натянул плащ себе на голову, вытащил из колчана гусиную ножку и, пачкая лицо жиром, принялся сдирать зубами нежное птичье мясо. Потом беспечно уснул, понадеявшись на судьбу, которая, как он полагал, не допустит того, чтобы киммериец Конан не проснулся, замерзнув насмерть.

Если бы Младший Бог видел сейчас это полное жизни юное создание, такое же дикое, любопытное и лишенное сострадания, как он сам, он наверняка бы усмехнулся. Глухими были эти смертные, и все же многие из них похожи на богов. Это и делает их непостижимыми существами.

Конан проснулся ближе к ночи. Он успел уже забыть и об Арване, и о графе Амальрике, и уж тем более о Хильде и Амалазунте. Женщины не стоят того, чтобы о них вспоминали. Единственный, чей образ был навсегда выжжен в его памяти, был Синфьотли. Конан знал, что никогда не забудет первого насилия над собой. Синфьотли был первым, кто схватил его за волосы и связал ему руки, Синфьотли первый попытался поставить его на колени. Этого человека он будет помнить.

Если бы киммерийцу сказали, что первая ненависть сродни первой любви, он бы рассмеялся этому идиоту в лицо. Но Конан, к счастью, не задавался дурацкими вопросами. У него были куда более неотложные дела.

Он еще раз перекусил, сунул в рот пригоршню снега и снова отправился в путь.

Впереди была вся жизнь, полная опасностей и приключений, и Конан мчался ей навстречу, словно боялся опоздать к началу великого торжества.

Дуглас Брайан

ДИАДЕМА БОГИНИ

Кабак Абулетеса располагался в том квартале Шадизара, где в больших количествах обитали висельники разных мастей — похитители людей, наемные убийцы, уличные грабители, бандиты с большой дороги и, наконец, воры, карманники, жулики всех родов, званий и степеней квалификации, которыми столь славен был чудесный город Шадизар, получивший прозвание «Город Воров». Сам Абулетес, жирный, неопрятный человек неопределенного возраста, работал с утра до вечера, обслуживая своих беспокойных клиентов и, по слухам, отличался исключительной честностью, прибегая только к шантажу, да и то в редких случаях. Чтобы Абулетес обсчитал какого-нибудь громилу, зарабатывающего себе на хлеб грабежом или разбоем, — такого никто не упомнит. Был он крайне услужлив, и на него всегда можно было положиться в тех нередких случаях, когда требовалось срочно спрятать похищенную девицу — при этом в такое место, где, во-первых, никто не услышит ее жалобных воплей и рыданий, а во-вторых, не будет нанесен ущерб ее красоте. Незаменим был Абулетес и в качестве укрывателя краденного, а что до трупов неведомого происхождения — то не было ему равного, если возникала необходимость избавиться от такой обузы, как покойник.

Именно поэтому дела Абулетеса процветали. Он по-своему любил своих клиентов и, навалившись на стойку животом в заляпанном фартуке, смотрел на них маленькими заплывшими глазками почти любовно. Вот дюжий кофитянин с серьгой в ухе — недавно утащил из почтен-

ного дома трех дочерей-красавиц на выданье и с большой выгодой для себя продал на туранской границе. В углу двое заморанцев, смуглых, низкорослых, вертких. Абулетес мимолетно поморщился: не любил он своих соотечественников. Уж вот от кого постоянно жди подвоха. То ли дело гирканцы — спокойные, выдержанные люди, всегда высказываются ясно и прямо, а если им возразить, то просто зарежут. Абулетес никогда не возражал гирканцам, и поэтому недоразумений не возникало.

Его взгляд остановился в углу возле двери в кабак, и хозяин невольно вздохнул. Там сидел самый неприятный из всех его клиентов. Это был совсем молодой человек, который порой убивал в день до четырех человек, осмелившихся обратиться к нему с вполне закономерным «малыш» или «мальчик». За «парня» он мог расквасить нос, за «молодого человека» — подбить глаз. Обращение «приятель» вызывало лишь скрежет зубов, однако без членовредительства. Абулетес пытался как-то отчески втолковать юноше, что весь Шадизар не может знать его по имени; что же до прозвищ, то ведь их нужно еще придумать.

— Пусть называют «киммериец», — мрачно заявил парень.

Абулетес воздел к небу жирные короткие ручки и закатил глаза.

— Спаси нас, пресветлый Митра, да откуда же они могут знать, что ты киммериец, ма... приятель!

Мгновение Абулетеса сверлил свирепый взгляд синих глаз молодого варвара, после чего тот ответил:

— Погляди на себя в зеркало, Абулетес. Как по тебе за версту видно, что ты прятал в своем подвале тех трех высокородных дурочек, которых недавно продали в гарем, так и моя внешность...

— ...указывает на человека благородного, отважного и наделенного прочими достоинствами, — подхватил Абулетес. — Но поверь мне, друг мой, в Заморе никто слыхом не слыхивал ни о какой Симмерии...

— Киммерии, — поправил юноша, медленно багровея от злости.

— Неважно. Это я сказал с акцентом. Словом, Конан, я просил бы тебя быть посдержаннее. Знаешь, в конце концов, молодость — не порок, напротив, прекрасное время жизни. Если бы я мог вернуть мои молодые годы...

Конан из Киммерии смерил его с головы до ног пре-

зрительным взглядом, и Абулетес поспешил налить ему вина.

Впрочем, после этого разговора киммериец стал действительно более сдержанным.

Был он высокого роста, широкоплеч и мускулист. Отличное сложение, правильные черты лица и, как это ни странно, своеобразное варварское благородство — все это привлекало к нему людей. Впрочем, было бы правильнее сказать иначе: это привлекало к нему женщин. В настоящее время он обзавелся подружкой по имени Семирамис. Это была невысокая, широкая в кости девушка с большим жизненным опытом; она была старше Конана по меньшей мере лет на десять. Насколько было известно Абулетесу, эта дама бессовестно вымогала у него деньги, которые парень добывал из кошельков состоятельных шадизарских купцов. Поэтому Конан всегда был без гроша. В этом смысле Семирамис постоянно стояла у трактирщика на пути, и Абулетес ненавидел ее вполне искренне.

Требовать у Конана плату за постой и обеды, которые юноша поглощал со свойственным его возрасту неумеренным аппетитом, Абулетес считал чистейшим самоубийством. Ждать, пока киммериец заплатит, было делом безнадежным. Выселить его не представлялось возможным. Поэтому Абулетес предпочитал ладить с молодым варваром и лишь разбавлял вино, которое тот потреблял еще в больших количествах, чем съестное, а хлеб подавал черствый. Варвар еще не до конца разобрался с благами цивилизации и не всегда отличал первый сорт от второго: что до свежести продуктов, то его больше интересовало их количество.

Вот и сейчас: сидит за столиком в «своем» углу возле выхода и срывает зубами мясо с бычьей ляжки. Плохо прожаренное мясо трещит на крепких белых зубах варвара. Жирный сок стекает по локтям, и время от времени парень наклоняет голову и облизывает руки. Длинные черные волосы болтаются в опасной близости к мясу, вот-вот запачкаются. Впрочем, Конана это не очень волновало.

У входа в кабак загремело оружие. Все присутствующие замерли, повернувшись к двери. Руки потянулись к поясам, где каждый без исключения носил нож, звезду с заточенными краями, трос с металлическими шариками на конце либо какое-нибудь другое оружие. Варвар хмуро улыбнулся и тронул широкий меч, с которым не расста-

вался никогда (Абулетес подозревал, что, даже занимаясь любовью с ненасытной Семирамис, Конан одну руку держит на рукояти меча).

Пригибаясь, чтобы не задеть о притолоку высоким коническим шлемом, в кабак вошел офицер заморанской гвардии. За ним в кабак ворвалось десятка два солдат в блестящих кольчугах. Они выстроились полукругом за спиной своего командира, как по команде выставив вперед пики с пестрыми бунчуками.

Абулетес выронил кружку, которую в этот момент споласкивал в тазу с такой грязной водой, что скорее пачкал, чем отмывал в ней посуду. С жалобным плеском кружка погрузилась в воду, и жирные пятна сомкнулись над ней.

— Гвардия... — прошептал хозяин кабака. — Кто же из этих паразитов затронул государственные интересы? Говорил же им: грабьте мирных горожан, крадите девственниц из почтенных семей, убивайте невинных, но избави вас Митра и Варуна посягать на дворец, хотя вот уж где кишат настоящие злодеи...

— Всем оставаться на местах! — прогремел офицер. — Где хозяин этой вонючей дыры?

— Я здесь, — дрожащим голосом отозвался Абулетес, поспешно обтирая руки о засаленный фартук. — Что-нибудь случилось?

— Нам известно, что вы укрываете краденое, даете приют всяким бандюгам и расплодили по городу воров.

— Насчет «расплодил» — это явное преувеличение, господин офицер! — затараторил Абулетес. — Воры, ваше высокоблагородие, плодятся сами, спросите хоть Семирамис... — Он вовремя прикусил язык, поймав яростный взгляд Конана.

— Семирамис? — Офицер снял с пояса глиняную табличку и пошарил по ней взглядом. Он умел читать и очень гордился этим. — Кто такая? В моем списке нет.

— Это одна... э... почтенная дама, — пролепетал Абулетес, оказавшись между двух огней: справа его сверлил взглядом киммериец, слева начальственным взглядом мерил его офицер. — У меня с ней нелады, господин офицер, вот я и брякнул, исключительно чтобы опорочить ее честное имя...

— Ладно, этой потаскушкой займемся в другой раз, — отрубил офицер. — В настоящее время нас интересует один

из тех воругов, которые у вас проживают в холе и покое.

— Смею вас уверить, господин офицер, мои клиенты — почтенные и славные люди, — твердо сказал Абулетес, который обрел наконец почву под ногами и заговорил увереннее. Такие диалоги ему приходилось уже вести не раз, правда, не с представителями королевской гвардии, а с жандармами рангом пониже.

Офицер с сомнением оглядел «славных людей». На него настороженно смотрели горбоносые и плосконосые, темноглазые и светлоглазые, узкие и широкоскулые лица, испещренные шрамами, расцвеченные клеймами, разукрашенные синяками и свежими ссадинами, изуродованные морщинами. У двоих или троих были вырваны ноздри; у пятерых не хватало ушей. Лишь одно лицо казалось по-настоящему красивым — это было лицо молодого киммерийца. Однако офицер не сомневался, что у юноши просто не было времени побывать во всех переделках, которые выпали уже на долю его товарищей по пансиону. Шрамы, клейма и морщины придут в свой черед и исполосуют эти правильные черты, изуродуют чистые щеки, избороздят гладкий лоб.

Качнув головой, офицер сердито сказал:

— У меня нет времени на пустые разговоры с тобой, трактирщик. А уж тем более — ближе знакомиться с этим сбродом. Скажу кратко: сегодня ночью какой-то дерзкий вор обокрал опочивальню сиятельной графини Зоэ, да просит мне госпожа, что я произношу ее чистое имя в этом поганом месте.

Зоэ была последней любовницей шадизарского градоправителя, знатного вельможи, состоявшего в кровном родстве с королем. Это была молодая пышнотелая и белолицая красавица с длинными белокурыми волосами. Про нее рассказывали, что она отличалась изощренной жестокостью и испытывала сладострастное удовольствие, насмерть забивая слуг длинным кнутом со свинцовыми шариками, защитными по всей длине кнутовища. В городе она вызывала всеобщую ненависть своим мотовством, высокомерием и почти неограниченным влиянием на градоправителя. Поэтому известие о том, что кто-то осмелился обокрасть эту женщину, послужило поводом для дружной овации и восторженного вопля, вырвавшегося одновременно из полусотни надорванных хриплых глоток.

— Молчать! — рявкнул офицер. — Нам известно мно-

гое, трактирщик. Нам известно, например, что была похищена алмазная диадема, старинная реликвия, привезенная для сиятельной Зоз из самого Кхитай. След привел нас сюда. И что еще забавнее, друг мой... как бишь тебя?

— Абулетес,— пробормотал хозяин, который начинал чувствовать, что дело заходит слишком далеко. Опытным взглядом он смерил расстояние до стойки, прикидывая, успеет ли убрать бьющиеся предметы до того, как начнется всеобщая свалка.

— Какая разница,— высокомерно отозвался офицер.— Словом, этот подонок сейчас скрывается у тебя. Либо ты выдашь его сам, либо мы найдем его и арестуем.

— Господин, мне неизвестно об этой краже,— сказал Абулетес.— Я впервые слышу о ней от вас. Если вы считаете, что виновный скрывается у меня,— прошу.

Он прекрасно понимал, что примитивный обыск ничего не даст, и потому не очень-то беспокоился. И тут произошла катастрофа.

Поскольку солдаты вошли очень тихо и ожидаемая потасовка еще не началась, в верхних комнатах, предназначенных для ночлега, а также для свиданий с доступными девушками по доступным ценам, ничего не было слышно. По лестнице, громко стуча каблуками, сбегала эта проклятая дура Семирамис. Раскачивая широкими бедрами, еле прикрытыми полупрозрачным шелком ядовито-фиолетового цвета, она устремилась к Конану. Абулетес еле слышно застонал сквозь стиснутые зубы. На длинных черных волосах Семирамис, распущенных по такому случаю по плечам, возлежала та самая кхитайская диадема, о которой только что шла речь. Ошибиться было невозможно: алмазы сверкали даже в полутемном помещении, словно светились своим собственным светом. Две змеи из белого золота сплетались хвостами над узким лбом шадизарской потаскушки. Продетые сквозь змеиные тела кольца с длинными подвесками звенели при каждом движении головы, сплетая странную мелодию.

— Конан! — завопила она своим низким пропитым голосом и устремилась к молодому варвару.— Какая очаровашка! Ты просто чудо, и я навечно...

Тут только ее глаза привыкли к полумраку и она разглядела стоящих у входа солдат, застывших со своими пиками. Даже в темноте было заметно, что Семирамис побледнела.

Офицер расхохотался.

— Вот и решение загадки,— сказал он и обернулся к солдатам.— Взять ее!

Солдаты устремились вперед. Семирамис обеими руками вцепилась в диадему и помчалась обратно к лестнице, своротив по дороге столик и, судя по громкому крику боли, посадив себе на обольстительное бедро основательный синяк.

Мгновенным движением Конан вскочил, перевернув стол, схватил левой рукой табурет, а правой вытащил меч. Обрушив табурет на конический шлем офицера, он рассек мечом воздух и ловко отразил удар пика, направленный ему в грудь.

— Беги, Семирамис! — зычно крикнул он.

Солдаты, разъяренные сопротивлением, набросились на молодого варвара, который оскалил свои белые зубы и радостно устремился им навстречу. Копышась на полу, офицер, наполовину оглушенный, стонал:

— Девку хватайте, девку! Спасайте диадему! С вором разберемся после...

Но его никто не слушал. «Хорошенькая же дисциплина в королевской гвардии»,— ошеломленно думал Абулетес, устремляясь к стойке бара. Он привык к тому, что солдаты жандармерии беспрекословно подчиняются своему начальству. К тому же жандармы всегда стремились вернуть похищенное в большей степени, нежели отловить и покарать преступника. Объяснялось это тем, что в жандармерии служили преимущественно простолюдины, которым платили за возмещение ущерба, а не за отрубленные головы. Что касается гвардейцев, то они, даже рядовые, большей частью происходили из благородных семейств и погоню за потаскушкой, пусть даже в украденной диадеме, почитали за дело презренное. Совсем другое — открытая битва. К их услугам был великолепный варвар с двуручным мечом, которым он орудовал с такой легкостью, будто то была бамбуковая палка.

Лишь двое или трое погнались за Семирамис. Обернувшись на верхней ступеньке, она с силой лягнула одного из них каблуком между ног. Солдат взревел от боли и повалился на своих товарищей. Пока они барахтались на полу у основания лестницы, потирая шишки и останавливая кровь, бегущую из носа, Семирамис уже исчезла.

Конан испустил свой боевой клич, от которого задро-

жали стены тесного помещения и зазвенели стеклянные стаканы за стойкой Абулетеса. В тот же миг кто-то запустил кружкой в масляную лампу, и комната погрузилась в полную темноту. Некоторое время во мраке раздавались лязг металла и треск дерева, потом слышались крики боли, стоны, вопли о пощаде. Наконец Абулетес нашел за стойкой глиняную лампу и начал стучать кресалом. Кто-то невидимый схватил его за руку, и тихий голос со странным акцентом прошептал ему прямо в ухо:

— Господин, лучше не делать эта.

Голос звучал мягко, но в нем таилась странная угроза. Абулетес счел за лучшее довериться чутью: кто бы ни был этот незнакомец, с ним лучше не портить отношения.

Свет зажгли гораздо позднее и совсем в другом месте. С улицы кто-то принес факел (оказалось — кофитяний с серьгой в ухе). В багровом свете предстала картина побоища. На полу лежал офицер, затоптанный в схватке на смерть. Несколько трупов в блестящих кольчугах плавали в лужах крови. Повсюду валялись пики. Бунчуки намокли в крови и вине и обвисли. Большинство солдат и часть посетителей исчезли бесследно. Один из раненых солдат жадся в углу и метался взглядом от стены до выхода, видимо соображая, как же ему выбраться отсюда.

А на столе, болтая ногами в сандалиях, сидел молодой киммериец и от души потешался.

— Ну что, — сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности, — кто-нибудь еще хочет со мной побаловаться? А то я не наигрался.

Ответа, как и надо было ожидать, не последовало. Раненый солдат в отчаянии прикусил губы, когда варвар гибким движением прыгнул со стола и направился к нему. Похоже, гвардеец не сомневался — сейчас его прикончат. Однако Конан постоял над ним, хмыкнул презрительно и потыкал в него грязной сандалией, намеренно пачкая блестящую кольчугу.

— Эй ты, — сказал он, — убирайся. Не умеешь драться — не берись за оружие. И скажи своему безмозглому начальству, чтобы не вздумало больше тягаться с Конаном из Киммерии. Даже если эта жирная баба графиня Зоэ отправит против меня целый полк, я свалю вас всех. Клянусь Кромом, я буду присылать ей по отрубленной голове в день, если она не успокоится!

Солдат с трудом перевел дыхание и, цепляясь за стену, встал на ноги.

— Я могу идти, господин? — спросил он, не веря своим ушам.

— Разумеется, — презрительно бросил Конан.

— Мое имя Аршак, и я навеки твой должник, — сказал солдат, но Конан уже повернулся к нему спиной. Наклонившись над офицером, киммериец снял с его пояса глиняную табличку. Во время потасовки она осталась почти невредимой, если не считать того, что треснула пополам. Офицер навалился на нее животом и тем самым, можно считать, спас от повреждений. Несколько секунд киммериец тупо смотрел на клиновидные буквы, потом пожал плечами и раздавил табличку подошвой сандалии.

— Абулетес! — рявкнул Конан.

— Здесь, — уныло отозвался хозяин, предвидя заранее просьбу своего постояльца.

— Похорони эту пададь и вели служанкам помыть полы, — распорядился варвар.

— Послушай, Конан, — сказал Абулетес, подходя к молодому варвару поближе и после некоторого колебания кладя руку ему на плечо. — Ты очень обязал бы меня, если бы нынче же съехал. Ты мне очень нравишься, ты благородный и очень симпатичный моло... мужчина, но слишком уж беспокойный.

Конан посмотрел ему в глаза, и Абулетес смешался.

— Конан, — снова проговорил он, однако руку с плеча варвара убрал. — Слушай, Конан, я сделаю все, что ты хочешь, и даже плату не потре...

— Что? — кратко спросил Конан.

Абулетес взорвался, хотя понимал, что порыв может стоить ему жизни.

— Проклятье Сэта на твою безмозглую башку, киммерийский дикарь! — заорал он. — Хорошо, я закопаю трупы на городской свалке. Но полы пусть моет эта твоя дурища, Семирамис, которую ты обрядил как королеву! В конце концов, это из-за ее глупости тут так напачкали...

Конан задумчиво осматривал клинок двуручного меча и, обнаружив на нем пятнышко крови, обтер его об одежду Абулетеса. Трактирщик сдался.

— Хорошо, — прошептал он. — Будь по-твоему, киммериец. Но если меня вызовут во дворец и начнут пытаться, я могу не выдержать испытания и назвать твое имя.

— Ты можешь не дожидаться начала пытки, — хмыкнул

Конан.— Я разрешаю тебе сказать им все. Пусть приходят и забирают меня, если у них это получится.

Он с лязгом сунул меч в ножны, повернулся и побежал вверх по лестнице.

Графиня Зоэ бушевала.

— Моя диадема! — пронзительно кричала она. — Мои драгоценности! Подумать только, даже в своем дворце я не могу чувствовать себя в безопасности! Кто этот вор?

Аршак склонил голову.

— Какой-то варвар из дикой северной страны, господа моя.

— Молчать! — взвизгнула Зоэ. — Я не хочу ничего слышать о нем! Он мог посягнуть на меня! Какой ужас!

Она металась по своей опочивальне, окутанная полупрозрачными шелками, сквозь которые просвечивали ее пышные формы. Перед глазами солдата мелькали то розовые груди с сосками, подкрашенными охрой, то гладкие круглые бедра. Он с удивлением поймал себя на том, что все эти прелести оставляют его равнодушным — может быть, потому, что графиня Зоэ время от времени награждала его увесистой пощечиной.

— Пятнадцать взрослых мужчин не могли взять какого-то варвара! — вопила Зоэ. — Невероятно! Неслыханно! Бахтияр убит! Великий Митра, высокородных господ стали убивать ударом табуретки по голове! А где остальные?

— Не знаю, госпожа моя, — тихо сказал Аршак. — Я видел еще четыре трупа. Думаю, что другие убежали...

— В бегах? — Зоэ остановилась и впиалась в него взглядом. — Ты хочешь сказать, они попросту дезертировали?

Опасаясь быть избитым, солдат осторожно ответил:

— Я не знаю.

— А что ты вообще знаешь? — закричала Зоэ и снова занесла свою пухлую руку. На этот раз солдат уклонился от удара и перехватил ее запястье. Зоэ дернулась, но он крепко держал ее.

— Хам, — прошипела она. — Ты соображаешь, что ты делаешь? Сейчас я закричу, и тебя четвертуют...

— А меня и без того четвертуют, — сказал Аршак с жуткой уверенностью. — Если остальные действительно дезертировали, значит, у них хватило ума это сделать. Все, что мне остается, — это исправить мою ошибку.

Он оттолкнул от себя графиню и направился к выходу.

— Стража! — закричала она вне себя, но, к ее величайшему удивлению, никто не откликнулся. Аршак, удивленный не меньше, чем сама Зоэ, беспрепятственно покинул ее дворец. И только в просторном дворе увидел, почему ему удалось это сделать.

Личная охрана сиятельной Зоэ куда не исчезла — все были на месте. Люди сидели и стояли в полной неподвижности, как куклы, некоторые застыли в воинственных позах, с поднятыми пиками и мечами, занесенными для удара.

Более того. Среди охранников Аршак заметил семерых своих товарищей, тех, что вместе с ним приходили арестовывать дерзкого похитителя диадемы. Они тоже были неподвижны и, как заметил потрясенный Аршак, смертельно бледны и очень худы, как будто им пришлось голодать не один день. Создавалось впечатление, что их принесли или привезли и свалили в углу штабелем, точно бревна.

Аршак потрогал одного из них. Он был холоден, как камень, и казался мертвым. Однако вдруг замороженный пошевелил глазами и уставился на человека. Аршак отпрянул, ощутив приступ тошнотного ужаса.

В тот же миг он сообразил, что только что своими руками поставил себя вне закона, посягнув на графиню Зоэ. Теперь ему только и остается, что скрываться, а скрываться можно лишь в воровском квартале. Не напроситься ли в напарники к этому Конану? Мысль показалась ему дикой, и он, несмотря на ужас своего положения, усмехнулся.

Мстительная Зоэ выскочила во двор почти голая и застыла в дверях, пораженная открывшимся ей зрелищем. Впрочем, замешательство почтенной дамы продолжалось не долго. Завидев оскорбителя, она завизжала, протянула вперед руки и помчалась к нему с явным намерением вцепиться в лицо и выцарапать глаза.

Аршак насупился и обнажил меч. Ему не слишком нравилась идея убить женщину, но он видел, что другого выхода, похоже, Зоэ ему не оставила. К тому же, если он прирежет эту кровожадную и алчную бабищу, народ только спасибо ему скажет.

И тут случилось нечто странное. Аршак ощутил сзади на своей шее прикосновение чьих-то невесомых рук. Он замер. Хотел было повернуться, но понял с неожиданной ясностью, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Откуда-то потянуло холодом. Перед глазами все поплыло,

слилось и смешалось, однако равновесия он не терял, как будто неведомый источник холода поддерживал его каким-то образом, не прикасаясь. Образ Зоз расплылся и исчез в мутном розовом водовороте. Он хотел закричать, но не смог. Губы онемели, горло перехватило.

Чей-то шелестящий голос проговорил:

— Однако не нада напрягать себя. Лучше мало-мало расслабиться. Не больна. Хорошо. Не нада бояться.

«Кто боится-то?» — хотел было сказать солдат, но вместо этого дернулся и провалился в мягкую темноту.

— Прости, дорогой, — нежно говорила Семирамис, наматывая на палец длинную черную прядь волос своего возлюбленного. — Я, наверное, не должна была показываться здесь в этой диадеме. Но твой подарок настолько хорош, что мне хотелось, чтобы и другие увидели, как ты любишь меня.

— Ладно, — проворчал Конан и высвободился. — Ты хорошо спрятала ее, Семирамис?

— Да уж, не сомневайся. — Она наклонилась к его уху и громко зашептала: — Я зарыла ее...

— Стоп! — рявкнул варвар, прикрывая ее рот своей огромной мозолистой ладонью. — Женщина, неужели тебе нужно кричать об этом на весь кабак? Лучше помолчи. Скажешь потом.

Она отстранилась с недовольным видом.

— Как хочешь. Ты спросил — я хотела ответить... В последнее время ты стал очень груб со мной, Конан. Я уж подумываю, не поискать ли мне другого мужчину. Который был бы ласков и внимателен...

Не слушая попреков, Конан тянул себе и тянул красное вино.

Подумав, Семирамис сменила тему.

— Зачем ты отпустил того солдата? — спросила она. — У других не было возможности разглядеть тебя как следует, они были слишком заняты потасовкой. Но этот пялился на твою физиономию при свете факела несколько минут. Он сможет узнать тебя при встрече, даже если ты переоденешься.

— Ну и что? — проворчал Конан. — Ну и пусть узнает. У меня нет привычки таиться по углам. Я не крыса.

— Конечно, ты — Лев, и безумием было бы спорить, —

подхватила Семирамис. — И все же его нужно было прирезать. Покойник не проболтается. Или ты, быть может, пожалел его?

— Вот еще, — сказал Конан, опрокидывая в раскрытый рот остатки вина из кувшина. — Я никого никогда не жалею, разве что детей или беспомощных женщин. Просто не видел смысла марать руки. Неудачникам нет места в жизни, и они сами уступают дорогу тем, кто сильнее и ловчее.

— И удачливее, — вставила Семирамис.

Конан кивнул.

— Удача приходит к тем, кто не страшится испытаний, — сказал варвар. Он изрядно захмелел. — Вот почему, например, мне повезло? Да очень просто! Боги благоволят к таким, как я. Я встречаю опасности грудью, с высоко поднятой головой! Я не рассчитываю ни на чью помощь и доверяю только силе своих рук и крепости своего старого меча! Когда в заброшенной гробнице я дрался с мумией древнего царя...

К столу, где выхвалялся подвыпивший варвар, стали стекаться благодарные слушатели. Некоторые из них откровенно потешались, внимая его наивной похвальбе, но большинство знали, что Конан говорит правду, и кивали, соглашаясь.

Среди знакомых физиономий Конан вдруг различил нечто совершенно странное. На него не мигая смотрел какой-то желтокожий человек с круглым и плоским лицом. Пухлый рот и округлые безбородые щеки делали его похожим на ребенка. Однако это был взрослый мужчина, маленького роста, худощавый, узкоплечий. Что он делает в этом жутком обществе рослых крепышей?

— Эй ты, — крикнул ему Конан поверх голов, — недомерок... Ты кто такой, а? Я тебя что-то раньше не видел.

Две узкие черные шелки под пушистыми бровями тут же моргнули. Человек понял, что обращаются к нему. Станным ломким голосом, от которого у Абулетеса мурашки побежали по коже, он ответил:

— Моя имя Ючэн из Кхити. Ючэн. Ты Конан, ты поминай это имя. Я хочу быть знаком с тобой.

Киммериец пожал тяжелыми плечами.

— Если тебе этого хочется, Ючэн. Но сперва объясни мне, что толку мне в таком друге, как ты? Я могу свернуть тебе шею одной рукой и сомневаюсь, что в бою ты мог бы

быть мне полезен. Что до краж и воровства... Может быть, ты и ловок, но разве кто-нибудь в Шадизаре может сравниться в этом деле с Конаном-киммерийцем?

— Ты Конан, ты очень высоко думать о себе, — бесстрастно ответил маленький человек. — Но ты хорошая мальчик. Я буду помогать.

Все в кабаке, включая Семирамис и Абулетеса, застыли. Худших слов этот заморыш и придумать не мог. Если он желал подружиться с Конаном, ему следовало превозносить его силу и ловкость и уж ни в коем случае не нужно было предлагать помощь.

Конан побледнел от ярости и сжал кулак.

— Ты хочешь сказать, что я могу нуждаться в помощи?

Кхитаец покосился по сторонам, как показалось Абулетесу, с хитрецей, но когда он заговорил, он был самопростодушие.

— Нет, Конан, конечно нет. Я Ючэн, — я нуждаться в помощи. В твоей помощи. Ючэн — слабый, Конан — сильный. Ючэн — бедный кхитаец. Конан — самый-самый ловкий.

Удовлетворенный, Конан кивнул, и, к удивлению Абулетеса, дело обошлось без кровопролития.

— Учти, Ючэн, я терпеть не могу слабаков, — сказал Конан.

— Ючэн — не слабак. Ючэн просто маленького роста, — успокоительно заметил кхитаец и, не дожидаясь приглашения, уселся за столик. — Конан, пусть твоя женщина уходит. Нада говорить. Нада секретна говорить.

Семирамис вспыхнула от гнева.

— Да как ты смеешь, грязная желтолицая обезьяна... — начала она.

Неуловимым движением кхитаец схватил ее за руку, и Семирамис неожиданно замерла и замолчала. На ее лице проступило недоумение. Она раскрыла рот, но не смогла больше произнести ни звука.

Улыбнувшись Конану, Ючэн спросил:

— Так пусть твоя женщина уходит?

— Семирамис, — обратился к своей возлюбленной варвар, — ты же видишь, что тут мужской разговор. Так что тебе лучше уйти.

— Пусть твоя женщина скажет, кто такой Ючэн. Не обезьяна. Пусть скажет по-настоящему.

Кхитаец выпустил руку Семирамис. Женщина с трудом

перевела дыхание, метнула на Конана злобный взгляд и выпалила:

— Свинья! Ленивая свинья! На твоих глазах меня подвергают пытке...

— Какой пытке? — Конан недоумевал. — Я что-то не заметил, чтобы тебе сделали больно. Он просто взял тебя за руку...

— Просто? Да я слова не могла вымолвить, пока он не убрал свои лапы!

— Для женщины это пытка — не говорить, — сказал Ючэн. — Но теперь пусть говорит. Кто такой Ючэн по-настоящему?

— Да не обезьяна ты, не обезьяна! — закричала Семирамис, готовая разрыдаться. — Хоть и похож.

Ючэн рассмеялся.

— Теперь уходи, — сказал он. — Я буду говорить с твоей хозяйин.

Последнее было уже чересчур для вспыльчивой девицы, однако взгляд неподвижных черных глазок-щелок не сулил ей ничего хорошего, поэтому она, скрипнув зубами, повернулась к мужчинам спиной и гордо удалилась, раскачивая бедра.

— Напрасно ты так, — сказал Конан. — Для начала запомни: я ей не хозяйин.

Ючэн удивился.

— Ты платил, она делала для тебя хорошее. Ты — хозяйин. Разве не так? Кто платит, тот хозяйин. Я хочу быть хозяином. Я плачу тебе, ты делаешь для меня что-то хорошее.

Абулетес, краем уха подслушивающий их разговор, помертвел. Сейчас точно начнется членовредительство. Возможно, придется соскабливать мозги кхитайца с потолка... Сделать киммерийцу ТАКОЕ предложение! Этот Ючэн, должно быть, сошел с ума.

Однако ничего не произошло. Спустя несколько секунд Абулетес, облегченно переводящий дух и вытирающий со лба холодный пот, сообразил: варвар был настолько дик и далек от восточной развращенности, что даже не слышал о том, чтобы мужчины делали любовные предложения другим мужчинам. Видимо, непроезжое невежество Конана и спасло Ючэна от немедленной расправы.

Прошло еще несколько минут, и выяснилось, что кхитаец могло подвести лишь скверное владение заморан-

ским языком, на котором он изъяснялся хоть и бойко, но с чудовищными ошибками. Речь шла об услуге, весьма далекой от той, которую оказывала Конану пылкая Семирамис.

— Конан, — сказал маленький человек, — ты нуждаться в деньгах. В золоте. Тебе нужна много денег — покупать вино, женщин, удовольствия. Мне нужна одна вещь. Ты достаешь ее, я даю деньги.

— Тебе нужно, чтобы я кое-что украл? — Конан засмеялся. — Не вижу никаких препятствий. Скажи только — что именно, где оно находится, хотя бы примерно, и я по нюху сыщу тебе твою безделушку так легко, словно она намазана пахучим веществом! Если, разумеется, твоя цена будет для меня подходящей.

— Цена подходящая, — сказал Ючэн. — Неподходящая безделушка. Трудно взять.

Кхитаец обернулся и неожиданно встретился глазами с Абулетесом. Трактирщик вздрогнул и сердито принялся протирать тарелку засаленным лоскутом.

— Идем, — сказал кхитаец. — Ты великий вор, но тот человек — он великий подслушиватель. Надо секретно говорить.

Вместе они вышли из кабака и направились на улицу. В дверях мелькнуло два силуэта: рослый, мускулистый — варвара и маленький, юркий — кхитайца. Потом они исчезли, словно растворились в ярком свете жаркого солнца, пылавшего в этот час над Шадизаром.

— Так о чем мы с тобой договариваемся, друг Ючэн? — спросил наконец Конан, когда они с кхитайцем оказались на шумной площади. — Если ты слышал обо мне хоть что-нибудь, то тебе известно, что я самый ловкий и умелый вор во всем Шадизаре. Так что не думай, будто для меня существуют препятствия.

Кхитаец в этот момент стоял возле лоточника, торгующего свежими пирожками с рыбой. Он, казалось, не слушал похвалы своего собеседника, целиком поглощенный выбором пирожка. Тыча пальцем то в один, то в другой, он на ломаном заморанском выяснил, насколько свежа рыба и нет ли, случаем, запеченных в тесте кальмаров. Лоточник, с ненавистью поглядывая на настырного кхитайца, объяснял сквозь зубы, что рыба свежая, а кальмаров

нет и не бывает. Кхитаец кивал, и блестящая тонкая иссиня-черная косичка на спине извивалась, как живая.

— Я немного покупать, — объявил Ючэн.

— Плачу! — царственным жестом отстранил его от лоточника Конан. — Я куплю тебе пару пирожков, если хочешь.

Ючэн покивал и заулыбался.

— Да, три пирожка — подходящее. Абулетес... как правильно выразить? Он неаккуратный. Невкусно. Богиня — она учит: все должно быть чистое.

— Какая еще богиня?

— Шан, моя богиня. Ючэн жрец, Ючэн в джунглях. Там храм, высокий, с золотой крышей. Богиня из камня, зеленого камня. Светится от солнца.

Конан наморщил нос.

— Какое мне дело до твоей богини! Абулетес неряха, это всем и каждому известно. А ты, значит, чистоплюй?

Кхитаец пожал плечами.

Конан полез в кошелек, болтавшийся у него на поясе, чтобы вынуть оттуда несколько серебряных монет. Он хотел показать кхитайцу, что денег у него куры не клюют и что он, Конан-киммериец, не очень-то нуждается во всяких там маленьких желтолицых человечках с их посулами хорошо заплатить.

Но денег в кошельке не было. Конан пошевелил пальцами внутри мешочка в поисках хотя бы одной-двух монет. Вместе с тем он лихорадочно, соображал, сколько дал вчера Семирамис, которая ныла, что нуждается в новом покрывале для волос и новой шелковой юбке, поскольку старую молодой варвар случайно порвал, в нетерпении атакуя свою подружку. Нет, не мог он дать ей все. Наверняка что-нибудь да оставил. Даже если был вчера очень пьян.

— Что-то не так, Конан? — спросил Ючэн, с любопытством наблюдавший за поведением киммерийца.

— Проклятье, кажется, я все деньги отдал этой чертовой шлюхе! — в сердцах сказал Конан. — Еще вчера у меня тут болталось штук двадцать золотых, хорошая добыча после налета на одну меняльную лавочку...

— Ц-ц-ц... — огорченно зацокал кхитаец и полез в свой кошелек, откуда извлек две маленькие монетки странной прямоугольной формы. — Продающий пирожки, возьми монеты моей родины. Это крупные монеты, хорошие. Ви-

дишь, настоящее серебро. Ты выручишь за них много-много денег твоей родины. Твои деньги хуже моих, дешевле. Дадут больше.

Лоточник недоверчиво взял странные квадратики и прикусил их зубами. Результаты исследования, видимо, удовлетворили его, потому что он лично выбрал для кхитайца три самых крупных пирожка да еще и поклонился в придачу.

Ючэн жизнерадостно, совсем по-детски, начал кусать пирожок своими мелкими белыми зубами, всякий раз причмокивая. Конан между тем продолжал, бормоча себе под нос, исследовать кошелек.

— Говоришь, не давал женщине все деньги? — спросил Ючэн с набитым ртом. — Это хорошо. Это правильно. Только вот что в твоём кошельке, Конан.

С этими словами Ючэн протянул свою тонкую смуглую руку и просунул ее в отверстие, сделанное острым, как бритва, ножом, в днище кошелька. Сунувшись в мешочек, Конан вдруг увидел, как там извиваются ловкие тонкие пальцы кхитайца.

— Дырка, — сказал Ючэн, сияя. — Однако хороший вор. Незаметный и быстрый. Обокрал тебя, а ты и не заметил.

Не веря своим глазам, Конан уставился на дыру. Несомненно, здесь поработал опытный карманник. В считанные секунды он вспорол брюхо Конанову кошелек и опустошил его, после чего исчез бесследно, растворившись в толпе, которая кишела на шадизарском базаре. Киммериец едва не застонал при мысли о том, что воруа действовал как раз в тот момент, когда он, Конан, громко похвалялся, рассказывая простодушному Ючэну, какой он замечательный вор, и претендуя чуть ли не на титул короля воров. Бешенство овладело им, и, рыча от ярости, Конан хватил своим могучим кулаком по прилавку, где торговали спелыми дынями. По несчастливой случайности кулак угодил прямо в дыню. Овощ разлетелся на куски, сок и мякоть забрызгали и продавца, и случившегося поблизости покупателя, и самого Конана, залепив последнему глаза. Оглашая окрестности громкими проклятиями, киммериец протер глаза и машинально сунул мякоть в рот.

Побледневший торговец приподнялся и, часто облизывая от волнения губы, начал требовать, чтобы ему возместили убыток.

— Я потерял товар! — вопил он, брызгая слюной. — Я потерял покупателя! Ты вдвойне должен мне, невоспитанный болван!

Конан молчал, медленно свирепея. Его ярость достигла того накала, когда еще немного — и варвар превратится в небольшое стихийное бедствие, сокрушающее на своем пути и правого, и виноватого.

Поскольку Конан молчал, торговец продолжал наступать.

— Понаехали в Шадизар! — надрылся он. — Куда только смотрит гвардия! Вор на воре, жулик на жулике, а теперь еще и грабят средь бела дня!

Ючэн оттеснил Конана от прилавка и посмотрел торговцу в глаза. Тот зарючал на полуслове, приоткрыв рот.

— Хорошо, — одобрительно сказал Ючэн. — Вы оба умылись и умыли покупателя. Сок дыни хорошо для кожи. В Заморе много пыли. В Кхитай пыли нет.

Пока ошеломленный торговец моргал, пытаясь сообразить, что все это значит, маленький кхитаец спокойно взял киммерийца за руку и увел его подальше от прилавка. Торговец смотрел ему вслед, готовый каждую секунду разразиться новой бранной тирадой. До него так и не дошло, что Ючэн только что спас ему жизнь.

Наконец Конан тяжело перевел дыхание. Его глаза горели злобным огнем.

— Жаль, что это была не голова того вора, — сказал он хрипло. — Клянусь, я размозжил бы ему череп!

— Это ты мог бы сделать, — кивнул Ючэн. — Но это... как сказать? Он все равно будет более ловкий, чем ты.

— Мертвый не будет, — мрачно заявил Конан. — И ловкость рук ему уже не поможет.

— Слушай, — сказал Ючэн. — Я расскажу притчу. Ты будешь слушать и думать о том, что слышишь. Был один бродячий жрец, он ходил по свету и смотрел, везде ли соблюдаются установления Шан. Люди — они не совершенны, даже если стремятся к совершенству, люди часто нарушают установления Шан. И жрец всякий раз видел такое нарушение и проклинал нарушающих страшным проклятием. И так полюбилось ему это: видеть нарушения и проклинать, что он стал специально искать, кого бы ему проклясть сегодня. Вот приходит он однажды к одному святому, к Юни. Юни был великий святой, он жил, как отшельник, один, но принимал всех людей и давал им

еду для тела и мудрое слово для души. Последнему нищему Юни служил, как царю. Таков был Юни, и чтит он заветы великой Шан.

Против своей воли Конан заинтересовался. Он любил сказки и разные истории, особенно касающиеся битв и героических деяний. Однако предание, которое рассказывал своим ломким голосом этот странный узкоглазый человек в просторном желтом халате из плотного атласа, показалось ему забавным. Он не мог отделаться от ощущения, что сказка таила в себе некий подвох, и ему хотелось угадать, какой именно.

— И вот входит в пещеру, где жил Юни, сердитый жрец и думает: попробую найти что-нибудь и проклясть Юни! Если мне это удастся, то я действительно великий жрец и никто лучше меня не может чтить заветы Шан. Юни поклонился ему до земли, как великому царю, а после усадил на циновку в самый почетный угол пещеры и предложил ему тарелку лапши, и к лапше еще морской капусты и папоротника. Это все очень-очень вкусно, — пояснил кхитаец Конану, который всем своим видом выражал недоумение: как можно угодить человеку, пытаюсь накормить его пищей, по мнению киммерийца, предназначенной для травоядных животных.

— Вот ест сердитый жрец, а сам смотрит по сторонам и все выискивает, за что бы ему проклясть Юни...

— И нашел? — спросил киммериец.

Ючэн радостно кивнул.

— О, да. Жрец так проклял Юни за непочтительность. Святой забыл вытереть остатки пищи с ног своего почтенного гостя...

Конан выслушал с приоткрытым ртом, а потом запрокинул голову и оглушительно захохотал.

— Это же надо так жрать! — выговорил он. — Даже ноги забрызгал!

Ючэн прищурился так, что глаз на плоском лице вообще не стало видно.

— Вот ты смеешься, это хорошо. Смеющийся не станет убивать. Убивать плохо.

— А красть, по-твоему, хорошо? — спросил Конан, который на миг позабыл о том, что хотел стать королем воров.

Однако Ючэн не воспользовался этой промашкой молодого варвара и на полном серьезе ответил:

— Красть — тоже плохо, но лучше. Не будь как тот жрец, который сам нарушал заветы, а других проклинал.

— Я не мальчик, чтобы какой-то пройдоха из джунглей учил меня, что я должен делать, а чего я делать не должен, — сказал Конан, как только уяснил, что сказка закончена и больше ничего интересного не будет. Он обожал истории, но терпеть не мог поучений. — Между прочим, я давно уже расстался с материнской титькой и теперь соображаю самостоятельно.

— Притча не для мальчиков, — сказал Ючэн примирительно. — Притча для мужчин. Чтобы они слушали и мало-мало думали. У нас так положено. Для того и жрецы.

Конан рассеянно забрал из рук Ючэна последний пирожок и целиком отправил его в рот. Он чувствовал настоятельную потребность подкрепиться, а ничто так не улучшало настроения варвара, как еда. Иногда он даже думал, что еда — это единственная вещь в мире, не считая, конечно, битвы, которая всегда верна сама себе и не обманет.

— Ладно, кхитаец, говори, что за дело у тебя, — сказал он с набитым ртом. — Кажется, я должен что-то украсть? Теперь мне, как ты понимаешь, по-настоящему нужны деньги. Если ты дашь мне больше, чем я смог бы выручить за твою безделушку у шадизарских перекупщиков краденого, то я с радостью помогу тебе.

— У Шан есть статуя, — сказал Ючэн. — Зеленый камень. Я сам ее делал. Ючэн — скульптор. Для статуи были сделаны украшения, среди них пояс из белого золота. Он усыпан блестящими прозрачными камнями, которые режут стекло...

— Алмазами, что ли? — жадно спросил Конан.

— Да-да, алмазами. Это священный пояс. Его нужно вернуть. Богиня послала меня сюда, чтобы я вернул его.

— А что, его похитили?

— Несколько лет назад в джунглях заблудился человек, не похожий на кхитайца. Его нашли крестьяне, долго лечили, кормили, потом приводили к Шан, чтобы он увидел лицо истины. Они думали, он умеет благодарить. Но этот человек вместо благодарности однажды ночью раздел статую богини, забрал в мешок ее нарядный пояс и убежал. Много времени мы искали его следы. Потом нашли.

— И убили его? — спросил Конан.

— Нет, зачем убивать его? Пусть другие убьют его. Если он скверный человек, то и друзья у него скверные. Кровь не вернет похищенного богине. Нам он нужен был лишь для того, чтобы отыскать украденные вещи.

— Вы отыскиали все, остался лишь пояс?

— Ты сказал истину. Этот пояс — последнее, что нужно мне в Заморе. Как только он будет у меня, я отправлюсь с караваном обратно в Кхитай и поднесу его богине. Шан будет рада, Шан будет смеяться. У нас будет хороший год, уродится рис, хорошо будут ловиться крабы и кальмары, пройдут косяки рыбы... — Глазки кхитайца затуманились мечтами.

Конан смотрел на него со странной смесью восхищения и презрения. Восхищала целеустремленность этого человека. Он знал, чего хотел, и добивался этого год за годом. Теперь он почти у цели, и этому можно только позавидовать. Презирал же его варвар за приземленность и простоту этой цели. Сам Конан понятия не имел, чего он хочет в жизни. Может быть, завоевать королевство и сесть на трон, чтобы оттуда вершить судьбы мира. А может, наворовать столько, что можно было купить парочку городов и навести там свои порядки. Во всяком случае, неоформленность жизненных планов отодвигала на неопределенный срок их воплощение.

— Стало быть, ты хочешь, чтобы я вытащил этот пояс из того сундука, где он зарыт. — Конан решил опустить кхитайца с небес его мечтаний на землю суровой действительности.

Черные щелевидные глаза тут же заблестели прежним деловым огоньком.

— Именно, именно. Я говорю, где этот пояс спрятан, ты идешь и его берешь. Тогда я даю тебе деньги, много денег.

— Только не в твоих дурацких серебряных квадратных монетах, — предупредил Конан. — Я не хочу походить на идиота.

— О да, да. — Кхитасц закивал, и коса опять заплесала на желтом атласе халата. — Конечно. Я даю тебе в заморанских золотых. Я даю тебе несколько десятков. Два с половиной десятка.

— Это почти столько, сколько у меня украли, — начал было Конан. — Получается, я буду работать даром. А я хочу

не только возместить похищенное, но и хоть немного навариться.

— Э, Конан, навариться не получается. Ты хлопать ушами, как слон в кхитайских джунглях...

Конан с гордостью подумал о том, что, по крайней мере, каков из себя зверь по прозвищу «слон», он уже знает.

— Можешь не стараться, кхитаец, — сказал варвар немного свысока. — Я уже имел дело со слоном. И не простым, а заколдованным. Он прилетел с другой планеты. Он был в заточении в волшебной башне, и злой колдун отрубил ему руки и ноги. Но вот пришел я...

Ючэн поморщился, как от зубной боли.

— Да, я уже понял. Я скажу Шан: «Ючэн видел в Шадизаре самого великого человека. Он украл все деньги Заморы. Он победил всех злых колдунов. Он освободил слона, и слон улетел на родную планету...»

Конан пристально посмотрел на бесстрастное плоское лицо кхитайца: уж не вздумал ли маленький жрец из непроходимых джунглей смеяться над ним, киммерийским воином? Но ни тени улыбки не обнаружил на пухлых светлых губах. Ни один мускул не дрогнул на лице Ючэна под огненным взором пытливых синих глаз.

— Я продолжаю, — сказал Ючэн, сделав короткую, но очень выразительную паузу. — Ты хлопал ушами, ловкий вор разрезал кошелёк и украл твои деньги. Но нет связи с кражей. Кража простая, нужно забраться во дворец Зоэ, где ты уже был, и взять пояс. Она прячет его в ларце, насколько я выведал, в своем висячем саду. За это я плачу деньги.

В какое-то мгновение Конан понял, что столкнулся с твердой, как скала, волей, которая была сильнее его собственной. Продать пояс в Шадизаре невозможно, это украшение известно всем и каждому. С другой стороны, кража действительно очень простая.

— Я помог тебе, — добавил кхитаец неожиданно. — Там, во дворце, тебе никто не будет мешать. Просто возьмишь и все.

— Как это «не будет мешать»? — Варвар удивился. — Мне и без твоей помощи никто не смеет мешать. А если кто-нибудь по несчастливой случайности встречается меня в коридоре, когда я крадусь к своей цели, то наутро беднягу находят плавающим в луже крови.

— Не понадобится,— лаконично сказал кхитаец, но объяснять ничего не стал.

— Хорошо. Когда передать тебе побрякушку?

— Сегодня через три часа после восхода звезды Цы,— предложил кхитаец.

Конан слыхом не слыхивал ни о какой звезде Цы и потому тут же нашел более простой способ.

— Во дворце градоправителя отбивают ночные стражи,— сказал варвар, успевший хорошо изучить шадизарские порядки.— Между третьей и четвертой стражами я буду ждать тебя в тени деревьев напротив дворца. Там нас никто не увидит.

— Хорошо.— Кхитаец кивнул и двинулся прочь.

Конан окликнул его:

— Погоди, Ючэн. На всякий случай скажи мне, где тебя искать.

— Нигде.

— Но ведь ты где-то живешь здесь, в Шадизаре?

Ответ был более чем странным.

— Я нигде не живу, тем более в Шадизаре,— сказал кхитаец... и исчез.

Дворец графини Зоэ поражал своей красотой. Он был построен из белого камня и украшен искуснейшей резьбой. На плоской крыше, обнесенной узорной балюстрадой, раскинулся знаменитый висячий сад. Здесь опытные садовники выращивали в кадучках чудесные тропические деревья. Небольшие пальмы с раскидистыми листьями и мохнатыми стволами, мясистые, зеленые с желтыми пятнами агавы, ошетилившиеся кактусы, изящные азалии всевозможных цветов и оттенков и множество других диковинных кустарников и деревьев. Все это требовало непомерных расходов, но когда речь заходила об удовольствиях блистательной Зоэ, с расходами не считались.

Конан остановился посреди сада, равнодушный к его чарующей красоте. Он прокрался во дворец, хоронясь в тени, пересек просторный двор, еще раз внимательно осмотрелся и ловко, как кошка, вскарабкался по стене на крышу. Как и говорил Ючэн, никто во дворце не пытался препятствовать ему. Создавалось впечатление, будто владения Зоэ погружены в глубокий, непробудный сон. Фонтан журчал оглушительно в этой мертвенной тишине.

Безмолвные ночи начали настораживать варвара. Не нравилось ему, когда дела шли так гладко. По собственному горькому опыту он знал, что там, где сначала не встречается никаких препятствий, в конце концов их оказывается слишком много. Так много, что подчас приходится уносить ноги, спасаясь бегством и отказавшись от всякой добычи.

Он сделал еще несколько бесшумных шагов. Никого. И вдруг заметил в тени фонтана человеческую фигуру. Казалось, стражник притаился, готовясь напасть на взломщика из засады, как только тот повернется спиной. Конан хищно усмехнулся, вытащил из-за пояса нож и скользнул к своему будущему противнику. Однако тот не пошевелился, как будто и не заметил варвара. Опасаясь какой-нибудь особо изощренной хитрости, Конан стал подкрадываться к человеку, выверяя каждое свое движение. Но тот никак не реагировал. Наконец, подойдя вплотную, Конан присел на корточки и потыкал в человека острием ножа. Тот не двигался. Нож как будто упирался в камень. Конан осмелел и коснулся рукой лба стражника. Лоб был холоден, как лед.

— Статуя,— пробормотал киммериец.— Но до чего же похожа на настоящего человека! Это она специально такое сюда поставила, что ли, чтобы воров пугать? Так настоящего вора не запугаешь!

Однако в этой «персоне» было нечто такое, от чего у Конана мороз по коже пошел. Что-то в глубине его дикой души подсказывало: перед ним НЕ СТАТУЯ.

— Покойник? — вслух предположил Конан.— Да нет, какие глупости. Если это был мертвец, нож вошел бы в плоть. Статуя, конечно же, статуя.

И тут «персона» повела глазами. Глаза были живые, и варвар увидел в них удивление и тоску. Как будто это Нечто не понимало, что с ним происходит, и страшно скучало, обнаружив себя в одиночестве и неподвижности здесь, в висячем саду возле фонтана.

Конан глухо вскрикнул и отскочил.

— Кто ты? — прошептал он, с трудом взяв себя в руки.— Если ты демон, то имей в виду: и на демона найдется холодная сталь!

Но «персона» безмолвствовала. Вскоре Конан пришел к выводу, что перед ним нечто странное, но достаточно безобидное и не способное причинить ему, Конану, ощу-

тимый вред. Самое большее, на что ее хватало, это страдальчески водить глазами. Ну, от этого еще никто не умирал, подумал киммериец и приступил к поискам ларца.

Он обшарил несколько кадушек, безжалостно выворотив оттуда пальмы, а потом взгляд его упал на маленькую деревянную пагоду, очень похожую на ту, что недавно расписывал ему Ючэн. Видимо, ее поставили здесь для того, чтобы, не выходя из дома, Зюэ могла чувствовать себя в далеких джунглях Кхитаи. Плоские, точно нанизанные одна на другую крыши были раскрашены золотой и алой краской. Должно быть, при солнечном свете они ослепительно блестят.

Конан потянул за крышу и легко снял ее. Ларец. Он запустил туда руку и почти мгновенно нащупал что-то узкое и твердое. Вытащив предмет под яркий лунный свет, киммериец увидел чудесный блеск алмазов. Пояс из белого золота в виде двух тесно сплетающихся змей. Там, где головы рептилий сближались, сверкал большой алмаз, который змеи держали в зубах с двух сторон.

На миг Конану вспомнилась диадема. Не ее ли имел в виду кхитаец, когда говорил о том, что почти все похищенные вещи уже возвращены богине? Но Конан тут же покачал головой. Диадема находится у Семирамис, а подруга киммерийца была не такой женщиной, которая выпустит из рук подобную драгоценность. Вряд ли хрупкому на вид Ючэну удалось бы отобрать у Семирамис ее добычу, если даже такому могучему гиганту, как Конан, это подчас бывает не под силу. Вероятно, сходство объясняется просто тем, что вещи сделаны в одной и той же стране. Может быть, даже одним и тем же мастером, вот и все.

Конан тряхнул головой, отбрасывая с лица гриву черных густых волос. Не все ли ему равно! Сейчас нужно думать о том, как получить с Ючэна деньги за сделанную работу, а остальное его не касается.

Сунув пояс в мешок и накрыв пагоду крышей, киммериец неспешной походкой двинулся к балюстраде, чтобы спуститься по стене в том месте, откуда начал свое восхождение.

Аршак открыл глаза. Поначалу ему казалось, что вокруг царит непроглядный мрак, но постепенно тьма начала рассеиваться. Наконец он различил рядом с собой странно знакомое лицо с узкими глазами. Он хотел пошевелиться и тут же вспомнил: в саду, когда рассвирепевшая Зюэ мча-

лась к нему, заранее растопырив когти, кто-то подошел сзади, напустил ледяного холода, после чего он не смог больше двинуть ни рукой, ни ногой, точно провалился в мертвенное оцепенение.

Как будто угадав его мысли, незнакомец прошелестел:

— Ты свободен от чар и можешь шевелиться. Попробуй.

Аршак ощутил приступ страха. Он опасался, что навсегда останется неподвижным, как бревно, и боялся теперь даже попробовать согнуть палец.

И снова узкоглазый прочитал его мысли.

— Не бойся, — сказал он мягко, — говорю тебе, я снял чары. Ты проверь свою свободу, ты попробуй. Страх — это нормально, у всех после этого страха. Он проходит.

Аршак внезапно ощутил доверие к этому непонятному человеку, который, вне всякого сомнения, зачем-то заколдовал его, а теперь по столь же далекой от понимания причине снял свои чары. Бывший гвардеец согнул в коленях ноги и по-детски обрадовался тому, что мышцы подчинились. Повозившись немного, он сел и протер глаза.

Была ночь. Над головами у них шелестели деревья, и по этому звуку и пряному запаху листвы Аршак определил, где они находятся: в небольшом саду напротив дворца градоправителя. Не слишком удачное место, подумал Аршак, однако говорить ничего не стал.

Маленький кхитаец внимательно наблюдал за ним. Потом спросил, дружелюбно улыбаясь:

— Ты Аршак, ты говорил это имя Конану.

— Правда, — Аршак удивлялся все больше и больше. — Разве ты был в той харчевне у Абулетеса, когда Бахтияр пытался арестовать похитителя диадемы?

— О да, да, — отозвался кхитаец, кивая. — Я был.

— Кто ты такой? — Аршак чувствовал, что теперь окончательно сбит с толку. Кхитаец ответил с таким видом, будто одно только его имя должно все объяснить.

— Я Ючэн, — сказал он, — я жрец богини Шан.

— Я не знаю такой богини.

— Это богиня моего народа. Далеко, в джунглях.

— Пресветлый Митра! Что же ты делаешь, в таком случае, в этом проклятом богами городе? Я думал, кроме воров, торговцев и взбесившихся от скуки, обжорства и разврата вельмож, тут никого не водится.

— Я пришел сюда за украденным у моей богини, — пояснил Ючэн.

— Хорошо, но при чем тут я? — Аршак слушал, широко раскрыв глаза. Он почти ничего не понимал из того, что говорил ему кхитаец.

— Мне нужен слуга, — без обиняков заявил Ючэн. — Ты лучше пойдешь со мной. Если ты поможешь Шан, мой народ даст тебе много-много хорошего. Деньги, красивые шелка. Будешь хорошо жить.

— Я не понимаю, — признался Аршак. — Почему, в таком случае, ты выбрал меня?

— У меня нет времени долго-долго выбирать. Ты честный и годишься в слуги. Конан тоже честный, но в слуги не годится. Другие нечестные. Я понятно говорю?

— Полное. И что, в таком случае, я должен буду делать?

— Охранять меня. Не надо воевать. Если кто-нибудь приблизится, злой, а я сплю — ты будишь меня. Кричишь: «Ючэн, вставай!» Этого довольно. И еще надо нести статую.

Ючэн жестом указал на темный продолговатый предмет, скрытый под покрывалом. Видимо, это и была статуя.

— Я скульптор, — сказал Ючэн. — Я сделаю новое тело для богини Шан. Она будет смеяться, и у нас выпадет разноцветная роса. Будет красиво. Она обрадуется. Люди тоже обрадуются.

Аршак боязливо покосился на статую, лежащую на земле. Она подозрительно напоминала обыкновенный труп. Наконец он решился.

— Можно посмотреть?

— Конечно, конечно. — Казалось, Ючэна даже позабыла эта просьба. Он с готовностью снял покрывало, и в лунном свете перед Аршаком предстала фигура женщины, изваянная в полный рост. У нее были длинные волосы, уложенные кольцами надо лбом, большие миндалевидные глаза, изящных очертаний нос и крупный рот. Сложение женщины было достойно богини: пышная грудь и непомерно узкая талия. Чуть-чуть широковатыми казались бедра, но это искупала идеальная форма длинных ног. Статуя была покрыта тонким слоем позолоты, таким нежным, точно золотой порошок стряхивали с крыльев бабочки.

— Хороша, — прошептал Аршак. Он наклонился поближе, всматриваясь в ее лицо. — Только... Я как будто видел ее раньше.

— Да, да, конечно, ты видел. Все видели.

Аршак вскинул глаза на скульптора.

— Ты лепил ее с этой чертовки Зоэ! — воскликнул он в удивлении. — Неужели она согласилась позировать тебе? Не мог же ты ухватить ее черты после одной только встречи? Да и то ты наверняка мог видеть ее только в паланкине, лежа в грязи на обочине дороги, пока она проезжает ко дворцу градоправителя...

Кхитаец тихонько засмеялся.

— Я не лепил, — сказал он. — Это сама Зоэ.

Наступило молчание. Потом Аршак переспросил:

— Что значит «сама»? Так это не статуя?

— Это тело для богини. Ты помнишь, как я сделал тебя неподвижным?

Бывшего солдата дердернуло при одном только воспоминании.

— Пожалуйста, если ты не хочешь, чтобы я сбежал, не говори мне об этом. А то я буду тебя бояться.

— Нет, меня неправильно бояться. Я не злодей. Я не убиваю. Я скульптор. Я могу делать людей неподвижными. На время. Навсегда. Меня учили.

— Зачем же ты взял именно ее, Зоэ? Она такая скверная баба...

— Она больше не скверная баба. Зоэ была злая. Такая злая. Она не знала, что такое истина. Шан войдет в ее тело, озарит ее своим духом. Зоэ будет другая. Она увидит, что такое истина. Это правильно. Убить, наказать — было бы неправильно.

Аршак помолчал, осваиваясь с этой новой, непривычной для него философией.

— Возможно, ты и прав, — сказал он наконец и покосился на Зоэ. — И ты хочешь, чтобы я нес ее на себе?

— Да. Она тяжелая. Ты сильный. Я тоже сильный, но по-другому. Я не умею носить тяжелые статуи. Меня не учили. — Он поднял с земли плащ, снял кожаные ремни, петлями свисавшие с его широкого пояса с кистями, и принялся упаковывать превращенную в изваяние Зоэ. Бережно завернул ее в плащ, стянул ремни, сделал петли, чтобы можно было нести ее за плечами, как вязанку хвороста.

— Вот так не повредим, — сказал Ючэн удовлетворенно. — Попробуй, удобно ли тебе будет ее нести.

Аршак повиновался. Он плохо соображал, что происходит, — слишком много событий за такое короткое время.

К тому же у него кружилась голова и он очень хотел есть.

— Мы чего-то ждем? — спросил он у своего нового хозяина.

Тот покивал.

— Да, мы ждем того человека, Конана. Он должен мне принести одну вещь, за которой меня и отправили в Шадизар. Мы возьмем эту вещь, мы отнесем ее в джунгли.

Издалека донесся приглушенный удар гонга. Кхитаец поднял палец.

— Третья стража, — сказал он. — Я правильно понимаю эти звуки?

— Да, — кивнул Аршак. — Еще две стражи, и наступит утро. Ты хочешь выйти из города на рассвете?

— Лучше ночью.

— Ночью ворота закрыты. Мы сможем уйти только после того, как стражники поднимут решетки.

— Они поднимут решетки, потому что я их попрошу, — уверенно сказал Ючэн. — А теперь я хочу, чтобы ты ел. Ты голоден.

Аршак улыбнулся.

— Мне начинает нравиться эта служба, — сказал он. — Мой прежний начальник, покойный Бахтияр, никогда не обращал внимания на такие мелочи, как голод или жажда подчиненных.

— Как это говорят у вас, на Западе? — задумчиво проговорил Ючэн, роясь в своей шелковой торбочке, затянутой витым шнуром с кисточками. — О мертвых или хорошие слова, или никаких слов.

— А разве у вас, на Востоке, такого не говорят?

Ответ Ючэна заставил Аршака надолго замолчать.

— У нас, на Востоке, нет мертвых. Есть только реинкарнации. — Последнее слово он выговорил с особым старанием, стараясь произнести его правильно, без акцента, чтобы собеседник понял. — О вновь рожденных можно говорить все что вздумается, лишь бы справедливо.

Кхитаец вынул несколько пресных лепешек и крохотный сосудик, в котором что-то булькало.

— Это мало, но очень много сил дает. Сначала поесть, потом выпить. Потом спать. Я разбужу, когда будет пора.

Аршак повиновался. Он чувствовал, что подчиняться этому человеку будет легко и приятно. Ючэн знал, что говорил. Все, что делал маленький кхитаец, было исполнено

глубинного смысла, что было не всегда понятно с первого взгляда. Но в том, что такой смысл был, бывший гвардеец больше не сомневался.

Он действительно утолил голод одной маленькой лепешкой, после чего проглотил горькую маслянистую жидкость, заключенную в сосудике, разом напился и согрелся — и сам не заметил как заснул крепким зловонным сном.

Донесся еще один приглушенный удар гонга, и почти одновременно с тем, словно вырастая из-под земли, перед Ючэном возникла рослая темная фигура. Низкий голос прошептал, выговаривая слова со знакомым жестким акцентом:

— Ючэн, это ты?

— Конечно, — хихикнул кхитаец. Было заметно, что у него отличное настроение, хотя различить что-либо в узких глазах, почти полностью скрытых под тяжелыми веками, было почти невозможно. — Ты Конан, ты принес?

— Да. — Варвар покачал в руке мешочек, в котором явно лежало что-то увесистое. — Но сначала я хочу видеть мою плату. У тебя есть деньги, чтобы выкупить у меня пояса из белого золота?

— Есть, есть. — Кхитаец суетливо зарылся в свою торбочку. — Ты Конан, ты не сомневайся.

— И в заморанских монетах, не забудь, — уточнил Конан. — Я не хочу связываться с твоими серебряными квадратиками, которые то ли деньги, то ли просто мусор с рудника.

— Конечно, конечно. — Ючэн извлек наконец мешочек, тоже довольно тяжелый. — Зачем обманывать? Ты делаешь для меня что-то хорошее, я должен заплатить.

Конан бросил кхитайцу мешочек и, ворча, как голодный пес, схватил свою плату. Дернув завязки, он сунул нос в кожаный кошель, пощупал монеты, попробовал их на зуб.

— Вроде золото, — пробормотал он. — Если ты обманул меня, Ючэн, то берегись. Я найду тебя даже в джунглях. Человек ты или демон, из плоти и крови или из слоновой кости и дерева, я раскромсаю тебя на куски, ибо нет ничего крепче холодной стали!

— Но я не демон, — сказал кхитаец. — Я Ючэн, я жрец богини Шан. Больше ничего.

Конан хлопнул его по плечу с такой силой, что маленький жрец даже присел.

— Ладно, это я так, к слову. Прощевай, Ючэн. Надеюсь, твоя богиня будет довольна и по достоинству вознаградит тебя.

— Да, — вполне серьезно ответил Ючэн. — Шан будет смеяться, Шан захлопает в ладоши. Прощай, Конан.

Конан еще раз сжал худенькое плечо кхитайца, повернулся и широким шагом двинулся прочь. На ходу он размахивал руками, и Ючэн знал, что сейчас его рот растягивается в довольную улыбку. Кхитаец наклонился над своим спящим слугой.

— Аршак, вставай. Пора уходить. Самое время, пока Конан не встретился со своей женщиной. Нехорошо будет, когда Конан встретит свою женщину.

Ничего не поняв в этой, как показалось Аршаку, бессмысленной тираде, заморанец тем не менее встал и с помощью Ючэна взвалил на плечи свою ношу. Он с удивлением обнаружил, что нескольких минут сна ему вполне хватило для отдыха, и покосился на кхитайца с суеверным страхом. Колдун ему в хозяева достался, что ли?

И, как обычно, Ючэн прочитал несложные мысли своего слуги.

— Я не колдун, — сказал он. — Я жрец. Я ваятель. Больше ничего.

— В конце концов, ты совсем неплохой хозяин, — пробормотал Аршак. — А до остального мне и дела нет.

Вдвоем они направились к городским воротам. Чем ближе они подходили к закрытой на ночь тяжелой черной решетке, тем более молчаливым и задумчивым становился Ючэн. Наконец они остановились.

Городские стены уносились вверх зубцами и башнями. В ночной темноте они нависали над путниками, как глыбы древнего камня. В маленьком караульном помещении, где размещалась стража, горел слабый огонек. В узком окне то и дело мелькал чей-то горбоносый профиль.

— В карты режутся, — сказал Аршак. — А может, в кости. Ночная стража ужасно скучное дело. Сам, бывало, просиживал до утра. Иной раз последние штаны спустишь, лишь бы от скуки избавиться.

— Сейчас им будет интересно, — пообещал Ючэн. Он подошел поближе к окошку и стал смотреть долгим, неподвижным взглядом.

Ничего не происходило. Ючэн не превращался в ужасное чудовище, не вызывал монстров из ночного мрака, — вообще не делал ничего. Он только смотрел. Постепенно шум, доносящийся из караульного помещения, смолкал. Аршак ощутил, как до него медленно доползают волны почти непреодолимого ужаса, и задрожал.

Ючэн уловил это и мгновенным движением выбросил назад руку, словно желая его успокоить.

— Не бойся, — бросил он через плечо и снова сосредоточился на окне.

Прошло еще несколько секунд, и вдруг дверь распахнулась с такой силой, как будто ее вышиб ударом ноги разъяренный демон. Испуская пронзительные вопли, стражники бросились бежать кто куда.

Один из них кричал, не переставая:

— Змеи! Змеи!

Другой голосил:

— Крокодилы!

Проводив их глазами, Ючэн тихонько рассмеялся.

— Какие змеи? — сказал он лукаво. — Какие крокодилы? Откуда они знают, какие крокодилы? В Заморе этих тварей нет.

— Должно быть, рассказов наслушались, — ответил Аршак, у которого зуб на зуб от страха не попадал. — В гвардии есть ребята, которые побывали даже в Стигии, те каких только ужасов не рассказывают.

Ючэн внимательно посмотрел на него и тихонько коснулся его лба. Аршак ощутил, как страх уходит почти физически, как будто тонкие желтые пальцы Ючэна всосали в себя все дурные чувства и видения и выбросили их вон, точно стряхнули воду. Ючэн действительно взмахнул рукой, и с кончиков пальцев полетели разноцветные искры. Мгновение они плясали в черном воздухе, складываясь в жуткие картины, а потом рассеялись. Вместе с ними рассеялись и страхи.

— А тебе что привиделось? — спросил Ючэн.

Аршак густо покраснел.

— Сперва мой начальник, Бахтияр. Будто гонится за мной с палкой. А потом эта дурица Зоэ, с клыками и когтями, как тигрица.

— Неужели ты мог испугаться таких ничтожных людей? — с любопытством поинтересовался Ючэн.

Аршак покачал головой.

— Нет. Но от них... как бы сказать правильнее? От них разило могилкой. Они как будто пришли издалека. Из царства смерти.

— Глупости,— заявил Ючэн.— Вас, на Западе, так легко испугать. Вы боитесь того, чего не надо. Змей бояться не надо, они не нападают. Мертвых бояться не надо. Я научу тебя. Мертвых не бывает. А тело, откуда ушла душа, не бежит. Оно лежит и молчит, и земля поглощает его.

С этими словами маленький кхитаец прошествовал в караульное помещение и взялся за тяжелый ворот, которым обычно поднимают решетку. Для этого, как правило, требовалось человек пять дюжих молодцев. Аршак хотел было сказать Ючэну об этом, но прикусил язык: решетка закрипела и медленно поползла вверх. Ючэн крутил ворот двумя руками с довольно-таки большим усилием, но он делал это ОДИН!

— Проходи,— сказал он Аршаку с таким видом, будто не случилось ничего особенного.

Аршак повиновался. Он решительно отказывался понимать кхитайца. Откуда в хилом теле такая чудовищная сила? И в то же время, почему он не может нести на себе тяжесть? Ведь Зоз, в конце концов, не такая уж тяжелая. А превращенная в статую, она еще удобнее для транспортировки: не гнется, не брыкается.

Когда он спросил об этом Ючэна, ответ кхитайца ясности не внес.

— Я по-другому сильный,— сказал он и надолго погрузился в безмолвие.

Вскоре два путника уже шагали по старой дороге, ведущей на восток. Через несколько часов пути эта дорога выводит на большую караванную тропу, и Ючэн рассчитывал присоединиться к какому-нибудь большому каравану, который движется в сторону моря Вилайет и дальше, за Гирканские степи, к далекому, загадочному Кхитаю.

Ликуя, Конан ворвался в дом на окраине Шадизара, где обитала его возлюбленная Семирамис, и, еще не успев закрыть за собой двери, закричал, обращаясь в душную гемноту спальни:

— Семирамис! Семирамис! Это я, Конан! Смотри, сколько денег я украл сегодня вечером!

Ответа не последовало. Это слегка удивило Конана.

Он был уверен, что женщина никуда из дома не уходила. Они собирались провести вдвоем упоительный вечер и не менее упоительную ночь.

— Семирамис? — повторил он потише и, предчувствуя подвох или засаду, на всякий случай обнажил меч.

В доме было темно. Конан осторожно прошел несколько шагов, держась наготове. Всякую секунду он ждал нападения из сумрака. Остановился, пошарил вокруг руками, ощупал занавески, скрывающие вход в спальню Семирамис. Никого.

Он отвел занавески в сторону и нашел в углу масляную лампу.

Раздался тихий шорох, потом глухой стук и горловой стон. Конан замер, прижавшись спиной к стене. Что-то зашелестело по полу, как будто к киммерийцу подбиралась огромная змея. Одним прыжком Конан вскочил на табурет, держа в одной руке меч, в другой лампу. Шелестение стихло, и Конан счел, что получил передышку в неожиданной ночной схватке для того, чтобы можно было зажечь свет.

Через несколько секунд слабый огонек уже затеплился в лампе. Подняв ее повыше над головой, Конан осмотрелся в комнате.

Никакой змеи не было и в помине. Вместо чудовища, затаившегося во мраке, киммериец увидел, что на полу, возле табуретки, лежит его возлюбленная Семирамис, связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту. Видимо, пытаясь освободиться, она упала с постели, куда уложил ее неведомый злоумышленник, а потом покатила навстречу Конану.

— Кром! — Киммериец поспешно прыгнул с табурета, умудрившись при этом не выронить и не опрокинуть лампу. Глиняную плошку с плавающим в ней фитилем он осторожно поставил на табурет, после чего склонился над женщиной и начал пилить мечом веревки, стягивающие ее руки, стараясь не отрезать Семирамис заодно и пальцы. Это занятие требовало от киммерийца особой осторожности, поскольку в его задачу не входило увечить женщину. Когда она в нетерпении задергалась, он машинально стукнул ее по лбу рукоятью меча. Она снова затихла, и, поскольку больше не мешала варвару работать, он спокойно продолжил свое дело.

Наконец Семирамис была освобождена. Конан взял ее на руки, ласково погладил по лицу и поцеловал.

Она тут же распахнула яростные черные глаза.

— Негодяй! — вскричала она, как будто плюнула.

Конан от неожиданности выронил ее на пол. Падая, Семирамис гулко стукнулась головой. Конан уселся на табурет и стал ждать. Наконец с оханьем и стенаниями Семирамис поднялась на ноги и обтерла распухшие от кляпа губы.

— Так почему я негодяй? — спросил киммериец.

— Мерзавец! Мерзавец и есть! — ответствовала женщина. — С кем это ты водил дружбу последние дни?

— А с кем? — простодушно удивился варвар. — Помоему, я ни с кем дружбы не вожу. Да и не нужен мне никто, Семирамис. Я и сам неплохо справляюсь.

— А этот проклятый кхитаец, этот Ючэн или как там его? Обезьяна эта желтомордая!

— Ючэн попросил меня об одной услуге и неплохо за нее заплатил, если уж на то пошло. Думаю, завтра утром он покинет Шадизар. Так что слухи о нашей с ним дружбе несколько преувеличены, Семирамис. Да что с тобой?

Он заметил, что женщину буквально трясет от злобы.

— Что со мной? — вскричала она. — А то! То, что ты подарил мне эту проклятую диадему, а потом, как только почувал, что можешь получить от желтолицего хорошие денежки, навел его на мой след!

— Глупости! — Конан наконец рассердился. — То, что я подарил, то твое.

— Как бы не так! Диадема-то тью-тью!

В своей ярости Семирамис не знала удержу. Она сжала кулаки и несколько раз взмахнула ими перед носом Конана. Варвар недоуменно поднял брови. И вдруг до него дошло.

— Ты хочешь сказать, что диадемы больше нет? Ее украли?

— Вот именно! Святые небеса, наконец-то он понял! Украли, сперли, слямзили, свистнули — похитили, если хочешь! Какое из этих слов тебе знакомо, варвар?

— Все, — угрюмо сказал Конан. — Расскажи, как все было, Семирамис. Тебя связал похититель?

— Да, да! А ты что думал — насильник?

— Вот уж чего я не думал, — фыркнул Конан. — Если

мужчина вламывается к тебе с такой целью, ему вовсе не требуется тебя связывать.

— Вот именно. Словом, слушай. Поздний вечер. Я сижу одна дома и жду тебя, мой возлюбленный. Я расчесываю волосы, думая возложить на них диадему, чтобы ты мог любоваться мною. Диадема лежит рядом на столе, алмазы бросают яркие отблески...

— Я понял, — заметил Конан. — Дальше-то что было?

— Дальше... — Семирамис сделала страшные глаза. — Дверь тихо скрипнула. Сперва мне подумалось: ветер. Но вот острые иголки страха пронизали мое естество... То есть, я хочу сказать, что ужасно перепугалась. И вдруг из темноты соткалось кошмарное чудовище! Оно скалило клыки, испускало оштрашенное зловоние, оно тянулось ко мне своим раздвоенным языком, норовя поглотить. Я видела его синеватое небо... О, Конан, это было чудовищно, чудовищно! Я закричала. Оно бросилось ко мне, и меня окатило холодом. Потом я потеряла сознание.

Во время этого душераздирающего рассказа Конан мрачно созерцал свои сандалии, время от времени шевеля пальцами ног.

— Ну вот, — захлебываясь, продолжала Семирамис. — А когда я очнулась, я увидела, что диадема пропала! Я лежу, связанная, на своей постели. Хвала пресветлому Митре, этому злодею не пришло в голову меня изувечить. Я хотела закричать, позвать на помощь, но рот у меня был заткнут. И тут вернулся страх... Я увидела в воздухе плавающие разноцветные точки, и они сперва сложились в того монстра, а потом рассыпались и снова сблизились, но на этот раз на меня смотрело лицо кхитайца! И оно усмехалось, как будто хотело сказать: «Ничего страшного, Семирамис. Я забрал то, что принадлежит мне». — Семирамис замолчала, задумалась. — Ты знаешь, Конан, — добавила она, — может быть, я даже СЛЫШАЛА эти слова на самом деле.

— Словом, диадемы нет, и ты обвиняешь в этом кхитайца, — подытожил Конан. — Может быть, ты и права.

— Почему ты так думаешь? — Семирамис вцепилась в его руку.

— Потому что я только что украд по его поручению одну вещь, которая выглядела так, словно создавалась под пару диадеме. Ючэн утверждал, что она принадле-

жала богине Шан и что он пришел из своих диких джунглей специально ради этих безделушек. Он, видите ли, должен вернуть их в храм. Я думаю, пока я лазил во дворец Зоз и искал там пояс белого золота, Ючэн не терял времени даром и ограбил тебя.

— Может быть... Но зачем он поручил именно тебе забрать этот пояс? Он же мог найти любого другого вора...

Конан сверкнул на нее глазами.

— «Любой другой» мог бы и не справиться, дорогая, — сказал он заносчиво. — Все-таки здесь нужна определенная ловкость и сноровка. Я забирался по отвесной стене на крышу висячего сада... и вообще.

Семирамис покачала головой. Она уже почти оправилась от перенесенного кошмара и заговорила рассудительно и трезво:

— Мне кажется, причина в ином, Конан. Ючэну нужно было, чтобы ты находился не у меня дома, а где-нибудь в другом месте. Причем в таком месте, куда ты непременно пойдешь. А если ты и можешь на что-нибудь променять любовное свидание, так это на хорошую кражу.

— Верно, — пробормотал Конан, уязвленный. — Значит, этот маленький поганец рассчитал все безошибочно. Пока я обворовывал Зоз, сам он потрудился здесь, обворовывая меня.

— Обворовывая МЕНЯ, — поправила Семирамис.

— Неважно, — отмахнулся Конан, не замечая, что на лице Семирамис проступило странное выражение, словно она хотела возразить: «Очень даже важно». — В конце концов, он заплатил мне за пояс. Довольно много золота. Тем более что сегодня утром на базаре...

Он хотел было сказать, что его обокрали, но вовремя остановился и прикусил язык. Незачем этой насмешливой женщине знать еще и об этой его неудаче.

Но Семирамис пристально следила за ним.

— Так что было сегодня утром на базаре?

— Я пропил почти все деньги.

— И одарил каким-нибудь баснословным подарком какую-нибудь дешевую девуку? — ревниво спросила Семирамис.

— Да нет же, — отрекся Конан. — Просто так вышло. Клянусь, я люблю только тебя, Семирамис. Я подарю тебе другую диадему. Если хочешь, подождем, пока гра-

доправитель одарит свою любовницу, и я снова обкраду эта потаскуху Зоз.

— Хочу! — просветлела Семирамис и умчалась на кухню, чтобы приготовить своему возлюбленному ужин. Голова у нее болеть перестала, Конан опять был при деньгах — почему бы не полюбить молодого киммерийца? Семирамис всегда ощущала к этому юноше вполне искреннее расположение, перерастающее в пылкую страсть всякий раз, как он обзаводился толстым кошельком.

И вдруг дикий рев ее возлюбленного заставил Семирамис выронить столовый нож и в спешке примчаться в комнату.

— Кром!! — воззвал варвар к своему дикому божеству, после чего, без паузы, начал изрыгать ругательства на всех известных ему языках. Поскольку ругательства были обычно первыми словами, которые киммериец усваивал, оказавшись в новой для себя стране, то знал он их изрядное количество. Золотые монеты были рассыпаны по полу у ног Конана, как будто они обожгли ему пальцы и он выронил их.

— В чем дело, дорогой? — осведомилась Семирамис, уяснив, что ни змеи, ни крокодилы не заползли ненароком в ее уютный домик и что возлюбленный цел и невредим, а если и повредился слегка рассудком, то хуже от этого не стал. Женщина наклонилась и подняла золотой. — Что-то не так с этими деньгами?

Умело она прикусила золотой, потом принялась рассматривать его и так и этак.

— По-моему, это хорошие старинные монеты, — сказала она наконец. — Я видела такие как-то раз. Да ты мне и показывал. Помнишь, когда обворовал меняльную лавочку? Эти деньги намного дороже новых, потому что в них меньше медных примесей.

Конан дико посмотрел на нее.

— Это и есть те самые монеты, — сказал он.

Семирамис не поняла.

— Что?

— Это ТЕ САМЫЕ деньги, которые я спер из меняльной лавочки! — заорал Конан. — Я убью этого проклятого кхитайца! Он обворовал меня! Это он вспорол мой кошелек там, на базаре! А сам еще сочувствовал, желтая морда, кивал, языком цокал! Пирожком угостил! Зенки свои косые шурил с хитрецей, а я-то и не понял!

Слушая этот бессвязный монолог, Семирамис раскрыла рот от изумления.

— Ты хочешь сказать... что утром на базаре тебя ОБВОРОВАЛИ?

Конан побагровел.

— Ну да,— нехотя сознался он.— Какая-то чертовски ловкая бестия разрежала мой кошелёк и вытащила оттуда все деньги, пока я...— Он криво улыбнулся, вспомнив свой разговор с кхитайцем.— Пока я хлопал ушами не хуже слона.

Он подумал еще немного, потом наклонился и принялся собирать деньги с пола, складывая их в мешочек.

— Ты мог бы разыскать этого кхитайца и встрясти из него все, что он украл у тебя... и у меня,— сказала Семирамис.

— Думаю, Ючэна уже нет в Шадизаре,— сказал Конан.— Я почти уверен, что он смылся, как только получил пояс богини Шан.

— Но как? Ворота-то закрыты!

— Не знаю. Прошел сквозь стену или еще что-нибудь учудил. Он говорит, что не колдун, только жрец. Но в чем разница между жрецом и колдуном? — Конан пожал плечами.— Это не по моей части. В том, что Ючэн умеет творить чудеса, я не сомневаюсь.

— Значит, все пропало! — сказала Семирамис с отчаянием. Ей было очень жаль расставаться с диадемой.

Конан неожиданно рассмеялся и рывком затянул тесемки своего кожаного кошелька.

— В конце концов,— сказал он,— если Ючэна в городе больше нет, значит, я по-прежнему самый ловкий вор в Шадизаре!

КИНЖАЛЫ ДЖЕЗМА

1. Клинки во тьме

Гигант-киммериец насторожился: из затененного дверного проема послышались быстрые осторожные шаги. Конан повернулся и в темноте арки увидел неясную высокую фигуру. Человек рванулся вперед. В неверном свете киммериец успел разглядеть бородатое, искаженное яростью лицо. В занесенной руке блеснула сталь. Конан увернулся, и нож, распоров плащ, скользнул по легкой кольчуге. Прежде чем убийца вновь обрел равновесие, Конан перехватил его за руку, вывернул ее за спину и железным кулаком нанес сокрушительный удар по шее врага. Без единого звука человек рухнул на землю.

Какое-то время Конан стоял над распростертым телом, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. За углом впереди он уловил легкий стук сандалий, едва различимое позвякивание стали. Эти звуки ясно давали понять, что ночные улицы Аншана — прямая дорога к смерти. В нерешительности он до половины вытащил меч из ножен, но, пожалв плечами, заспешил обратно, держась подальше от черных арочных провалов, глядящих на него пустыми глазницами по обеим сторонам улицы.

Он свернул на улицу пошире и несколько мгновений спустя уже стучался в дверь, над которой горел розовый фонарь. Дверь тут же отворилась. Конан шагнул вовнутрь, отрывисто бросив:

— Закрой, быстро!

Огромный шемит, встретивший киммерийца, навесил тяжелый засов и, не переставая накручивать на пальцы

колечки иссиня-черной бороды, пристально посмотрел на своего начальника.

— У тебя рубашка в крови! — пробурчал он.

— Меня чуть не зарезали, — ответил Конан. — С убийцей я разделался, но в засаде поджидали его дружки.

Глаза шемита сверкнули, мускулистая волосатая рука легла на рукоятку трехфутового ильбарского кинжала.

— Может быть, сделаем вылазку и перережем этих собак? — дрожащим от ярости голосом предложил шемит.

Конан покачал головой. Это был огромного роста воин, настоящий гигант, но, несмотря на мощь, движения его были легки, как у кошки. Широкая грудь, бычья шея и квадратные плечи говорили о силе и выносливости варвара-дикаря.

— Есть дела поважнее, — сказал он. — Это враги Балаша. Они уже знают, что этим вечером я поцапался с царем.

— Да ну! — воскликнул шемит. — Вот уже действительно черная весть. И что же сказал тебе царь?

Конан взял флягу с вином и в несколько глотков осушил ее чуть ли не наполовину.

— А, Кобад-шах помешался на подозрительности, — презрительно бросил он. — Так вот сейчас очередь нашего друга Балаша. Недруги вождя настроили против него царя, да только Балаш заупрямился. Он не спешит с повинной, потому что, говорят, Кобад замыслил насадить его голову на пику. Так что Кобад приказал мне с козаками отправиться в Ильбарские горы и доставить ему Балаша — по возможности целиком, и в любом случае — голову.

— Ну?

— Я отказался.

— Отказался?! — У шемита перехватило дух.

— Конечно! За кого ты меня принимаешь? Я рассказал Кобад-шаху, как Балаш со своим племенем уберег нас от верной гибели, когда мы плутали в разгар зимы в Ильбарских горах. Мы тогда шли к югу от моря Вилайет, помнишь? И если бы не Балаш, нас наверняка перебили бы племена горцев. Но этот кретин Кобад даже не дослушал. Он принялся орать о своем божественном праве, об оскорблении его царского величия презренным варваром и много там еще чего. Клянусь, еще минута — и я запихнул бы его императорский тюрбан ему в глотку!

— Надеюсь, у тебя хватило ума не трогать царя?

— Хватило, не трясись ты. Хотя я и сгорал от желания проучить его. Великий Кром! Убей, не пойму: как это вы, цивилизованные люди, можете ползать на брюхе перед меднолобым ослом, который волей слепого случая нацепил на голову золотую побрякушку и, взгромоздившись на стул с бриллиантами, мнит из себя невесть что!

— Да потому что этот осел, как ты изволил выразиться, одним движением пальца может содрать с нас кожу или посадить на кол. И сейчас, чтобы избежать царского гнева, нам придется бежать из Иранистана.

Конан допил из фляги вино и облизнул губы.

— Я думаю, это лишнее. Кобад-шах перебесится и угомонится. Должен ведь он понимать, что сейчас его армия уже не та, что была во времена расцвета империи. Сейчас его ударная сила — легкая кавалерия, то есть мы. Но все равно опала с Балаша не снята. Меня так и подмывает бросить все и умчаться на север — предупредить его об опасности.

— Неужто поедешь один?

— Почему бы и нет? Тыпустишь слух, будто я отсыпалюсь после очередного запоя. На все хватит нескольких дней, а потом...

Легкий стук в дверь оборвал Конана на полуслове. Киммериец бросил быстрый взгляд на шемита и, шагнув к двери, прорычал:

— Кто там еще?

— Это я, Нанайя, — ответил женский голос.

Конан посмотрел на своего товарища.

— Что за Нанайя? Ты не знаешь, Тубал?

— Нет. А вдруг это их уловка?

— Впустите меня! — вновь послышался жалобный голос.

— Сейчас увидим, — тихо, но решительно сказал Конан, и глаза его блеснули. Он вытащил из ножен меч и положил руку на засов. Тубал, вооружившись кинжалом, встал по другую сторону двери.

Резким движением Конан выдернул засов и распахнул дверь. Через порог шагнула женщина в наброшенной вуали, но тут же, слабо вскрикнув при виде сверкающих в мускулистых руках клинков, подалась назад.

В быстром, как молния, выпаде Конан повернул оружие — и острие меча коснулось спины неожиданной гостьи.

— Входите, госпожа,— пробурчал Конан на гирканианском с ужасным варварским акцентом.

Женщина шагнула вперед. Конан захлопнул дверь и наложил засов.

— Ты одна?

— Д-да. Совсем одна...

Конан стремительно выбросил вперед руку и сорвал с лица вошедшей вуаль. Перед ним стояла девушка — высокая, гибкая, смуглая. Черные волосы и изящные, точечные черты завораживали глаз.

— Итак, Нанайя, что все это значит?

— Я наложница из царского сераля...— начала она.

Тубал присвистнул:

— Только этого нам не хватало!

— Дальше,— приказал Конан.

Девушка вновь заговорила:

— Я часто наблюдала за тобой сквозь узорную решетку, что за царским тронем, когда вы с Кобад-шахом совещались наедине. Царю доставляет удовольствие, когда его женщины видят своего повелителя, занятого государственными делами. Обычно при решении важных вопросов нас в галерею не пускают, но этим вечером евнух Хатрита напился пьян и забыл запереть дверь, ведущую из женской половины на галерею. Я прокралась туда и подслушала ваш разговор с шахом. Ты говорил очень резко.

Когда ты ушел, Кобад прямо кипел от ярости. Он вызвал Хакамани, начальника тайной службы, и приказал тому, не поднимая шума, тебя прикончить. Хакамани должен был проследить, чтобы все выглядело как обыкновенный несчастный случай.

— Вот я доберусь до Хакамани, тоже устрою ему какой-нибудь несчастный случай.— Конан скрипнул зубами.— Но к чему все эти церемонии? Кобад проявляет не больше щепетильности, чем прочие монархи, когда тем приходит охота укоротить на голову неугодного подданного.

— Да потому что он хочет оставить у себя твоих козаков, а если те прознают об убийстве, то непременно взбунтуются и уйдут.

— Ну допустим. А почему ты решила меня предупредить?

Большие темные глаза окинули его томным взглядом.

— В гареме я погибаю от скуки. Там сотни женщин,

и у царя до сих пор не нашлось для меня времени. С самого первого дня, едва увидев тебя сквозь решетку, я восхищаюсь тобой. Я хочу, чтобы ты взял меня с собой,— нет ничего хуже бесконечной, однообразной жизни сераля с его вечными интригами и сплетнями. Я дочь Куджала, правителя Гвадира. Мужчины нашего племени — рыбаки и мореходы. Наш народ живет далеко к югу отсюда, на Жемчужных островах. На родине у меня был свой корабль. Я водила его сквозь ураганы и ликовала, победив стихию, а здешняя праздная жизнь в золотой клетке сводит меня с ума.

— Как ты очутилась на свободе?

— Обычное дело: веревка и неохраняемое окно с выставленной решеткой. Но это не важно. Ты... ты возьмешь меня с собой?

— Скажи ей — пусть возвращается в сераль,— тихо посоветовал Тубал на смеси запорожского и гирканианского с примесью еще полудюжины языков.— А еще лучше — полоснуть ей по горлу и закопать в саду. Так царь нас, может, и не станет преследовать, но ни за что не отступится, если прихватит трофей из его гарема. Как только до него дойдет, что ты удрал с наложницей, он перевернет в Иранистане каждый камень и не успокоится, пока тебя не отыщет.

Как видно, девушка не знала этого наречия, но злое, угрожающий тон не оставлял сомнений. Она задрожала.

Конан оскалил зубы в волчьей усмешке.

— Как раз наоборот,— сказал он.— У меня аж кишки разболелись от мысли, что придется удирать из страны, поджав хвост. Но с таким заманчивым трофеем — это же меняет дело! И раз уж бегства не избежать...— Он повернулся к Нанайе: — Надеюсь, ты понимаешь, что ехать придется быстро, не по мощеной улице и не в том благопристойном обществе, которое тебя окружало.

— Понимаю.

— А кроме того...— он сузил глаза,— я буду требовать беспрекословного повиновения.

— Конечно.

— Хорошо. Тубал, поднимай наших псов. Выступаем сразу, как соберем вещи и оседлаем лошадей.

Неясно бормоча что-то насчет недоброго предчувствия, шемит направился во внутреннюю комнату. Там он потряс за плечо человека, спавшего на груде ковров.

— Просыпайся, воровское семя! — ворчал он. — Мы едем на север.

Гаттус, гибкий темнокожий заморанец, с трудом разлепил веки и, широко зевая, сел.

— Куда опять?

— В Кушаф, что в Ильбарских горах, где мы провели зиму и где волки Балаша наверняка пережуют нам глотки!

Гаттус, ухмыляясь, поднялся:

— Ты не питаешь нежных чувств к кушафи, зато Конан с ними прекрасно ладит.

Тубал сдвинул брови и, ничего не ответив, с гордо поднятой головой вышел через дверь, ведущую в пристройку. Скоро оттуда послышались проклятия и пофыркивание разбуженных людей.

Минуло два часа. Внезапно неясные фигуры, наблюдавшие за постоянным двором снаружи, подались глубже в тень, ворота распахнулись, и три сотни Вольных Братьев верхами, по двое в ряд, выехали на улицу — каждый вел в поводу вьючного мула и запасную лошадь. Люди всевозможных племен, они были остатками той разгульной вольницы, что промышляла разбоем среди степей у моря Вилайет. После того как царь Турана Ездигерд, собрав мощный кулак, в тяжелой битве, длившейся от восхода до заката, одолел сообщество изгоев, они во главе с Конаном ушли на юг. В лохмотьях, умирающие с голоду, воины сумели добраться до Аншана. Но сейчас, облаченные в шелковые, ярких красок шаровары, в заостренных шлемах искуснейших мастеров Иранистана, увешанные с головы до пят оружием, люди Конана являли собой весьма пеструю картину, говорившую скорее об отсутствии чувств меры, чем о богатстве.

А тем временем во дворце царь Иранистана, сидя на троне, размышлял о серьезных вещах. Подозрительность до того источила его душу, что ему повсюду мерещился заговор. До вчерашнего дня он возлагал надежды на поддержку Конана с его отрядом безжалостных наемников. Дикарю с севера заметно не хватало придворной учтивости и манер, но он, несомненно, оставался верен своему варварскому кодексу чести. И вот этот варвар открыто отказывается выполнить приказ Кобад-шаха — схватить изменника Балаша и...

Царь бросил случайный взгляд на гобелен, скрывающий альков, и рассеянно подумал, что вот, должно быть, опять поднимается сквозняк, потому что занавес слегка колыхнулся. Затем посмотрел на забранное позолоченной решеткой окно — и весь похолодел! Легкие шторы на нем висели неподвижно. Но он же ясно видел, как шевельнулся занавес!

Несмотря на невысокий рост и склонность к полноте, Кобад-шаху нельзя было отказать в мужестве. Не медля ни секунды, он подскочил к алькову и, вцепившись в гобелен обеими руками, откинул в стороны занавес. В черной руке блеснуло лезвие, и убийца ударил кинжалом в грудь царя. Дикий вопль прокатился по покоям дворца. Царь повалился на пол, увлекая за собой убийцу. Человек закричал, подобно дикому зверю, в его расширенных зрачках сверкнул огонь: лезвие только скользнуло по груди, открыв спрятанную под одеждой кольчугу.

Громкий крик ответил на призывы повелителя о помощи. В коридоре послышались быстро приближающиеся шаги. Одной рукой царь схватил убийцу за руку, другой — за горло. Но напрягшиеся мускулы нападавшего были тверже узлов стального троса. Пока убийца и его жертва, крепко сцепившись, катались по полу, кинжал, вторично отскочив от кольчуги, поразил короля в ладонь, в бедро и в руку. Под сталь свирепым натиском отпор Кобад-шаха начал ослабевать. Тогда убийца, схватив царя за горло, занес кинжал для последнего удара, но в этот миг, подобно разряду молнии, что-то блеснуло в свете ламп, железные пальцы на горле разжались, и огромный чернокожий, с раскроенным до зубов черепом, рухнул на мозаичный пол.

— Ваше величество! — Над Кобад-шахом высилась массивная фигура Готарзы, капитана королевской гвардии, его лицо под длинной черной бородой было смертельно-бледным. Пока повелитель располагался на диване, Готарза рвал на полосы занавески, чтобы перевязать раны Кобад-шаха.

— Смотри! — вдруг еле слышно произнес царь, вытянув вперед дрожащую руку. — Кинжал! Великий Асур! Что это?!

Кинжал лежал возле руки мертвеца, клинок блестел, точно в лучах солнца, — необычное оружие, с волнистым лезвием, по форме напоминавшим огненный язык. Готарза всмотрелся — и выругался, пораженный.

— Огненный кинжал! — выдохнул Кобад-шах. — Та-кими же убили владык Турана и Вендии!

— Знак Невидимых! — прошептал Готарза, с тревогой вглядываясь в зловещий символ древнего культа.

Дворец быстро наполнялся шумом. По коридору бежали рабы и слуги, громко спрашивая друг у друга, что случилось.

— Закрой дверь! — приказал царь. — Пошли за дворцовым управляющим, больше никого не впускай!

— Но, ваше величество, вам нужен лекарь, — попробовал возразить капитан. — Раны не опасны, но, возможно, кинжал отравлен.

— Не сейчас — после. Интересно... Кем бы он ни был, ясно одно: его подослали мои враги. Великий Асура! Значит, джезмиты приговорили меня к смерти! — Ужасное открытие поколебало мужество властителя. — Кто охраняет меня от змеи в постели, ножа предателя или яда в кубке вина? Правда, есть еще этот варвар Конан, но даже ему, после того как он посмел перечить, даже ему я не могу доверить свою жизнь... Готарза, пришел управляющий? Пусть войдет. — Показался тучный человечек. — Ну, Бардийя, — обратился к нему царь. — Какие новости?

— О ваше величество, что здесь случилось? Смею надеяться...

— Сейчас не важно, что случилось со мной, Бардийя. По глазам вижу — ты что-то знаешь. Итак?

— Козаки во главе с Конаном покинули город. Страже Северных ворот Конан сказал, что отряд выступает по вашему приказу, чтобы схватить изменника Балаша.

— Хорошо. Как видно, варвар раскаялся в своей наглости и хочет загладить вину. Дальше.

— Хакамани хотел схватить Конана на улице, по пути к дому, но тот, убив его человека, бежал.

— Тоже неплохо. Отзови Хакамани до тех пор, пока все окончательно не прояснится. Еще что-нибудь?

— Одна из женщин серала — Нанайя, дочь Куджала, сегодня ночью бежала из дворца. Найдена веревка, по которой она спустилась из окна.

Кобад-шах исторг из груди дикое рычание.

— Наверняка она сбежала с этим подонком Конаном! Слишком много совпадений! И, должно быть, он как-то связан с Невидимыми. Иначе почему мне подослали джезмита сразу после ссоры с киммерийцем? Скорее всего,

он же и подослал. Готарза, подними королевскую гвардию и скачи за козаками. Принеси мне голову Конана, иначе заплатишься своей! Возьми по меньшей мере пятьсот воинов. С наскока варваров не одолеть: в бою они свирепы и отлично владеют любым оружием.

Готарза поспешил исполнить приказание, а царь, повернувшись к управляющему, сказал:

— А сейчас, Бардийя, принеси пиявок. Готарза прав: похоже, клинок был отравлен.

После бегства из Аншана прошло три дня. Скрестив ноги, Конан сидел на земле в том месте, где тропа, замысловатой петлей переплетаясь через горный кряж, выходила к склону, у подножия которого раскинулось селение Кушаф.

— Я встану между тобой и смертью, — говорил варвар человеку, сидящему напротив, — так же, как это сделал ты, когда твои горные волки едва нас не перерезали.

Его собеседник в раздумье подергал бороду в бурых пятнах. В его могучих плечах и мощной груди угадывалась исполинская сила, волосы, местами тронутые сединой, говорили о жизненном опыте. Общую картину дополнял широкий пояс, ошетилившийся рукоятками кинжалов и коротких мечей. Это был сам Балаш, вождь местного племени и правитель Кушафа, а также прилегающих к нему деревень. Несмотря на столь высокое положение, его речь звучала просто и сдержанно.

— Боги покровительствуют тебе! И все же никто не избегнет поворота, за которым ему уготована смерть.

— За свою жизнь надо или драться, или спастись бегством. Человек не яблоко, чтобы спокойно ждать, пока кто-то не сорвет его и не съест. Если думаешь, что еще можно поладить с царем, отправляйся в Аншан.

— У меня слишком много врагов при дворе. Они вылили в уши повелителя бочки лжи, и тот не станет меня слушать. Меня просто повесят в железной клетке на съедение коршунам. Нет, я не пойду в Аншан.

— Тогда ищи для племени другие земли. В здешних горах хватает закоулков, куда не добратся даже царю.

Балаш бросил взгляд вниз, на селение, окруженное стеной из камня и глины, с башнями через равные промежутки. Его тонкие ноздри расширились, глаза зажглись темным пламенем, как у орла над гнездом с орленком.

— Клянусь Асурой, нет! Мой народ живет здесь со времен Барама. Пусть царь правит у себя в Аншане, здесь повелитель — я!

— Кобад-шах с таким же успехом может править и Кушафом, — проворчал сидящий на корточках за спиной Конана Тубал. Гаттус сидел слева.

Балаш перевел взгляд на восток, где уходящая тропа терялась между скал. На их вершинах ветер рвал куски белой ткани — одежду лучников, день и ночь стерегуших проход в горах.

— Пусть приходит, — сказал Балаш. — Мы перекроем горные тропы.

— Он приведет с собой десять тысяч тяжеловооруженных воинов с катапультами и осадными машинами, — возразил Конан. — Он дотла сожжет Кушаф и увезет в Аншан твою голову.

— Пусть будет что будет, — ответил Балаш.

Конан с трудом подавил волну гнева, вызванную тупым фатализмом этого человека. Все инстинкты деятельной природы киммерийца восставали против философии пассивного ожидания. Но поскольку он с отрядом оказался в западне, пришлось смолчать. Он лишь не мигая смотрел на запад, где над пиками висело солнце — огненный шар на ярко-синем небе.

Указав на селение, Балаш перевел разговор на другую тему:

— Конан, я хочу тебе кое-что показать. В той полуразвалившейся хижине снаружи стены лежит мертвец. Таких людей в Кушафе никогда прежде не видели. Даже после смерти в этом теле есть что-то таинственное, злое. Мне даже кажется, что это не человек вовсе, а демон. Идем.

Он запягал вниз по тропе, рассказывая на ходу:

— Мои воины наткнулись на него, лежащего у подножия скалы. Было похоже, что он или упал с вершины, или его оттуда сбросили. Я приказал перенести его в селение, но по пути он умер. В забытии все пытался что-то сказать, но его наречие нам незнакомо. Воины решили, что это демон, и, полагаю, тому есть причины.

На расстоянии дневного перехода к югу в горах, таких бесплодных и неприступных, что в них не прижился и горный козел, лежит страна, которую мы зовем Друджистан.

— Друджистан! — эхом отозвался Конан. — Страна демонов!

— Да. Там, среди скал и ущелий, таится Зло. Осторожный обходит эти горы стороной. Местность кажется безжизненной, но кто-то там все-таки обитает — люди или духи, не знаю. Иногда на тропах находят тела убитых путников, случается, во время переходов пропадают женщины и дети — это все работа демонов. Не однажды, заметив неясную тень, мы бросались в погоню, но каждый раз путь преграждали отвесные гладкие скалы, сквозь которые под силу пройти только порождениям ада. Иногда эхо доносит до нас бой барабанов или громоподобное рычание. От этих звуков сердца храбрейших из мужчин обращаются в лед. В моем народе живет старая легенда, которая гласит, что тысячи лет назад повелитель упырей Урра построил в тех горах волшебный город под названием Джанайдар и что призраки Урры и его подданных до сих пор обитают среди городских развалин. По другой же легенде, тысячу лет назад вождь ильбарских горцев повелел отстроить город заново, чтобы превратить его в свою крепость. Работы шли уже полным ходом, но в одну ночь и вождь, и его подданные исчезли, и с тех пор никто их больше не видел...

Тем временем они подошли к хижине. Балаш распахнул покосившуюся дверь, и через минуту все четверо, наклонившись, разглядывали распростертое на грязном полу тело.

Внешность покойного и впрямь была необычной, а потому настораживающей, — внешность чужака. Коренастая фигура с широким плоским лицом и узкими раскосыми глазами, кожа цвета темной меди — все указывало на выходца из Кхитая.

Жесткие, в запекшейся крови черные волосы на затылке и неестественно вывернутые конечности указывали на множество переломов.

— Ну, разве он не похож на порождение Зла? — спросил Балаш.

— Это не демон, — ответил Конан, — хотя при жизни в нем, может быть, и было что-нибудь такое. Он кхитаец — выходец из страны, расположенной далеко на востоке от Гиркании, за горами, пустынями и джунглями, такими обширными, что в них затеряется и дюжина Иранистанов. Я проезжал по тем землям, когда служил у короля Турана. Но каким ветром этого парня занесло к нам? Трудно сказать...

Внезапно его глаза сверкнули, и он сорвал с мертвеца запачканную кровью накидку. Их глазам открылась шерстяная рубашка, и Тубал, заглядывающий Конану через плечо, не смог сдержать возгласа удивления: на рубашке, вышитый пурпуровыми нитками, виднелся необычный знак — человеческая рука, сжимающая рукоять кинжала с волнистым лезвием. Рисунок был такого насыщенного цвета, что на первый взгляд казался кровавым пятном.

— Кинжал Джезма! — прошептал Балаш, отпрянув от этого символа смерти и разрушения.

Все посмотрели на Конана, который пристально разглядывал зловещую эмблему. Необычное зрелище пробудило в нем смутные воспоминания, и сейчас, напрягая память, он пытался по отдельным штрихам восстановить целостную картину древнего культа поклонения Злу. Наконец, повернувшись к Гаттусу, он сказал:

— Когда я промышлял в Заморе воровством, то, помню, слышал краем уха о каком-то культе джезмитов, пользующихся таким символом. Ты заморанец, может быть, знаешь о нем?

Гаттус пожал плечами.

— Есть много культов, которые своими корнями уходят в далекое прошлое, к временам до Великого потрясения. Правители немало потрудились, чтобы выкорчевать их, но каждый раз те прорастали вновь. Знаю, что Невидимые, или, как их еще называют, сыны Джезма, исповедуют один из таких культов, но больше мне нечего сказать. Я всегда предпочитал держаться от таких дел подальше.

Тогда Конан обратился к Балашу:

— Твои люди могут проводить меня к месту, где нашли его?

— Конечно. Но это дурное место, в ущелье Призраков, на границе Дружистана, и я бы...

— Хорошо. Сейчас всем спать. Выступаем на рассвете.

— В Кешан? — Балаш вскинул брови.

— Нет. В Дружистан.

— Неужели ты всерьез считаешь, что...

— Я ничего не считаю... пока.

— Отряд идет с нами? — спросил Тубал. — Лошади сильно измотаны.

— Нет. Лошади пусть отдыхают. Со мной пойдут лишь Гаттус и ты. В проводники возьмем одного из воинов

Балаша. За начальника остается Кодрус. И передай ему, что, если в мое отсутствие наши псы начнут лапать женщин Кушафа, я разрешаю снести пару-другую голов.

2. Страна Черных гор

Неровный, в горных вершинах горизонт уже укрыли сумерки, когда проводник натянул поводья. Скалистая земля перед путниками была разорвана глубоким каньоном. По ту сторону громоздились мрачные вершины, черные пики острями вонзались в небо, повсюду изломы и провалы, — невообразимый хаос черного камня.

— Отсюда начинается Дружистан, — сказал проводник. — Это ущелье Призраков. За ним лежит страна Смерти и Ужаса. Дальше я не пойду.

Конан кивнул. Его глаза пытались отыскать в изрезанном склоне тропу, ведущую на дно каньона. Вот уже много миль они шли по заброшенной древней дороге, но местами казалось, что в последнее время ею пользовались.

Конан огляделся. Рядом с ним стояли Тубал, Гаттус, проводник и Нанайя — бывшая наложница гарема Кобаднаха. Девушка упросила взять ее с собой, потому что, как она заявила, ей страшно оставаться одной, вдали от киммерийца, среди племени дикарей, чьего наречия она не понимает. За время бегства из Аншана, несмотря на все тяготы пути, Конан не услышал от нее ни слова жалобы и потому согласился с ее доводами.

— Сами видите, — снова заговорил проводник, — по дороге снова ходят демоны. Этим путем они выбираются из своей Черной страны, им же возвращаются обратно. Но люди, ушедшие за ущелье, не возвращаются уже никогда.

Тубал презрительно усмехнулся.

— На что демонам тропа? У них же крылья, они летают, как летучие мыши!

— Когда демоны принимают человеческий облик, то ходят, как люди, — ответил проводник. Он указал на крутую скалистую гряду, за которой терялась тропа. — У подножия этой гряды мы и нашли человека, которого ты назвал кхитайцем. Я думаю, его братья-демоны что-то с ним не поделили и сбросили со скалы.

— А может быть, он карабкался вверх и сорвался, — проворчал Конан. — Кхитайцы — жители пустынь, они не привыкли лазить по горам. От вечной жизни в седле их ноги стали кривыми и ослабели. Такой легко может и оборваться.

— Конечно, если он — человек, — ответил проводник. — Но... Великий Асура!

Спутники Конана так и подскочили на месте, а проводник, с расширенными от ужаса глазами, схватился за лук. Откуда-то с юга, со стороны черных пиков, до них донесся ни на что не похожий звук — резкое, злобное рычание, эхом прокатившееся по горам.

— Голоса демонов! — в страхе воскликнул проводник, так резко дернув повод, что его лошадь с пронзительным ржанием подалась назад. — Заклинаю именем Асуры — уйдем отсюда! Оставаться здесь — безумие!

— Если трусишь, отправляйся обратно в свою деревню! — сказал Конан. — Я еду дальше. — На самом же деле от этих проявлений сверхъестественных сил по спине киммерийца пробежали мурашки, но он не хотел показывать вида перед своими спутниками.

— Один, без отряда? Ты сумасшедший! Пошли хотя бы за своими людьми!

Глаза Конана сузились, как у волка при виде добычи.

— Не сейчас. Для разведки чем меньше людей, тем лучше. Я полагаю, на эту страну демонов стоит взглянуть поближе. Кто знает, вдруг она потом пригодится как опорный пункт. — Он повернулся к Нанайе. — Тебе лучше вернуться в селение.

На глаза девушки навернулись слезы.

— Не прогоняй меня, Конан! — дрожащим голосом вымолвила она. — Эти дикари, эти горцы... они надругаются надо мной!

Конан окинул взглядом ее крепкое гибкое тело с развитой мускулатурой.

— Пожалуй, если кто и решится на это, ему прежде придется изрядно потрудиться, — сказал он. — Ладно, будь по-твоему, и не говори потом, что я тебя не отговаривал.

Проводник повернул низкорослую лошадку и крикнул через плечо:

— Балаш прольет немало слез! В Кушафе все взвоят от горя! Ай-а! Ай-а!

Он ударил пятками в бока лошади, и его насмешливые

причитания потонули в стуке копыт о каменистую тропу. Еще мгновение — и всадник пропал за скалой.

— Беги, трусливый шакал! — завопил ему вслед Тубал. — Мы пояжем твоих демонов и за хвосты притащим в Кушаф! — Но только всадник скрылся, он замолчал.

— Ты прежде слышал что-нибудь подобное? — спросил Конан Гаттуса.

Заморанец кивнул:

— Да. В горах, где до сих пор поклоняются Злу.

Не говоря ни слова, Конан тронул поводья. В неприступной Патении ему тоже доводилось слышать рычание, которое жрецы Эрлика выдували из десятифутовых бронзовых труб.

Тубал фыркнул, как носорог. Он никогда не слышал этих труб, а потому, прежде чем спускаться по крутому склону прямо в сумерки на дно каньона, втиснул свою лошадь между лошадьми товарищей. Потом резко сказал:

— Итак, Конан, эти двуличные собаки из Кушафа, способные во сне перерезать гостю горло, добились чего хотели: заманили нас в свою проклятую страну демонов. Что думаешь делать?

Все это смахивало на ворчание старого пса при виде того, как его хозяин ласкает другую собаку — порезвей и помоложе. Конан наклонил голову, чтобы скрыть усмешку.

— На ночь остановимся в ущелье. Лошади слишком устали, чтобы идти по камням, да еще ночью. К делу приступим завтра.

Я думаю, где-то в горах, за ущельем, у Невидимых должен быть лагерь. Вряд ли в соседних с Черной страной горах найдется селение, расположенное ближе Кушафа, а от него сюда целый день нелегкого пути. Кочующие племена, опасаясь воинственных соплеменников Балаша, обходят эти места стороной, а те слишком суеверны, чтобы самим обследовать горы за ущельем Призраков. Так что Невидимые могут уходить и возвращаться без особого риска быть замеченными. Я пока не решил, что мы предпримем дальше. Но уверен в одном: отныне наша судьба на кончиках пальцев богов.

Спустившись в каньон, они увидели, что тропа, петляя среди каменных завалов, ведет дальше по ложу и сворачивает в глубокую расселину, выходящую в каньон с юга.

Южная стена была гораздо выше и круче северной. Она, словно застывший вал, черной громадой взметнулась вверх, местами прерываясь узкой расселиной — входом в ущелье.

Конан свернул вслед за тропой и, доехав до первого поворота, заглянул за каменный выступ. Зажатое между отвесными стенами, ущелье хранило настороженное молчание. Извиваясь подобно змеиному следу, оно уходило дальше — во мрак.

— Это наша дорога на завтра, — сказал Конан. Его спутники молча кивнули, и все четверо выехали из ущелья в главный каньон, где еще держался свет. В гнетущей тишине цоканье лошадиных копыт казалось непривычно громким.

В нескольких десятках шагов от ущелья, откуда путники только что выехали, находилось другое, поуже. На его каменистом ложе не было признаков тропы, и оно сужалось так резко, что наверняка кончалось тупиком.

Где-то посередине, у северной стены, в выщербленной временем скале образовалось естественное углубление, в котором бил крошечный родничок. За ним, в скалистой нише, напоминавшей пещеру, росла скудная жесткая трава. Там Конан и решил привязать уставших лошадей, а лагерь разбить у ключа. Поужинали вяленным мясом — огонь не разводили, чтобы не привлекать враждебных глаз.

Конан выставил посты в двух местах: Тубал должен был вести наблюдение к западу от лагеря, у входа в узкое ущелье, а Гаттус получил пост у восточного, куда сворачивала тропа. Если бы враг проходил по каньону или крался ущельем, он неминуемо наткнулся бы на бдительных стражей.

Каньон быстро заполняла тьма. Казалось, она стремительными потоками стекает с горных вершин, выползает из узких ущелий. Звезды — равнодушные, холодные — замерцали в ночном небе. Над незваными гостями нависли хмурые вершины изломанных гор. Засыпая, Конан вяло подумал, свидетелями каких ужасных человеческих драм могли оказаться эти вершины за тысячи тысяч лет.

Несмотря на долгое общение с цивилизацией, Конан не растерял природных инстинктов дикаря. Заслышав во сне крадущиеся шаги, он открыл глаза и, припав к земле,

сжав в руке меч, приготовился к бою. Но тревога оказалась ложной — над ним, едва различимая во мраке, возвышалась массивная фигура шемита.

— В чем дело? — недовольным голосом пробормотал Конан.

Тубал опустился на колени. За его спиной, невидимые в тени скал, беспокойно переступали лошади. И прежде чем Тубал открыл рот, киммериец кожей почувствовал разлитую в воздухе угрозу.

Тубал зашептал ему в ухо:

— Гаттус убит, женщина пропала! По ущелью крадется Смерть!

— Что?

— Гаттус лежал у расселины с перерезанной глоткой. Я услышал со стороны восточного ущелья хруст камешков, но решил тебя не будить, а тихонько подкрался туда и увидел Гаттуса — на камнях, в крови. Похоже, он умер внезапно, не успев поднять тревоги. Я ничего не заметил, а из расселины не донеслось ни звука. Тогда я поспешил обратно и не нашел Нанайи. Демоны Черных гор, ничем не выдав себя, убили одного из нас и унесли другого! Я чувствую затаившуюся Смерть! Великий Асур! Это и вправду ущелье Призраков!

Конан бесшумно поднялся на колено: чувства предельно обострены, все тело — комок нервов и мускулов. Внезапная смерть всегда бдительного заморанца и таинственное похищение женщины отдавали чем-то жутким.

— Разве можно бороться с демонами? — снова зашептал шемит. — Давай-ка лучше к лошадям и...

— Тихо! Слушай!

Откуда-то донеслись едва слышные шаги. Конан поднялся, вглядываясь в темноту. Вот от стены отделились неясные тени и, крадучись, стали приближаться. Лево́й рукой Конан вытащил нож. Тубал, сжав рукоятку длинного ильбарского кинжала, застыл рядом — безмолвный, напряженный, как волк в западне.

Все ближе, ближе цепочка теней. Вот она растянулась, охватывая с обеих сторон. Конан и шемит сделали несколько шагов назад, пока не уперлись спинами в каменную стену — мера против возможного окружения.

Атака была стремительна: мягкое быстрое шлепанье босых ног, тусклый блеск стали в неверном свете звезд. Конан едва различал нападавших — лишь смутные силуэты

да мерцание стали. Нанося удары, увертываясь, он больше полагался на природное чутье, чем на слух и зрение.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости его меча, Конан убил одним ударом. Увидев, что таинственные тени — всего лишь люди, Тубал исторг из груди низкое рычание и со всей яростью обрушился на врага. Взмахи его тяжелого трехфутового кинжала производили среди врагов опустошительное действие. Бок о бок, спиной к отвесной скале, приятели могли не опасаться нападения с тыла или флангов.

Сталь звенела о сталь, высекая искры. То и дело раздавался звук, как в мясной лавке, когда секач в руках мясника рубит мясо и кости. Люди пронзительно вскрикивали, в перерезанных глотках булькала кровь, под ногами хрипели раненые и умирающие. Несколько мгновений людской клубок колыхался, как бы перемалывая сам себя. Однако постепенно чаша весов стала склоняться на сторону двоих, у стены. Во тьме оба видели не хуже нападавших, в единоборстве неизменно брали верх, к тому же знали, что их клинки поражают только врагов. Последним мешала собственная многочисленность: опасения, что в пылу схватки они могут задеть своего, сковывали их движения.

Конан наклонил голову раньше, чем заметил взмах меча. Его ответный удар пришелся по стальной полосе. Не пытаясь прорубить броню, он полоснул по открытому бедру, и враг упал. На его место ту же заступил другой, и пока Конан разделялся с этим, упавший на локтях прополз вперед и, привстав на здоровое колено, ударил ножом. Киммерийца спасла кольчуга. Нож в левой руке Конана отыскал горло врага, и на ноги киммерийца пролилась струя горячей крови. И вдруг натиск иссяк. Отхлынув, нападавшие, как призраки, растаяли во тьме.

Стало чуть светлее. Над восточным краем каньона серебряной полоской лежал слабый свет — всходила луна.

Тубал, точно волк, вывалив язык, погнался за отступавшими теньями, его борода была забрызгана кровью, в уголках рта выступила пена. Он споткнулся о труп и, прежде чем сообразил, что перед ним мертвец, с дикой яростью вонзил в него клинок. Конан настиг шемита и схватил за руку. В бешенстве Тубал едва не сбил варвара с ног.

— Угомонись ты! — зарычал на него Конан. — Или хочешь угодить в западню?

От этих слов к Тубалу вернулась его волчья осторожность. Оба бесшумно заскользили за неясными тенями, одна за другой исчезающими в пасти восточной расселины. Добежав до нее, преследователи остановились, пристально всматриваясь в черный провал. Где-то далеко впереди слышался удаляющийся хруст камешков под чьими-то ногами. Конан весь подобрался, точно пантера при виде дичи.

— Псы удирают, — тихо сказал Тубал. — Погонимся дальше?

Конан покачал головой. Нанайя в плену, и он не может позволить себе сломя голову броситься в погоню по этому темному, извилистому коридору, где за каждым поворотом их может подстеречь засада, а значит, почти неминуемая смерть.

Они вернулись в лагерь, к лошадям, совершенно обезумевшим от густого запаха свежeproлитой крови.

— Когда луна поднимется высоко и залет каньон своим светом, они настигнут нас стрелами, не выходя из расселины.

— Придется рискнуть, — проворчал Конан. — Будем надеяться, что стрелки из них неважные.

В полном молчании они опустились на корточки в тени скал. По мере того как каньон заливал призрачный лунный свет, проступали очертания валунов, уступов, стен. Ни один звук не нарушал царящей вокруг тишины. Затем при бледном свете Конан осмотрел тела четырех мертвецов, брошенных врагом во время бегства. Тубал взгляделся в застывшие бородатые лица...

— Шабатийцы! — тихо воскликнул он. — Почитатели Зла!

— Не удивительно, что они подкрались неслышно, как кошки, — пробормотал Конан. Проезжая как-то по Шему, ему доводилось слышать рассказы о сверхъестественной способности сторонников этого древнего отвратительного культа подбираться к жертвам без малейшего шороха. В своих мрачных храмах, выстроенных в честь проклятого богами и людьми Шабата, эти люди поклонялись своему идолу — золотому Павлину. — Интересно, что им здесь понадобилось? Ведь их родина Шем. Что ж, поглядим... Ого!

Конан распахнул на одном из трупов накидку. На полотняной куртке на широкой груди шабатьица кровавым цветом полыхала эмблема — рука, сжимавшая кинжал с лезвием в форме языка пламени. Тубал откинул туники с остальных — у всех на рубашках был вышит кулак и нож. Шемит спросил:

— Что это за культ Невидимых, если он притягивает людей из ближнего Шема, и из Кхитая, за тысячи миль отсюда?

— Вот это я и хочу выяснить, — ответил Конан. Они помолчали. Затем Тубал поднялся и сказал:

— Теперь куда?

Конан указал на цепочки следов, алевших на голых камнях.

— Вот наша путеводная нить.

Пока Тубал вытирал с клинка кровь и вкладывал его в ножны, Конан обмотал вокруг пояса длинную прочную бечевку с тремя спаянными крюками на конце. В свою бытность вором он частенько пускал в ход это оружие. Тем временем луна поднялась еще выше и осветила узкую серебряную полосу посередине каньона.

Избегая прямого света, они приблизились к устью ущелья. Ни звона спущенной тетивы, ни свиста дротика, ни таинственных теней за скалами, — тихо. На камнях отчетливо виднелась дорожка из кровавых пятен: должно быть, шабатьицы уносили тяжелораненых с собой.

Лошадей оставили в лагере. Конан полагал, что враги также уходили пешими, а кроме того, проход был настолько узок и загроможден камнями, что в случае внезапной схватки всадник оказался бы в невыгодном положении.

У каждого поворота они ожидали засады, но цепочка кровавых следов не прерывалась и никто не заступал дорогу. Пятна крови заметно поредели, но и этих было довольно, чтобы не сбиться с пути.

Конан прибавил шаг: он очень надеялся, что раненые и пленница замедлят бегство врага. Скорее всего, Нанайя все еще жива, иначе они наткнулись бы на ее труп.

Ущелье стало подниматься, сузилось, снова расширилось, пошло вниз, сделало поворот и вышло в другой каньон, протянувшийся с востока на запад. Этот оказался шириной в несколько сот футов. След, напрямую пересекающая открытое пространство, вел к монолитной южной стене и там обрывался.

— Кажется, эти трусливые псы из Кушафа не соврали: след обрывается у скалы, а через нее перелетит разве что птица.

Конан остановился, озадаченный. Приметы древней дороги потерялись давно — еще в ущелье Призраков. Но шабатьицы наверняка прошли этим путем. Киммериец окинул стену внимательным взглядом — каменная глыба взметнулась в небо на сотни футов. Прямо над ним, на высоте футов пятнадцати, в результате выветривания породы в стене образовался небольшой выступ шириной три и длиной шесть-семь шагов. На первый взгляд, это мало что значило, но где-то посередине, между землей и выступом, острый глаз варвара различил на камне темное пятно.

Конан размотал с пояса веревку. Затем, раскрутив, послал тяжелый конец вверх. Крюк впился в камень на краю выступа. С проворством, с каким обычный человек взбирается по лестнице, Конан полез по тонкой гладкой нити. Добравшись до пятна, он довольно хмыкнул — вне всяких сомнений, это была кровь. Должно быть, ее оставил раненый, когда его поднимали в петле к выступу.

Внизу Тубал, переминаясь с ноги на ногу, пытался разглядеть получше выступ, словно опасаясь затаившихся убийц. Но когда Конан показался над краем, площадка оказалась пуста.

Он поднялся на выступ, и сразу в глаза ему бросилось тяжелое, невидимое снизу бронзовое кольцо в стене. От частого употребления металл блестел. Край выступа, площадка — все было густо измазано кровью. Здесь стена уже не казалась монолитной. Но варвар заметил еще кое-что: едва различимые кровавые отпечатки пальцев на скале. Он тщательно исследовал все щели, затем приложил свою ладонь к кровавому отпечатку, нажал. Часть стены бесшумно ушла в сторону. Перед Конаном открылся узкий проход, в дальнем конце которого мерцал лунный свет.

Весь подобравшись, готовый к любым неожиданностям, Конан шагнул в проем. И тут же услышал удивленный вопль шемита, который, глядя вверх, решил, что его товарища проглотила скала. Чтобы успокоить Тубала, Конан показался над краем, а затем вновь обратился к своему открытию.

Ход был короткий и другим концом выходил в расселину. Прямой, как ножевая рана, туннель прорезал скалу

на сотню футов и дальше резко сворачивал вправо. Дверь представляла собой плиту неправильной формы, навешенную на массивные тщательно смазанные бронзовые шарниры. Плита идеально совпадала с проемом, а благодаря изломанному краю узкие щели по периметру казались обычными щербинами в камне.

Прямо у входа лежала бухта веревочной лестницы из прочной сыромятной кожи. Закрепив конец в кольце снаружи, Конан сбросил лестницу вниз. И пока Тубал, горя нетерпением, быстро карабкался к выступу, киммериец втянул свою веревку и снова обмотал ее вокруг пояса.

Уразумев тайну исчезновения следов, шемит даже выругался по-своему.

— Но почему они не закрыли дверь изнутри? — спросил он, утомившись.

— Возможно, этим ходом постоянно пользуются. К тому же когда на хвосте погоня, то громкими призывами к страже можно обнаружить себя и выдать секрет. Не удивительно, что дверь до сих пор не нашли, — если бы не следы крови, я тоже топтался бы сейчас внизу.

Тубал рвался вперед, но киммериец медлил. Он не видел признаков стражи, но резонно полагал, что мастера, с такой выдумкой замаскировавшие вход в свою страну, вряд ли оставят его без охраны.

Конан поднял лестницу, смотал в бухту и уложил на место. Потом закрыл плитой проем, и туннель погрузился во тьму. Приказав недовольно ворчавшему шемиту оставаться у двери, он осторожно двинулся вперед.

Выйдя в расселину, Конан огляделся. Над головой, на высоте сотен футов, сквозь узкую изломанную щель виднелось звездное небо. Кошачьим глазам варвара с избытком хватало скудного света, падавшего на пол.

С не меньшей осторожностью, но уже более уверенно, он сделал еще несколько шагов и замер: впереди, за поворотом, послышался хруст камешков. Киммериец едва успел втиснуть свое массивное тело в нишу, вырубленную в боковой стене, как показался стражник. Уверенный в собственной безопасности, тот шел вразвалочку, едва поднимая ноги, как бы показывая всем своим видом, что занят привычным, нудным делом. Это был коренастый, приземистый кхитаец с неподвижным лицом цвета меди. В руке он держал короткое копьё.

Вот стражник поравнялся с нишей, где укрылся Конан.

Вдруг, повинувшись внезапно проснувшемуся инстинкту, он резко повернул голову — зубы обнажены в оскале, копьё наизготовку. Схватка заняла мгновение. Стражник еще поворачивал голову, а Конан был уже рядом. Взмах меча — и кхитаец рухнул на каменный пол с раздробленным черепом.

Застыв как изваяние, Конан вглядывался в проход. Никаких подозрительных звуков — как видно, стражник был один. Тогда киммериец тихонько свистнул. Истомившийся ожиданием Тубал не заставил себя долго ждать. При виде мертвеца шемит скрипнул зубами.

Конан наклонился над тем, что еще недавно было стражником, и отогнул верхнюю губу мертвеца. Клыки были спилены.

— Еще один сын Эрлика, желтого бога Смерти. И неизвестно, сколько их еще скрывается в этих горах... Спрячем его вон под теми камнями.

За поворотом глубокая расселина снова шла прямо, пока не упиралась в очередную излом. И чем дальше приятели продвигались, тем больше успокаивался. Конан: было ясно, что в проходе нет другой стражи.

Когда друзья наконец вышли из расселины, небо на востоке уже начинало бледнеть. В этом месте царил настоящий каменный хаос. Вместо одного ущелья — не меньше дюжины. Подобно реке, разделенной в дельте на десятки рукавов, они стремились вдаль, огибая утесы и огромные обломки стен. Острые шпиль и башни из черного камня мрачными призраками вытянулись к розовеющему небу.

С трудом пробираясь между этими угрюмыми стражами, двое искателей приключений вышли к огромной скале. У ее подножия лежала очищенная от камней ровная площадка шагов триста в ширину. Тропинка, выщербленная в камне тысячами ног, пересекала открытое место и поднималась по вырубленному в скале карнизу. И никаких намеков на то, что может подстергать там, наверху. Выставив слева и справа по часовому — изрезанному непогодой черному шпилью, — монолитная стена отступала назад.

— Куда теперь? — В призрачном свете шемит походил на волосатого гоблина, который, замешкавшись, не успел до восхода солнца спрятаться в пещере.

— Похоже, мы недалеко от... Великий Кром! Что это?!

Над горами прокатился жуткий рев, который друзья слышали прошлой ночью, только на этот раз гораздо

громче и отчетливее. Последние сомнения исчезли — это был резкий звук гигантской трубы.

— Нас обнаружили? — Тубал сжал эфес кинжала. Конан пожал плечами.

— Не думаю. В любом случае сначала надо оглядеться — нечего лезть на рожон... Туда!

Он указал на источенную временем высокую скалу, что высилась неподалеку в окружении шпилей пониже. Друзья быстро вскарабкались по склону, обращенному к стене и невидимому с другой стороны. С вершины открывался вид на окрестности. Устроившись за выступом, оба осторожно высунули головы.

— Великий Асура! — Тубал даже присвистнул от восторга.

С их наблюдательного пункта, схваченные одним взглядом сквозь утреннюю дымку, скалы напротив приобрели иные очертания — гигантского плато, приподнятого над ущельем на высоту не менее пятисот футов. На плато вел единственный путь — по вырубленной в камне тропе. С востока, севера и запада к плато подступали скалы, отрезанные от него провалом каньона. На юге плато упиралось в огромную дерную гору, чьи острые пики господствовали над остальными вершинами.

Но друзья едва обратили внимание на красоты природы. Конан полагал, что кровавый след приведет их к поселку — чему-нибудь вроде пещеры или стойбища с шатрами из лошадиных шкур, на худой конец — к простеньким глинобитным хижинам, лепящимся по склону горы. Вместо этого взору открылась панорама прекрасного города с куполами и башнями, поблескивающими в утреннем свете, — казалось, какие-то чародеи перенесли его из своей сказочной страны в каменную пустыню.

— Город демонов! — Тубал разинул рот. — Это все злые чары! Нас околдовали! — Думая, что спят, он укусил себя за руку.

Плато имело форму овала: около полутора миль с севера на юг и чуть меньше миль с востока на запад. Город расположился в его южной части и был прекрасно виден на фоне мрачной горы. В центре его, гордо возвышаясь над кронами деревьев и плоскими крышами домов, стояло величественное сооружение, увенчанное пурпурным куполом с золотым орнаментом. В лучах восходящего солнца он полыхал кровавым пламенем.

Кровь в жилах Конана заструилась быстрее. Немыслимый контраст угрюмых черных гор с яркими красками города нашел отклик в варварской душе киммерийца. Сияние пурпурного в золоте купола отдавало чем-то зловещим, а взметнувшиеся к небу черные шпили вокруг плато служили ему достойным обрамлением. Сам город, как бы возведенный среди руин и запустения могущественными силами Зла, будил предчувствие дурного.

— Так вот какое оно — логово Невидимых, — прошептал Конан. — Кто мог подумать, что в такой глухомани скрывается целый город.

— Все равно нам с ними не совладать, — пробурчал Тубал.

Ничего не ответив, Конан вновь занялся наблюдениями. Чуть меньше, чем на первый взгляд, плотной, правильной застройки, город не был обнесен наружной стеной — невысокий бруствер вдоль края плато надежно защищал его от возможных врагов. Двух-трехэтажные дома утопали в чудесных садах и рощицах — еще более сказочных оттого, что все плато казалось сплошной каменной глыбой, где не нашлось бы места и травинке.

Наконец Конан принял решение:

— Тубал, возвращайся в наш лагерь в ущелье Призраков. Возьми лошадей и скачи в Кушаф. Передай Балашу, что мне нужны все его воины. Потом проводи их вместе с нашими головорезами по тропе через расселину. Укройте где-нибудь поблизости и не высовывайтесь, пока не дам знак. Если меня убьют — действуйте по обстановке.

— Что ты задумал?

— Я иду в город.

— Совсем рехнулся!

— Не хорони меня раньше времени. Пойми, это единственный способ вызволить Нанайю. А потом уже будем думать, как лучше напасть на город. Если останусь жив и на свободе, то встретимся здесь же, если нет — решайте с Балашем сами.

— Чума на твоего Балаша! Зачем тебе соваться в этот рассадник зла?!

Глаза Конана сузились.

— Я хочу основать свою империю. В Иранистане для меня нет места. В Туране — тоже. Ты меня знаешь: со своей крепостью за спиной я горы сворочу. Только поторопись.

— Балаш на меня косо смотрит. Он просто плюнет мне в бороду; мне, понятное дело, придется его убить, после чего собаки из Кушафа прирежут и меня.

— Он этого не сделает.

— А вдруг откажется?

— Если позову его, пойдет за мной хоть в преисподнюю!

— Зато его люди не пойдут. Они дрожат перед демонами.

— Ничего, как только скажешь им, что их демоны — всего лишь люди, они перестанут дрожать.

Тубал еще потерял свою бороду и, глубоко вздохнув, выдал свой главный довод:

— Тебя раскусят и сдерут с живого кожу.

— Пусть попробуют. Такого наплету — уши развесят. Прикинусь опальным воином, сбежавшим от царского гнева, и попрошу убежища.

Тубал сдался. Бормоча что-то себе в бороду, грузный шемит заскользил вниз по скале и скоро пропал среди камней. В воздухе по-прежнему стояла тишина. Немного погодя Конан спустился вслед за другом и направился в противоположную сторону — к тропинке, выходящей по склону обрыва.

3. Город Невидимых

Подойдя к подножию скалы, Конан начал взбираться по крутому склону. Вокруг не было ни души. Тропа непрерывно петляла, огибая огромные скальные выступы. С наружного края ее прикрывала низкая массивная стена. Скорее всего, ее возвели еще до появления в этих краях ильбарских горцев: на вид она была очень старой, но прочной, как сама скала.

Последние тридцать футов Конан поднимался по крутым ступеням, вырубленным в камне. Его так никто и не окликнул. Он бесшумно миновал полосу невысоких укреплений, возведенных по краю плато, и вышел прямо на группу сидящих на корточках стражников, азартно резавшихся в кости.

Заслышав хруст камешков под ногами варвара, семерка вскочила на ноги, выпучив глаза от удивления. Это были

зуагиры — шемиты-пустынники, поджарые, с крючковатыми носами. Головы воинов прикрывали уборы из белой ткани, над поясами торчали рукояти кинжалов и ятаганов. Мгновенно придя в себя, они схватили брошенные рядом копыя и изготовились к нападению.

Ни один мускул не дрогнул на лице киммерийца. Он остановился, невозмутимо глядя на стражников. Зуагиры, наоборот, не уверенные, как им лучше поступить, пребывали в явном замешательстве. Словно дикие кошки, угодившие в западню, они не спускали затравленных глаз с неожиданного гостя.

— Конан! — воскликнул вдруг самый рослый из зуагиров, в его голосе сквозили подозрительность и страх. — Ты здесь откуда?

Конан окинул взглядом поочередно всю семерку и сказал:

— Я хочу видеть вашего хозяина.

Однако это не произвело должного впечатления. По-прежнему настороже, они вполголоса переговаривались между собой, по очереди отводя назад правую руку, как бы примериваясь для броска. Наконец неясное бормотание прервал голос рослого зуагира:

— Что вы раскаркались! И так все ясно: мы занялись игрой и не заметили его. Мы нарушили свой долг, и, если об этом узнают, нам не поздоровится. А потому считаю, что его надо убить и сбросить вниз.

— Ага, — с готовностью согласился Конан, — валяйте, убивайте. А когда хозяин спросит вас: «А где мой Конан с важным донесением?» — вы ему ответите: «А ты нас не предупредил, и мы его убили, чтобы преподать тебе урок на будущее». Вот смеху будет.

Те поморщились, а один пробурчал:

— Да проткнуть его — и делу конец! Никто и не узнает!

— Не так все просто, — возразил на это рослый. — Такого если не убьешь издали, он погуляет среди нас, как волк в овчарне.

— Да что там — схватить и перерезать глотку! — сунулся было другой, самый молодой в компании, но прочие так яростно зашипели на него, что тот отступил, посрамленный.

— Ага, режьте мне глотку, — скривился в усмешке варвар. Миг — и, выхватив меч из ножен, он молниеносным движением вычертил в воздухе восьмерку. — Один,

пожалуй, уцелеет,— задумчиво заметил он.— Как раз хватит, чтобы доложить начальству о великой победе.

— Мертвые не болтают,— гнул свое молодой, за что и получил в живот тупым концом древка. Хватая ртом воздух, воин переломился надвое.

Сорвав часть накопившейся злобы на своем невоспитанном товарище, зуагиры немного оттаяли. Старший спросил у Конана:

— Так тебя ждут?

— Иначе я бы не пришел. Разве ягненок по собственной воле пойдет в пасть ко льву?

— Хорошо ягненок! — зуагир хмыкнул.— Скорее уж матерый волчище с кровью на клыках.

— Если где-то недавно пролилась кровь, так в том повинны дураки, которые плохо слушают своего хозяина. Этой ночью в ущелье Призраков...

— Клянусь Хануман! Уж не с тобой ли схватились тугоголовые шабатийцы? Они всем раструбили, будто прикончили в ущелье заезжего купца со слугами.

Так вот почему охрана вела себя так беспечно! Как видно, по каким-то своим соображениям шабатийцы соврали насчет действительного исхода драки, и потому стражи тропы не ждали преследователей.

— Кто-нибудь из вас был там? — спросил Конан.

— Мы разве хромаем? Или в крови? Или воем от бессилия и боли? Нет, мы с Конаном не сражались.

— Тогда напрягите мозги и не повторяйте чужих ошибок. Итак: или вы проведете меня к тому, кто ждет не дождется нашей встречи, или швырнете ему в бороду навозом, объявив, что пренебрегли его распоряжением!

— Да сохранят нас боги! — воскликнул в страхе зуагир.— Мы не получали насчет тебя никаких указаний, и, если ты соврал, наш хозяин сам выберет для тебя смерть помучительнее, а если нет... тогда, может быть, нам удастся избежать наказания. Сдай оружие и идем.

Конан протянул меч и кинжал. При других обстоятельствах он скорее расстался бы с жизнью, чем с оружием, но сейчас игра шла по-крупному. Пинком в зад начальник стражи распрямил согнувшегося молодого воина и приказал тому наблюдать за лестницей, добавив, что от его усердия зависит, встретит ли тот свою старость. Затем прорычал приказание другим, и пятеро стражников взяли в кольцо безоружного киммерийца.

Конан кожей чувствовал, как у стоящего сзади руки чешутся от желания вонзить в его спину нож, но от слов варвара в их толстых черепах зашевелились сомнения, и потому он оставался спокоен.

По знаку начальника отряд выступил в путь.

От лестницы к городу вела широкая дорога. Через некоторое время Конан как бы между прочим спросил: — Когда шабатийцы прошли в город — не на расвете?

— Ага,— был краткий ответ.

— Тогда они вряд ли опередили нас намного,— словно рассуждая вслух, продолжал Конан.— Несколько раненых, да еще пленница...

— Ну, что до девчонки, так она...— начал было один, но осекся, получив тычок в зубы. Высокий бросил на Конана недобрый взгляд.

— Ни слова больше! — приказал начальник.— Будет задевать — не отвечайте. Змея не так изворотлива, как этот. Стоит только поддаться — и он вытянет из вас все, прежде чем вступим в Джанайдар!

Конан отметил про себя, что название города совпадает с тем, о котором упоминалось в древней легенде, услышанной от Балаша.

— Чего вы все коситесь? — разыгрывая обиду, спросил он.— Разве я пришел к вам не с открытой душой?

— Ну да! — Зуагир невесело усмехнулся.— Я видел, как ты явился однажды в Хорасан, что в Гиркании, и тоже с открытой душой. Только когда тамошние власти погладили тебя против шерсти, ты мигом запер свою душу на огромный замок и по улицам города забурили потоки крови. Нет уж. Я давно тебя знаю — еще со времен, когда ты водил своих бандитов по степям Турана. По части мозгов мне тебя не переплюнуть, но по крайней мере я могу держать язык за зубами. Я на твою удочку не попадусь, а если кто из моих людей раскроет рот, то я раскрою тому череп.

— Сдается мне, я тебя знаю,— сказал Конан.— Ты Анкар, сын Ади. Помнится, ты проявил себя отважным воином.

От похвалы лицо зуагира смягчилось; но тут же он опомнился, сдвинул брови и, обругав первого подвернувшегося под руку, решительно зашагал впереди отряда.

Конан вышагивал с таким видом, будто его сопровож-

дал почетный эскорт, а не стража, и мало-помалу его беспечность передавалась воинам, так что, когда отряд подошел к городу, их копья уже не смотрели в спину пленника, а мирно покоились на смуглых плечах.

С ближнего расстояния загадка пышной растительности объяснялась довольно просто. Земля, принесенная трудолюбивыми руками из долин, расположенных за десятки миль от плато, заполнила углубления и впадины в скальной поверхности. Сады пронизывали глубокие, узкие канавки тщательно продуманной оросительной системы. Все они брали начало у естественного источника где-то в центре города. Благодаря кольцу высоких пиков климат на плато был гораздо мягче, чем в окружающих его горах.

Отряд прошел между большими фруктовыми садами, росшими по обеим сторонам дороги, и наконец вступил на главную улицу города — два ряда каменных домов, вставших по краям широкой мостовой, с неперменной зеленью на задних дворах. Другим концом улица выходила к равнине шириной в полмили, отделявшей город от нависшей над ним черной горы, такой огромной, что само плато походило скорее на уступ, выдолбленный в гигантском склоне, чем на отдельное горное образование.

Люди, работавшие в садах и на улице, с удивлением взирали на зуагиров и их пленника. Среди них Конан узнал иранистанцев, гирканцев, шемитов и даже нескольких вендийцев и чернокожих кушитов. Но ильбарских горцев не было ни одного: очевидно, население города не поддерживало с ними связи. Внезапно улица расширилась, образовав небольшую площадь. С южной стороны на нее выходила высокая стена, возведенная вокруг роскошного здания с величественным куполом.

Тяжелые ворота, инкрустированные золотом и обшитые бронзовыми полосами, никем не охранялись, если не считать чернокожего, облаченного в пестрые одеяния. Открыв ворота, тот согнулся в почтительном поклоне. В сопровождении стражи Конан прошел под аркой и очутился в обширном, вымощенном мраморными плитами дворе. В центре его журчал фонтан, в воздухе порхали голуби. С запада и с востока двор ограничивали внутренние стены пониже, над которыми виднелась зелень садов. В глаза варвару бросилась взметнувшаяся вверх черная башня высотой не меньше купола; ее каменное кружево слабо мерцало на солнце.

Зуагиры прошли через двор и были остановлены у дворцового портика стражей из тридцати гирканцев — все в сверкающих посеребренных шлемах, увенчанных плюмажем, в позолоченных латах, со щитами из шкуры носорога и ятаганами с золотой насечкой. Начальник стражи с непроницаемым лицом перебриснулся парой отрывистых фраз с Антаром, сыном Ади. По холодному тону Конан понял, что между обоими тлеет скрытая вражда.

Затем начальник, имя которого, как выяснилось, было Захак, сделал знак своей тонкой изящной рукой, и Конана обступила дюжина ослепительных гирканцев. Под их конвоем он поднялся по широким каменным ступеням и прошел под аркой между распахнутыми створками дверей. Зуагиры, как побитые собаки, плелись в хвосте отряда.

Они проходили широкими, тускло освещенными залами, где со сводчатых лепных потолков свисали бронзовые курильницы, а задернутые тяжелыми бархатными гардинами ниши намекали на некие страшные тайны. Казалось, в этих мрачных, отделанных с варварской пышностью залах затаилась необъяснимая, едва осязаемая угроза.

Наконец они вступили в широкий коридор, прошли его и остановились у двустворчатой бронзовой двери с двумя охранниками по сторонам. Оба стояли неподвижно, как статуи, и были разодеты еще пышнее, чем стража Конана. Гирканцы вместе со своим пленником — или гостем — прошли мимо них и оказались в полукруглой комнате. Гобелены с изображениями драконов увешивали стены, скрывая возможные дверные проемы. Со сводчатого потолка свисали лампы, украшенные резьбой по эбеновому дереву и золотой насечкой.

Напротив главного входа помещалось мраморное возвышение. На нем стояло массивное, покрытое изящной резьбой кресло с балдахинном. Подлокотники, точно свитки папируса, завивались вниз. На вышитых бархатных подушках сидел небольшого роста человек хрупкого сложения, облаченный в расшитую жемчугом мантию. На розовом тюрбане поблескивала золотая брошь в форме руки, сжимавшей кинжал с волнистым лезвием. Худое и вытянутое, с легким загаром лицо оканчивалось внизу черной заостренной бородкой. «Не иначе как выходец с Востока — из Вендии или из Козалы», — решил про

себя Конан. Темные глаза незнакомца пристально вглядывались в полированный кристалл на подставке перед тронном. Размером не меньше кулака киммерийца, кристалл имел неправильную сферическую форму. От него исходил свет слишком яркий для полумрака тронного зала — словно в глубинах кристалла горел магический огонь.

Трон охраняли огромного роста кушиты — по одному с каждой стороны. Оба казались изваяниями, высеченными из черного базальта, — обнаженные, в одних сандалиях и шелковых набедренных повязках. В руках они держали кривые сабли с расширенными у острия клинками.

— Кто это? — нехотя произнес на гирканском языке человек под балдахинном.

— Конан-киммериец, мой повелитель! — торжественно ответил Захак.

Темные глаза оживились, и тут же в них промелькнула подозрительность.

— Как он проник в Джанайдар?

— Он заявил зуагирским псам, охранявшим Лестницу, что исполнял поручение Магистра, повелителя сынов Джезма.

Услышав титул, Конан весь напрягся, точно пантера; его глаза не мигая смотрели прямо в худое лицо. Но он не проронил ни звука. Он знал, что молчание порой имеет больший вес, чем дерзкая речь. Сейчас его дальнейшего поведение целиком зависело от того, что скажет магистр Невидимых. Если в нем разгадают самозванца, его участь решена. Оставалось надеяться, что этот правитель, прежде чем отдать роковой приказ, захочет, по крайней мере, узнать причину появления непрошеного гостя; а кроме того, есть правители — таких, правда, немного, — которые полностью доверяют своим сподвижникам.

Прошла томительная минута, прежде чем человек на троне вновь заговорил.

— Закон Джанайдара гласит: по Лестнице имеет право подняться только тот, кто прежде сделал Знак стражам Лестницы. Если же Знак ему не известен, следует вызвать охрану Ворот, чтобы те вступили в переговоры. В этом случае пришелец обязан дожидаться внизу. Конан явился незванным. Охрану Ворот не вызвали. Значит, прежде чем подняться, Конан сделал Знак?

По спине Антара пробежал потный ручеек. Он бросил

быстрый взгляд на киммерийца и заговорил хриплым, с еле заметной дрожью голосом:

— Стража в расселине не подняла тревоги. Конан появился над краем плато совершенно неожиданно, хотя мы были бдительны, как орлы. Я слышал, он колдун и может, если захочет, становиться невидимым. Мы поверили его словам, будто это ты послал за ним, иначе откуда он узнал секретный путь?

Капельки влаги усеяли узкий лоб зуагира. Человек на троне будто ничего не слышал. Размахнувшись, Захак с силой ударил Антара ладонью по губам.

— Пес! — процедил он сквозь зубы. — Не смей разевать свою смердящую пасть, пока магистр сам не соблаговолит тебя выслушать!

Антар пошатнулся, по его бороде побежала кровь. Он метнул на гирканца взгляд, полный смертельной ненависти, но сдержался и промолчал.

Сделав вялый жест рукой, магистр заговорил:

— Зуагиров увести. До особых распоряжений содержать под стражей. Ждем мы посланцев или нет — стража не вправе преступать закон. Знак неизвестен, и все-таки он поднялся по Лестнице. Если бы они несли службу исправно, как говорят, этого не случилось бы. Варвар не колдун. Оставьте нас наедине. Я сам поговорю с ним.

Захак кивнул, и его ослепительные воины, гоня зуаров, точно стадо, перед собой, направились к бронзовой двери. Проходя мимо, зуагиры обдавали Конана горящими ненавистью глазами.

Перейдя на язык Иранистана, магистр обратился к киммерийцу:

— Говори свободно. Черные этого языка не знают.

Прежде чем ответить, Конан пинком пододвинул к возвышению кушетку и, расположившись на ней поудобнее, положил ноги на обшитую бархатом скамеечку. Если магистр и удивился бесцеремонности гостя, он никак не проявил этого. С первых же слов киммериец понял, что правитель Джанайдара тесно связан с единоверцами в западных землях и, очевидно, преследуя свои цели, предпочитает не замечать развязности их посланца.

— Я за тобой не посылал, — наконец прервал молчание магистр.

— Ну, разумеется, — свободно ответил Конан. — Од-

нако надо же было сказать что-нибудь этим дурням — иначе пришлось бы их всех перерезать.

— Что тебе здесь нужно?

— А что нужно тому, кто добровольно заявляется в логово людей, объявленных вне закона?

— Он может оказаться лазутчиком.

У Конана вырвался грубый смешок:

— Чьим это, интересно знать?

Недолгое молчание.

— Как ты узнал про Секретный Путь?

— Я наблюдаю за грифами — они и выводят меня на цель.

— Еще бы. Ты их нередко подкармливаешь человечинкой. Что с кхитайцем, который наблюдал за рас-селиной?

— Мертв. Он не захотел прислушаться к голосу разума.

— Пожалуй, это не ты следишь за грифами, а они за тобой — всегда есть пожива, — с легкой улыбкой заметил магистр. — Почему не дал знать, что прибудешь?

— Не с кем было передать известие. Прошлой ночью твои бандиты напали на мой отряд; одного прирезали, другую взяли в плен. Оставался последний, но тот перепугался и удрал, так что, когда взошла луна, мне пришлось продолжать путь одному.

— То были шабатийцы. Они исполняли свой долг — охраняли от чужаков ущелье Призраков. Они не знали, что ты идешь ко мне. Они притащились в город на рассвете: большинство раненые, один — при смерти. По их словам, этой ночью они убили в ущелье богатого купца-вендийца. Похоже, побоялись признаться, что так и не одолели тебя. Они дорого заплатят за ложь... но не сейчас. Главного я так и не услышал: зачем ты сюда явился?

— За спасением. Мы с царем Иранистана не сошлись характерами.

Магистр пожал плечами.

— Я знаю. Вряд ли Кобад-шаху придет охота снова брать тебя на службу. Наш посланец Смерти едва не убил его. В любом случае отправленный за тобой отряд идет по следу.

От этих слов в затылке Конана неприятно закололо, как с ним бывало всегда при соприкосновении с чем-то таинственным и страшным.

— Великий Кром! — выдохнул он. — От тебя не скро-ешься!

Магистр едва заметно кивнул на кристалл:

— Игрушка, но весьма полезная. Но продолжим. До сегодняшнего дня чужие о нас не знали. Выходит, если ты нашел дорогу в Джанайдар, тебе рассказал о ней кто-то из нашего братства. Может быть, Тигр?

Однако Конан вовремя почувал западню.

— Я не знаю никакого Тигра, — ответил он. — Я не жду, пока мне откроют чужие тайны, — я узнаю их сам. Я пришел сюда, потому что вынужден скрываться. В Анша-не мне уже не благоволят, и, если поймают, туранцы с радостью посадят меня на кол.

Магистр сказал несколько слов на стигийском. Пони-мая, что тот не станет без нужды менять язык беседы, Конан притворился, будто не знает этого наречия.

Магистр обратился к одному из черных воинов. Тот достал из-за пояса серебряный молоток и ударил в гонг. Не успели замереть последние отголоски, как, приоткрыв-шись, бронзовая дверь пропустила человека слабого сло-жения в шелковой одежде — судя по бритой голове, это был стигиец. Войдя, он прежде всего почтительно склонил голову перед мраморным возвышением. При обращении магистр назвал его Хазан и говорил с ним на том же языке, который, как он полагал, Конану был незнаком.

— Ты знаешь его? — спросил магистр.

— Да, мой господин.

— Есть о нем что-нибудь в донесении наших лазут-чиков?

— Да, мой господин. В последнем донесении из Аншана. В ночь покушения на царя, примерно за час до того, этот человек имел с ним тайную беседу. После беседы он быстро вышел из дворца и в ту же ночь, вместе с тремя сотнями всадников, покинул город. В последний раз его видели на дороге в Кушаф. Его преследовали воины из Аншана, но, отказались они от погони или продолжа-ют ее, пока не известно.

— Можешь идти.

Хазан поклонился и вышел. Некоторое время магистр сидел молча, с отрешенным взглядом. Затем, подняв голову, сказал:

— Хорошо. Я верю тебе. Из Аншана ты направился в

Кушаф, где друзей царя не жалуют. Твоя вражда с туранцами мне известна. Нам нужен такой человек. Но без поручительства Тигра я не могу принять тебя в братство. Сейчас его нет в Джанайдаре, но он прибудет завтра на рассвете. А пока я хотел бы услышать, от кого ты узнал о нашем городе и братстве.

Конан пожал плечами.

— Все тайны мне нашептывает ветер, когда проносятся среди ветвей сухого тамариска; а еще я вслушиваюсь в небывальщину, которую передают друг другу погонщики верблюдов, усевшись вокруг огня на отдых в караван-сарае.

— Тогда ты должен знать, к чему мы стремимся, нашу великую цель?

— Я знаю, как вы себя величаете, — стараясь вывести побольше, Конан намеренно придал голосу оттенок двусмысленности.

— Тогда что означает мой титул?

— Магистр, повелитель сынов Джемза — верховный чародей джезмитов. В Туране говорят, что джезмиты — народ, живший по берегам моря Вилайет во времена до Великого потрясения, что они свершали странные обряды с примесью колдовства и приносили человеческие жертвы, которые потом сами съедали. Но потом вроде бы пришли гирканцы и уничтожили остатки их племен.

— Ах вот как. — Магистр усмехнулся. — Все верно, да только их потомки до наших дней обитают в горах Шема.

— Я подозревал нечто подобное, — ответил Конан. — О них ходит немало слухов, но прежде я считал все это пустой болтовней.

— Да, люди слагают о них легенды, и отчасти они правы. Но жестокие гонения не смогли загасить огонь Джемза, хотя за столетия его яркое пламя обратилось в тлеющие угольки. Из всех обществ братство Невидимых — самое древнее. Оно не разделяет людей ни по расам, ни по культам. Не столь уж важно, какому богу люди поклоняются — Митре, Иштар или Асуре. В далеком прошлом мы имели сторонников по всей земле — от Грондара до Вализии. В братство Невидимых вступали и продолжают вступать многие тысячи, всех стран и народов. Но только один народ поклонялся Джемзу с незапамятных времен — из него мы и набираем жрецов.

После Великого потрясения культ возродился. В Сти-

гии, Косте, Ахероне и Заморе появились наши секты. Окутанные тайной, они скрывались от людей, так что те зачастую и не подозревали об их существовании. Но за тысячелетия связи между сектами сильно ослабли, и, предоставленные сами себе, они утеряти былое могущество.

Были дни, когда Невидимые направляли ход развития целых империй. Они не командовали армиями — их оружием был яд, пламя и кинжал с лезвием, как огненный язык. По воле Магистра сынов Джемза одетые в алое посланцы Смерти отправлялись во все концы света — и умирали цари в Луксуре, в Пуантене, в Кутшеме и в Дагоне. А я — наследник великого Магистра сынов Джемза Тутамона. Того, чье имя заставляло трепетать сердца повсюду! — Глаза говорившего сверкнули в полумраке фанатичным огнем. — Всю свою молодость я мечтал о возрождении величия братства, в тайну которого был посвящен еще ребенком. И вот благодаря золоту моих приисков мечта осуществилась. Я, Вирата из Козалы, стал Магистром сынов Джемза — первым Великим магистром за последние пять веков!

Убеждения Невидимых тверже гранита. Одну за другой я прибирал к рукам разрозненные секты зугитов, джилитов, эрликитов и джезудитов, кропотливо сплетая из тонких нитей стальной канат. Мои посланники проникали в самые отдаленные уголки земли и везде находили приверженцев братства — в битком набитых городах и в дремучих лесах, в бесплодных горах и в мертвом молчании пустынь. Не сразу, постепенно, община росла; и не только благодаря объединению сподвижников, но и за счет тех отчаявшихся, кто, разуверившись в других учениях, вступал в ряды сынов Джемза. Перед его священным огнем все равны. Среди моих сторонников есть почитатели Гуллы и Сета, Митры и Деркетто, Иштар и Юна.

Десять лет назад вместе со своими сподвижниками я пришел в этот город: вместо домов — груды камней, каналы забиты камнями, на месте садов — колючие заросли. Горцы обходили плато стороной — они боялись потусторонних сил, которые, по их словам, обитали в городских развалинах. Понадобилось шесть лет, чтобы отстроить город заново. Это был нелегкий труд, и на него ушла большая часть моих сокровищ, — ведь работать приходилось втайне, и все материалы завозили издалека, что было нелегким, а подчас и опасным делом. Грузы доставляли из

Иранистана: сначала по старому караванному пути на юге страны, в горах сворачивали в скрытую расселину и, наконец, по древней тропе, прорезавшей западный склон, поднимали на плато. Затем по моему приказу тропу уничтожили. И вот, после долгих лет, я смог увидеть Джанайдар в его былом великолепии... Смотри!

Магистр поднялся с трона и кивнул, приглашая следовать за собой, — черные гиганты не отставали от него ни на шаг. Они прошли в альков, скрытый за тяжелым gobеленом, и очутились перед выходом на небольшой, в узорной решетке балкон. С балкона открывался вид на чудесный сад, обнесенный стеной высотой футов пятнадцать, почти невидимой за сплетением ползучих растений. Необычный, пьянящий аромат поднимался от деревьев, кустов, цветов и фонтанов с серебряными журчащими струями. Конан увидел женщин, гуляющих между деревьями, — легкие, полупрозрачные одежды из шелка и бархата едва скрывали наготу их стройных гибких тел. Судя по тонким чертам, большей частью они были из Вендии, Иранистана и Шема. Мужчины, словно опьяненные наркотиком, лежали на подушках под деревьями. Откуда-то доносилась негромкая, томная музыка.

— Это Райский сад, каким он был еще во времена до Потрясения. — Вирата, закрыв балконную дверь, вернулся в тронный зал. — За преданную службу воину дают выпить сока красного лотоса. Проснувшись в этом саду и увидев подле себя прекраснейших в мире женщин — покорных, готовых утолить его желания, — он начинает думать, что и в самом деле угодил живым на Небеса, куда, как внушают жрецы, попадают все, кто отдал жизнь за своего повелителя. — Козаладец чуть растянул губы в усмешке. — Я знаю, что такой «рай» тебе пришелся бы не по вкусу, потому и показал его. Немного правды тебе не повредит. Если Тигр за тебя не поручится, правда умрет вместе с тобой, в противном случае ты узнаешь не больше, чем любой сын Великой Горы.

В моей империи ты можешь подняться высоко. Дай время — и я стану могущественным, как мой великий предок. Шесть лет я копил силы и лишь потом начал борьбу. Последние четыре года, как и в далеком прошлом, мои посланники вновь обращаются к отравленным кинжалам; непобедимые и неподкупные, не знающие иного закона, кроме моей воли, они скорее умрут, но выполняют приказ.

— Чего же ты добиваешься?

— Неужели еще не понял? — голос магистра упал до шепота, глаза расширились, в них засветились огоньки безумия.

— Пожалуй, — проворчал Конан. — Но предпочел бы услышать от тебя самого.

— Я хочу править миром! Отсюда, из Джанайдара, я буду вершить его судьбу! Цари на своих тронах превратятся в жалких марионеток, подвешенных на ниточках. Ослушники умрут. И наступит день, когда никто не осмелится пойти против моей воли. Мне будет принадлежать власть! Власть! Это — высшая цель!

Конан мысленно сравнил хвастливые притязания магистра на абсолютную власть с положением в братстве таинственного Тигра с мнением которого тот вынужден был считаться. Похоже, влияние магистра было далеко не безгранично.

— Где девушка — Нанайя? — спросил Конан. — Твои пабатицы, убив Гаттуса, схватили ее и увели с собой. Вирата чуть переиграл, изображая удивление.

— Не понимаю, о ком ты, — ответил он. — Они не приводили пленников.

Магистр, конечно же, солгал, но настаивать было бессмысленно. Конан насторожился: непонятно, почему джезмит не хочет признать, что знает о девушке?

Магистр вторично сделал знак, негр вновь ударил в тонг, и вновь вошел согнувшийся в поклоне Хазан.

— Хазан проводит тебя, — сказал Вирата. — Туда же, в комнату, принесут еду и питье. Ты не арестован — стражи не будут. Но я просил бы тебя не покидать своих покоев без охраны. Мои люди относятся к чужакам с недоверием, а поскольку ты пока не состоишь в братстве, то... — Магистр вдруг замолчал и многозначительно посмотрел на киммерийца.

4. Звон мечей

Вслед за невозмутимым стигийцем Конан покинул тронный зал, прошел между двумя рядами сверкавших золотом и серебром стражников и из широкого парадного коридора свернул в боковой, поуже. Вскоре слуга ввел его в комнату со сводчатым потолком в

украшениях из слоновой кости и сандалового дерева. Единственная тяжелая дверь была сколочена из тиковых досок, обшитых листами меди. Окон в комнате не было, свет и воздух проникали в нее через отверстия в потолке. На стенах во множестве висели гобелены с замысловатыми рисунками, шаги скрадывали богатые ковры, в которых нога утопала по щиколотку.

Не издав ни звука, Хазан поклонился и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, Конан сел на бархатную кушетку. За всю свою жизнь, до предела насыщенную самыми невероятными и опасными приключениями, он не попадал в ситуацию более сложную, чем эта. Поразмыслив с минуту над возможной участью Нанайи, он принялся обдумывать план действий.

Из коридора слышался легкий стук сандаловых подошв. В сопровождении Хазана вошел огромный негр, в руках он держал широкий поднос с яствами в позолоченных блюдах и с изящным кувшином вина в центре. Прежде чем Хазан закрыл дверь, Конан успел заметить острие шлема, высунувшееся из-за ковра на противоположной стене коридора: в потайной нише прятались воины. Значит, Вирата солгал, сказав, что стражи не будут. Впрочем, иного он от магистра и не ждал.

— Господин, вот вино с Кироса и пища, — сказал стигиец. — А позже я пришлю девушку, прекрасную и свежую, как утро, чтоб вы могли с нею развлечься.

— Ладно, — проворчал Конан.

Послушный жесту Хазана, раб поставил поднос. Тот сам отведал каждого блюда, отхлебнул глоток вина и только потом с поклоном удалился. Обостренным, как у волка в западне, зрением Конан отметил, что последним из принесенного стигиец попробовал вина, а в дверях чуть качнулся. Едва закрылась дверь, Конан осторожно понюхал вино. На фоне благоухающего букета, такой слабый, что уловить его могли лишь чуткие ноздри варвара, угадывался знакомый запах — запах красного лотоса из зловещих топей южной Стигии. Отведавший его сока засыпал мертвым сном, надолго или нет — зависело от количества выпитого.

Хазану следовало чуть поторопиться. А что, если Вирата задумал и его, Конана, пропустить через свой Райский сад?

Тщательно исследовав пищу, киммериец убедился, что в нее ничего не подмешано. Тогда он с аппетитом приступил к еде.

Быстро покончив с немногочисленными яствами, он воззрился голодными глазами на поднос, словно в надежде отыскать на нем хотя бы еще кусочек. Вдруг дверь снова приоткрылась, и в комнату скользнула гибкая фигурка — девушка с золотым амулетом на груди, с поясом в драгоценных камнях, стянувшим тонкую талию, и в полупрозрачных шелковых шароварах.

— Ты кто? — рыкнул на нее Конан.

Девушка подалась назад, смуглая кожа на ее лице чуть побледнела.

— Не бей меня, господин! Я не сделала ничего дурного! — От страха и волнения темные зрачки округлились, речь прервалась, пальцы задрожали, как у ребенка.

— Да я и не думал — просто спросил, кто ты такая.

— Я... меня зовут Парисита.

— Как ты сюда попала?

— Меня похитили Невидимые, мой господин. Однажды ночью, когда я гуляла в саду моего отца в Айдохья. Тайными тропами они привели меня в свой ненавистный город демонов, где я, как многие другие девушки Вендии, Иранистана и других стран, стала рабыней. — Она говорила быстро и шепотом, точно боясь, что ее прервут или подслушают. — Я зд-десь уже несколько месяцев. Однажды меня высекли — я думала, что помру от стыда! А еще я здесь видела, как девушки умирали под пытками! О, какой позор для моего отца: вдруг он узнает, что его дочь — игрушка в лапах демонопоклонников!

Конан смолчал, но его горящий взгляд был достаточно красноречив. Пусть его собственная судьба замешана на крови, пусть ему не однажды приходилось убивать и грабить, но в отношениях с женщинами он неизменно следовал своему грубоватому кодексу чести варвара. До этой минуты он еще сомневался, вступать ли ему в братство Вираты, чтобы потом, укрепив положение, так или иначе устранить всех, занимавших в нем высшие посты. Но сейчас главная цель определилась: надо во что бы то ни стало раздавить этот змеинный клубок и обратить их логово себе на пользу... Между тем Парисита продолжала:

— Начальник над девушками получил задание отоб-

рать кого-нибудь для тебя, но главное — надо было узнать, не спрятал ли ты на теле оружия. Чтобы обыскать без помех, подмешали в вино зелья. А после, когда очнешься, усыпив лаской бдительность, я должна была выведать, лазутчик ты или на самом деле тот, за кого себя выдаешь. Указали на меня. Я и так отчаянно трусила, а когда увидела, что ты не спишь, то чуть было вовсе не померла со страху... Скажи, ты ведь не убьешь меня?

Конан усмехнулся. Он не тронул бы и волоса на ее голове, но предпочел пока не говорить об этом. Страх девушки еще может сослужить ему добрую службу.

— Парисита, — обратился он к ней, — ты знаешь что-нибудь о женщине, которую накануне привела с собой банда шабатийцев?

— Да, господин. Они привели с собой пленницу и, скорее всего, хотели поступить с нею так же, как в свое время поступили со всеми нами — сделать ее наложницей. Но та оказалась с характером. Уже в городе, после того как ее передали страже гирканцев, она вдруг вырвалась и, выхватив кинжал, всадила его в грудь брата Захака. Теперь Захак требует ее смерти, и, думаю, ради какой-то пленницы Вирата не захочет портить отношения с гирканцами.

— Так вот почему магистр солгал мне насчет Нанайи, — прошептал Конан.

— Да, господин. Сейчас Нанайя в дворцовом подземелье, а завтра на рассвете ее подвергнут пыткам и казнят.

Смутное лицо Конана приняло зловещее выражение.

— Сегодня, ближе к полуночи, ты проведешь меня в спальню Захака. — Его полыхающие, с прищуром, глаза выдавали дальнейший план.

Девушка покачала головой:

— Ничего не выйдет. Он спит вместе со своими степными псами, с головой преданными своему вожаку. Их слишком много даже для такого сильного воина, как ты. Но я могу провести тебя к Нанайе.

— А как насчет стражника в коридоре?

— Мы выберемся незаметно, а до тех пор, пока я не выйду из комнаты у него на глазах, он сюда никого не впустит.

— Ну что же... — Варвар поднялся с кушетки и потянулся — совсем как тигр перед охотой.

Парисита замаялась.

— Господин... если я правильно тебя поняла... ты ведь не думаешь служить демонопоклонникам, ты хочешь их уничтожить?

Конан осклабился в волчьей усмешке.

— Сказать по правде, с моими недругами частенько случаются всякие неприятности.

— А ты... не причинишь мне зла? Или даже... можешь выбраться отсюда?

— Если смогу. А сейчас — довольно болтать. Вперед.

Парисита откинула гобелен, висевший напротив двери, и нажала на фрагмент причудливого орнамента. Часть стены бесшумно ушла внутрь, и их глазам открылась узкая лестница, ведущая вниз, во мрак.

— Господа почему-то считают, что рабы не могут знать их секретов, — с легкой улыбкой сказала девушка. — Идем.

Как только они вступили на лестницу, плита вернулась на прежнее место. Конан очутился в крошечной тьме, лишь дырочки в плите давали слабый свет. Оба спустились, пока, по расчетам Конана, не оказались значительно ниже дворца, и дальше зашагали по узкому ровному ходу, убегающему вдаль от подножия лестницы.

— Этот ход показал мне один шатриец, решившийся бежать из Джанайдара, — сказала девушка. — Я хотела бежать вместе с ним. Мы прятали здесь оружие и запасы еды. Но наши планы раскрыли. Шатрийца схватили и подвергли изуверским пыткам, но он умер, так и не выдав меня... Здесь должен быть меч, который он припрятал. — Она пошарила в нише и, достав клинок, протянула его киммерийцу.

Они прошли еще несколько ярдов и остановились у двери, обшитой железом. Приложив палец к губам, Парисита указала на крошечные отверстия, служившие для тайного наблюдения. Заглянув в одно, Конан увидел широкий коридор: в монолитной стене была одна-единственная дверь из брусьев черного эбенового дерева, скрепленных для надежности стальными полосами; правая стена прерывалась через равные промежутки большими, в рост человека, решетками, за которыми находились вырубленные в скале ниши — камеры для узников. Дальний конец коридора отстоял ярдов на сто и тоже был перегороден крепкой дверью. Бронзовые лампы под потолком отбрасывали слабый свет.

Перед одной из камер с ятаганом в руке застыл ослепительный гирканец в великолепных латах и в шлеме с

перьями. Кончиками пальцев Парисита коснулась руки Конана.

— Нанайя в той камере, — прошептала она. — Ты справишься? Учти, этот гирканец — сильный воин.

Варвар с мрачной усмешкой взмахнул мечом — длинный клинок вендийской стали, легкий и вместе с тем очень прочный. Конан не стал распространяться, что в совершенстве владеет прямым клинком воинов запада и с не меньшим мастерством — кривым клинком востока; что в бою ильбарский кинжал с двойным изгибом и широкий меч шемитов словно врастают ему в руку... Не теряя времени, Конан открыл дверь.

Киммериец рванулся вперед, клинки встретились. Миг — и лезвия замелькали с такой яростью, что от их пляски зажглась бы кровь и у дряхлого старца, не говоря уже о двух молодых женщинах — невольных свидетельницах поединка. Тишину нарушало лишь шарканье и шлепанье босых ног, звон и скрежет стали да хриплое дыхание воинов. Длинные смертоносные лезвия сверкали в призрачном свете как живые, словно вдруг стали частью живой плоти людей.

Но вот чаша весов дрогнула. Лицо гирканца исказило предчувствие смерти, и в последнем отчаянном усилии он попытался утянуть за собой в небытие и своего врага. Меч взмыл над его головой, но вспыхнула сталь — и клинок Конана легко, точно лаская, прошелся по шее стражника. Не проронив ни звука, гирканец рухнул на пол — из перерезанного горла била кровь.

Секунду Конан стоял над распростертым телом, на острие меча стыла темно-красная полоса. Разорванная одежда открывала легко вздымавшуюся мощную грудь. И только потный ручеек на лбу выдавал еще не схлынувшее напряжение. Наклонившись, Конан сорвал с пояса стражника связку ключей. Послышался скрежет стали в замке, и Нанайя будто очнулась от чар.

— Конан! — воскликнула она. — Ты все-таки пришел! А я уж потеряла всякую надежду! Но что за бой! Жаль, я не могла добавить ему еще и от себя! — Быстро подойдя к труп, девушка выдернула из коченеющих пальцев меч. — Что дальше?

— Если станем выбиратья отсюда до темноты, наверняка пропадем, — ответил Конан. — Нанайя, когда должен прийти стражник на смену этому?

— Они сменяются каждые четыре часа. Этот заступил совсем недавно.

Варвар повернулся к Парисите:

— Какое сейчас время суток? Я не видел солнца с раннего утра.

— Давно за полдень. Заход часа через четыре.

Выходит, он пробыл в Джанайдаре гораздо дольше, чем ему казалось.

— Выбиратья будем, когда стемнеет. Сейчас вернемся в комнату. Нанайя, ты останешься на потайной лестнице, а Парисита выйдет через дверь и вернется в покои к невольницам.

— Но когда придут сменять этого, — чуть заметный кивок на распростертое тело, — то сразу обнаружат, что я сбежала. Думаю, будет лучше оставить меня здесь, пока не наступит подходящее время.

— Я не могу так рисковать. Что, если мне помешают спуститься за тобой? Когда побег откроется, то наверняка во дворце подымется суматоха, а это нам на руку. А сейчас давайте-ка спрячем труп.

Он бросил взгляд на черную дверь, но Парисита, вдруг став бледнее полотна, воскликнула:

— О господин, только не туда! Не открывайте ее! За этой дверью — Смерть!

— Что ты несешь? Говори толком, что там?

— Не знаю. Туда швыряют тела казненных, а еще тех несчастных, кого не замучили до смерти. Что с ними там происходит, я не знаю, но я слышала их вопли — вопли ужаса, страшнее, чем под пытками. Девушки шептались, что за этой дверью живет демон-людоед.

— Похоже на правду, — сказала Нанайя. — Несколько часов назад здесь побывал раб со страшной ношей. Он отпер дверь и выбросил ее наружу, но, судя по росту, тело не могло принадлежать ни мужчине, ни женщине.

— Значит, это был ребенок, — непослушными губами прошептала Парисита и вздрогнула, точно в ознобе.

— Ладно вам, — проворчал варвар. — Сделаем так: переоденем стражника в одежду Нанайи, втащим в камеру и уложим лицом к стене. Ты девушка рослая, и замену обнаружат не сразу. Может быть, сменщик примет его за тебя и решит, что ты спишь или вообще со страху померла — это неважно. В любом случае он первым делом кинется разыскивать товарища, и чем дольше они прово-

зятся, тем больше у нас будет времени на то, чтобы отсюда выбраться.

Не колеблясь ни секунды, Нанайя сбросила куртку, стянула через голову рубашку и быстрым движением выскользнула из коротких штанов; Конан тем временем раздвигал гирканца. Зардевшись, Парисита издала тихий возглас изумления.

— Что такое? — буркнул Конан. — Ты что, никогда не видела голых? Помолчала бы лучше, чем без дела разевать рот.

Через минуту Нанайя была уже в одежде гирканца — натянула на себя все, кроме шлема и доспехов. Пока девушка без особого успеха пыталась соскрести ногтями кровавое пятно с плеча накидки, Конан втащил мертвеца в камеру и уложил его у дальней стены, отворотив лицо так, чтобы скрыть усы и клок бороды. Затем, натянув рубашку Нанайи ему на шею, прикрыл ею страшную рану. Закончив с трупом, киммериец закрыл камеру на замок и протянул ключи Нанайе:

— Кровь с пола нам не стереть. У меня пока нет плана, как выбраться из города. Если ничего не выйдет, я просто убью Вирату, а дальше — да свершится воля Крома! Если же выберетесь без меня, уходите той же тропой, какой сюда попали, и, затаившись где-нибудь, дожидаетесь воинов из Кушафа. Тубала я послал на рассвете, к сумеркам он должен добраться до Кушафа, значит, козаки будут в каньоне у плато завтра утром.

Они вернулись к потайной двери, — закрытая, та полностью сливалась со стеной. Пройдя узким коридором, все трое поднялись по лестнице.

— До времени останешься здесь, — сказал Конан Нанайе. — Сиди тихо и не высывайся — все равно не поможешь. Если со мной что случится, попробуй дождаться Париситу и уходите вдвоем.

— Как скажешь, Конан. — Скрестив ноги, Нанайя усеялась на верхнюю ступеньку.

Парисита и Конан вошли в комнату. Чтобы как-то приободрить девушку, киммериец легонько сжал ей запястье.

— Сейчас уходи: если еще задержишься, то могут почуять неладное. Постарайся вернуться сразу, как совсем стемнеет. Страже скажешь, что, мол, так велел магистр. Думаю, я пробуду здесь до возвращения этого парня —

Тигра. А вот когда все созреет для побега, я наведаюсь к Вирате и поговорю с ним по душам. Да, тебя будут расспрашивать, так ты скажи им, что вино я пил, что ты меня обыскала, но никакого оружия не нашла.

— Слушаюсь, господин! Я вернусь, как стемнеет. — От возбуждения и страха голос девушки вздрагивал.

Парисита ушла. Конан взял кувшин с вином и смазал им губы, чтобы чувствовался характерный запах. Потом вылил остатки в угол за гобелен и, растянувшись на кушетке, притворился спящим.

Минуту спустя дверь снова приоткрылась и кто-то вошел. Конан не шелохнулся: судя по легкому шороху босых ног и аромату, это девушка, но, по некоторым признакам, не Парисита. Очевидно, полностью магистр не доверяет никому, и меньше всего — женщинам. Навряд ли она послана с целью убить его — вполне хватило бы подмешать в вино яду, — а потому будет лучше не рисковать и не пытаться заглянуть сквозь ресницы.

Частое, прерывистое дыхание выдавало ее страх. Ноздри девушки едва не касались губ киммерийца, пока она, склонившись над ним, старалась уловить в его размеренном дыхании запах подмешанного в вино зелья. Кончики нежных пальцев пробегали по его телу в поисках оружия. Затем, со вздохом облегчения, девушка выскользнула из комнаты.

Воин тихонько рассмеялся. Пройдет еще немало часов, прежде чем настанет время действовать, а потому, пока есть такая возможность, стоит поспать. Теперь жизнь Конана, а также жизни двух девушек зависели от того, насколько удачно ему удастся нащупать способ, как улизнуть из города демонопоклонников. А между тем он спал крепко, без сновидений, точно возлежал на мягком ложе в доме лучшего друга.

5. Маска сорвана

Чья-то рука чуть коснулась двери, и Конан уже на ногах — с ясными глазами, готовый в любую секунду дать отпор: в комнату с поклоном входил Хазан. Торжественным тоном стигиец объявил:

— О господин, великий Магистр сынов Джезма желает тебя видеть. Тигр вернулся.

Так, значит, этот Тигр вернулся раньше, чем его ждали. Следуя за стигийцем, Конан чувствовал, как растет напряжение в мускулах, как обостряется восприятие, быстрее бежит в жилах кровь.

Хазан прошел не в тронный зал — место первой встречи с магистром, а извилистым коридором вывел к двери в бронзовых пластинках, перед которой стоял гирканец с обнаженным мечом в руке. Страж открыл дверь, и Хазан, шагнув первым, жестом пригласил Конана войти. Едва киммериец переступил порог, как дверь захлопнулась.

Конан огляделся. Он находился в просторной комнате без окон, в которую выходило несколько дверей. Против него у дальней стены помещалась кушетка, на которой развалился магистр, — оба черных раба по бокам. Тут же, рядом, толпились не меньше дюжины вооруженных людей: зуагиры, гирканцы, иранистанцы, шемиты, и, к своему большому удивлению, Конан увидел среди них и злодейского вида гиперборея — первого за все время, что он пробыл в Джанайдаре.

Чтобы оценить силы врага, варвару хватило мимолетного взгляда. И тут же его внимание приковал человек в центре комнаты. Тот стоял между ним и магистром, широко — на манер всадника — расставив ноги, ростом почти с Конана, хотя и не такой плотный. Широкие плечи, стальные мускулы и гибкое, как китовый ус, тело выдавало в нем сильного воина. Короткая черная борода не могла скрыть воинственно выпяченной нижней челюсти, а серые глаза под высокой меховой шапкой смотрели холодно и пронзительно. Облегающие штаны не скрывали мускулистых ног. Пальцы правой руки поглаживали усыпанный камнями эфес сабли, пальцы левой теребили жидкие усы.

Итак, игра окончена. Перед Конаном стоял Ольгерд Владислав, искатель приключений из Запорожья, который знал варвара слишком хорошо, чтобы в нем обмануться. И, разумеется, он не забыл, как три года назад Конан вытеснил его в борьбе за лидерство в банде зуагириров, оставив на память об их споре сломанную руку.

— Наш гость желает присоединиться к нам, — нарушил молчание Вирата.

Человек по прозвищу Тигр усмехнулся:

— Лучше уж лечь в постель с леопардом, чем с этим. Я знаю Конана уже порядочно. Он ужом проползет в

твои ряды, настроит против тебя всех людей, а потом, когда меньше всего будешь этого ждать, всадит в спину нож.

Десятки обращенных на киммерийца глаз запылали жадной смерти. Для воинов Тигра слово их начальника было решающим.

Конан расхохотался. Ну что ж, он сделал все возможное и дурачиться дальше не имеет смысла. Наконец-то он может сорвать с дикой души варвара ненавистную маску светского хлыща, чтобы без глупых сожалений с головой отдаться кровавым играм!

Магистр пожал плечами.

— Ты знаешь, Тигр, в подобных вещах я полностью полагаюсь на твое мнение. Поступай как знаешь, он безоружный.

При мысли о беспомощности своей жертвы лицо воинов исказил волчий оскал. В воздухе засверкала обнаженная сталь. Ольгерд жестоко усмехнулся.

— Мы придумаем тебе конец позабавней, — сказал он. — Интересно, будешь ли сохранять то же спокойствие, с каким развешивал на крестах людей в Хауране... Связать его!

Не прерывая речи, Ольгерд потянулся за саблей, но так медленно и неохотно, словно забыл, какую опасность таит в себе этот черноволосый варвар, какая дикая необузданная сила заключена в этих вздувшихся буграх мускулов.

Не успел Ольгерд вытащить клинок, как Конан, вдруг прыгнув вперед, нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Мощь огромного кулака могла бы сравниться разве что с мощностью молота в руках кузнеца. Ольгерд рухнул на каменный пол, изо рта его хлынула кровь.

Конан схватился за эфес сабли, но над ним уже навис гиперборей с огромным ильбарским кинжалом. Он один разгадал под маской нарочитого спокойствия смертоносную ярость варвара, но все-таки не смог уберечь своего начальника. Однако он не дал Конану завладеть саблей: тот выпустил эфес и круто повернулся, чтобы встретить врага. Гиперборей ударил, но варвар успел перехватить в запястье руку, и острие клинка, подрагивая, остановилось в дюйме от его груди. Нечеловеческим усилием удерживая смерть левой рукой, Конан правой выхватил из-за пояса гиперборея кинжал и всадил тому по самую рукоятку меж ребер. Враг повалился с предсмертным хрипом,

а Конан, вырвав из ослабевших пальцев страшный клинок, легко, как пантера, вскочил на ноги.

Все произошло с ошеломляющей быстротой — в мгновение ока. Прежде чем кто-либо очухался, Ольгерд уже лежал недвижим, а над ним хрипел гиперборей. Когда подоспели остальные, их встретил трехфутовый ильбарский клинок в руке искуснейшего воина Хайборийской эры.

Внезапный выпад в развороте — и опередивший прочих зуагир с отчаянным воплем отступил назад: из рассеченной сонной артерии с хлеставшей кровью быстро уходила жизнь. Глухо застонал гирканец, зажимая ладонями вспоротый живот. Стигиец, до которого дотянулся клинок, вдруг споткнулся, схватившись за кровавую култышку вместо правой руки: запястье с ятаганом упало ему под ноги.

Конан не отступил к стене, чтобы обезопасить тыл. Наоборот, бешено размахивая окровавленным кинжалом, он прыгнул прямо в гущу врагов. Киммериец очутился как бы в центре урагана: вокруг него, сверкая, взлетали и опускались сабли, из ран потоками струилась кровь, слышались хрип, проклятия и стоны, но каким-то чудом все удары врагов попадали мимо цели — варвар двигался так стремительно, так быстро менял стойки, что враги никак не могли за ним уследить. Их многочисленность только мешала делу: сбитые с толку его увертливостью, ошеломленные неожиданным нападением и кровавой резней, они лишь попусту размахивали оружием, зачастую ранив и убивая друг друга.

В яростной схватке длинный ильбарский кинжал оказался несравненно удобнее ятаганов и сабель, и Конан успешно пользовался его преимуществами: ударами сверху разрубал черепа, отсекал конечности, с размаху вспарывал животы.

Это была работа мясника — тяжелая и кропотливая, но Конан не сделал ни одного лишнего движения. Он уверенно перемещался среди напряженных тел и стальных клинков, оставляя за собой кровавый след.

Схватка длилась не больше минуты. Наконец уцелевшие, уstraшенные огромными потерями, отступили в замешательстве. Тогда, окинув быстрым взглядом комнату, Конан нашел магистра, по-прежнему лежавшего на кушетке между бесстрастными кушитами. Но едва мускулы ног напряглись для прыжка, как громкий шум заставил Конана оглянуться.

В дверях, выходящих в коридор, появились стражники-гирканцы с тяжелыми луками, и люди в комнате, не мешкая, подались по сторонам. На раздумье — секунда, пока руки воинов с напряженными, узловатыми мышцами вкладывают стрелы и, прицеливаясь, натягивают тетивы луков. Главное — просчитать, успеет ли он убить магистра, прежде чем убьют его самого. Нет, ничего не выйдет: еще в прыжке его тело пронзят с полдюжины стрел, пушеных из тугих луков гирканских кочевников. Они поражают и за пятьсот шагов и легко пробьют его кольчугу. Да от одних ударов стрел его тело, не долетев до цели, рухнет на пол.

И вот в тот миг, когда начальник лучников открыл рот, чтобы крикнуть «Бей!», Конан плашмя бросился на пол. Стрелки спустили тетивы. С тонким свистом, сталкиваясь на лету, с полдюжины стрел пролетели в нескольких дюймах над его головой.

Пока лучники доставали из колчанов новые стрелы, киммериец, не выпуская кинжала, с такой силой оттолкнулся кулаками от пола, что тело его подбросило в воздух. Миг — и он снова на ногах. Но прежде чем гирканцы вновь изготовились к стрельбе, Конан был уже среди них. Звериным натиском и неустанной работой клинка он проложил тропу из окровавленных, корчащихся тел. Разметав какой-то сброд за дверью, Конан помчался по коридору. Он несся наугад, захлопывая за собой двери комнат в слабый надежде сбить погоню со следа, а суматоха во дворце все набирала силу. Вот Конан свернул в узкий ход и вдруг очутился в тупике с зарешеченным окном.

Из ниши с дротиком в руке высочил горец-гимелиец. Конан обрушился на него подобно горному обвалу. Уstraшенный видом невесты откуда взявшегося перепачканного кровью чужака, гимелиец дико закричал и вслепую ткнул своим оружием, промахнулся, потянул было на себя, но еще раз ударить не успел: варвар, потеряв разум от обилия крови, яростно взмахнул кинжалом. Брызнула алая струя, и голова горца, соскочив с плеч, глухо брякнула о камень.

Конан метнулся к окну. Размахнувшись, он ударил тяжелой рукоятью по прутьям — бесполезно! Тогда, вцепившись в решетку обеими руками, он уперся подошвами в стены по обе стороны окна и что было сил потянул решетку на себя. Мышцы вздулись, глаза залил пот, по-

следний бешеный рывок — и решетка вместе с каменной крошкой вылетела из окна! Киммериец с трудом протиснулся в образовавшуюся брешь и оказался на балконе в ажурной оплетке из тонких медных прутьев. Внизу благоухал сад, а за его спиной слышался громовой топот ног по коридору. Рядом с ухом пропела стрела. Выставив перед собой руку с кинжалом, наклонив голову, Конан прыгнул вперед и, прорвавшись сквозь легкое ограждение, полетел боком вниз, однако приземлился на ноги мягко, по-кошачьему.

Сад был пуст, если не считать с полдюжины наложниц, которые, завидев варвара, с визгом разбежались в разные стороны. Не теряя времени, киммериец помчался к стене напротив, петляя меж деревьев, чтобы спастись от града стрел. Бросив взгляд через плечо, Конан увидел на балконе десяток разъяренных воинов с перекошенными злобой лицами. Резкий крик подсказал ему: впереди опасность!

По стене, размахивая саблей, бежал человек.

Этот парень — смуглый толстый вендиец — точно рассчитал место, к которому должен был выбежать варвар, но сам туда немного опоздал. Высотой стена была в рост человека, не больше. На бегу ухватившись за край, Конан оттолкнулся от земли и легко взлетел на гребень. Через секунду, увернувшись от удара сабли, он погрузил ужасный клинок в выпирающий живот вендийца.

Тот, заревев как бык, в последнем усилии обхватил своего убийцу и, не разжимая рук, стал заваливаться через парапет. Конан едва успел заметить уходящую вниз отвесную гладкую стену. Небольшой выступ задержал падение, но ненадолго — оба рухнули с высоты пятнадцати футов прямо на камни! Однако Конан изловчился и в падении поменялся с вендийцем местами, так что жирное тело смягчило удар. И все-таки киммерийца тряхнуло так, что душа едва не отлетела от тела.

6. Призрак ушей

Конан, пошатываясь, поднялся на ноги. Руки его были пусты. Подняв голову, он увидел над краем парапета ряд голов в тюрбанах и шлемах. Но вот появились луки и стрелы.

Конан затравленно огляделся — укрыться нигде. Вновь

броситься плашмя? Нет, бесполезно: с высокой стены он послужит для лучников отличной мишенью.

Зазвенела спущенная тетива, и, ударившись о камень, стрела разлетелась в щепки. Конан кинулся на землю — за тело убитого вендийца. Просунув под него руку, он перевалил окровавленное, все еще теплое тело на себя. Едва он это сделал, как целый град стрел обрушился на труп. Конан почувствовал себя точно под наковальней, по которой вдруг дружно замолотила компания кузнецов. К счастью, этот вендиец оказался настолько толстым, что все острия застревали в мертвой плоти, не причиняя вреда варвару.

— Кром! — выругался Конан — стрела задела ему икру.

Наконец джезмиты убедились, что только разукрашивают труп перьями, и дробный стук прекратился. Конан нащупал пухлые волосатые запястья. Затем, повернувшись на бок, вскочил и забросил мертвеца себе за спину. Руки варвара задрожали от напряжения — вендиец весил не меньше самого Конана.

Прикрываясь трупом как щитом, Конан стал удаляться от стены. Увидев, что жертва ускользает от мести, джезмиты разом завопили и послали вдогонку целую тучу стрел, но те также не достигли цели.

Еще несколько шагов — и киммериец укрылся за торчащим каменным зубом. Конан сбросил мертвеца, — грудь и лицо трупа украшали не меньше дюжины стрел.

— Будь у меня лук, я бы научил этих псов кой-чему, — процедил варвар сквозь зубы, выглядывая из-за камня.

Над стеной повсюду торчали головы, но луки бездействовали. Среди тюрбанов и шлемов Конан узнал высокую меховую шапку Ольгерда Владислава. Ольгерд закричал со стены:

— Ты думаешь — удрал? Давай беги! Ты еще пожалеешь, что не остался в Джанайдаре в компании моих головорезов! Прощай, покойничек!

Ольгерд отрывисто кивнул, и его люди вместе со своим начальником скрылись с глаз. Конан остался один, не считая трупа у его ног.

Нахмурившись, варвар неторопливо огляделся: помнит-ся, южный край плато, у города, обрывался во множество узких расселин, и, похоже, он находится как раз в этой

впадине. Прямое, шириной в десять шагов ущелье походило на огромную ножевую рану. Оно выходило из лабиринта и другим концом упиралось в отвесную гладкую скалу, служившую основанием для дворца и дворцового сада. Высотой футов в двадцать, скала в этом месте была слишком гладкой для творения природы.

Боковые стены здесь также были отвесными и носили следы инструментов. В тупике на высоте пятнадцати футов их опоясывал железный карниз, утыканный короткими, острями вниз, лезвиями. Карниз выручил Конана, задержав падение, но любой, кто захотел бы выбраться из ущелья, напоролся бы на эти стальные жала. Ложе ущелья представляло собой пологий склон, так что за пределами железного пояса стены высились уже на двадцать и более футов. Это была западня: частью — творение природы, частью — созданная руками человека.

Конан посмотрел вдоль ущелья. На другом конце оно расширялось, разделяясь на расселины поуже с монолитными каменными грядами вместо стен; а над всем этим темнели очертания огромной горы. Ход в лабиринт был свободен, но вряд ли преследователи, обезопасив себя в одном конце ущелья, оставили лазейку в другом.

Однако в любом случае он не намерен сидеть сложа руки, покорно ожидая уготованной участи. Они, как видно, решили, что с ним уже все кончено, но разве не было других, кто думал точно так же, — и где они сейчас?

Конан вытащил из тела вендийца ильбарский кинжал, вытер с лезвия кровь и зашагал вниз по ущелью.

Через сотни ярдов он достиг места, куда выходили узкие расселины, выбрал первую попавшуюся — и сразу потерялся в кошмарной путанице лабиринта. Ходы беспорядочно петляли среди дикого нагромождения камня. Почти все они, то сливаясь, то вновь разделяясь, протянулись с севера на юг, и каждый заканчивался тупиком; а если, пытаясь выбраться, Конан перелезал через стену, то попал точно в такой же ход. Раз, спускаясь с гряды, Конан вдруг услышал, как под его пяткой что-то сухо треснуло. Поглядев под ноги, он увидел высохший человеческий скелет. Раздробленный на куски череп лежал неподалеку. С этой минуты страшные останки стали попадаться все чаще. И у каждого скелета — сломанные, неестественно вывернутые кости, расчлененные позвоночники, расколотые черепа. Было ясно одно: силы природы здесь ни при чем.

Настороже, ощупывая взглядом каждый выступ, каждую затененную нишу, Конан медленно продолжал путь. В одном месте он почувствовал слабый запах гниющих отбросов и вскоре наткнулся на раскиданные по земле дынные корки и плоды папайя. Его ноги почти все время ступали по камню, и вдруг он вышел на следы! Почти занесенные песком, они, однако, читались довольно отчетливо. Их не могла оставить лапа леопарда, медведя или тигра, что было бы вполне естественно в горах с такими условиями. Нет, больше всего они походили на отпечатки босой, неправильной формы человеческой ступни!

Через некоторое время Конан вышел к полого выступающей скале, к которой пристали клочья жестких пепельных волос, будто о камень кто-то недавно терся спиной или брюхом. Вместе с запахом гнили воздух здесь был насыщен отвратительной, резкой вонью, особенно нестерпимой в неглубоких пещерах, где этот зверь, человек или демон, похоже, проводил ночи.

Отчаявшись отыскать выход из каменной западни, Конан решил подняться на изъеденную непогодой грядой, которая снизу казалась несколько выше других.

С ее острого гребня киммериец внимательно оглядел местность. Повсюду — на востоке, юге и на западе — взгляд наткался на преграды. Крутые скалы и гряды, шпиль и пики окружали лабиринт неприступной стеной. И лишь с севера это кольцо было разорвано ущельем, протянувшимся от дворцового сада.

Природа загадочного явления прояснилась. Как видно, давным-давно часть плато между горой и местом, где сейчас стоял город, просела, в результате чего образовалась огромная в виде чаши впадина. С течением времени под воздействием солнца, воды и ветра ровная поверхность впадины разрушилась, и образовался этот чудовищный каменный хаос.

Итак, по ущельям бродить бесполезно. Сейчас главное — добраться до края лабиринта, чтобы отыскать в изломанной стене какую-нибудь скалу, источенную непогодой, по которой можно было бы подняться, или же щель у основания, в которую должна вытекать дождевая влага. Кажется, одна из расселин, ведущих на юг, длиннее прочих и как будто не такая извилистая. Быть может, по ней он скорее попадет к подножию горы, нависшей над впадиной? И вовсе ни к чему ломиться напрямик и караб-

каться с гряды на гряде, рискуя пораниться об острые выступы. Будет гораздо легче и быстрее сначала вернуться к развилке у скалы с железным козырьком, а потом уже узкими расселинами выйти к цели.

Быстро спустившись, Конан зашагал обратно. Солнце клонилось к закату, когда он вышел к большому ущелью. Определив нужный ему ход, он направился к устью, на ходу оглянувшись, чтобы взглянуть напоследок на труп у дальней скалы... и застыл, пораженный.

Тело вендийца исчезло, хотя его сабля по-прежнему лежала у подножия стены. Рядом валялись несколько стрел — похоже, они выпали из трупа, когда того волокли по камням. Внимание варвара привлекло слабое мерцание футов за пять от него. Приблизившись, Конан обнаружил, что оно исходит от пары серебряных монет, валявшихся в пыли.

Конан подобрал монеты и какое-то время в задумчивости их разглядывал. Затем, прищурившись, тщательно обшарил взглядом каждый излом, каждый закоулок вокруг. Проще всего было бы предположить, что тело унесли сами джезмиты, каким-то образом проникшие в ущелье. Но в этом случае они наверняка подобрали бы неповрежденные стрелы, не говоря уже о деньгах.

Но если это не джезмиты, то кто? Опять же эти изломанные скелеты и раздробленные черепа... Помнится, Парисита говорила что-то о двери в преисподнюю или о чем-то в этом роде... Да, дело ясное: здесь, в лабиринте, обитает неведомая, враждебная человеку сила. Кром всемогущий! А что, если та причудливо изукрашенная дверь в темнице выходит не куда-нибудь, а в это самое ущелье?!

Осмотрев дюйм за дюймом гладкую стену, Конан обнаружил то, то искал: узкие трещинки, незаметные для случайного взгляда, выдавали знакомые очертания. Замаскированная под скалу со стороны ущелья, дверь была пригнана почти идеально. Мускулы варвара напряглись — и все силы его тела ушли в мощный удар!.. Дверь даже не шелохнулась. Конан вспомнил о тяжелых засовах и стальных полосах. Пожалуй, такую дверь разобьет только таран. Непроступная дверь, лезвия железного карниза, гладкие стены — они сделали все возможное, чтобы таинственный обитатель каменных джунглей не смог попасть в город. Но, с другой стороны, вряд ли пики и двери способны остановить демона, а значит, тварь, против которой приняты

все эти меры, должна быть создана из плоти и крови. Это несколько успокаивало.

Конан посмотрел вниз — туда, где в большое ущелье выходили десятки узких расселин. Интересно, какое чудовище скрывает в себе лабиринт? Солнце еще не село, не успело скрыться за краем стены, и его лучи не достигали дна. По-прежнему было светло, но уже отовсюду наполнили тени.

Вдруг до ушей варвара донесся шум: приглушенные удары — тум-тум-тум, — как будто два барабана отбивали ритм марширующим воинам. И вместе с тем в этих звуках было что-то необычное. Конану был знаком сухой треск деревянных колод — барабанов Куша, гром медных литавр гирканцев, рассыпчатая дробь походных барабанов гипербореев, но эти удары отличались от всех. Конан оглянулся на Джанайдар, но шум доносился не со стороны города. Казалось, он исходит сразу отовсюду: из воздуха, от стен вокруг, из-под земли.

Затем наступила тишина.

Когда Конан снова вступил в лабиринт, впадина уже погрузилась в голубоватый сумрак. С полчаса он пробирался извилистыми ходами, пока наконец не очутился в широком месте, откуда, как он заметил с гребня гряды, можно было почти напрямую добраться до южной стены впадины. Но не прошел Конан и пятидесяти ярдов, как расселина разделилась под острым углом на два хода. С гряды он развилку не заметил и сейчас, озадаченный, медлил, не зная, какой следует выбрать путь.

Конан пристально вглядывался в оба хода и вдруг замер. В правой расселине ярдов за сорок от развилки виднелся сгусток фиолетовой тени — ниша в скале. И в этом сгустке что-то шевелилось! Внезапно мускулы под кожей вздулись буграми, стальными струнами зазвенели нервы: перед человеком в неверном лунном свете стояло огромное волосатое существо!

Чудовищная обезьяна на кривых, узловатых ногах, ростом не ниже гориллы, высилась в полумраке подобно навещающему ужас призраку из древней легенды, облаченному в живую плоть и кровь. Существо чем-то напоминало человекообразных обезьян — Конан прежде встречал таких в горах по берегам моря Вилайет, — но эта была зна-

чительно крупнее, а спутанные клокья пепельно-серой, едва не белой шерсти — густой, как у животных Севера, — свисали почти до земли.

Судя по отпечаткам ступней и расположению больших пальцев, по своему развитию тварь стояла ближе к человеку, чем к животным. Она не лазила по деревьям — местами ее обитания были, скорее, горные отроги и степи. В целом с чертами обезьяны, лицо, однако, имело и отличия: более выраженная переносица и не такая массивная нижняя челюсть. Но отдаленное сходство с человеком только усиливало отвращение при виде твари, а огоньки в маленьких красных глазках мерцали лютой злобой и жестокостью.

И тут Конан вспомнил: перед ним чудовище, о котором упоминалось в мифах и легендах Севера, — снежная обезьяна из жутких пустынь Патении. О существовании зверя ходили самые невероятные слухи, и все они зарождались на унылых плато бесплодной земли Лоулана. Жители горных племен клялись всеми богами, что все рассказанное ими — чистая правда, что в их стране и вправду обитает человекоподобный зверь, который пришел к ним еще в незапамятные времена и сумел приспособиться к скудной пище и суровым морозам северных гор.

Все это пронеслось в мозгу варвара, точно вспышка молнии, пока оба — человек и зверь, — не двигаясь, с напряженным вниманием оглядывали друг друга. Но вот обезьяна оскалила желтые клыки, с ее зубов сорвались клокья пены, и, раскрыв пасть, зверь издал высокий, леденящий душу крик, многократно отраженный от стен ущелья.

Конан ждал: ноги словно вросли в камень, острое клинка направлено в мощную грудь обезьяны.

До этого дня чудовищу попадались или мертвецы, или измученные пыткой узники. Его разум, отличавшийся от разума зверя лишь крохотной живой искоркой, находил жестокое удовольствие в предсмертных страданиях своих жертв. А этот двуногий перед ним — такое же слабое создание; и пусть у него в руке что-то блестит, зверь, как и с теми, сначала натешится его муками, а потом разорвет на части и разможжит голову, чтобы добраться до лакомства — нежного, жирного мозга.

Размахивая длинными руками, обезьяна шагнула вперед. Конан понял, что он уцелеет только в одном случае:

если сумеет избежать смертельных объятий этих огромных рук.

Чудовище оказалось проворнее, чем можно было ожидать. Между противниками оставалось еще несколько футов, когда чудовище вдруг оторвалось от земли в мощном прыжке. Но еще не накрыла варвара уродливая тень, еще не сомкнулись страшные руки, как Конан сделал легкое движение; и будь на его месте леопард, тот был бы посрамлен изяществом, с каким человек уклонился от удара.

Толстые черные ногти лишь зацепили рваную тунику. Тут же блеснул клинок — и сдавленный вопль прокатился по лабиринту: правое запястье обезьяны было разрублено до половины! Плотный волосатый покров не позволил клинку довершить дело. Из раны хлынула кровь. Два-три мгновения — и зверь вновь бросился вперед, на этот раз с такой яростью, что человек не успел отскочить в сторону.

Конан успел лишь увернуться от узловатых пальцев, едва не вспоровших живот острыми ногтями, но литое; точно каменная глыба, плечо ударило его в грудь, и, путаясь ногами, киммериец отлетел к стене. Зверь медленно приблизился. Волосатая рука схватила варвара и потащила по камням. Полуживой, едва не ослепший от пыли, пота и крови, варвар в последнем отчаянном усилии всадил кинжал по самую рукоятку в огромное брюхо зверя.

В следующий миг оба со страшной силой ударились о каменную гряду. Уродливая рука обхватила торс человека. Визг животного оглушил его, страшные зубы, роняя клочья пены, искали его плоть. Но вот челюсти клацнули в последний раз, обезьяна запрокинула голову, и по всему телу твари пробежала предсмертная судорога.

Конан высвободился из мощных объятий и, с трудом встав на ноги, протер глаза: его враг в агонии бил ногами. С ужасной обезьяной было покончено. Клинок киммерийца, пройдя сквозь мускулы и внутренности, вонзился прямо в свирепое сердце антропоида!

От долгого напряжения мускулы Конана дрожали. Его тело — крепкое, как железо, — сумело выдержать яростный натиск чудовища, которое порвало бы на куски любого, будь тот хоть на ничтожную малость слабее варвара. Но в эту схватку Конан вложил всего себя до самой последней клеточки. Одежда едва держалась на плечах, несколько звеньев кольчуги были разорваны. Пальцы с острыми ногтями оставили на спине кровавые борозды.

Человек стоял, тяжело дыша, как после долгого бега, с головы до ног перепачканный кровью — своей и животного.

Шло время. Показалось красное солнце, перечерченное надвое дальним каменным пиком. Конан усиленно размышлял над происшедшим, и постепенно неясная прежде картина обретала четкость. Наверняка измученных пыткой узников вышвыривают обезьяне через дверь в скале. Подобно тварям, обитавшим у моря Вилайет, она питалась и растительной, и животной пищей. Но только узники навряд ли могут насытить такого огромного и подвижного зверя. Значит, джезмиты должны постоянно его подкармливать — отсюда и объедки дыни, папайи и других плодов.

Конан сглотнул и почувствовал жажду. Он избавил расселины от их жуткого обитателя, но неизбежно погибнет от голода и жажды, если не найдет способа, как выбраться из провала. В этой каменной пустыне где-то должен быть ключ и должна быть лужа с дождевой водой, откуда пила обезьяна, но на их поиски мог уйти целый месяц.

Лабиринт быстро заполняли сумерки, когда Конан, постояв у развилки, направился в правую расселину. Шагов через тридцать обе расселины встретились, и дальше ход был просторнее. С каждым шагом гряды по сторонам становились круче и выше, а в стенах все чаще встречались пещерки и ниши с тошнотворным запахом обезьяны. Конану вдруг пришло в голову, что тварь, возможно, не одна, что могут быть и другие, но он тут же отбросил эту мысль: будь это так, на крик одного зверя немедленно явились бы сородичи.

Наконец над головой нависла громада черной горы. Каменное ложе изгибалось вверх все круче, и вскоре Конан уже карабкался по склону — все выше и выше, пока не очутился на узком козырьке. Перед ним по ту сторону провала лежал город джезмитов Джанайдар. Отдыхая, киммериец прислонился спиной к гладкой отвесной скале — ни единой трещинки, муха и та не зацепится!

— Кром и Митра! — негромко выругался он.

Вверх пути не было. Конан начал пробираться вправо по склону, пока не достиг края плато. Здесь стены круто обрывались вниз.

Сгустившиеся сумерки мешали определить глубину. Конан прикинул: пожалуй, его бечевы не хватит и до

половины. Тем не менее он размотал с талии веревку и опустил ее на всю длину. Крюк повис, свободно покачиваясь в воздухе.

Тогда Конан возвратился на козырек и стал пробираться по другую сторону, не теряя надежды так или иначе нащупать спуск с горы. Здесь склон был не такой крутой. Он снова размотал веревку и повторил опыт — на этот раз удачно. Где-то на глубине тридцати футов находился выступ. Конан наклонился над пропастью — выступ едва заметной тропинкой вел дальше по склону и терялся среди нагромождения скал. Чтобы спуститься с плато этим путем, пришлось бы пробираться по каменным торосам, десятки раз рискуя сломать себе шею. Малейшая оплошность — и вниз, с высоты сотен футов прямо на торчащие клыки скал! Путь не из легких, однако Нанайя сильная девушка, и она его одолеет!

Но главное сейчас — как-то попасть в Джанайдар. Там, на потайной лестнице во дворце Вираты, его дожидается Нанайя... если, конечно, ее до сих пор не обнаружили. И самый верный способ — это подождать, пока не придет джезмит с кормом для обезьяны и не откроет эту дверь в преисподнюю. К тому же, судя по времени, Тубал вместе с воинами из Кушафа должен быть уже на пути к Джанайдару.

В любом случае у него есть чем заняться в этом городе. И, слегка пожав плечами, киммериец повернул обратно.

7. Смерть в дворцовых покоях

С трудом отыскивая путь в наступившей темноте, Конан пробирался расселинами лабиринта. Наконец он вышел в широкое устье, на другом его конце высилась отвесная стена с поясом из стальных лезвий. Огни Джанайдара отбрасывали в небо слабый свет, увенчивая скалу призрачным, мертвенным ореолом; в воздухе слышались тягучие, заунывные звуки ситара. Высокий женский голос вторил им жалобной песней. Стоя посреди разбросанных скелетов, Конан мрачно усмехнулся в темноту.

Еды перед дверью не было — ни плодов, ни трупов. Осталось лишь гадать, как часто кормили этого зверя и будут ли вообще его кормить этой ночью.

Делать нечего — ему не привыкать ставить на кон свою шкуру. Киммериец стоял, вжавшись в скалу сбоку от двери, неподвижный как статуя, а между тем мысль о Нанайе, о том, где она сейчас, что с ней, буквально сводила его с ума.

Так минул час. Конан готов был потерять последнее терпение, как вдруг послышался лязг засовов, и дверь чуть приоткрылась.

Кто-то смотрел в узенькую щелку, желая, как видно, удостовериться, что ужасного стража лабиринта нет поблизости. Секунды тянулись мучительно медленно. Вновь заскрипели шарниры, дверь открылась, и из нее появился человек; в руке он держал большую медную чашу с овощами и фруктами. Джезмит наклонился, чтобы поставить чашу, и, вдруг заметив тень у стены, удивленно вскрикнул. Но поздно: варвар взмахнул кинжалом, и человек повалился на камни — вниз по ущелью катилась голова.

Заглянув в открытую дверь, Конан увидел пустой коридор и пустые камеры-клетки. Тогда он подхватил обезглавленное тело под мышки и, оттащив от стены, спрятал среди обломков скал.

Затем он вернулся, вошел в коридор и, закрыв за собой дверь, аккуратно наложил засовы. С кинжалом в руке, весь настороже, Конан пошел к потайной двери, ведущей в туннель и дальше — к лестнице. Там он укроется. Правда, его с Нанайей могут обнаружить, но в таком случае они забаррикадируются в коридоре с камерами и до подхода друзей будут держать оборону здесь... если, конечно, друзья вообще когда-нибудь подойдут.

Но не успел киммериец приблизиться к потайной двери, как услышал у себя за спиной скрип шарниров. Конан круто развернулся — дверь на другом конце коридора медленно приоткрывалась. Варвар стремительно бросился к проему, в котором уже показался стражник.

Как и убитый, этот был гирканцем. При виде мчащегося на него варвара из груди воина вырвался сдавленный крик, его рука метнулась к ятагану.

Последний мощный прыжок — и острое ильбарского кинжала уперлось в грудь стражника. Тот в страхе отшатнулся к закрывшейся двери.

— Тихо! — прошипел Конан.

Гирканец застыл, его желтоватое лицо стало белее снега, мускулы подрагивали. Он осторожно выпустил рукоят-

ку ятагана и протянул к варвару руки, моля о пощаде.

— Ты один? — Глаза Конана сверкнули.

— Один, клянусь Таримом! Больше никого!

— Где иранистанская девушка — Нанайя? — В душе Конан надеялся, что знает это, но, с другой стороны... вдруг бегство обнаружили и ее вновь схватили?

— То ведомо одним богам! — ответил гирканец. — Мы с отрядом стражи привели в темницу собак зуагиров и тут, в камере, нашли своего товарища с полуотрубленной головой, а девчонки там не было. От всего этого во дворце такой переполох поднялся, такая беготня — куда там! Но мне приказали увести зуагиров, так что больше я ничего не знаю.

— Каких зуагиров? — удивился Конан.

— Да тех ротозеев, что не заметили тебя на Лестнице. За свою оплошность они должны завтра утром умереть.

— Где они?

— В других камерах, за этой дверью. Я только что вышел от них.

— Тогда живо — поворачивайся и шагай обратно. И без фокусов у меня!

Гирканец открыл дверь и шагнул за порог, но с такой опаской, будто ступал по обнаженным лезвиям. Оба вошли в новый коридор с таким же рядом камер. При появлении Конана по камерам прокатился изумленный шепот. Бородатые лица сгрудились у решеток, жилистые руки обхватили железные прутья. Семеро заключенных молча, не отрываясь, смотрели на киммерийца, в их глазах пылала ненависть. Конан легонько подтолкнул стражника в спину, и тот встал перед камерой с зуагирами.

— Вы с таким рвением служили своему господину, — с усмешкой сказал варвар, — за что же он вас запер?

Антар, сын Ади, в ярости плюнул под ноги киммерийца.

— Все из-за тебя, пришлый пес! Ты сумел взобраться по Лестнице, за это магистр и приговорил нас всех к смерти еще до того, как тебя раскусили. Он сказал: или мы продались, или нас облапошили, но в любом случае мы нарушили долг, а потому утром нас, как баранов, прирежут потрошители Захака, покарай Хануман вас обоих!

— По крайней мере, вы угодите в царствие небесное! — насмешливо напомнил им Конан. — Так что ваша преданность Магистру сынов Джезма будет вознаграждена.

— Да чтоб собаки сгрызли этого магистра! — воскликнул с горечью один, а другой добавил:

— Чтоб вас с магистром в преисподней сковали одной цепью! Плевать мне на их рай! Все брехня! Опоят зельем, шлюх напустят, а ты верь!

Конан отметил про себя, что, пожалуй, Вирата напрасно приписывал своим людям беззаветную преданность своей особе: судя по всему, времена предков магистра, когда по воле господина люди с готовностью шли на смерть, безвозвратно ушли в прошлое.

Конан снял с пояса стража связку ключей и, как бы в раздумье, покачал ею. Зуагиры уставились на связку глазами людей, привязанных к столбам для сожжения и вдруг увидевших близкую грозу.

— Антар, сын Ади, — заговорил варвар, обращаясь к начальнику зуагиров. — Твои руки обогреты кровью многих, но, насколько я помню, ты никогда не нарушал данной клятвы. Магистр приговорил тебя к смерти и, значит, сам отказался от твоих услуг. Зуагиры, вы ему больше не нужны. И вы ничем ему не обязаны.

Глаза Антара загорелись волчьим огнем.

— Если бы я смог отправить его в царство Тьмы, то с легким сердцем сошел бы следом.

Воины застыли в напряженном ожидании.

— Клянётесь ли вы честью своего народа, что будете следовать за мной и служить мне до тех пор, пока не свершится мечь или смерть не освободит вас от этой клятвы? — Конан отвел руку с ключами за спину, чтобы не смущать их видом отчаявшихся людей. — Вирата не даст вам ничего, кроме собачьей смерти. Я предлагаю мщение или, по меньшей мере, достойную смерть.

Глаза Антара сверкнули, его мускулистые руки, сжимавшие прутья решетки, задрожали от нетерпения.

— Верь нам! — выдохнул он.

— Клянемся! Клянемся! — зашумели зуагиры за его спиной. — Клянемся честью нашего народа!

Еще не стихли слова клятвы, а Конан уже поворачивал в замке ключ. Дикие, двуличные, жестокие — так отозвался бы о них какой-нибудь вельможа, но Конан знал этих пустынных: у них были свои понятия о чести, во многом схожие с теми, что были приняты в далекой Киммерии.

Они гурьбой вывалились из камеры и тут же вцепились в гирканца, вопя:

— Убить его! Он пес Захака!

Но Конан вырвал стражника из их лап, а самому упрямому добавил кулаком, отчего тот растянулся на полу, что, впрочем, не вызвало особого недовольства.

— А ну, тихо! — прикрикнул он. — Этот человек — мой, и я сам решу, как мне с ним поступить.

Подталкивая перед собой перепуганного стражника, Конан вернулся в темницу, в которой прежде была Нанайя. Поклявшись в верности, зуагиры слепо, ни о чем не спрашивая, шли за новым вожаком. Там варвар приказал гирканцу раздеться. Дрожа от страха перед пыткой, тот поспешно исполнил приказ.

— Поменяйся с ним одеждой! — отрывисто бросил он Антару. Повторять не пришлось, и Конан обратился к другому: — Ты выйдешь через черную дверь и...

— Но там свирепая обезьяна! — в ужасе воскликнул тот. — Она разорвет меня на куски!

— Обезьяна мертва. Я угостил ее вот этим. — Конан коснулся ильбарского кинжала. — Так вот. По ту сторону двери за ближней скалой ты найдешь труп. Возьми кинжал и подбери меч — он где-то там, неподалеку.

Пустынник бросил на Конана благоговейный взгляд и молча удалился. Свой кинжал киммериец отдал другому зуагире, а кинжалом гирканца — с волнистым лезвием — вооружил еще одного. Тем временем остальные связали стражника, заткнули ему кляпом рот и втолкнули в открытый варваром потайной туннель. Антар уже стоял в остроконечном шлеме, куртке и шелковых штанах стражника. Его скуластое лицо обмануло бы любого, не подозревавшего о подмене. Сам Конан, чтобы скрыть лицо, надел на голову убор Антара из белой ткани.

— И все-таки двое безоружны, — вполголоса сказал он, окинув зуагиров задумчивым взглядом. — Ну да ладно, за мной!

Переступив через связанного стражника, он зашагал по коридору в темноту, мимо глазков, просверленных в боковых стенах. У нижней ступеньки варвар остановился.

— Нанайя! — тихо позвал он. Ответа не было.

Нахмурившись, Конан начал ощупью подниматься по лестнице. Вот и последняя ступенька — девушки нет. Однако два меча, спрятанные наверху, оказались на месте. Итак, теперь каждый из семи зуагиров худо-бедно, но вооружен.

Киммериец заглянул сквозь маленькое отверстие в двери: комната, в которой он спал, была пуста. Чуть сдвинув плиту, он осмотрел помещение через узкую щель, затем полностью открыл дверь.

— Похоже, ее все-таки нашли, — прошептал он Антару. — Куда еще, кроме подземелья, они могли ее спрятать?

— Магистр обычно наказывает провинившихся девушек в тронном зале, где принимал тебя утром.

— Тогда вперед!.. Эй, что это?

Конан насторожился: в воздухе вновь слышались те низкие удары барабана, которые озадачили его в ущелье. Как и в тот раз, звуки точно шли из-под земли. Зуагиры в страхе переглядывались, их смуглые лица покрыла смертельная бледность. Антар зябко поежился.

— Не знаю, — сказал он. — Никто не знает. Это началось несколько месяцев назад, и с тех пор удары раздаются все чаще и все сильнее. В первый раз магистр перевернул город вверх дном — хотел докопаться, откуда идет этот бой. Так ничего и не обнаружив, он бросил поиски и приказал, чтобы никто даже и думать не смел об этих барабанах, не то что упоминать о них. Ходят слухи, что с того дня он едва ли не все ночи напролет пропадает в своей молельне, читая заклинания и дымя благоговениями, — хочет дознаться у всякой нечисти, кто не дает ему покоя, — да только все впустую.

Пока Антар говорил, таинственные звуки смолкли.

— Ладно, — сказал Конан. — Отведите меня к этой комнате для порки. Остальным сомкнуть ряды и идти как ни в чем не бывало, но без лишнего шума. Может быть, так нам удастся одурачить дворцовых псов.

— Лучше пройти Райским садом, — посоветовал Антар. — На ночь перед входом в тронный зал ставят усиленную стражу из стигийцев.

Конан кивнул.

Коридор за дверью оказался пуст. Зуагиры зашагали вперед. С наступлением ночи от тишины и загадочности событий воздух во дворце великого магистра словно сгустился. Огни потускнели, тени выросли, тяжелые, мерцающие золотыми узорами гобелены висели, не шелхнувшись.

Зуагиры хорошо знали дорогу. Потерявшие прежний лоск, с горящими глазами, крадучись, они шайкой полу-

ночных воров неслышно скользили по темным, богато украшенным переходам. Держась подальше от оживленных мест, они выбирали коридоры, где по ночам никто не бывал. Маленький отряд так никого и не встретил, пока, совершенно неожиданно, дорогу им не преградила дверь, укрепленная позолоченными железными полосами, которую охраняли два огромного роста черных кушита с обнаженными саблями в руках.

При виде подозрительных вооруженных людей оба молча подняли сабли. Ослепленные жаждой мести, зуагиры всем скопом бросились на чернокожих, и пока двое с мечами нападали в открытую, остальные, пробравшись понизу, вцепились им в ноги, повалили на пол и принялись остервенело добивать. В клубке напряженных, потных тел слышался только предсмертный хрип да блестели кинжалы. Бойня была ужасна, но неизбежна.

— Останешься здесь на часах, — приказал Конан одному из зуагиров. Он распахнул дверь и ступил в сад: пустой, под звездным небом, тот сумрачно светился приглушенными красками цветов, густая зелень покрывала дорожки. Зуагиры, воодушевленные победой, энергично шагали следом.

Конан направился прямо к скрытому ветвями деревьев балкону, выходящему в сад. Трое воинов нагнулись, подставляя спины. Через секунду Конан нашел окно, через которое они с Виратой смотрели в сад. Еще миг — и варвар бесшумно, как кошка, проскользнул между тонких прутьев решетки во дворец.

Из-за гардин, прикрывавших нишу с балконом, доносились два голоса: Вираты и женские всхлипывания.

Слегка отогнув занавеску, киммериец заглянул в зал и первым делом увидел магистра, развалившегося на троне под расшитым жемчугом балдахином. Стражники уже не стояли рядом эбеновыми истуканами. Вместо этого они сидели на корточках перед возвышением и точили длинные, узкие кинжалы; чуть в стороне, в полыхающей жаровне, наливались белым железные шипы и клещи. Нанайя — обнаженная, распятая на полу между неграми — глазами, полными слез, следила за страшными приготовлениями. Ее запястья и лодыжки были туго привязаны к колышкам, вбитым в отверстия в полу. Больше в зале никого не было, на парадных бронзовых дверях — засов.

— Скажи, кто помог тебе бежать из камеры? — слышался тягучий голос Вираты.

— Нет! Никогда! — Пытаясь овладеть собой, девушка до крови закусил губу.

— Конан, не правда ли? — Глаза магистра сверкнули.

— Ты звал меня? — Варвар шагнул из ниши — на его мрачном, с давним шрамом лице играла недобрая улыбка.

Изумленно вскрикнув, Вирата вскочил с трона. Кушиты с рычанием потянулись за оружием.

Конан прыгнул вперед, и не успел стражник вытащить меч, как упал с рассеченным горлом. Другой с поднятым ятаганом метнулся к распростертому телу девушки, чтобы раньше собственной смерти успеть зарезать жертву. Но ильбарский клинок вовремя отразил удар, и в молниеносном выпаде Конан по рукоятку вонзил клинок в грудь кушита. Тот всей своей тушей повалился на киммерийца, но варвар пригнулся и, упершись свободной рукой в живот чернокожего, напрягая силы, поднял хрипящее тело над головой. Враг застонал и слабо шевельнулся, но Конан с размаху швырнул кушита на пол. С глухим стуком тот рухнул на каменные плиты и испустил дух.

Конан вновь повернулся к магистру, который, вместо того чтобы воспользоваться случаем, бежать, наоборот — подходил все ближе, не сводя с варвара темных, широко раскрытых глаз. Зрачки магистра излучали сумрачный свет, они, словно магнитом, притягивали к себе взгляд варвара.

Конан рванулся вперед, еще миг — и его меч вопьется в тело колдуна! Но вдруг Конана точно опутали цепями, движения давались с невероятным трудом — казалось, он пробирается по вязкой трясине стигийских болот, поросших черными лотосами. Мышцы вздулись железными буграми. От страшного напряжения на коже выступили капли пота.

Вирата медленно приближался — руки вытянуты вперед, скрюченные пальцы еле заметно дрожат, зловещий взгляд устремлен прямо в глаза киммерийца. Вот пальцы чуть распрямились, нацелились на горло. Мозг обожгла мысль: прибегнув к колдовству, этот внешне тщедушный человек ломает жилистую бычью шею воина, как тростинку!

Все ближе, ближе крючковатые пальцы. Напряжение в мускулах достигло предела, но с каждым шагом магистра чары словно усиливались.

И вдруг отчаянно закричала Нанайя — протяжный, на высшей ноте вопль женщины, с которой живьем сдирают кожу, ворвался в тронный зал.

Вирата обернулся и на какой-то миг отвел глаза. Будто каменная глыба упала с плеч Конана, и когда магистр снова впился в него взглядом, варвар был готов к отпору. Глядя на грудь Вираты сквозь прищуренные веки, он резко взмахнул кинжалом. Клинок со свистом рассек воздух — с непостижимым проворством козаладец отпрянул прочь и, повернувшись, побежал к парадному входу, крича во все горло:

— На помощь! Стража! Ко мне!

Снаружи послышались вопли, и дверь заходила от мощных ударов. Конан выжидал. Вот пальцы магистра вцепились в засов, но в этот миг Конан, размахнувшись, метнул клинок, и тот, пронзив спину Вираты между лопаток, пригвоздил, как насекомое, великого магистра к двери!

8. Волчья травля

Неторопливо подойдя к двери, Конан выдернул кинжал, и труп магистра соскользнул на пол. В коридоре нарастал шум, а из сада слышались крики зуагиров, которым не терпелось поскорее присоединиться к Конану и узнать, как обстоят дела. Киммериец крикнул, чтобы они обождали. Потом, торопливо освободив девушку, оторвал от дивана полосу шелковой обивки и обернул вокруг ее бедер и талии. И только сейчас, когда опасность миновала, Нанайя дала наконец волю чувствам. Крепко обхватив шею Конана руками, прильнув к нему всем телом, она, захлебываясь в плаче, без конца повторяла одно и то же:

— О Конан, Конан! Я знала, верила, что ты придешь! Они сказали, что ты мертв, но ведь тебя убить нельзя! О Конан!.. — И опять.

— Прибереги-ка свои нежности на потом, — грубовато оборвал он девушку, легонько похлопав ее чуть пониже спины.

Прихватив оружие кушитов, Конан прошел к балкону и передал Нанайю в руки поджидавших внизу зуагиров. Затем спрыгнул сам.

— Куда теперь, господин? — Воинов охватило нетерпение, они так и рвались в бой.

— Тем же путем, что пришли, — через потайной ход обратно в подземелье и в лабиринт.

Быстрым шагом они направились через сад. Конан держал Нанайю за руку. Не успели они сделать и дюжины шагов, как впереди раздался звон мечей, и тут же — грохот во дворце у них за спиной. Послышалась крепкая брань, скрип петель, и вдруг будто ударил гром — дворцовая дверь в сад захлопнулась! На дорожке, ковыляя, показался зуагир, оставленный на страже. Страшно ругаясь, он на ходу пытался остановить кровь, сочащуюся из раны в предплечье.

— У двери псы цирканцы! — издали крикнул он. — Кто-то видел нашу схватку с кушитами и доложил Захаку. Одного я пырнул в живот, дверь захлопнул, но долго она не выдержит!

Конан повернулся к Антару:

— Можно выйти из сада, минуя дворец?

— Сюда! — Зуагир побежал к северной стене, скрытой за густой зеленью. Даже на другом конце сада было слышно, как под бешеным натиском степных кочевников разлетается в щепки дверь, ведущая из дворца в сад. Антар рубил по сплетению ветвей и веток до тех пор, пока взору не предстала маленькая, искусно спрятанная в стене дверца. Конан вставил рукоять кинжала в дужку старинного замка и, осторожно взявшись за клинок, начал медленно поворачивать массивное оружие. Зуагиры наблюдали, затаив дыхание, а грохот и треск со стороны дворца — все громче, все ужаснее! Но вот наконец последний рывок — и дужка разорвана!

Нагибаясь, они друг за другом проскользнули в дверцу и очутились в другом саду, поменьше, залитом светом от висячих фонарей. Едва они успели перевести дыхание, как дворцовая дверь рухнула и поток вооруженных людей хлынул в Райский сад. В центре садика, в который попали беглецы, высилась стройная башня, привлекавшая внимание Конана, когда его привели на дворцовый двор. На уровне второго этажа на несколько футов от стены выдавался балкон в узорной деревянной решетке. Над балконом квадратная башня уходила в небо на высоту выше ста ярдов, у вершины она расширялась и заканчивалась крытой смотровой площадкой.

— Есть отсюда другой выход? — крикнул Конан.

Антар указал рукой:

— Та дверь ведет во дворец к лестнице в темницу!

— Туда, живо! — Захлопнув дверцу в садик, Конан мощным ударом всадил в косяк кинжал. — Надеюсь, выдержит хоть полминуты.

Они помчались к указанной двери, но та оказалась запертой изнутри. Конан ударил плечом — дверь дрогнула, но выдержала удар.

Яростные вопли за их спинами слились в дикий рев, когда одна из досок разлетелась в щепки и в проеме показались искаженные злобой лица. Замелькали мечи и кинжалы, каждый норовил протиснуться вперед.

— В башню! — отрывисто бросил Конан. — Если туда попадем...

— Магистр занимался в ней колдовством! — выпалил зуагир, бегущий за варваром. — Кроме Тигра, верхнюю комнату никто не видел. По слухам, в башне оружие. И стража внизу...

— Ходу! — рывкнул Конан, мчась впереди; Нанайя едва успевала отрывать ноги от земли — казалось, девушка парит в воздухе вслед за киммерийцем.

Наконец дверца не выдержала, и плотный клубок воинов-гирканцев ввалился в сад. Судя по крикам за другими стенами, окружавшими сад с башней, подкрепление должно было подоспеть с минуты на минуту.

Конан был почти у башни, как вдруг дверь в ее основании открылась и, привлеченные шумом, из нее выбежали пятеро обескураженных стражников. При виде несущихся прямо на них людей — глаза горят, зубы оскалены — они разом завопили и схватились за оружие. Но поздно! Конан был уже рядом. Двое пали от его клинка, на остальных налетели зуагиры — кололи, резали и рвали, пока три тела в блестящих латах не рухнули, истекая кровью, на землю.

Но гирканцы из Райского сада, гремя доспехами, уже бежали к башне. Зуагиры ураганом влетели в нижнее помещение. Конан захлопнул бронзовую дверь и наложил засов — такой тяжелый, что с легкостью устоял бы под натиском слона. Воины Захака, сгрудившись снаружи, в бессилии изливали потоки брани.

Конан впереди, зуагиры — следом ринулись вверх по лестнице. На половине лестницы один из них, споткнув-

шись, упал — он потерял много крови. Киммериец подхватил его и остаток полета нес на себе. Наверху, опустив на пол, приказал Нанайе перевязать ужасную рану, оставленную мечом стражника, а после сидеть в комнате и не высовываться. Затем огляделся. Они находились в комнате второго этажа с маленькими окошками и дверью, ведущей на балкон. Отблески света от фонарей внизу падали в окна, поигрывая на стеллажах с оружием: шлемы, кирасы, щиты, копья, мечи, топоры, булавы, луки и колчаны, полные стрел, бесстрастно ожидали своих хозяев. Оружия было столько, что хватило бы для большого отряда, и, несомненно, в верхних комнатах его тоже было немало. Вирата превратил башню в свой арсенал, а заодно использовал для занятий магией.

Зуагиры радостно загудели и схватились за луки с колчанами. Все, включая легкораненых, высыпали на балкон и, устроившись за решеткой ограды, принялись пускать стрелы в скопление воинов у подножия башни.

В ответ на балкон обрушился настоящий ливень стрел: часть впивалась в деревянную решетку, и лишь немногие пролетали сквозь узкие отверстия. Враги стреляли наугад, не видя зуагиров, укрытых густой тенью. К башне со всех сторон бежали вооруженные люди. Самого Захака не было видно, зато можно было различить не меньше сотни его гирканцев и множество воинов еще десятка рас. Они плотно набились в сад и вопили не хуже демонов.

Тонкие деревца трещали под напором тел, фонари на ветках бешено раскачивались, и прыгающий огонь освещал толпу с задранными вверх лицами, отмеченными одной печатью — печатью ненависти. Повсюду, точно молнии, вспыхивала сталь. Беспрерывно пели тетивы луков. Цветы, кусты, дорожки — все было разорвано в клочья яростным вихрем сотен ног. Вдруг раздалось глухое «тумп!» — воины притащили откуда-то деревянный брус и, пользуясь им как тараном, пытались взломать дверь.

— Цельтесь в людей у тарана! — рывкнул Конан, натягивая лук — самый тугой, какой сумел отыскать.

Сильно выступая вперед, балкон мешал осажденным целиться в тех, кто держал брус впереди, зато они легко перебили другую половину воинов, вынудив оставшихся бросить тяжелый таран. Случайно оглянувшись, Конан с удивлением увидел Нанайю в юбке из полосы шелка. Она азартно пускала стрелы вместе со всеми.

— Я, кажется, сказал тебе... — начал он, но девушка нетерпеливо махнула рукой:

— Брось! У тебя нет какой-нибудь рукавицы? Я себе все пальцы о тетику изрезала.

В ответ Конан озадаченно хмыкнул и снова взялся за лук. Но лишь когда над шумом схватки взметнулся резкий голос Ольгерда Владислава, киммериец понял, что надежды почти не осталось. Как видно, тот уже через считанные минуты знал о смерти магистра и немедленно принял командование на себя.

— Лестницы! — вдруг воскликнул Антар.

Конан прищуренным взглядом впился в полумрак. В свете качающихся фонарей он увидел три лестницы — каждую несли на плечах по несколько человек. Варвар метнулся в комнату и через секунду вернулся с копьем в руке.

Два воина установили в упоре лестницы, еще двое, вцепившись в боковые брусья, прошли мимо них — к башне. С глухим стуком верхние концы брусьев легли на ограждение.

— Толкай вбок! Спихивай! — закричали зуагиры, а один просунул меч в отверстие решетки.

— Назад! — рявкнул Конан. — Я сам!

Он подождал, пока на лестнице не окажется несколько воинов. Первым карабкался плотный иранистанец, вооруженный топором. Вот он отвел руку за спину, готовясь ударить по деревянной решетке, но в этот миг Конан, просунув в отверстие копьё, уперся в перекладину и что было сил нажал. Лестница нехотя отошла от балкона, качнулась назад. С воплями выпустив оружие, враги вцепились в перекладины. Но еще немного — и лестница вместе с людьми рухнула вниз, прямо на головы осаждающих!

— Эй, здесь еще одна! — крикнул зуагир на другом конце балкона, и Конан поспешил на зов. Последнюю не успели поднять и до половины, а стрелы уже сразили обоих воинов у брусьев, и она упала вслед за прочими.

— Стреляйте! — прорычал Конан, кидая копьё и поднимая свой огромный лук.

Смертоносный дождь стрел, на который невозможно было толком ответить, поостудил тыл нападавших. Людская масса внизу дрогнула, разбилась на отдельные группы, и скоро каждый думал только о своем спасении. При виде раз-

бегавшихся врагов зуагиры неистово завопили от радости, не забывая, однако, посылать им вдогонку стрелы.

Через минуту сад опустел, лишь повсюду на земле валялись трупы и умирающие. Но вдоль садовых стен и на крышах ближних домов наблюдалась усиленная возня.

Конан решил подняться выше. Он миновал еще несколько комнат, также до отказа набитых оружием, и наконец очутился в лаборатории магистра. Одним взглядом киммериец окинул запыленные свитки рукописей, непонятного назначения инструменты, чертежи и, не задерживаясь, одолел последний пролет и вылез на смотровую площадку.

Отсюда Конан мог спокойно оценить обстановку. Зелень окружала дворец со всех сторон, кроме фасада — там расположился обширный двор. Сады и двор окружала высокая наружная стена. Внутренние стены, пониже, подобно спицам в колесе, разделяли зелень на секторы.

Сад с башней, куда их загнали, находился к северозападу от дворца. К нему примыкал двор, отделенный от сада стеной. За другой стеной, на западе, зеленел такой же сад, а к юго-востоку, особнячком, раскинулся великолепный Райский сад, примыкавший к дворцовой стене.

За наружной стеной, замыкавшей дворцовую территорию, Конан разглядел крыши городских домов. Ближайший отстоял от стены не более чем на тридцать шагов. И повсюду — во дворце, в садах, в домах — мелькали огни.

Постепенно крики, проклятия, стоны и бряцанье оружия стихли до неясного шума. И тогда со стороны двора из-за стены донесся мощный голос Ольгерда Владислава:

— Сдавайся, Конан! У тебя нет выбора!

В ответ киммериец издевательски расхохотался:

— Приди и возьми!

— Я возьму! — пообещал козак. — На рассвете. Считай, что ты уже труп!

— Примерно то же ты говорил, загнав меня в лабиринт, но, как видишь, я жив, а обезьяна мертва. — Конан говорил на гирканском языке. От его слов по рядам воинов прокатился ропот недоверия и гнева. А варвар между тем продолжал: — Ольгерд, ты объявил джезмитам, что их магистр мертв?

— Они прекрасно знают, что истинным властителем Джанайдара всегда был Ольгерд Владислав! Не знаю, как

ты разделался с обезьяной, как вытащил из тюрьмы зуагирских псов, но не пройдет и часа, как твоя кожа будет сушиться на стене башни!

Откуда-то из глубины дворцового двора беспрерывно доносился стук молотков, визг пил, отрывистые выкрики команд.

— Ты слышишь, киммерийская свинья? — крикнул Ольгерд. — Мои люди строят осадную машину на колесах; в ней укроются пятьдесят воинов, и ты уже не достанешь их своими стрелами. К рассвету она будет стоять рядом с башней, и тогда тебе придет конец, грязный пес!

— Спускай своих собак. В укрытии, снаружи — я все равно их прикончу!

В ответ раздался демонический хохот, и на этом переговоры закончились. Конан обдумал возможность внезапного прорыва, но отказался от этой затеи: повсюду за стенами толпились воины, и подобная попытка означала бы верную смерть. Их крепость превратилась в тюрьму.

Итак, вся надежда на Тубала: если тот вместе с кушафи не подоспеет вовремя, то, несмотря на всю ярость, силу и искусство киммерийца, долго им не продержаться.

Стук молотков между тем не стихал ни на минуту. Даже если Тубал придет к восходу солнца, и тогда может быть слишком поздно. Правда, чтобы втащить машину в сад, джезмитам придется сначала разрушить стену, но это не займет много времени. Поэтому, когда Конан спустился к товарищам, лицо его омрачала тревога.

Зуагиры не разделяли настроения своего предводителя. Они только что одержали блестящую победу, у них была сильная позиция, начальник, которого они боготворили, и неисчерпаемый запас стрел. Чего же еще желать воину?

Тяжелораненый скончался, когда предрассветные сумерки притушили фонари в саду. Конан внимательно оглядел свое потрепанное воинство. Зуагиры, согнувшись, перебежали по балкону, поминутно заглядывая в отверстия решетки. Нанайя, завернувшись в обрывок шелка, как убитая спала на полу.

Вдруг постукивание прекратилось. И в наступившей тишине раздался скрип огромных колес. Молох войны, сотворенный джезмитами, оставался по-прежнему невидим, но острым зрением варвар разглядел темные фигуры, толпившиеся на крышах домов за наружной стеной. Оторвав взгляд от крыш и крон деревьев, он некоторое время

с тайной надеждой всматривался в северный край плато. Никакого движения: в свете пробуждающегося дня оборонительные сооружения по краю плато производили впечатление вымерших. Быть может, часовые, на которых не подействовала печальная участь отряда Антара, при первых звуках схватки сорвались с мест и покинули и пост? Но проблеск надежды тут же угас — по дороге к Лестнице пылил отряд в дюжину стражников. Все верно: Ольгерд — опытный воин и никогда не оставил бы такой важный пост без прикрытия.

Конан повернулся к оставшимся шести зуагирам — бородатые, с налитыми кровью глазами, они молча смотрели на него.

— Кушафи не пришли, — глухо сказал он. — Очень скоро Ольгерд найдет на нас своих головорезов. Они укроются в осадной машине, и там их не достать. Под ее защитой они взберутся по лестницам и ворвутся в башню. Скольких-то мы убьем, остальные убьют нас.

— На все воля Хануман! — ответили воины. — Джезмиты надолго запомнят этот день! — В утреннем свете лица зуагиров оскалились, точно морды голодных волков, руки крепче сжали оружие.

Голоса во дворе усилились. Заглянув в окно, Конан увидел осадную машину: с ужасным скрежетом и скрипом она медленно приближалась к стене. Это было тяжелое, неуклюжее сооружение из деревянных брусьев, бронзы и железа, установленное на тележку с несколькими парами колес высотой в рост человека, снятых с колесниц. За таким щитом могли бы укрыться от стрел не меньше полусотни человек. Машина приблизилась к стене и там остановилась. Забили кувалды.

Шум разбудил Нанайю. Она села, протирая глаза, и вдруг с воплем кинулась к Конану.

— Да уймись ты! — резко одернул ее варвар. — Выкарабкаемся как-нибудь! — Однако в душе он вовсе не был в том уверен. Для девушки киммериец мог сделать очень немного: быть рядом, чтобы во время штурма последним ударом меча избавить ее от пыток, наверняка уготованных всем пленным.

— Пошла трещинами. Похоже, скоро рухнет, — пристально глядя на стену, сказал самый остроглазый из

зуагиров.— Ишь, как напылили кувалдами. Сейчас сами покажутся.

Из стены начали вываливаться камни, потом вдруг рухнул целый кусок. В брешь высыпали люди — схватив обломки, они потащили их в стороны. Конан согнул тугой гирканский лук и пустил стрелу. В проломе дико закричал человек — стрела пронзила его грудь. Двое оттащили раненого, остальные продолжали расчищать площадку. Поодаль темнела осадная башня; спрятавшиеся в ней воины нетерпеливыми криками погоняли тех, кто расчищал дорогу. Конан пускал стрелу за стрелой. Некоторые отскакивали от камней, но большинство впились в человеческие тела. Была минута, когда джезмиты дрогнули и подались за стену, но тут же над их головами хлыстом взвился голос Ольгерда, и все немедленно вернулось к работе.

И когда первые лучи солнца проложили по земле длинные тени, все препятствия на пути осадной машины были убраны. С ужасным треском башня двинулась вперед. Зуагиры пускали стрелы, но те застревали в дубленой коже, натянутой меж брусьев. Конан прикинул: в высоту башня доходила до второго этажа, лестницы в таких сооружениях приколачивают изнутри к стенам; выходит, как только эта махина окажется у балкона, джезмиты вылезут на верхнюю площадку, в щепки разнесут ажурную решетку и, всей массой ринувшись на балкон, сметут и его и горстку зуагиров!

Киммериец повернулся к своим воинам.

— Вы храбро сражались,— сказал он.— Давайте же умрем достойно и постараемся захватить с собой в царство Теней побольше псов-джезмитов. Не будем ждать, пока они навалятся на нас,— их слишком много. Сами разрушим решетку и, когда они полезут по лестницам, встретим их на верхней площадке. Пусть попробуют выбраться!

— Их лучники изрешетят нас из кустов,— возразил Антар.

Конан пожал плечами, его губы скривились в горестной усмешке.

— Пусть так. А мы тем временем славно позабавимся. Скажи своим, чтоб принесли из оружейной копыя,— в такого рода схватке лучше фаланги ничего не придумаешь. Я еще видел там большие щиты — поставим несколько по краям, чтоб прикрывали от стрел.

Секундами позже варвар уже стоял впереди линии за-

таивших дыхание с копьями наперевес зуагиров; сам он держал тяжелый боевой топор, готовый в нужную минуту напроочь снести деревянную решетку и увлечь за собой товарищей.

Все ближе, ближе башня, и все громче победный рев джезмитов!

Внезапно, на длину копыя от балкона, машина замерла. Раздалось призывное пение труб, поднялся шум, переполох, и воины, выскочив из башни, помчались обратно к пролому. Минута — и сад опустел.

9. Трой рок Джанайдара

Кром, Митра и Асура — в кучу! — прорычал варвар, бросив топор.— Псы удирают, а я их и не приласкал!

Он бегал по балкону, пытаясь разглядеть причину неожиданного бегства, однако громоздкая осадная машина загоразживала собой весь обзор. Тогда киммериец метнулся в оружейную и помчался вверх по лестнице на смотровую площадку.

И первый взгляд поверх крыши Джанайдара — туда, на север, где вилась лента дороги, ведущей из города. По ней что было сил бежали с полдюжины воинов. А дальше, издали похожие на муравьев, через оборонительные сооружения по краю плато лезли и лезли какие-то люди. Мощный вопль ярости долетел до внезапно притихшего Джанайдара. И в наступившей затем тишине Конан отчетливо услышал тот загадочный барабанный бой, который и прежде не давал ему покоя. Но сейчас ему было все равно — пусть хоть все демоны преисподней разом забарабаният под проклятым городом.

— Балаш! — загредел его голос.

Вот уже во второй раз его выручила беспечность стражей Лестницы. Горцы дождались минуты, когда сменялся караул, и, взобравшись незамеченными, в молниеносной схватке перерезали вновь прибывших. Воинов, хлынувших на плато из-за бруствера, было больше, чем набралось бы мужчин в Кушафе, и, несмотря на расстояние, Конан сразу узнал красные шелковые шаровары своих казаков.

В Джанайдаре минута оцепенения сменилась лихорадочной суетой. По улицам забегали рабы и воины, на крышах вопили женщины. От дома к дому подобно шквалу пронеслась весть о неожиданном вторжении. Но вот над общей сумятицей, словно удар бича — жгучий, но отрезвляющий, — раздался голос Ольгерда.

Из садов, дворцового двора, ближних домов на площадь стал стекаться народ. В дальнем конце улицы, в окружении гирканцев в сверкающих доспехах, Конан разглядел самого Ольгерда, там же блестел шлем Захака с роскошным плюмажем. За их спинами, в боевом порядке племен, развернулось несколько сот воинов-джезмитов. Как видно, Ольгерд успел обучить их некоторым приемам ведения боя.

Организованным строем они прошли десятка два шагов, словно намереваясь выйти из города и встретить варваров в открытом поле, но у кромки города вдруг рассеялись, скрывшись в домах и садах по обеим сторонам улицы.

Варвары находились слишком далеко и не могли видеть маневра. Когда они подошли к Джанайдару, город казался вымершим.

Но из своего орлиного гнезда Конан прекрасно видел и сады, кишящие воинами, и крыши, где за балюстрадой притаились лучники. Друзья шли прямо в западню, а он не может их предупредить! Из груди варвара вырвалось сдавленное рычание.

На площадку, тяжело дыша, вылез один из зуагиров. Он как раз кончил заматывать раненое запястье. Затягивая зубами узел, воин невнятно произнес:

— Твои друзья? Эти простачки бегут прямо в пасть смерти.

— Вижу! — прорычал Конан.

— Догадываешься, что сейчас будет? — продолжал зуагир. — Еще в бытность дворцовым стражником я раз слышал, как Тигр объяснял командирам отрядов свой план на случай внезапного вторжения. Видишь в конце улицы на восточной окраине фруктовые деревья? Там сейчас спрятаны пятьдесят тяжелых пехотинцев. По другую сторону дороги раскинулся густой сад — мы называем его садом Стигийцев. Там в засаде не меньше полусотни. Одинокий дом неподалеку битком набит воинами, те, что по другую сторону улицы, — тоже.

— Зачем ты мне все это говоришь? Я сам вижу затаившихся псов — и в саду, и на крышах.

— Ага. Те, что в саду, не шелохнутся, пока варвары не пройдут по дороге мимо и не окажутся между домами. Тут же лучники выпустят по ним тучи стрел, а тяжелые воины, как две стены, перекроют улицу. Ни один не уйдет.

— Если бы можно было их предостеречь!.. — пробормотал Конан. — За мной — вниз!

Он скатился по лестнице в оружейную. Крикнув Антара и зуагиров, киммериец отрывисто бросил им:

— Мы выступаем!

— Семеро против семисот?! — Антар разинул рот. — Я не трус, но...

В нескольких словах Конан передал все, что видел со смотровой площадки.

— Как только Ольгерд захлопнет свою мышеловку, атакуем джезмитов с тыла, и, может быть, нам улыбнется удача. Терять все равно нечего: если Ольгерд разделается с моими друзьями, он вернется к башне, и тогда нам конец.

— Но как нас отличат от Ольгердовых псов? — все еще сомневался зуагир. — Твои дикари сначала разрубят нас вместе с джезмитами на куски, а уж потом будут разбираться, что к чему.

— Смотрите! — Конан указал на посеребренные кольчуги и бронзовые шлемы древней работы — их заостренные макушки украшали хвосты из конского волоса. — Одевайте! Таких доспехов здесь ни у кого нет! Главное — держаться рядом. Вместо боевого клича кричите: «Конан!» И, будем надеяться, все обойдется. — И с этими словами он натянул себе на голову шлем.

Непривычные к тяжелому вооружению, зуагиры недовольно заворчали: мало им этого железа, так тут еще эти нащечные пластинки так ограничивают видимость, что впору тыкаться, точно слепые щенки.

— Одевайте, живое! — загремел по комнате голос Конана. — Это вам не пустыня — подкрался шакалом, убил, ограбил и удрал; это открытый бой! Приготовьтесь и ждите меня. Я скоро.

Он снова поднялся наверх. Вольные Братья и горцы сомкнутым строем, бок о бок быстро шли по дороге. Ярдов за двести от окраины они остановились. Наученный жизнью,

Балаш был опытным вожаком и не решался вслепую бросить свою стаю на совершенно незнакомый город. От общей массы отделились несколько человек и побежали к окраине — разведчики. Вот они скрылись за домами, но скоро появились вновь и очертя голову помчались к своим. Следом за ними, забыв про порядок, неслись не меньше сотни джанайдарцев.

Мгновение — и варвары стояли боевым строем. Пространство, разделявшее врагов, прочертили стрелы, и несколько джезмитов упали. Но остальные, благополучно добежав, врубались в строй козак и кушафи. С минуту все скрывало облако пыли, сквозь которую пробивался лишь блеск мечей и ятаганов, игравших на солнце. Но вот джезмиты дрогнули и обратились в бегство. А дальше случилось то, чего так опасался Конан: забыв об осторожности, вопя, словно выводок кровожадных демонов, варвары устремились в погоню.

Киммериец знал, что эта сотня — не более чем приманка, чтобы с ее помощью заманить в ловушку основные силы. Ольгерд никогда не послал бы на серьезное дело столь малочисленный отряд.

Преследуя отступавшего врага, варвары подтянули фланги к дороге. Хотя Балаш так и не смог пресечь их неудержимый порыв, ему удалось — где проклятиями, где тычками — сбить воинов в довольно плотную стаю! И вовремя! Наступая на пятки джезмитам, первая волна уже докатилась до окраины.

Их не накрыла еще тень деревьев, а Конан уже мчался вниз по лестнице.

— Вперед! — крикнул он. — Нанайя, остаешься здесь! Запри за нами двери!

Лавиной по ступеням — вниз на первый этаж, наружу, мимо брошенной осадной башни, дальше — сквозь брешь в стене!

Никто не преградил им путь, — похоже, Ольгерд собрал вокруг себя всех, способных носить оружие.

Антар провел их во дворец, по лабиринту коридоров, комнат — к парадному входу. И только они выбежали из полумрака покоев, как их едва не оглушил рев дюжины длиннющих труб в руках гирканцев Ольгерда — сигнал к атаке! В тот миг, когда отряд выскочил на улицу, мышеловка захлопнулась! В дальнем конце улицы — глухая стена из бронированных спин, десятки лучников

на крышах, пускающих тучи стрел, проклятья, вопли, стоны варваров!

Стремительным шагом, без единого звука вел Конан свой отряд в тыл джезмитам. Последние оставались в полном неведении до тех пор, пока копыта зуагиров не начали вонзаться им промеж лопаток. Жертвы не успевали падать, а зуагиры, освободив оружие, поражали новых и новых врагов. Тем временем в центре Конан орудовал страшным боевым топором: стальное лезвие раскалывало черепа, от тел отлетали обрубленные по плечо руки, гнулась броня. По мере того как копыта ломались или застревали в телах, зуагиры брались за мечи.

Натиск оказался столь мощным, столь стремительным, что, прежде чем джезмиты поняли, что атакованы с тыла, горстка смельчаков успела перебить две дюжины врагов. Но наконец те догадались оглянуться и при виде результатов бойни, учиненной какими-то людьми в странных доспехах, с криками отчаяния подались в стороны. В их воображении семерка атакующих с мечами, копьями и топором мгновенно превратилась в целую армию.

— Конан! Конан! — дико завопили зуагиры.

От этого крика зажатые в западне воспряли духом. Между ними и их начальником оставалось всего двое. Одного проткнул мечом козак, другому киммериец обрушил на голову топор. Удар был настолько силен, что острие не только разрубило шлем и голову, но треснуло само топорщице.

В минуту замешательства, когда зуагиры с Конаном и варвары вдруг очутились лицом к лицу, с недоверием глядя друг на друга, Конан сбил на затылок шлем и козаки увидели знакомое лицо.

— Ко мне! — прокатился над шумом битвы его мощный голос. — Режь глотки, братья-волки!

— С нами Конан! — радостно завопили ближние соратники, их клич тут же был подхвачен остальными.

— Десять тысяч золотых за голову киммерийца! — раздался резкий голос Ольгерда Владислава.

Схватка возобновилась с удвоенной яростью. Вновь зазвучал жуткий хор битвы: хрипы, проклятья, вопли, угрозы и стоны. Постепенно поле боя раскололось на сотни поединков между парами воинов и небольшими отрядами. Топча раненых и мертвых, варвары вихрем мчались по улицам, врывались в дома, крушили дорогую мебель, гро-

мыхали по ступеням лестниц и, добравшись до крыш, в короткой кровавой сече резали лучников.

Никто и не помышлял сохранить в этой свалке хотя бы видимость порядка или строя — не было ни времени отдавать команды, ни охотников их исполнять. Все предались работе мясников: как обезумевшие, тяжело дыша, в поту, люди кололи, резали, душили, скользая босыми ногами в лужах еще теплой крови. словно огромная живая волна, масса сражающихся то прокатывалась по главной улице Джанайдара, то отступала, то, перехлестывая через стены, разливалась по аллеям и садам. Силы были примерно равными, и исход битвы могла определить любая случайность. Никто не знал, как идет сражение, все только убивали или старались избежать смерти, и это занятие поглощало воинов без остатка.

Конан не рвал голосовых связок попусту — ослепленная жаждой крови, толпа не признавала авторитетов. Время стратегии, искусства боя кончилось: сейчас все будут решать выносливость, владение мечом и ярость — простое ремесло убийц. Окруженному орущими, хрипящими людьми, ему не оставалось ничего иного, как только подчиниться общему безумию: разрубать головы, вспарывать животы, рассекать надвое тела, а в остальном довериться богам.

Но вот под порывами ветерка утренний туман стал понемногу рассеиваться, а вместе с ним начала ослабевать и битва: сплетенные клубки распались на отряды, отряды — на отдельных воинов. Все чаще мелькали спины; еще немного — и одна из сторон дрогнет...

Не выдержали джезмиты: отвага, вызванная принятым накануне зельем, стала улетучиваться из них вместе с наркотиком.

И вдруг Конан увидел Ольгерда Владислава. Шлем козака, кираса — все во вмятинах и брызгах крови, одежда изодрана в клочья, стальные мускулы, подчиняясь игре сабли, то опадали, то вздувались буграми. В серых глазах — холод, на губах застыла жестокая улыбка. Три трупа, три кушафи лежали у его ног, и еще четверо варваров тщетно пытались пробиться за черту, очерченную острием клинка. Справа и слева от него гирканцы в блестящих латах и узкоглазые кхитайцы в доспехах из дубленой кожи мечами и врукопашную сдерживали бешеный натиск варваров.

Конан увидел и Тубала — впервые с тех пор, как они расстались у Лестницы. словно гигантский чернобородый буйвол, тот вспахивал борозду прямо по обломкам битвы, вкладывая в смертоносные удары всю свою мощь дикого зверя. На секунду взгляд киммерийца выхватил из толпы фигуру Балаша — окровавленный, пошатываясь, вождь кушафи пробирался к краю битвы. Кинжалом и мечом Конан начал прокладывать себе путь к Ольгерду.

Заметив приближающегося киммерийца, Ольгерд засмеялся, в его глазах вспыхнули огоньки безумия. По кольчуге варвара сочилась кровь; сливаясь в ручейки, она стекала с мускулистых, загорелых ног. Кинжал был по рукоятку в крови.

— Смерть Конану! — зарычал Ольгерд.

Варвар напал, как нападают козаки — в крутом развороте, описывая полукруг мечом. Ольгерд прыгнул навстречу — и оба спшиблись в смертельном бое, яростно кидаясь друг на друга, нанося удары так быстро, что глаз не поспевал за клинком противника.

Их окружили воины. Тяжело дыша, перепачканные кровью, люди на время оставили тяжелый труд убийц и жадно следили за поединком своих предводителей, в котором решалась судьба Джанайдара.

Ольгерд удачно увернулся — клинок Конана встретил пустоту, и киммериец едва удержался на ногах.

— Ай-и-и! — завопила сотня глоток.

Козак издал победный крик и замахнулся. Но прежде чем он опустил меч, прежде чем понял, как глупо он попался на уловку, длинный кинжал в железных руках Конана, пробив нагрудник, вошел в его сердце. Ольгерд умер мгновенно. На землю рухнул труп, и клинок выскользнул из раны.

Выпрямившись, киммериец обвел толпу помутненным взором. Победа!

И вдруг воздух разорвался кличем — не тем, который можно было бы ожидать от торжествующих, но уставших варваров, а более дружным и бодрым. Конан поднял голову и увидел новое соединение: вооруженные люди монолитной фалангой шли по улице, сокрушая и расшвыривая в стороны последние оказавшиеся у них на пути группы сражающихся.

Когда строй приблизился, Конан различил позолоченные кольчуги и качающиеся в такт шагу плюмажи на

шлемах — гвардия Иранистана! Ее вел неудержимый Готарза; своим огромным ятаганом он рубил всех подряд — и варваров, и джезмитов.

В мгновение ока обстановка переменилась. Часть джезмитов позорно ретировалась, Конан крикнул: «Ко мне, козаки!» — и уже через минуту его окружали Вольные Братья, кушафи и даже остатки армии джезмитов. Последние, признав в киммерийце достойного вожака, сплотились вокруг варвара, чтобы в одной спайке с недавними смертельными врагами противостоять невесть откуда взявшемуся неприятелю. Мечи с новой силой заиграли на солнце, и Смерть начала собирать новую жатву.

Неожиданно Конан очутился лицом к лицу с Готарзой — мощными ударами, под которыми легли бы и молодые дубки, тот, словно траву в поле, выкашивал врагов. Ильбарский, в зазубринах, клинок Конана пел и мелькал, едва видимый глазу, однако иранистанец не уступал ни в чем. Кровь из пореза на лбу заливала лицо Готарзы, кровь из рваной раны на плече окрасила кольчугу варвара алым, но клинки вращались и сшибались с не меньшей яростью, бессильные отыскать брешь в обороне противника.

Внезапно низкий шум битвы перерос в пронзительный вопль неподдельного ужаса. Сражение остановилось; забыв обо всем, люди со всех ног мчались к дороге, ведущей к подъему на плато. Поток бегущих прижал Готарзу и Конана друг к другу. Бросив оружие, схватившись так, что затрещали груди, они продолжали биться врукопашную. Конан открыл рот, желая выяснить, что случилось, но его тут же забили черные волосы из бороды Готарзы. Выплюнув их, киммериец прорычал:

— Ты, придворный шаркун! Что тут стряслось?!

— То возвращаются истинные хозяева Джанайдара! Полюбуйся, свинья!

Подозревая подвох, Конан все-таки оглянулся. Со всех сторон по земле стлались полчища серых теней. Взгляд хватил безжизненные, немигающие глаза, оскал уродливых собачьих пастей, впивавшихся клыками и в живых, и в мертвых, в то время как когтистые, похожие на руки лапы рвали на части плоть. Объятые ужасом, воины рубили и кололи тварей, но пергаментная, трупного цвета кожа монстров была практически неуязвима. И там, где удавалось расчленив одну тварь, на ее место тут же появ-

лялось трое новых. Воздух наполнился отчаянными криками, хрустом костей и отвратительным чавканьем.

— Проклятие Джанайдара — упыри! — Готарза задохнулся от ужаса. — Бежим! Дай слово, что, пока не выпустимся, ты не ударишь в спину, — тогда разожму руки. Продолжим после!

Плотная масса беглецов сбила их с ног. Варвара чуть не затоптали. В нечеловеческом усилии Конан приподнялся на колени, схватил свой кинжал, встал, выпрямился, побежал, всюю орудя кулаками и локтями, высвобождая в обезумевшей толпе вокруг себя чуток пространства — посвободнее вздохнуть.

Людской поток до краев затопил дорогу к Лестнице: джезмиты, козаки, иранистанские воины — все вместе, забыв о ненависти, напрягая силы, они спасались от не знающих жалости выходцев преисподней. По краям отступавшей толпы кишели зловеющие тени. Словно гигантские серые вши, упыри в секунду накрывали с головой всякого, кто отстал или шагнул в сторону от общей массы. Конан протиснулся к краю и вдруг увидел Готарзу — тот едва держался на ногах, отбиваясь от четырех упырей. Свой меч он потерял, но, не растерявшись, будто клещами сдавил пальцами шеи двум убийцам, пока третий повис у него на ногах, а четвертый кружил, стараясь дотянуться до горла.

Взмах ильбарского клинка — и тварь развалилась надвое, еще взмах — и от второй отлетела голова. Готарза сбросил с себя остальных, и те вместе с подоспевшими полезли на Конана, вонзая в его тело зубы, когти, разрывая плоть.

Казалось, еще миг — и киммериец рухнет! Дальше — все как в тумане: вот Готарза, отодрав упыря, швыряет его оземь и топчет ногами, слышится звук, будто трещит сухой валежник, — то хрустят ребра твари; вот сам Конан ломает кинжал о панцырь; вот пробивает череп упыря эфесом...

И снова сумасшедшее бегство от Смерти! Прорвавшись сквозь ворота в стене, люди лавиной стекали по Лестнице и, гонимые животным ужасом, мчались дальше по каньону. Выгрызая из толпы все новые жертвы, упыри гнали людей до самых ворот. Но как только последний из оставшихся в живых скатился по Лестнице, чудовища сразу повернули обратно в город — туда, где над сотнями

человеческих трупов уже возились, дрались, клацали челюстями их мерзкие собратья.

А в каньоне люди, попадая с ног от усталости, лежали вповалку, не задаваясь вопросом, кто рядом с ними — свой или враг. Некоторые сидели, прислонившись спиной к большим валунам или скалам. Большинство воинов были ранены. На коже, обрывках одежды у всех — пятна крови, волосы всклокочены, доспехи разрублены или помяты, в глазах застыл ужас. Оружие многие потеряли. Из тех нескольких сотен воинов, что участвовали на рассвете в битве, уцелело не больше половины. Долгое время отовсюду слышалось лишь тяжелое дыхание, стоны раненых, треск разрываемой на лоскуты материи да изредка звяканье железа о камни, когда лежащий воин менял положение.

Несмотря на то что со вчерашнего дня он только и делал, что сражался, удирал и с быстротой молнии носился вверх-вниз, Конан пришел в себя одним из первых. Киммериец широко зевнул, потянулся и поморщился — раны напомнили о себе острой болью.

Затем, поднявшись, он начал разгуливать среди раскинувшихся тел, рыскавая своих людей, поддерживая нуждающихся в помощи и собирая всех в плотную группу. Он набрел на зуагиров и из шести воинов увидел лишь троих, включая Антара. Нашел он и Тубала, однако Кодруса нигде не было.

У другой стены каньона Балаш тоже не терял времени даром: привалившись спиной к скале, с ногами, на которых от повязок не было живого места, он слабым голосом отдавал приказания своим кушафи.

Готарза также собирал свою гвардию. Джебзиты, которые понесли наиболее ощутимые потери, словно отбившиеся от стада овцы, потерянно бродили по каньону, со страхом отмечая признаки быстро набирающего силу противостояния.

— Я своими руками убил Захака, — сказал Антар Конану. — Теперь некому вести их в бой.

Киммериец не спеша подошел к Балашу.

— Ну как ты, старый волчище?

— Неплохо. Вот жаль, что сам бегать не могу. Выходит, древние легенды не солгали! Значит, и в самом деле упыри время от времени вылезают из своих подземных пещер, чтобы пожрать всякого, кто осмелится поселиться

в их городе. — Он содрогнулся. — Думаю, теперь не скоро отыщется охотник отстраивать город заново.

— Конан! — Голос Готарзы. — Нам надо закончить разговор.

— Не возражаю! — прорычал варвар, а на ухо Тубалу шепнул: — Построй людей в боевой порядок; тех, кто меньше изранен и лучше вооружен, поставь по флангам. — Затем прошел среди нагромождения камня и остановился на сравнительно ровной площадке как раз посередине между варварами и гвардейцами Готарзы.

Тот также вышел вперед, говоря:

— Я все же обязан выполнить приказ: доставить тебя и Балаша в Аншан, живых или мертвых.

— Валий! — бросил на это Конан.

Балаш тоже счел нужным подать голос:

— Я ранен, но, если возьмешь меня силой, мои воины будут преследовать вас в горах, пока не перебьют всех до последнего.

— Храбрая речь, но еще одна битва — и у тебя не останется воинов, — ответил горцу Готарза. — Ты не хуже меня знаешь, что соседние племена не упустят случая воспользоваться твоей слабостью: они немедленно нападут на деревни и уведут ваших женщин. Наш царь владеет горами Ильбарс только потому, что у горцев никогда не хватало ума объединиться и выступить против него сообща. Так было и так будет!

Балаш помолчал немного. Потом спросил:

— Скажи мне, Готарза, как вы узнали дорогу в Джанайдар?

— Мы прибыли в Кушаф прошлой ночью и там, прибегнув к помощи ножа для свежевания туш, убедили одного малого рассказать нам все. Тот и выложил, что вы подались в Друджистан, и даже согласился — опять же не без нашей помощи — стать проводником. Незадолго до рассвета мы подошли к стене с козырьком, с которого свисала веревочная лестница, — дурни кушафи так торопились на вырубку, что даже не удосужились втащить ее за собой. Мы связали воинов, оставленных при лошадях, а сами двинулись дальше.

А сейчас — о деле. Лично я против вас обоих ничего не имею, но я поклялся именем Асуры, пока жив, исполнять волю Кобад-шаха, и я ее исполню. С другой стороны, было бы недостойно втягивать в новую резню наших

людей: они и так до предела измотаны, к тому же сегодня полегло уже немало храбрецов.

— Что ты задумал? — проворчал Конан.

— Полагаю, мы с тобой могли бы уладить дело в личном поединке. Если паду я, ты сможешь отправиться на все четыре стороны, и никто не посмеет тебя остановить. Если выйдет наоборот, я захвачу Балаша с собой в Аншан. — Готарза нашел глазами горца. — Кто знает, вдруг ты докажешь, что не причастен к заговору? Я расскажу повелителю, как ты помог покончить с Невидимыми, — это будет веским доводом в твою пользу.

— Я довольно наслышан о подозрительности Кобада; не думаю, чтобы он внял голосу разума; — ответил на это Балаш. — Но все равно — я согласен, потому как знаю, что ни один городской неженка, воспитанный на мягких перинах, никогда не одолеет в поединке Конана-варвара.

— Решено! — коротко бросил Конан и повернулся к своим воинам: — У кого есть большой меч?

Испробовав на вес несколько штук, он выбрал длинный и прямой меч работы хайборийского кузнеца. Затем — лицом к Готарзе:

— Ты готов?

— Готов! — ответил тот и ринулся в бой.

Два меча сшиблись и зазвенели, высекая искры. Круги, очерченные сталью, сверкнув как молния, сменялись новыми, и глаз не различал, где чей клинок. Противники подпрыгивали, разворачивались, наступали, отступали, нагибались, уклоняясь от смертоносных лезвий, а их мечи, не останавливаясь ни на миг, как будто сами по себе все продолжали свою страшную работу. Удар! — вправо — крови! — вниз — искры! — влево — и так без конца! Впервые за тысячи лет существования Джанайдара черные пики были свидетелями подлинного искусства владения мечом.

И вдруг:

— Остановитесь! — И так как бой продолжался, тот же голос: — Я сказал — хватит!

Готарза и Конан, с подозрением глядя друг на друга, отступили в стороны и вместе повернулись на голос.

— Бардия! — удивленно воскликнул Готарза. И точно: у входа в расселину, ведущую к козырьку в отвесной скале, виднелась тучная фигура дворцового управляющего. — Ты здесь откуда?

— Прекратить бой! — снова крикнул иранистанец. — Я загнал трех коней, пытаюсь вас настигнуть. Кобад-шах умер от яда — кинжал Джемза был отравлен. Страной правит его сын Аршак. Он снял все обвинения против Конана и Балаша и желает, чтобы Балаш по-прежнему охранял северные рубежи, а Конан вернулся на службу в столицу. Иранистану нужны такие храбрые воины, потому что король Турана Ездигерд, покончив с бандами козаков, наверняка скоро опять захочет силой подчинить себе соседей.

— Если дело обстоит так, как ты говоришь, — ухмыльнулся Конан, — то в туранских степях скоро можно будет славно пожить. Честно сказать, я по горло сыт интрижками придворных шаркунов. — Он повернулся к своим воинам: — Кто хочет вернуться в Аншан, пусть уходит. Завтра я выступаю на север.

— А как же мы? — хором взвыли гирканские гвардейцы в шлемах с перьями. — Иранистанцы нас перережут. Наш город захвачен упырями, семьи растерзаны, начальники убиты. Что будет с нами?

— Кто хочет, пусть идет со мной, — безразличным тоном сказал Конан. — Прочие могут попросить убежища у Балаша. В его племени сейчас найдется немало женщин, кому потребуются новые мужья... Кром всемогущий!!!

— Что с тобой! — встревожился Тубал.

Глаза Конана жадно шарили по жалкой кучке спасшихся женщин.

Вот он увидел Париситу, но той, что он искал, среди них не было!

— Да что случилось?

— Наложница, Нанайя! Совсем о ней забыл! Она все еще в башне. Проклятье! Как я мог? Ну и скотина!

— Зачем же так? — раздался рядом нежный голосок, и Конан круто обернулся, как ужаленный. Один из уцелевших зуагиров стащил с головы бронзовый шлем, и глазам варвара открылись прекрасные черты Нанайи. Девушка встряхнула головой, и по ее точеным плечам рассыпались черные волосы.

От удивления киммериец разинул было рот, но, скоро очнувшись, оглушительно расхохотался:

— Я вроде приказал тебе остаться, но... так тоже неплохо!

Варвар бесцеремонно привлек к себе девушку, громко чмокнул ее в щеку... и тут же дал звонкого шлепка по мягкому месту!

— Одно тебе за доблесть и находчивость, — пояснил он, — другое — за непослушание. Как, сама разберешься? Идем!.. Вставайте, песьи души! Вы что, так и будете сидеть на камнях толстыми задницами, пока не передохнете с голоду?

И, взяв гибкую, смуглую девушку за руку, Конан повел ее туда, где в скале зияла пасть расщелины — выход в ущелье Призраков, откуда брала начало дорога на Кушаф.

Роберт Говард, Роланд Грин

ВОЛШЕБНЫЕ КАМНИ КУРАГА

Пролог

Заходящее солнце позолотило снега Повелителя Ветров, владыки Ильбарских гор. Нижние склоны тонули в тени, в ущельях уже царила тьма.

Бора, сын Рафи, укрывшись за валуном, изучал лежавшие перед ним долины, тремя лучами отходившие от подножья каменного великана. Туман сплетал над ними немыслимые формы; плотные облака его походили на тела чудовищных тварей, вышедших на ночную охоту. Бора не обращал на них ни малейшего внимания, — он вырос в горах, и потому все здесь было привычно и знакомо ему. Еще бы! Его предки пасли в этих местах скот еще тогда, когда прародители великого царя Йалдиза Туранского были жалкими князьками.

С недавнего времени об этих долинах стали ходить странные слухи. По ночам в одной из них вспыхивали диковинные зеленые огни, природа которых была неведома горцам, ибо из всех смельчаков, отправившихся туда, удалось вернуться лишь одному, — понять же что-либо из его рассказов было невозможно — бедняга тронулся умом и говорил разве что о демонах.

Через какое-то время из деревень стали исчезать люди. Вначале это были дети — девочка, отправившаяся за водой к источнику, мальчик, несший обед работавшему в поле отцу, младенец, на минуту оставленный в колыбельке. Разыскать разбойников горцам так и не удалось, однако замечены были следы странного существа с длин-

ными, как пальцы, когтями. Затем стали исчезать и взрослые — как женщины, так и мужчины. Деревни опустели: люди боялись выходить из своих домов в одиночку и старались держаться вместе даже днем. Поговаривали, что среди пропавших были и воины царя Йалдиза, посты которых стояли на перевалах.

Мугра-Хан, полководец армии Йалдиза, не верил этим историям. Происходящее слишком уж походило на смуту, которая в любой момент могла распространиться и на другие уделы.

Он был не настолько глуп, чтобы арестовывать людей наудачу, — поступи он так, и все семнадцать его наместников тут же почувствовали бы себя бунтовщиками, ибо были они ничуть не глупее его самого. Мугра-Хан повел себя иначе: он ввел строжайшую дисциплину, арестовал недовольных и стал ждать, когда же враг выдаст себя.

Надеждам его не суждено было сбыться. Люди продолжали пропадать, как и прежде, но считать их исчезновение проявлением бунтарского духа он уже не мог, — изуродованные трупы воинов, найденные на заставах, свидетельствовали о том, что у царя Йалдиза действительно появился неведомый грозный враг. Наличие внешнего врага никоим образом не означало того, что внутреннего врага не существует. Мугра-Хан послал в Аграпур нарочных, которые должны были вернуться с подмогой, сам же решил остаться в горах.

Бора не знал дальнейшей судьбы посыльных полководца, но она его особенно и не интересовала. Куда больше заботила его судьба собственного отца. Рафи, его отец, обвинил солдат в том, что они увели его овец. На следующий день он был арестован как опасный смутьян.

Бора знал, как поступает царь с бунтовщиками, но он знал и о том, что Йалдиз Туранский умеет быть и благодарным. Именно по этой причине Бора пришел сюда — если ему удастся раскрыть тайну демонов, царь может освободить его отца.

Хорошо, если Рафи вернется домой еще до свадьбы Аримы. Конечно, Арима не так хороша, как ее младшая сестра Карайя, но в том, что она принесет плотнику из Сухого Лога прекрасных сыновей, можно было не сомневаться.

Бора лег поудобнее. За этим валуном он мог провести и всю ночь.

Мастер Эремиус властным жестом подозвал к себе слугу, сжимавшего в руках резные серебряные сосуды, в которые была налита кровь. Слуга подбежал к нему и застыл в низком поклоне. Руки у него были грязными.

Эремиус положил сосуды в шелковый кошель, висевший на его алом кожаном поясе, ударил посохом оземь и выбросил ладонью вперед свою левую руку. Из скалы забили водные струи, сбившие неряшливого слугу с ног и отмывшие его добела.

— Это будет для тебя уроком, — процедил Эремиус сквозь зубы.

— Такого больше со мной не повторится, мой Мастер! — ответил насмерть перепуганный слуга и тут же юркнул за скалу.

Быстрым шагом Эремиус стал спускаться в долину. Длинные пальцы его ног находили опору на самых крутых местах. Внизу его ожидали двое слуг с факелами. Факелы были сделаны из обычного тростника, однако пламя их имело странный красноватый цвет.

— Все в порядке, Мастер.

— Вот и прекрасно.

В сопровождении слуг Эремиус стал взбираться на противоположный склон, туда, где находился Алтарь Трансформации. Судя по всему, дела там шли гладко, хотя из объяснений слуг можно было понять лишь то, что Алтарь не был утащен грифами, и то, что ни одной из сегодняшних Трансформ не удалось убежать.

Будь Илльяна и поныне его союзницей, он сумел бы забрать у нее и второй Камень Курага. Прежде чем она смогла бы напасть на него, он, завладевший всем Сокровищем, стал бы непобедимым.

Эремиус почувствовал, что им овладевает гнев, и тут же подавил этот импульс. Магия, используемая им в Трансформации, требовала предельной концентрации. Однажды во время Трансформации ему довелось чихнуть, вследствие чего одному из существ удалось покинуть Алтарь. Для поимки и умерщвления этой частично трансформированной твари ему пришлось прибегнуть к помощи прочих Трансформ.

Алтарь казался частью склона и являлся таковым на деле. Эремиус воплотил его в ничем не примечательной каменной плите, доходившей человеку до пояса и имевшей двенадцать шагов в поперечнике. На боковых стенах

плиты были вырезаны руны древнего охранительного заклипания. Они — так же как и руны, вырезанные на золотом кольце, украшавшем левое предплечье Эремиуса, — были древним Ванирским переводом Атлантической сакральной формулы, ведомой лишь единицам. Камни Курага и все, с ними связанное, казались пустой выдумкой не только людям обычным, но и велемудрым магам, и это не могло не нравиться Эремиусу, — во что не верят, того не ищут.

Он приблизился к Алтарю и стал наблюдать за процессом Трансформации. Пред ним лежала молодая деревенская женщина, которую — занимая Эремиуса эта сторона жизни — можно было бы счесть крайне привлекательной. Она была совершенно нагой. К рукам и ногам ее были пристегнуты серебряные цепочки, на голову надет серебряный обруч. Цепочки были натянуты достаточно туго, не позволяя жертве шевельнуть ни ногой, ни рукой. Несмотря на ночную прохладу, женщина обливалась потом. Глаза ее то становились черными, как эбеновое дерево, то вдруг начинали отсвечивать серебром.

Пока все шло нормально — можно было не волноваться. Этой же ночью должно было произойти еще восемь Трансформаций, — армия Эремиуса таким образом должна была пополниться сразу девятью воинами.

В скором времени сила его должна была существенно возрасти, — недовольных при дворе туранского властителя было немало, опереться же он собирался именно на них. Своих новых союзников он намеревался послать на поиски второго Камня. Уйти далеко Ильяна не могла, и потому Сокровище рано или поздно должно было оказаться у него. Тогда мир потеряет свою власть над ним, и он, мастер Эремиус, станет полновластным его, мира, владыкою.

Волшебник поднял свою левую руку и стал читать заклинание. Камень Курага тут же вспыхнул изумрудным светом, озарившим собой всю долину.

Бора замер. Туман над западной долиной засиял зеленым светом. Туда он мог добраться и за час, но спешить сейчас не следовало. Волею Митры Бора превратился из пастушка в охотника, в волка, отслеживающего добычу, — волку же надлежит быть осмотрительным.

Бора сел и снял с себя пращу. Кожаные ремни ее были целы, на них не было ни трещинки. Удовлетворенно хмыкнув, Бора подвязал ее к поясу и стал осматривать прихваченные с собою пять голышей. Сколов на них не было. Мальчик вернул их в суму, считую из козлиной шкуры, легко поднялся на ноги и направился к долине. Кроме камней в суме его лежали кусок сыра да краюха хлеба.

Больше всего Камень Курага походил на огромный, размером в детский кулачок, изумруд. Люди, видевшие его, таковым его и считали. Однако изумрудом сей камень не был. Никто из людей не знал, чем он является на деле — порождением оккультных сил или естественным образованием. Тайна его покоилась на дне морском — среди поросших кораллами развалин древней Атлантиды. Мастер Эремиуса она не интересовала — с него достаточно было и того, что ему ведомы секреты одного Камня.

Он пропел первую часть заклинания и тут же ощутил тепло, исходившее от сосудов с кровью. Теперь, когда защитные чары были сняты, он мог обратить эту кровь в орудие Трансформации.

Он поставил первый сосуд рядом с распятой на камне женщиной, рот которой был заткнут кляпом. Глаза ее округлились от ужаса, когда она увидела, что кровь, налитая в сосуд, начинает светиться. Она еле слышно застонала.

Эремиус произнес нараспев три слога, и крышка сосуда, взлетев вверх, исчезла во тьме. Он пять раз ударил своим посохом по алтарному камню и повторил эти слоги еще дважды.

Сосуд взлетел в воздух и повис над женщиной. Эремиус поднял свой посох. Свет, излучаемый камнем, сошелся в тончайший луч, блеском своим походивший на солнце. Легким движением кисти Эремиус направил его на сосуд. Тот дрогнул и, перевернувшись, залил тело молодницы кровью. Эремиус провел посохом над ее телом так, что изумрудный луч прошелся по нему от головы до пят. Отступив назад, маг стал наблюдать за Трансформацией.

Кожа молодницы стала темнеть на глазах, еще через минуту она обратилась в чешую, покрывавшую тело иссиня-черной кольчугой. Изменилось и само тело: теперь на камне лежала не женщина, но грозный исполин, на

лапах которого поблескивали длинные острые когти. Глаза у исполина были кошачьими, уши — заостренными, зубы — тонкими и острыми, словно иглы.

Эремиус снова взмахнул посохом, и тут же цепи, сковывавшие исполина, распались. Чудовище неуверенно стало на четвереньки и, понурив голову, приблизилось к магу. Эремиус возложил руку ему на голову и легким движением смахнул с нее и длинные косы, и серебряный обод.

Трансформацию можно было считать законченной.

Из-за Алтаря вышли три Трансформы, некогда бывшие мужчинами. Они помогли своему новому товарищу встать на ноги, на что тот ответил им грозным рыком. Одна из Трансформ ударила новобранца по щеке и тоже оскалила зубы. Эремиус хотел уже было вмешаться, но тут новая Трансформа пришла в себя. В чудищах, стоявших рядом с нею, она узнала таких же, как она, сама, слуг Мастера Эремиуса. Отныне единственным ее вельителем и господином был только он — Эремиус Владыка Камня.

Для того чтобы заметить стражей, охранявших вход в долину, не нужно было обладать слишком острым зрением. Присутствию их Бора нисколько не удивился, — демон, живший там, вряд ли обрадовался бы гостям.

Бора взобрался на южный склон долины и, стараясь держаться чуть пониже гребня, направился к тому месту, от которого, как казалось, изливался свет. Источник его, судя по всему, находился на открытом месте, а не в одной из пещер, как думал до недавнего времени Бора.

Мальчик стоял над круто уходящей вниз скалой, на которую не осмелились бы ступить и горные козлы. Однако Бору это не пугало — в умение лазать по скалам с ним не мог сравниться никто. Конечно, по таким крутым склонам он еще не ходил, но прежде в этом не было и надобности. Теперь же от его мужества и ловкости зависели и жизнь отца, и его собственная судьба. Мугра-Хан был известен своей суровостью и нетерпимостью к малейшим проявлениям непослушания — семейство Рафи ожидало либо изгнание из страны, либо — смерть.

Бора хорошенько рассмотрел скалу и, стараясь не спешить, полез вниз. К тому времени, когда половина пути была пройдена, с ним стало происходить что-то странное:

члены его стали дрожать, ладони внезапно вспотели. Устать так быстро он не мог, вызвать эту слабость могли только колдовские чары.

Он тут же отогнал от себя эту мысль, понимая, что страх лишит его и остатка сил. Нанунав ногою опору, Бора остановился и перевел дух.

Изумрудный свет то вспыхивал, то погасал. Мальчик ясно видел луч, выхватывавший из мрака неясные фигуры, стоявшие вокруг огромного камня. На людей они не походили.

Бора спустился еще ниже и оказался на достаточно широкой каменной полке. Справа от него скала отвесно уходила вниз, слева же крутой спуск сменялся полого спускавшимся склоном. Откуда-то несло падалью. Мальчик поморщился и стал всматриваться во тьму. У основания скалы расхаживал дюжий страж, вооруженный коротким луком и тонкой изогнутой саблей.

Бора осторожно снял пращу с пояса. Стражника следовало убить. Если ему и удастся каким-то чудом проскочить мимо этого грозного воина, он, этот воин, станет на пути, когда Бора пойдет обратно.

До стража было добрых сто пятьдесят шагов, однако и в метании из пращи Бора не имел равных. Воин рухнул наземь, так и не узнав, откуда же к нему пришла смерть. Сабля его со звоном упала на камни.

Бора застыл, ожидая, что товарищи убитого поднимут тревогу. Но те, похоже, ничего не заметили. Мальчик пополз дальше вниз.

Вонь становилась все сильнее. К зловонию, источаемому падалью, примешивалось что-то настолько тошнотворное, что дышать становилось решительно невозможно. Мальчик вновь вспомнил о колдовских чарах.

Возможно, именно эта мысль и спасла ему жизнь, — чувства его напряглись, и он увидел выходящих из пещеры демонов. Не заметить их было нельзя: они светились тем же изумрудным светом, который и привел его в эту долину. Демоны были куда крупнее людей — выше и шире в плечах, — тела же их были покрыты крупной чешуей.

Они беззвучно шли прямо на него, однако он слышал обращенные к нему слова, что звучали где-то внутри.

Постой, мальчик! Ты можешь стать слугой служителей Мастера! Постой, не уходи!

Бора прекрасно понимал, что задержись он хотя бы на мгновение, и место его собственной воли займет чужая — воля служителей Мастера. Праща закружилась вновь, и через мгновение демон, шедший впереди, зашатался и повалился наземь, увлекши за собою и одного из своих собратьев.

Третий демон легко перепрыгнул через их тела и посмотрел прямо на мальчика. Бора вновь услышал властный бесплотный голос.

Подчинись мне, и ты сподобишься милости самого Мастера!

Боре ничуть не хотелось быть съеденным заживо. С проворством ящерицы он стал взбираться наверх.

Демон зашипел по-змеиному и испустил столь гневливый импульс, что мальчик едва не сорвался со скалы. Чудовище тоже стало карабкаться наверх, но ловкости для этого ему явно неоставало — уже через минуту оно со страшным грохотом упало вниз.

Бора остановился только на самом гребне горы. С выражением «бежать так, словно за тобой гонится тысяча чертей» он встречался и раньше, но лишь теперь он мог понять истинный его смысл.

Если ему удастся вернуться домой, он попытается убедить людей в том, что в долине и в самом деле поселились демоны.

Изумрудный свет померк. Горы вновь были объаты непроницаемой тьмой.

Прикрыв глаза, Эремиус недвижно стоял перед Алтарем. Звона упавшей сабли он не услышал. Из задумчивости его смогли вывести лишь призыванья Трансформ, с которыми они обращались к кому-то неведомому. Не прошло и минуты, как он услышал сдавленный крик одного из своих воинов, за которым последовали страшный грохот и стук камней.

Эремиус поежился. На сей раз Трансформация ему явно не удалась. На камне извивалось могучее, исполненное неистовства и безумия тело.

Первыми не выдержали ножные кандалы. Трансформа задержалась еще яростнее и вскоре уже стояла на четвереньках, грозно рыча. Эремиус вздохнул и коснулся посохом ее переносицы.

Трансформа беззвучно завизжала, метнулась в сторону и, упав с Алтаря, растеклась по земле зеленоватой желеобразной массой, вязкость которой уменьшалась с каждым мгновением. Вскоре от нее осталось лишь несколько темно-зеленых пятен, но и те быстро таяли. От камней понесло таким смрадом, что поморщился и выдавший виды Эремиус.

Маг отвернулся от Алтаря. О какой-то концентрации уже не могло идти и речи, и потому продолжать Трансформацию он не мог.

К нему подбежал начальник охраны. Упав на колени перед своим господином, он забормотал:

— О Великий Мастер, Кюри погиб! Со скалы сорвался камень, который угодил ему в голову. Погибли и две Трансформы — одна сорвалась со скалы, вторую тоже убило камнем!

«Камнем?!» От удивления Эремиус не мог вымолвить ни слова. Трансформы погибли, преследуя неведомого врага, — в этом можно было не сомневаться. И для чего только здесь выставлена стража?

Своим посохом он ударил капитана по плечу. Тот скрикнул от боли, но не издал ни звука.

— Пошел вон! — закричал Эремиус.

Оставшись в одиночестве, он воздел к небу руки и разразился проклятиями. Он проклинал магов древней Атлантиды, магические Камни которых были так сильны в паре и так бессильны поодиночке. Он проклинал и сам Камень Курага, вынуждавший его прибегать к помощи таких бестолковых слуг, какими являются люди. Разумными этих людей могло сделать лишь служение ему, в противном же случае они являли собой нечто до такой степени жалкое, что о них не стоило и говорить. Более же всего он проклинал Ильяну. Почему она ослушалась его? Почему она бежала так внезапно? Если бы ему удалось завладеть тем, на что он имел все права...

Эремиус затряс головой. Что было, то было, — и ничего с этим поделать нельзя. Прошлое так же неизбежно, как Ильбарские горы. Думать следует не о нем, но единственно о будущем.

В родной Горячий Ключ Бора вернулся еще до рассвета. Деревня еще спала. Он подошел к родительскому дому и замер. Изнутри доносился плач.

Бора тихонько постучал в дверь. Она тут же открылась, и перед ним появилось заплаканное личико его сестрички Карайи.

— Бора! Ты где это пропадал?

— Я был в горах. Скажи мне сразу, Карайя, что случилось? Неужели они казнили...

— Нет, нет! Отец здесь ни при чем! Демоны похитили Ариму!

— Демоны?

— Ты что — спишь? Я же ясно сказала — демоны похитили Ариму! — Карайя вновь разразилась ревом.

Он ласково потрепал ее по головке и завел в дом. Невесть откуда взявшийся Якуб прикрыл за ними дверь. Во второй комнате тоже плакали.

— Это твоя матушка печалится, — сказал Якуб. — Детей я отвел к соседям.

— Кто позволил тебе здесь хозяйничать? — возмутился Бора. Он никогда не любил Якуба, который был слишком уж воспитан и предупредителен, что, впрочем, не мешало ему исправно пасти овец. Он появился в Горячем Ключе два года тому назад, объясняя свой переезд тем, что в Аграпуре у него было слишком уж много врагов. Дело свое он знал хорошо, и потому встретили его здесь радушно, тем более что он свято чтит обычаи предков.

— Ты здесь тоже не хозяин! — вмешалась Карайя. — Так что прикуси свой язык!

Бора беспомощно развел руками. Кузнец Ископ был прав, говоря о том, что в этом мире нет ничего острее женского языка.

— Прости меня, Кара. Я не спал всю ночь, да и устал немало.

— Ты действительно выглядишь усталым, — сказал Якуб, улыбнувшись. — Надеюсь, твоя избранница стоила этого.

— Если ты был у этой девки... — начала было Карайя, но Бора тут же перебил ее:

— Эту ночь я провел в горах. Я пытался разгадать тайну долины.

Карайя тут же успокоилась и даже помогла своему брату омыть лицо и тело. Якуб внимательно слушал рассказ мальчика.

— Верится в это с трудом, — наконец сказал он. Бора чуть не подавился куском хлеба.

— Ты что — считаешь меня лжецом?

— Ни в коем случае. Но я говорю о вещах достаточно серьезных. Твоему рассказу никто не поверит.

Бора готов был расплакаться. Он и сам думал об этом, понимая, что рассказ его настолько необычен, что скорее походит не на правду, а на пустые бредни.

— Не расстраивайся, мальчик. Я отправлюсь в Аграпур и попробую разыскать своих приятелей. Кто-то, а они-то должны нам поверить.

Бора собрался с мыслями. Он не доверял Якубу и поныне, но рассчитывать на иных союзников ему не приходилось. Помимо прочего, Якуб был вхож во многие дома Аграпура, великого города, о котором другие знали лишь понаслышке. Войско можно было собрать только там: деревенский люд был слишком напуган и предпочитал отсиживаться дома.

— Клянусь хлебом и солью, съеденными мною в этом доме, — возгласил Якуб, — клянусь Эрликом и Митрой, клянусь моей любовью к твоей сестре Карайе...

Бора вздрогнул и недоуменно посмотрел на сестру. Та улыбалась как ни в чем не бывало.

— Прости меня, Бора, — вновь заговорил Якуб. — Я не мог сделать ей предложения до той поры, пока Арима не выйдет замуж. Теперь же думать об этом и вовсе не приходится. Нас ждет долгий и трудный поход. И я клянусь сделать все от меня зависящее для того, чтобы освободить твоего отца и отомстить за твою сестру.

И в ответ он услышал храп. Бора забылся крепким сном.

Глава первая

Славный город Аграпур называли и великим, и блистательным, и сказочным, однако ни одно из этих определений не заключало в себе всей истины. Лучшее и справедливейшее из всех имен ему было дано заезжим кхитайцем, назвавшим его «Градом, в котором сошлась вся Поднебесная». Имя это, при всей его тяжело-весности, как нельзя лучше подходило Аграпуру, не знавшему недостатка ни в чем и способному утомить разве что свойственным ему разнообразием.

Солнце уже зашло, но черепичные крыши и камень мостовых все еще пылали жаром. Улицы были почти пусты — на них можно было встретить лишь дозорных да тех, кому срочные дела не позволяли сидеть дома. Последние в большинстве своем были людьми вполне определенной профессии. И днем, и ночью в Аграпуре можно было найти все, что угодно, но для темных дел — а ими-то эти люди и занимались — ночь, как водится, подходила куда как лучше.

Конан-киммериец, офицер армии наемников, ничего противозаконного совершать не собирался. Он спешил в таверну «Красный Сокол», где его ждали отборное вино, отменное жаркое и юные прелестницы. В их обществе тяготы ратной службы забывались, и жизнь становилась такой, какой она, по его глубокому убеждению, и должна была быть.

Конану вспомнился его недавний разговор с капитаном Хаджаром.

— Ты сопровождаешь королевских особ в Кхитай и считаешь себя важной птицей. Но ты ошибаешься, парень. Твое место среди воинов. В том твой удел и состоит.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я такой же вор и прощелыга, как и мои подчиненные?

— Ты посмотри на воинов Ицхака. Вот уж сброд, так сброд! Клянусь бородой Черного Эрлика, Конан, — нет человека, которому я доверял бы больше, чем тебе! Я не знаю ни одного командира, у которого была бы такая же дисциплина! Твоим людям не страшны ни козаки, ни иранистанцы. Пей, Конан, пей — да только не забудь заплатить за нас обоих.

Конан покорно подчинился своему командиру. Он уважал Хаджара, пусть тот и разговаривал с ним, словно с рекрутом. Именно Хаджар способствовал его продвижению по службе, именно он давал ему поручения, выполнение которых позволило ему снизить известность и славу.

Киммерийцы не склонны к подчинению. Их ведут в бой не походные командиры, но доблесть и отвага. Суровый климат Киммерийских гор отпугивал чужеземцев почище любой армии, и потому дисциплина и порядок, свойственные иным из них, так и не прижились на скудной киммерийской почве. Конан уважал в Хаджаре мужчину, муштра же и казарменные порядки, насаждавшиеся им повсюду, вызывали у него разве что отвращение. Приучать

же к дисциплине других — все равно что чистить конюшни.

Таверна «Красный Сокол» находилась на вершине Маданского холма, к которой вела улица Двенадцати Ступеней. Конан с грациозностью пантеры взобрался на холм. Парочка грабителей, укрывшихся за кустами, решила не трогать его — с таким громилой им было явно не совладать.

Ранг Конана позволял ему разъезжать повсюду на паланкине, но он прибегал к этому лишь в особо торжественных случаях, ибо не доверял ни ногам, ни языкам рабов. Он знал, что представляют собой эти люди, тем более что по дороге в Аграпур и сам побывал в шкуре раба.

На дорогу вышел патруль.

— Привет, капитан. Не заметил ли ты чего подозрительного?

— Нет.

Конан был не только офицером туранской армии. Помимо прочего, он занимался и воровским промыслом, и потому дозорных и стражей киммериец недолюбливал.

Патруль скрылся во тьме, внезапно спустившейся на город. В два прыжка Конан преодолел все двенадцать ступеней лестницы, омыл лицо в прохладной воде фонтана и распахнул двери таверны.

— Кого я вижу! Конан, что это с тобой? У тебя такой вид, будто ты поменял золотой на медяк!

— Мбти, ты, похоже, перебрал лишнего! Или это у тебя от усталости? Скажи честно, сколько рекрутов ты набрал в свое воинство?

Отставной сержант, некогда командовавший кавалерийским взводом, ухмыльнулся:

— Я полагаю, в скором времени я дослужусь до награды.

Конан перешел на другой край залы, в центре которой танцевала под звуки тамбурина и бубна светлокожая иранистанка. На ней не было ничего, кроме черной набедренной повязки, пояса, набранного из медных монет, и легкой прозрачной вуали, надушенной маслом жасмина.

Моти сунул в руку Конану массивную серебряную чашу ванирской работы. В «Красный Сокол» ее принес бывший ее владелец, изрядно задолжавший хозяину таверны. Оный владелец сложил свою жизнь где-то на Гирканских

берегах, так и не узнав о том, что чаша его стала одной из достопримечательностей самой популярной таверны Аграпура.

— За достойных противников! — провозгласил Конан, подняв наполненную вином чашу. Опорожнив ее, он указал рукой на танцовщицу и спросил: — Это что — новенькая?

— Оставь ты ее, Конан. Как ты насчет Пилы?

— Если она свободна...

— Я никогда не бываю свободной, — послышался сверху нежный голосок. — Цену ты знаешь, все остальное зависит только от тебя.

— Прекрасная Пила, как всегда, любезна, — буркнул Конан и поднял чашу, приветствуя спускавшуюся по лестнице темноволосую женщину. Она была одета в алые шелковые шальвары, на высокой груди ее мерцало перламутровое ожерелье. Пышные формы выдавали в ней женщину не первой молодости.

— Я и сама удивляюсь, — жеманно надула губки Пила. — Эти болваны относятся ко мне так, словно я какая-нибудь портовая шлюха.

— Успокойся, Пила. Ты стоишь большего, — усмехнулся Моти. — Но послушай, что я тебе скажу: если бы ты не назначала таких высоких цен, ты была бы куда богаче. Ты теряешь большую часть клиентов именно по этой причине.

Моти внезапно замолчал. В таверну вошли пятеро мужчин. Четверо из них были одеты в кожаные туники и штаны. На груди и руках их поблескивали стальные доспехи, на широких поясах с бронзовыми бляхами висели тяжелые мечи и короткие дубинки.

Пятый человек был одет иначе: его шелковые одежды были расшиты золотом, золотою была и рукоять его меча. Конан решил, что перед ним стоит знатный вельможа, решивший немного поразвлечься. Ничего необычного в этом не было, и киммериец тут же успокоился.

Моти и Пила повели себя достаточно неожиданно. Пила мгновенно испарилась, прихватив с собой и прекрасную танцовщицу. Моти же извлек из-под одежд тяжелую дубину и, приставив ее к ноге, дрожащей рукой налил вина себе и другу.

Судя по всему, гостей этих здесь уже знали. Конан опорожнил чашу и встал так, чтобы видеть сразу всю комнату.

— Ты что, решил вернуться к ратному делу? — вполголоса спросил он у владельца таверны Моти.

— Жизнь заставит — вернусь. Одно плохо — позабыл я все то, чему меня учили.

— Ты запишись добровольцем к Хаджару. Он и из барана воина воспитает, — улыбнулся Конан.

— Что верно, то верно. Вон он тебя как гоняет.

— Он сказал мне однажды, что за это я буду благодарен ему по гроб жизни. Впрочем, может быть, это и так. — Конан подлил себе вина. — Скажи-ка мне, хозяин, неужто в твоём доме плохо со снедью? Или повара твоего черти унесли? Лошадям и тем сена дают...

В то же мгновение в зале появилась Пила и танцовщица, что несли в руках подносы, полные всевозможных яств. Они были одеты в широкие платья, доходившие им до пят. Женщины не сводили глаз с гостей. Моти проследил за тем, как будет накрыт стол, и облегченно вздохнул.

— Можешь в этом не сомневаться, — сказал он наконец. — Если за тебя взялся сам Хаджар, значит, боги благоволят к тебе. И щедроты их кажутся мне излишними, — ты же чужеземец, Конан, верно?

— Все правильно, Моти, я здесь такой же чужеземец, как и ты. Не зря ведь говорят, что родился ты в Вендии, а матерью твоей была танцовщица. — Конан внезапно почувствовал, что в скором времени здесь может произойти что-то неладное. По спине его легким паучком пробежала дрожь.

— Моя мать была величайшей танцовщицей своего времени, — ответил Моти. — Хаджар же — величайший воин. — Он посмотрел на киммерийца. — Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— Ха. Ты одного возраста с сыном Хаджара; правда, дожил тот только до двадцати... Может быть, Хаджару ты кажешься сыном? У него нет ни родни, ни друзей. Был только сын, да и того не стало. Говорят, что он...

Дверь распахнулась, и в комнату вошла женщина. Даже явись она в клубах пламени, большего внимания к себе она не привлекла бы. Эта высокая статная женщина явно была северянкой: об этом говорили и широко посаженные серые глаза, и веснушки на загорелом лице. Сложена была незнакомка на удивление ладно — таких форм Конану еще не доводилось видеть, — прелести девичь

Мотилала казались ему теперь чем-то донельзя жалким.

Все мужчины смотрели теперь только на незнакомку, но она не обращала на них ни малейшего внимания, так, словно была здесь одна. Конану вдруг подумалось, что она держала бы себя так же уверенно и без одеяний.

Приблизившись к стойке, незнакомка сказала с сильным акцентом:

— Достопочтенный Мотилал, у меня к тебе есть дело. — В зале раздался хохот, но женщина словно и не заметила этого. — Я куплю кувшин вина, хлеб, сыр и копченое мясо. Меня устроит даже конина.

— Вы зря обижаете Моти, чем-чем, а кониной-то он не торгует! — вмешался Конан. — Если ваш кошель пуст, я готов...

Женщина холодно улыбнулась:

— Как же я расплачусь с тобой?

— Присядьте за мой столик — только и всего.

Незнакомка походила на сошедшую с небес богиню, для которой он, офицер наемной армии, был чем-то слишком уж вульгарным. Но с киммерийца было достаточно и того, что он сможет лицезреть ее...

— Если твой кошель пуст, голубка, мы беремся наполнить его до рассвета, — пробасил один из телохранителей под дружный хохот своих товарищей. Засмеялся и Конан. Незнакомка посмотрела на него с презрением.

Моти ударил своей дубинкой по стойке бара, и музыкант тут же стал выбивать на своих бубнах чувственный заморский ритм.

— Пила! Заря! — заорал хозяин таверны. — А ну-ка, за работу!

Женщины выбежали на середину залы и сбросили с себя платья. Человек в зеленых, отороченных золотом шелках подхватил своим клинком одеяния Зари, ни на минуту не сводя глаз с северянки.

«Не иначе — хлыщ», — подумал Конан о незнакомце. Из кухни выбежала девушка с полной корзиной снеди и большим кувшином аквилонского вина. Моти передал товар северянке, пересчитал предложенные ему деньги и, хлопнув служанку пониже спины, буркнул:

— Фебия, закругляйся с готовкой. Теперь нам нужны танцовщицы.

Конану почудилось, что в голосе Моти зазвучали неведомые ему доселе нотки, — казалось, командир прика-

зывает своим солдатам любой ценой удержать завоеванный рубеж. Паучок тревоги вновь пробежал по его спине. Он положил руку на рукоять своего меча.

Пила сбросила с груди перламутровое ожерелье, вызвав в зале массу восторгов. Северянка направилась к выходу, но тут же со своего места поднялся одетый в шелка вельможа. Конан сделал пару шагов вперед, в этот же миг один из телохранителей выставил в проход свою толстую ногу.

Северянка, пытаясь удержать равновесие, отбросила от себя и кувшин, и корзину. Однако это ей уже не помогло — она упала на пол, и в тот же миг выхватила из сапога кинжал и, изогнувшись по-змеиному, приготовилась к отражению атаки.

Вельможа протянул ей руку, не снимая второй руки с рукояти висевшего у него на поясе клинка. Незнакомка взялась за нее едва ли не с благодарностью, но тут же резко дернула ее на себя. Вельможа повалился на залитый красным вином пол.

Конан услышал шепот северянки:

— Простите меня, мой повелитель. Я хотела...

Пара телохранителей стала лицом к киммерийцу. И тут терпение его лопнуло — он выхватил из ножен свой меч, повинувшись необоримому инстинкту, сокрывавшему себя за тончайшим налетом цивилизованности.

Вельможа несколько мгновений созерцал расплывавшиеся по его роскошным одеяниям темные пятна, затем перевел взгляд на женщину. Голос его внезапно перешел в визг:

— Эта дрянь напала на меня! Она испортила мой лучший костюм! Стража — взять ее!

Телохранитель, стоявший за спиной северянки, занес над ее головой дубинку, однако завершить удар ему помешал подставленный клинок Конана. Вместо того чтобы сокрушить череп незнакомки, дубинка легко скользнула по ее плечу, не причинив северянке ни малейшего вреда. Женщина легко откатилась в сторону, освобождая место для Конана. Необходимости в этом пока не было. И телохранители, и их господин замерли от изумления. Конан взглянул на Моти. Бедняга обливался потом, сжимая свою дубину так, что костяшки пальцев его стали белыми, словно снег.

«Ох, не пить мне больше здешнего вина», — подумал

Конан. Этот князек запугал Моти настолько, что тот позволяет ему нападать на честных людей. Причина этих страхов киммерийца не интересовала — трусость есть трусость, чем бы она ни вызывалась.

— Эта женщина и не думала нападать на тебя! — прохрипел Конан. — Я видел, как один из твоих людей поставил ей подножку.

Северянка одарила Конана улыбкой и тут же едва не поплатилась за это. Один из воинов пришел в себя и изо всех сил рубанул мечом лежавшее у его ног тело. Незнакомка метнулась в сторону, чудом избегнув неминуемой смерти. Туника ее окрасилась кровью.

Конан схватил тяжелый табурет и метнул его в воина с такой силой, что тот рухнул на пол. Не давая ему опомниться, киммериец опустил свой тяжелый сапог ему на живот.

Таверна вмиг опустела. Один из воинов отступил к стене. Двое других, возглавляемых своим господином, стали наступать на дерзкого киммерийца. Северянка их теперь нисколько не занимала.

Незнакомка вскочила на стол, заставив одного из воинов повернуться к ней лицом.

— Не вздумай убить ее, идиот! — заорал князек.

Воин грязно выругался, вызвав у Конана известную симпатию. Нет ничего труднее, чем пленить раненую разъяренную львицу. Такую команду мог отдать только крайне недалекий человек — уязвленное самолюбие, похоже, лишило вельможу остатков ума.

Женщина выхватила из сапога второй кинжал и спрыгнула вниз. Теперь она стояла так близко к воину, что воспользоваться своим мечом он уже не мог. Кинжал вошел ему в горло.

— Оглянись назад! — закричал Конан.

Воин, отступивший было к стене, решил воспользоваться тем, что незнакомка в пылу сражения забыла и думать о нем. Помочь ей Конан уже не мог — на него наступало сразу двое: князек и его раб. Судя по всему, ратного опыта им было не занимать — они вели себя уверенно и спокойно.

Предупреждение киммерийца было запоздалым. Но, к счастью, воин исполнился решимости выполнить приказ своего господина, сохранив жизнь возмутительнице спокойствия. Одной рукой он схватил ее за горло, другой —

выкрутил ей правую руку. Извиваясь, словно змея, северянка попыталась нанести удар левой рукой, но кинжал лишь скользнул по кольчуге воина и упал на пол. Воин мертвой хваткой схватил ее за запястье, заставив выпустить и второй кинжал.

Конану тоже приходилось непросто. Помимо прочего, ему мешали и танцовщицы, продолжавшие кружить по зале. Пила и Заря уже разделись донага, на Фебии же оставалась только юбка, готовая в любую минуту упасть на пол.

— Кром! Или расступитесь, или помогите мне! — вскричал киммериец.

Юбка свалилась с бедер кухонной девки, заставив споткнуться и налететь на вельможу, грубо оттолкнувшего ее в сторону. При этом клинок его задел за ее ягодицу, оставив на ней длинный разрез, из которого тут же хлынула кровь.

Девица завизжала и зажала ладонью рану. Истошный визг заставил вельможу вздрогнуть, чем не замедлил воспользоваться Конан: ударом немыслимой силы он отхватил воину, стоявшему против него, руку и тут же бросился на его соратника, так и не выпускаявшего северянку из своих объятий. На подмогу киммерийцу неожиданно пришел Моти. Своей тяжелой дубиной он ударил воина по спине, отчего тот ослабил свою хватку. Незнакомка двинула его локтем в живот и отскочила в сторону. Воин, пытаясь уйти от второго удара дубины, попятился назад и, налетев на стул, упал к ногам игравшего на бубнах музыканта. Тот опустил ему на голову тяжелый кушитский бубен, после чего воин затих.

— Ну что, сукин сын, довольно с тебя? — обратился Конан к вельможе. Тот ошарашенно посмотрел на киммерийца, швырнул свой клинок на пол и выскочил за дверь. Северянка тоже не стала задерживаться в таверне — подобрав свои кинжалы, она тут же покинула залу. Нагие Пила и Заря принялись хлопотать над раной Фебии.

— Далеко он не уйдет, — сказал Конан. — Его или северянка нагонит, или стража прихватит.

Моти мрачно покачал головой. Теперь он был так же бледен, как и иранистанка. Дубина выпала из его внезапно ослабевших рук.

Конан нахмурился. Его слова почему-то смутили хозяйина таверны — он уже был бледен, как снег.

— Я что-то не так сказал? — спросил киммериец. — Или, может быть, этот тип — наследный принц?

— Ты недалек от истины, — еле слышно пробормотал Моти. — Это сын Правителя Хаумы.

Имя это было ведомо и Конану. Хаума был одним из наместников, командовавшим гигантским воинством.

— Правителю следовало бы заняться воспитанием своего сыночка. Первым делом я бы его кастрировал — иначе толку от него все равно не будет.

— Конан, мы не должны были ссориться с ним! Лучше такие дела решать миром.

— До той поры, пока он не стал приставать к этой женщине, его никто не трогал! — взорвался Конан. — То же самое я и самому царю Йалдизу могу сказать! Если бы не Фебия, я этого подонка уже прикончил бы.

Моти тяжело вздохнул.

— Девочка сделала это намеренно. Она хотела, чтобы в драку ввязался и я.

Он гневно засопел и продолжил совсем другим тоном:

— Клянусь Хауманом, — после того, что случилось, ты у меня вмиг на улице окажешься! Ну а ты, Пила? Неужто ты думаешь, что я настолько глуп? Ведь без тебя эта дуручка и шагу не может сделать!

Конан поднял с пола дубину и поднес ее к самому носу хозяина таверны.

— Моти, дружище, — твоя судьба в твоих руках: или я всажу эту дубину тебе в зад, или ты выполнишь мою маленькую просьбу.

Моти облизнул губы:

— Просьбу?

— Да, просьбу. Отныне и впредь ты будешь предоставлять в мое распоряжение свою лучшую комнату и достаточное количество вина и снеди. Вино может быть любым, главное, чтобы его было много. И еще: ни с меня, ни с женщин, которых я приглашу к себе, ты не будешь брать ни гроша.

Моти было заскулил, но суровый взгляд киммерийца и смешки женщин заставили его замолчать. Руки его сильно тряслись.

— Ну? — грозно спросил Конан.

— Будь по-твоему, разрушитель дома моего и осквернитель моего имени! Особой радости это тебе не доставит — люди Хаумы могут прийти сюда в любую минуту!

— Я думаю, Хаума куда умнее, чем ты о нем думаешь, — ухмыльнулся Конан. — Ну а теперь, коль скоро договор наш вступил в силу, отведи меня в комнату для почетных гостей и приготовь вина на...

Конан задумался и стал разглядывать женщин.

— На нее, — наконец указал он на Пилу и тут же, кивнув на Зарю, добавил: — И на нее.

Фебия улыбнулась и, покачивая бедрами, подошла к киммерийцу. Конан удивленно посмотрел на нее и, не долго думая, кивнул головой.

— Спорить не стану. Ты тоже пойдешь со мной.

— Хорошо, что эта подруга отсюда улизнула, — хрипло засмеялась Пила. — А то бы ты и ее с собой прихватил!

Глава вторая

— Это лук, а не змея! — закричал Конан. — Он тебя не укусит! Если же ты сейчас из него не стрельнешь, тебе и небо с овчинку покажется!

Долговязый юноша побледнел и с тоской посмотрел на лазурные небеса, словно моля богов о помощи. Конан объяснил все еще раз. Юноша сглотнул и вновь попытался натянуть тугой лук.

Выстрелить из круто изогнутого туранского лука должен был каждый. С иными из воинов заниматься стрельбой было бессмысленно, другие же, напротив, знали все то, чему хотел научить их Конан.

О том, где они обучились стрельбе из лука, Конан не спрашивал — прошлое наемников здесь никого не интересовало. Обычай этот был по-своему мудр и в известном смысле способствовал пополнению туранской армии новобранцами.

Конан сплюнул и косо посмотрел на солдат.

— Хотел бы я встретиться с теми, кто присоветовал вам пойти в солдаты. Но вы уже здесь, и я вынужден поступить так, как велит мне мой воинский долг. Хотите вы того или нет, но солдатами вы станете! Сержант Гарсим! Десять кругов вокруг лагеря!

— Вы слышали, что сказал капитан? — заорал сержант так, что голос его был слышен и во дворце паря Йалдиза. — Бегом марш!

Кивнув Конану, он закрутил над головой палку и понесся на рекрутов. Многим из новобранцев Гарсим годился в дедушки, но он легко обогнал бы любого из них.

Стоило взводу исчезнуть за воротами, как Конан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. В то же мгновение он услышал голос Хаджара.

— Сдается мне, что такие же слова я уже где-то слышал.

— Вы правы, капитан. Стрельбе из лука меня учил сержант Никар, у него-то я все и перенял.

— Так твоим учителем был сам старик Никар? Ну, тогда с тобою все понятно! Кстати, что же с ним самим случилось?

— Он отправился в отпуск, но назад уже не вернулся. Примерно в то же самое время исчезла и банда разбойников. Думаю, эти негодяи имели глупость напасть на него.

— Давай посмотрим, кто из нас стреляет метче. Три круга, в каждом круге по пять стрел — идет?

— Даже не знаю, что вам и сказать, капитан...

— Давай, давай, дамский угодник. Я о твоих подвигах в «Красном Соколе» уже наслышан. Подумать только — он вступился за плясунью!

Конан едва не разинул рот от изумления, но тут же взял себя в руки и, пожав плечами, сказал:

— Ну и что из этого? К тому же вначале я заступился не за плясунью, а за некую неизвестную мне даму. Я мог бы и не делать этого — северянка оказалась превосходным воином...

Хаджар от души рассмеялся.

— Как же, как же... Надеюсь, северянка твоя как-то отблагодарила тебя?

— Не знаю. Я во всяком случае этого не заметил, — ухмыльнулся Конан. — Вот кто был действительно благодарен, так это плясунья! Я до сих пор в себя прийти не могу!

— Конан, что я слышу? Неужели три девицы смогли лишить тебя сил? Если это так, то лучше возвращайся в свои горы: ты слишком стар для наших мест!

— Берите лук, капитан! Сейчас мы посмотрим, кто из нас стар!

— Митра! Кто ее сюда пропустил? — неожиданно воскликнул Хаджар.

Конан резко обернулся. От ворот к ним шла таинственная северянка. Она выступала так же уверенно, как и в тот памятный вечер; глядя на ее походку, невозможно было поверить в то, что всего два дня тому назад она была ранена в бок.

На незнакомке были уже знакомые киммерийцу туника и штаны. На поясе ее висел широкий меч и кинжал такой длины, что его можно было назвать — будь он пошире — вторым мечом. Лицо ее было скрыто тончайшей шелковой вуалью.

— Похоже, ты с этой девкой уже знаком, — насмешливо сказал Хаджар.

— Это не девка, капитан. Это и есть та самая женщина.

— Ну и ну! Чудеса да и только! Спроси-ка у нее, зачем она сюда пожаловала, а я пока разберусь с этими олухами, что стоят у ворот.

Конан снял тетиву с лука и вновь посмотрел на незнакомку. Едва она подошла к нему, как плац огласился руганью Хаджара.

— Сейчас он узнает о том, что же я им показала, — спокойно сказала женщина и, раскрыв сжатую в кулак руку, показала киммерийцу золотую монету, отчеканенную во времена царя Ибрама. На лике бородатого Ибрама были выгравированы три заморанских руны.

Подобные монеты были отличительным знаком слуг Мишрака, ведавшего всеми тайными службами Турана. В подлинности монеты Конан нисколько не сомневался, но его сильно смущало то, что монету эту держит в руках именно эта женщина. Ослушаться приказов Мишрака не смел никто: отказ от их выполнения означал верную смерть.

— Стало быть, тебя послал сам Мишрак... Но зачем?

— Чтобы привести тебя, капитан Конан.

— Куда привести?

— К Мишраку — куда же еще?

— И ты мне больше ничего не скажешь?

— Я не вижу в этом смысла.

Возможно, незнакомка и не могла сказать большего — вряд ли Мишрак посвящал слуг в свои тайны.

В этот момент к ним подошел Хаджар. Его не успокоил вид монеты. Взревев по-медвежьи, он показал рукой на ворота.

— Иди, Конан. Я не такой дурак, чтобы спорить с

Мишракoм. Гарсим справится с рекрутами и без тебя.

— Как скажете, капитан. Ну а теперь, женщина, скажи мне — могу ли я умыться и взять с собою оружие?

— Ты волен делать все, что угодно, капитан Конан. Но не забывай и о том, что Мишрак ждет тебя.

— Ждет? — усмехнулся Конан и вновь пробежал взглядом по телу незнакомки, лишней раз уверившись в том, что нагота шла бы ей как нельзя лучше.

— Да, именно так, — ответила незнакомка, внезапно смутившись.

— Много времени это у меня не займет, — сказал Конан, думая о том, куда бы ему спрятать парочку кинжалов.

— Мы идем в Квартал Шорников, — сказала Конану его спутница, когда они вышли за ворота. Конан был на голову выше северянки, однако едва попевал за нею. Наверное, она горянка, подумалось ему вдруг.

Вскоре они достигли Бондарной Площади, от которой Конан хотел пойти на юг, но северянка тут же остановила его:

— Капитан, Квартал Шорников находится на севере, а не на юге.

— Вот как? А я и не знал.

— Это дело поправимое.

— Ну что ж, тогда я отдаюсь в твои руки. Веди меня куда хочешь, — проворчал киммериец.

Квартал Шорников действительно находился на севере; единственное, чего хотел Конан, это пойти по другим, менее людным улицам, но теперь ему оставалось лишь одно — покорно следовать за своей провожатой. Гневать ее попусту ему не хотелось — ее гнев мог обернуться гневом Мишрака.

— Пстой, — сказала северянка, направившись к фонтану, стоявшему в центре площади. Утолив жажду, она поспешила к одной из улочек, отходивших на север.

Они вошли в Квартал Шорников, в котором размещалось по меньшей мере полсотни мастерских по выделке кожи и производству седел. На улицах стоял невообразимый шум: стучали молотки, скрипели блоки, визжали пилы, шорники кричали на своих подмастерьев. Конан следовал за своей спутницей, держась справа от нее и не выпуская из руки рукоять своего меча.

Поворот следовал за поворотом. Конан стал разглядывать диковинный кинжал северянки. Рукоять его заканчивалась массивным посеребренным шаром, клинок же выглядел донельзя странно: он был четырехгранным, с глубокими выборками меж лезвиями. Хотелось бы увидеть его в действии, подумал Конан и тут же понял, что такая возможность ему сейчас представится. Из-за строения, стоявшего слева от них, выбежало несколько воинов, еще двое выпрыгнули из окна справа. Всего противников было шестеро. Конан выхватил меч из ножен и принял боевую стойку. Один из воинов показался ему знакомым — он мог видеть его в «Красном Соколе». Киммериец отступил на шаг назад и покосился на свою спутницу — испуг, похоже, совершенно парализовал ее.

«Она, конечно, не союзник, — подумал Конан, — но, с другой стороны, она и не противник». В тот же миг он толкнул выпрыгнувшего из окна воина и ударил его сапогом с такой силой, что тот, взлетев в воздух, сбил с ног своего соратника. Не успев последний упасть, как киммериец опустил ему на голову свой тяжелый меч.

Северянка тоже не стояла без дела. Испуг ее был деланным: едва три воина приблизились к ней, она вонзила свой диковинный кинжал в горло одному из них и с проворством кошки отскочила назад. Неприятели, не ожидавшие от нее такой прыти, раскрыли рты от изумления и тут же поплатились за это — одному из воинов Конан отрубил голову, второму северянка пронзила стальным жалом грудь. На улице появилось еще несколько противников, но сладить с Конаном было уже невозможно: не прошло и минуты, как все враги, кроме одного, лежали на мостовой.

— Этот — мой! — закричала северянка, изготовившись к поединку.

— Будь по-твоему! — буркнул Конан и опустил свой меч.

Противник, однако, повел себя достаточно неожиданно: вместо того чтобы напасть на стоявшую перед ним воительницу, он отпрыгнул назад и пустился в бегство.

— О боги! Женщина, что же ты наделала?

— Его еще можно догнать.

— В этом-то лабиринте? Да в своем ли ты уме?

— Если ты боишься... — начала было женщина, но тут же осеклась и заговорила совершенно иным тоном: —

Прости меня, Конан. Я могла бы заколоть его, но разить противника в спину я как-то не привыкла.

— Забудь об этом — мы не где-нибудь, а в Туранском царстве! Если ты не веришь мне, поговори с Мишраком.

— Я знаю об этом, он скажет мне то же самое. Но я училась у мастера Барафраса, он же считал, что бой никогда не должен превращаться в бойню. Впрочем, что я говорю? Ты и сам ведешь себя не по-турански. С какой это стати ты решил вступить за меня в таверне?

— Я боялся, что эти молодчики испортят мне весь вечер. Если бы не это, я бы и пальцем не пошевелил. И в итоге я оказался прав: я получил от Моти то, на что я, признаться, и не рассчитывал.

— И что же ты получил, если это не секрет?

Конан почел за лучшее умолчать о своих недавних победах и, пожав плечами, ответил:

— Об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. Пока же нам стоит поскорее покинуть это место — не ровен час, этот прохиндей вернется с подмогой.

— Я думаю, этого не произойдет.

— Ты можешь думать что угодно, но чем скорее мы окажемся у Мишрака, тем лучше.

Северянка согласно кивнула и, отерев свой клинок об одежды одного из воинов, вернула его в ножны. Конан внезапно нахмурился. В одном из погибших он узнал солдата Ицхака. Этого человека он частенько видел в «Красном Соколе» — там он обычно играл в карты. «Что же заставило его заняться разбоем? — задумался Конан. — Долги или нечто иное, мне неизвестное?»

Северянка была уже далеко впереди. Конан прибавил шагу. Вот уже дважды он сражался с этой женщиной бок о бок, а имя ее все еще было ему неизвестно.

Глава третья

Кто там? — услышали они тихий голос. Кажется, он слетал откуда-то сверху, из-за высокой беленой ограды.

— Капитан Конан и та, что была послана за ним, — ответила северянка.

Через минуту за воротами залязгали затворы и за-

скрипели пластины замков. Ворота раскрылись, и знакомый голос раздался вновь:

— Входите.

Они оказались в коридоре, больше походившем на туннель. Стены дома Мишрака были выложены камнем. В дальнем конце коридора виднелась массивная деревянная дверь, сделанная из вендийского тика и украшенная резными изображениями драконов и тигров.

За вторыми воротами находилось караульное помещение. Оба стоявших здесь стража были неграми: один, судя по всему, был выходцем из Ванахейма, второй — уроженцем Шема. Шемит был едва ли не крупнее самого Конана, оружия же, висевшего у него на поясе, хватило бы и на то, чтобы справиться с целым полком.

Гости и стражи обменялись взглядами. Конан решил, что они имеют дело с немymi. В то же мгновение один из негров кивком головы указал на дверь, обшитую полированным серебром. Дверь беззвучно отворилась.

Конан нахмурился. Он был киммерийцем, а значит, как и все киммерийцы, относился к волшебству с неприязнью. С магами ему доводилось встречаться уже не раз, и он знал, что волшебство разъедает человеческую душу куда быстрее, чем сребролюбие и жажда плотских утех. Все волшебники рано или поздно кончали одним — они стремились к неограниченной власти над миром, тех же, кто не желал покориться им, они просто-напросто уничтожали. Конан, как и все киммерийцы, не был склонен к подчинению, что делало его непримиримым врагом магов.

И тут ему в голову пришла достаточно разумная мысль: будь Мишрак волшебником, ему бы не потребовались ни слуги, ни стражи, ни стены неимоверной толщины.

Конан и его спутница шли бесконечными коридорами, переходя с лесенки на лесенку, с этажа на этаж. То тут, то там взглядам их открывались дивные красоты, которые были свезены в эту крепость буквально со всего мира: здесь были и аквилонские гобелены, и вендийские статуэтки из слоновой кости, и кхитайские ковры, и многое-многое другое.

Время от времени на их пути встречались обитые железом двери, утопленные в глубокие ниши. Конан тут же решил, что вести они могут только в царство смерти, и потому каждый раз, когда им приходилось проходить мимо этих дверей, он ускорял шаг.

Они вышли в широкий коридор, все стены которого были завешаны яркими тонкими шелками. Миновав его, они оказались в большой комнате, заканчивавшейся широкой аркой, из-за которой слышались звуки флейты и плеск воды.

— Кто вы? — обратился к ним грозный страж.

Всего стражей было шестеро: двое были иранистанцами, остальные — уроженцами Шема. Кольчуги и шлемы их были покрыты серебром, в руках же они держали самые что ни на есть обычные туранские мечи.

— Капитан Конан, подданный царя Йалдиза Туранского, и дама, которой было приказано доставить его к Мишраку, — ответил Конан, не дожидаясь, пока спутница его соберется с мыслями.

Северянка вздрогнула.

— Я, слава Крому, не немой, — обратившись к ней, сказал Конан. — Я киммериец и солдат и потому вправе отвечать за себя сам. Кстати, я не привык общаться с человеком, имя которого мне не известно. Не знаю, как у вас, а у нас принято представляться при первой же встрече.

Северянка неожиданно покраснела и, потупив глаза, сказала:

— Я — Раина, и прежде я жила на Каменной Горе посреди Боссонских Топей. Теперь же я служу госпоже Ильяне.

Конан задумался. Ничего нового узнать ему так и не удалось, тем более что имя госпожи Раины ему ничего не говорило. Прежде чем киммериец успел задать новый вопрос, из-за арки послышался низкий хриплый голос, походивший на рев быка:

— Сколько вас можно ждать? У нас есть дела и поважнее!

Конан взял Раину под руку и направился к покоям Мишрака.

Конан ожидал встретить здесь то же великолепие, что и на пути ко внутренним покоям дома-крепости. Покои же оказались совсем иными — чисто беленые потолки и стены были совершенно голы, единственным украшением комнаты были цветастые иранистанские ковры, брошенные на пол, да гирканское руно, разложенное вокруг находившегося в самом центре комнаты фонтана.

На скамьях, стоявших вокруг бассейна, сидели мужчина и пять женщин. Четыре юные красавицы были едва ли не наги, на них были лишь набедренные повязки, высокие сандалии и украшенные топазами широкие серебряные пекторали, прикрывавшие им грудь. Конан тут же заметил, что и сандалии, и набедренные повязки сокрывают в себе короткие ножи; судя по всему, какое-то оружие было скрыто и под пекторалиями.

Пятая женщина скорее походила на гостью, а не на стражницу. Она была старше других, и одета она была не столь легкомысленно: на ней было длинное белое платье. В руке женщина держала кубок с вином.

Бычий рев раздался вновь:

— Ну что, капитан Конан? Не хочешь ли ты вновь заняться воровством? Хорошенько подумай — ведь воровать тебе придется женщине! Ты слышишь, Конан? Женщин!

Голос этот принадлежал мужчине, сидевшему на скамье. Без посторонней помощи человек этот вряд ли смог бы подняться — ноги его ниже колен были изуродованы шрамами настолько, что казались чем-то чужеродным телу. Само тело было широким, словно бочонок, руки же походили на корни могучего столетнего дуба. Лицо Мишрака было прикрыто черной кожаной маской, из-под которой выбивались пряди седых волос.

Конан усмехнулся.

— Прятать украденное — непросто, если же у товара вдобавок ко всему прочему есть и ноги, то дело становится почти безнадежным. Неужели я похож на идиота, ваша светлость?

— В каком-то смысле — да. Ты глазеешь по сторонам так, словно появился на свет минуту назад.

— Тому есть объяснение, ваша светлость. Я поражен увиденным. Теперь я понимаю, как вы, имея такое количество врагов, столь превосходно справляетесь со своими обязанностями.

— Это уже интересно. И каким же чудом мне это удастся?

— Чудеса здесь ни при чем. Вы не даете своим врагам возможности быть смелыми. Отвагу питает надежда — надежда на жизнь или победу. Лиши человека надежды, и он обратится в труса.

— Ты и о себе говоришь, киммериец?

— На то у меня нет причин, Мишрак. Я вам не враг и портить с вами отношения не собираюсь и впредь. Вы же вызвали меня не для того, чтобы убить на месте,— будь это так, здесь не было бы ни ковров, ни женщин.

— Тебе не откажешь в проникательности, варвар. Но не спеши называть меня союзником — ты еще не знаешь, зачем ты понадобился мне.

— Я с удовольствием выслушаю все, что угодно.

— Удовольствие это будет непродолжительным,— усмехнулся Мишрак.— Если же ты откажешься от моего предложения, краткой будет и твоя жизнь.

— Смерть всегда приходит слишком рано,— ответил Конан.— Это закон нашего мира. Человеку не дано выбирать.— Он выразительно посмотрел на Раину, отчего та вновь смутилась.— И откуда же придет ко мне смерть?

— Ее жаждет правитель Хаума.

Известие это несколько не удивило Конана.

— Он, похоже, привык печься о своем сыночке, хотя тот этого совершенно не заслуживает. Когда мы шли сюда, на меня и на Раину напали его люди. Мы уложили всех, кроме одного,— этот подлец позорно бежал.

Раина посмотрела на киммерийца с благодарностью, чувствовалось, что она крайне признательна ему за то, что он не стал говорить о ее промахе.

— Это еще цветочки. Самое страшное ждет тебя впереди. Спору нет — воитель ты отменный, но одного этого мало. Кто будет охранять тебя, когда ты, к примеру, заснешь?

Раина едва заметно вздрогнула. Конан удивленно посмотрел на нее и пожал плечами.

— Я могу на время исчезнуть. Вспыльчивость редко уживается с памятью, ваша светлость. Бывают, конечно, и исключения из этого правила, но, как видите, до сих пор мне удавалось как-то совладать и с ними.

— Если ты будешь отсутствовать слишком долго, ты нарушишь присягу, данную тобой царю. Разве ты способен на это?

— Чтобы я из-за какого-то Хаумы нарушил свое слово? Я прошу не оскорблять меня так, ваша светлость!

— Да, Конан, я не прав. Ты слишком глуп, чтобы бояться его. Конечно, Хаума прежде был куда сильнее, но и сейчас ты ему не соперник, киммериец,— поверь мне на слово.

Кому-кому, а Конану об этом можно было и не говорить. Он знал о том, что прежней своей силой Хаума был обязан Культю Судьбы, распространению которого оный правитель всячески содействовал. Именно Конану суждено было расправиться с посвященными этого культа, что не могло не привести к его, культа, исчезновению. Произошло это два года назад. Теперь же...

— Ну хорошо. Предположим, что вы правы. И что же вы можете предложить мне взамен?

— Если ты не просто оставишь Аграпур, а отправишься выполнять мое задание, я изыщу способ настроить Хауму на иной лад. На выполнение задания у тебя уйдет примерно месяц. К этому времени правитель о тебе и думать забудет.

— И что же это за задание?

— Минуточку терпения. Я позабочусь не только о тебе, я стану защищать и тех, кто останется в Аграпуре. Ведь ты не хочешь, чтобы со старым Мотилалом случилось что-нибудь неладное? А что ты скажешь, если лицо Пилы станет походить на мои ноги?

Киммериец чертыхнулся про себя. И зачем только он ввязался тогда в драку? Неужели он не понимал того, что рано или поздно Хаума отомстит и ему, и его друзьям? Он-то себя защитит, но что будут делать женщины?

— Мне бы этого не хотелось,— буркнул Конан. Заметив, что Раина смотрит на него едва ли не с ненавистью, он горько усмехнулся. До чего же эти женщины ревнивы...

— Если вы обещаете защитить их, я готов выслушать вас,— добавил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вот о чем я сейчас подумал. Хаума, судя по всему, занимает вас и сам по себе. Неужто ему есть дело до каких-то там девок? Нет, я думаю, у него есть дела и поважнее...

В комнате установилась гробовая тишина. Конан услышал, как где-то рядом взвели арбалет, и рассмеялся:

— Посоветуйте своему стрелку заряжать арбалет загодя.

Женщина в белом платье улыбнулась и, томно вздохнув, изрекла:

— Мишрак, я же тебя предупреждала. Слушая вчерашний рассказ Раины, я рассматривала ауру этого человека. Так просто его не проведешь. Единственный способ направить его в нужную сторону — воззвать к

его чести. В противном случае у тебя ничего не выйдет.

Из-под кожаной маски послышалось гневное сопение. Гнев Мишрака явно был направлен не только на киммерийца. Раина, прижав лицо к колонне, еле сдерживала себя от смеха.

— Ничего более похвального в свой адрес мне еще не доводилось слышать, госпожа, — обратился к незнакомке Конан. — Вас зовут Ильяна, не так ли?

— Ты не ошибся, варвар.

Женщина эта, скорее всего, тоже была северянкой, пусть волосы ее и имели золотисто-каштановый цвет. Она была одета в белое шелковое платье, отороченное узкой шафрановой лентой. Широкое это платье совершенно скрывало ее тело, однако можно было с уверенностью сказать, что сложена Ильяна прекрасно. Глядя на ее лицо, можно было понять, что ей уже за тридцать.

Ильяна посмотрела в глаза киммерийцу и, улыбнувшись, обратилась к нему:

— С позволения Мишрака я расскажу тебе о том, в чем же будет состоять твое задание. Но прежде позволь мне поблагодарить тебя за спасение Раины от позора и смерти. Она пришла ко мне прислугой, но уже через пару лет мы стали духовными сестрами.

Конан нахмурился. «Духовная близость» и «аура» были понятиями из чуждого ему лексикона жрецов и магов. Кем же была Ильяна?

— Я хочу, чтобы ты помог мне разыскать один из Камней Курага. Эти магические предметы пришли в наш мир из древней Атлантиды. Камень, о котором идет речь, украшает собою браслет ванирской работы...

Она стала рассказывать историю Камней Курага со времени появления их в мире — историю долгую и страшную, ибо Камни эти и сами по себе были страшны настолько, что к помощи их отваживались прибегать редкие маги.

— Но зачем они вам? — изумился Конан.

— Даже взятые каждый в отдельности, Камни эти обладают великою силой. Если же соединить их, мощь того, кто станет их обладателем, будет воистину безграничной.

Конан старался не пропустить ни слова, понимая, что все это говорится ему не случайно.

Ильяна стала рассказывать о том, как магические камни попали к ее господину Эремиусу, решившему

завладеть с их помощью миром. Именно тогда она и бежала от него, прихватив с собою один из Камней. Сказания о демонах, поселившихся в Ильбарских горах, появились не случайно, — сказала она напоследок. — Мастер Эремиус живет теперь именно там.

— Люди боятся Эремиуса, сила же его растет день ото дня. Он ищет себе помощников, и лучших союзников, чем Хаума и ему подобные, Эремиусу не найти. Достаточно ему будет продемонстрировать свое могущество, и они тут же примут его сторону, ибо сила в нашем мире означает власть. Ни один из этих глупцов не понимает того, что стальные оковы — ничто в сравнении с оковами магии...

«...Оковами магии!» — повторил про себя киммериец, погрузившись в тягостные раздумья. Мишрак хочет, чтобы он, капитан Конан, тайно покинул Аграпур и стал телохранителем волшебницы, решившейся на крайне рискованное и, похоже, не очень-то чистое дело. Конан был не настолько глуп, чтобы поверить в то, что Ильяна была до конца искренней, — об истинных ее намерениях он мог только гадать.

Дело это его особенно не привлекало, но отказаться от него он тоже не мог, — от этого могли пострадать и Пила, и Заря, и юная Фебия...

И зачем только боги создали женщин! Как искусно расставляют они свои силки, как умело они пленяют мужчин, принимающих это бремя едва ли не радостно...

— Клянусь Хануманом! — проворчал Конан. — Если вы прикажете принести вина для меня и для Раины, я соглашусь прогуляться и на Луну!

Две телохранительницы Мишрака, не дожидаясь приказа своего господина, исчезли в соседней комнате. Скрестив ноги, Конан уселся на ковер и извлек свой меч из ножен. Хорошо бы заточить его вновь, подумал он, с тоской разглядывая покрытое многочисленными зазубринами притупившееся лезвие. Все в комнате смотрели теперь только на него. Он хохотнул.

— Кажется, я начинаю что-то понимать. Вы хотите, чтобы я отправился в Ильбарские горы в компании этих милых дам, с тем чтобы разыскать там вконец обезумевшего колдуна и похитить у него некий таинственный кристалл, охраняемый демонами. Хорошенькое дело! Выходит, мне опять придется сражаться с магами!

Мишрак рассмеялся:

— Конан, как жаль, что ты служишь не мне! Тебе еще ничего толком не сказали, а ты уже все понял! Переходи ко мне!

— Скорее я дам себя кастрировать!

— Одно другому не мешает. Если ты станешь евнухом, я пошлю тебя в прекрасную Вендию! Ты только предств, как ты тогда заживешь!

Раина фыркнула и, обняв киммерийца, рассмеялась, — смеялась же она так, что слезы потекли из ее прекрасных глаз.

Стражницы внесли в комнату огромную бутылку с вином и несколько бокалов. Когда вино было разлито по кубкам, Мишрак испытующе посмотрел на киммерийца и тихо спросил:

— Ну и что же ты ответишь мне, Конан?

— План ваш мне не нравится. Я не люблю ни волшебников, ни волшебниц. Но я не настолько глуп, чтобы ответить вам отказом, — тут уж никуда не денешься. Придется мне немного потерпеть.

Раина вновь обняла Конана. Судя по выражению лица ее госпожи, можно было с уверенностью сказать, что Ильяна с радостью поменялась бы с ней местами. Из-под черной маски вновь раздался хриплый смех.

Глава четвертая

Таких жеребцов вы еще не видели! — быстро заговорил торговец. — Вы только посмотрите на его ноги. А грудь? Вам когда-нибудь доводилось видеть такую грудь? А его благородная...

— Не страдает ли твой конь одышкой? — перебила торговца Раина.

— Он, конечно, не жеребенок, нет, он куда выносливее. Сильное умное животное, которое смогло бы нести на себе вас обоих, хотя на карликов вы не очень-то походите. В лошадях я разбираюсь куда лучше, чем в людях, и потому вы можете верить мне на слово...

Уже не слушая торговца, Раина стала разглядывать жеребца. Животное скосило на нее глаза и, тряхнув головой, тихонько заржало.

— Это действительно не жеребенок, — сказала Раина. — Ему бы только на солнышке греться.

— Да как у вас язык поворачивается! — возмутился торговец. — Он еще и вас переживет.

— Все может быть. Но он не стоит и половины тех денег, которые ты за него запросил.

— Госпожа, вы оскорбите и меня, и моего коня. Если я отдам его задешево, он тут же почувствует это. Видит Митра, это так.

— Я и не знал, что обед для грифов стоит теперь так дорого, — вмешался в разговор Конан. — Митру же на твоём месте я бы не поминал.

Киммериец никак не мог понять, почему Раина остановила свой выбор именно на этом жеребце, преклонный возраст которого тут же бросался в глаза. Впрочем, в самих торгах вмешиваться он не хотел.

Раина и торговец никак не могли сойтись в цене. Конану неожиданно вспомнилась игра, виденная им в Иранистане: всадники длинными деревянными колотушками гоняли по полю голову тельца (поговаривали, что порой игра ведется головой убитого врага).

Торговец поднял руки и закивал головой, при этом он выглядел так, словно с минуты на минуту покончит с собой.

— Когда вы увидите, как я прошу подавание на Главной Площади, вы вспомните о том, как несправедливо вы обошлись со мной. Вы ничего не смыслите в конях, но почему же страдать от этого должен я? На вашем месте я бы чуточку добавил.

Раина облизнула высохшие губы.

— Клянусь Четырьмя Ключами! Я и на площади не дам тебе ни гроша! Для того чтобы расплатиться с тобой, мне пришлось бы торговать собой!

Торговец ухмыльнулся:

— На уличных девок вы ничуть не походите, госпожа, к тому же и законов их вы не знаете. Лучше обратитесь прямо ко мне — я отведу вас к себе, и тогда...

— А жены своей ты не боишься, приятель? — нахмурился Конан. — Шутки шутками, но на твоём месте я бы лучше помолчал. Оставь свои остроты при себе.

— Это все, что у меня есть, — печально вздохнул торговец. — Одна уздечка стоит больше того, что вы мне предлагаете.

Конан пожал плечами. Торги эти были совершенно бессмысленными: Мишрак дал им столько денег, что они могли покупать каких угодно коней, сколько бы те ни стоили. Подобная щедрость нисколько не удивила киммерийца — грозный Мишрак хотел, чтобы он поскорее покинул город. Больше всего Конана расстраивало то, что друзья могут счесть его трусом, бежавшим от гнева властителя Хаумы. Но что он мог поделать?

Под причитания торговца Конан и Раина вывели жеребца со двора. Едва они оказались на улице, северянка, взявшись за гриву коня, запрыгнула ему на спину.

— Что-то я тебя не пойму, — проворчал Конан. — Неужели ты не понимаешь, что в горах эта кляча и недели не протянет?

— Я это знаю, Конан, — спокойно ответила Раина.

— Тогда зачем тебе нужен этот конь?

— Путь до гор неблизкий, горские же лошадки быстро скакать не могут, верно? Этот же конь, пусть он и стар, в скорости не уступит и молодым. Ты только посмотри на него — это же настоящий иранистанский скакун! И еще. Если мы купим лошадок у горцев, враги наши тут же поймут, куда мы собрались. Ты забываешь о том, что неприятель может следить за нами.

— Я это знаю. Взять хотя бы вон того торговца фруктами, — ты только сразу не оглядывайся, — вчера он был одет в платье красильщика и целый день ходил за нами.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше?

— Кром! Неужели ты сама этого не заметила?

Раина покраснела.

— Может быть, ты скрываешь от меня не только это? Конан засмеялся.

— Зачем? Просто я знаю Аграпур и его нравы куда лучше, чем ты. Разве мы не союзники, Раина?

— Я очень благодарна тебе, Конан.

— И в чем же твоя благодарность состоит?

Раина потупила глаза, но тут же улыбнулась:

— Разве тебе мало того, что я сказала? Что до Аграпура, то я знаю его только со слов Мишрака, хотя учитель этот мне не очень-то нравится.

— Будем считать, что отныне твоим учителем становлюсь я.

Опершись на плечо киммерийца, Раина спрыгнула с коня. По-мужски сильная рука ее коснулась его плеча едва ли не с нежностью.

Какое-то время они шли молча. На ходу Конан утолил жажду, достав из дорожной сумы флягу с водой. Отерев губы рукавом, он сплюнул и сказал:

— Сдается мне, Мишрак хочет использовать нас как приманку. Как ты считаешь?

— Так оно и есть, — ответила Раина. — Он знает о том, что Ильяна ненавидит Эремнуса. Моя госпожа хочет не просто лишить его Сокровища Курага — она хочет и отомстить ему. Знал бы ты, как она настрадалась!

Конан понял, что ничего более внятного он не услышит, и потому заговорил шепотом:

— Неужто твоя госпожа собирается путешествовать пешком, мы ведь не на прогулку собрались?

— В искусстве верховой езды моей госпоже нет равных! Кто скверный наездник, так это я: Боссония — страна гор и болот, и кони там редкость.

Конан кивнул, довольный тем, что он с первого взгляда узнал в Раине горянку.

Голос его спутницы окреп:

— Отец Ильяны владел обширными землями, и коней у него было больше, чем у царя!

Конан приготовился было выслушать долгий рассказ, но Раина внезапно замолчала и отвернулась в сторону.

Киммериец решил перевести разговор на иную тему:

— А ты не боишься того, что, попав в одни руки, Камни станут куда опаснее? Может быть, не стоит их трогать?

Раина вспыхнула:

— Ильяне я верю, как себе!

— Ей-то я тоже верю, — сказал Конан не слишком-то уверенно (жизнь приучила его относиться к магам с подозрением). — Я говорю о колдунах и самых обычных ворихах. Впрочем, это уже не наше дело, пусть с ними разбирается Мишрак.

— Тссс! Ранис! — прошептал Якуб.

— Тамур! — Страж назвал Якуба тем именем, под которым его знали в Аграпуре.

— Тише, тише! Ты здесь один?

Ранис пожал плечами:

— Нас здесь двое. Поодиночке в это время суток не ходят.

— Ты прав.— Якуб исподлобья посмотрел на спутника Рани. Особой опасности тот для него не представлял.

— Скажи мне, Ранис, что привело тебя сюда? О том, что ты потерпел неудачу, я уже знаю.

Ранис не сумел скрыть своего изумления, однако у него хватило ума не спрашивать горца о том, откуда же он знает о поединке в Квартале Шорников,— ведь Тамур мог услышать об этом не только от людей Хаумы.

— Я этого так не оставлю — это дело чести.

Якуб ничего не стал говорить о чести того, кто, бросив своих истекающих кровью товарищей, спасается бегством. Вместо этого он улыбнулся своей очаровательной улыбкой и тихо прошептал:

— Я всегда знал, что ты человек благородный. Но скажи мне — как же ты хочешь совладать с киммерийцем? Люди говорят, что встреча с ним означает верную смерть!

— Они говорят так неспроста. Я видел его в бою уже дважды. Но, клянусь богами, этот варвар — такой же человек, как и мы с тобой; стало быть, справиться можно и с ним! Ты только подумай — он уже дважды оскорбил и меня, и моего господина!

«Вон оно как выходит,— подумал Якуб,— он не считает зазорным бежать с поля боя, сам же оскорбляется на каждом шагу». Он взмахнул своим посохом и с одного удара перешиб шею соратнику Раниса. Возвратным движением он хотел подсесть самого Раниса, но тот, успев подпрыгнуть, отскочил влево. Якуб подставил посох под удар меча и, не дав сопернику опомниться, опустил окованный железом наконечник ему на череп. Ранис зашатался, отступил к стене и медленно осел наземь.

Присев на корточки, Якуб прикрыл веки поверженным врагам и вложил им в руки оружие, оказав им тем самым последнюю честь. Был у него на это и иной резон: теперь все выглядело так, будто воины убили друг друга в пьяной драке.

Вне всяких сомнений, случай этот привлечет внимание Мишрака. Но к тому времени, когда трупы будут доставлены к нему, они уже начнут разлагаться, и понять что-либо по их виду будет уже невозможно. Сам же он задерживаться в Аграпуре не собирался. В горах его будут встречать как героя.

— Что делать, вы теперь знаете,— сказал Конан.— Вопрос у вас может быть только один: когда и где я буду с вами расплачиваться.

Все четверо мужчин улыбнулись. Старший покачал головой и смущенно сказал:

— Это нас особенно не беспокоит. Ты лучше ответь мне на такой вопрос: должны ли мы убивать тех, что позарятся на твое имущество?

— Господин, которому я сейчас служу, предпочитает живых свидетелей мертвым. Мертвому язык развязать не просто...

— Ну, тогда все понятно,— с облегчением вздохнув, сказал тот же мужчина.— Мертвому язык не развяжешь, живого же человека всегда можно превратить в мертвеца. Как ты думаешь, твой господин поручит нам и эту работу?

— Чего не знаю, того не знаю. Я постараюсь рассказать ему обо всем, решать же все равно придется ему. Еще вопросы будут?

— Городская пища не по нам,— заговорил молодой.— Мы ведь не женщины и не дети.

— Придется потерпеть. Если же эти припасы закончатся, я позабочусь о том, чтобы вам привезли что-нибудь поосновательнее. Клянусь тем, что ведомо душе моей, но недоступно устам!

Мужчины поклонились Конану, и он, подхватив крайне заинтригованную спутницу под руку, вышел из стойла. Когда они оказались на площади перед гостиницей, Раина с интересом посмотрела на киммерийца.

— Если не ошибаюсь, это были гирканцы?

— Ну и что из этого?

— А то, что не пройдет и дня, как они растащат все наши вещи.

— Ты ошибаешься, Раина. С этим племенем меня связывают особые узы: некогда мы сражались на одной стороне.

— Говорят, что гирканцы никогда не предают своих друзей. Это правда?

— Да, это так.

Дальнейших расспросов не последовало, и Конан вздохнул с облегчением. Борьба с Культom Судьбы, в которой ему помогало гирканское племя, давно закончилась, но рассказывать о ней прислужнице Мишрака, пусть она и была на удивление мила, ему не хотелось.

Раина пересекла площадь и, гордо выпрямив спину, вошла в гостиницу. Поднимаясь вслед за ней по лестнице, Конан слышал звон монет в ее кошельке.

— Сколько у тебя денег осталось? — спросил он. Услышав ответ Раины, он покачал головой и пробормотал: — Совсем немного. Боюсь, коней в горах нам уже не купить.

— Мишрак говорил, что мы сможем найти их на заставах.

— Ты хочешь сказать, что его люди есть и там? Впрочем, для нас это дела не меняет. Заставы лучше обходить стороной. Если там есть люди Мишрака, то почему там не может быть людей Хаумы?

— Конан, ты меня поражаешь.

— Просто я не хочу умирать до срока, Раина. Кстати говоря, будь Мишрак пощеднее, нам не пришлось бы рисковать жизнью. Можешь сказать об этом и своей госпоже.

Они стояли у дверей в комнату Ильяны. Золота Мишрака хватило не только на то, чтобы купить коней и сбрую, но и на то, чтобы снять отдельные комнаты в одной из лучших гостиниц Аграпура. Вне всяких сомнений, враг знал, что они находятся здесь, но для того, чтобы проникнуть в гостиницу, ему пришлось бы преодолеть сопротивление стражей, днём и ночью несших службу у входа, что придало бы делу ненужную огласку. Да и к чему нападать на зверя в его логове, если ты знаешь, что в скором времени он покинет его?

— Доброй ночи, Раина, — сказал Конан, глядя, как спутница его открывает свою дверь. Его вновь бросило в жар. Раина, словно почувствовав это, взяла его за руку и повлекла за собой.

— Ты пожелал мне доброй ночи, Конан. Не так ли?

Глава пятая

Во имя Митры, войди! — сказал Иврам. Жрец распахнул перед Борой дверь и вслед за ним вошел в комнату. В центре ее стояла сложенная из кирпича печь. Бора почувствовал запах свежеевыпеченного хлеба и мясной похлебки, напомнивший ему о том, что он не ел с самого утра.

Вокруг печи были разложены черные овечьи шкуры и неброские, мастерски сработанные ковры. Еще несколько

ковров висело над резным шкафом, на котором стояла небольшая фигурка Митры.

Из внутренних покоев доносились нежные звуки флейты. Это играла Мариам, «племянница» жреца, совершавшая вечернюю службу. Называя ее «племянницей», обитатели Горячего Ключа не могли удержаться от улыбки. Игре на флейте Мариам, скорее всего, выучилась в тавернах Аграпура.

— Сядь, сын Рафи, — сказал Иврам. Он хлопнул в ладоши, и флейта тут же замолкла. — Мариам, у нас гость.

Женщина, появившаяся из второй комнаты, была вдвое моложе жреца. В руках она несла медный поднос, накрытый льняным полотенцем, на котором лежали медовые булочки и нарезанная тонкими ломтиками копченая баранина. Мариам поставила поднос перед Борой. Кожа ее была смуглой и нежной...

— Может быть, ты хочешь вина?

Ее низкий голос был исполнен меда. Бора почувствовал, что еще минута, и он забудет о том, зачем пришел в этот дом, и, кашлянув, обратился к хозяину:

— Простите меня за дерзость, но прежде я хочу посоветоваться с вами — именно за этим я к вам и шел.

— Уши и сердце мое открыты для тебя, — торжественно произнес Иврам. В его устах эта ритуальная фраза казалась чем-то естественным. Селяне прощали ему и обжорство, и «племянницу» именно за то, что он умел слушать их, как никто другой. Советы он давал не часто, но людям становилось легче уже потому, что они могли раскрыть перед ним свою душу.

— Мне ведома тайна горных демонов, — сказал Бора. — Но я боюсь, что люди не поверят моему рассказу. Я уже пробовал говорить с ними. Одни считают меня вралем, другие — безумцем. Нашлись и такие, что стали обвинять меня в намеренном запугивании нашего люда. Они рассуждают так: чем больше они будут знать об этой пагубе, тем скорее она посетит их дом.

— Глупцы! — засмеялся Иврам. — Они не могут простить тебе того, что ты — мальчишка — опередил их, взрослых мужчин.

— Так, значит, вы мне верите?

— Нечто действительно поселилось в наших горах. Нечто грязное и страшное. Любые сведения об этом, сколь бы странными они ни казались, пойдут нам на

пользу, — ответил жрец, взяв с подноса очередную булочку.

Поднос опустел уже наполовину.

— Мариам, — сказал Бора, — теперь я не откажусь и от вина.

— Вот и прекрасно, — ответила та, широко улыбнувшись. От улыбки этой у мальчика закружилась голова, словно он уже был пьян.

«Наконец-то мне повезло, — подумал Бора, — наконец-то нашелся человек, который мне верит, и не просто человек, но сам жрец».

Запасы вина в доме Иврама никогда не иссякали — его хватало и на то, чтобы утолить жажду хозяина, и на то, чтобы напоить гостей допьяна. К тому времени, когда Бора опорожнил второй кубок, недавние страхи его улетучились совершенно. Мариам смотрела на него с восторгом, широко раскрыв свои прекрасные глаза, отчего мальчику становилось как-то не по себе.

— Если рассказ твой правдив хотя бы наполовину, значит, мы имеем дело с куда более страшным противником, чем я предполагал прежде, мой мальчик. Я хорошо понимаю тех людей, которые не хотели слушать тебя. Кстати, ты говорил об этом только с деревенскими?

— Да, то есть нет. Один из этих людей пришлый. После того как я рассказал ему о демонах, он отправился в Аграпур... — Язык Бору стал заплетаться. Но мешало ему не только это — он не хотел, чтобы об отношениях его сестры Карайи и Якуба знали в деревне.

— Я полагаю, ты говоришь о пастухе Якубе, не так ли? — тихо спросил Иврам. Мальчик молча кивнул головой, не поднимая глаз от пола.

— Ты не доверяешь ему?

Бора отрицательно покачал головой.

— Ты ошибаешься, мой мальчик. Тебе мог поверить только он, и только он может хоть как-то помочь тебе. Твоего отца арестовали люди Мугра-Хана, Якуб же с подобным сбродом не водится. Нельзя сказать, что аграпурские его товарищи — люди благородные, но вот в честности и порядочности отказать им нельзя. Якуб — единственная твоя надежда.

— Не моя, а наша! — едва не закричал Бора. Вино, выпитое им на пустой желудок, ударило ему в голову по-настоящему. Вспомнив о том, что он находится в доме жреца, мальчик зачем-то обернулся на фигурку Митры и прошептал: — Прошу прощения.

— Ты ни в чем не виноват. Боги помогают лишь тому, кто помогает себе сам. Что до Якуба, то он...

— Иврам! Скорее! На юге зажглись дьявольские огни!

Голос Мариам дрожал. Она стояла перед открытой дверью, вглядываясь в ночь. Бора подошел к ней и увидел, что склоны Повелителя Ветров озарены зловещим изумрудным светом, яркостью своей сравнимым со светом луны.

Иврам обнял Мариам и что-то прошептал ей на ухо. Тут же успокоившись, она положила голову ему на плечо и вздохнула. Взгляд жреца был устремлен куда-то вдаль, — казалось, он взирал на то, что происходит совсем в иных мирах, лежащих по ту сторону мира земного.

Голос его звучал не менее странно. Когда он заговорил, Бора почувствовал, как по спине его поползли мурашки.

— Это свет роковой, Бора. Мы должны подготовиться ко встрече с ним.

— Но не могу же я поднять народ!

— Не можешь или не хочешь?

— Посмотрите на меня — я же еще мальчишка!

— Ты ошибаешься, Бора. Мужчиной человека делают не прожитые годы. Говори с людьми так же, как сегодня ты говорил со мной, и они пойдут за тобой.

Бору неожиданно посетила достаточно странная мысль. Интересно, дадут ли ему еще вина?

Эремиус простер руки к ночному небу, и звезды затмились изумрудным сиянием. Он смотрел вверх, словно зачарованный. Если такую силу ему даровал один Камень, то что же будет, когда он завладеет всем Сокровищем Курага?

Этой ночью он сделает важный шаг, который будет иметь далеко идущие последствия, — этой ночью Трансформы покинут горы и отправятся в разные концы Түранского царства.

На небесах загредел гром, отразившийся эхом от горных склонов. Земля под ногами Мастера Эремиуса задрожала.

Он набрал в легкие побольше воздуха и с явным сожалением усмирив вышедшие было из-под его контроля силы. Когда-нибудь он обратит эти горы в пыль и тем докажет миру свое могущество. Когда-нибудь, но только не сегодня.

— Мастер! Мастер! Послушайте меня! — это говорил капитан охраны.

— Замолчи! — Эремиус поднял руку в предупредительном жесте.

— Мастер! Люди боятся! Если им придется идти за Трансформами...

— Боятся? Боятся? — Эремиус схватил в руки посох и занес его над головой капитана, грозя обратить того в горсть пепла. Тяжело вздохнув, он вновь обуздал вышедшую на свободу, силу. Безмозглые людишки пока были нужны ему — без них он не смог бы найти второй Камень Курага. Без него, Мастера Эремиуса, Трансформы не могли сделать и шага. Когда спал он, спали и они. В это время охранять его должны были именно люди.

Если он завладеет и вторым Камнем Курага, он сможет властвовать над людьми, не лишая их разума. Пока же в его подчинении были единственно полудурки и недоумки.

Эремиус вновь вспомнил об Ильяне. Его посох заплескал в воздухе, рисуя образ нагой волшебницы. Перед ним возникла прежняя юная Ильяна, смотревшая прямо перед собой немигающими глазами.

Посох дрогнул. Фантом закрыл глаза и слегка приоткрыл рот. Руки его обратились в звериные лапы, заканчивавшиеся длинными острыми когтями, что тут же задвигались в поисках жертвы.

Эремиус давал команду за командой, чувствуя странное удовлетворение от того, что собственное его творенье послушно ему во всем.

Капитан облизнул пересохшие губы и попытился назад. Лицо его стала заливать смертельная бледность. Наконец он охнул, закатил глаза и, потеряв сознание, рухнул на землю. Эремиус усмехнулся и, коснувшись посохом головы капитана, вернул его к жизни. Тот стал на колени, посмотрел окрест совершенно обезумевшим взором и поцеловал землю у ног Эремиуса.

Мастер решил, что слуга надолго усвоит полученный урок, и жестом приказал ему подняться на ноги.

— Отправь своих людей к выходу из долины, — сказал Эремиус. — Вы должны охранять ее до той поры, пока ее не покинет последняя Трансформа. Люди и лошади пойдут сразу вслед за ними.

Люди — не Трансформы. Помимо прочего, они требуют и пищи. До ближайших деревень идти было не близко, и потому без выючных животных человеку воинству было не обойтись. Эремиусу пришлось позаботиться и о том, что-

бы лошади утратили свой запах, в противном случае их тут же сожрали бы Трансформы.

— Слушаюсь и повинуюсь, — низко поклонившись, сказал капитан. Недавний испуг, казалось, только придал ему решительности: в следующее мгновение капитана уже и след простыл — он носился по долине, собирая людей и отдавая приказы. Эремиус сокрушенно покачал головой. Неужели в его войске никогда не будет настоящих воинов, таких, как капитан Хаджар или его сын Якуб?

Эремиус поднял глаза к небу — на востоке оно уже начинало сереть.

— Да будет так! — мысленно произнес он. Только глупец может отказаться от такой власти, которая сможет даровать ему власть над миром.

Эремиус сосредоточился и мысленно обратился к своим страшным слугам.

Я, господин ваш, приказываю вам покинуть долину. Мы отправляемся в поход.

Колонна Трансформ направилась к выходу из долины. Запах падали стал казаться едва ли не осязаемым. Эремиус скривился и пробормотал заклинание, очистившее вокруг него воздух и напитавшее его ароматом духов Ильяны.

Трансформы шли мимо него нестройной колонной, спотыкаясь на каждом шагу, — видно было, что они с трудом владеют своими телами. Вели они себя именно так, как было задумано их господином: приближаясь к нему, они теряли контроль над собственным телом, удаляясь от него — сполна обретали все свои силы, позволявшие им обгонять самых быстрых коней и бороться с любым неприятелем.

Чешуйчатые тела Трансформ светились изумрудным светом. У некоторых из этих полулудей-полуящеров были дубины, другие же не имели при себе никакого оружия. Характер у Трансформ был разным, одни считали себя достаточно сильными для того, чтобы обходиться без оружия, другие понимали, что оно им в любом случае не помешает. Вскоре Трансформы уже скрылись в ночи. Эремиус произнес заклинание, налагавшее на них узы его воли, и облегченно вздохнул.

Теперь дела должны были пойти быстрее. Если бы у него и появился серьезный противник, он в два счета доказал бы ему, что с ним, Обладателем Камня Курага, лучше не связываться. Впрочем, противник вряд ли пережил бы и первый преподанный ему урок.

На востоке сплошной стеной вставала громада Ильбарских гор. Где-то там брала начало река Шаймак, превращавшаяся из звонкого ручейка в ревущий грозный поток по мере того, как в нее впадали все новые и новые ручейки и речушки. На Туранской равнине Шаймак разливался широкой полноводной рекой, сливаясь с не менее полноводным Ильбаром, прежде чем исчезнуть в безбрежности Вилайетского моря. О том, чтобы перейти Шаймак вброд, не могло идти и речи, — единственным средством переправы здесь были плоты и лодки.

Паромщик дал сигнал к отправлению, затрубив в огромный рог, вырезанный из слоновой кости. Трижды хриплые трубные звуки оглашали окрестные земли; трижды кони начинали храпеть и прядать ушами.

Раина спешила, чтобы хоть немного успокоить животных. Конан стоял рядом со своим жеребцом, не обращая на него ни малейшего внимания, Ильяна же, так и не покидая седла, думала о чем-то, ведомом лишь ей одной. Она была настолько погружена в свои думы, что со стороны производила впечатление ненормальной.

Как и обещала Раина, Ильяна оказалась прекрасной наездницей. Она не утруждала себя ни разговорами, ни какими-то занятиями, но этому киммериец был только рад, — волшебница вела себя так, что о присутствии ее можно было и забыть. Конан же, при всем своем расположении к слабому полу, терпеть не мог людей, связавших свою жизнь с магией.

Ильяна одевалась так, что вообразить ее женщиной, и тем более красавицей, было решительно невозможно. Некие мистические соображения заставили ее принять обет безбрачия, который свято соблюдался ею. Лишь узнав об этом, Конан наконец-таки понял, зачем она взяла себе в спутницы женщину. Раина надежно охраняла свою госпожу от посягательств мужчин (в данном случае самого Конана). После ночи, проведенной с нею, об Ильяне Конан даже не вспоминал, и это, несомненно, входило в намерения северянки.

Паром отчалил от дальнего берега, находившегося в трехстах шагах от них. Он представлял собой широкий плот, в центре которого стояли люди и скот, а по бокам — рабы, приводившие плот в движение.

Прибытия парома дожидались не только Конан и его спутницы. Рядом с ними стояли селяне, изнывавшие под тяжестью многочисленных корзин, лоточник со своим старым мулом и юным слугой, а также шестеро солдат под началом бравого сержанта. Глядя на селян, становилось понятно, что расплатиться за переправу они не смогут. Судя по всему, все надежды их были связаны с содержимым корзин.

Паром подошел к берегу, и Конан тут же запрыгнул на причал.

— Попрошу не отставать, — обратился он к своим спутникам. — Иначе нам придется плыть последними.

Раина помогла своей госпоже спешиться и по широким доскам сходней завела на плот пятерку жеребцов, из которых три были под седлами. Конан стоял возле сходней, следя за тем, чтобы северянке никто не помешал.

Ильяна села под навес, Конан же и Раина так и остались стоять посередине плота. Солдаты и лоточник поглядывали на северянку с явным интересом.

Конан и его спутницы выдавали себя за вдову недавно умершего купца, ее младшую сестру и капитана, командовавшего охраной каравана. Легенда эта выглядела достаточно нелепо, и потому какие-то дорожные знакомства в любую минуту могли обернуться для них крупными неприятностями. Киммериец надеялся на то, что люди, стоявшие на причале, будут ждать следующей поездки. Однако надеждам его не суждено было сбыться: вначале на плот вошли нагруженные корзинами селяне, за ними последовали лоточник и его слуга, и, наконец, к сходням направились солдаты, ведущие под уздцы своих коней. Хозяин парома побледнел и громко запротестовал:

— Нет, нет! Вам придется немного потерпеть! Плот такой тяжести не выдержит!

— Мои ребята отступать не привыкли, — проревел сержант в ответ и, повернувшись к солдатам,скомандовал: — На плот, мальчишки!

Конан встал на сходни и испытующе посмотрел на сержанта, стоявшего на краю доски. Тот был немного пониже киммерийца, однако шириною своих плеч несколько не уступал ему.

— Сержант, паромщик дело говорит.

— Вот и прекрасно. Ты можешь сойти и прогуляться по бережку. Дамочек своих можешь оставить с нами — мы за ними присмотрим. Правда, ребята?

Солдаты ответили ему дружным ревом. Конан вздохнул и развел руками.

— Слушай, сержант, ты умеешь плавать?

— Что-что?

— Я хочу научить тебя плавать. Ты ведь и сам понимаешь — на реке всякое может случиться...

Побагровевший от гнева вояка грозно засопел, и в ту же минуту Конан изо всех сил ударил ногой по сходням, так, что сержант закачался и, не удержавшись на скользкой доске, полетел головой вниз в воду. Конан схватил сержанта за лодыжки и, извлекши его из воды, стал ждать, когда тот откашляется. Стоило кашлю смениться проклятиями, как Конан вновь сунул голову сержанта под воду.

— Тебя надо еще учить и учить, сержант. Иначе ты так ничего и не поймешь. Жаль, что ты так груб, иначе я препоручил бы тебя младшей сестре моей госпожи.

Сержант вновь разразился проклятиями, на этот раз поминая и «младшую сестру госпожи». Конан нахмурился.

— Сержант, если дурь твоя не смывается водой, я попытаюсь отскоблить ее саблей. Теперь скажи, когда же ты намерен плыть — сейчас или немного позже?

С этими словами он выпустил ноги сержанта из рук, и тот скрылся под водой. Через мгновение голова его вновь появилась над поверхностью. Громко сопя и пофыркивая, он выбрался на причал и присел на его краю.

— Паромщик, — сказал Конан, — я думаю, пора трогать.

Паромщик, ставший еще бледнее, согласно кивнул головой и подал знак барабанщику, сидевшему на корме. Тот замахал своей колотушкой, отбивая ритм для гребцов, тут же налегших на весла.

Плот еле полз. С тоскою во взоре паромщик смотрел на удаляющийся берег, на солдат, оставшихся на нем... Теперь он уже был бледен как смерть. И тут на корме закричали.

Конан резко обернулся и увидел, как одно из весел, выскользнув из уключины, упало в воду. Гребец хотел было броситься за ним, но паромщик окриком остановил его.

— Вендийский тик ничуть не легче железа, — объяснил паромщик пассажирам. — Ох, ну и денек сегодня выдался!

Такого и врагу не пожелаешь! Мне остается надеяться, что вы особенно не спешите.

Слова эти звучали естественно, однако Конан почему-то насторожился.

— Как ты думаешь, когда мы окажемся на том берегу? — спросила у него Ильяна.

— Это ведомо одним лишь богам. Богам и паромщику, — ответил ей киммериец.

— Вот и спроси у него об этом!

— Как вы того пожелаете, моя госпожа.

Конан вновь обернулся к корме, на которой стояли хозяин плота и незадачливый гребец, но тут же почувствовал, как ему на плечо легла рука Раины. Северянка зашептала ему на ухо:

— Будь осторожен, Конан. Я бы помогла тебе, но мне придется защищать мою госпожу.

— Защищать? — изумился Конан. — Хотелось бы знать, от кого именно.

— Пока не знаю. Но мне очень не понравился тон паромщика. Мне кажется, что подобные сцены он разыгрывает достаточно часто.

— Каждую третью переправу, — ухмыльнулся Конан. — Кто знает, может быть, ты и права.

— Что значит «может быть»? — возмущенно зашипела Раина. — Если я тебе что-то говорю, значит, так оно и есть!

— Не надо так кипятиться, девонька! Если этот тип действительно что-то замышляет, я ему не завидую.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Ты одна стоишь двух мужчин, — улыбнулся Конан. — О себе я уж и не говорю.

— Поживем — увидим, — рассмеялась Раина и, сняв руку с его плеча, направилась к своей госпоже.

Конан задумался. Похоже, Раина действительно права, непонятно лишь то, на кого же рассчитывает паромщик. Не на давешних же солдат, в самом деле? Положив руку на рукоять меча, Конан направился к паромщику.

Двое гребцов спускали на воду ялик. Паромщик молча следил за ними, сжимая рукоять висевшего у него на поясе кинжала. Конан обратил внимание и на то, что соседи их странным образом преобразились: бывшее тупое безразличие

сменилось напряженным ожиданием, с каким кот может взирать на беспечно щебечущих птишек.

Конан встревожился не на шутку. На плоту и в самом деле происходило что-то неладное.

Ялик с плеском опустился на воду. Один из гребцов тут же забрался в него, второй же стал привязывать к корме лодки лить.

— Ребята выведут плот на течение, и тогда река сама вынесет нас к берегу,— сказал паромщик, обращаясь к киммерийцу.

Причал остался далеко позади. Берега становились все выше, все круче. Дальше по течению, если Конану не изменяла память, должны были начаться пороги, пройти которые в это время года невозможно было не только на плоту, но даже и на лодке.

В ялик забрался и второй гребец. Паромщик на минуту зашел под навес и вернулся оттуда с тугим кошельем в руках. Женщина, лицо которой было скрыто под капюшоном, шагнула вперед и вытянула руки в молящем жесте.

В тот же миг Конан извлек свой меч из ножен и поднял его рукоятью вверх. По этому сигналу Раина должна была приготовиться к бою.

Прижимая к груди кошель, паромщик понесся к корме и, добежав до края плота, прыгнул в лодку; одновременно обладательница черной накидки бросилась на Конана. Капюшон упал ей на спину, и киммериец увидел, что, помимо прочего, у нее есть и борода. Он отскочил назад, даже не пытаясь отражать удар вражеского кинжала, и перебросил меч так, что рукоять его оказалась у него в ладони.

С кормы послышался треск дерева и истошные крики. Дно лодки проломилось, не выдержав тяжести грузного паромщика.

— Никак и ты искупаться решил? — прокричал Конан и тут же прикусил язык. Трое «селян», стоявших перед ним, судя по всему, были отменными воинами, привыкшими сражаться вместе. В том, что ему удастся одолеть их, киммериец несколько не сомневался, проблема заключалась в другом — в том, что за время, потребное ему для этого, разбойники могли расправиться с его спутниками.

Нельзя было медлить ни минуты.

Сначала этого. Потом тех двоих.

Конан вновь отпрыгнул назад, взмахнув перед собой мечом, дабы исключить возможность мгновенной атаки. Прием его сработал — вся троица застыла. Затем один из противников, взяв в руки два кинжала, медленно пошел на него. Конан, не раздумывая, опустил меч ему на голову, понимая, что удара воин отразить уже не сможет. Тот подставил под удар кинжал и попытался уйти в сторону, что позволило сберечь голову, но привело к тому, что меч отсек ему руку по плечо. Кровь хлынула из раны рекой. Воин зашатался и повалился навзничь. Соратники его тут же оказались за спиной киммерийца. Он прыгнул вперед, недобрым словом помянув того, кто научил их ратному делу, и, побежав по краю плота, выбил из рук перепуганных рабов еще два весла. Раина, воспользовавшаяся минутным замешательством его противников, убила одного из них ударом кинжала в спину и стала теснить второго к корме.

— Я справлюсь с ним сама! — прокричала она Конану. — Помоги Ильяне!

На другом конце плота творилось что-то невообразимое: Ильяна вопила, кони ржали и били копытами, мул протяжно ревел, пытаясь перегрызть веревку, которой он был привязан к столбу. Волшебница стояла, прижавшись спиной к одному из столбов, в руке она держала длинный тонкий кинжал. Трое ее противников никак не решались обойти кусающегося и лягающегося мула, защищавшего Ильяну почище любого стража.

Конан бросился вперед и сильнейшим ударом снес одному из неприятелей голову. Второй, ловкий и гибкий, словно змея, не только умудрился уйти от клинка киммерийца, но своим коварным ударом едва не лишил его жизни.

Третий разбойник изловчился проскользнуть мимо мула. Меча у него не было, но Ильяна явно не могла защитить себя и от его кинжалов. Разбойник не спешил лишать ее жизни, играя с ней так же, как кошка играет с мышью.

Конан выбрался и позвал Раину. В такой ситуации сам он помочь Ильяне не мог.

— Заколдуй его! — закричал он волшебнице. — Неужели ты не можешь и этого?

— Ты меня недооцениваешь, киммериец! — прокричала в ответ Ильяна и, отразив очередной удар кинжала, схватила разбойника за руку.

Конан понимал, что сил ее надолго не хватит. Если он не успеет расправиться со своим противником...

— Так чего же ты ждешь?

— Зачем... спешить... я... — Договорить Илльяна не смогла. Разбойник высвободил свою руку и, схватив ее за волосы, приставил кинжал к горлу.

В тот же миг Конану удалось уложить своего противника. Он хотел было броситься на помощь Илльяне, но, увидев, в каком положении та оказалась, застыл на месте. Жить волшебнице оставалось считанные секунды.

Вкруг ноги разбойника неожиданно обвилась железная цепь. Он скосил глаза вниз и попытался отбросить ее в сторону, но в ту же минуту почувствовал, как невидимая рука потянула цепь к себе. Разбойник раскинул руки в стороны, пытаясь сохранить равновесие, и тут наконец его настиг клинок киммерийца.

Илльяна стояла, опираясь рукой о столб. Другой рукой она ощупывала свою шею, на которой виднелась еле заметная царапина. Кинжал лежал у ее ног. Конан поднял его и, подав Илльяне, сказал:

— Оружие требует к себе иного отношения.

Волшебница облизнула свои полные губы, что-то прошептала и, неожиданно зарывдав, припала к широкой груди киммерийца. Он осторожно высвободил руку с мечом и нежно, словно котенка, прижал ее к себе. Волшебница оказалась удивительно похожей на обычных людей — она была так же слаба и так же беззащитна. Впервые за все это время Конан почувствовал к ней симпатию.

— Успокойся, — сказал он наконец. — Мы еще не со всеми врагами покончили. — Он отстранил ее от себя и попытался заглянуть вниз, туда, где сидели гребцы.

Раб, метнувший цепь в разбойника, поднялся на ноги.

— Друг мой, — обратился к нему Конан, — и какой же ты ждешь награды?

Раб поднял на него глаза и совершенно бесстрастным голосом ответил:

— Мне все равно. Спроси об этом у своей женщины.

— Я вовсе не его женщина! — воскликнула Илльяна и неожиданно громко рассмеялась. Улыбка еще не успела сойти с ее лица, как у столба появилась Раина, вытиравшая свой клинок о полу плаща.

— Конан, я уложила обоих. Один из них еще жив; если хочешь, можешь задать ему парочку вопросов. Что до па-

ромщика, то он, похоже, в последний момент струхнул — иначе неприятностей у нас было бы побольше.

— Но куда же он подевался?

— Он так и болтается на лине, — сказала Раина с усмешкой. — Матросы выбросили его за борт и поспешили к берегу. Впрочем, им тоже не повезло — лодка вскоре затонула, выплыть же удалось только одному из них. Я видела, как он взбирается на кручу.

Конан бросил взгляд на корму и увидел за бортом раскрасневшегося паромщика, из последних сил державшегося за литье.

— Ради всего святого, пожалейте меня! — взмолился тот. — Я не умею плавать!

— Боги не любят предателей, — буркнул в ответ Конан. — Не любит их и господин Мишрак.

Паромщик от изумления едва не выпустил веревку из рук.

— Так, значит, вы служите Мишраку?

— Да. И ты, похоже, заинтересуешь его. Запомни, паромщик, теперь твоя судьба будет зависеть только от тебя самого.

— Поцадите меня! Неужели вы отдадите на растерзание Мишраку и меня, и мою семью? Молю вас, не делайте этого!

— Я бы утопил тебя, не раздумывая, — грозно прорычал киммериец. — Домашних же твоих мне действительно жаль. Теперь послушай, что я тебе скажу. Если ты поведаешь мне все, что ты знаешь об этих людях, я, быть может, сохраню тебе жизнь. Ты понял меня?

Долго упрашивать паромщика не пришлось. Он тут же выложил все то, что было известно ему, и выразил готовность ответить на любые интересующие господина вопросы.

Как и предполагал Конан, разбойники оказались людьми Хаумы. О Мастере Эремиусе и Камнях Курага паромщик слышал впервые.

Больше говорить с ним было не о чем. Конан выбрал литье и, схватив паромщика за загривок, втащил его на плот. Когда он стал связывать ему руки, тот внезапно запротестовал:

— Но ведь вы клялись...

— Я ни в чем не клялся, приятель. Руки тебе сейчас не понадобятся. Если же ты будешь болтать лишнее, я

живо укорочу твой язык. Река-то совсем рядом, приятель. Верно?

Паромщик вновь стал бледным как смерть. Продолжать разговор ему тут же расхотелось.

Плыть им пришлось долго. Паромщик молча сидел на корме. Лоточник же и его мальчик занялись своим драгоценным мулом.

— Разрази вас гром! — не выдержал Конан. — Может быть, вы все-таки поможете грести, или вы так и будете возиться с этим поганым ослом?

— Как только Лотосу станет лучше, мы тут же придем вам на помощь, — спокойно ответил лоточник. — И пожалуйста, не кричите так громко. Животное и так запугано.

— Госпожа, прошу вас, — заговорил мальчик, — помогите своим волшебством бедному Лотосу. Смотрите, как он зашиб ножку. Мы вам за это заплатим.

Конан хотел было сбросить за борт и успешшего осточертевшего ему мула, и дерзкого мальчишку, но тут он увидел, что Ильяна заулыбалась.

— Мое волшебство вряд ли поможет вам, — ответила она. — Но вы можете обратиться к моей сестре. Она выросла среди коней и знает о них куда больше моего.

Конан выругался и вернулся к гребцам, борющимся с течением своенравного Шаймака. Теперь ими командовал Масуф — тот самый раб, который спас жизнь Ильяне. В кошельке паромщика кроме золотых монет Конан нашел и ключи от цепей, которыми рабы были прикованы к плоту. Он тут же освободил Масуфа, оказавшегося не только искусным воином, но и умелым капитаном. Под его началом рабам удалось подвести плот к берегу и сравнительно легко причалить.

— Мы опять в долгу у тебя, — сказала Ильяна, выбравшись на берег. — Свободу мы тебе уже даровали. Теперь ты можешь просить у нас денег.

— Говорите потише, моя госпожа, — отозвался Масуф. — Уши могут быть даже у камней. Что до денег, то я вряд ли стану отказываться от них. Мне самому они не нужны, но если вы сможете выкупить рабыню Дессу у Кимона, что живет в Гале, я согласен стать вашим рабом по гроб жизни.

— Кто она тебе? — изумилась Раина.

— Мы были помолвлены с ней, но тут волею судеб мы обратились в рабов. Нас продавали порознь, при этом я отвечал за нее, а она — за меня. Если бы не это, мы или сбежали бы, или покончили бы с собой.

Конану, прошедшему рабство, настроения эти были знакомы.

— Почему же ты решил пойти против своего хозяина? Если Десса рабыня и поныне...

— Это ничего не меняет, — перебил его Масуф. — Десса — рабыня, и это значит, что Кимон может сделать с ней все, что угодно: захочет — убьет, захочет — помилует. Разве ты сам не понимаешь этого?

— Мишрак послал нас в поход вовсе не для того, чтобы мы вызволяли рабынь, — проворчал Конан.

— Но он не предполагал и того, что жизнью своей вы будете обязаны рабу, — ухмыльнулся Масуф. — Ты должен считать это знаком судьбы.

Конан показал Масуфу кулак и спросил:

— А как ты отнесешься к этому? Или, по-твоему, это тоже знак? Мы заедем в Галу и освободим твою Дессу, заплатив за нее золотом твоего бывшего хозяина. Только не подумай, что больше нам делать нечего. Дел у нас — хоть отбавляй. Ты и сам это скоро поймешь.

Глава седьмая

Они подъехали к Гале, когда небо на западе уже начинало алеть. Таверна «Три Монеты», в которой работала Десса, была заколочена, запустение царило и в саду, поросшем высокими травами. Вторая гостиница, носившая название «Рогатый Волк», находилась на другом краю деревни. Путникам не оставалось ничего иного, как только проследовать в нее. Ильяна, завидев издали это уродливое строение, поморщилась.

— Неужели мы не сможем найти ничего лучшего?

— Лучшее — враг хорошего, — отвечал ей киммриец. Известие о битве на перевозе уже могло дойти и до Галы, и потому следовало вести себя так, как предписывали принятые ими в этом маскараде роли.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Лучше уж спать на гнилом матрасе, чем не спать вовсе.

— Как вы смеете? В моей гостинице гнилых матрасов нет!

Из ближайшего окна показалась голова дородной седовласой женщины. Она погрозила Конану кулаком и приготовилась к отражению новых выпадов дерзкого чужеземца.

— Госпожа, — процедил Конан сквозь зубы, — мы ведь можем найти и другое место для ночлега.

Хозяйка гостиницы в одно мгновение переменилась в лице.

— Что вы, что вы! Я и не думала обижать вас! Поверьте, лучшего места вы не сыщете во всей округе!

— И сколько же вы запросите за ночлег? — поинтересовалась Раина.

Конан не стал участвовать в торгах, вместо этого он решил лучше осмотреться. Подошедшему к нему Масуфу он сказал:

— Вел бы ты себя поспокойнее, парень. Если ты не перестанешь дергаться, мы покинем эту деревню сию же минуту. То-то твоя невеста будет рада!

Масуф попытался взять себя в руки, однако так и не смог унять дрожь в коленках. Раина и хозяйка гостиницы окончили торги. Судя по сияющему лицу последней, можно было сказать, что на сей раз Раина решила не утруждать себя излишними спорами. Впрочем, причиной ее щедрости могло быть и некое неведомое киммерийцу обстоятельство.

Они отужинали своею собственною снедью, запивая ее гостиничным вином, больше походившим на уксус. Подали это вино две женщины, годившиеся Пиле в матери.

Прошло немного времени, и занявший желудок вывел киммерийца из задумчивости.

— Хозяюшка, — обратился он к содержательнице таверны. — В прошлый раз я останавливался в «Трех Монетах». Там у них была премилая плясунья по имени Десса. Я бы дорого заплатил, чтобы увидеть ее танец вновь.

— Значит, вы были там одновременно с правителем Ахмаем. Он-то, конечно, никакой не правитель, но вот Крепость у него самая что ни на есть настоящая. Он тоже

положил глаз на Дессу. Когда Кимон умер, родня его распродала все его имущество, включая и рабыню. Дессу купил Ахмай.

Что было с ней потом, никто не знает.

Конан, не обращая внимания на зубовой скрежет Масуфа, спокойно спросил:

— Что это еще за «Крепость»? Никогда о такой не слышал.

— Вы о ней и не могли слышать. Он отстроил ее совсем недавно. На месте древних развалин теперь стоит дворец. Ахмай, построив его, стал называть себя правителем наших мест. Он и ведет себя соответственно...

Теперь уже заскрипел зубами и сам Конан. В этой части Туранского царства было множество заброшенных фортов, в которых прежде жили разбойники. С недавних пор они стали возвращаться в свои старые жилища, для чего им приходилось подкупать чиновников и наместников.

С их возвращением к землям этим вернулась и их прежняя дурная слава.

Ахмай рано или поздно должен был погореть на одном из своих темных делишек — Мугра-Хан со своим воинством расправился бы с ним в два счета. Впрочем, для Дессы это ничего не изменило бы — она погибла бы в любом случае.

— А не отправиться ли нам в гости к правителю Ахмаю? — задумчиво пробормотал Конан. — После того как я доставлю мою госпожу и ее сестру к их родне, я буду свободен, как птица. Может быть, мне стоит наняться к этому достойному господину?

— Я полагаю, от услуг твоих он не откажется, — сказала хозяйка гостиницы. — У него в услуженье одни старики, что годятся тебе в отцы, ты же вон какой молодой да статный.

— Чего же вы стоите? — неожиданно громко сказал Масуф. — Ведь с Дессой в любую минуту может приключиться...

Конан схватил недавнего раба за ворот и, подняв в воздух, потрянул его так, что тот надолго лишился дара речи.

— За мной! — проревел киммериец и скорым шагом вышел из гостиницы. Масуф и женщины послеспили за ним.

Масуф рухнул на колени и застонал. Ноги отказывались повиноваться ему. Конан и его спутники остановились.

Ильяна посмотрела на темное беззвездное небо.

— Не знаю, стоит ли нам обременять себя этим делом.

Масуф тут же вскочил на ноги и воскликнул:

— Госпожа, заклинаю вас именем богов...

— Оставь богов в покое, — перебила его волшебница. — Единственное, что я сделала, так это выразила сомнение. В отличие от тебя, я прежде думаю и только потом говорю.

— Мне не нравится то, что вы говорите, — понутив голову, сказал Масуф. — Можете превратить меня за это в жабу.

— Именно так в следующий раз я и поступлю, — тут же отозвалась волшебница. — Ты похож на безумца, Масуф. Похоже, женщины лишили тебя и той долики разума, которая досталась тебе при рождении. Если бы ты думал о Дессе, ты бы не стал мешать нам, тем более что в одиночку освободить ее ты не сможешь. — Посмотрев на Конана, она добавила: — Мне нужно взять одну вещь. Подождите меня здесь.

Конан кивнул головой и отошел к стене, откуда были видны и подступы к гостинице, и безрассудный Масуф, и стойло, в котором их ждали кони. Последние могли понадобиться им в любую минуту.

Становилось все темнее. Деревня уже спала, единственными звуками, которые слышал Конан, были тихое ржание коней и редкий стук копыт.

— Раина! — тихо прошептал киммериец.

— Что случилось?

— Тебе не кажется, что Ильяны нет уж слишком долго? Может быть, наша хозяйка не так проста, как это кажется?

— И где же ее воинство, Конан? Кроме тех двух женщин, в гостинице никого нет.

Дверь гостиницы распахнулась, и на пороге появилась девица, одетая в короткое шелковое платье, не прикрывавшее ей и колен. Она стала спускаться по лестнице легкой танцующей походкой, выдававшей в ней куртизанку.

Масуф охнул и действительно стал очень похож на

жабу. Он протянул навстречу незнакомке руки, но та, засмеявшись, отбежала в сторону.

— Ох, Масуф, Масуф! Быстро же ты забыл свою Дессу! Масуф сглотнул:

— Я не забыл ее, красавица. Просто теперь она живет в неприступной Крепости, ты понимаешь? Может быть, ты поможешь мне забыть о ней?

— Масуф, друг мой, я поступлю иначе, — ответила незнакомка с улыбкой. — Я помогу твоей избраннице бежать от Ахмая.

— Кром! — воскликнул Конан, внезапно узнавший в незнакомке Ильяну. — Неужели это вы, госпожа?

— Я смотрю, тебя действительно не проведешь, киммериец! Надеюсь, Ахмай и его люди будут не такими сметливыми, как ты.

— В этом вы можете не сомневаться, — ответил Конан. — Я и сам смог узнать вас только по голосу. Но объясните мне, глупому, — что нам даст этот маскарад?

— Конан, ни ты, ни я не знаем, что нас будет ждать в Крепости. Я очень сомневаюсь, что тебе удастся похитить Дессу.

— Вы считаете, что сможете помочь мне? С большим удовольствием я бы взял в напарницы Раину. Она, во всяком случае...

— Она тоже станет помогать тебе. Мы с тобой постараемся попасть в покои Ахмая. Я стану морочить ему и его слугам голову, ты же в это время должен будешь найти рабыню и вывести ее за пределы Крепости. Раина и Масуф будут ждать нас в условленном месте. В случае необходимости они прикроют нас.

Раина открыла рот и хотела было возразить своей госпоже, но тут Масуф рухнул Ильяне в ноги.

— Простите мне мое неверие, госпожа! Простите меня!

— Я прошу тебя лишь тогда, когда ты станешь вести себя по-мужски. Встань же!

Масуф медленно поднялся на ноги.

— Ничего более глупого в жизни своей не слышал! — сказал Конан. — Если ты действительно хочешь помочь мне, превратись в воина!

— С этим я пока подожду. Мне не хочется прибегать к помощи Камня до времени.

— Мне остается поверить тебе на слово, — развел руками Конан. — Вот уж в чем я не разбираюсь, так это

в магии. Теперь слушайте меня все. Сейчас я отправлюсь на разведку и постараюсь разыскать эту самую Крепость. Вернусь я к утру. Если бы мы знали обо всем заранее...

— Ты зря волнуешься, Конан, — улыбка Ильяны была исполнена такой чувственности, что ее нельзя было приписать одному только эффекту магии.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты что — прочла мысли нашей хозяйки?

— Ты попал в точку, Конан. Когда я вернулась в наши комнаты, она тут же стала интересоваться тем, что мы собираемся делать. Я попросила ее выйти из комнаты и стала прислушиваться к ее мыслям. Услышала же я следующее: она собирается известить Ахмая о скором нашем появлении. Мне пришлось несколько подправить ее планы — она доложит ему только о тебе и обо мне. Что касается местонахождения Крепости, то оно уже известно мне.

— Здорово!

Подобной прыти Конан от волшебницы не ожидал. Что и говорить — она поработала на славу, пусть для этого ей и пришлось прибегнуть к магическим средствам. Но разве придет кому-нибудь в голову жаловаться на свой меч лишь потому, что отковал его распутный человек?

— Спасибо тебе, Ильяна. Нам осталось договориться о месте встречи. Как только мы определимся и с ним, я отправлюсь в Крепость...

— В этом нет необходимости, Конан. Хозяйка уже побывала там. Все, что знает она, знаю и я. Теперь я могу показать тебе и замок, и его обитателей.

Конан вздрогнул, представив, как сознание его, подпавшее под магические чары, наполняется чужими мыслями и таинственными странными образами...

— Это мои чары, Конан. Неужели ты до сих пор не доверяешь мне? Нет, нет, успокойся. Я не читала твоих мыслей, просто ты стал размышлять вслух. — Волшебница улыбнулась.

— Капитан Конан, если позволите... — начал было Масуф, но Конан тут же резко оборвал его:

— Не позволю!

Масуф рассмеялся:

— Вы зря отказываетесь, капитан. Она покажет вам всех ваших врагов, и тогда вы сможете правильно рассчитывать свои силы. Зачем спорить?

— Тебе нужно стать советником царя Йалдиза, — про-

ворчал Конан. — В твоих словах был бы смысл, умей она отличить крепость от конюшни!

— Доверься Ильяне, Конан, — сказала Раина. — Ты увидишь Крепость так же ясно, как видела ее наша хозяйка. После этого ты сможешь спокойно заснуть.

Конан понимал, что правы все трое, однако не спешил соглашаться с ними. Освобождение Дессы и так было достаточно безумным предприятием, осложнять его еще больше ему не хотелось.

Улыбающаяся Раина встретила с ним взглядом. Ким-мериец не умел читать мысли, но ее он понял и без этого. О его сне она заботилась не случайно.

Глава восьмая

Под копытами коней загремел гравий. Конан и Ильяна подъехали ко входу в Крепость Ахмая. Широкие брусья ворот еще не успели потемнеть, массивные железные петли были покрыты едва заметным налетом ржавчины. Воротам этим не было и года, стены же, судя по их виду, простояли по меньшей мере пару веков. Конан уже видел подобные твердыни главарей разбойничьих банд, но он и не представлял, что они могут быть такими огромными.

Их окликнули с башни, стоявшей справа от ворот.

— Кто вы?

— Воины, ищущие встречи с владыкой Ахмаем.

— С чего вы взяли, что он захочет встречаться с вами?

— Разве не нужны ему новые люди?

— Вы хотите наняться к нему на службу?

— Если нас устроят его условия.

Из-за стены свесились сразу две головы. В глазах Ильяны промелькнуло беспокойство. Волшебница была одета в мужской костюм, делавший ее похожей на стройного юношу.

— Ты говоришь неразумно, — прошептала она. — Создается впечатление, что своей службой мы окажем Ахмаю честь.

— Именно так и должен вести себя настоящий воин, — улыбнулся Конан. — Говори я иначе, и они тут же заподозрили бы обман.

Не успела Ильяна ответить киммерийцу, как сверху прозвучало:

— Вы можете войти!

Размеры внутреннего двора говорили о том, что они оказались в самой настоящей Крепости. То тут, то там виднелись полуразвалившиеся строения, которые хозяин, похоже, и не думал восстанавливать. В исправном состоянии содержались только главная башня Крепости и господский замок.

К Конану и его спутнице подошло сразу шестеро воинов, одетых в изрядно изношенные, но чистые одежды.

— Мы позаботимся о ваших лошадках,— сказал один из них, шемит с малой толикой ванирской крови.

— Покажите нам, где находятся стойла, и мы отвезем их туда сами,— ответил Конан, которому ничуть не хотелось, чтобы незнакомцы обчистили его подсумки.

Бородатый шемит на миг задумался и, пожав плечами, сказал:

— Воля ваша.

Столь быстрое согласие насторожило киммерийца. Он подал знак Ильяне, чтобы та не спешила покидать седло. Ворота были открыты, и отступление пока все еще было возможным.

Он спешил и повел своего жеребца под уздцы. Однако не успел он сделать и пары шагов, как на рукоять его меча легла чья-то рука.

Конан выпустил из рук поводья и резко обернулся, одновременно схватив дерзкого вора за руку. Не раздумывая ни минуты, он изо всех сил ударил безбородого наглеца по лицу, отчего тот взмыл в воздух и пролетел добрую дюжину шагов.

— Не зарься на чужое, мой юный друг, иначе тебе сломают не только челюсть.

Только тут киммериец заметил, что Бородатый и его спутники с интересом наблюдают за ним. Он уже хотел выхватить меч из ножен, но Бородатый неожиданно засмеялся.

— Ты, я смотрю, малый не промах. Думаю, Ахмаю будет о чем поговорить с тобой.

— Надеюсь, впредь твои люди будут вести себя поучтивее,— буркнул Конан, помогая Ильяне сойти с коня.

Главная зала замка была хорошо освещена— на стенах горело несколько десятков факелов, несколько ламп стояло и на огромном столе, за которым сидел сам владыка Ахмай.

— Ты должен был прийти ко мне сразу после того, как твой прежний хозяин умер. За это время ты дослужился бы до капитана.

— Я должен был отвести вдову хозяина и ее сестру к их родне,— ответил Конан.— Иначе я нарушил бы слово.

— Все понятно. Вы, киммерийцы,— люди слова, это я знаю.

У Конана по спине пробежал холодок. Ахмаю откуда-то была ведома его национальность.

— Неужели, назвав тебя киммерийцем, я ошибся? — лукаво улыбнувшись, спросил владыка.— Или ты стыдишься этого?

— Я смотрю, вы знаете меня лучше меня самого.

— Можешь в этом не сомневаться. Кого-кого, а киммерийцев я признаю сразу, пусть в наших краях они и редкость.

— Наши люди предпочитают жить там же, где и родились,— мрачно усмехнувшись, ответил Конан.

— Оставим это. Коль скоро ты пришел ко мне, значит, служба твоя прежнему господину закончилась,— так? Можешь считать, что я принял тебя к себе. Тебя и твоего товарища. Что до Дессы, которую ты пытался разыскать, то ты сейчас увидишь ее.

Застучали барабаны, и в зале появилась танцующая рабыня, одетая в короткую юбку, спитую из алого шелка. На нагой груди танцовщицы, на запястьях ее и лодыжках поблескивали серебряные украшения и колокольцы. Ее смуглая намащенная кожа мерцала матовым светом.

Вне всяких сомнений, Конану доводилось встречать и куда более интересных женщин, однако, едва завидев Дессу, он забыл и думать о них.

Рабыня закружила вокруг стола. Владыка ее, всесильный Ахмай, не вставая с места, сорвал с нее одежды и взмахнул ими над головой.

Мужчины одобрительно загудели. Десса усмехнулась и, сделав сальто, вскочила прямо на стол, так что блюдо Конана оказалось у нее между ног. Сделав шаг вперед, рабыня упала в объятия киммерийца.

Пышная надушенная грудь Дессы легла ему на лицо.

Он скосил глаза и увидел Илльяну, смотревшую на него едва ли не с ненавистью. Испытывать ее терпение киммерийцу не хотелось, и он слегка отстранился назад. Десса сделала еще одно сальто — на этот раз назад — и опустилась на лежавшую у стола кипу ярких заморских ковров. Она сделала стойку на руках и, подав рукой команду барабанщику, вновь забила в чувственном ритме.

Конан почувствовал себя оказавшимся меж двух огней.

И тут Илльяна не выдержала. Бросив свое блюдо на пол, она вскочила на ноги, что-то прокричала и поспешила к выходу из залы. Стражи были слишком увлечены Дессой, чтобы обращать внимание на гостей, — она прошла мимо них и скрылась за дверь.

— Что это значит? — с деланным равнодушием спросил Ахмай, взявшись при этом за рукоять своего клинка. — Твой спутник юн настолько, что не может совладать с желаньями своего тела? Или, быть может, ему непривычен вид обнаженного женского тела?

— Надо было ему Палоса показать! — закричал один из стражей.

Дюжий воин, который скорее всего и был только что упомянутым Палосом, гневно заревел:

— Заткнись, сморчок! Иначе ты мать родную...

— Молчать! — неожиданно громко рявкнул Ахмай, не сводивший глаз с Конана.

— Вы зря волнуетесь, — пробормотал киммериец. — Такие припадки случаются с ним не чаще раза в год. Если бы у вас нашлись снадобья...

— С подобными припадками мы справляемся и без снадобий, — мрачно усмехнулся Ахмай. — Если нам будет нужно, мы и горбатого прямо поставим!

— Я полагаю, до этого не дойдет. — Киммериец изобразил на лице нечто, отдаленно напоминающее улыбку.

Разрази ее Эрлик! Что это она надумала? Может быть, она рехнулась со страха?

— Я тоже надеюсь на это, — кивнул Ахмай. — Ругаться в присутствии такой женщины нельзя. Ты только посмотри на нее, приятель!

Посмотреть было на что. Конан никак не мог взять в толк того, зачем же она могла понадобиться Масуфу, — кем ее невозможно было представить, так это супругой добропорядочного туранца или любящей матерью.

Впрочем, об этом следовало думать самому Масуфу. С Конана было достаточно и Илльяны. И куда только та могла запропасться? Спасало положение лишь то, что рабыня продолжала танцевать. Попробуй Ахмай послать своих воинов на поиски пропавшего гостя, и те наверняка устроили бы в ответ на это бунт. И они были бы правы: на всем белом свете не было танцовщицы, равной Дессе...

Движения рабыни с каждой минутой становились все медленнее и медленнее; чувствовалось, что она начинает уставать. Она сделала наконец последнее сальто, и в тот же миг двери залы распахнулись вновь. В них стояла Илльяна.

Она выглядела та же, как и в тот раз, когда киммериец впервые увидел ее, и потому Конан, в отличие от всех прочих присутствующих в зале людей, особенно не поразился увиденному. Сразила его вовсе не диковинная эта метаморфоза, но нечто куда более опасное — от волшебницы исходила такая волна чувственности, что совладать с собой в ее присутствии не смог бы и евнух. Илльяна была почти нага — узкая набедренная повязка да серебряный обод на голове были единственным ее одеянием. Конан ошарашенно посмотрел на ее прекрасное тело и зажмурился, словно не веря собственным глазам.

— Ну ты и плут! — ахнул Ахмай. Немного помолчав, он добавил: — Так вот с чем ты путешествуешь!

— Не с чем, а с кем, мой господин, — широко улыбнувшись, ответил Конан. — Она не призрак — ее можно потрогать...

— Волшебства в ней столько, что она кажется сказкой... Но скажи мне, плут, почему ты решил скрыть ее от меня?

— Я не настолько глуп, чтобы хвалиться своими сокровищами перед разбойниками.

— Называя ее сокровищем, ты оскорбляешь ее, варвар. Она слишком хороша для этого. — Ахмай говорил с трудом; казалось, что-то застряло у него в глотке. Он плеснул вина себе в кубок и вновь устремил взор на Илльяну.

Та взмахнула руками и закружила по зале в диковинном танце. Тягаться с Дессой в акробатических па она не собиралась — танец ее поражал не обилием трюков, но удивительной гибкостью танцовщицы и грациозностью ее уверенных движений.

Конан стал искать взглядом Дессу. Та стояла недвижно,

опершись плечом о дверной косяк. На Илльяну она смотрела так, как смотрит на учителя посрамленный ученик.

Илльяна тем временем подхватила с пола один из легких ковриков и завернулась в него, вызвав тем массу восторгов. Она встряхнула головой, и легкая вуаль, покрывавшая ее золотистые косы, заскользила через залу, словно несомая ветром. Лишь Конан понимал, что подобное движение может быть вызвано только магическими заклинаниями, остальным же, казалось, сие было невдомек. К вуали бросилась добрая дюжина воинов, в одно мгновение разорвавших ее на лоскуты.

В тот же миг с головы Илльяны упал и обруч. Мелодично позванивая, он покатился через всю залу и наконец закружился у ног Ахмая. Тот подхватил его резким, едва уловимым движением, не отрывая при этом взгляда от прекрасной незнакомки.

И тут в зале установилась полная тишина. Илльяна сбросила с себя коврик, а вместе с ним с прекрасного тела ее слетела и набедренная повязка.

— Киммериец, друг мой! — вскричал Ахмай. — Я предлагаю тебе и твоему спутнику остаться в моем дворце. Ты можешь просить у меня все, что угодно. Торговаться с тобою я не стану. У меня же будет лишь одно пожелание. Я должен провести с этой женщиной одну-единственную ночь. После этого я оставлю ее в покое и даже стану первейшим ее защитником. Если кто-нибудь из этих скотов посмотрит на нее так, что...

Конан расхохотался:

— Уж не обезумели ли вы, мой господин? Ваши люди не смогут не смотреть на нее. Если же они не будут делать этого, то подруга моя расстроится так, что последствия этого для меня будут еще более огорчительными. Не следует говорить о несбыточном, мой господин, — лучше предложите мне что-нибудь иное, пусть даже оно и не будет казаться столь же благородным.

Илльяна лежала на ковре, извиваясь по-змеиному. Ахмай вздохнул и, прищурившись, посмотрел в глаза киммерийцу.

— Я уступлю тебе Дессу.

Конан на миг задумался, но тут же согласно кивнул головой. Ахмай заулыбался и, хлопнув в ладоши, приказал рабыне подойти поближе. Та гордо пересекла залу, пытаясь держать себя так, словно, кроме нее, в зале женщин не было.

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь с моим новым другом, — сказал Ахмай. — Думаю, ты придишься ему по вкусу, да и он, судя по всему, тебе понравится.

— Как прикажете, мой господин. — Десса улыбнулась, заметив, что Конан, в отличие от хозяина замка, смотрит только на нее. — Ваш приказ для меня — закон.

Она перескочила на другую сторону стола и уселась на колени киммерийцу. Того раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, теперь он мог выкрасть Дессу, с другой — он не имел ни малейшего понятия о том, как же собиралась выходить из этой ситуации его хитроумная спутница.

Он заметил у себя под ногами набедренную повязку Илльяны и машинально поднял ее с пола. Пальцы его руки внезапно стало покалывать. Он уже хотел было отбросить тряпицу в сторону; но тут в сознании его прозвучало бесплотное: «Успокойся, Конан! Чары мои велики, и потому Ахмай не заметит никакого подвоха. Он будет уверен в том, что эту ночь я провела с ним.

Теперь тебе и Дессе следует уйти. Я догоню вас».

Голос смолк так же внезапно, как и зазвучал. Конан скомкал в руке набедренную повязку Илльяны и сунул ее за пазуху. Десса, заметив это, обронила:

— Со мною ты ее в два счета забудешь. Тряпку же эту ты выбросишь за дверь.

Конан довольно ухмыльнулся. Начало ночи обещало быть интересным, об остальном же он пока не думал.

Глава девятая

Свернувшись калачиком Десса мирно спала, положив свою головку на могучее плечо киммерийца. Он с удовольствием заснул бы и сам, но этого делать в его положении как раз и не стоило — в нескольких шагах от него, за соседней дверью, находился человек, который в любую минуту мог стать его, Конана, врагом, человек, который этим врагом был и на деле.

Тихо постучали. Конан схватил меч, беззвучно, словно кошка, подобрался к двери и, отодвинув задвижку, распахнул ударом ноги.

Перед ним стояла Илльяна, вновь одетая в мужское платье. Она была крайне бледна, под глазами ее виднелись глубокие круги.

Она вошла в комнату и тут же прикрыла за собой дверь. Конан предложил ей вина, однако на предложение это волшебница ответила решительным отказом:

— Нет, нет. Все это пустяки, просто я захотела спать. Что до Ахмая, то он действительно спит, при этом ему снится, что он спит со мной. Можешь себе представить, что он при этом видит и испытывает.

— Откуда же девственной волшебнице ведомо то, что происходит между мужчиной и женщиной?

Илльяна вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и, стараясь не смотреть на Конана, пробормотала:

— Мне пришлось поинтересоваться этим. Большого я тебе не скажу.

Конан счел за лучшее промолчать. Он самолично опорожнил кубок с вином, набросил на себя одежды и принялся расталкивать Дессу.

Со стены послышался крик стража:

— Пятый час! Порядок полный!

Стража никто не услышал — вся Крепость была объята сном.

Конан подошел к двери, ведущей во двор, и тут же обнаружил, что она заперта. Илльяна отстранила его и протянула к двери руку, в которой поблескивал Камень Курага.

Киммериец покачал головой. Он мог справиться с любым замком и сам, причем для этого ему не пришлось бы прибегать к особым ухищрениям: воровскому делу его обучили заморцы, для которых не составляло никакого труда открыть любой, сколь угодно хитроумный замок.

Двор казался совершенно безжизненным, лишь огонь жаровни, стоявшей за воротами стойла, указывал на то, что люди здесь все-таки есть. Киммериец нахмурился. Им надлежало идти именно к стойлу, которое, судя по всему, было единственным охраняемым местом во всей Крепости.

Холодный ночной воздух вывел Дессу из полусонного состояния. Она завертела головкой, пытаясь понять, куда же они направляются.

— Куда вы меня ведете? К Ахмаю нужно идти другой...

— С чего ты взяла, что мы идем к нему? — усмехнулся

Конан.— Мы ведем тебя к твоему суженому, Масуфу. Он тебя ждет не дождется.

— К Масуфу? А я-то думала, что его давно нет в живых!

— Неужели ты не получала его посланий? — удивилась Илльяна.— Он ведь посылал их не раз.

— Какие-то письма я действительно получала. Но разве можно верить письмам?

— Им-то люди как раз и склонны верить, деточка,— прошептал Конан и подошел поближе к рабыне, заметив, что та готова закричать в любую минуту. Едва Десса набрала в легкие побольше воздуха, он заключил ее в объятия, зажав ей рот своей огромной ладонью.

Илльяна приблизилась к рабыне и возложила руку ей на голову. Конан почувствовал сильное головокружение и едва не выронил из рук внезапно обмякшее тело Дессы.

— Что ты сделала? — прохрипел он, изумленно глядя на светящийся призрачным светом Камень Курага.

— Я ее просто-напросто усыпила.

— Так быстро?

— У нее слабая воля, и потому особого сопротивления она оказать не могла. Будь на ее месте ты, мне пришлось бы потрудиться.

— Ох и не нравится мне все это...

— Конан, неужели мое волшебство пугает тебя и поныне? Как мне доказать тебе, что оно не несет с собой зла?

Киммериец мрачно усмехнулся:

— Я не поверил бы в это, даже стань я благодаря твоей магии королем Аквилонии. Так что не трать время напрасну. К тому же злой я считаю совсем не тебя, но лишь твою магию и все, с нею связанное.

Илльяна улыбнулась.

— Хорошенький комплимент, ничего не скажешь.

Раскаленная жаровня стояла у выхода из конюшни. Конан вошел вовнутрь, однако стражей так и не увидел. Илльяна отправилась за жеребцами, он же осторожно опустил тело Дессы на сено и вынул из ножен меч.

Прошло несколько минут, однако волшебница все не возвращалась. И тут из глубины стойла послышались какие-то звуки. В следующий миг он увидел пошатывающихся стражей, ведущих под руки хмельную, полураздетую, хихикающую женщину.

— Привет, киммериец,— сказал один из воинов.— Хочешь немного поразвлечься?

— Вы бы лучше мне вина предложили,— буркнул в ответ киммериец.

— Запросто,— ответил ему второй страж.— Фаруш, если мне не изменяет память, последним пил ты. Верно? Стало быть, идти за кувшином придется именно тебе.

— И не подумаю,— мрачно пробасил первый.— Хочешь, иди туда сам.

— Чтобы я оставил тебя наедине с Хирой? Ты что, за идиота меня держишь?

Не успел Фаруш ответить своему сотоварищу, как из глубины стойла показалась Илльяна, ведшая за собою жеребцов.

— Смотрите, кто к нам пожаловал! Может, станцуете для нас, милочка?

— К сожалению, я занята,— ответила Илльяна.— Надеюсь, вы не обидитесь на меня за это.

За видимым спокойствием, с которым она произнесла эти слова, Конан почувствовал крайний испуг.

— Нет, моя хорошая. Ты уж нас зря не обижай,— отозвался воин, взявшись за рукоять своего кинжала.

— Я вновь должна ответить вам отказом. Я слишком утомлена, чтобы танцевать вновь.

— Ну что ж,— осклабившись, прохрипел воин,— тогда мы станцуем лежа. Есть такой танец. Называется он...

Договорить воин уже не сумел, так же как он не сумел и вынуть из ножен свой клинок. Киммериец ударил его в челюсть с такой силой, что он отлетел к воротам, ударился головой о перекладину и повалился на богато унавоженную землю бездыханной массой.

Фаруш мгновенно протрезвел и, выхватив кинжал из ножен, бесстрашно пошел на неприятеля, явно превосходившего его силой.

«Как это Ахмаю удалось воспитать таких воинов?» — изумился Конан.

В этот миг девица, успевшая привести свое платье в порядок, пронзительно завизжала. Заставить ее замолчать можно было только лишив ее жизни, что было не в правилах по-своему галантного киммерийца. Девица вновь закричала что было сил:

— На помощь! На помощь! В конюшне воры! В конюшне воры! На помощь!

Она бросилась наутек. Фаруш, заметивший смятение не-
приятеля, поспешил последовать ее примеру.

Конан повернулся к Ильяне.

— Теперь можешь и поколдовать.

Ильяна нахмурилась.

— Если ты думаешь, что у наших лошадок вырастут
крылья, то ты ошибаешься.

— Разрази тебя гром, женщина! Сейчас не время
шутить!

— Что верно, то верно. Если ты сможешь задержать не-
приятеля хотя бы на пару минут, я попробую что-нибудь
придумать.

Конан перевел взгляд на ворота, которыми запиралось
стойло. Разбить их возможно было разве что тараном. Уже
не раздумывая, он бросился к ним. Едва он затворил тя-
желые дубовые створки и задвинул широкие железные
затворы, как со двора послышались крики и отборная
ругань.

Темную конюшню стал заливать неяркий изумрудный
свет. Конан обернулся и посмотрел на засиявший не-
ожиданно ярко Камень Курага, прикрепленный к браслету,
надетому на запястье Ильяны. Последняя вела себя крайне
странно — она снимала с себя тунику.

— О боги, чем же я вас так прогневал! — возопил ким-
мериец.

Ильяна улыбнулась, блеснув зубами:

— Неужели ты не знаешь о том, что колдовать
нагишом куда удобнее?

— А ведь верно! Любая нагая женщина под стать
колдунье!

— Скоро я и тебя волшебству научу, киммериец.

Шум и крики за стеной не смолкали ни на минуту.
Ильяна уже сбросила с себя все одежды. На одной ее руке
горел Камень Курага, на другую был надет резной браслет
из слоновой кости. В призрачном изумрудном свете она ка-
залась атлантиской богиней, поднявшейся со дна морского
для того, чтобы отомстить тем, кто был повинен в гибели
ее народа.

Конан взял в руки кинжал и поспешил к крайним стой-
лам, разрезая на ходу ремни, которыми кони были привяза-
ны к столбам. Освободив так всю конницу Ахмая, он
подбежал к Ильяне, стоявшей возле своего жеребца.

— Больше нам здесь делать нечего.

Киммериец положил Дессу поперек седла и взобрался
в седло сам. Ильяна подняла руку с Камнем и забормотала:

— Хаос, Хаос, проклятый трижды, заклятьем тройным
тебя, о Хаос...

Далее следовало нечто крайне невразумительное и в то
же время велеречивое. Конан негромко чертыхнулся и пока-
чал головой.

Невзвешенный ветер закружил по конюшне,
вздымая в воздух кипы соломы, разбросанные по земле.
Жаровня внезапно опрокинулась набок, и из нее выпал-
ось несколько раскаленных угольков, тут же воспламенив-
ших своим жаром разметанную вокруг солому. Пламя
мгновенно окрепло и с ревом набросилось на стены конюш-
ни, пытаясь достать своими жаркими языками до пере-
крытия.

Ильяна сжала руку с Камнем в кулак и выбросила
ее вперед, отчего ворота с треском распахнулись, словно
сокрушенные тяжелым тараном.

— Хайа-а-а-а! — заорал Конан и, прищипив своего
жеребца, направил его прямо на воинов Ахмая.

Животное, явно не привыкшее к подобным передрягам,
сделало пару скачков вперед и, возмущенно заржав, пере-
шло на шаг. Конану, несмотря на это, так и не пришлось
сразиться с неприятелем, — вид Ильяны сразил наповал
тех немногих воинов, что были исполнены решимости
сойтись с ним в бою. Нагая, сияющая изумрудным светом
волшебница, восседающая на спине огромного храпящего
скакуна, выглядела, мягко говоря, жутковато.

Ильяна сделала три круга по двору, после чего в нем
не осталось ни души, и забормотала новое заклинание.

Камень Курага засиял ярче прежнего и испустил тон-
кий ослепительный луч, тут же обративший в ничто желез-
ные петли и запоры крепостных ворот. Не прошло и минуты,
как врата с грохотом рухнули наземь, подняв тучи пыли.
Ни Конан, ни Ильяна не хотели испытывать судьбу по-
напрасну, — к тому времени, когда пыль осела, они были
уже далеко.

Проехав примерно половину пути до того места, где их
ожидали Райна и Масуф, путники решили сделать неболь-
шой привал. Конан остановил коня и, приложив ладонь
к уху, прислушался. Судя по всему, преследовать их никто
даже и не думал.

— Если им и удастся спасти своих коней,— бросила Ильяна,— они вряд ли смогут успокоить их.

— Неужели вы думаете, что они не станут искать меня? — тут же возмутилась Десса.

— Во-первых, милочка, у них нет коней. Во-вторых, их предводитель спит таким крепким сном, что его теперь и гром не разбудит! Не забывай, что мы имеем дело не с волшебниками, а с самым обычными людьми,— усмехнулся Конан.

— Она-то уж точно волшебница! — прошептала Десса, взглянув на Ильяну. — Что до тебя, то ты обычный солдат, это по тебе сразу видно.

С минуту помолчав, она спросила:

— Для чего вы увезли меня из Крепости?

— Разве ты забыла? Мы хотим вернуть тебя твоему суженому. Тебя — ему, а тебе — его. Ты понимаешь?

Ильяна достала из подсумка свою одежду и стала неспешно облачаться в нее. Все это время она скакала совершенно нагой, ни разу даже не пожаловавшись на ночную прохладу, от которой озяб и привычный ко всему Конан.

Десса была куда капризнее. Взяв у Ильяны платье, предназначенное для нее, она с минуту помедлила и затем бросила его наземь с таким отвращением, словно держала в руках клубок змей.

— Я не хочу надевать ее платье! Оно заколдованное!

— Тогда надень мое! — вновь усмехнулся Конан и бросил рабыне одну из своих туник.

— Спасибо и на том,— фыркнула Десса. — Одного не пойму — с чего вы взяли, что я останусь с вами?

Конан и Ильяна встретились взглядами. К волшебнице дар речи вернулся раньше.

— Десса, Масуф любит тебя. Он сам говорил мне об этом,— негромко сказала она.

— Мало ли что он говорит! Он любит только золото — золото и деньги! Именно по этой причине он и стал рабом. С Ахмаем мне было куда лучше, чем с этим скрягой. Я бы согласилась и в «Трех Грошах» работать, лишь бы к нему не возвращаться!

Рабыня повернулась к Конану:

— Капитан, может быть, вы сможете предложить мне и какую-никакую обувь? Дорожка-то мне предстоит, сами понимаете, какая неблизкая...

— Кром! — вырвалось у Конана. Он умудрился взять себя в руки и уже спокойно добавил: — Десса, мы должны вернуть тебя Масуфу. Мы у него в долгу. Боги же ох как не любят неоплаченных долгов.

Десса открыла было рот, но, увидев выражение глаз киммерийца, решила промолчать.

— Если ты считаешь, что в Крепости тебе устроят торжественный прием, то ты здорово заблуждаешься,— продолжил Конан. — Они станут подозревать тебя во всех смертных грехах и отправят тебя куда-нибудь на кухню... Помимо прочего, я сделаю все возможное для того, чтобы ты туда уже не вернулась. Ты слышишь меня, Десса?

Он снял с седла флаги и отправился на поиски родника.

Глава десятая

Они выехали в то время суток, которое иранистанцы почему-то считают утром, хотя иные люди скорее склонны считать ночью, ибо тьма в этот час стоит еще такая, что хоть глаз выколи.

Конан и Раина решили не перетруждать зря своих жеребцов и повели их в поводу. Для Дессы и Масуфа заранее была приготовлена пара жеребцов, и потому каждый из путников скакал в своем седле. Ни раба, ни рабыню нельзя было назвать опытными наездниками, и это сильно сказывалось на скорости их передвижения. В случае опасности Конан и Раина приняли бы своих новых спутников в свои седла, ибо в противном случае те были бы изловлены неприятелем в два счета.

К счастью, пока их никто не преследовал, что, впрочем, казалось крайне подозрительным обстоятельством, пусть они и избегали все это время не только торных путей, но и горных тропок. За время пути они встречали людей лишь дважды: в первый раз это был пастух, во второй — отшельник.

— Горцы — люди молчаливые,— негромко сказал Конан. — Золото и пытки могут развязать язык кому угодно, но вот время на это уходит разное. Пытать их Ахмай скорее всего не станет, ведь Крепость его в конце концов стоит именно на их землях. Верно?

— Нас видят не только пастухи,— отозвалась Ильяна. — Нас видят и их овцы.

— Насколько я понимаю, и овцы, и козы умеют держать язык за зубами,— улыбнулся Конан. Утро стояло прекрасное, и настроение у него было лучше некуда, тем более что вчерашняя стычка закончилась полным посрамлением противника.

— Можно заставить говорить и немого,— настаивала на своем Илльяна.

— Интересно, каким же это образом? — рассмеялся киммериец.— Представляю, как Ахмай будет разговаривать с овцами! «Если вы будете молчать, я изжарю вас себе на ужин!» А они ему в ответ «мэ» да «бэ», «бэ» да «мэ»!

— Это делается иначе.

— Неужели есть и такие заклинания?

— Разумеется. Говорить баран не станет, но увидеть то же, что видел и он, совсем не сложно.

— И ты думаешь, Ахмаю ведомы такие заклинания?

Погожее утро тут же стало казаться Конану по-киммерийски холодным.

— Ни он сам, ни его слуги заклинаний не знают. Но ему это и не нужно. Похоже на то, что Ахмай знаком с Эремиусом, тому же ведомы все заклинания без изъятия. Как ты помнишь, именно Эремиус владеет вторым Камнем Курага. Я познакомилась с ним десять лет тому назад и за время знакомства успела понять, что он знает и умеет куда больше моего.

Волшебница изобразила на лице некое подобие улыбки.

— Утешает меня лишь то, что он не знает об этом. К тому же за эти десять лет я смогла кое-чему научиться.

Улыбка Илльяны стала пошире.

— Конан, я смотрю, ты начинаешь всерьез интересоваться магией. Как же прикажешь тебя понимать — ведь совсем недавно ты говорил мне о том, что боишься и думать о ней?

— Магия магии рознь. То, что я видел вчера, меня не только не пугает, но скорее привлекает. Впрочем, может быть, ты устроила весь этот маскарад только для того, чтобы показаться предо мной в столь импозантном виде...

Илльяна густо покраснела и тут же отъехала к Дессе и Масуфу. Конан пришпорил своего коня и нагнал Раину, бормоча что-то о бесноватых женщинах, которые при всем своем целомудрии никак не могут считаться подлинно целомудренными.

— Ну у тебя и шутки! — прошипела Раина.

— Что-то я тебя не понимаю. Неужели я мог оскорбить ее?

— Говорить о чужих тайнах я не привыкла. Придет время, и Илльяна сама расскажет тебе обо всем. Пока же тебе следует помалкивать.

— Но ведь при этом я становлюсь похож на слепца,— я не понимаю ни того, с кем мне предстоит сражаться, ни того, почему я должен относиться к этому человеку как к врагу...

— Не стану спорить с тобой. Но я назвала бы тебя не слепцом, а скорее одноглазым.

— Будь по-твоему. Но ведь у противника моего целы оба глаза, верно? Неужели мастер Барафр не смог научить тебя и самым простым вещам? Тебе придется вернуться на родное боссонское болото и потребовать со своего наставника плату за обучение, ибо...

Раина едва не ударила его по губам. Он с трудом сумел перехватить ее руку.

— Ты находишь глупой и эту мою шутку?

— Отпусти меня сию же минуту! Чтоб у тебя язык отсох, варвар!

— Если он у меня не отсох и поныне, то отсохнет не скоро, милая. Кто только меня не проклинал — и благородные люди, и отъявленные мерзавцы...

И тут киммериец заметил, что глаза Раины наполнились слезами. Он выпустил ее локоть из руки и отъехал в сторону. Она было зарыдала, спрятав лицо в ладонях, но вскоре справилась с собой и, обратившись к нему, заговорила:

— Прости меня, Конан. Ты даже и не представляешь, насколько груба и глупа твоя шутка! Я изгнана из Боссонии! У меня нет дома, у меня есть только моя госпожа. И я должна благодарить богов за то, что ею стала именно Илльяна, а не кто-то другой! Как видишь, я не случайно храню ей верность. Ну а теперь, мой киммерийский друг, скажи мне — как тебе нравится то, что капитан Хаджар на деле служит не кому-нибудь, а именно властителю Хауме?

Кровь ударила Конану в голову. Он и сам не заметил того, как рука его сжалась в кулак. Раина, заметив это, засмеялась.

— Видишь, как все просто! А ведь я обязана своей госпоже куда большим! Боссонцы говорят так: «Не трогай

моих овец, тогда и собаки мои тебя не тронут». Как тебе это нравится?

Конан вновь подъехал к ней и, нежно обняв, прошептал:
— Мудрые люди эти самые боссонцы...

Не прошло и минуты, как последние из прихваченных с собою бычков были умерщвлены. Отовсюду слышались треск костей и чавканье — Трансформы справляли свою трапезу. Время от времени тот тут, то там разгорались ссоры, вызванные спором за лучшие куски.

Эремиус не боялся того, что ссоры эти закончатся кровью. Дисциплинированными воинами Трансформы, разумеется, не были, однако их командиры каким-то образом умудрялись наводить в своей войске порядок. Иногда это оборачивалось для Эремиуса потерей одного-двух бойцов, но считать это серьезной потерей было бы смешно, и потому Эремиус старался не обращать на это внимания, понимая, что в каком-то случае потери могли бы оказаться куда более серьезными.

Сегодня серьезных драк можно было не бояться. Трансформам был предложен щедрый обед, за которым должно было последовать настоящее пиршество, украшением коего должна была стать добытая в бою человеческая плоть, о чем, разумеется, было сообщено и Трансформам.

К скамье Эремиуса поднялся капитан Назро. Упав на колени, он забормотал:

— Господин, вода в ручье стала непригодной для питья, она красная от крови! О запахе я уже и не говорю!

— Трансформам это не повредит. Неужели ты забыл об этом?

— Я о них и не говорю, мой господин! — На лице капитана выступили бисеринки пота. — Вы, вероятно, забыли о том, что кроме Трансформ здесь есть и люди. Людям же нужна чистая вода.

— Неужели они не могут подняться повыше по течению и набрать воды в свои фляги! — раздраженно ответил Эремиус. Раздражение его было так велико, что магический жезл сам собою поднялся в воздух и подлетел к голове капитана. Эремиус позволил жезлу коснуться щеки бестолкового командира и легким движением руки заставил его остановиться.

— Когда вы будете иметь собственные головы на пле-

чах? Неужели ты так туп, что не можешь даже напоить своих людей? Ступай к ним и в следующий раз не беспокой меня понапрасну!

Назро поклонился и тотчас исчез.

Эремиус опустил на скамью, положив посох на колени, и задумался. Надеяться на то, что в сегодняшней битве погибнут все его люди, успевшие за время похода изрядно надоесть ему, не приходилось. Жители деревень редко оказывали его воинству серьезное сопротивление.

Помимо прочего, он и поныне нуждался в услугах Назро и его собратьев, что были так же тупы, как и их капитан. Пока он владеет лишь одним из двух Камней Курага, люди необходимы ему.

Он любил думать о том счастливом времени, когда он завладеет и вторым Камнем, когда он не только раз и навсегда распрощается с людьми, но и сможет взрастить новые поколения Трансформ, что пока, в отсутствие одного, были бесплодны, ибо женщины их были неспособны к зачатию.

Было известно, что дети Трансформ вырастают всего за год, и это означало, что на покорение мира у него уйдет всего несколько лет. Не уйдя от него Иллъяна, и его победное шествие началось бы уже десять лет тому назад. Впрочем, теперь, когда он был так близок к победе, это уже не имело никакого значения, хотя мысль об этом огорчала его так же сильно, как и прежде.

— В этом ручье не вода, а кровь!

— Его прокляли демоны!

— За что боги так немилосердны к нам?

— Найти его!

Бора решил, что ждать ему больше нечего, и бегом бросился к ручью. С каждым мгновением крики становились все громче. Так же быстро Бора бежал и в ту ночь, когда за ним гнались демоны. Уже через минуту он стоял на берегу ручья, что был неизменно чист и ясен, словно глаза его сестры Карайи. К ужасу мальчика, вода в ручье действительно приобрела цвет крови. По поверхности ее плыла странная слизь, издававшая резкий тошнотворный запах.

Деревенские жители расступались перед ним, позволили ему выйти на самый берег. «Интересно, — подумал маль-

чик, — кого они боятся: меня или этой вони?» Он усмехнулся, но тут же придал своему лицу серьезное выражение. Засмеяся он сейчас, и остановиться ему уже будет непросто.

Задержав дыхание, он стал на колени и зачерпнул из ручья полную ладонь кровавой жижи. Он принюхался и внезапно улыбнулся.

— Теперь мы знаем, что стало с коровами Перека! — воскликнул он. — Похоже, в нашу речку свалилось все его стадо! Бедный Перека!

— Это не он, а мы бедные! — раздался чей-то голос. — Что нам теперь, к колодцу ходить?

— Ничего другого не остается, пока вода не очистится, пить из ручья нельзя. Разве вы не согласны с этим?

Многие закивали. Других же слова мальчика лишь раззадорили:

— Ты уверен, что в нашу речку его коровы свалились сами? — спросил один из деревенских жителей. О «демонах» он не сказал ни слова, но все поняли, что говорит он именно о них. — И еще: ты уверен, что ручей наш очистится?

— Если с ним произошло что-то противоестественное, то и вода в нем должна стать не водой, а чем-то другим, верно? — ответил Бора. Он тяжело вздохнул и добавил: — Сейчас я войду в воду. Если я выйду из ручья невредимым, значит, ничего страшного не произошло.

Слова мальчика вызвали неоднозначную реакцию: одни протестовали, другие ответили одобрительными криками. Не обращая внимания на односельчан, Бора стал снимать с себя одежды.

Вода была такой же холодной, как и обычно. Бора вошел в ручей по пояс, решив про себя, что погружать в него голову он не станет.

Он оставался в воде до тех пор, пока не перестал чувствовать ее холода. К этому времени на берегу установилась полная тишина. Стараясь двигаться неспешно, он направился к берегу.

Добрая дюжина селян протянула ему руки, предлагая свою помощь; кто-то успел сходить и за полотенцем. Когда мальчик оказался на берегу, тело его стали растирать сразу несколько человек, и уже через пару минут кожа Бора приобрела былой розовый цвет.

Он увидел направлявшуюся к нему Карайю, несшую ему чашу с горячим поссетом. Взгляд ее был исполнен

такой грусти, какой ему еще не приходилось видеть, однако на остроту ее языка оная грусть, казалось, насколько не повлияла:

— Бора, я смотрю, ты сдурел вконец! Ты почему о нас не думаешь? Что бы мы делали, если бы демоны прибрали тебя к себе?

— О ком, о ком, а о них-то уж я не думал! Доказать же другим то, в чем я сам не сомневался, я мог только так. Не поступи я так, и наши милые соседи решили бы, что во всей этой напасти повинен только я. Да они разорвали бы меня на части!

— Они не посмели бы поднять на тебя руку!

Будь глаза Карайи луками — половина деревни лежала бы уже бездыханной.

— Карайя, запомни хорошенько: когда человек чего-то боится, он способен на страшные поступки. Неужели ты еще не знаешь этого? — Мысль эта принадлежала Ивраму, но сылаться на него Бора не стал.

Какая-то добрая душа принесла из дома ведро горячей воды и губку. Бора обмыл себя, насухо вытерся и только после этого облачился в одежды. Люди взирали на него так, словно лицезрели не подобие себе, но посланника небес.

Он обратился к ним, едва сдерживая свой гнев.

— Вы что, так и будете торчать здесь? Если вы считаете, что колодца недостаточно, вы можете носить воду из Зимовья. Я думаю, тамошние жители не станут возражать против этого. Если же вы так и будете стоять разинув рот, то в ваших глотках птички соведут себе гнезда. Вы слышите меня, олухи?

Бора замолчал. Он, шестнадцатилетний мальчишка, и так сказал слишком многое своим односельчанам, многие из которых гонимы были им если не в деда, то в отцы.

И тут, к своему удивлению, он увидел, что люди, обушавшие его, закивали все, как один. Он отказался выбирать тех, кто должен был отправиться в Зимовье за водой, сделав вместо этого нечто весьма странное. Он обмакнул край полотенца в воду и, обвязав им свою левую руку, важно изрек:

— С этим я отправлюсь к Ивраму. Если демоны и причастны к этому, то не мне, Боре, сыну Рафи, бояться их. Иврам же по этому следу не только поймет природу происшедшего, но и научит нас, как вести себя дальше.

На деле Бора в этом уверен не был. Он слышал о том, что Иврам, несмотря на свою принадлежность к жреческому сословию, был весьма искушен и в делах магии; слух же этот, однако, был ненадежен и вполне мог оказаться лживым.

Судя по всему, демоны (в том, что причиною всего были именно они, Бора не сомневался ни минуты) были где-то совсем рядом. Послать людей на их поиски означало бы приговорить их к смерти. Ждать же, когда демоны сами заявятся в деревню, было по меньшей мере глупо. Бора не знал, как ему следует поступить в этой ситуации. У него не было особых надежд и на жреца; но тот, по крайней мере, мог помочь ему скрыть собственное его незнание. Об опасениях своих он мог говорить теперь лишь с Иврамом и Мариам.

К полудню Конан решил, что они могут покинуть горы и направиться к Заставе Земана. Сам он предпочел бы передвигаться ночью, но ни Десса, ни Масуф не были способны на это, и потому о ночной езде не приходилось и говорить.

— У них было бы куда больше сил, не ругайся они каждую минуту, — сказал он Раине. — Ее-то наказывать я не стану, а вот с Масуфом церемониться не буду! Это ему только на пользу пойдет, да и всем остальным от этого только лучше будет.

— Мне кажется, он тебя не поймет, — ответила Раина. — Ты знаешь, есть такая порода людей: как только какое-то их желание исполняется, они начинают желать прямо противоположного. Масуф и сам не понимает, чего же он хочет.

— Меня это не интересует, — прорычал Конан. — Если у этой парочки нет родни, я сам заплачу за их свадьбу. Не тащить же их за собой в горы!

Когда отряд въехал в город Харук, Десса и Масуф поссорились вновь. Замолчали они лишь тогда, когда Конан нашел гостиницу с крепкими стенами, черным ходом и совсем недурным вином. Ссора вспыхнула вновь только после того, как Ильяна сказала, что для них отведена отдельная комната.

— Я туда не пойду! — тут же заявила Десса.

— Глупенькая, да я же тебя пальцем не трону, —

проблеял Масуф таким голосом, что поверить в искренность его слов было совершенно невозможно. — И чего ты меня так боишься, цыпочка?

— Боюсь? Тебя? Если бы ты действительно был мужчиной, я бы еще могла испугаться тебя, но...

Заметив устремленные на нее взгляды Ильяны, Раины и Конана, Десса замолкла на полуслове. Масуф побагровел и дрожащим голосом пробормотал:

— Так, значит, я, по-твоему, еще и не мужчина? Да кто ты такая, чтобы мне об этом говорить? Таких шлюх, как ты, еще свет не видывал...

Своей пощечиной Десса могла бы и прибить Масуфа, но тут в разговор вмешался Конан. Он схватил рабыню за шиворот, распахнул дверь в ее комнату и, пару раз трянуv, бросил Дессу на кровать.

— Теперь ты, Масуф, — сказал он недавнему рабу, пытаюсь говорить как можно спокойнее, — будь так любезен, войди в эту комнату. Если ты не сделаешь этого, ты влетишь сюда, словно птичка, понял?

Масуф принялся чертыхаться, однако послушаться киммерийца не посмел.

Конан забросил в ту же комнату скarb новобрачных и, прикрыв дверь, запер ее снаружи.

— Возьми! — Ильяна протянула ему кубок, до краев наполненный вином. Конан одним глотком опорожнил его и, вытерев рот рукавом, поклонился волшебнице:

— Вот спасибо, так спасибо! — Он хотел было разразиться пространнvм рассуждением о том, чем, вообще говоря, женщина может угодить мужчине, но тут же остановил себя, решив не бередить старые раны.

— Интересно, как пройдет у них эта ночь? — промурлыкала Раина, обняв Конана за талию. — Надеюсь, у меня она пройдет спокойно.

— Если это так, то почему же ты здесь, а не в постели?

— О, только об этом я и мечтаю! Знали бы вы, как мне хочется спать! — Тон, которым она произнесла эти слова, заставил засмеяться даже Ильяну.

— О боги! — воскликнул киммериец. — Неужели ты не можешь подождать? И на лучшем рысакe далеко не ускачешь, если в животе у него пусто!

Где-то совсем близко кричала женщина. Конан, делавший ложу с Раиной, в эту минуту мог думать о чем угодно, но только не о женщинах. Скорее всего, это была Десса. В том, что она сможет справиться с Масуфом и в одиночку, Конан не сомневался. Кряхтя, он повернулся на бок, и тут...

Тут крик раздался вновь. Только на сей раз он был куда громче. Раина окаменела и устремила взгляд к двери.

— Это какая-то... — зашептал было Конан, но горянка тут же прервала его:

— Это Ильяна! Моей госпоже что-то угрожает!

Раина прыгнула с кровати и, схватив со стола свой пояс, понеслась к двери. Конану не оставалось ничего другого, как только последовать за ней.

Десса и Масуф уже стояли перед комнатой волшебницы. На Дессе, так же как на Раине и киммерийце, были хоть какие-то одежды, Масуфу же пришлось замотаться в одеяло. Едва Конан подошел к двери, как крики смолкли.

— Вы что, так и будете стоять? — зло зашипел Конан.

— Мы пытались выставить дверь, но то ли запоры у нее слишком крепкие, то ли заговорил ее кто... — Масуф сказал это так, словно происходившее совершенно не интересовало его, сам же он в это время буквально поедал глазами Раину.

Из комнаты послышалось тихое поскуливание.

Конан отошел к противоположной стене и бросился на дверь, которая явно не была рассчитана на то, чтобы к ней прикладывались плечом великаны, — она с треском сорвалась с петель и рухнула внутрь комнаты.

Конан влетел вовнутрь, едва не споткнувшись об Ильяну, сидевшую на полу возле кровати. Она нервно покусывала уголок простыни, в которую было закутано ее тело.

На левую руку волшебницы был надет браслет, на котором сверкал Камень Курага. Изумрудное сияние, источаемое им, было столь ярким, что Конан зажмурился.

— Не прикасайся к ней! — завопила Раина.

— Но ведь должен же ей кто-то помочь!

— Ты не только не поможешь, но наверняка навредишь ей! Сейчас трогать ее нельзя!

Конан остановился в растерянности, и в тот же миг

Ильяна, потеряв сознание, упала на пол. Свет, исходивший из камня, тут же погас.

Сев на колени возле своей госпожи, Раина приложила ухо к ее груди и застыла. Конан отошел к двери и осторожно выглянул наружу. В коридоре не было ни души.

Десса плюхнулась на кровать, вызвав тем самым крайнее неудовольствие Раины.

— У тебя что — совсем в голове пусто?

— Было бы пусто, не сидела бы я здесь с вами!

— Ладно вам! — усмехнулся Конан, вспомнив вдруг аграпурские таверны и тамошних танцовщиц. Попади Десса в руки Пиле, та бы из нее живо человека сделала...

В этот миг вернулся Масуф, за которым следовали хозяин гостиницы и пара дюжих слуг. Конан кивком головы указал им на свой клинок, и они застыли, не смея заходить в комнату.

— Что это вы затеяли? — проревел хозяин гостиницы. Присмотревшись получше и заметив лежащую на полу нагую женщину, он усмехнулся и спросил уже другим тоном: — О-хо-хо, если уж вам так нужна женщина...

— Заткнись! — грубо оборвал хозяина киммериец. — Моей госпоже приснился дурной сон, и только. Если ты посмеешь говорить о ней дурно, я найду способ наказать тебя так, чтобы ты запомнил это на всю жизнь. Она только что потеряла своего мужа, понимаешь?

Слова киммерийца странным образом тут же успокоили хозяина. Он уже собрался уходить, но тут Ильяна приоткрыла глаза и забормotala:

— Трансформы. Их не остановить — слишком далеко... Попытайся... попытайся хотя бы воспрепятствовать им... Кто-то должен это сделать... Попытайся — иначе, — (далее шло нечто невразумительное), — иначе обречены все...

— Не иначе, колдовство! — ахнул один из слуг, в ужасе попятившись назад. Второй слуга был уже где-то на лестнице. Хозяин, однако, уходить раздумал, — склонив голову набок, он обвел взглядом присутствующих и проревел:

— Я вызову сюда стражу! Если эти остопопы сюда не явятся, я подниму на ноги весь город. Еще никогда в моей гостинице не происходило ничего более омерзительного...

— Теперь тебе и весь город вряд ли поможет! — презрительно процедила сквозь зубы Раина, поигрывавшая острым как бритва клинком. Владелец гостиницы пере-

менился в лице и резко отшатнулся назад, едва не слетев при этом с лестницы.

— Не надо так горячиться, дружище! — примирительным тоном сказал киммериец, чудом успевший схватить хозяина за руку. — Моя госпожа действительно кое-что смыслит в магии. Мало того, она чувствует, когда к магии прибегают другие. Враг, о котором она сейчас говорила, куда страшнее всего ведомого вам, и потому вам не остается ничего иного, как только принять ее сторону. В этом случае она сможет защитить вас.

Хозяин нахмурился, но былая тревога тут же оставила его. Киммериец выпустил его, и он стал неспешно спускаться вниз по лестнице.

— Возможно, теперь он не будет действовать очертя голову. Хотя я могу и ошибиться. Эти идиоты слуги через пару минут вернутся сюда вместе со стражей. Нам нужно уходить. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Ильяна покачала головой.

— Я должна делать то, что делаю. Иначе этот кошмар заполонит собою все.

— Если то страшное, о котором ты говоришь, находится где-то далеко...

— Это не имеет никакого значения. — Ильяна смерила Конана ледяным взглядом. — Когда я сбежала от Эремиуса, я поклялась мстить ему всегда и всюду. Противостоять ему сейчас я просто обязана. В противном случае справиться с ним будет уже невозможно. Надеюсь, ни ты, ни Раина не станете мешать мне.

Судя по всему, уходить волшебница не собиралась; Раина, скорее всего, должна была принять сторону своей госпожи, пусть даже это стоило бы ей и жизни. Говорить с ними о чем-либо было бессмысленно.

— Воля ваша, — пожал плечами Конан. — Занимайтесь своими делами, я же тем временем начну собирать вещи. Насколько я понимаю, в горы отправимся только мы с Раиной, вам туда идти опасно, Дессе же и Масуфу там нечего делать и подавать.

— Еще вчера я согласилась бы с тобой, — возразила недавняя рабыня. — Теперь же все изменилось. Хочешь ли ты того или нет, но мы отправимся в горы вместе с тобой.

И она показала киммерийцу язык.

Легкий ночной ветерок нес по округе трупный запах. Эремиус, обладавший поразительно острым слухом, услышал мерные шаги стражей, охранявших деревню.

Жить стражам оставалось совсем недолго. Убрать их бесшумно было невозможно, но Эремиус несколько не опасался шума, — крики людей разве что вызвали бы панику в деревне, которая в любом случае была уже обречена...

Где-то захрапел конь, и тут же раздался торжествующий рев Трансформы. Исполненный ужаса человеческий крик огласил окрестности:

— Демоны! Демоны! На нас напали демоны! Бегите! Бегите!

Уже через миг крик этот обратился в предсмертный хрип — Трансформа разодрала человека надвое.

Эремиус насупил. Неужели в этой деревне стража развезжает на лошадях? Если это так, то ему нужно внимательно следить за тем, чтобы ни одному из деревенских жителей не удалось ускользнуть из лап его верных, но пока еще не слишком-то расторопных слуг, — не ровен час, беглецы разнесут слух о его появлении по всем окрестным селеньям. Будь сфера, в которой он мог управлять Трансформами, хотя бы немного побольше, и ему не пришлось бы думать об этом, но сейчас, когда в его распоряжении был всего один Камень Курага, об этом не приходилось и мечтать.

Он поднял свой посох. В эту ночь Камень был закреплен на кольце прядьки волос Ильяны, заплетенных в тонкую аккуратную косичку. Эремиус передвинул серебряное кольцо с Камнем к середине посоха, что сообщало ему дополнительные (и весьма немалые!) силы, и приступил к заклинанию, которое было по-настоящему серьезным.

Он быстро прочел инвокацию и принялся перечислять имена атлантских магов и оккультистов — имена, непостижимым образом пережившие не только своих обладателей, но и самое их цивилизацию, ушедшую на дно морское за несколько тысяч лет до того, как туранские княжества объединились в единое государство. Покончив с этой частью заклинания, Эремиус приступил к призыванию атлантских божеств и демонов, которых в древней Атлантиде было ничуть не меньше, чем магов.

Процедура заклинания была столь длительной и мучительной совсем не случайно: Эремиусу приходилось

перечислять все эти имена лишь для того, чтобы среди всех прочих было названо и имя того человека, или того начала, или той силы, которые и породили на свет Камни Курага. Будь это имя известно ему, и заклинание обратилось бы в простое его произнесение. Но, увы, на это он не смел и надеяться...

«Хьяр, Эспорн, Боккер».

Заклинание состояло из нескольких десятков имен, произносить которые следовало при одновременном покачивании посоха из стороны в сторону. Камень Курага летал во тьме, походя на самоцветный волшебный маятник, оставлявший за собой призрачный зеленоватый след.

«Баккер, Айда, Гезис, Эйргалф».

Эйргалф, разумеется, не имел к Атлантиде никакого отношения, однако тоже играл определенную роль в истории Сокровища. Именно он был тем ванирским вождем, к которому и попали оба Камня Курага. Сокровище ослепило его своим блеском, сулившим власть над миром, и тем самым сгубило его — ибо не с его, Эйргалфа, силами возможно было подступиться к нему.

Следующим после Эйргалфа обладателем Сокровища стал именно он — Великий Мастер Эремиус.

Зеленоватый след, оставляемый раскачивающимся посохом, внезапно распался на два гигантских овала, два огромных изумрудных глаза...

Стоило Боре покинуть дом Иврама, как он увидел прямо перед собой два чудовищных изумрудных глаза. Глаза эти смотрели на него.

Первой реакцией мальчика было бежать, предоставив жителей обреченной деревни, лежавшей далеко внизу, собственной их судьбе. Он было дернулся, но тут же совладал с собой и замер. Что скажут о нем люди? Как он сможет после этого жить?

Наверное, только сейчас Бора начал понимать, что такое смелость. Прежде она казалась ему отсутствием страха, свободой от страха. Прошло сколько-то времени, и он решил, что точнее было бы назвать ее тем, что позволяет преодолеть страх, изгнать его. И лишь теперь ему открылось истинное ее значение — подлинной смелостью можно было назвать лишь способность поступать определенным образом вопреки страху, невзирая на страх, который

при этом становился серьезным противником, а не пустяком, от которого можно было отмахнуться.

Мальчик шагнул на первую из четырех ступеней, вырезанных Иврамом на тропе, ведущей в деревню. Глаза изменили свое положение, но взгляд их был так же устремлен прямо на него. Мальчику стало казаться, что они манят его куда-то вниз.

Теперь он не бежал лишь потому, что ноги перестали слушаться его. Больше всего он походил на кролика, неверным шагом идущего прямо в пасть удаву. Логовище этого удава находилось где-то на дне ущелья.

За спиной Бора раздались негромкие шаги. В воздухе появилось что-то едкое, остротой своей походящее на перец. Мальчик почувствовал першение в горле и резь в глазах. Он остановился и, громко чихнув, принялся тереть глаза кулаками.

— Прочитайся хорошенько, Бора! — услышал мальчик голос Иврама. — Если понадобится, я повторю все еще раз.

Бора хотел было что-то ответить своему спасителю, но вместо этого разразился слезами и чохом. Когда Бора наконец пришел в себя, оказалось, что он вновь способен управлять своим телом, своими чувствами и своей волей.

— Что это ты со мною сделал, Иврам? — спросил он и тут же закашлялся.

— Ничего особенного. Я посыпал тебя Заянской Морилкой, — едва ли не отеческим голосом ответил мальчику Иврам. — Чары Взора Хахара голой волей одолеть сложно, и потому в свое время умные люди изобрели средство против них. Как ты, наверное, понимаешь, я говорю о Морилке. Посыпаешь этой самой Морилкой зачарованного или самого себя — если чары направлены против тебя, — и через несколько минут от них и следа не остается! Если же власть этих чар была нарушена хотя бы единожды, человек освобождается от них раз и навсегда.

— Как я благодарен тебе, Иврам! — воскликнул Бора. Даже в самых кошмарных своих виденьях ему не приводилось испытывать ничего более ужасного. — Но скажи мне, как мы можем помочь нашим людям? Ведь мы должны предупредить их об опасности прежде, чем демоны нападут на деревню.

— Если им понадобится Морилка, то у меня ее много. Я стал заготавливать ее с тех самых пор, как ты поведал мне о демонах.

— Так чего же мы ждем? Дай ее мне, и я пойду к людям!

— Имей терпение, мой мальчик!

— Как ты можешь говорить о терпении в этот час! С минуты на минуту Горячий Ключ может погибнуть, ты же чего-то ждешь!

— Бора, замолчи сейчас же! Я знаю, что я говорю. Во-первых, порошок этот людям сейчас не нужен — по большей части они спят, и потому чары Взора на них не действуют. Во-вторых, в деревню ты пойдешь не один — я пойду с тобой.

— Иврам! — раздался из-за распахнутой двери вопль Мариам. — Ты слишком стар для того, чтобы сражаться с демонами!

— Жизнь и смерть находятся во власти Митры, моя милая. В мире нет ни молодых, ни старых. Некогда гостеприимные люди из Горячего Ключа дали нам кров, и я чувствую себя обязанным сделать это. Ты понимаешь меня, Мариам? Обязанным!

— Но неужели за гостеприимство нужно платить жизнью?

— Почему бы и нет?

Мариам тяжело вздохнула:

— С тобой спорить — только зря время терять. Одного не пойму — неужели за все эти годы я так и не смогла узнать тебя по-настоящему?

— Любое знание относительно, Мариам, и это — тоже. Тебе же я посоветовал бы собирать вещи. Вполне возможно, что нам придется переехать в другую деревню или даже в другую страну. Будь внимательна при укладке алтаря и реликвий. И еще — не забудь взять с собой смену белья.

Бора услышал тихий вздох Мариам.

— Переезжать нам не впервой, Иврам. Я к этому уже так привыкла, что постоянно держу все наши вещи наготове. Ну, а как Бора рассказал эту историю о демонах, так я и сумки уложила.

— Спаси тебя Митра, Мариам, ты у меня прямо золото!

Установилась тишина. Бора неожиданно почувствовал себя неловко и, спрыгнув со ступеней, стал спускаться к деревне. Сердце его готово было выскочить из груди. На полпути к деревне Иврам нагнал его. Лишь теперь Бора смог рассмотреть его по-настоящему. В правой руке

жрец держал свой посох, справа же на его поясе висел короткий прямой меч, одетый в простые кожаные ножны. На плече Иврама висела кожаная дорожная сума, расшитая изображениями Митры.

— В этой сумке Морилки столько, что ею можно уберечь от чар едва ли не всю эту страну. Если у нас будет время, мы посыпем ею каждого и тем самым позволим людям хоть как-то бороться за свою жизнь. Если тот негодяй, который затеял все это...

— Якуб как-то сказал мне, что слово «если» для военного времени не подходит, — перебил жреца мальчик.

— Твой Якуб прямо мудрец! — усмехнулся Иврам. — Да вот только у нас не война, а невесть что!

Он прибавил шаг и пошел так быстро, что Бора, не смотря на всю свою молодость и ловкость, едва поспевал за ним.

Чары Взора Хахара лишили Эремиуса последних сил. Оставленные без внимания Трансформы забыли и думать о лежавшей неподалеку деревушке и посвятили все это время поеданию всадника и его кобылы и торгам из-за последних кусков, казавшихся Трансформам самыми лакомыми частями тел.

Ссора, вызванная дележом остатков добычи, в любую минуту могла закончиться дракой, и Эремиусу, несмотря на всю его усталость, вновь пришлось взять под контроль не в меру разошедшихся воинов. Тогда же отряд людей был послан им к деревне. Люди должны были стоять на тропах и вылавливать тех, кто по тем или иным причинам не попал в силки Взора Хахара. Заходить людям в деревню Эремиус строго-настрого запретил. «Если вы все же сунетесь туда, я скормлю вас своей гвардии».

Телепатические послания Эремиуса были короткими и в то же самое время достаточно содержательными. Едва он внушил вышеозначенную мысль своим рабам, как где-то неподалеку вскричала от боли одна из Трансформ. Эремиус тут же переключился на ее сознание и едва не закричал от боли: глаз Трансформы был выбит камнем — одним из тех камней, которыми осыпали Трансформу невесть откуда взявшиеся люди.

Эремиус заскрежетал зубами. Весь деревенский люд

должен быть скован чарами Хахара. Откуда здесь могли взяться эти ублюдки? Он попытался открыть свое сознание пошире, и это удалось ему едва ли не сразу. Услышанное объяснило ему все. Улицы Горячего Ключа кишели людьми, на которых чары не действовали. Судя по всему, вся деревня была обработана Заянской Морилкой. Неужели один из этих скотов каким-то таинственным образом смог прознать ее секрет? Возможно ли это вообще? Эремиус едва не разразился проклятиями в адрес богов, вспомнив о том единственном человеке, который мог раскрыть этот секрет людям.

Он собрался с мыслями. В долину проник некто, предупредивший ее жителей о надвигающемся войске неприятеля. Этот некто или один из его пособников посвящен в тайну Морилки, что может указывать на знание им — или ими — и других магических тайн и приемов. Эремиус покачал головой. Подобного развития событий он никак не ожидал.

Впрочем, это мало что меняло. Если его противники думают, что им удастся сладить с ним, то они глубоко заблуждаются, и он докажет им это в течение нескольких минут.

Разметавшись сознанием надо всею деревней, Эремиус разыскал немало сознаний, пораженных Взором Хахара. Этих людей он мог убедить в чем угодно, мало того, он мог отдать им любой приказ, исполнение которого тут же становилось для них целью всей их жизни.

Эремиус стал считать плененные души, не обращая ни малейшего внимания на свой посох. Тем временем пряди Ильяны, крепившие Камень к кольцу, зашевелились и засветились неярким рубиновым светом.

Глава двенадцатая

Из комнаты Ильяны сочился изумрудный свет. Назвать его палящим нельзя было при всем желании, и тем не менее Конану казалось, что за спиной его стоит раскаленная, дышащая жаром печь.

Подходить к двери и тем более входить вовнутрь Конан не решался — он понимал, что ему делать в комнате нечего. Магия могла вызвать у него разве что отвращение.

— Неужели ты сомневаешься в собственной храбрости? — время от времени спрашивала его Ильяна.

— Нисколько, — неизменно отвечал он ей. — Я уверен в себе так же, как и всегда. Просто мне кажется, что каждый должен заниматься своим делом. Вы — магией, я — вашей охраной...

Снизу послышались шаги. Конан насторожился, но в ту же минуту увидел поднимающегося по лестнице хозяина гостиницы.

— Ваша ведьма решила спалить мой дом? — дрожащим голосом спросил побагровевший от волнения хозяин.

— Вряд ли, — ответила за Конана Раина, успевшая за это время надеть на себя штаны и тунику.

— Вы хотите сказать, что это работают те злые чары, с которыми она борется? — вновь спросил хозяин.

— Понятия не имею.

— Митра и Эрлик, помогите покорному рабу своему! Неужели я так никогда и не узнаю, что же происходит в моем собственном доме!

— Все, что вам нужно знать, вы уже знаете.

— Остального же вам действительно не придется узнать, — добавил Конан.

Хозяин обвел их взглядом, полным ненависти и к ним, и к себе самому. Он схватился за голову и застонал:

— Мне уже все равно. Если она и не подожжет нас, то за нее это сделают наши идиоты, которые придут сюда с минуты на минуту.

Конан и Раина переглянулись.

— Если бы не ваши трусливые слуги, вам не пришлось бы так беспокоиться, — заговорила Раина. — О трудах же наших вы бы узнали лишь тогда, когда они были бы завершены. Теперь постарайтесь слушать меня повнимательнее: пока моя госпожа не покончит со своими делами, в комнату ее не войдет никто, включая и вас самих.

Она потянулась к рукояти меча, но Конан резким движением схватил ее за руку и прошептал:

— Успокойся. Этот человек предупредил нас об опасности.

— Ну и что из того? — возмутилась Раина. — Мне кажется, он мог сделать это и пораньше, когда в этом еще был смысл.

— Не спеши с выводами. — Конан повернулся к хозяйину. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы сможем

покинуть гостиницу, следуя каким-нибудь тайным ходом. Верно? Если же это так, то мы договоримся с тобой о следующем. Ты удержишь этих бандитов и покажешь нам потайной ход. Мы же, со своей стороны, обставим все это так, что они решат, будто ты был нашим пленником.

— Их здесь не будет! — рявкнул хозяин в ответ. — Одного только не могу понять — с какой это стати я должен вам помогать?

— Разве мы не твои гости? — усмехнулась Раина. — Ступай вниз и делай то, что тебе сказано. Иначе будет поздно!

— Давненько я таких грубиянов не встречал! — проворчал хозяин, направившись к лестнице. — Если повара не разбежались, мне это сделать проще простого.

Из дома послышался крик ребенка. Бора потянул дверь на себя, но тут же понял, что она заперта изнутри.

— Закар, ко мне! Попробуй отжать ее топором!

Деревенский лесоруб был первым человеком, которого мальчик освободил от чар Взора Хахара. Несколько ударами топора он сбил дверь с петель и бережно отставил ее в сторону.

Бора и Закар вошли вовнутрь. В доме этом, кроме девочки, обезумевшей от страха, не было никого. Внимание мальчика привлекла большая корзина, доверху наполненная хлебом и копченой козлятиной.

— Закар, возьми корзину с собой. Одни боги знают, когда еще нам доведется попасть в деревню.

— Я думаю, это произойдет скоро. Только вот деревня эта будет уже на том свете. Но ты знаешь, Бора, я и этого не боюсь. И с собою на тот свет я прихвачу хотя бы одного демона. Не зря же я всю жизнь этим вот топором махал!

Бора кивнул и поспешил выйти на улицу. Как ни странно, но демонов в деревне пока не было, что позволило большей части ее обитателей покинуть свои дома, прихватив самое ценное из пожитков, и направиться по западным тропам в горы. Бора, разумеется, не знал, когда же демоны пожалуют в Горячий Ключ, однако он несколько не сомневался в том, что большей части жителей деревни в любом случае так и не удастся уйти от них, ибо он уже видел, сколь быстро передвигаются эти чудища.

Бора и Закар бродили по улицам, пытаясь найти людей, которым можно было бы поручить ребенка. Деревня была почти пуста. Те немногие ее жители, что встречались на их пути, уходив из нее не собирались, ибо пуще всего боялись покидать родные стены. Людям этим не могла помочь и Морилка. В одном из переулков они увидели двух девиц возраста Карайи, ведущих под руки старика. Без лишних церемоний Бора подтолкнул к ним внезапно захныкавшую девочку и быстро зашагал прочь.

— Послушай, Бора, — обратился к нему едва нагнавший его Закар, — ведь твой дом совсем рядом. Ты мог бы зайти туда.

— Иврам пообещал первым делом побывать именно там. Мне после него там делать нечего. — Бора почувствовал, как заныло сердце. Как ему хотелось стать прежним мальчишкой, сыном Рафи!

— Именем Митры, что это? — внезапно воскликнул Закар.

На окраине деревни, там, где начинались сады, кружила пыль. В следующее мгновение из облака ее появилась сторбленная фигура, казавшаяся чудовищной карикатурой на человека. Тело чудовища светилось призрачным зеленоватым светом.

Оно легко сломило с дерева две ветви толщиной в человеческую руку и, обратив их в две дубины, двинулось по направлению к Закару и Боре.

Закар встретил чудище, выйдя на середину улицы. Удар первой дубины ему удалось отразить топором, вторая же ударила его в бок в то время, как топор его опустился на голову чудища.

Демон закачался, однако сумел устоять на ногах. Схватив дровосека поперек туловища, он поднес его к своей ужасной пасти и разорвал надвое.

Следующей его жертвой должен был стать сам Бора. У мальчика внутри все похолодело — бежать было уже поздно.

И тут он услышал тяжелые шаги. Он увидел чью-то руку, метнувшую под ноги демона глиняный пузырек с Заянской Морилкой. Это был Иврам.

— Не знаю, как она действует на те чары, которыми были созданы эти уроды, но иного оружия у меня сейчас попросту нет, — заметил жрец. — В любом случае выручить нас теперь могут разве что собственные ноги.

— Но... но ведь в деревне осталось еще...

— Тем, кто здесь остался, помочь мы уже не сможем, — пробормотал Иврам еле слышно. — Твоей родни здесь уже нет. Запомни, Бора: деревенскому люду нужен именно ты, но никак не память о тебе. Ты понимаешь?

— Будь по-твоему!

Он посмотрел на демона, что, встав на четвереньки, принохивался к неведомому дотоле запаху, и понесся прочь, пытаясь нагнать старого Иврама, бегавшего с удивительным для его лет проворством.

Пряди волос Ильяны, тихо зазвенев, разорвались. Камень Курага стал падать вниз, на камни.

Никогда еще Эремиус не произносил заклинаний так быстро. Невидимая Рука подхватила Камень на середине пути и тихо опустила его вниз.

Эремиус перевел дух. «Скорее всего, разбиться о камни магический кристалл не мог — для этого он находился слишком близко к земле», — попытался успокоить себя маг. В глубине души, однако, он был уверен в обратном: еще немного, и он потерпел бы полное и окончательное поражение.

Камень следовало поднять с земли и привязать к посоху, но теперь уже не Ильяниними, а его собственными волосами. Он нагнулся, но поднести руку к Камню не сумел — тот вдруг оказался внутри невидимой непроницаемой сферы. Эремиус попытался пробить эту сферу своим посохом, но и из этого у него ничего не вышло.

Маг хотел было повторить эту попытку, как вдруг посох сам собой вылетел из его рук, вошел внутрь Камня и исчез в его глубинах!

Эремиус продолжал стоять разинув рот, когда вдруг земля вспучилась и с оглушительным треском извергла из себя его посох, песок и камни. Эремиус, подпрыгнув, схватил свой посох и тут же попытался отвести его подальше от Камня.

Сам Камень к этому времени обратился в густую жидкость, светящуюся изумрудным светом, озаряющим собою всю округу. От слепящей лужицы помимо прочего исходил и пронзительный свист, от которого у Эремиуса сводило скулы.

Он устало вздохнул, отошел в сторону и стал рассмат-

ривать свой посох. Тот, к счастью, был таким же, как и прежде.

Он мог управлять Трансформами и при помощи своего посоха, — Камень Курага в эту минуту нужен ему не был. Эремиус вновь вздохнул и покачал головой. Ильяна связала Камни заклинанием, ставящим их в оппозицию друг другу. Тем самым в течение определенного времени своими Камнями не могли воспользоваться ни он, ни она.

Но зачем она это сделала? Может быть, она хочет уничтожить его Камень даже ценою своего собственного Сокровища? Прежде она относилась к Камням Курага совсем иначе... Неужели теперь она смирила себя настолько, что может поступиться абсолютной властью над миром ради какой-то блажи, известной миру под именем Добра? Как это глупо! Ведь тот, кто уничтожит Сокровище, не получит взамен ничего, тот же, кто завладеет им, получит все!

Эремиус остановил себя. Пора было возвращаться к делам насущным: Трансформы без его команд превращались в стадо тупых скотов, которое нельзя было оставлять без присмотра. Он собрался с мыслями и вызвал к жизни образ деревни Горячий Ключ.

Дверь комнаты Ильяны задрожала и ни с того ни с сего вновь сорвалась с петель и упала на пол. Конан и Райна едва успели отскочить в сторону, при этом северянка едва не сбила с ног поднявшегося к ним в эту самую минуту хозяина гостиницы.

Хозяин посмотрел на лежавшую на полу дверь, возвел глаза к потолку и протянул Райне тяжелую корзину со снедью.

— Здесь в основном сыр и хлеб. Повара не только сбежали, но и прихватили с собой едва ли не все мои припасы! — Хозяин сел на пол, обхватив голову руками, и горестно засопел.

Из комнаты, пошатываясь, вышла Ильяна; едва не упав в объятия Конана, она села на пол возле хозяина гостиницы, и тут взгляд ее упал на стоявшую возле Райны корзину. Нисколько не смущаясь своей наготы, она стала жадно расправляться с ее содержимым.

Конан протянул ей флягу с вином. Опорожнив ее единым махом, Ильяна вновь вернулась к своей странной

трапезе. Когда корзина опустела совершенно, она с сожалением вздохнула и поднялась на ноги.

— Киммериец, что-то я не пойму, над чем это ты смеешься?

— Не сердитесь, госпожа! Просто я никогда не видел голодных волшебниц!

Илльяна ответила ему слабой улыбкой. Раина отправилась в комнату за одеждами своей госпожи, Конан же тем временем передал пустую корзину хозяину и посмотрел на него так выразительно, что тот тут же сообразил, чего от него хотят.

— Опять?! — вскричал он. — А расплачиваться, насколько я могу понять, вы будете тогда, когда на туранский престол взойдет внук Великого Йалдиза!

Бешеный стук во входную дверь заставил хозяина замолчать. Вернув корзину Конану, он затараторил:

— Пришло время идти вниз. Не знаю, правда, как мне удастся справиться с отведенной мне ролью. Но, вы знаете, если даже я и потеряю сей любезный моему сердцу дом, я знаю, куда мне податься, — об этом я мечтал с самого детства: я прибьюсь к какому-нибудь храму и стану актером в устраиваемых для народа мистериях! Идем, идем! Времени у нас в обрез! Не далее чем час тому назад я слышал о том, что сюда должен был прибыть сам владыка Ахмай! Если это так, то мне придется...

— Ты сказал — Ахмай?

— Не я сказал, а мне сказали. В наших местах имя это известно каждому! Я слышал, что он...

— Я слышал не только это, но и многое другое! — перебил Конан. — Скажи-ка, хозяин, нет ли на твоей крыше такого местечка, с которого можно было бы увидеть весь город, оставаясь при этом незамеченным?

— Разумеется. Но вот только я никак не могу взять в толк, с какой это стати...

— Помолчи. Иначе мне придется тебя наказать.

— Если против Владыки что-то замышляется...

— Речь идет о чем-то гораздо более важном. Выбери — либо ты сохранишь верность Ахмаю и я отрублю на этом самом месте твою глупую башку, либо сию же минуту ты отведешь меня на крышу и сохранишь верность мне, тем самым сохранив и драгоценную свою голову.

Хозяин посмотрел на меч постояльца, почесал в затылке и важно кивнул.

— Сначала мы спустимся в главную залу. Оттуда же нам придется проследовать направо. Я пойду впереди и буду указывать вам путь.

Во входную дверь стучали уже ногами. Хозяин шмыгнул носом и, понуриив голову, стал спускаться вниз.

Тяжело дыша, Бора взбирался на крутой склон. Рядом с ним шли его земляки, которые выглядели куда менее утомленными, и объяснялось это прежде всего тем, что им в эту ночь не пришлось носиться по горам столько, сколько ему. Бора был молод и вынослив, но и его силы имели предел. Кто действительно не ведал усталости, так это демоны. Да, их можно было ранить или даже убить, но, несмотря на это, они казались Боре чем-то неуязвимым, чем-то сродни ураганам и камнепадам.

Бора остановился и посмотрел вниз. Порошок под действием на людей отрезвляюще: ни один из деревенских жителей не был предоставлен сам себе, старым и слабым помогали молодые и сильные, готовые отдать за ближнего собственную жизнь. Жители Горячего Ключа стали бездомными, но это только сплотило их.

Люди шли мимо него нестройной колонной. Теперь позади оставался лишь отряд добровольцев, вызвавшихся защищать своих братьев от адской напасти. Удивлению Бора не было предела, когда он увидел среди семерки этих доблестных мужей Иврама.

— Я думал, ты давно оставил нас! — воскликнул он.

— Неужели ты думаешь, что я, человек преклонных лет, хожу быстрее твоего? Ты ведь молод, Бора. Молод и глуп...

— Он сам пришел к нам, — сказал один из воинов. — Мы знали, что вы, господин, будете против этого, но он отказался и слушать нас.

— На твоём месте я бы помолчал, — проворчал Иврам. — Все объясняется просто, Кемаль. Я хочу еще разок взглянуть на этих самых демонов. Чем больше мы будем знать о них...

— Он хочет посыпать одного из демонов своим порошком и отнести его на Заставу Земана, — засмеялся воин. — Иврам, похоже, тронулся умом!

— Не надо так говорить. Если подумать, то...

— Именем Мастера! — прогремело вдруг сверху.

Из-за скалы, стоявшей над тропой, появилось четыре фигуры. Судя по тому, что они умели говорить, становилось ясно, что перед Борой и его людьми находятся не демоны, но такие же, как и они сами, люди. В руках незнакомцев поблескивали длинные клинки.

Бора присел и, подняв с земли первый попавшийся камень, вложил его в пращу. Бросок его был неточен — камень улетел далеко вперед.

Не прошло и минуты, как четверка врагов уже сражалась с отрядом, в котором на семь человек был всего один меч. Первым наземь упал воин, назвавший Иврама сумасшедшим. Превозмогая боль, он сумел схватить за ноги одного из неприятелей и вцепиться зубами ему в икру. Неприятель, явно не ожидавший этого, взвыл, и в тот же миг дубина, которую держал в своих могучих руках Кемаль, опустилась ему на голову.

Горцам терять было нечего. Они разом напали на двоих врагов: трое — на одного, трое — на другого. С первым они покончили мгновенно, второй какое-то время сопротивлялся, успев при этом ранить одного из деревенских.

Четвертый враг, что стоял поодаль, пустился в бегство, но уйти не удалось и ему: на сей раз бросок Боры был точным — камень проломил неприятелю череп.

Бора стал сворачивать пращу и вдруг услышал тихий голос, звавший его по имени.

— Бора! Бора! Забери у меня сумку с Морилкой.

— Иврам!

Жрец лежал на спине, изо рта у него текла узкая струйка крови. Бора перевел взгляд ниже и увидел, что у Иврама проломлена грудь.

— Возьми ее, прошу тебя! И... и слушай! Когда ты вернешься сюда, похорони меня по-людски. Сделай все так, как заповедали нам предки. Ты сделаешь это — я знаю... знаю...

Бора сжал руку Иврама, не зная, как помочь ему. С такой раной Иврам вряд ли мог выжить; помимо прочего, она должна была причинять ему невыносимую боль.

Жрец неожиданно улыбнулся:

— Не тревожься, Бора. Мы, слуги Митры, куда счастливее всех прочих...

Жрец принялся читать странные, непривычные для слуха иноземные стихи. В конце четвертого стиха он закашлялся и, прикусив губу, надолго замолчал. Затем он

начал читать и пятый стих, но закончить чтение ему так и не было суждено...

Бора стоял на коленях над его телом, когда вдруг ему на плечо легла рука Кемалья.

— Идем, Бора. Не стоит зря дразнить демонов.

— Я не могу оставить им его тело!

— Разве я сказал, что мы оставим его здесь?

Бора увидел, как воины, стоявшие рядом с ним, снимают с себя плащи. Кемаль хотел было последовать их примеру, но тут мальчик остановил его.

— Достаточно будет и двух плащей. Теперь скажи мне: тот конь, ржание которого мы недавно слышали, уж не Бураном ли зовется?

— Ты прав, Бора, это и есть Буран. Я собственноручно отпустил его, когда мы уходили из деревни, вот он и пошел вместе с нами.

Во всей деревне не было жеребца лучше этого. Бора поднялся на ноги.

— Слушай, Кемаль, кто-то из нас должен отправиться на Заставу Земана. Может быть, ты это и сделаешь?

— Как скажешь. Только вначале коня надо напоить.

— Митра... — начал было Бора, но тут же осекся. Этой ночью поминать имя Митры, не сумевшего защитить верного своего слугу, как-то не хотелось, тем более ему не хотелось клясться этим именем.

Конан выглянул из-за гостиничной трубы. Люди, обступившие гостиницу, держали в руках факелы, освещавшие своим пламенем всю округу. Свет их казался киммерийцу излишне ярким, — если уж он так ясно видит своих противников, то и они в любую минуту могут заметить его, пусть он и вымазал свое лицо сажей.

Толпа горожан стояла на месте; люди Ахмая пока тоже не предпринимали каких-то решительных действий. К действиям этим их следовало подтолкнуть.

Конан переполз на дальний конец крыши и прокричал:

— Все в порядке! К конюшне они подойти и не посмеют! Можно считать, что дело сделано!

Конан улыбнулся, услышав недоуменные крики в рядах воинов Ахмая:

— Кто это кричал? Сержанты, проверьте своих людей!

Переключка тут же началась. Конан помедлил несколько мгновений и голосом старого служака прокричал:

— Ха! У меня двух молодцов недостает!

Почти сразу же вслед за этим он закричал голосом капитана:

— Эти скоты горожане увели наших ребят с собой! Мечи к бою! Именем владыки Ахмая, мы им сейчас зададим перцу!

Недоумение в рядах воинов Ахмая с каждой минутой становилось все сильнее. Конан переполз на другую сторону крыши и тонким голосом проблеял:

— Эти мерзавцы хотят отбить своих колдунов! Мы ни за что не допустим этого!

Киммериец выдернул одну из черепиц и швырнул ее в ряды конников Ахмая, стоявших по другую сторону площади. В следующее мгновение один из всадников с криком вывалился из седла и рухнул наземь.

— Соблюдайте спокойствие! — заорал капитан. — Мы — ваши друзья. Мы хотим только одного...

Было уже слишком поздно. Горожане стали осыпать людей Ахмая градом камней. Всадники пришпорили своих жеребцов и направили их на беснующуюся толпу. Толпа, в свою очередь, загудела и ответила новым залпом камней. Самые отчаянные головы стали тыкать своими факелами в конские морды, отчего жеребцы принялись носиться по площади, сбрасывая своих седоков, круша на своем пути все и вся.

Конан довольно усмехнулся и, уже не таясь, скомандовал:

— Открывай ворота!

В тот же миг ворота конюшни со скрипом открылись, и из них вышли его друзья, которых вела за собою Раина.

Ильяна шла последней. Она сделала несколько шагов и вдруг замерла, глядя прямо перед собой. Конан посмотрел в ту же сторону и увидел, что улочка, до последнего времени казавшаяся пустынной, на деле полна народу. Он чертыхнулся и, не задумываясь, прыгнул на крышу сарая, а оттуда — на ворох сена у стены стояла. Жеребец, тихо заржав, подошел к нему, и в следующий миг Конан уже сидел в седле. Он вонзил каблуки в бока животного, и жеребец понес его прямо на толпу поджидавших простолюдинов. Горожане страсть как не любили колдунов, однако собственная жизнь была им дороже всего на свете, —

едва огромный жеребец с восседающим на нем чернолицым гигантом приблизился к ним, они в ужасе бросились врассыпную. Этот маневр позволил киммерийцу отвлечь внимание горожан на себя; спутники его тем временем скрылись в темном проулке и поспешно покинули городские пределы.

Конан решил немного покружить по улицам, чтобы дать своим спутникам возможность уйти подальше. Совершив сей почетный круг, он выехал из города и, остановив своего жеребца, стал поджидать преследующих его воинов. После того как его меч сокрушил трех вражеских скакунов и одного всадника, преследователи почли за лучшее отступить.

Отъехав немного в сторону, Конан спешил, чтобы дать жеребцу возможность отдохнуть и напиться воды. Сосчитав свои стрелы, киммериец отстегнул от пояса флягу с вином и, опорожнив единым глотком, отшвырнул ее в сторону. Пора было отправляться в путь.

Эремиус поднял свой посох. Серебряный набалдашник его был покрыт множественными царапинами, однако на магические свойства посоха изъяны подобного рода не влияли и посему беспокоиться магу было особенно не о чем, тем более что в другой руке он держал сияющий изумрудным светом Камень Курага. Уже светало, и потому свет Камня казался не таким ярким, как прежде.

Вспомнив о событиях прошедшей ночи, Эремиус поежился. Неужели Ильяна действительно пыталась уничтожить его Сокровище? Больше всего в этом его поражало то обстоятельство, что при этом волшебница была готова пожертвовать и своим Камнем, наделавшим ее чудовищной силой и властью над людьми. Разве можно так относиться к дарам Силы?

Эремиус попытался отвлечься от этих неприятных мыслей. В конце концов, ничего страшного не произошло: он не только сохранил свой Камень, но и захватил деревню Горячий Ключ, пусть многим из ее жителей и удалось ускользнуть. В том, что ему удастся нагнать беглецов, Эремиус ничуть не сомневался.

Эремиус поднес Камень к набалдашнику посоха. Последний засветился вдруг нестерпимо ярким пламенем, которое собралось в шар и, отделившись от посоха, стре-

мительно взмыло ввысь, заливая изумрудным сиянием подернутые утренней дымкой горы.

— Да здравствует наш Великий Мастер! — слились в здравнице голоса людей и рев Трансформ. Вершина горы дрогнула и раскололась на тысячи и тысячи камней, сошедших лавиной в соседнее ущелье.

Вот и пришел конец жилищу этого треклятого жреца!

Если Иврам жив и поныне, то он, Эремиус, позаботится о том, чтобы смерть его была такою же страшной и мучительной, как и смерть Ильяны. Не меньшим мукам следовало подвергнуть и того мальчишку, который помогал жрецу посыпать людей этим мерзостным порошком!

Если ему удастся настичь этих смутьянов, он не отдаст их Трансформам, но займется ими сам — Трансформы получают их попозже, когда жизнь уже покинет тела пленников. Он криво усмехнулся. Знали бы они, что он с ними сделает...

Камень и посох встретились вновь. В темное небо взмыло сразу три изумрудных шара, остановившихся высоко над деревней. Эремиус резко опустил посох вниз, и три изумрудные звезды камнем упали наземь.

Над деревней поднялся бурый дым — это горели камни.

Мариам подняла глаза от лица Иврама и посмотрела на восток.

— Мальчишка! — сказала она вдруг.

— Что? — еле слышно пробормотал потрясенный Бора.

— Я говорю о повелителе демонов. Он — капризный мальчишка. Если ему что-то не нравится, он ломает свои игрушки.

— Что-то я тебя не совсем понимаю, — пробурчал Бора. — О каких это игрушках ты говоришь? Уж не о нас ли?

Мальчика покачивало от усталости. И тут он почувствовал, как на плечи его легли нежные и в то же самое время сильные руки, что заставили его присесть на камень.

— Посиди немного со мной, Бора. Считай, что я пригласила тебя в гости.

Мальчик услышал звон металла и бульканье наливаемой в чашу жидкости. Прямо перед его лицом возник

кубок, доверху наполненный терпким вином. От его пряного запаха у мальчика закружилась голова.

— Это всего-навсего поссет. Пей, не бойся.

— Мне нельзя спать. Люди, которые...

— Ты должен поспать. Ты нужен людям сильным и собранным, верно?

Мариам поднесла кубок к губам мальчика и силой заставила его сделать первый глоток.

Сон сморил Бору прежде, чем он смог опорожнить хотя бы половину кубка.

Конан прибыл в назначенное место уже на заре. Раина все еще спала, Десса и Масуф лениво переругивались, Ильяна же, судя по всему, так и прождала его всю ночь, не смыкая глаз.

Она полностью восстановила силы и даже чудесным образом помолодела разом лет на десять. Легкой, словно у танцовщицы, походкой она направилась навстречу ему. От улыбки ее веяло добротой и сердечностью.

— Славно ты вчера потрудился! — сказала она. — На такое и волшебники вряд ли отважились бы!

Конан не смог сдержать улыбки.

— Спасибо тебе, Ильяна. Но не будем об этом... Лучше скажи мне, что тебе удалось разузнать о нашем приятеле Эремиусе?

— Что я тебе скажу? Он, так же как и я, во всем — или почти во всем — зависит от Камня Курага. Само по себе это уже неплохо. Прошлой ночью что-то угрожало его Камню, — это что-то со мной никак не связано.

— Если мы сможем уничтожить Камень, принадлежащий Эремиусу, мы тем самым выполним данное нам поручение, не так ли?

— Ну что ты! Так мы можем поступить только в самом крайнем случае! Камни Курага, или, иначе, Сокровище Курага, — одна из самых таинственных вещей этого мира. Обратить их в ничто, растереть их в порошок, уподобить их тем самым обыкновенным булыжникам — означает потерять все то великое и чудесное, которое они и только они могут даровать миру! Участвуй я в этом, и я чувствовала бы на себе скверну. Ты понимаешь меня?

Конан решил промолчать, ибо не был горазд работать

языком. Кто действительно чувствовал на себе скверну, так это он,— еще бы, ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он может стать помощником волшебницы! Он бросил на свою спутницу взгляд, полный подозрения. Кто знает этих колдунов: говорят, они могут преобразиться в одночасье! Единственное, что им по сердцу, это чары — чары и волшебство.

Ильяна ничуть не удивилась быстрой смене его настроения. Она испытующе посмотрела на него и тихо добавила:

— Есть на то и иная причина. Если один из Камней будет уничтожен, второй Камень станет настолько сильным, что с ним не сможет совладать ни один из живущих в этом мире людей!

— Интересно, откуда только тебе все это известно? — изумился Конан. — Тебя что, Эремиус этому выучил?

Ильяна мгновенно побледнела. Вспомнив совет Раины никогда не расспрашивать госпожу о времени, проведенном ею вместе с Эремиусом, он хотел было попросить у волшебницы прощения за свою дерзость, но она жестом руки заставила его замолчать.

— Замолчи. В отличие от многих, ты вправе спросить меня и об этом. И я должна ответить тебе. Да, я научилась этому в ту пору, когда жила с Эремиусом, но училась я этому сама. Он же намеревался учить меня совсем иным вещам, — вещам, о которых я предпочитаю не говорить.

Она передернула плечами и тут же пришла в себя.

— Куда мы должны отправиться теперь, Конан?

— Мы поедem на Заставу Земана.

— Нам придется открыться командиру. Если мы не назовемcя слугами Мишрака, представляю, каково нам придется!

— Я не вижу в этом ничего страшного. Рано или поздно нам все равно пришлось бы это сделать. Мы уже в горах, и лошадки нам теперь нужны совсем другие. Я хочу заехать на Заставу и по иной причине: там будет столько мужчин, что Десса с удовольствием расстанется с нами, чтобы поселиться там навек!

Смех Ильяны заставил Раину вскочить на ноги. Северянка озиралась по сторонам с таким глупым видом, что рассмеялся и сам киммериец.

Глава тринадцатая

Солнце уже стояло над горизонтом. С каждой минутой тени становились все длиннее, что придавало саду командующего Заставой Земана особую прелесть. За розовым кустом, посаженным одним из предшественников капитана Шамиля, стояли он сам и Якуб.

— Я не уверен в том, что ты рассказал мне все, дружище, — хмуро глянув на Якуба, буркнул Шамиль.

Якубу оставалось только всплеснуть руками. Похоже, этот дуралей может только испортить все дело.

— Почему вы считаете меня лжецом? Неужели красавица, о которой я вам сказал, не стоит этого?

— Интересно, что ты называешь красавицей, парень? Ты говоришь так, словно я уже видел ее!

Якуб не выдержал:

— Может быть, стоит напомнить тебе, кто ты и кто я? Сколько времени ты нам служишь? Ты хочешь, чтобы Мугра-Хан узнал об этом разговоре?

Шамиль, вопреки ожиданиям Якуба, повел себя довольно странно. Он криво улыбнулся и пожал плечами.

— Я все помню, можешь не сомневаться. Не я стал забывчивым, а ты. Мой первый помощник Хезаль — ставленник совсем других людей. Если меня по какой-то причине сместят с поста, командовать Заставой Земана станет именно он.

— Неужели ты боишься этой породистой болонки?

— О, ты недооцениваешь Хезаля! Больше всего он походит на волка, но уж никак не на болонку! Так считаю не только я, так же думают и воины! Они пойдут за ним хоть в огонь!

Хезаль казался со стороны фатоватым сыном знатного сановника, попавшим в это место службы единственным для того, чтобы побыстрее получить очередной чин и поскорее занять одну из придворных должностей. Однако впечатление это и в самом деле было обманчивым. Якуб надолго задумался. Чем тревожнее будут вести, тем большая армия будет снаряжена для борьбы с неприятелем и тем самым большее количество людей попадет в распоряжение правителя Хаумы. Тогда-то правитель и получит то, о чем мечтал столько лет... Если Шамиль не врет, то Застава Земана в течение неопределенного времени будет

оставаться в руках неприятеля, что само по себе не сулит ничего хорошего. И тут ему вспомнились слова отца, любившего говорить, что война — это торг, в котором ошибаются только единожды. Он кашлянул и посмотрел в глаза Шамилю.

— Можешь считать, что никакого разговора у нас не было. Я предлагаю тебе следующее: ты поможешь мне справиться с провожатыми Раины, я же пришлю ее к тебе. Идет?

— Это уже звучит иначе. Какого рода помощь нужна тебе? Люди? Оружие? Не забывай, что провожатых у нее сразу несколько.

Якуб вздохнул. Как утомило его общение с людьми, подобными Шамилю. Его избранница Карайя не похожа ни на одного из этих скотов: она совершенно честна и чиста, она — само совершенство... Не любить ее было невозможно.

Интересно, как отнесется она к нему после того, как он вернется с поля боя победителем? Простит ли она его за то, что ради победы ему пришлось прибегнуть к обману? Якуб затряс головой, пытаясь отогнать мучившую его уже не первый день мысль.

— В этом мире все можно купить за деньги. Я попытаюсь подкупить ее спутников, с тем чтобы они оставили ее и навсегда ушли из нашей страны. Если же спутники ее окажутся чересчур чопорными, мне может понадобиться помощь твоих ребят. Ты можешь дать мне хотя бы взвод?

— Договаривайся с ними сам.

— Вот и прекрасно. Главное, чтобы ты не возражал.

Якуб был готов заплатить воинам любые деньги, ибо прекрасно понимал, что уйти от смертоносного клинка Конана смогут разве что единицы. Тем самым общая сумма в любом случае должна была оказаться достаточно скромной.

План Якуба заключался в следующем. Конана необходимо было убить, Раину же следовало подарить Шамилю в качестве платы за его молчание и, быть может, содействие. Все это надлежало совершить только для того, чтобы забрать у Илльяны Камень Курага и передать его Эремиусу, который в ту же минуту становился бы не только правителем Турана, но и единовластным Владыкою Мира. В благодарность за это Эремиус должен был сделать его, Якуба,

князем или царем, во всяком случае, Якуб на это очень рассчитывал.

К тому времени, когда Якуб вернулся в отведенную для него комнату, над крепостью уже нависли сумерки. Он закрыл ставни и, не раздеваясь, лег на кровать. Где-то в вышине завывал и ярился ветер.

— Все в порядке, — услышал Конан голос Раины.

Киммериец замедлил шаг.

— Главное — никого не встретить. Я этот народ знаю: ни за что, ни про что они могут тебя и на тот свет отправить. Они даже не посмотрят на то, что ты женщина.

— Не знаю, не знаю. Честно говоря, верится мне в это с трудом.

— Странный ты человек. Эти вояки таких страстей о демонах наслушались, что для них каждый незнакомец — уже враг. Как ты этого не понимаешь?

— Хорошо, я буду внимательной! — засмеялась Раина. Она поднялась на цыпочки и одарила Конана поцелуем, который мог показаться невинным лишь со стороны. Руки киммерийца сами собой сомкнулись на ее талии, но он тут же опомнился и отшатнулся от Раины.

— Что бы ни происходило, мы должны придерживаться предписанных нам ролей, — сказал он с улыбкой. — Иначе мы можем вызвать у людей ненужные подозрения, — верно, крошка?

— Еще бы! Кто ты и кто я! — рассмеялась Раина.

— Хотел бы я знать, долго ли еще мне быть караванщиком? — все так же улыбаясь, прошептал Конан.

— По ночам ты можешь оставаться самим собой, — улыбаясь, ответила ему Раина и легонько оттолкнула киммерийца от себя.

И он, и она знали, что имя Мишрака может не только выручить их, но и навлечь на них беду. Произносить его вслух было пока рано.

В казармах, по которым шли Конан и Раина, не было ни души. Откуда-то снизу доносились звуки шумного застолья — там, внизу, находилась солдатская таверна. Киммериец и его спутница прошли мимо лестницы и подошли к комнате Раины.

Конан проверил запоры на дверях Ильяны, Дессы и Масуфа. Затем он извлек из голенища кинжал и повесил его на пояс.

— Я спущусь на пару минут вниз. Именно этого они от меня и ждут. Заодно я поболтаю с ними о демонах.

— Ты бы лучше у них о лошадках справился! После этого можешь болтать о чем угодно, даже и о демонах!

— Ты мудра, как никогда, Раина!

— И это все, что ты хочешь мне сказать?

— Сказать тебе я могу многое, женщина! Но станешь ли ты меня слушать?

Он привлек Раину к себе и, уже не таясь, поцеловал ее в губы.

На крепостных стенах не было ни души, что не могло не обрадовать Якуба. Судя по всему, капитан Шамиль убрал стражей с тем, чтобы они не помешали ему совершить визит к Раине.

Впрочем, истинные причины этого неожиданного обстоятельства Якуба особенно не интересовали: в происшедшем он видел перст божий, ясно указующий на то, что предприятие его угодно не только ему самому, но и богам.

Одетый в черное, Якуб выбрался на крышу и прикрепил к ее карнизу стальной крюк. Остальное было делом техники. Он легко заскользил вниз по веревке, проходившей мимо окна той комнаты, в которой жила Ильяна.

Посещение комнаты волшебницы могло обернуться для него каким-либо неприятным сюрпризом, но он пытался не думать об этом, полагаясь всецело на милость сил, покровительствующих ему.

Если мне удастся похитить у нее этот Камень, я буду самым счастливым человеком на свете!

Он посмотрел вниз. Заветное окно было прямо под ним.

Конан присоединился к солдатам, исполненный решимости не пить, но слушать. Вернее, пить в меру и слушать. Вино оказалось куда лучше, чем он ожидал, и потому он решил не давать себе никаких зарок, но пить ровно столько, чтобы не вызывать подозрения.

Разговоры здесь шли только о демонах. Говорили о

загадочных зеленых огнях и изумрудных зарницах, о столбах багрового дыма и прочей несуслаце.

Ничего иного защитники крепости, судя по всему, не знали, да и знать не хотели. И старые воины, и юные рекруты были настолько напуганы происходящим, что даже опасались говорить о демонах в полный голос, предпочитая шептаться по углам.

Самым интересным из того, что узнал Конан в таверне, было то, что большая часть воинов была склонна подчиняться не законному своему командиру капитану Шамилю, но некоему Хезалю, о котором все говорили с неизменным почтением.

Конан почувствовал, что он начинает пьянеть, и решил не задерживаться в таверне сверх меры. Он поднял бокал за здоровье царя и, пошатываясь, направился к своей комнате.

Едва Конан сомкнул глаза, как в коридоре поднялся невообразимый шум. Он застонал, вылил себе на голову ковш холодной воды и, прихватив с собою меч, вышел из комнаты.

В тот же миг дверь в комнату Раины распахнулась и оттуда вылетел не кто иной, как капитан Шамиль, сжимающий в руках меч. Не схвати его Конан за шиворот, и капитан врезался бы лбом в противоположную стену.

— Отпусти меня, пес киммерийский! — завопил Шамиль. — Я не к тебе пришел, а к твоей хозяйке!

Конан нахмурился.

— Слушай, приятель, я таки трахну тебя головой о стену! Подумать только — он еще будет со мной таким тоном разговаривать! А ну-ка, говори: зачем ты к ней пришел?

— Ты что, сам не понимаешь? — завопил капитан еще громче. — Только евнухи не знают, что могут делать с женщинами мужчины!

И тут Конан услышал голос Раины:

— Вот уж кто не евнух, так это он! Это вам любая женщина подтвердит, с которой ему спать доводилось, а женщин таких, я думаю, не меньше сотни наберется!

Такая характеристика пришлась Конану по душе. Он довольно икнул и тут увидел появившуюся в дверях Раину.

Она была совершенно нага — меч, который она держала в руках, одеждою считать было невозможно.

— Он не евнух, а я не шлюха, капитан! Убирайтесь прочь, и я, возможно, отнесусь к происшедшему как к досадному недоразумению. Вы слышите меня, капитан? Убирайтесь прочь! В противном случае...

— Можно подумать, что я не видел таких, как ты! Твой киммерийский ублюдок на евнуха действительно не похож, но вот о том, что ты шлюха, каких свет не видывал, я готов биться об заклад!

Конан решил, что капитан вышел за все мыслимые рамки приличия, и урезонил его, вонзив ему в плечо свой кинжал.

Шамиль завизжал и принялся проклинать киммерийцев, кинжалы, женщин, а более всего тех, кто распускает ложные слухи об их, женщин, доступности. Раине его откровения наскучили достаточно быстро. Она приставила к горлу капитана острие своего меча, после чего тому наконец пришлось замолчать.

— Слушай, приятель, неужели тебе и этого мало? — проворчал Конан. — Произошло досадное недоразумение. Ты должен извиниться и пойти...

По лестнице поднималось четверо солдат. Шума, поднимаемого ими при этом, не смогли бы произвести и слоны.

Раина вернулась в свою комнату, Конан же дозволил воинам беспрепятственно подойти к своему командиру: ему совсем не хотелось, чтобы они разбредались по всему коридору.

Не прошло и минуты, как Раина вновь показалась на пороге своей комнаты. Теперь на ней были набедренная повязка и кольчуга; в руках же у нее кроме меча был теперь и кинжал. Конан засмеялся:

— Лучше бы ты не одевалась — они пялились бы на тебя, как последние ослы!

— Ничего! Сейчас я им попляшусь!

Выбрав своей первой жертвой воина, стоявшего ближе всех к ней, Раина стала теснить его к лестнице, не выказывая при том явного желания поразить того насмерть.

Да, этой женщине отказать в уме было невозможно. Конан довольно хмыкнул и, перегородив дорогу соратникам бедолаги, с криком сверзившегося вниз, проревел:

— Ну что, мальчики? Кто первый?

Ставни легко распахнулись, и взгляду Якуба предстала спальня Ильяны.

Нагая волшебница лежала на кровати, забывшись крепким сном. На груди ее лежало то, ради чего Якуб и пришел к ней: огромный изумруд, таинственный Камень Курага, исполненный чудовищной силы. Камень этот был так же легкодоступен, как и нынешняя его хозяйка.

Впрочем, доступность эта могла оказаться и обманчивой. Якубу не раз доводилось слышать жуткие истории о волшебниках, обращавших своих неосторожных жертв в камень.

Якуб спрыгнул с подоконника и осторожно направился к кровати. Камень, показавшийся ему вначале изумрудом, больше походил на кусок зеленоватого стекла. Цепочка, к которой он крепился, была не золотой, а медной. Якуб стал рассматривать лежавшее перед ним нагое тело. Рассказы о том, что Ильяна — это толстая уродливая женщина, оказались насквозь лживыми: более прекрасных тел Якубу еще не доводилось видеть, пусть возраст уже и начинал брать свое.

Он решил не поспешить к ее комнате сразу. Сняв с пальца левой руки серебряное колечко, он положил его рядом с зеленым камнем. Колечко соскользнуло вниз и упало на ее нежный животик.

Якуб дрожащей рукой погладил ее по животу и, склонившись над Ильяной, поцеловал ее груди, сладкие, словно мед. Ильяна вздохнула во сне и положила свою тонкую руку на его ладонь. Якуб замер. Ильяна вновь вздохнула и убрала руку с живота. Якуб пятясь отошел к окну и уже через минуту взбирался по веревке на крышу.

Конан и Раина играли с воинами Шамиля, словно кошки с мышками. Через четверть часа все четыре воина были обезоружены, ранен же был только один из них, да и то легко.

К этому времени на лестнице появилась добрая дюжина набежавших откуда-то снизу воинов. Здесь были и ветераны, и новобранцы, однако всех их объединяло одно — ни один из них не был трезв. Это хмельное подкрепление решило держаться подальше от неприятеля, — обнажив мечи, воины встали у стены и придали своим лицам грозное выражение.

— Наверное, вы хотите сразить нас взглядом, — обратился ко вновь прибывшим киммериец. — А я-то думал, что это невозможно!

У парочки молодых воинов не выдержали нервы, и они бросились на Конана и Раину с мечами наперевес. В следующее мгновение мечей не было ни у одного, ни у другого.

Больше всего Конан опасался того, что Иллъяна, даже не пытаясь разобраться в происходящем, решит применить против защитников крепости какое-нибудь заклинание. В этом случае карты их тут же оказались бы раскрытыми, что придало бы всему этому делу нежелательную огласку.

Вскоре полку нападавших прибыло: снизу поднялись ветераны, с которыми Конан пил сегодня вино. Они не стали участвовать в драке и даже попытались урезонить своих соратников.

У Конана к этому времени желание сражаться пропало начисто, чего нельзя было сказать о вошедшей в раж Раине.

— Мне совсем не хочется драться с вами, ребята, — громко сказал Конан. — Единственный человек, с которым мне хотелось бы выяснить отношения, — это ваш капитан Шамиль. Он оскорбил мою госпожу.

— Неужели ты думаешь, что я не расплатился бы с ней? — возмутился капитан. — Это не в моих правилах!

— Разве речь идет об этом? С чего ты взял, что Раина станет спать с тобой?

Шамиль часто заморгал и стал на разные лады проклипать того, кто внушил ему эту мысль.

И тут снизу послышался громкий крик:

— Всем разойтись! Капитана ждут на крепостной стене! Всем разойтись!

В коридоре появились дюжий ветеран и первый помощник капитана Хезаль.

— Как вы смеете распоряжаться во вверенной мне... — закипятился было капитан, но помощник тут же перебил его:

— Капитан, вас ожидает гонец из Горячего Ключа. Он говорит, что на его деревню прошлой ночью напали демоны. Многие из его земляков погибли, однако большинству все же удалось бежать.

— Демоны, говоришь? — озадаченно спросил капитан.

— Лучше поговорите с ним сами, капитан. Я же пока попробую разобраться с тем, что произошло здесь.

Капитан Шамиль на миг задумался. В нем боролись чувство долга, ярость и хмель. Чувство долга вышло из этой схватки победителем. Капитан нетвердой походкой стал спускаться вниз по лестнице.

Хезаль отдал пару приказов, и коридор тут же опустел, — в нем остались лишь Конан, Раина и сам первый помощник. Раина тут же вернулась в свою комнату, чтобы надеть на себя что-нибудь более или менее приличное. Конан же и Хезаль решили немного побеседовать.

— Надеюсь, шума вы больше не поднимете, — предположил помощник.

— При чем здесь мы? — возмутился Конан. — Заварил всю эту кашу не кто-нибудь, а ваш...

— Меня не интересует, кто начал драку! Драк в крепости быть не должно! У меня и других забот хватает!

— Мы не доставим вам каких-то хлопот! Могу поклясться в этом честью своей госпожи!

Хезаль рассмеялся:

— Хорошо, что ты не клянешься честью той птахи, которая приехала сюда с вами! Эта девица на наших парней такими глазами смотрит, что им даже дурно делается. На вашем месте я бы держал ее взаперти — мало ли что с ней случиться может!

— Будьте покойны, уж я-то знаю, как следует поступать с ней.

— Вот и прекрасно! — С этими словами Хезаль покинул поле боя.

В ту же минуту из своей комнаты вышла облаченная в полные воинские доспехи Раина.

— Как ты мог согласиться на такой позорный мир! — сморщившись, изрекла она.

— Сегодня на что-то иное нам и не приходится рассчитывать, — ответил Конан. — А Хезаль-то оказался человеком вполне приличным! Он не поддерживает Шамиля, и это значит, что мы можем зачислить его в наши союзники.

Выслушав киммерийца, Раина едва заметно кивнула и тихо сказала:

— Разбужу-ка я Иллъяну.

— Ну а я пойду прогуляюсь к крепостным воротам. Надоело мне выслушивать рассказы о демонах от тех, кто о них слышал. Пора познакомиться и с человеком, который их видел!

Конан оказался у крепостных ворот в тот момент, когда гость из Горячего Ключа стал повторять свой рассказ. Кемаль не упустил ни одной детали: он поведал и о том, как мальчик Бора увидел демонов в одной из горных долин, и о том, как жителям деревни пришлось покинуть свои дома и спастись бегством от этих адских тварей, и о том, как погиб жрец, и еще о многом-многом другом.

— Наши люди направляются сюда: иного выхода у них нет,— сказал Кемаль напоследок.

Хотя вестнику этому, судя по всему, не было еще и восемнадцати, он уже был вполне зрелым мужчиной. Конан вспомнил о том, что пришлось пережить к этому возрасту ему самому, и удовлетворенно хмыкнул.

— Они идут сюда? У нас что — караван-сарай? — Капитан Шамиль явно был недоволен этим известием. — Если бы у нас и были свободные комнаты, я ни за что не пустил бы в них этих вонючих горцев!

Кемаль посмотрел на капитана так, что тот тут же призвал к вниманию лучников, стоявших на стене. Конан подошел поближе к горцу и встал так, чтобы того не было видно сверху. Если бы не печальная необходимость ни за что не идти на открытый конфликт с командующим, он давно бы уже выпынул Шамиля вон из крепости.

— Капитан, мне кажется, мы просто обязаны приютить у себя по крайней мере тех, кто не может защитить себя сам,— я говорю о женщинах, детях и стариках,— раздался низкий голос Хезаль. Киммериец оглянулся и с удивлением обнаружил, что недавний его собеседник каким-то чудом успел облачиться в боевые доспехи. Роскошные шлем и кольчуга Хезаля были посеребренны, однако вмятины и рубцы, покрывавшие их со всех сторон, свидетельствовали о том, что доспехи эти предназначены не только для парадов.

— Места у нас предостаточно,— продолжил Хезаль.— Не следует забывать и о том, что после того, как мы отправимся в поход, освободятся и казармы. Я полагаю, мужчины Горячего Ключа согласятся выступить в роли наших проводников, если мы станем охранять их женщин и детей,— не так ли, Кемаль? Умелых воинов у нас хоть отбавляй, а вот проводников настоящих нет.

Конан обратил внимание на то, что Хезаль не сказал ни слова о Шамиле,— так, словно тот уже не командовал крепостью. Киммериец стал смотреть на Хезаля с еще большим уважением, понимая, что имеет дело с человеком действительно незаурядным.

— Ну что? — вновь обратился Хезаль к гостю. — Согласятся ли ваши люди с такими условиями?

— Я не поставлю этих бездельников на довольствие! — неожиданно громко закричал вдруг капитан Шамиль. — Пусть идут куда угодно, но только не ко мне!

Странное поведение капитана Конан объяснил для себя тем, что тот пытается хоть как-то сорвать на других злость, вызванную неудачным посещением заезжей красавицы.

— Скажи мне, Кемаль,— спросил он у горца,— есть ли поближе к и другие бела?

— Конечно, есть! Но Бора приказал мне не заезжать в них, а скакать прямо сюда! В том, что он предупредит наших соседей о грозящей им опасности, вы можете не сомневаться! Бора, он такой — первым делом о людях думает!

— Клянусь Митрой! Я знаю, о ком он говорит! Этот самый Бора, который странным образом стал вождем собственного народа, родился в семье предателя и смутьяна Рафи! Я думаю, сынок отца своего стоит!

— Рафи повинен только в том, что он назвал ваших мародеров тем именем, которого они заслуживают! — закричал Кемаль, выхватив из-за пояса длинный нож. Шамиль хотел было подать рукой сигнал лучникам, но в тот же миг и он сам, и его противник Кемаль оказались в руках гиганта-киммерийца.

— Похоже, демоны вселились и в вас! Иначе понять происходящее невозможно. Беда уже на пороге, а вы все о чем-то друг с другом спорите!

— Прямо как дети! — поддакнул киммерийцу Хезаль. — Оставьте споры. Давайте лучше обсудим наши дальнейшие действия. Я предлагаю включить в состав наших частей лишь часть мужского населения близлежащих деревень. Остальные могут либо сопровождать своих земляков во время их перехода в Харук, либо участвовать в защите наших бастионов, если люди все-таки решат остаться здесь.

— После вчерашней ночи в Харук чужих не пустят! — проворчал Шамиль. — С другой стороны, если люди оста-

нутя у нас, то от наших запасов продовольствия не останется ровным счетом ничего! — Капитан раздраженно пожал плечами. — Поступай, как считаешь нужным, Хезаль. Кому-кому, а тебе я доверяю. Я же пока приведу в порядок свои доспехи и оружие.

Капитан, пошатываясь, побрел к казармам. Однако не успел он сделать и трех шагов, как над плацем зазвенел нежный девичий голосок:

— Капитан, дозвоьте мне помочь вам! Я видела, как вас ранили в руку, я умею врачевать такие раны!

Это была Десса, стоявшая неподалеку от Ильяны и Раины. Масуф находился в стороне и потому, никак не мог вмешаться в происходящее. Десса была одета в длинное, до пят, платье, однако Конан готов был побиться об заклад, что, кроме этого платья, на ней не было ровным счетом ничего. Шамиль, вытаращив глаза от изумления, смотрел на совершенно неведомую ему особу.

Рассмотрев ее получше, он улыбнулся:

— Если я не ошибаюсь, тебя зовут Десса, верно? Если ты на самом деле сумеешь утолить мучающую меня боль, я буду крайне благодарен тебе! Идем!

— Я сделаю для вас все, что в моих силах! — громко воскликнула Десса и, подхватив Шамиля под руку, повела его к казармам. Масуф угрюмо наблюдал за своей суженой и хотел было пойти вслед за ней, но тут Конан схватил его за руку, а Раина приставила к его животу острый нож.

— Вы — грязные сводники! — зашипел Масуф, пытаясь высвободить свою руку.

— Ты знаешь сам, что она пошла с этим ублюдком только потому, что сама захотела этого!

Конан кивнул.

— Пошевели мозгами, Масуф. Боги сотворили Дессу существом своенравным. Ты никогда не воспитаешь из нее тихую, покорную тебе во всем супругу. Если тебе нужна жена, останови свой выбор на ком-нибудь другом. Если же ты хочешь жить именно с Дессой, то приготовься к тому, что она будет делать только то, что ей нравится!

Масуф наконец освободил свою руку и принялся ругать на чем свет стоит и Конана, и Шамиля, и Раину. Вослед Дессе он, однако, решил не идти и, поворочав еще немного, отправился куда-то восвояси.

— Я бы приставил к этому молодому человеку стражника, — заметил Хезаль, ставший невольным свидетелем

этой сцены. Конан улыбнулся. Хезаль был на год младше Масуфа, но держал себя так, словно тот годился ему в сыновья. — Вам тоже не помешало бы вести себя поосторожнее. Капитан Шамиль — бабник известный. Если уж он что-то надумал, он не успокоится, пока...

— Десса успокоит его надолго! — улыбнулась Раина.

— Наверное, вы правы, — кивнул головой Хезаль. — Эта пташка удивительно похожа на Пилу!

— Ты что — знаком с Пилой? — поразился Конан.

— Если с нею знакомы и вы, то она наверняка рассказывала вам историю о молодом офицере, проведенном в ее постели целую неделю!

— Честно говоря, ничего подобного она мне никогда не рассказывала. Но, впрочем, женщины — народ скрытный...

Хезаль сделал шаг навстречу Конану и еле слышно прошептал:

— Скажите мне правду — кто вы на самом деле? Мне не хотелось бы вмешиваться в ваши дела, но...

— Что ты на это скажешь? — так же шепотом обратился Конан к Раине.

Та кивнула и, сняв с груди монетку, служившую своеобразной верительной грамотой людей Мишрака, протянула ее Хезалью. Тот тут же посерьезнел, хотя не подал и виду, что увидел нечто неожиданное.

— Теперь мне все понятно. Можете зря не волноваться — открывать вашу тайну кому-то еще я не собираюсь. Особенно это касается нашего командира. Поговаривают, что Шамиль, — впрочем, с вашего позволения, я не стану говорить и о нем... Лучше поговорим о другом. Нам сейчас очень не хватает полевых командиров, не согласились бы вы немного выручить нас, пока вы находитесь здесь?

— Какой может быть разговор, конечно, мы вам поможем! — тут же отозвался Конан, которому это однообразное путешествие стало уже приедаться.

Столб пламени, взметавшийся вверх на несколько метров, можно было окрасить в любой цвет, что определялось единственно используемым заклинанием.

Немного поразмыслив, Эремиус решил сделать пламя не только бесцветным, но и невидимым. Человек, которого бы угораздило забрести сюда, на Зимнее Становище, по-

чувствовал бы неладное лишь тогда, когда языки пламени начали бы обжигать его... Чем сильнее страх, тем надежнее власть. Жители окрестных деревень наверняка попытаются скрыться на Заставе Зэмана. Он не станет мешать им. Когда пройдет определенное время, людям все равно придется вернуться на свои земли — иначе они просто передохнут с голоду. И вот тогда — тогда он испугает их уже по-настоящему! Их страх будет питать то начало, которое заменяет Трансформам душу, так же как плоть этих презренных тварей будет питать тела его могучих воинов!

Приподняв посох над землей, Эремиус очертил им в воздухе полукруг, время от времени прерывая его движение. Из серебряного набалдашника один за другим вылетели пять изумрудных шаров, что полетели в разные концы деревни. К утру Зимнее Становище должно было превратиться в пепелище, подобное тому, что осталось на месте Горячего Ключа. То же самое Эремиус собирался проделать и с оставшимися тремя деревьями, лежавшими неподалеку.

Эремиус щелкнул пальцами и подозвал к себе человека, носившего кольцо с Камнем Курага у себя на руке и снимавшего это кольцо лишь в тех случаях, когда хозяину его, Эремиусу, необходимо было совершить ту или иную магическую процедуру, в которой без Камня обойтись было просто невозможно. Подобная осмотрительность и осторожность была не случайна. Эремиус знал, что любой магический предмет — а тем более магический кристалл — обладает собственной волей, которая зачастую выходит из-под контроля мага, что может грозить ему большими неприятностями и даже физической гибелью.

Он приказал слуге снять кольцо с Камнем с посоха и надеть его на руку. С тех самых пор, как Камень едва не упал наземь, он вел себя как-то необычно. Эремиуса смущало не только то, что цвет его изменился, ему не нравился и исходящий от него тончайший писк, который то исчезал, то появлялся вновь.

Слуга послушно надел кольцо на руку и едва ли не тут же завопил не своим голосом. Изменившись в лице, он быстро замахал руками, словно пытаясь взлететь. Попытку эту нельзя было считать совсем уж безуспешной: Эремиус с изумлением отметил, что корчащийся от боли и напряжения бедняга оторвался-таки от земли и даже смог взлететь на высоту в несколько локтей. С челове-

ком — а значит, и с Камнем — происходило нечто в высшей степени странное. Похоже, Камень таким образом хотел отомстить ему, Эремиусу, за то, что он смог подчинить его себе. Человек захрипел и рухнул наземь бездыханной аморфной массой.

Эремиус осторожно коснулся Камня посохом. Камень вновь был таким же, как и всегда. Эремиус принялся снимать кольцо с руки мертвого слуги, легонько постукивая по нему концом посоха. Когда наконец ему это удалось, он нанизал кольцо на свой посох и закрепил его прядью своих волос.

Как должен поступить воин, если его меч оживет? Если он выбросит его, то останется без оружия. Если оставит — меч будет представлять угрозу прежде всего для него самого.

Эремиус тяжело вздохнул и решил, что ему следует немного передохнуть.

Конан закончил сборы только к утру. Он положил на последнего мула, выюки с хлебом и вяленым мясом и отправил его в загон, находившийся за северными воротами.

Вернувшись в казармы, он тут же поспешил в таверну, чтобы пропустить пару стаканчиков вина и побаловаться напоследок жарким. Выпив второй стакан, он вдруг загрустил. Всего пару лет назад он не взял бы с собой ни этих мулов, ни этой поклажи. Тогда к подобным вещам он относился куда проще...

Илльяна появилась перед ним так неожиданно, что он связал ее появление с волшебством. Заметив его изумление, она засмеялась.

— Не пугайся, Конан. К магии я прибегаю лишь в самых крайних случаях. Лучше скажи мне: не видел ли ты сегодня человека, который был бы явно не в себе? Шамиля из общего числа можешь исключить.

— Ха! За меня это сделала Десса! — Конан, нахмурился, задумался. — Ты знаешь, Илльяна, наверное, я не смогу сказать тебе ничего определенного. Я был достаточно занят для того, чтобы глазеть по сторонам.

— Все ясно. У Раины об этом я уже спрашивала, она ответила мне примерно то же самое. Осталось задать тот же вопрос Хезалю.

Конан почувствовал, что волшебница хочет сказать ему нечто важное. Судя по тому, что та никак не решалась заговорить с ним вновь, речь шла о чем-то из ряда вон выходящем.

— Ты был прав, когда говорил, что мы должны держать ухо востро. Этой ночью кто-то проник в мою комнату и попытался похитить мой Камень.

— Странное дело — ни я, ни Райна ничего не слышали!

— Ничего странного в этом нет. Я наложила на Камень заклинание, заставляющее домогающихся его забывать не только о нем, но и о многом другом. Человек, пытавшийся похитить его, должен быть какое-то время не в себе. Кстати говоря, это колечко — одно из доказательств того, что чары не подвели меня и на сей раз, — похититель почему-то решил подарить его мне!

Она поднесла к лицу киммерийца небольшое серебряное колечко. Конан, не раздумывая, отрицательно покачал головой: видеть это кольцо прежде ему не доводилось.

— Что у тебя за чары! — усмехнулся он. — Нет бы они обращали вора в камень или лишали бы его жизни! Неужели ты на это не способна?

— Ох, Конан, Конан, когда ты только поумнееешь! Людям лучше не знать о том, кто я на деле, иначе мы не оберемся неприятностей. Об этом не должен знать даже Хезаль!

— Уж я-то это понимаю! Но ты знаешь, Илльяна, мне почему-то начинает казаться, что этот парень раскусил и тебя! Давненько я не встречал таких умников, как он!

— Вы друг друга стоите, Конан. Если он действительно умен, он мешать нам не станет.

В ответ Конан только улыбнулся. Он понимал, что многое так и не было сказано, однако с него было достаточно и услышанного, — лучше уж чего-то не знать, чем знать слишком много.

— Откровенно говоря, заклинание должно было, помимо прочего, запечатлеть на Камне лицо вора.

— Ты хочешь сказать, что этого не произошло?

Илльяна покраснела.

— Да. Почему этого не случилось, я не знаю. Кто знает, может быть, этого не захотел сам Камень.

Конан кашлянул и, налив в кубок вина, одним махом опорожнил его и тут же наполнил вновь. На этот раз он протянул его Илльяне.

Замешательство волшебницы было недолгим. Она благодарно кивнула киммерийцу и, приняв от него кубок, сделала несколько глотков.

Щеки ее тут же зарделись румянцем. Конан поставил бутылку на стол и тяжело вздохнул. Вот оно, оказывается, как. Камень-то этот еще и с норовом.

Глава пятнадцатая

Где-то позади заплакал ребенок. «Не та ли это девочка, которую бросили в доме родители?» — подумал было Бора, но тут же попытался отмахнуться от этой мысли. Он уже слишком устал для того, чтобы думать о чем-то подобном.

Ноги повиновались ему с трудом, но не идти ему было нельзя, ибо за ним шла вся деревня. А как хотелось присесть ему на камень и оставаться там до той поры, пока мимо него не пройдет эта бесконечная вереница людей! Он порывался сделать это уже несколько раз, но каждый раз его останавливала мысль о том, что земляки его сочтут такой поступок проявлением слабости и незрелости.

Начинало светать, однако идти по горной тропе все еще было непросто: камни сливались в неясную темную массу, каждую минуту грозившую уйти из-под ног, обернувшись рывиной или колдобиной. Останавливаться тем не менее они не могли. С приходом ночи хозяин демонов должен был вновь выпустить своих страшных слуг на охоту. Скорее всего, они шли по следу людей и сейчас.

— Стой на месте! Иначе не сносить тебе головы! — раздалось впереди.

Бора поднял голову, но увидел только лучника, высланного вперед. На всякий случай он снял с пояса пращу и тут вдруг услышал на удивление знакомый голос:

— Это я — Кемаль. Со мной солдаты с Заставы Земана. Можете не волноваться.

Горы огласились радостными криками селян, мгновенно забывших о своей усталости. Бора, будь на то его воля, затанцевал бы от радости, но нынешнее положение обязывало вести себя иначе. Он важно приблизился к Кемалю, восседавшему на незнакомом мальчику жеребце.

— Куда ты подевал Бурана? — спросил Бора.

— Он остался в крепости. Капитан Конан пожалел нашу лошадку и отправил ее в конюшню. Меня же он снабдил этим красавцем!

Бора перевел взгляд на спутников Кемаля — дюжего черноволосого детину и изящную женщину, одетую в боевые доспехи. Судя по звукам, доносившимся из-за их спин, за ними следовал целый полк пеших солдат.

Бора вздохнул и, собравшись с силами, произнес:

— Благодарю вас, капитан Конан!

Черноволосый великан по-кошачьи легко спрыгнул с коня и посмотрел в глаза мальчику.

— Благодарить меня будешь тогда, когда мы покинем эту гору. Смогут ли твои люди пройти хотя бы милю? Сколько в твоём отряде воинов? Остался ли кто-нибудь на тропе?

— Я...

— Оставь свое «я» при себе, парень! Если уж ты взялся командовать людьми, то кому, как не тебе, знать ответы на эти вопросы?

— Конан, не надо так! — обратилась к своему спутнику женщина. — Это его первая битва, да и бился он не с людьми, а с самыми настоящими демонами! Ты разговариваешь с этим молодым человеком так, как Хаджар с провинившимся новобранцем!

Несмотря на сумерки, Бора заметил, с каким вожделением и любовью смотрит на своего спутника незнакомка. Мальчик был крайне тронут тем, что она решила заступиться за него, и едва не стал благодарить ее вслух. Капитан Конан был старше него самого лет на пять-шесть, однако Боре он казался едва ли не ровесником его отца.

— Я думаю, до реки мои люди дойти смогут, — важно ответствовал Бора. — Запасы воды у нас кончились. Провианта у нас тоже нет. На последний же ваш вопрос могу пока ответить только так: на закате все наши люди были с нами. Какое-то оружие есть у сорока человек, — среди них и мужчины, и женщины. По-настоящему же вооружена только дюжина: у этих имеются и мечи, и луки.

Конан удовлетворенно кивнул:

— Прекрасно. Если, как ты говоришь, все твои люди здесь, нам не придется посылать в горы наших людей. Теперь ответь и на такой вопрос: что делается для спасения людей, живущих в соседних деревнях?

— Как?! Их тоже надо спасать?

— Ну а как же ты думал, мальчик?

Бора потупил глаза и густо покраснел.

— Возьми! — Женщина протянула ему флягу с водой, от которой пахло неизвестными мальчику благоуханными травами. Стоило Боре сделать всего пару глотков, как голова его прояснилась.

— Да хранят вас боги, госпожа!

— Нашел, кого госпожой называть! Меня зовут Раина — просто Раина. Что до задевших тебя слов моего друга, то они совершенно справедливы. Мы должны подумать и об остальных.

То ли вода во фляге была необычной, то ли во всем были повинны травы, но мальчик ощутил вдруг чрезвычайный подъем сил.

— Я послал гонцов во все окрестные деревни. Трое вернулись, трое — нет.

— Все понятно, — с нетерпением в голосе произнес капитан. — Ну а что ты скажешь о демонах?

— Они сожгли нашу деревню дотла. Мы видели с тропы дым. Преследовать же нас они почему-то не стали. Что касается наших соседей, живущих поблизости, то они оказались в куда более сложном положении: мы покинули свою деревню намного раньше, чем это смогли сделать они. Можно только гадать, что могло приключиться с ними за это время.

— Помимо прочего, они могли и не поверить твоим гонцам, — с горькой усмешкой на устах пробормотал Конан. С минуту он стоял молча, затем улыбка его заметно потеплела, и он вновь обратился к мальчику: — А ты молодец, Бора. Признаться, я и не ожидал от тебя такой прыти! Твой отец вправе гордиться тобой!

— Вы не смогли бы замолвить словечко за моего отца Рафи? Наш плотник Якуб обещался сделать это, когда отправлялся в Аграпур, да его самого что-то след простыл.

— И в чем же твой отец повинен?

Бора вкратце рассказал историю злоключений своего отца. Киммериец слушал его, покачивая головой и то и дело поглядывая на Раину.

— Знал бы ты, мальчик, что говорил о твоём отце командующий той крепостью, к которой мы теперь и направимся! — сказала Раина. — Верхом-то ты скакать умеешь?

Бора едва не выпалил в ответ: «Конечно!», но ответил почему-то жеманным:

— Все зависит от лошади!

— Тогда Росинка будет тебе как раз впору. Навести своих людей и скажи им, что идти предстоит еще мило-другую. Мы будем ждать тебя здесь; когда же все люди пройдут, мы поведем в арьергарде, — так будет надежнее.

— Вы можете присоединиться к нашим защитникам прямо сейчас — они и так замыкают собой наш отряд, — сказал мальчик.

Киммериец обратился к нему свои небесно-голубые глаза и, стараясь говорить медленно, изрек:

— Тропа слишком узка для того, чтобы на ней можно было разойтись. Если ты хочешь, чтобы наши кони потоптали твоих людей, тогда так и говори. Мы же...

— Простите меня, капитан. Это действительно моя первая битва. Я не знаю и поныне, почему боги выбрали для этого меня, но...

— Возможно, в свое время ты и узнаешь об этом, сейчас же тебе следует думать совсем о другом. Ты готов?

Мальчик потянулся и тут же почувствовал, что поездка верхом, скорее всего, не утомит его, но, напротив, ободрит, позволив размять окостеневшие члены и согреться.

Он взялся за поводья и хотел было запрыгнуть в седло, но тут раздался ужасающий крик, заставивший его застыть. Это был предсмертный крик десятков людей, сплетающийся с адским ревом демонов.

Бора прикусил губу так, что из нее стала сочиться кровь.

На фоне сереющего неба темные фигуры Конана и Райны казались ему статуями, охраняющими храмовые врата. Когда они заговорили, голоса их исполнились еще большего достоинства и уверенности, чем прежде. Страхи Бора мгновенно улетучились. Вовремя же боги послали ему навстречу этих людей!

— Скорее всего, демоны напали на одну из соседних деревень, — предположил Конан. — С другой стороны, все это может происходить очень далеко отсюда, но кому-то очень хочется испугать нас, создавая иллюзию того, что ужас этот творится где-то совсем рядом. У Райны есть подруга, которая умеет делать то же самое, — верно, Райна?

— Оставь, Конан. Бора, мне очень жаль, но коня своего мне придется забрать.

В следующее мгновение Райна уже скакала где-то внизу.

— Бора, — прошептал Конан. — Сведи своих людей с тропы. Пусть на ней останутся только те двенадцать.

Две крупные Трансформы никак не могли поделить изуродованный труп. Они то начинали кружить друг возле друга, то пытались, застав противника врасплох, ударить его по голове чем-нибудь тяжелым. Эремиус лениво наблюдал за этой странной сценой, пытаясь сохранять нейтралитет. Алчность и тупость Трансформ чрезвычайно раздражали его, пусть благодаря именно этим качествам они и становились отменными рабами. Скотству этому не было видно ни конца ни края...

И тут маг увидел одного из охранников, зачем-то направившегося к рычащим разъяренным Трансформам. Неужели этот идиот решил разнять их? Зачем ему это?

Ответа на свой вопрос Эремиус не смог бы получить при всем желании: одна из Трансформ неожиданно ослабилась и ударом руки снесла человеку полчерепа.

Спор тут же закончился. Одна из Трансформ стала пожирать недавнее «яблоко раздора», вторая — занялась новою жертвой.

Эремиуса передернуло от отвращения. И это его сподвижники...

Трансформы по большей части объелись настолько, что ходить уже не могли. Теперь у них было только одно желание — спать. Они расположились по порушенной деревне парами и тройками, пытаясь найти более или менее укромные местечки.

Эремиус перевел взгляд на Камень Курага, лежавший перед ним на земле. Пользоваться им часто он теперь побаивался. Единственным волшебством, совершенным в эту ночь с его помощью, была трансляция криков, оглашавших Тихую Заводь, на все окрестные тропы.

С каждой минутой небо становилось все светлее. Теперь уже он видел кружащих прямо у него над головою огромных стервятников, таинственным образом прознавших о происшедшем в эту ночь смертоубийстве.

Эремиус зевнул и произнес заклинание, позволявшее

ему в течение какого-то времени не думать о Камне. Спать хотелось не только Трансформам,— спать хотелось и ему.

Глава шестнадцатая

Конан снял с плеча лук и вытянул стрелу из колчана. Целью его был один из грифов, лакомившийся человеческими останками. Бурые напасты из запекшейся крови на груди стервятника говорили о том, что трапеза его началась не сегодня.

Тетива туранского лука зазвенела, и стрела со свистом устремилась к цели. Гриф издал трубный крик и, забив крылами, упал набок. Собраты его повернули к нему головы, но трапезы своей так и не прервали. Взлететь они в любом случае уже не смогли бы,— слишком уж роскошным для этого был их сегодняшний обед, слишком уж полны были их хищные утробы.

Конана передернуло от омерзения — с каким удовольствием он выпустил бы в этих падалыщиков все свои стрелы! Сколь странным казалось ему теперь название этой деревни — Тихая Заводь... Он затряс головой, пытаясь унять вспыхнувший вдруг гнев. Его следовало оставить до той поры, пока он не доберется до истинных виновников, для них же надлежало приберечь и стрелы.

Из-за камня раздались странные булькающие звуки. Это тошнило Бору. Послышались и другие звуки — неспешные и тяжелые шаги... Конан было насторожился, но тут же вздохнул с облегчением, увидев, что из-за скалы вышел не кто иной, как Хезаль.

— Твоя госпожа Илльяна сообщила мне о том, что это — дело рук демонов. Она что — э-э-э,— волшебница?

О чем Конану не хотелось говорить, так это о магических талантах его спутницы. Хезаль был настолько проницательным человеком, что обман в данном случае мог лишь ухудшить его отношение к ним.

— Ты посмотри получше — неужто этого и так не видно? Собери сюда всех вендийских тигров, и они не сделают и половины того, что ты видишь. Что до твоего вопроса, то я вынужден ответить на него так: да, моя госпожа кое-что может.

— Честно говоря, меня это особенно не удивляет,— сказал Хезаль в ответ.— Я вот о чем сейчас подумал: мы отведем Илльяне место в середине колонны — там она будет чувствовать себя в сравнительной безопасности. Раине тоже лучше быть где-то рядом с нею.

— Скажи мне, Хезаль, а как чувствует себя после той ночи Шамиль? Или тогда у него было временное помрачение?

Хезаль нахмурился.

— Если бы мой отец был жив и поныне, я давно бы навел здесь порядок. Сделать это, опираясь только на собственные силы, не так-то просто...

— Как звали твоего отца?

— Правитель Альбрас.

— Вот те раз, а я и не знал!

Альбрас был одним из правителей; в народе его считали человеком великого ума и редкостного благородства. Всю свою жизнь он служил верой и правдой Туранскому царству, побывав и в солдатах, и в дипломатах, и в правителях. Поживи он немного подольше, и Конану вряд ли пришлось бы рисковать жизнью, борясь с Послушниками Культа Судьбы,— при Альбрассе появление их в Туранском царстве было бы вряд ли возможно.

— Отец твой был великим человеком,— добавил Конан.— Я смотрю, ты тоже отстаивать от него не намерен.

— Главное сейчас — пережить эту ночь. Если я и останусь в живых, то благодарить за это буду не кого-нибудь, но самого Мекрети. В бытность солдатом мой отец учился именно у него. Свой боевой опыт он, соответственно, передал мне.

Конан уважительно кивнул. Мекрети был легендой не только для таких, как он, но даже и для великих, уважаемых всеми воителей, наподобие капитана Хаджара. Не погибни Мекрети в бою с гирканцами, и он стал бы командующим всей туранской армии.

Взглянув еще раз на усеянное костями поле, Конан зашел за валун, чтобы привести в чувство мальчика. К его удивлению, тот был здесь не один: рядом с ним стоял незнакомый киммерийцу человек, которого он видел в крепости не далее чем прошедшей ночью.

— Бора...

— Меня зовут Якуб,— сказал молодой человек.— Чем могу служить вам, капитан?

— Если Бора уже...

— До следующего обеда этого со мною уже не произойдет! — слабо улыбнувшись, сказал мальчик. — Обедать же мы, насколько я понимаю, будем ох как не скоро!

— Стало быть, тебе пришло время вернуться к своим людям. Их охраняет пара дюжин наших ребят. Все остальные готовятся к бою с демонами.

— Почему же я не могу остаться с вами? Неужели вы считаете меня слишком молодым для того, чтобы встречаться с противником лицом к лицу? Да мне...

— Приказы не обсуждаются! — отрезал Хезаль.

Мальчик хотел было сказать еще что-то, но Хезаль сурово посмотрел на него и, потрепав по плечу, заметил:

— Мой юный друг, если ты будешь спорить со мной, ты тем самым примкнешь к многочисленной армии моих противников, возглавляемой капитаном Шамилем. Ты хочешь этого? Пойми, любая потеря может обернуться для нас поражением!

— Я не хотел и не хочу ничего дурного, — пробормотал Бора.

— Что вы прикажете мне, мой капитан? — обратился к Хезалю Якуб.

— Об этом тебе могу сказать и я, — вмешался Бора. — Если это не покажется тебе слишком позорным, я попрошу тебя отправиться на охрану женщин и детей. Присмотри и за моими...

— Я понял тебя. С большим удовольствием я пошел бы за капитаном, но не выполнить твоей просьбы я не могу, — вяло пробормотал Якуб и, развернувшись, скрылся во мгле.

Конан проследил за ним взглядом. Словам Якуба он почему-то не поверил и потому решил припомнить, где же все-таки он его видел.

Ему ясно представилось лицо Якуба, задумчиво бредущего вдоль крепостной стены. Это было ранним утром, незадолго до того, как Ильяна обратилась к нему со своим странным вопросом.

Может быть, именно этот человек и побывал у нее ночью? Разве не странным показалось ему тогда его лицо?

Конан решил не гадать попусту, пусть при этом он и вспомнил еще об одном странном обстоятельстве тогдашней утренней встречи: лицо Якуба в то утро было чем-то перепачкано — чем-то, походившим на сажу...

Интересным ему показался и профиль Якуба — он

живо напомнил киммерийцу профиль его любимого Хаджара: тот же нос, тот же подбородок... Может быть, Хаджар и Якуб действительно состоят в родстве?

В эту минуту к ним подъехал всадник.

— Капитан Хезаль, мы встретили людей из Шести Вязов. Мужчины этой деревни хотят примкнуть к нашему войску. — Всадник хотел сказать что-то еще, но тут взгляд его упал на пепелище, усеянное человеческими останками.

— Капитан Шамиль настроен так же, как и прежде? — спросил у ошарашенного всадника Хезаль.

— Да, капитан, так же, если не хуже.

— Похоже, капитан Конан, мы уже не вправе сидеть сложа руки. Пора браться за дело.

Конан согласно кивнул. Якуб особой опасности не представлял — с ним можно было разобраться и позднее. С Шамилем же следовало покончить именно сейчас.

Якуб не знал, куда ему деться от пронзительного взгляда киммерийца. Он развернулся и отправился прочь, едва сдерживая себя от того, чтобы не перейти на бег.

Когда его и киммерийца разделяло уже порядочное расстояние, он все же побежал, проклиная на бегу и незваных гостей, и самого Бору.

Стражи молча пропустили его в лагерь беженцев, и он направился напрямик к палатке семьи Боры.

— Приветствую вас, матушка Мериса!

— А где же Бора?

— Он остался с солдатами. Вместе с рекрутами из вашей деревни он отправится на Заставу...

— О боги! Неужели вам мало того, что вы забрали у меня Ариму и едва не сделали того же с моим супругом? Что будет с нами, если мы останемся и без Боры?

Мериса прижала к себе двух младших детей и, смертельно побледнев, замерла. Якуб хотел было узнать у нее о том, где находится Карайя, но тут она сама вошла в палатку. На плече она держала бурдюк с водой.

— Якуб! — воскликнула Карайя и бросилась к своему возлюбленному, забыв и думать о бурдюке, который непременно бы разорвался, не успей его подхватить ее матушка.

Мериса наблюдала за молодыми, оставаясь внешне бесстрастной. Если же он вернет ей Рафи...

— Якуб, но где же Бора?

— Твой брат так привязался к солдатам, которые забрали его отца, что о родных своих совсем позабыл, — проворчала Мериса.

Якуб кивнул.

— Мы бросили монетку, и идти выпало не мне, а ему.

Якуб надеялся на то, что ложь эта сойдет ему с рук. Мало ли, что он может говорить родным Карайи, — разве это как-то меняет его к ним отношение?

— Хорошенькое дело, — возмутилась Карайя. — Того гляди, они и меня в свое войско забреют, — бросили монетку, и все дела!

Якуб поцеловал Карайю и поблагодарил богов за то, что они даровали ему этот прекрасный цветок.

Эремиус поднял и посох, и кольцо с Камнем, боясь, что разведчик наедет прямо на него. Тот резко дернул поводья, и лошадь, пронзительно заржав и поднявшись на дыбы, тут же остановилась как вкопанная.

Волшебник сплюнул наземь.

— Хорошо же ты скачешь верхом! Я подумаю, подумаю, да и отдам на съедение Трансформам и тебя самого, и твою лошадь.

Разведчик побледнел и укрыв свое лицо за давно нечесанной гривой коня. Животное, начинавшее приходить в себя, тихонько заржало.

Направив посох прямо в нос разведчику, Эремиус сердито зашипел:

— Может быть, ты все-таки расскажешь мне о том, что ты видел? Я ведь тебя посылал вовсе не для того, чтобы ты моих лошадей гробил.

— Конечно, конечно, мой Мастер. На нас идут солдаты. Солдаты и мужчины, сумевшие сбежать из окрестных деревень.

— Сколько же их?

— Много. Я даже сосчитать их не мог.

— Наверное, тебе этого не слишком-то и хотелось...

— Я... Мастер... Нет, нет...

Камень ожил, залил склон ослепительным изумрудным светом. Завизжав, разведчик прижал руки к глазам. Движение это было столь резким, что он потерял равновесие и, вывалившись из седла, сверзился прямо под ноги Эремиусу.

Маг с интересом рассматривал извивающегося у его ног человека, убежденного в том, что он ослеп навсегда. До последнего времени Эремиус был уверен в том, что кони, добытые ими в одной из деревень и сохранявшиеся от того, чтобы их не сожрали Трансформы, рано или поздно сослужат им добрую службу; теперь же былой уверенности у него не было... Прибегать к Камню было небезопасно, но зато Трансформы, управляемые с его помощью, не только превосходили коней в скорости, но и были куда умнее всадников, — ибо действия их определялись не кем-либо еще, но им самим.

И когда только он сможет обходиться без людского войска? Мало того что люди тупы и неэффективны — они постоянно нуждаются в одном, то в другом...

Подняв разведчика на ноги, он строго спросил:

— И все же — сколько их там было? Больше тысячи или меньше?

— Меньше.

— Теперь скажи — где же ты их видел?

— Они поднимались по Соленой Пади.

Эремиус пытался задавать разведчику и другие вопросы, но тот, судя по всему, был слишком потрясен внезапной потерей зрения, для того чтобы думать о чем-то еще. Эремиус вздохнул и внятно прошептал:

— Моею волей да вернется к нему зрение!

Человек убрал руки от глаз и, потрясенно рухнув на колени пред своим господином, стал целовать нижнюю полу его одеяний. Подобные изъявления преданности и любви со стороны простых людей продолжали трогать Эремиуса и поныне. Конечно, он предпочел бы, чтобы перед ним пресмыкался не какой-нибудь жалкий человечиска, но красавица Ильяна, но, памятуя о том, что лучшее — враг хорошего, он умел радоваться и такой малости, как эта...

Вдоволь натешившись, Эремиус позволил человеку подняться на ноги и удалиться. Оставшись в одиночестве, он сосредоточился и вызвал в сознании образ окрестных гор. Он хотел не просто рассеять тех, что дерзнули выступить против него, он хотел уничтожить всех людей до единого.

Справиться с этой задачей сложно было и Трансформам, ибо и они, к сожалению, были уязвимы... Помимо прочего, в дело могла вмешаться злокозненная Ильяна

или даже неожиданно изменившаяся воля своенравного Камня...

Лучшей тактикой при таком раскладе было совместное движение Трансформ единым плотным строем. Главное при этом — не ошибиться в выборе направления атаки...

Встав на колени, Бора опустил бутылку в ручей. И тут он услышал знакомые голоса. Не поднимаясь с земли, он пополз по направлению к ним.

Уже через минуту он понял, что разговор этот — вернее, этот спор — для его ушей не предназначался. В нем принимали участие госпожа Ильяна, Шамиль и Хезаль.

— Моя госпожа, если вы так уверены в том, что на нас идут демоны, то почему вы не используете против них свои магические силы? — спросил Шамиль у Ильяны.

— Я трезво оцениваю свои способности. Совладать с ними мне все равно не удалось бы.

Бора почему-то сразу понял, что Ильяна говорит не совсем искренне.

— Что же вы тогда за колдунья? — усмехнулся Шамиль. — Вы знаете, есть такая поговорка: не так страшен черт, как его малюют. Может статься, эти самые демоны и супротив самого обычного колдовства не устоят. Может быть, вам достаточно будет станцевать перед ними, а?

Боре очень хотелось, чтобы Ильяна превратила Шамиля в свинью, но она почему-то этого делать не стала, хотя, судя по выражению ее лица, страстно того желала.

— Капитан, — вмешался в разговор Хезаль, — в любом случае госпоже Ильяне нужен покой. Либо я предоставлю в ее распоряжение взвод своих солдат, либо капитан Конан отберет часть деревенских и...

Шамиль грязно выругался и сплонул.

— Этот сброд разбежится в одну минуту. Что до моих ребят, то я не дам ни одного человека. В конце концов, мы и не обязаны это делать. Как и обычно, мы выставим стражу и разожжем костры. Если же вы совершите хоть что-нибудь без моего разрешения, я тут же отправлю вас в тюрьму. В первую очередь это относится к вам, Хезаль!

— Так точно, капитан!

Шамиль и Хезаль ушли. Бора хотел уже отползти в сторону, как тут послышались новые голоса. У костра появились Конан и Раина, одетая в короткие легкие штанишки, наподобие тех, которые носят матросы. Только теперь Бора заметил, что в глазах Ильяны, безучастно сидевшей в костра, поблескивают слезы. Заметив своих товарищей, она поднялась на ноги и подала им руки — одну Конану, другую Раине.

— Неужели с ним ничего нельзя поделать? — спросила она.

— Будем надеяться на то, что с появлением демонов он уже не вспомнит о нас, — сказал Конан. — Не будем забывать и о том, что возможно призвать солдат к мятежу. Само по себе это скверно, но еще хуже будет, если мятеж поднимем не мы, а Хезаль. В эту минуту мы должны быть едины, как никогда!

— Мне кажется, что Хаджар вряд ли мог научить тебя...

— Довольно! — неожиданно резко перебил свою госпожу киммериец.

Она на миг опешила, но тут же, потупив глаза, прошептала:

— Извини меня, Конан. У меня не выдержали нервы. Если тебе доводилось оказываться в безысходных ситуациях, ты должен будешь понять меня...

— Я оказывался в них куда чаще, чем вы, госпожа. И я знаю, что по-настоящему безвыходных ситуаций нет. Неужели вам так не нравится идея мятежа?

— Я восприму его как должное. Ну, а теперь мне хотелось бы немного поспать.

— Как? Разве вы не пойдете в свою палатку? — удивилась Раина.

— Я думаю, теперь идти туда мне не стоит. Она будет скорее ловушкой, чем прибежищем.

— Хорошо, что нас никто не слышит, — сказал, озираясь, Конан.

Разговор продолжился, но ничего интересного Бора уже не услышал. Он спустился пониже по течению ручья, перешел его вброд и поспешил к лагерю, в котором стояли палатки его односельчан. Теперь под его началом были только жители Горячего Ключа; мужчины из Шести Вязов были отданы в распоряжение Гелека.

Благополучно добравшись до своей палатки, Бора забрался под одеяло и попытался уснуть.

Конан спал (если только это можно было назвать сном) очень недолго. Поднявшись с жесткого ложа, он тут же покинул палатку и направился проверять караульных. К удивлению его, те не спали: то ли им не давали уснуть духи их погибших товарищей, то ли Хезаль сумел за день навести здесь такую дисциплину, о которой Шамиль не мог и мечтать.

Сделав круг по лагерю, Конан столкнулся с Хезалем, так же, как и он, проверявшим посты. Тот рассмеялся, но особой веселости в голосе его не было, — слова Иль-яны не шли у него из головы. Невесело было и Конану — повсюду ему мерещились невидимые соглядатаи и бесплотные духи, алчущие человеческих душ.

— Я предлагаю делать обход вместе, — сказал Хезаль. — Люди, которые увидят нас, поймут, что мы на одной стороне — ты и я. Шамиля в их число я не включаю.

— Я полагаю, твоя подруга Десса должна была научить его уму-разуму!

— С чего ты взял, что она моя подруга?

— Ну а разве на врага смотрят так, как она смотрит на тебя?

— Капитан! — раздалось из-за костра. — Мы видели, как что-то двигалось по гребню той горы.

Конан присмотрелся и увидел солдата, указывавшего куда-то вверх своим мечом.

Он отошел от огня и, подождав, когда глаза его привыкнут к темноте, устремил взгляд в ту же сторону. На гребне горы, возвышавшейся к югу от лагеря, на самом деле что-то темнело. Это что-то находилось в беспрестанном движении.

Киммериец извлек свой меч из ножен. Хезаль положил ему на плечо руку.

— Конан, ты можешь понадобиться нам здесь.

— К тому времени не будет ни меня, ни вас, дружище!

Киммериец сбросил с плеча руку Хезаля и, отстранив его, направился к горе.

Эремиус сидел, скрестив ноги, на огромном валуне. Воинство Трансформ находилось на противоположном кон-

це долины, но он видел своих воинов так ясно, словно они были где-то рядом. Трансформы крались по крутому склону, готовые в любую минуту камнем упасть на головы ничего не подозревающих солдат. Эремиус неожиданно усмехнулся. Он увидел человека, начавшего взбираться на ту же гору, с которой спускалось его воинство. Судьба этого глупца мага особенно не занимала, и он перевел взгляд на переднюю часть долины, по которой должны были идти отряды его, Эремиуса, людей. Здесь не было ни души, однако Эремиус решил не тревожиться раньше времени: люди, посланные им сюда, могли заплутать или где-то задержаться. Сути дела это не меняло: чего они никак не могли, так это послушаться приказа своего господина. Все шло как нельзя лучше. После того как Трансформы нападут на противника, люди встретят его с тыла. В этот момент Эремиус призовет на помощь магию и заставит своих врагов поверить в то, что они окружены со всех сторон, кроме одной. Врагу не останется ничего другого, как только начать отходить в этом направлении, — тропа же, по которой ему придется пройти, приведет его к гиблым безводным местам. Прежде чем враг поймет это, будет уже поздно: тропу перекроют Трансформы.

Эремиус вновь усмехнулся. Совсем недавно он мечтал заполучить в свои руки какого-нибудь воюку с головой, который сумел бы командовать его человеческим воинством. Теперь он понимал, что в этом нет никакой необходимости, — с этой задачей он прекрасно справлялся и сам!

Он сполз с валуна и, встав за него, извлек из сумы Камень Курага. К заклинаниям пора было приступить уже сейчас. При этом Камень должен был засветиться так, что свет его был бы тут же замечен и в лагере, но это лишь помогло бы отвлечь внимание неприятеля от подлинной опасности.

Посох, лежавший около камня, взлетел в воздух и послушно лег в руку мага. Сделав его серебряным набалдашником три пасса над Камнем, Эремиус начертал вокруг себя круг, который тут же вспыхнул изумрудным пламенем. Вонзив посох в землю, он приступил к заклинанию.

Конан взбирался на гору, даже не пытаясь таиться. Время теперь было дорого, как никогда. С другой сто-

роны, в том, что неприятель увидит его достаточно скоро, был свой резон: это спровоцировало бы его на преждевременную атаку. Словам Бору о том, что демоны не имеют ни малейшего представления о стрельбе из лука и о метании дротиков, киммериец был склонен доверять.

На полпути к вершине Конан взобрался на гладкий валун с плоским верхом, с которого открывался вид на все четыре стороны. Ничего подозрительного на вершине заметно уже не было.

Он обернулся и увидел людей с зажженными факелами, идущих к лагерю. Ближайший к нему пост был усилен сразу четырьмя воинами. Интересно, спрашивал ли Хезаль у Шамиля согласия на это, или же последний все еще тешится с Дессой?

С северной стороны долины горы были пониже. С камня, на котором стоял киммериец, были видны хребты нескольких цепей. Рядом с одной из вершин виднелся слабый огонек, больше всего походивший на пламя погасающего костра, гореть которому оставалось считанные мгновенья.

Огонек, однако, разгорался все ярче. В том, что это не костер, сомнений уже не было: Конану никогда в жизни не доводилось видеть таких костров изумрудного цвета.

Только теперь он понял, сколь велика была его ошибка, когда он решил взбираться на гору в одиночку. Будь рядом с ним кто-то еще, и он смог бы послать его в лагерь, с тем чтобы предупредить своих товарищей о том, что за их спинами находится повелитель демонов, замысляющий против людей новое злодейство. Предупредить своих об опасности он мог и сейчас, но для этого ему нужно было подать голос, тем самым обнаружив себя и для врага.

— Слушайте меня, люди! — закричал Конан что было сил. — У вас за спиной, на вершине белой горы, происходит что-то неладное! Это говорю вам я, Конан!

Он повернулся спиной к долине и крикнул потише: — Эй, вы! Мразь колдовская! Чего же вы ждете? Или вы боитесь сразиться с человеком?

В лагере загорались все новые и новые факелы. Больше всего теперь он походил на разбуженный улей. Конан вновь посмотрел на вершину. Тени, минуту назад казав-

шиеся ему скалами, внезапно задвигались. Демонов было куда больше, чем он мог предположить. Завыв по-звериному, едва ли не все они устремились к нему.

Не раздумывая ни мгновенья, Конан прыгнул вниз и, прижавшись спиной к валуну, замер. Уже через миг мимо камня, с разных его сторон, пронеслись два демона, одного из которых Конан успел рубануть своим мечом по ногам. Демон взвыл, однако не только не потерял конечностей, но даже не упал. Грозно зарывав, он пошел на киммерийца, за спиной которого раздавалось громкое сопение другого чудовища. Конан выдержал небольшую паузу, подпуская демонов поближе, и резко отпрыгнул в сторону, успев нанести одному из чудовищ удар в пах и ударить второго демона по ногам. Удары его были точными и сильными, однако должного эффекта они не произвели, — демоны, одетые в броню иссиня-черной чешуи, казались неуязвимыми.

На миг киммерийцу стало страшно. Но не демонов боялся он. Плоть их, пусть она и была преображена чудовищным колдовством, оставалась все той же плотью, а значит, ее можно было сокрушить мечом или стрелой. Конана пугала магия, посредством которой были сотворены эти чудовища. Некое древнее зло, страшнее которого на этом свете не было ничего, стояло за нею. Этою же магией пользовалась и Илльяна...

Демон, раненный в пах, скрючившись, побежал куда-то вниз. Второе чудовище, ноги которого были ранены уже дважды, упало наземь и зашипело по-змеиному. Конан пошел поближе и тут же отвел от демона глаза — перед ним лежала женщина... Женщин он не убивал никогда, но сейчас он был просто обязан это сделать. Он вонзил свой клинок в горло поверженной жертве и тут же отскочил назад, чтобы не быть раздавленным забившимся в агонии телом.

Рев демонов слышался уже и снизу, он смешивался с криками людей и ржанием коней. Конан посмотрел по сторонам и понесся вниз, к лагерю.

Бора уже не единожды слышал рассказы солдат о демонах, да и сам он сталкивался с ними уже дважды, но он и представить себе не мог, что те способны производить такой шум.

Боевые крики и рев, лязганье оружия и свист стрел сливались во что-то невообразимое. Вспомнив о назначенной ему роли, мальчик приосанился и решил как-то подбодрить своих людей.

В этом нуждались, однако, только те, кому не довелось участвовать в первой битве с чудищами. Не будь рядом с ними Ископа-кузнеца, и они, скорее всего, уже разбежались бы.

— Ах вы, шакалы негодные! — орал на них кузнец. — Выбирайте — или я, или демоны!

В каждой руке Ископ держал по молоту.

Один из деревенских все же попытался сбежать, но он явно недооценил реакцию кузнеца: тот опустил один из молотов ему на голову, и бедолага рухнул замертво, даже не охнув. В стане новобранцев из Горячего Ключа тут же воцарился порядок.

— Спасибо, Ископ! — крикнул кузнецу Бора.

Сражение длилось всего несколько минут, но погибших было уже столько, что подсчитать их количество было невозможно. Потери противника были куда скромнее — повергнуть удалось всего с десятков демонов.

Той линии, которой командовал Бора, пока удавалось сдерживать неприятельские атаки. На каждого из демонов нападало сразу по три-четыре воина, хотя бы одному из которых, как правило, удавалось нанести противнику чувствительное ранение, после которого тот начинал слабеть.

Сам Бора носился вдоль линии обороны, то и дело раскручивая свою пращу. Запас камней, подобранных специально для этого случая, давно был исчерпан, и мальчику приходилось довольствоваться теми камнями, которые он подбирал с земли. Меткость бросков от этого ухудшилась, но в среднем ему все-таки удавалось наносить неприятелю существенный урон.

Достаточно неожиданная мысль пришла ему на ум. Несмотря на то что вокруг творилось что-то несусветное, Бора не испытывал ни малейшего страха перед противником. Сражение с демонами казалось и ему, и его людям чем-то будничным и достаточно заурядным.

Бора обернулся и увидел вспыхнувшее вдруг над северным склоном изумрудное пламя, языки которого тянулись к лагерю.

Пламя это казалось адским, но, как ни странно, оно только придало людям сил: заметив его, они стали сра-

жаться еще ожесточеннее, прекрасно понимая, что оно, в отличие от демонов, неуязвимо!

Трем демонам удалось прорвать линию обороны людей из Шести Вязов. Гелек заревел и, потрясая копьем, понесся на демона, бежавшего первым. Тот переломил его копье так, словно оно было соломинкой, и ударом своей страшной лапы снес Гелеку лицо. Гелек взвыл, и в тот же момент демон схватил его в лапы и, разорвав надвое, швырнул его останки в ряды воинов.

Страшная кончина предводителя небольшого отряда потрясла его односельчан настолько, что они, побросав оружие, пустились в бегство.

Бора почувствовал, что и его отваге скоро наступит предел. Успокоить его теперь мог только точный бросок из пращи. Он стал лихорадочно шарить по земле, надеясь нащупать подходящий камень.

Положение спас все тот же кузнец Ископ:

— Левый фланг! Левый фланг, оттягивайтесь назад, иначе эта мразь окажется у вас за спиной! Да пошевеливайтесь же вы! Ну!

Не переставая сыпать проклятиями, Ископ набросился на демонов. Чешуйчатая кольчуга этих созданий хорошо защищала их от мечей и стрел, но не могла устоять против тех страшных ударов молотами, которые обрушились на их тела и головы. Прежде чем демонам удалось справиться с кузнецом, он успел уложить четырех чудищ. Еще двое демонов были убиты меткими выстрелами лучников, что позволило людям отбросить неприятеля назад и тем самым удержать фланг.

Ряды демонов заметно поредели. И тут Бора увидел за их спинами великана, что был куда крупнее любого демона. Клинок его разил неприятеля налево и направо; при этом великан чертыхался и призывал на помощь богов, о которых Бора даже и не слышал.

— Держитесь! Держитесь, ребята! Мы победим их! Митра и Эрлик, помогите вашим людям! — завопил Бора.

Киммериец гнал дюжину обьятых ужасом демонов прямо на его отряд.

Конан прекрасно понимал, что его вид должен был произвести на людей сильное впечатление. Еще бы — могучий воин гонит перед собой дюжину испуганных демонов!

В глубине души он понимал, что все это скорее походило на маскарад. Благодаря его сверхъестественной силе и выносливости демоны не могли совладать с ним, но это не означало, что он мог справиться с ними, — для этого ему нужно было бы сразиться не с ними, но с их хозяином, затаившимся где-то на горной вершине.

Он взмахнул мечом еще раз и сбил с ног сразу двух бежавших перед ним демонов. В два прыжка он преодолел расстояние, отделявшее его от отряда лучников, которым командовал Бора. Никогда еще Конан не видел детей, которые выросли бы так быстро.

— Давай, давай! — прокричал он Боре и поспешил к стоявшему посереде лагеря холмику, на котором стояла Ильяна.

Она стояла здесь и поныне, но теперь уже на коленях. Одною рукой она удерживала тело от падения, другою — разминала грудь так, словно пыталась унять сердечную боль.

В двух шагах перед нею лежал взятый в оправу Камень, что светился изумрудным светом и подрагивал.

— Ильяна!

— Нет, Конан! Не подходи к ней! Я пыталась сделать это, и посмотри, что со мною стало! — услышал он голос Раины.

Раина поднялась на холмик, держа меч в левой руке. Правая ее рука была сжата в кулак, мышцы ее то и дело сокращались, отчего рука сильно подергивалась. Голос Раины сильно дрожал.

— Я попыталась подойти к ней, — повторила Раина, — но тут что-то случилось с моей рукой. Мне показалось, что она погрузилась в расплавленный металл. Честно говоря, я даже не знаю, есть ли она у меня и поныне?

Конан нахмурился.

— Рука твоя там же, где и была. И я бы не сказал, что она выглядит как-то необычно. Станные, однако, Ильяна шутки шутит!

— Ты ничего не понимаешь, Конан. Это уже не ее заклинание. Это воля Камня — вернее то, что происходит от смешения того и другого.

Сказать что-либо в ответ Конан уже не мог: демоны подобрались к самому холмику, охранявшемуся теперь самим капитаном Шамилем и десятком лучших его воинов.

Конан ринулся вниз, однако спасти капитана уже не

успел: один из демонов оторвал Шамилю голову, другой тут же стал поедать его горячую плоть. Конан рубанул последнего так, что того не спасла и чешуйчатая броня, — меч перерубил ему хребет. И тут он увидел, что один из демонов поспешил к вершине холмика, где стояли погруженная в себя Илльяна и однорукая Раина.

Спасти Раину Конан уже не мог. Он бежал к вершине, беспомощно глядя на то, как несется к ней огромное уродливое чудовище.

Раина, однако, даже не попыталась прибегнуть к помощи меча. Вместо этого она резко отскочила в сторону и, пропустив демона мимо себя, вонзила кинжал ему в бедро. Чудовище взревело и, потеряв равновесие, стало падать наземь всего в шаге от Илльяны.

И все же упасть демону так и не было суждено. В паре локтей от земли демона подхватила невидимая рука, оторвавшая его от земли и сжавшая его так, что он завизжал, как свинья, попавшая под нож мясника. В следующий миг неведомая сила швырнула его прямо на застывших от изумления чудовищ, успевших перебить всех людей Шамиля.

Конан вздохнул и, приняв боевую стойку, приготовился к последнему бою.

И тут на поле перед холмиком стало происходить такое, во что трудно было поверить. Демоны разом развернулись и бросились наутек. Люди были настолько потрясены этим, что демонов никто даже не пытался преследовать, один лишь Бора метнул вослед им камень, но на сей раз метким назвать его бросок было сложно.

Отерев со лба кровавый пот, Конан осмотрелся. Повсюду, куда только ни устремлял он взгляд, он видел отступающих демонов. У большинства из них не было сил даже на то, чтобы бежать, — теперь они шли, шли усталой походкой, хромя и покачиваясь...

Конан изумленно посмотрел на Илльяну. Она мирно спала, свернувшись, словно котенок. Он подобрал с земли тунику Раины и, присев на колени перед волшебницей, осторожно приподнял ее голову и подsunул тунику под нее. При этом он почувствовал, что кончики его пальцев стало немного покалывать. Что-то легло ему на плечо. Он скосил глаза и увидел, что это — голова Раины. Раину, так же как и ее госпожу, смотрел сон.

Снизу раздался голос Хезалья. Северянка тут же очнулась и поняла, что она почти не одета.

— Может быть, ты дашь мне хоть что-нибудь? — с возмущением в голосе спросила она у Конана.

— Ты предлагаешь раздеться мне? — усмехнулся киммерец. — Я полагаю, что мы сможем это сделать потом.

— Эй, Конан! Хвати с дамой любезничать, — закричал снизу Хезаль. — Нас ждут на военном совете!

Эремиус освещал долину до тех пор, пока ее не покинули все Трансформы. И делал он это не столько ради них, сколько ради себя самого. Главным образом его интересовало то, отправятся ли люди в погоню за ними или нет.

Он мог бы рассеять тьму, не устраивая этой безумной иллюминации, но для этого ему пришлось бы вновь прибегнуть к помощи Камня, чего делать сейчас не стоило.

В последнее время ему все чаще начинало казаться, что затея его обречена на провал. Камни, которые, казалось бы, должны были тянуться друг к другу, почему-то испытывали явную антипатию — иначе происходящее просто невозможно было понять... Смущало его и то обстоятельство, что в последнее время Камень все чаще и чаще проявлял явное непослушание, с которым бороться ему становилось все сложнее. Если так пойдет и дальше, то не Камень будет принадлежать ему, а он Камню! И все же заполучить оба Камня он просто обязан, — в противном случае жизнь его можно было бы считать прожитой зря. И ведь повинна во всех его бедах лишь она — эта негодница Илльяна...

Эремиус решил прикинуть потери. За время боя было потеряно около двадцати Трансформ; шестьдесят-семьдесят Трансформ было тяжело ранено, и на излечение их ему могло понадобиться несколько дней. Проигравшим, однако, он себя не считал. Люди потеряли убитыми и ранеными в несколько раз больше, при этом восстанавливать свои силы так же быстро, как его войско, они не могли.

Сражение, происходившее этой ночью, можно было считать лишь своеобразной прелюдией к серьезной военной кампании. Удовлетворившись этим объяснением, Эремиус решил заняться делом.

Он приказал Камню поярче сверкнуть напоследок и

погаснуть, что тот послушно и выполнил. Теперь Эремиусу предстояло обратиться к Камню с предложением вернуться на свое обычное место. Просить он не привык, и потому эта часть заклинания всегда удавалась ему куда хуже, чем прочие.

И все же по просьбе его, что больше походила на приказ, Камень внял и на сей раз: он взлетел в воздух и сам собой залетел в предназначенную только для него сумку. Больше на этой горе Эремиусу делать было нечего. Последний раз взглянув на объятую тьмой долину, он быстро зашагал прочь. Если этот киммерийский великан надумает отправиться в погоню за ним, ему вряд ли поможет и Камень Курага...

Якуб посмотрел по сторонам. Похоже, рядом с человеком, стоявшим внизу, действительно никого не было.

Человек этот мог оказаться дозорным, он же мог быть и своеобразной приманкой, предназначавшейся для простаков... Впрочем, о втором можно было серьезно не думать — слуги мага были слишком глупы для того, чтобы затевать подобное.

Якуб свесился с края скалы и, мгновенно повисев, разжал руки. Галька скрипнула, и человек тут же резко обернулся, но было уже поздно: Якуб вогнал ему под ребра свой длинный кинжал. Якуб немного подержал обмякшее тело, чтобы оно своим падением не произвело ненужного шума, и оно опустилось на камни с негромким глухим стуком.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы поднять на ноги и спутников погибшего, и дозорных лагеря беженцев. Первые с криками понеслись куда-то вниз, вторые же принялись осыпать балку стрелами.

Судя по стонам и ругани, несколько стрел попало в цель. Еще через минуту все звуки смолкли, и Якуб отважился покинуть свое убежище у основания скалы. Вскоре к скале подошли и дозорные лагеря.

Видавший виды сержант посмотрел на лежавший у его ног труп и одобрительно пробурчал:

— Чисто сработано, ничего не скажешь!

— Если бы я не спешил, они бы и услышать ничего не смогли! — отозвался польщенный Якуб.

— Ну и зачем нам это? Не подними они шума, мы

ни о чем не догадались бы! Так они, по крайней мере, убежали! Слушай, парень, а не хотел бы ты поступить на службу к царю Йалдизу?

— Сначала я женюсь, ну а потом посмотрю...

— Все правильно. Без жены солдат не солдат.

К лагерю они шли вместе. Когда они подошли к палаткам, небо на востоке уже начинало сереть. Якуб попрощался с сержантом и направился к палатке, в которой жили родные Боры.

Ночной переполох даже не разбудил их. Караяя лежала на ворохе жухлой травы, прижимая к себе двух своих младших братьев. Якуб присел на корточки и поправил съехавшее одеяло.

Теперь о жизни ее можно было не беспокоиться. Ночь миновала, к полудню же беженцы должны были подойти к Заставе Земана.

Якубу предстояло идти совсем в иную сторону — он должен был напасть на след людей Эремиуса и по нему выйти на него самого. Но не это было самым трудным в его рискованном предприятии, — самым трудным было убедить Эремиуса в том, что именно он, Якуб, должен стать военачальником армии мага.

Он коснулся щеки Карайи губами и тихо вышел из палатки.

Весь остаток ночи ушел на наведение порядка в лагере, подсчет потерь, помощь раненым и прочесывание окрестных гор. После того как все разведчики до единого доложили Хезалю о том, что в окрестных горах нет ни души, он объявил военный совет открытым.

— Я назвал бы это победой, если бы мы не потеряли втрое больше воинов, чем они, — сказал новый командующий. — Конечно, часть убитых они могли унести и с собой, но сути дела это не меняет. И еще: мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на то, что отход неприятеля больше походил на организованное отступление, чем на паническое бегство.

— Вы совершенно правы в этом, капитан, — согласилась Илльяна. Она была бледнее обычного, время от времени по телу ее пробегала непонятная судорога. Голос ее, однако, был тверд, как никогда. — Увидев потери, которые несло его воинство, властитель демонов приказал

им отступить. Не сделай он этого, и нам, скорее всего, не довелось бы собраться на этот совет.

— Мне кажется, что определенная заслуга в этой победе принадлежит и вам, госпожа,— не так ли?

Ильяна пожала плечами.

— Простите меня, капитан, но я не могу принять вашу похвалу. Я сделала все, что было в моих силах, и это каким-то образом повлияло на исход битвы, но я тем не менее так и не смогла разбудить сил, дремлющих в Камне. К счастью, этого не удалось сделать и Эремиусу.

Хезаль посмотрел себе под ноги так, словно оттуда вот-вот должны были появиться какие-нибудь адские создания, наподобие виденных им этой ночью. Помолчав с минуту, он поднял глаза на Ильяну и негромко сказал:

— Мне кажется, что сейчас вы сказали неправду. Я почувствовал это по тону.

— Дело в том, что ни вы, ни ваши солдаты не смогут понять некоторых вещей без того, чтобы...— Раина замолчала, почувствовав, как на ее плечо легла тяжелая рука киммерийца. Хезаль перевел взгляд на нее. Теперь этот взгляд был полон подозрений.

— Капитан,— вновь обратилась к нему Ильяна,— сегодня я узнала много такого, чего я не могла и предположить. Пока я не пойму всего, я не смогу сказать вам ни слова. Но знайте — однажды я раскрою перед вами всю правду. Клянусь Семью Храмами и Мощами Пулака!

— Я думаю, к этому времени демоны успеют наведаться к нам не раз!

— Если мы вернемся на Заставу Земана, этого не произойдет.

— Вы хотите, чтобы мы, подобно трусливым псам, поджали хвосты? Да не бывать этому, пока я команду этой заставой! Не знаю, как к вам относится царь Йалдиз...

— Ты знаешь, как относится к госпоже Ильяне Мишрак. Я полагаю, этого вполне достаточно.

Установилась напряженная тишина. Конан уже стал подумывать о том, чтобы извлечь из ножен свой меч, но тут Хезаль вздохнул и негромко сообщил присутствующим:

— Честно говоря, я и сам подумываю о возвращении в крепость. Вот только я не знаю, как к этому отнесутся мои орлы — не сочтут ли они это проявлением трусости?

Глава восемнадцатая

Раина потрепала Бурана по холке:

— Прекрасный у тебя жеребец, Бора. Да ты и сам вроде ничего...

Бора промолчал. Всего час тому назад он похоронил Кемалия, так и не сумевшего оправиться от полученных в сражении ран. Повезло Кемалю только в одном: он так и не пришел в сознание, и потому смерть его была безболезненной.

— Спасибо вам, Раина,— наконец сказал Бора.— Но я ехал сюда вовсе не за тем, чтобы вы похвалили моего скакуна и меня. Я ищу Якуба. Он куда-то исчез.

Конан и Раина обменялись взглядами. Ильяне об этом пока говорить не следовало: она и в седле-то держалась лишь благодаря чудовищному усилию воли, новость же, подобная этой, могла вышибить ее не только из седла.

— Я думаю, о нем ты можешь особенно не беспокоиться,— отозвался Конан.

— Да я бы и не думал искать его, если бы не моя сестрица Карайя! Это она о нем беспокоится!

— Пока твоего отца здесь нет, ты являешься главой семьи, Бора,— сказал Конан.— И ты вправе оградить свою сестру от чьих-то там домогательств.

Бора фыркнул:

— Вы плохо знаете Карайю. Язык у нее почище меча Раины будет! — Он несколько посерьезнел и добавил: — Помимо прочего, Якуб пообещал освободить отца. Пока у него ничего не вышло, но кто знает, что будет завтра?

— Какой ты справедливый, Бора! — засмеялась Раина.— Таких, как ты, боги любят!

— И потому ты должен молить богов о том, чтобы они сохраняли тебе жизнь, иначе ты не сможешь отстоять справедливость, мой мальчик. Что до Якуба, то он мог столкнуться и с разведчиками Эремиуса, а это могло закончиться для него чем угодно. Мне кажется, что подобное с ним вряд ли могло случиться, но в любом случае поискать его стоит.

— Присоединяйся к нам,— добавила Раина.— Если ты голоден, то у нас есть хлеб и сыр.

Бора отломил кусок сыра и занял место в колонне сразу за Раиной. Конан задумался. Интересно, действительно ли этот самый Якуб приходится Хаджару родным сыном?

Если это так, то ждать от него чего-то хорошего особенно не приходится. Лучше будет, если ни Бора, ни Карайя так и не узнают о том, что он за человек. Конан потряс головой. Пропади он пропадом, этот Якуб. Как будто у него, Конана, других забот нет. Если уж думать, так думать о чем-нибудь приятном, — например, о Райне...

Якуб поспешно спрыгнул вниз с невысокой скалы. На этот раз приземлился он совершенно бесшумно. Те, кого он искал, продолжали стоять к нему спиной. Он не стал вынимать из ножен ни меча, ни кинжала, но развел руки в стороны и лишь тогда негромко позвал:

— Слуги владыки!

Разведчики мигом обернулись, схватившись за рукояти своих мечей. Они смотрели на Якуба, едва ли не разинув рты от изумления.

Установившееся молчание грозило растянуться на целую вечность. Якуб кашлянул, приглашая разведчиков к разговору, и один из них уже через пару минут изрек:

— Мы служим хозяину. А ты — нет.

— Я ему не служу, но я хочу ему служить!

Вновь установилось молчание. Якуб уже начинал жалеть, что он связался с этими олухами.

— Покажи нам знак! — сказал вдруг один из разведчиков.

Якуб не имел ни малейшего понятия, о каком таком знаке идет речь. На всякий случай он достал из кармана кольцо с печатью своего отца.

Разведчик, попросивший его показать знак, взял кольцо в руку и воззрился на него немигающим взглядом. Не прошло и минуты, как он вернул кольцо Якубу.

— Мы такого знака не знаем.

— Вашему хозяину он знаком.

— Нашего хозяина здесь нет.

— Так давайте пойдем к нему!

— Ты хочешь, чтобы мы отвели тебя к хозяину?

— Разве это воспрещено? — Якуб прекрасно понимал, что кричать на этих идиотов бессмысленно, с ними следовало говорить так, как говорят с неразумным дитятей.

Разведчики переглянулись и надолго задумались. Через какое-то время они принялись покачивать головами:

— Нет, это не запрещено.

— Тогда молю вас, ради победы вашего хозяина, отведите меня к нему!

Помолчав с минуту, разведчики разом утвердительно кивнули головами и, повернувшись к Якубу спиной, поспешили к выходу из ущелья. Якуб усмехнулся и последовал за ними.

Хезаль вышел из-за стола и принялся расхаживать по зале. За окнами шумела начинавшая приходить в себя толпа селян, собранных со всей округи. Женщины, стоявшие в очереди за водой, то и дело устраивали шумные свары, дети хныкали и пронзительно визжали, собаки лаяли и завывали...

— Хорошо хоть скот их за стеной остался! — пробурчал Хезаль. Он подошел к окну и захлопнул ставни. — Да, демоны, или — как это вы их называете? — да, да, Трансформы, давно бы сожрали их, не приведи мы их в крепость. Но вы должны понять, что это не базар, это самый настоящий стратегический объект! И потому вы должны понять и мое решение. Я решил перевести всех этих людей в Харук. И сделаю я это скоро: мне осталось предупредить парочку гарнизонных командиров. Если эта безумная толпа так и останется здесь, не миновать нам лихорадки и холеры!

— Интересно, как бы отнесся к вашему решению Мугра-Хан? — поинтересовалась Ильяна. — Конечно, по сравнению с капитаном Шамилем вы золото, но мне кажется, что в данном случае вы не совсем правы.

Хезаль нахмурил брови:

— Мне пришлось заглянуть в бумаги Шамиля, из которых тут же стало ясно, что он связался с какими-то подонками, исполняющими волю Хаумы. Он и сам успел натворить такого, что и смерть от лап Трансформ была для него незаслуженно легкой. Ну да ладно... Что до Мугра-Хана, то узнает он обо всем лишь после того, как я добьюсь выполнения того, что представляется мне необходимым! Вестника же, который сообщит ему об этом решении, я отправлю не далее как завтра.

Конан рассмеялся:

— На месте туранского царя я отдал бы под твое начало все свое войнство!

— С меня хватает и того, что находится в моем распо-

ражении сегодня! Чего бы я действительно хотел — так это раздобыть где-нибудь Заянской Морилки или чего-нибудь еще более действенного! Госпожа Илльяна, вы можете сказать мне что-либо определенное по этому поводу?

— Для того чтобы приготовить первую порцию Морилки, мне понадобится два дня, — заговорила Илльяна. — Если порошок выйдет таким, каким он и должен быть, я смогу поручить его изготовление кому-то еще. Лучше всего для этой роли подходит Мариам, племянница Иврама.

— Если я вас правильно понял, то заговариваете вы горшки, а не то, что варится в них? — спросил Хезаль.

— Вы поражаете меня своим умом, — засмеялась Илльяна. — Да, это так. К сожалению, заклинание, с помощью которого изготавливается этот замечательный порошок, почти неизвестно людям. Будь это не так, и чернокнижников в мире было бы намного меньше. Что до вашего вопроса, то я заговариваю горшок, а не варево, по той простой причине, что при этом мне не приходится лишний раз прибегать к помощи Камня.

— Может быть, мы и вовсе не станем трогать его? — спросил Конан. У четверки людей, собравшихся в зале, секретов друг от друга не было.

— Тогда Заставе Земана останется надеяться только на доблесть капитана Хезаля и его воинов! — рассмеялась Раина.

— Это мне уже нравится, — оживился Хезаль. — Но сколько времени мы должны будем продержаться?

— После того как с Морилкой будет покончено, один день уйдет на восстановление магических свойств Камня, и еще один день — на приготовления и сборы, — ответила Илльяна.

— Скажите мне, что вам понадобится, и я распоряжусь, чтобы все необходимое было приготовлено прямо сейчас! — сказал Хезаль. — Чем раньше вы выйдете, тем с большей вероятностью вы не позволите Эремиусу вернуться в его твердыню! Насколько я понимаю, это тоже имеет немалое значение!

— Вы правы, капитан. Так оно и есть.

— С вами я отправлю десятерых воинов. Именно десятерых — ни больше и ни меньше! Чем меньше отряд, тем труднее его обнаружить. Они будут сопровождать вас до самых гор. Иначе вам будет сложно защитить себя.

— Что-то я тебя не понимаю! — изумился киммериец.

— Все ты понимаешь, варвар. И даже больше, чем следовало бы.

Хезаль позвонил в колокольчик, лежавший на столе.

Из-за двери послышался женский голос:

— Что вам угодно, капитан?

— Принеси нам кувшин вина и четыре кубка. Потом согреешь воды для бани.

— Как вам будет угодно, капитан.

Только теперь Конан понял, почему голос этот кажется ему таким знакомым. Это был голос Дессы! Он удивленно посмотрел на Хезаля, тот же, широко улыбнувшись, ответил ему:

— Я унаследовал не только обязанности Шамиля, но и его привилегии.

Бора переложил мешок с углем на левое плечо и постучал в дверь.

— Мариам, это я, Бора! Я принес уголь.

Из-за двери слышались шаги босых ног и лязг отпираемых запоров. Дверь открылась, и на пороге появилась Мариам, одетая в алую ночную рубашку, подпоясанную тонким золотистым пояском. «Как этот цвет идет ей», — подумал вдруг Бора. Он не мог оторвать взгляда от глубокого выреза на груди племянницы Иврама.

— Входи же, ну! Поставь мешок у северной стены!

Едва переставляя неожиданно занемевшие ноги, Бора вошел вовнутрь и оказался в просторном помещении, полы которого были завалены свежеекрашенной шерстью. Он с трудом нашел узкий проход, ведущий к печи, возле которой лежали груды угля и соли, стояли бесчисленные горшки и котлы. Высыпав уголь на ближайшую к нему кучу, Бора наконец-таки смог выпрямить спину и размять руки.

— И сколько Морилки они хотят сделать? — спросил он. — Если все это пойдет только на нее, то представляю, сколько ее будет!

Мариам улыбнулась:

— Госпожа Илльяна привыкла держать язык за зубами. Одно могу сказать — теперь так просто Заставу Земана не возьмешь!

Она нагнулась к печи и взяла с нее две чаши с вином. На миг Боре открылась ее грудь, отчего внутри у него все похолодело.

— Давай выпьем за твою победу, — сказала она, протягивая ему чашу с вином.

Он принял чашу и заплетающимся от волнения языком произнес:

— Лучше выпьем за мое возвращение...

И тут Мариам обняла его и жарко зашептала ему в ухо:

— Неужели они так глупы, что решили взять тебя с собой?

Бора немного отстранился от нее и прошептал:

— Они совсем не глупы. Просто лучше меня этих мест никто не знает.

Бора опорожнил чашу с вином и почувствовал, что Мариам наполняет ее вновь. Он выпил и вторую чашу, и мог бы пить еще и еще, но тут она засмеялась и прошептала:

— Не надо тебе больше пить, милый. Ты ведь еще такой молоденький...

Мариам забрала чашу из его онемевших пальцев и поставила ее на пол. Он почувствовал, как ее тонкие пальцы прикоснулись к его губам, щекам, шее...

Глава девятнадцатая

Горный поток, низвергавшийся с невысокого утеса, падал на плоский камень и разливался вокруг него достаточно глубоким озерцом. Конан удивился тому, что вода из озерца никуда не вытекает, но решил не придавать этому значения: вода нужна была им не для чего-нибудь, но для питья, и указанное обстоятельство никак не влияло на ее пригодность для этого. Он зачерпнул воду рукой и поднес ее к губам.

— Хорошая чистая вода. Пейте и наполняйте бурдюки и фляги!

— Я думаю, нам стоит и искупаться, — неожиданно предложила Ильяна. Она тут же сбросила с себя сапоги и с видимым удовольствием зашла по щиколотки в воду. — Мы не могли позволить себе этого, пока рядом с нами были солдаты. В обозримом будущем другой такой возможности у нас тоже не будет.

Конан поднял глаза на сверкающие пики Ильбарских гор, среди которых выделялся огромный Повелитель Ветров.

Он чувствовал, что где-то совсем рядом затаился грозный, страшный враг, что с легкостью совладал бы не только с десятком, но и с тысячей воинов. Сержант, командовавший их сопровождением, быстро понял это и не стал возражать, когда ему и его отряду было предложено вернуться в крепость. С той поры прошло уже два дня. Тогда же они решили оставить и коней, которые теперь только мешали им.

— Будь по-вашему, — согласился Конан с Ильяной. — Купаться будем в таком порядке: сначала женщины, затем Бора с Масуфом, ну и, наконец, я.

Молодые люди встали по разные стороны озерца. Раина разделась первой и, не раздумывая, окунулась в воду с головой.

— О боги! — воскликнула она, вынырнув. — Да она же холодная как лед!

Ильяна засмеялась:

— Неужели ты забыла наши боссонские реки? Это тебе не ванирские бани!

Раина вновь нырнула под воду. Ильяна сбросила с себя платье и подошла к краю озера, но войти в него на сей раз не сумела — ее вдруг окатило таким снопом ледяных брызг, что она с визгом отскочила назад.

— Ты...

— Я ничего не забыла, госпожа. Скорее, это вы забыли!

Ильяна пробормотала в ответ подруге что-то не совсем вежливое и принялась подвязывать свои длинные косы лентой.

Положив меч на колени, Конан наблюдал за женщинами. И ту, и другую можно было назвать красавицами, однако Раина была заметно моложе и, на его взгляд, милее своей госпожи. Но так казалось не всем: Масуф, судя по всему, думал иначе — он смотрел на Ильяну так, что Конану даже становилось как-то не по себе. Бора вел себя достаточно спокойно, и это его спокойствие, скорее всего, было как-то связано с красоткой Мариам, которой мальчик помогал перед их отправлением из крепости.

Ильяна покончила с подвязкою волос и стала снимать с руки кольцо с камнем. Конан протянул руку за ним, но Ильяна, заметив на его ладони свежий порез, неожиданно отстранилась.

— Нет, нет, Конан, этой рукой нельзя. Возьми его другой.

— Да это же просто царалина! Сейчас я промою ее водой и перемотаю чистой тряпицей, только и делов! К тому времени, когда мы окажемся в горах, от нее уже и следа не останется!

— Да я не об этом, — улыбнулась Ильяна. — Рану-то твою я могу и за день вылечить. Дело в другом: на Камень Курага ни в коем случае не должна попасть кровь.

— Он что — дуреет от нее? — пошутил киммериец, пытаясь тем самым скрыть проснувшийся вдруг страх. Ильяна строго посмотрела на него и совершенно серьезно сказала:

— Можно сказать, что он от нее пьянеет. Едва на Камень попадет кровь — управлять им станет почти невозможно. И еще: считается, что окровавленный Камень Курага, попадая в воду, полностью выходит из-под контроля.

Конан пожал плечами и, взяв кольцо с Камнем в правую руку, опустил его в дорожную сумку. Ему хотелось спросить Ильяну о том, как та собирается оградить Камень от крови, в грядущем сражении с Трансформами Эремиуса, но что-то помешало ему задать этот вопрос вслух.

Это «что-то» было телом Ильяны, оказавшимся слишком близко к нему для того, чтобы его могло интересовать что-либо иное. Он поднялся на ноги и принялся расхаживать по берегу озерца, пытаясь совладать с собой. Ильяна тем временем нырнула в озерцо и поплыла к дальнему его берегу, у которого плескалась Раина.

Едва вождество оставило Конана, его посетила донельзя странная мысль. Если Камни Курага живые, если они обладают собственной волей, то не могут ли они в обмен на послушание Ильяны одаривать ее и магическими талантами, и любовью?

Мысль эта мгновенно испортила ему настроение.

— Не надо идти за мной. Бегите! — закричал Якуб.

Дюжина здоровенных мужчин послушно вяла его приказу. За прошедшие два дня они научились многому. Прежде капитаны и сержанты воинства Эремиуса ничем не отличались от находившихся в их подчинении солдат. И положение это стало исправляться только с его, Якуба, приходом. Он должен был научить уму-разуму двенадцать человек, а те, в свою очередь, должны были взять себе по шесть учеников, каждому из которых в свое время

следовало воспитать еще шестерых. За два месяца военную подготовку должны были пройти все люди Эремиуса, что превратило бы воинство мага в достаточно грозную силу.

Лишь бы ему научить их стрельбе из лука! Якубу вспомнился его недавний разговор с Эремиусом. Тот был немало поражен, когда увидел перед собой человека, предложившего ему сделать из его людей настоящих воинов, однако тут же согласился с его предложением.

— И еще, Мастер, ваших людей надо обязательно выучить стрельбе из лука! В горах один лучник стоит трех пехотинцев!

— Мы не собираемся сидеть здесь вечно.

— На равнине лучник приравнивается к всаднику!

— Ни один всадник не посмеет приблизиться к Трансформе!

— Может быть, вы правы. Но в случае отступления арьергард может...

— Отступлений больше не будет!

— Вы, вы... Такая уверенность делает вам честь, Мастер!

— Да, я уверен в этом. Ты принес ко мне свои познания — и я доволен этим. Ты принес с собою и новости — и я рад этому. Близок тот час, когда Камни Курага вновь будут вместе!

Эремиус повернулся к Якубу спиной, давая тому понять, что разговор окончен. Не желая раздражать мага, Якуб почел за лучшее исчезнуть.

Чего Якуб не мог понять до сей поры, так это того, почему Эремиусу так не нравится стрельба из лука. Может быть, он боится того, что подвластные ему люди в один прекрасный день перестреляют всех Трансформ из луков? Но ведь он давно превратил этих людей в круглых идиотов, которые о бунте не смогут и помыслить.

Может быть, Эремиус просто потерял интерес к проблемам такого рода? Если хотя бы половина рассказов его о Камнях Курага соответствует истине, то в этом нет ничего удивительного... Якуб улыбнулся. На этом он и поймает Эремиуса.

Он обернулся и посмотрел на бегущих людей. Теперь они уже не выбивались из сил так быстро, хотя бежали с приличной скоростью. Он резко остановился и, развернувшись к ним лицом, достал из-за пояса палку. Преследователи его сделали то же самое и через минуту взяли

его в кольцо. Якуб сделал несколько выпадов, пытаясь разогнать их, но тут же получил удар в колено и пах.

В следующий раз нужно будет надеть на себя что-нибудь плотное. С этими скотами так просто уже не сладишь.

И тут он получил сильнейший удар в спину, сбивший его с ног. Лицо его исказилось гневом, — чего доброго, эти идиоты его и пришибут ни за что ни про что!

Но тут Якуб увидел, что люди, только что едва не лишившие его жизни, улыбаются.

— Мы сделали все так, как вы нас учили, — сказал один из них. — Пока вы сражались с нашими главными силами; резерв зашел к вам с тыла. Верно?

— Вы просто молодцы, — пробормотал Якуб, похлопав обратившегося к нему воина по плечу. — Теперь мы перейдем к заключительной части занятий.

— Конан, как ты думаешь, что сейчас делает Десса? — дрожащим голосом спросил Масуф.

Конан пожал плечами и промолчал. Он хорошо представлял, чем наполнены ныне дни и ночи невесты Масуфа, однако считал, что говорить об этом самому Масуфу не стоит. Конану же судьба недавней рабыни была безразлична или, вернее, почти безразлична.

Киммериец не был суеверным, однако с какого-то времени он стал считать, что в бою погибают прежде всего те, чьи мысли заняты другими людьми, в особенности женщинами.

— Ты знаешь, Масуф, в Агрануре у меня есть одна хорошая знакомая, которую близко знает и наш друг Хезаль. Если нам удастся перевезти Дессу к ней (кстати говоря, зовут эту женщину Пилой), то она, Пила, из нее за месяц человека сделает!

Конан повернулся к озеру и увидел, что камень, на котором он недавно сидел, забрызган водой. Потрясло же его совсем не это, — нет, потрясло его то, что обе женщины куда-то исчезли!

Либо они решили сыграть какую-то дурацкую шутку, либо...

Конан все еще стоял на берегу озера, когда вдруг на поверхности его появилась Илльяна. Она плыла прямо к нему.

Он сразу почувствовал, что происходит что-то неладное, но тут она выскочила из воды и, бросившись к нему в объятия, поцеловала его в губы. Киммериец ответил ей поцелуем и прижал к себе ее нагое, мокрое, прекрасное тело...

— Нет... — еле слышно простонала Илльяна и отступила назад, совершенно забыв о том, что стоит на самой кромке берега. Она повалилась на спину, подняв снопы брызг, но тут же встала на ноги и, кашляя, направилась к берегу.

Конан помог ей выйти на берег, стараясь касаться только ее рук. Теперь, однако, в этом уже не было необходимости: Илльяна и сама старалась держаться подальше от него.

— Это «нет» не будет вечным. Воля богов... Камни... Мы не можем быть вместе только сейчас, — голос Илльяны дрожал, глаза же ее казались стеклянными. Конан перевел дух и на всякий случай стал смотреть в сторону.

С Раиной он смог поговорить только после того, как искупался в горном озере и сам.

— Раина, или я совсем тронулся, или твоя госпожа захотела, чтобы я возжелал ее.

— Захотела? — хрипло засмеявшись, ответила ему Раина. — По-моему, своего она добилась!

— Ну и что с того? — удивился Конан. — Это ведь не значит, что я после этого обязан переспать с ней?

— Разве?

— Да я лучше украду корону царя Йалдиза! Дело это, конечно, будет не столь приятным, но, с другой стороны, и не столь опасным!

Раина довольно захихикала и отправилась к своей госпоже. Конан проводил ее взглядом и сокрушенно покачал головой. Глаза и голос Илльяны никак не шли у него из головы. Более же всего его мучило то, что она сказала о Камнях Курага.

Глава двадцатая

Они подошли к Долине Демонов за несколько часов до вечерних сумерек. Конан решил дожидаться вечера вне ее пределов.

— До наступления темноты нам там делать нечего. Лучше уж найти какое-нибудь укромное местечко да пару часов поспать!

— Тем более что в этой жизни спать нам уже не придется! — мрачно заметил Масуф.

Конан покачал головой. Масуф явно искал смерти. Переубедить его было не просто, но имело смысл внушить ему хотя бы ту простую мысль, что без него, Масуфа, спутникам его будет ох как трудно...

Бора уже через несколько минут привел их к месту, подходившему им как нельзя лучше: здесь был и родник, и небольшая пещера с двумя выходами.

— Бора, если ты решишь вступить в ряды славного туранского воинства, я буду ходатайствовать о том, чтобы тебе с самого начала службы было пожаловано звание капитана! — восхищенно пробормотал Конан.

— Капитан Конан, вы не первый, кто говорит мне об этом! — спокойно сказал мальчик. — Но я не склонен думать об этом сейчас. Прежде всего я должен выручить своего отца. Затем — отстроить родную деревню. О том, что будет потом, сейчас говорить бессмысленно.

Конан удивленно переглянулся с женщинами. Оптимизм Бора казался сейчас таким же неуместным, как и пессимизм Масуфа, правда, слушать мальчика было куда приятнее...

По долине ползли серебристо-серые облака тумана. Конан подполз к краю скалы и, заглянув вниз, прошептал:

— Если эта дорога — лучшая из всех, то упасите меня, боги, увидеть худшую!

— Я не бог, и горы эти созданы не мной, — зашептал Бора в ответ. — Или мы идем этой дорогой, или не идем вовсе!

— Ох, Бора, не жалеешь ты нас! — засмеялась Раина. На какое-то время настроение у всех улучшилось.

— Ты сможешь здесь спуститься? — спрашивал Конан у каждого из спутников, прежде чем начать спуск. — А как насчет того, чтобы подняться по этому же склону? — Вопрос этот не был задан одному лишь Боре, который вправе был спросить о том же и у самого Конана.

Ильяна и Раина ответили на вопрос кивком головы, Масуф же, заглянув вниз, отполз подальше от края скалы и ответил уверенным «нет».

— Ты понимаешь, что нести тебя на себе мы не сможем? — спросил у него Конан.

— Конечно, конечно! — заволновался Масуф. — Но, может быть, в том, что я останусь наверху, все-таки есть смысл? В конце концов, отсюда я смогу вас прикрывать!

— Боюсь, что отсюда ты нас не то что прикрыть, но даже и увидеть не сможешь! Идти-то нам придется едва ли не до самого дна долины! — усмехнулся Бора.

— Так оно и есть, — утвердительно кивнула Ильяна. — Для того чтобы мои чары сработали, мы должны свести Камни как можно ближе друг к другу!

— Мы уже слышали об этом, — буркнул Конан. — Именно поэтому мы и лезем в эту чертову дыру.

Ильяна на самом деле едва ли не ежечасно говорила своим спутникам о том, что она уже не может бороться с Эремиусом на расстоянии. Ей нужно было приблизиться к нему, иначе все ее попытки бороться с ним обернулись бы пустой тратой сил волшебницы и ее Камня и, как следствие этого, потерей мистической защиты от чар Эремиуса.

— Помимо прочего, Эремиус может напустить на нас и своих Трансформ, управлять которыми он может и без Камня. Мне же без Камня не обойтись.

— Хотелось бы знать, за кого ты нас держишь? Неужели мы не сможем защитить себя и сами, безо всей этой чертовщины? — неожиданно взорвался Конан.

— Только на вас я теперь и надеюсь, — без всякого энтузиазма отозвалась Ильяна.

Спуститься с утеса удалось даже Масуфу. Шуму при этом друзья наделали столько, что впору было проснуться и страже, выставленной где-нибудь в Стигии. Дозорные Долины Демонов, однако, не повели и ухом.

— Может быть, Эремиус решил дать своим людям отдых на то время, пока он будет лечить Трансформ? — озадаченно прошептала Ильяна.

— Вряд ли, — так же шепотом ответил ей Конан. — Скорее всего, он просто сократил число постов. Думаю, с людьми его мы встретимся совсем скоро.

Дальше они шли молча. Туман спустился и они с трудом различали в темноте друг друга. О том, чтобы стрелять в кого-то из лука, теперь не могло идти и речи.

— Тссс! — зашипел шедший первым Бора. — Там кто-то стоит!

Не успел Конан сказать ни слова, как раздался свист раскручиваемой пращи, глухой удар и далекий стук.

— Это... — зашептал было Бора, — это...

— Стра-а-а-жа! — раздалось вдруг слева. — Подъем, сража!

Конан негромко выругался. Чего он не любил, так это сражаться в тумане, когда чужих нельзя отличить от своих, а своих от чужих.

На них бежало шестеро воинов, вооруженных пиками и мечами. Конан и Раина приняли эту атаку на себя, разом решив, что Ильяне сейчас сражаться не стоит.

Без особого труда Конан прикончил двух воинов и с удивлением обнаружил, что врагов, желавших сразиться с ним, больше нет. И действительно, враг, явно не ожидавший такого сопротивления, позорно бежал, — об этом говорил быстро удалявшийся топот ног.

Вновь стало тихо.

— Я одного прикончила, — прошептала Раина. — Еще одного поразил камнем Бора. Слушай, Бора, ты не научишь меня пользоваться пращей?

— Поживем — увидим, — отозвался мальчик. — А как дела у Масуфа?

Последний ошарашенно смотрел на окровавленное копьё, не зная, радоваться ему или скорбеть. В любом случае чувства эти были уместнее и благороднее недавнего его отчаяния...

— Идем назад! — приказал Конан.

— Трансформ Эремиус еще не поднимал, — тихо сказала Ильяна, явно не согласная с решением киммерийца. Кольцо с Камнем она прикрывала ладонью.

— Теперь это может произойти в любую минуту, — сказал Конан. — Чего мне не хотелось бы, так это попасть в окружение.

Едва он произнес эти слова, как все вокруг озарилось ослепительным изумрудным сиянием. Еще через мгновение туман чудесным образом испарился.

Взглядам друзей открылась залитая зеленым светом долина, с северного склона которой на них шло воинство, состоявшее из полусотни Трансформ.

— К нам идет Эремиус! — взвизгнула вдруг Ильяна.

— Сейчас мы его поприветствуем! — прорычал Конан,

снимая с плеча свой тугой лук. — Прекратите болтовню — пришло время заняться делом!

Расстояние меж ними и Трансформами было немалым, но промахнуться мимо столь крупных целей было достаточно сложно. Стрелы, полетевшие из луков Раины, Конана, Ильяны и Масуфа, одна за другой вонзались в дородные тела их страшных противников.

Вонзались, но не причиняли вреда. Конан заметил, что с флангов Трансформ поддерживают люди. Он стал вести огонь по ним и за одну минуту уложил четверых. Колчан его к тому времени был уже практически пуст.

Трансформы надвигались на них чудовищной неотвратимой волной. Ильяна закатала рукава и принялась творить заклинания. Свет, излучаемый ее Камнем, был настолько ярким, что Конан на мгновение ослеп.

Когда зрение вернулось к нему, он увидел, что Трансформы уже не наступают на них: сбившись в стаю, они принялись жалобно завывать, то и дело всплескивая передними конечностями.

— Я обратила наш страх их страхом! — воскликнула Ильяна. — Но я и сама не понимаю, как это у меня вышло!

— Ты вот что сделай! — прокричал ей Конан. — Пусть они побегают кругом, пока у них ноги не откажут!

Раина послала две своих последних стрелы в неподвижную цель. Одна из ее стрел угодила прямо в глаз Трансформе, издавшей такой ужасный крик, что у Конана мурашки пошли по коже.

Изумрудный свет несколько померк. Источник его находился где-то за спинами Трансформ, и располагался он, скорее всего, в руках самого Эремиуса.

— Отходим назад! Сейчас они нападут на нас! — закричала Ильяна и понеслась с грациозностью оленихи вверх по склону.

В тот же миг Трансформы пришли в себя.

Конан бежал вверх, морщась от невыносимой вони и думая о том, какой смерти достоин Эремиус, породивший все это гнусное воинство. Он увидел двух Трансформ, бегущих ему наперерез. Уйти от них он уже не мог.

Первая Трансформа остановилась всего в паре шагов от него. Не дожидаясь ее броска, киммериец бросился на нее с кинжалом наперевес и сильнейшим ударом напрочь лишил ее лица. Чудище захрипело и повалилось на землю, размахивая своими страшными лапами. Конан

ударил его еще раз — на сей раз удар его пришелся в живот Трансформы.

За спиной его раздался топот второго чудовища. Конан перепрыгнул через поверженное тело и, отбежав далеко в сторону, оглянулся. Вторая Трансформа стояла на коленях рядом с первой. Она пыталась заткнуть ей рану, из которой фонтаном била кровь.

Спутников своих Конан сумел нагнать только через несколько минут. Бежавший рядом с ним Бора прокричал ему:

— Где-то здесь у них пещера! Здесь и вонь сильнее всего!

— Значит, и хозяева дома! — отозвался Конан. — Представляешь, какой они нам прием устроят! Наверное, и на обед пригласят!

— Так мы же и есть их обед! — засмеялся Масуф, бежавший немного в стороне.

— Вон она! — закричал Бора, указывая рукой на темный провал по правую руку от них. Конан не успел толком рассмотреть его, как вдруг изумрудный свет вновь вспыхнул с такой силой, что он почти перестал видеть. То, что он увидел потом, выглядело на удивление странно и страшно. Масуф неожиданно засветился изумрудным светом и понесся прямо на бегущих за ними Трансформ, в ужасе отхлынувших от склона. Настигнув одну из Трансформ, Масуф легко, словно дыiplенку, свернул ей шею, но тут — тут сила его ослабла, свет, излучаемый его телом, померк, сам же он стал прежним несчастным Масуфом... В следующее мгновение его уже рвали на части лапы и пасти Трансформ.

«За все это время Масуф не издал ни звука», — подумалось вдруг Конану.

— Конан! Конан, скорее сюда! — слышался из пещеры голос Бора.

Конан в два прыжка добрался до входа в пещеру, возле которого стояла босая Ильяна, зачем-то державшая в руках свои сапожки. Раина тоже была здесь, она закладывала вход в пещеру камнями.

— Зачем ты убила Масуфа? — проревел Конан.

— Я не понимаю тебя, Конан.

— Я спрашиваю, зачем ты убила Масуфа?

— Конан, поверь мне, не я убила его. Если я что-то и сказала ему, то это не имеет никакого значения!

— Если это сделала не ты, значит, в смерти его повинны эти проклятые Камни!

Ильяна охнула и неожиданно бросилась на грудь Конану.

— Прошу тебя, не надо! Поверь, я не желала Масуфу зла! Он пришел сюда за смертью, и он нашел ее!

С этим спорить было невозможно, да и времени на споры уже не было. Трансформы были совсем близко, некоторые из них все еще жевали плоть Масуфа...

Ильяна спокойно взирала на чудищ.

— Ну что ж, теперь оборону будете держать вы, а я займусь делом!

— И сколько времени тебе на это самое дело понадобится? — спросил Конан.

Ильяна сняла с себя тунуку и стала размахивать ею над головой.

— Смотри, Эремиус! — закричала она. — Смотри, но знай: твоим это тело не будет!

— Сколько времени тебе понадобится, Ильяна? — крикнул Конан. — Или ты уже не слышишь меня?

— И понятия не имею! — фыркнула Ильяна и поспешила в глубь пещеры.

Глава двадцать первая

Конан заложил входное отверстие еще одним камнем, поднять который вряд ли смогли бы и Трансформы. После этого он отступил назад, стряхнул пыль с ладоней и решил немного передохнуть.

От Камня Курага света было столько, что ему даже приходилось жмуриться. Ильяна, на руку которой было надето кольцо с Камнем, стояла шагах в сорока от него, они произносила заклинание на неведомом Конану языке. Теперь, когда началась ее дуэль с Эремиусом, этого мира для волшебницы уже не существовало.

Конан хотел было подойти к Раине, стоявшей неподалеку, но тут прямо перед его лицом просвистел увесистый камень. Конан вздрогнул и с изумлением воззрился на Бору.

Мальчик улыбнулся:

— Не заслоняй проход, не ровен час, враг появится.

— Ты бы хоть предупреждал...

— Капитан, на это у меня может не быть времени. Вы бы сами вели себя поосторожнее!

Конан рассмеялся. Мальчик был прав.

— Бора, ты лучше не спеши со вступлением в армию. Я и глазом моргнуть не успею, как ты командовать мною станешь!

— Да что вы, капитан! Горца они ни за что в командиры не определяют! — серьезно ответил Бора.

Они бы говорили еще долго, но тут раздался истошный крик Райны:

— Трансформы! Трансформы!

Эремиус чувствовал, что пот течет по нему ручьями. Суставы заняли с новой силой, но он совладал с болью и смог устоять на ногах. Почти все его оккультные силы были направлены на то, чтобы бороться с Ильяной. По-настоящему управлять Трансформами он уже не мог: достаточно было тем получить ранение или чего-то испугаться, как они тут же выходили из-под его контроля.

Происходило что-то по-настоящему странное. Неужели за эти десять лет Ильяна смогла стать настолько сильной? Нет, нет — этого быть просто не могло! К этому у нее никогда не было задатков!

Эремиус попытался ослабить боль в суставах концентрацией на силе, излучаемой Камнем. Это позволило ему выпрямиться и приступить к очередному заклинанию.

Он не дошел даже до его середины, как боль вспыхнула с новой силой. И только тогда Эремиус неожиданно понял то, чего ему не удавалось понять все эти годы, — он понял, почему ему не дано было победить Ильяну. С ним боролась не только она — с ним боролся и ее Камень, и причина у столь прочного союза могла быть только одна.

Впервые за много лет Эремиусу стало по-настоящему страшно.

Казалось, что бою этому конца не будет никогда. От напряжения и усталости у Конана и Райны уже начинало сводить мышцы, а Трансформы все шли и шли нескончаемым потоком.

Конан отер пот со лба и чертыхнулся. В узком проходе появились еще две Трансформы. Одна из них — та, из груди которой торчала стрела, — принялась крушить баррикаду, сложенную Райной и Конаном. Чудище ринулось на нее, и в тот же миг баррикада с грохотом обрушилась, подняв тяжелые клубы пыли.

И тут — тут погруженная в мистический транс Ильяна взлетела и легко коснулась рукой одной из Трансформ. В лицо Конану пахнуло смрадом и жаром, от Трансформы же остались только обугленные кости, от которых поднимался дымок.

Киммериец вспомнил вдруг, что за миг до того, как Ильяна взлетела, чудовище вцепилось своими страшными зубами ей в плечо. Он посмотрел на плечи Ильяны и почувствовал что-то сродни ужасу: на нежных белых плечах ее не было ни царапины!

Ильяна улыбнулась, словно прочитав его мысли.

— Сама я так не умею. Камни... — Конец последней фразы понять было невозможно. Ильяна внезапно посуровела и добавила: — Делать так часто я вряд ли смогу. И все же поддержать вашу атаку я сумею.

— Атаку? — изумился Конан.

— Чему ты удивляешься? Эремиус совсем недалеко. Если мы с Борой прикроем вас с тыла, вы сможете убить Эремиуса и забрать у него Камень. И тогда победа наша будет полной!

— О чем ты говоришь? Какая победа? Ты только посмотри на наши клинки — ими уже и масла не разрежешь!

Ильяна посмотрела на меч так, словно никогда прежде не видела оружия. Взор ее на миг затуманился, она развела руки в стороны, коснувшись кончиками пальцев клинков своих спутников, и застыла.

На глазах у изумленных Конана и Райны клинки их распрямились, лишившись при этом не только покрывавших их в изобилии зазубрин, но и царапин! Конан потрогал лезвие пальцем и поразился еще больше: таким острым оно не было еще никогда!

Эремиус мучительно силился понять, что же происходит в пещере. Трансформы не должны были гибнуть так быстро даже в том случае, если для борьбы с ними использовалась энергия Камня.

Теперь ему уже нужно было спасать самого себя — о чем-то ином до лучших времен можно было и не мечтать.

Киммериец и его спутница вышли из пещеры и направились в его сторону. Трансформы, тут же сообразившие, что враг нападает только на тех, кто оказывается у него на пути, стали с визгом разбегаться в стороны. Люди ступали важно, как боги...

Эремиус сорвал кольцо с Камнем с руки и бросил его наземь. Раздался мелодичный звон. Вместо того чтобы тут же затихнуть, он с каждым мгновением звучал все громче и громче.

Волшебник прижал ладони к ушам, дабы странный этот звон не помешал его концентрации. Если ему повезет — он разом покончит со всеми своими врагами; если нет — он разом потеряет все.

Конан и не предполагал, что он способен бегать так быстро. Теперь он боялся только одного: того, что не сможет совладать с собственными ногами, что несли его по дну долины, туда, где стоял над своим Камнем зажавший руками уши Эремиус.

Теперь от мага киммерийца отделяло всего несколько десятков шагов. Конан преодолел примерно половину этого расстояния, когда вдруг кольцо с Камнем взлетело в воздух. Но теперь оно уже не светилось, нет — теперь оно пело!

Заунывное, протяжное его пенье вызывало в сознании Конана престранные образы. Сначала он увидел себя в объятиях грудастой киммерийской бабы. Это видение тут же сменилось другим: в свете того же очага ему виднелись лица чумазных темноволосых сорванцов, как две капли воды похожих на него самого. Он учил их чему-то очень важному. Еще через миг он увидел себя уже седовласым, вершащим справедливый суд над теми, кто нарушил закон его деревни...

Все это могло принадлежать ему — для этого ему было достаточно встать к Камню спиной, забыть о Камне... об Эремиусе...

Конан замедлил шаги. Он предавал родную Киммерию, и от этого сердце его наполнялось смертной тоскою, неведомой ему прежде...

В сознание его вихрем ворвалась еще одна песнь —

песнь триумфа, которую пел Камень Ильяны. Новые образы закружили пред ним. Он видел себя предводителем огромного воинства, под ним был норовистый иранистанский жеребец, огромные северные звезды немо взирали на него... И еще видел он развалины древнего города, затерянного в пустынях, и гордых прекрасных амазонок, ищущих его любви...

Конан усилием воли изгнал из своего сознания все эти образы, заставив замолчать оба Камня. Они, а вместе с ними и их хозяева, хотели подкупить его. Но этого не удавалось еще никому, — он, Конан-киммериец, поступал так, как подсказывали ему долг и совесть — иных советчиков у него не было.

Убивать создателя Трансформ Конан не собирался, — такая смерть была бы для того не наказанием, но наградой. Конан поступил иначе. Он нанизал кольцо с Камнем на меч и поднял меч так, что кольцо съехало к рукояти.

Эремиус упал наземь, спрятав лицо в ладонях. Конан бросил на него взгляд, полный презрения, и, подняв меч над головой, побежал назад.

Глава двадцать вторая

Они прошли уже полпути, когда вдруг Ильяна упала, лишившись чувств. Конан приложил ухо к ее губам и почувствовал ее дыхание. Передав кольцо с Камнем Раине, которая тут же надела его себе на левую руку, он взвалил тело волшебницы себе на плечи и дальше уже поднимался вместе с нею.

— Капитан, позвольте мне пойти вперед и поискать путь попроще, — обратился к нему Бора. — Боюсь, что так вам этот подъем не осилить!

Откуда-то снизу послышались дикие нечеловеческие крики, полные боли и ужаса. В следующее мгновение их уже заглушил кошмарный рев Трансформ.

— Что это было? — дрожащим голосом спросил Бора.

— Я думаю, об Эремиусе мы больше не услышим, — отозвался Конан. — Готов биться об заклад, что им позавтракали его собственные воины, то бишь Трансформы. Бора поежился.

— Пращу свою далеко не убирай, — добавил Конан. — Луков у нас теперь уже нет.

— Да и мечи наши уже не те, что прежде, — задумчиво пробормотала Раина.

Конан удивленно посмотрел на нее.

— Что ты хочешь этим сказать?

— После всего того, что я за эти дни увидела, меня даже от ее волшебства тошнит! О Камнях же этих я и говорить не хочу!

Они выбрались на гребень и дальше шли уже по тропе. Преследовать их никто не пытался. Камни же, похоже, спали, ибо утомиться они должны были ничуть не меньше своей новой владелицы.

К тому времени, когда им стал виден Повелитель Ветров, Ильяна оправилась уже настолько, что могла идти и сама. Как и прежде, она была совершенно раздета, но теперь чувствовалось, что ночная прохлада ей уже не безразлична, — ее била крупная дрожь.

Бора понял, что теперь для согрева Ильяне нужна обычная человеческая одежда, и протянул ей свою куртку. Она закуталась в нее и, гордо подняв голову, изрекла:

— Мы благодарны тебе, мальчик.

Конан нахмурился и хотел было ответить на слова волшебницы грубой шуткой, однако в последний момент решил почему-то от нее воздержаться. Дальше они шли молча.

Бора шел, поражаясь про себя выносливости и стойкости своих спутников. Киммерийцу и Раине пришлось выдержать многочасовую схватку с Трансформами, Ильяне же все это время приходилось бороться с Эремиусом, что наверняка было ничуть не проще, — сейчас же все они шли как ни в чем не бывало по крутым горным тропам, не отставая от него ни на шаг.

На рассвете они уже находились неподалеку от того места, где были оставлены снаряжение и провиант. Конан внезапно поднял руку в предупредительном жесте.

— Всем спрятаться! Для начала я схожу туда в одиночку! — сказал киммериец так тихо, будто кто-то мог его подслушивать.

— Нам хотелось бы знать... — начала Ильяна, но Конан, нахмурившись, перебил ее:

— Всею свое время. Вам придется немного подождать.

Раина и Конан обменялись взглядами. Раина легонько толкнула свою госпожу в спину и повела ее к кустикам, росшим неподалеку.

Бора последовал за ними.

Отсутствие Конана совсем недолго. Вернулся он так же бесшумно, как и ушел, что для человека его размеров было совсем не просто.

— Там сидит шестеро воинов Эремиуса. Вооружены они пиками и мечами — луков, похоже, нет. Думаю, что серьезной опасности они не представляют.

— Вам бы только убивать! — фыркнула Ильяна.

Конан посмотрел на нее выразительно, но уже без прежнего удивления.

— Лучше скажите мне, госпожа, неужели вы собираетесь появиться в крепости в таком виде?

— В крепости? Что нам делать в крепости?

— Клянусь бородой Эрлика! Да как...

— Не богохульствуйте.

Даже заговори Ильяна по-стигийски, Конан не удивился бы больше.

Нахмурилась на сей раз и Раина.

— Простите нас, госпожа, — сказала она. — Мы думаем только о вашем здоровье!

— Очень мило с вашей стороны. Мы подумаем о вашем предложении.

Ильяна посмотрела в глаза Конану и едва заметно кивнула головой.

Она вела себя так, словно была королевой. Королевой, рядом с которой был и ее Избранник — ее Камень.

Не Камни — Камень!

Бора почесал голову и стал собирать в сумку голыши, готовясь к новому сражению.

Как Конан и ожидал, настоящего сопротивления противник оказать им не смог.

Не прошло и минуты, как повержены были пять воинов из шести.

Бора перевел взгляд на шестого, последнего воина и застыл от изумления:

— Якуб?!

Киммериец резко обернулся и изготовился ко встрече с противником.

— Доброе утро, Конан! — насмешливо приветствовал его Якуб. — Я не успел выучить этих людей всему тому, что я знаю сам. Но отомстить за них я смогу!

— Ты уверен в этом? — спросил Конан, возвращая свой меч в ножны. — Мне кажется, что нам лучше разойтись миром. Я слишком уважаю твоего отца, чтобы убивать тебя. Будем считать, что ссоры между нами не было.

— А как же мои люди?

— Твои люди? — презрительно усмехнулся Конан. — Эти создания, скорее, похожи на цепных псов! Кто они тебе, Якуб?

— Оскорбляя их, ты оскорбляешь меня!

— Ах ты, дерьмо поганое...

Бора стал снимать с пояса пращу, но тут же ему на плечо легла рука Раины. Другой рукой она выхватила у него пращу и спрятала ее за спину.

— Ты что? — возмутился мальчик. — Неужели ты на его стороне?

— Не позорь Конана, Бора. Якуб...

— Якуб обесчестил мою сестру! Он обесчестил весь наш род!

— Ты сможешь биться с ним один на один?

— Конечно, нет! — пожал плечами мальчик. — Он меня тут же нашинкует дольками.

— Вот и не лезь в это дело. У Конана с Якубом свои счеты. Якуб — сын капитана Хаджара. Если в Агра-пуре узнают о том, что мы видели его здесь, предателем объявят и самого Хаджара, что, несомненно, бросит тень и на Конана. Конан должен убить его хотя бы для того, чтобы спасти доброе имя своего командира.

— Ну а если поединок выиграет не он, а Якуб?

— Тогда его вызову я. Убирай свою пращу — иначе я ее на куски изрублю!

Бора рассвирепел и прошипел с неожиданной злобой:

— Шла бы ты, проститутка боссонская, в...

Звонкая пощечина вывела дуэлянтов из задумчивости. Поединок начался.

Впоследствии Бора признавался, что он хотел воспользоваться пращей не потому, что ему хотелось защитить

Конана, но потому, что он считал своим долгом отомстить человеку, запятнавшему честь его семьи.

О Конане в эту минуту он особенно не думал, хотя тому после ночи, проведенной в долине, было явно не до поединков. Якуб же, в отличие от него, в это утро был в прекрасной форме, что не просто уравнивало шансы противников, но даже обеспечивало ему, Якубу, известное преимущество, ибо фехтовал он ничуть не хуже Конана.

Поединок длился уже несколько минут, когда Иллъяна наконец соблаговолила взглянуть на дерущихся. Она тут же состроила гримаску и, отвернувшись, принялась рыться в сумках, доверху набитых ее нарядами. И тут поединок принял неожиданный оборот. Конан внезапно открылся, что могло стоить ему жизни, и, едва не выронив меч из руки, попытался подпрыгнуть под удар Якуба, направленный ему в голову. Этот маневр, едва не стоивший киммерийцу жизни, закончился для него удачно: теперь он стоял так близко к своему противнику, что тот при всем своем желании не смог бы воспользоваться против него мечом. Якуб хотел было отскочить назад, но Конан ловко подсек его, выбив при этом из его руки оружие. Рука Якуба потянулась было за кинжалом, но киммериец тут же наступил на ее запястье, одновременно приставив меч к горлу противника.

— Якуб, я понимаю, что ты остался в долгу у этих людей. Но должник не только ты, должник и я, — только я должен не им, а твоему отцу. Возвращаясь к нему и уходи вместе с ним в такую страну, где вас никто не знает.

— До такого поста, как сейчас, он уже никогда не дослужится, — прохрипел Якуб. — Ты слишком многого хочешь!

— Ты так считаешь? — тихо спросил Конан. Несмотря на утреннюю прохладу, пот тек по его лицу ручьями. Бора заметил вдруг, что киммериец серьезно ранен в левое плечо.

Якуб открыл рот и хотел ответить Конану, но вдруг тело его охватило ставшее уже за эти дни привычным зеленое сияние. Якуб завопил и выгнулся дугой.

Через мгновение тело его опало. Оно уже не светилось, изо рта же его сочилась струйка алой крови.

Бора развернулся, мысленно приготовившись к тому, что сейчас он встретится лицом к лицу с чем-то ужасным.

И каково же было его удивление, когда он увидел перед собой не монстра, но царственно восседающую на одеялах Илльяну. В руке она держала поблескивающий изумрудным светом Камень Курага.

Конан знал, что Илльяна объявила им войну. Точнее, не сама Илльяна, но Илльяна и Камни. Понять это было не просто, особенно после всего того, что им довелось пережить, сражаясь на одной стороне.

— Раина, дай-ка мне второй Камень,— обратилась волшебница к своей служанке.— Пришло время соединить их воедино.

Раина посмотрела на кольцо, надетое на ее руку, так, словно видела его впервые. Она сняла его и стала с интересом рассматривать зеленоватый камень, чем-то похожий на изумруд.

Конан стоял совершенно недвижно, боясь выдать себя неосторожным движением или словом. Он не знал, какими именно силами должны были одарить Илльяну, а вместе с нею и мир, Камни Курага, но это его и не интересовало. Он твердо знал только одно: если он не сможет уничтожить их сейчас, он не сделает этого никогда.

И тут у Раины не выдержали нервы — она швырнула кольцо вверх, надеясь на то, что, упав на скалы, Камень Курага непременно разобьется. Конан сделал немыслимый прыжок и успел подхватить кольцо прежде, чем оно упало на камни.

Теперь нельзя было терять ни минуты. Он смочил Камень кровью из раны и тут же швырнул его в ручей, шумевший в паре десятков шагов от того места, где он стоял сейчас.

Все произошло настолько быстро, что Илльяна не только не смогла помешать ему, но даже и не попыталась этого сделать.

Он вынул меч из ножен. Против той силы, которая стояла за Сокровищем Курага, бороться с мечом в руках было по меньшей мере нелепо. Но он понимал это и сам. Единственное, чего он теперь хотел,— так это достойно встретить смерть.

Конан почувствовал, что он погружается во что-то странно тягучее и холодное, в ледяной мед, сковывающий его движения и проникающий вовнутрь, обжигая холодом сердце...

Где-то совсем рядом хрипела Раина.

Ему вдруг захотелось лечь на землю. Он ляжет и немного полежит; Раина же — эта подлая, коварная предательница Раина — превратится в жалкую ледышку, а затем и вовсе сгинет. И тогда место Раины займет прекрасная мудрая Илльяна — страстная, любвеобильная Илльяна... От него не требуется ровным счетом ничего,— ничего, кроме одного,— он должен повиноваться своей королеве...

Как просто. Прямо-таки до смешного просто.

— Я тебя знаю,— прохрипел из последних сил Конан.— Я тебя знаю, как бы тебя ни звали. Но тебе меня ни за что не понять!

Он почувствовал, как к членам его возвращается жизнь. Чувство холода не исчезало, но тело вновь было послушно ему. Он направился к Раине, широко раскрытые глаза которой смотрели прямо на него. Та попыталась поднять руку, но тут же застонала от боли. Кто-то мстил им, и этим «кем-то» могли быть не только Камни, вернее, не одни только Камни.

— Бора! — закричал Конан что было сил, но крику этому так и не суждено было покинуть его уста — он замер, не успев прозвучать.

Конан почувствовал, как кто-то схватил его за горло мертвящей страшной хваткой. Он попытался разжать незримые пальцы этой страшной руки, уперев подбородок в грудь и напрягши мышцы шеи. Хватка от этого не ослабла. Конан почувствовал, что еще немного — и он задохнется...

И тут он вновь услышал шум ручья. Ему казалось, что он бредет против течения по ледяной горной реке, вода в которой доходит ему до груди... Напрягшись, он сумел совладать с течением и, взяв Раину за руку, потянул ее за собой. Внезапно сопротивление движению исчезло, а вместе с ним исчезло и ощущение холода. Теперь им — ему и Раине — было жарко. Они шли по дну пересохшего ручья, от которого поднимались густые клубы пара. Конану вспомнились вдруг слышанные им в детстве рассказы о вулканах.

— Бежим! — закричал он.

Раина попыталась выдернуть руку из его руки и посмотрела на него молящим взглядом. Она все еще хотела остаться со своей госпожой. Конан до боли сжал ей пальцы, надеясь, что боль сможет привести ее в чувство,

и потянул ее за собой на ближайший склон, круто ухотивший вверх. Невесть откуда появившийся Бора подхватил ее под другую руку, после чего она перестала сопротивляться.

Они перевалили через холм, перебежали еще одну долину и стали взбираться на высокую гору. Конан и сам не знал, куда они бегут, он отчетливо понимал, что не бежать нельзя.

Где-то за холмом раздалось громкое шипение, переросшее в свист. В небо поднялись клубы пара, подсвеченного зловещим изумрудным светом. И тут они услышали крик Ильяны — протяжный, исполненный страдания и боли крик...

В то же мгновение земля у них под ногами содрогнулась.

— Бежим к оврагу! — закричал Конан.

Уже через несколько секунд они лежали на дне глубокого оврага, глядя на поднимающийся в небо серо-зеленый столб дыма, в котором угадывались чудовищные формы, что тут же распадались, обращаясь во что-то не менее чудовищное, но и столь же эфемерное.

Невыносимый грохот, от которого, казалось, должен был рухнуть небесный свод, внезапно смолк. Установилась тишина, прерываемая время от времени звуком падающих сверху камней.

Один из таких камней, размером с голову человека, упал в паре шагов от Конана. Киммериец сокрушенно покачал головой и беззлобно ругнулся. Он посмотрел на своих спутников: Бора с интересом разглядывал столб дыма, Раина же горько плакала.

Глава двадцать третья

-Ис чем же вы остались? — поразился Мишрак. — Если не ошибаюсь, на троих у вас были один кинжал, одна праща и одни штаны, верно?

— Верно. Но нам помогли, — ответил Конан. — Вначале они, конечно, помогать нам не хотели...

— Кто это — они?

— Четыре бандита, — вмешалась в разговор Раина. —

Эти бандиты зачем-то взяли в плен пожилую женщину и ее дочь, бежавших из деревни, уничтоженной Трансформами.

— Вы их что — освободили?

— Разумеется. Бора и я подползли к их лагерю, Раина же забралась на соседний пригорок и немного покрасовалась на его вершине, после чего туда отправилась пара бандитов. Одного из них уложил Бора, второго убрал я. Третий бандит на счету Раины, умудрившейся двинуть его так, что уже не встал. Ну а четвертого — четвертого, если мне не изменяет память, порешила эта шустрая бабулька.

Рожи угрюмых телохранителей Мишрака растянулись в ухмылках.

— И что же было потом?

— Потом? Потом мы надели на себя их одежду и, прихватив их нехитрый скарб, отправились в крепость. По дороге нам встретились люди Хезаля, которые проводили нас до самой Заставы Земана. Вроде всё.

— Всё, да не совсем! — возразил Мишрак. — Насколько мне известно, вы покинули Заставу Земана в спешке, прихватив с собою некую девицу по имени Десса. Это так?

— Дело в том, что в крепости ожидали прибытия людей Ахмая. Памятуя о том, что было во время первой нашей встречи с ними, мы решили не пытаться судьбу и унести ноги прежде, чем нам их укоротят.

Мишрак кашлянул.

— Допустим, ты говоришь правду. Но где эта девица теперь?

— Как? Разве я не говорил вам об этом? Она у Пилы!

— У Пилы? Кстати, о Пиле. Это правда, что она купила ту таверну, в которой все это время работала?

— Этого я сказать вам не могу: чего не знаю — того не знаю!

— И знал бы, так ведь все равно бы мне не сказал! Кого-кого, а тебя, Конан, я насквозь вижу!

— Вы вправе говорить что угодно, но я на самом деле ничего об этом не слышал. Пила хранит свои секреты куда лучше нас с вами!

— Ну, ладно! — вздохнул Мишрак. — Слушать тебя, конечно, интересно, да вот только не все ты говоришь!

Конан вздрогнул от неожиданности.

— Как вы можете говорить это людям, которые только что едва не погибли, выполняя ваше поручение?

— На это у меня есть основания, Конан. Ты не хочешь рассказать мне о своей встрече с Якубом?

Конан вздрогнул вновь, вызвав тем самым смех Мишрака.

— Нет, нет! Ты только не подумай, что я волшебник! Просто порой я могу слышать и то, чего человек мне прямо не говорит. Не будь у меня этого таланта, я служил бы не здесь, а где-нибудь совсем в другом месте!

Обмануть Мишрака было действительно невозможно, и Конан решил быть откровенным до конца.

— Прежде чем Якуб погиб, я предлагал ему уйти из этой страны вместе с его отцом, капитаном Хаджаром. Но он ответил мне отказом.

— Как ты думаешь, а не может ли быть предателем и сам Хаджар?

— Будь он совершенно невинен, он не стал бы распространять эту сплетню о гибели сына.

— Тонкое замечание. Но ты не думаешь, что к этой мысли его мог подвести сам Якуб?

Конан растерялся.

У него начинало складываться впечатление, что Мишрак пытается найти подтверждение лояльности Хаджара царю и закону.

Но разве само по себе это не абсурдно?

Зачем тогда говорить о Хаджаре?

Пусть себе живет, как и жил.

Конан пожал плечами и буркнул:

— Не знаю.

На этом аудиенция была закончена. Мишрак поблагодарил их за труд на благо отечества, вручил им мешок с золотом и тут же куда-то исчез. Конан, которому все это уже порядком надоело, хотел было швырнуть мешок в фонтан, но Раина, зашипев, схватила его за руку и вывела в коридор.

— Если золото не нужно тебе, это не значит, что оно не нужно никому!

Конан, к этому времени уже забывший и думать о недавних обидах, возразил ей, сказав, что золото нужно всем.

Покинув Квартал Шорников, они направились к лучшей

гостинице Аграпура и сняли там номер с огромной широкой кроватью.

* * *

Конан и Раина провели вместе две ночи и день. Наутро второго дня Конан обнаружил, что в номере он остался один.

Ничуть не удивившись исчезновению северянки, он решил заняться делами насущными. Он отправил деньги Боре, Пиле, Дессе и Рафи, заказал себе новый меч и наконец посетил всех своих аграпурских друзей.

Раина, однако, так и не появлялась. Конан решил вернуться к занятиям с рекрутами, с тем чтобы хоть так развеять тоску, что день ото дня становилась все сильнее и сильнее.

И вот на восьмой день, под вечер, когда Конан со своим взводом ехал к казармам, он увидел Раину, ехавшую за богатым караваном.

— Раина! — вскричал киммериец, едва сдерживая себя от того, чтобы не заключить ее в объятия прямо на улице. — И куда это ты собралась?

— В Аквилонию, — улыбаясь, ответила ему северянка. — Если ты помнишь, в Боссонию мне возвращаться нельзя. Вот я и думаю попытать счастья у соседей. Если повезет, выйду замуж за какого-нибудь купца, нарожаю ему детей, займусь домом...

— За купца? Да ты, наверное, смеешься?

— Ничего подобного. Я уже десять лет в дороге. Хочется теперь и на одном месте пожить. По крайней мере, буду знать, где мои кости схоронят.

— Ну у тебя и заботы! — усмехнулся киммериец. — Что до меня, то мне ничего другого не надо, как...

— Знаю, знаю! — засмеялась Раина. — Я вот еще о чем вспомнила. Ты ничего не слышал о Хауме и Хаджаре?

— Ничего.

— Тогда слушай. Хаума лишен всех должностей в связи со слабым здоровьем. Где он сейчас находится, я не знаю. Хаджар же отправлен в Аквилонию как полномочный представитель царя Йалдиза. Он должен будет перенять у аквилонцев их ратный опыт. Говорят, что лучше них на свете воинов нет.

«Ай да Мишрак!» — подумал Конан. Мудрее поступить было просто невозможно. Как говорится, и волки сыты и овцы целы!

— Раина, а может быть, купец твой подождет?

— И сколько же ему придется ждать?

— Ну хотя бы пару недель.

Раина громко засмеялась и, чмокнув его в щеку, поспешила за караваном. Конан смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за поворотом.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНЯ СНЕГОВ

Дуглас Брайан

Песня Снегов. *Перевод Е. Хаецкой* 5

Диадема Богини. *Перевод Е. Хаецкой* 177

ВОЛШЕБНЫЕ КАМНИ КУРАГА

Роберт Говард, Л. Спрэг де Камп

Кинжалы Джезма. *Перевод А. Циммермана* 217

Роберт Говард, Роланд Грин

Волшебные Камни Курага. *Перевод А. Чеха* 311

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СЕВЕРО-ЗАПАД»

выходит цикл книг

о Конане из Киммерии

Литературно-художественное издание

КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Художник *Владислав Асадулин*

Форзац *Сергея Троицкого*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректор *Анна Быстрова*

Л.Р. № 030022 от 06.07.91 г.

Сдано в набор 31.03.93. Подписано в печать 11.10.93.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Тираж 100 000 экз.

Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04. Изд. № 169. Заказ № 113.

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий».

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Конан-варвар, впервые появившийся на страницах книг молодого американского писателя Роберта Говарда, оказался настолько живым и привлекательным литературным персонажем, что он не исчез со смертью своего создателя. Эстафету подхватили. Среди писавших о Конане — Спрэг де Камп, Лин Картер, Пол Андерсон и многие другие.

Писатели создают загадочный, зловещий неповторимый мир, мир под стать своему герою. Неожиданные события, непредсказуемые сюжетные повороты сменяют друг друга с такой стремительностью, что кажется ураган захватил воображение читателя и играет им по своей воле.

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

Роман/Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1992.—

638 с.

Далекая, загадочная горная страна Киммерия... Ледяной блеск гигантских каменных пиков, бездонные пропасти, узкие тропы. В этом мире, холодном, мрачном и жестоком, родился мальчик по имени Конан... Первый рассказ о герое-киммерийце вышел из-под пера американского фантаста Ро-

берта Говарда в начале 30-х годов. И вот уже не один десяток лет непобедимый Конан шествует из книги в книгу. Кто только не писал о нем: и авторы малоизвестные, и фантасты именитые, такие как Пол Андерсон, Л. Спрэг де Камп, Карл Вагнер. Всех их захватил образ отчаянного рубаки и неунывающего бродяги, сокрушителя злых чар и колдовства. «Конан и четыре стихии» — книга, открывающая большой сериал произведений о непобедимом Конане из Киммерии.

КОНАН И БОГИ ТЬМЫ

Романы, новеллы/Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 478 с.

«Конан и Боги тьмы» — вторая книга из знаменитой саги о Конане-варваре. Отважный киммериец с присущей ему прямоотой и отвагой вступает в бой с силами Тьмы. Он убивает вырвавшийся на свободу древний ужас Стигии — Бога из чаши; знакомится с пришельцем со звезд — Великим Иагой, существом с головой слона; путешествует по морю с командой бесстрашных контрабандистов. Читатель познакомится не только с невероятными приключениями Конана, но и с географией Хайборийского мира, с народами, населявшими давно уже исчезнувшие страны, с их темными культурами, жестокими обрядами и мрачными богами.

КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА

Романы, новеллы/Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 478 с.

Знаменитую сагу о Конане из Киммерии продолжает эта книга — «Конан и Меч Колдуна». В нее вошел роман Роберта Говарда и Эндрю Оффута «Меч Склоса», где каждая строчка — обжигающий смерч хайборийских пустынь, каждое слово — удар клинка.

Настоящее издание так же открывает читателям новое имя. Это — Дуглас Брайан, американский писатель-авангардист, который, как он сам впоследствии признавался, совершенно неожиданно для себя обратился к легендарному герою-варвару и написал четыре романа и цикл новелл о Конане. Книга «Конан и Меч Колдуна» знакомит читателя с первым романом Дугласа Брайана «Золото гномов» (1969). Удивительные похождения Конана в диких степях Востока, в стране Серых Обезьян написаны прекрасным языком, динамично и с присущим Д. Брайану неподражаемым юмором.

КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ

Романы, новеллы/Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 479 с.

Настоящее издание — четвертая книга из сериала о доблестном Конане-варваре. На этот раз сага повествует о приключениях Конана в далекой горной стране. Судьба свела Конана с девушкой по имени Элаши. Герой-киммериец и миловидная

уроженка горячих пустынь охотятся за магическим предметом — Талисманом Света. В этой опасной охоте Конан и Элаши сталкиваются с магом по прозвищу Нэг Ужасный и его порождениями — слепыми жрецами-зомби.

И вновь клинок отважного киммерийца прокладывает дорогу среди чудовищ и монстров, наемных убийц и фанатичных жрецов, вновь сокрушает силы Тьмы и Адских Пределов...

КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР

Романы, новеллы/Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 479 с.

«Конан и Повелители Пещер» — пятая книга из саги о Конане-варваре. Это продолжение романа «Конан бросает вызов». Читатель вновь встретится со знаменитыми героями — Конаном-киммерийцем, его подругой Элаши, монахами Суддах-Облата и другими.

Конан волею судьбы попадает в подземный мир, где становится участником грандиозного сражения подземных жителей — циклопов, гигантских червей, летучих мышей — против власти злого колдуна и бесноватой ведьмы...

Следующая книга цикла:

«КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА»